

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.
ДЕКАБРЬ.

Годъ седьмой.

ТОМЪ XXIII.

1888 годъ.

СОДЕРЖАЮЩЕ.

- I. Г. П. Галаганъ. (Неврологъ). О. Мищенко. (1—22).
- II. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія. Схоластическая наука на южно-русской почвѣ во второй половинѣ XVII вѣка. П. Яценцаго. (401—416).
- III. Аврамъ Езифовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады великаго княжества литовскаго. У. (Окончаніе). С. А. Берладскаго. (417—458).
- IV. Фатальная вдова. П. К. (459—477).
- V. Половинщикъ. (Бытов. разск.) Ганши Барвинокъ. (478—492).
- VI. Тарасъ изъ Ворохты. (Переводъ съ польскаго). VII—XI. К. М. (Окончаніе). (493—542).
- VII. Осада и взятіе Очакова (1788). А. Русова. (543—598).
- VIII. Критика. 1) Ив. Малышевскій. Варяги въ начальной исторіи христіанства въ Кіевѣ. Кіевъ. 1887 г. 2) С. Успенскій. Русь и Византія въ X вѣкѣ. Рѣчь произнесенная 11-го мая 1888 года въ торжественномъ собраніи Одесскаго Славянскаго благотворительнаго Общества въ память 900-лѣтняго юбилея ирещенія Руси. Одесса 1888 года. П. Голубовскаго. В. Поплавскій и А. Лященко. Повторительный курсъ Русской Исторіи (отъ Владиміра св. до іоанна IV). П. Голубовскаго. Прилукчина. Историческое и статистическое описаніе территоріи прилуцкаго уѣзда полтавской губерніи. Въ 2 хъ частяхъ. съ картой уѣзда и съ планомъ города. Составилъ В. А. Маценко. О. П. Д. И. Зварницкій. Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ. П. М. С. А. Венгеровъ. Критико-биографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ Г. Еще объ украинскихъ народныхъ разсказахъ на французскомъ языкѣ. П. К—аго. Бѣлорусскій сборникъ. Сказки. Собралъ Е. Р. Романовъ. Хр. Ямуржинскаго. (61—82).
- IX. Документъ, извѣстія и замѣтки. Пятидесятилѣтіе немировской гимназіи. П. Т. Къ исторіи открытія немировской гимназіи. В. Пауменка. Курскіе и орловскіе кудеяры. П. Доброгворскаго. Обезземеленные „вольные мастросы“ въ г. Никополѣ херсонской губерніи. П. П. Архирейскій подарокъ. А. Е. Изъ прошлой жизни. Д***. Изъ области народныхъ преданій, повѣрій и разсказовъ. Я. Павликаго. „Вояцна пѣсня“. Мирона. Замѣтка объ альбомѣ украинскихъ древностей И. А. Зарѣцкаго. Д. П. Багалія. Замѣтка о старыхъ и новыхъ „попалкахъ“. П. А. Лишинченка. (150—152).
- X. Для справокъ. (150—152).
- XI. Библиографическій листокъ. (33—62).
- XII. Объявленія (1—30).

- ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Г. П. Галагана и его facsimile.
2) Наказы малор. депутатамъ 1767 г.
3) Словарь книжной малорусской рѣчи. (Окончаніе).

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1888.

При этомъ не всѣмъ подписчикамъ расматривается объявленіе „Иллюстрированнаго Міра“. Въ нѣк. г.г. подписчиковъ, которые не получаютъ его, благодаритъ его главный конторъ „Наш. Міра“ въ С.-Петербургѣ.

Въ вышедшихъ 12 книжкахъ „Кіевской Старины“ 1888 года помѣщены слѣдующія статьи: Кіевъ въ 1766 г. **И. В. Лучицкаго**.— Грановщина. Эпизодъ изъ исторіи брацл. Украины. **В. Б. Антоновича**.— Ганна Моптовъ. Истор.-бытов. очеркъ изъ жизни вольнск. дворянства. **О. И. Левицкаго**.—Очеркъ литературной исторіи малорусск. нарѣчія въ XVII в. **П. И. Житецкаго**.—На рубежѣ. Романъ **Равиты**. Пер. съ пол. **К. М.**.—Протестъ слободской Украины противъ реформы 1765 г. **И. В. Теличенка**.—Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. **В. П. Науменка**.—Къ исторіи колонизаціи слободской Украины. **Н. И. Петрова**.—Экономическія замѣтки и матеріалы. **Г. Рудни въ Сѣверщинѣ П. С. Ефименка**.—Нелишнее слово о виршахъ. **Михайлогорскаго**.—Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій. **В. П. Горленка**.—Нѣжинская рада 1663 г. **А. А. Востокова**.—Последніе годы самоуправленія Кіева по магдебург. праву. **И. М. Каманина**.—Сочиненія **П. П. Артемовскаго-Гулака**. **А. А. Потєбни**.—Историч. очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южн. и зап. Россію Григоріанскій календарь. **Н. Ѳ. Сумцова**.—Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноап. князь Владиміръ и св. княг. Ольга и имѣемъ ли мы подлинныя ихъ изображенія. **П. Л.**.—О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжествъ принятія христіанск. вѣры при св. Владимірѣ. **П. Л.**.—Леонардъ Созвискій. **А. В. Сѣрка**.—Молотники (бытовой разсказъ). **Ганны Барвинокъ**.—Воспоминанія объ Архивѣ Гобударствъ. **Совѣта. А. В. Романовича Славатинскаго**.—Св. Владиміръ. Лѣтоп. сказъ. **П. Л.**.—Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра. **Х. П. Ящуржинскаго**.—Болгары и Хазары **П. В. Голубовскаго**.—Кіевляне и В. Хмельницкій. **И. М. Каманина**.—Передвиженіе южнорусск. населенія въ эпоху В. Хмельницкаго. **М. Ф. Владимірскаго-Буданова**.—Обозрѣніе предм. вел.-княж. эпохи въ музеѣ древностей и монѣтъ-кабинетѣ унив. св. Владиміра. **В. Б. Антоновича**.—Два предмета кіев. церк.-археол. музея. **Н. Бѣляшевскаго**.—Клады вел.-княж. эпохи въ Кіевѣ. **Его же**.—Памятникъ В. Хмельницкому. — „Бунтъ“ сквирскаго магистрата. **Н. О.**.—Порченія (бытовая повѣсть). **Юліи Левицкой-Пашенко**.—Архивы въ Галиціи **И. А. Линниченка**.—Очеркъ исторіи города Умань. **К. И. Тѣаго**.—Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. **Алексѣя Веселовскаго**.—Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. **И. Теличенка**.—Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады великаго княжества литовскаго. **С. А. Бершадскаго**.—Первые четыре года ссылки Шевченка. **Н. И. Стороженка**.—Слава Богу, для начала и это хорошо! **Мирона**.—Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства. **Л.**.—Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. **Александръ Я. Ефименко**.—Графиня Е. М. Румянцева. **И. П. Житецкаго**.—Станиславъ Орѣховскій. **Н. Ѳ. Сумцова**.—Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. **Вадея Р. Рильскаго**.—Матеріалы для исторіи гайдамачины.—Тарасъ изъ Ворохты. Переводъ съ польскаго. **К. М.**.—Люди старой Малороссіи. **Ал. М. Лазаревскаго**.—Къ пятидесятилѣтію со дня смерти **П. П. Котляревскаго**. **В. П. Науменка**.—Г. П. Галаганъ. (Некрологъ). **Ѳ. Г. Мищенко**.—Фатальная вдова. **П. К. Половищизъ** (бытов. разсказъ) **Ганны Барвинокъ**.—Осада и взятіе Очакова. **А. А. Русова**.

Въ отдѣлѣ критики помѣщены рецензіи: **В. Б. Антоновича**, **Д. П. Багалѣя**, **П. В. Голубовскаго**, **В. П. Горленка**, **Н. Ж.**, **Г. З.**, **М. За-**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ТОМЪ XIII.

ДЕКАБРЬ.

1888 Г.

КІЕВЪ.

Гипографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 28-го Ноября 1888 г.

Отъ редакціи историческаго журнала

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“.

Живѣе, чѣмъ гдѣ либо, необходимость южнорусскаго историческаго изданія чувствуется въ самой редакціи. За короткое сравнительно время въ нашемъ портфель собрано такое количество разнообразныхъ матеріаловъ, обнимающихъ всѣ стороны и эпохи историческаго бытія южной Руси, новые матеріалы прибываютъ въ редакцію съ такимъ постоянствомъ, что въ этомъ отношеніи дальнѣйшее существованіе нашего изданія можетъ почитаться прочно и вполне обеспеченнымъ. По мѣрѣ накопленія матеріала увеличивается число сотрудниковъ нашего изданія, своимъ дѣятельнымъ участіемъ ясно свидѣтельствующихъ о томъ, какое множество вопросовъ въ бытовой исторіи южнорусскаго края ждетъ подобающаго освѣщенія и разрѣшенія.

Съ особеннымъ удовольствіемъ редакція отмѣчаетъ тотъ фактъ, что на ея призывъ къ участию откликаются не только мѣстныя научныя и литературныя силы; на страницахъ нашего изданія появилось уже нѣсколько работъ, принадлежащихъ перу хорошо извѣстныхъ публикѣ столичныхъ литературныхъ дѣятелей.

Въ то же время никто яснѣе самой редакціи не видитъ и не сознаетъ недостатковъ изданія, неизбежныхъ во всякомъ подобномъ начинаніи и понятныхъ для каждаго, мало-мальски знакомаго съ условіями литературнаго изданія въ провинціи. Достаточно понимать эти условія, чтобы не слишкомъ строго судить насъ за наши невольныя ошибки. За то съ чистою совѣстью мы можемъ сказать, что съ нашей стороны приложено было и прилагается всяческое стараніе къ тому, чтобы улучшить

изданіе, по мѣрѣ возможности надлежаще удовлетворить читателей и, внимательно прислушиваясь къ голосу серьезной критики, устранить на будущее время замѣченные недостатки. Самый объемъ и составъ выпущенныхъ уже книжекъ, смѣемъ думать, достаточно свидѣтельствуеетъ, что старанія наши въ этомъ направленіи были не напрасны. Такъ, вмѣсто обѣщанныхъ 10—12 листовъ редація выпускала книжки журнала въ 16—22 листа и болѣе; что касается состава вышедшихъ двѣнадцати книжекъ, то о немъ можно судить по прилагаемому ниже списку напечатанныхъ статей:

Проф. В. В. Антоновича: Грановщина, эпиз. изъ ист. брацл. Украины и Обзорѣніе предметовъ вел.-княж. эпохи, хранящихся въ музеѣ древн. и мюнцъ-кабинетѣ унив. св. Владиміра. **Ганны Барвинокъ:** Молотники (бытов. разсказъ) и Половинщикъ (быт. разск.). **Проф. С. А. Бершадскаго:** Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земск. вел. кн. литовскаго. **Н. Ѡ. Вѣляшевскаго:** Два предмета кiev. церк.-археол. музея и Клады вел.-княж. эпохи въ Кіевѣ. **Проф. Алексѣя Ник. Веселовскаго:** Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. **Проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова:** Передвиженіе южнорусск. населенія въ эпоху Богд. Хмельницкаго. **А. А. Востокова:** Нѣжинская рада 1663 г. **Проф. П. В. Голубовскаго:** Болгары и хазары при Владимірѣ св. **В. П. Горленка:** Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій. **А. Я. Ефименко:** Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. **П. С. Ефименка:** Рудни въ Сѣверцинѣ. **И. П. Житецкаго:** Графиня Е. М. Румянцева. **П. И. Житецкаго:** Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. **П. К.** Фатальная вдова. **И. М. Каманина:** Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебург. праву и Кіевляне и Б. Хмельницкій. **П. Л.** Объ изображеніяхъ св. Владиміра и св. Ольги. О началѣ христіанства въ Кіевѣ. Св. Владиміръ (лѣтоп. сказан). **Л.:** Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства. **А. М. Лазаревскаго:** Люди старой Малороссіи. **О. И. Левицкаго:** Ганна Моптовтъ (ист.-быт. очеркъ изъ жизни волын. дворянства). **Ю. Г. Левицкой-Пашенко:** Порченая (бытов. повѣсть). **Проф. И. А. Линни**

ченка: Архивы въ Галиціи. **Проф. И. В. Лучицкаго:** Кіевъ въ 1766 г. Матеріалы для исторіи гайдамачины, съ пред. проф. **В. Б. Антоновича.** **Мирона:** Слава Богу, для начала и это хорошо (этюдь изъ жизни прикарпатскаго народа). **Михайлогорскаго:** Нелишнее слово о виршахъ. **Проф. О. Г. Мищенко:** Г. П. Галаганъ. **В. П. Науменка:** Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ и Къ пятидесятилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго. **Н. О.** „Бунтъ“ сквирскаго магистрата. Памятникъ Богдану Хмельницкому. **Проф. Н. И. Петрова:** Къ исторіи колонизаціи слободской Украины. **Проф. А. А. Потебни:** Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака. **Равиты:** На рубежѣ, истор. романъ. **Проф. А. В. Романовича-Славатинскаго:** Воспоминанія объ Архивѣ Госуд. Совѣта. **А. А. Русова:** Осада и взятіе Очакова. **О. Р. Рыльскаго:** Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. **А. В. Стороженка:** Леонардъ Совинскій. **Проф. Н. И. Стороженка:** Четыре первые года ссылки Шевченка. **Проф. Н. О. Сумцова:** Историческій очеркъ попытокъ ввести въ южную и западную Россію Григоріанскій календарь и Станиславъ Орѣховскій. **И. В. Теличенка:** Протестъ слободской Украины противъ реформы 1765 г. и Очеркъ исторіи кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. **Турчинскаго:** Тарась изъ Ворохты, повѣсть изъ быта гуцуловъ, пер. съ польск. **К. М. Х. Н. Ящуржинскаго:** Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра.

Сверхъ того помѣщено 54 рецензіи на вновь вышедшія книги, и 66 документовъ и замѣтокъ. Въ библиографическомъ листкѣ редація слѣдила, по возможности, за журнальными и газетными статьями, касающимися южн. Россіи. Въ приложеніяхъ были напечатаны: Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. Словарь книжной малорусской рѣчи, по рукописи XVII в. Слово Теофана Прокоповича. Дума о Б. Хмельницкомъ и Барабанѣ, съ нотами Н. В. Лисенка. Къ книгамъ были приложены слѣдующіе рисунки: Видъ запорожскаго храма въ Новомосковскѣ. Портретъ А. А. Перовскаго. Изображеніе св. Владиміра, по рис. художн. Васнецова. Памятникъ Б. Хмельницкому въ Кіевѣ, по

рис. В. Н. Николаева. Видъ храма, построеннаго П. Могилою изъ развалинъ Десятинной церкви. Портретъ проф. А. А. Котляревскаго. Портретъ Г. П. Галагана.

Кромѣ вышепоименованныхъ сотрудниковъ въ журналѣ въ текущемъ году принимали участіе: проф. Д. И. Багалъй, Н. Н. Бакай, проф. В. С. Иконниковъ, П. А. Кигицынъ, М. О. Комаровъ, А. М. Лазаревскій, проф. И. И. Малышевскій, И. И. Манжура, проф. А. И. Маркевичъ, графъ Г. А. Милорадовичъ, Н. В. Молчановскій, Ц. Г. Нейманъ, О. Д. Николайчикъ, И. П. Новицкій, Я. П. Новицкій, С. Р., А. А. Русовъ, Н. В. Стороженко, А. І. Степовичъ, А. Д. Твердохлѣбовъ, В. Н. Ястребовъ и др.

Въ январскую книжку 1889 г. войдутъ, между прочими, слѣдующія статьи. **М. Ч.** Воспоминанія. **А. А. Востокова:** Судъ и казнь Григорія Самойловича. **Н. О. Сумцова:** Культурныя переживанія. **Г. А. Мачтета:** Бѣлая Панна (изъ дѣтскихъ воспоминаній). **Дупулеску:** Русскія колоніи въ Добруджѣ.

Условія подписки на 1889 г.

Безъ доставки на годъ 8 р. 50 к., на полгода 5 р. Съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста Россіи на годъ 10 р., полгода 6 р. За границу на годъ 13 р., полгода 7 р. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ годового экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

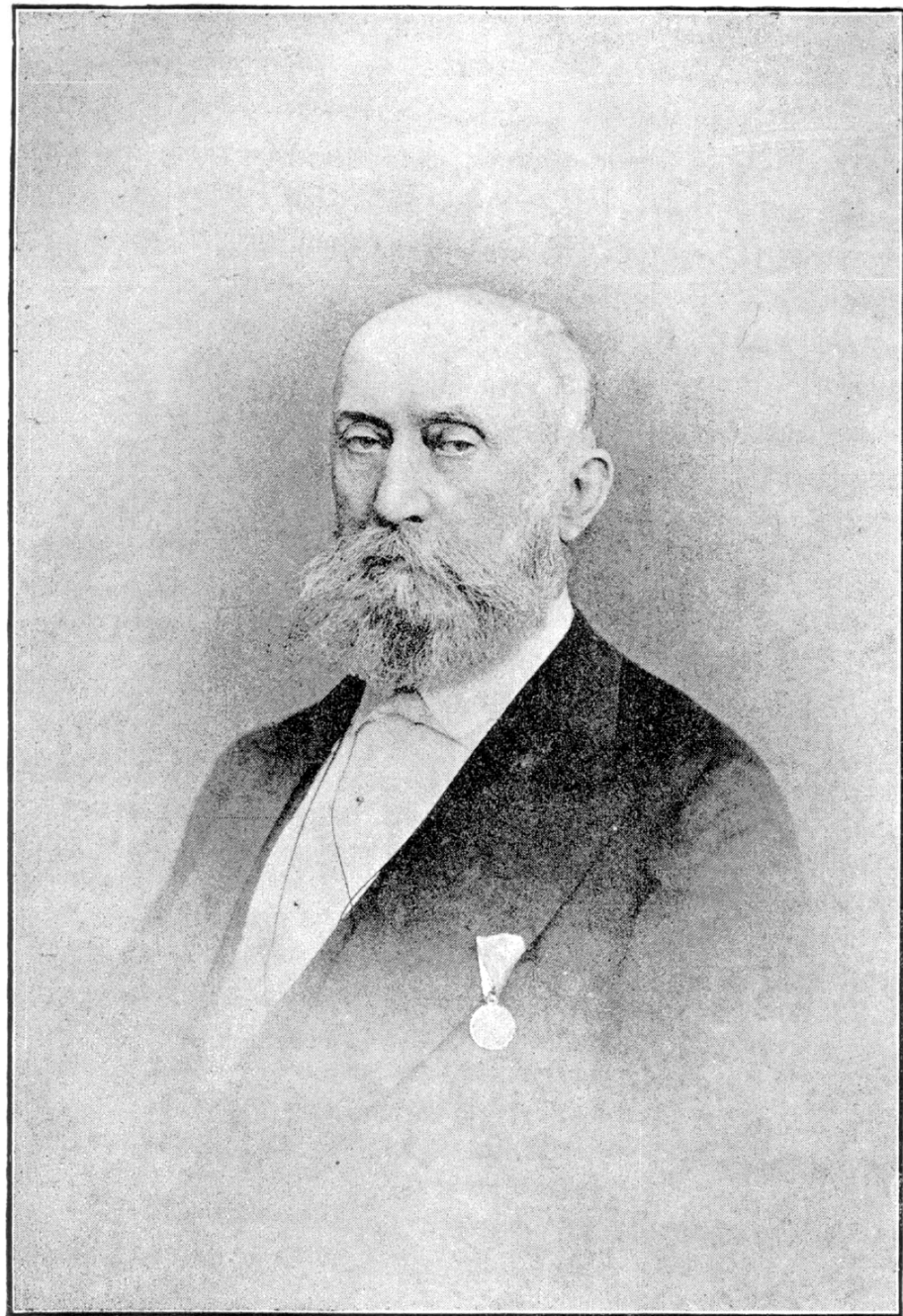
За перемѣну городскаго адреса на иногородній и обратно уплачивается 50 к. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 к. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны.

Подписка принимается въ г. Кіевѣ въ конторѣ редакціи, Театральная д. № 4 и въ книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Въ редакціи можно получать „Кіевскую Старину“ за 1883—87 гг. по 8 р. 50 к. безъ пересылки и по 10 р. съ пересылкой. При покупкѣ разомъ за всѣ годы дѣлается 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. продаются по 1 р. съ пересылкою.

Подписка на 1888 годъ продолжается.

Редакторъ-Издатель *А. С. Лашкевичъ.*

A. K. [unclear]

Г. П. ГАЛАГАНЪ.

15 АВГ. 1819 — 25 СЕНТ. 1888 Г.

(НЕКРОЛОГЪ)

Всеобъемлющая, критическая біографія Григорія Павловича Галагана принадлежитъ будущему. Лишь со временемъ станетъ возможнымъ подвести точные итоги всему, что внесено покойнымъ въ текущую жизнь русскаго общества, въ особенности его роднаго края. Въ настоящее время весьма трудно, если не совсѣмъ невозможно, анализировать съ надлежащею обстоятельностью общественную дѣятельность Григорія Павловича въ связи со всею совокупностью условій, въ коихъ суждено было ему дѣйствовать. Между тѣмъ только такимъ путемъ возможно было бы возстановить нравственный обликъ покойнаго во весь ростъ, въ его подлинномъ видѣ, со всѣми его достоинствами и слабостями, можно было бы опредѣлить безошибочно принадлежавшую ему долю личнаго почина и усилій, приложенныхъ къ проведенію въ жизнь той или другой мѣры, наконецъ съ подобающею правдою выяснить воздѣйствіе внѣшнихъ вліаній и препятствій, съ которыми нерѣдко приходилось считаться покойному, и которыя неизбѣжно отражались на практическомъ осуществленіи первоначальныхъ его намѣреній и желаній.

Наша задача гораздо скромнѣе. Мы хотѣли бы на основаніи извѣстныхъ намъ лично и добытыхъ изъ вѣрныхъ источни-

ковъ фактическихъ данныхъ установить наиболѣе выдающіяся черты въ характерѣ покойнаго и намѣтити важнѣйшіе моменты въ его общественномъ служеніи, дабы тѣмъ самымъ въ поученіе потомству показать, что было сдѣлано и что можетъ быть сдѣлано въ нашемъ обществѣ человекомъ высокаго соціальнаго и государственнаго положенія, располагающимъ большими матеріальными средствами, разъ онъ одушевленъ желаніемъ общественнаго блага, живо чувствуетъ нравственный долгъ передъ родиной, налагаемый на него тѣмъ же самымъ положеніемъ, не уклоняется отъ живаго дѣла на пользу общую, скорѣе ищетъ его и отъ времени до времени отдается ему всецѣло. Будущая оцѣнка Григорія Павловича не отдѣлима отъ характеристики нашего дворянскаго сословія, которому онъ принадлежалъ не по происхожденію только и начальному воспитанію, но и по многообразнымъ личнымъ и фамиліальнымъ связямъ, по вкусамъ и симпатіямъ. Но ему присущи были многія личныя достоинства, дѣлавшія его выдающимся представителемъ своего сословія, выводившія его симпатіи и жажду дѣятельности далеко за предѣлы ближайшей дворянской среды.

Покойный прожилъ почти семьдесятъ лѣтъ. За это время въ жизни русскаго общества совершились важныя коренныя перемѣны, и можно смѣло утверждать, что по степени участія въ поступательномъ движеніи нашего общества Григорію Павловичу принадлежала, говоря вообще, весьма дѣятельная и почетная роль.

При этомъ нельзя не замѣтить, что фамиліальныя и сословныя традиціи, обстановка дѣтства и юности покойнаго не содержали въ себѣ, можно сказать, ничего такого, что благопріятствовало бы воспитанію въ будущемъ дѣятелѣ интересовъ высшаго порядка, готовности и способности потрудиться безкорыстно и любовно до послѣднихъ дней жизни на пользу другихъ. Напротивъ, все, что извѣстно намъ о его воспитаніи, все, что самъ онъ говорилъ не разъ о той ранней порѣ своей жизни, не оставляетъ сомнѣнія

что Галагану необходимо было порвать съ непригляднымъ прошлымъ для того, чтобы дать достойное приложеніе добрымъ сторонамъ своей природы. Настоящею школою покойнаго были: уроки наставника его *Ө. В. Чижова*, самообразование и собственный житейскій опытъ, знакомство съ просвѣщеннѣйшими русскими людьми, принимавшими близко къ сердцу нужды народныхъ массъ, и наконецъ путешествія по западной Европѣ.

Тѣмъ не менѣе залогъ нравственнаго возрожденія, главнымъ виновникомъ котораго покойный всегда почиталъ *Чижова*, лежалъ въ собственныхъ личныхъ качествахъ *Григорія Павловича*.

По силѣ характера и нравственной выдержкѣ, по широтѣ образованія и неутолимой жаждѣ практической дѣятельности, *Ө. В. Чижовъ* принадлежалъ къ лучшимъ людямъ сороковыхъ годовъ т. н. славянофильскаго направленія. По спеціальности адъюнктъ математики петербургскаго университета, онъ готовлялъ *Григорія Павловича*, тогда еще шестнадцатилѣтняго юношу, къ поступленію въ тотъ же университетъ. Впослѣдствіи онъ часто проживалъ въ с. Сокиренцахъ, одномъ изъ родовыхъ имѣній *Галагановъ* въ прилуцкомъ уѣздѣ полтавской губерніи, сердечно полюбилъ своего питомца и сдружился съ нимъ. Но нѣжная привязанность къ юношѣ, окончившему курсъ юридическихъ наукъ въ петербургскомъ университетѣ на 21-мъ году жизни, не мѣшала наставнику высказываться по временамъ въ тонѣ безопаднаго осужденія въ своемъ питомцѣ того, что по его мнѣнію не согласовалось съ понятіемъ человѣческаго достоинства и оскорбляло нравственное чувство развитаго гуманнаго человѣка. Одно изъ писемъ *Чижова* къ художнику *А. А. Иванову*, отъ 12 окт. 1845 г., ясно свидѣтельствуетъ и объ искренней любви писавшаго къ двадцатилѣтнему молодому человѣку, и объ его умѣніи отличать природныя добрыя свойства въ питомцѣ отъ слабостей, привитыхъ окружающею средою, цѣнить по достоинству первыя и рѣзко обличать вторыя. „Прекрасная

природа его (Галагана) не уничтожилась, сердце его осталось чисто и благородно; но воля, воля“..., писалъ Чижевъ въ этомъ письмѣ. „Я объявилъ ему, что я его люблю и буду любить вѣчно; но что для сохраненія чистоты нравственной и для того, дабы не огрубѣли самые тонкіе оттѣнки чувства нравственнаго, я долженъ отъ него отвернуться“. Но наставникъ не отрекался отъ своего любимца, а любящій питомецъ памятовалъ сказанное отъ сердца слово наставника и привязывался къ Чижеву еще больше. Въ рѣчи И. С. Аксакова отъ 18 дек. 1877 г. мы находимъ между прочимъ такое мѣсто: „Сближеніе и тѣсная дружеская связь (Чижева) съ однимъ малороссійскимъ дворянскимъ семействомъ, не ослабѣвавшая потомъ ни разу въ теченіи всей его жизни до самой минуты смерти, послужили переворотомъ въ его судьбѣ. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ воспитаніи и образованіи молодаго представителя этой семьи и чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1840 г., оставивъ университетъ, поселился въ Малороссіи“ (Русск. Архивъ, 1878. I, стр. 132). Такой человекъ, какъ Чижевъ, можно сказать навѣрное, не взраститъ бы въ себѣ и не сохранилъ навсегда неизмѣнной привязанности къ питомцу, еслибы не находилъ въ душѣ его многообѣщавшихъ задатковъ лучшей, болѣе достойной жизни. Съ своей стороны и Г. П. всегда хранилъ о своемъ наставникѣ глубокую благодарную память, и люди, близко стоявшіе къ покойному, свидѣтельствуютъ, что во время тяжелой болѣзни, которая свела его въ могилу, онъ засыпалъ и просыпался съ мыслью о Чижевѣ, нерѣдко ночью чувствовалъ и видѣлъ Чижева возлѣ себя.

И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ дольше жилъ Григорій Павловичъ, тѣмъ больше совлекалъ онъ съ себя *ветхаго челоуька*, тѣмъ съ большимъ рвеніемъ отдавался общественному служенію, и только этого рода дѣятельность доставляла ему нравственное успокоеніе и утѣшеніе въ личныхъ невзгодахъ и физическихъ немощахъ послѣдняго времени. Фактъ этотъ служить

краснорѣчивымъ подтвержденіемъ того, что покойный обязанъ былъ своимъ нравственнымъ возрожденіемъ собственнымъ сознательнымъ усиліямъ и позднѣйшимъ вліяніямъ, а не унаслѣдованнымъ готовымъ привычкамъ или прирожденному благодущію.

Мы думаемъ, что главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Чиждова зародилась въ Григоріѣ Павловичѣ и та потребность широкой благотворительности на дѣло народнаго просвѣщенія по преимуществу, которая выразилась въ энергическомъ содѣйствіи его низшему и среднему образованію въ прилуцкомъ уѣздѣ, въ устроеніи ремесленнаго училища въ с. Дехтярахъ того же уѣзда, въ основаніи Коллегіи въ Кіевѣ и т. п. Къ тому же источнику слѣдуетъ относить отличавшее покойнаго глубокое уваженіе къ людямъ серьезнаго умственнаго труда независимо отъ соціальнаго положенія, какое занимали эти послѣдніе; съ подобными людьми покойный до послѣднихъ дней поддерживалъ самыя близкія отношенія. Отсюда же происходила всегдашняя готовность его оказывать матеріальную поддержку отдѣльнымъ молодымъ людямъ, ищущимъ образованія, или охранять ихъ отъ случайныхъ житейскихъ невгодъ. Во всѣхъ подобныхъ положеніяхъ покойный не страшился хлопотъ, съ охотою принималъ на себя заступничество и ходатайства передъ высшими учрежденіями и лицами.

Но вліяніе любящаго и строгаго наставника не ограничилось этимъ. Слѣдовъ его нельзя не видѣть и въ томъ, что покойный по своимъ общественнымъ убѣжденіямъ подходилъ наиболее къ славянофиламъ сороковыхъ годовъ и всегда находился въ сердечныхъ отношеніяхъ и съ ихъ эпигонами, въ частности съ И. С. Аксаковымъ, хотя далеко не во всемъ раздѣлялъ воззрѣнія этого послѣдняго на смыслъ и основныя задачи русской жизни. Личная и идейная близость къ народникамъ славянофиламъ поддерживала въ немъ интересъ къ мѣстной народной словесности и къ мѣстной этнографіи. По смерти его

остался объемистый сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, касающихся Малороссіи; въ 1857 г. онъ издалъ „Южнорускі пісьні з голосами“ (Кіевъ); свой разборъ „Черной Рады“ Кулиша М. А. Максимовичъ напечаталъ въ формѣ письма къ Галагану; первое время существованія юго-западнаго отдѣла Императорскаго Географическаго Общества онъ былъ предсѣдателемъ его и до конца дней состоялъ членомъ Кіевской Археографической Коммиссіи. Въ 1882 г. покойный помѣстилъ въ „Кіевской Старинѣ“ подробное описаніе малорусской вертепной драмы въ томъ видѣ, какъ она сохранилась въ с. Сокиренцахъ; къ „Кіев. Старинѣ“ онъ всегда относился съ полнымъ сочувствіемъ. Вообще Галаганъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ и начитаннѣйшихъ людей Малороссіи.

Вскорѣ по окончаніи университета Г. П. вступилъ на службу въ черниговскую палату государственныхъ имуществъ, гдѣ прослужилъ три года. Съ этого времени и до назначенія членомъ Государственнаго Совѣта покойный не занималъ какой-либо опредѣленной государственной должности въ тѣсномъ смыслѣ слова. Какovy бы ни были ближайшія причины этого воздержанія, но оно согласовалось съ правилами его наставника, должно было закрѣплять связи его съ родиной, обогащало его знаніями мѣстной жизни, которыя въ разное время его дѣятельности и послужили на пользу обществу.

Въ 1842 или 43 году Г. П. впервые выступаетъ на общественное поприще. По предложенію управляющаго черниговскою палатою государственныхъ имуществъ онъ взялъ на себя задачу изслѣдовать положеніе крестьянъ, пострадавшихъ вслѣдствіе неурожая, и роздать пособія хлѣбомъ и деньгами наиболѣе нуждающимся. Этотъ первый шагъ былъ какъ бы прообразомъ его дальнѣйшей общественной дѣятельности. Время отъ времени, каждый разъ съ полною готовностью, Г. П. откликался на призывъ общества или правительства для участія въ разрѣшеніи важныхъ практическихъ вопросовъ или для выясненія

условій, при которыхъ разрѣшеніе это могло быть наиболѣе дѣйствительнымъ и желательнымъ.

До половины 1858 г. Галаганъ исполнялъ обязанности предводителя дворянства борзенскаго уѣзда черниговской губерніи въ теченіе трехъ лѣтъ (1848—51) и состоялъ совѣстнымъ судьей черниговской губерніи (1851—54).

Цвѣтущая пора дѣятельности покойнаго начинается участіемъ его въ работахъ правительства и общества по освобожденію и устроенію крестьянъ. Съ открытіемъ „губернскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ“ онъ вмѣстѣ съ В. В. Тарновскимъ былъ назначенъ членомъ отъ правительства въ черниговскій комитетъ. Засѣданія комитета открылись 28 іюля 1858 г. и продолжались до 22 февраля слѣдующаго года. Предварительная работа состояла въ томъ, что каждый изъ членовъ комитета собиралъ необходимыя свѣдѣнія въ отведенномъ ему участіѣ. Къ 22 октября возвратились въ Черниговъ изъ своихъ уѣздовъ члены комитета съ запасомъ небывалыхъ еще въ Россіи свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ. Съ ранняго утра до поздняго вечера, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ работали члены комитета съ двумя комиссіями. Результатомъ этихъ работъ былъ „Проектъ Положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ черниговской губерніи“, имѣющійся у насъ подъ руками. Какая доля „Проекта“ и что именно принадлежитъ въ немъ Галагану, намъ не извѣстно. Выработавшій его комитетъ состоялъ изъ 33 членовъ. Намъ извѣстно только, что Галагану, какъ онъ самъ говорилъ о томъ, „часто приходилось не быть съ большинствомъ“. „Не разъ, можетъ быть, вы съ чувствомъ нѣкоторой досады или упрека видѣли вслѣдъ за моимъ именемъ на журнальныхъ постановленіяхъ слова: „остался при мнѣніи“, напоминалъ онъ своимъ товарищамъ уже по окончаніи трудовъ комитета.

Принимая во вниманіе тогдашнія личныя отношенія Григорія Павловича съ славянофилами и позднѣйшую дѣятельность его въ званіи вице-президента временной комиссіи по устройству быта крестьянъ, учрежденной при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ, мы склонны думать, что и въ черниговскомъ комитетѣ онъ шелъ дальше своихъ товарищей въ смыслѣ предначертаній высшей власти. На обѣдѣ, данномъ по закрытіи засѣданій комитета губернаторомъ Шабѣльскимъ, Галаганъ въ числѣ другихъ членовъ произнесъ рѣчь, заканчивавшуюся тостомъ: „За здоровье, счастье, благоденствіе и спокойствіе того класса народа, для котораго мы работали“.

Въ томъ же 1859 г., когда были учреждены редакціонныя комиссіи подъ предсѣдательствомъ Ростовцева, для приведенія въ порядокъ и систему работъ губернскихъ комитетовъ, Галаганъ въ числѣ немногихъ избранныхъ по волѣ Государя людей призванъ былъ въ члены эксперты этихъ комиссій при главномъ комитетѣ по крестьянскимъ дѣламъ. Послѣ изданія Положенія 19 февраля 1861 г., когда прежній черниговскій губернаторъ Шабѣльскій былъ замѣненъ кн. С. П. Голицынымъ, однимъ изъ членовъ редакціонныхъ комиссій, Г. П. Галаганъ опять былъ назначенъ въ числѣ двухъ членовъ отъ правительства въ черниговское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. И здѣсь Г. П. былъ главнымъ, если не единственнымъ помощникомъ кн. Голицына въ дѣлѣ проведенія той или другой мѣры въ видахъ безобиднаго разрѣшенія крестьянскаго дѣла, т. е. надѣленія крестьянъ землями, слѣдовавшими имъ на основаніи Положенія. Предсѣдатель присутствія всякій разъ могъ быть вполне увѣренъ, что Галаганъ не поступитъ интересами крестьянъ. Дѣятельность какъ его, такъ и прочихъ членовъ присутствія видна изъ журналовъ этого послѣдняго, которые всегда печатались и рассылались всѣмъ мировымъ посредникамъ. Всякій пойметъ, что относить на счетъ Галагана разнаго рода недостатки въ практическомъ осуществленіи Поло-

женія 19 февраля примѣнительно къ черниговской губерніи было бы большою несправедливостью.

Гораздо болѣе самостоятельная и отвѣтственная роль выпала на долю Галагана по устройству быта крестьянъ юго-западнаго края, когда по Высочайшему повелѣнію онъ былъ назначенъ вице-президентомъ упомянутой выше временной комиссіи при кievскомъ генераль-губернаторѣ (1863—65). Заслуга Григорія Павловича въ этомъ дѣлѣ тѣмъ значительнѣе, что президентъ этой комиссіи, тогдашній генераль-губернаторъ Н. Н. Анненковъ, мало сочувствовалъ ея задачамъ.

Крестьянское дѣло въ юго-западномъ краѣ находилось тогда въ слѣдующемъ положеніи: въ 1847 г. инвентарными правилами въ этомъ краѣ была Высочайшею властью установлена цѣлость и неприкосновенность надѣловъ крѣпостныхъ крестьянъ, а равно точно опредѣлены повинности тѣхъ же крестьянъ за пользованіе этими землями; наблюденіе за точнымъ исполненіемъ инвентарныхъ правилъ возложено на мѣстные административные органы. При выполненіи инвентарныхъ правилъ ограничились на мѣстахъ тѣми общими свѣдѣніями, какія давали сами помѣщики о размѣрѣ крестьянскихъ земель, безъ указанія границъ ихъ, съ пропусками отдѣльныхъ угодій, каковы сады, левады, находившіяся въ пользованіи у крестьянъ за отдѣльную повинность, и съ пропускомъ многихъ сервитутовъ. Отчасти допущенные пропуски, отчасти послѣдовавшія за этотъ промежутокъ времени перемены въ экономическомъ положеніи края, а главное неопредѣленное показаніе крестьянскаго землевладѣнія въ инвентарныхъ и отсутствіе на мѣстахъ правильнаго контроля,—все это давало возможность помѣщикамъ юго-западнаго края обходить законъ о цѣлости и неприкосновенности крестьянскихъ надѣловъ: надѣлы сокращались въ пользу экономическихъ зацашекъ или плантацій, переводились на другія менѣе удобныя мѣста, съ лишеніемъ при этомъ крестьянъ права пастбы при общемъ

сѣвооборотѣ, отдѣльныя угодія отбиралось окончательно у крестьянъ владѣльцами и т. п. Между тѣмъ повинности отбывались крестьянами тѣ же, ибо инвентарь устанавливалъ повинности не по десятинно, но по надѣльно, тогда какъ величина надѣла варьировалась въ одномъ и томъ же уѣздѣ между 2 и 8 десятинами.

Къ приведенію въ исполненіе положенія 19 февр. 1861 г. въ юго-западномъ краѣ призваны были мѣстные помѣщики, большею частью лица польскаго происхожденія, рассчитывавшія въ виду тогдашняго политическаго положенія воспользоваться крестьянскимъ дѣломъ для своихъ политическихъ цѣлей. И въ самомъ дѣлѣ, уставныя грамоты, составляемыя и представляемыя помѣщиками, утверждались съ явнымъ нарушеніемъ закона, жалобы крестьянъ возводились въ волненія, требующія присылки военныхъ командъ и пр. и пр.

Познакомившись съ крестьянскимъ дѣломъ въ краѣ и лично, и при помощи А. Θ. Воронина, вступившаго въ комиссію въ званіи члена отъ министерства финансовъ съ богатымъ запасомъ точныхъ знаній объ экономическомъ и соціальномъ положеніи края, опираясь на большинство комиссіи, Г. П. Галаганъ пришелъ къ убѣжденію, что ранѣе обращенія уставныхъ грамотъ въ выкупные акты необходимо произвести провѣрку ихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, дабы согласно Высочайшей волѣ подвергнута была выкупному акту вся земля, предназначенная какъ инвентаремъ, такъ и положеніемъ 19 февраля, по цѣнѣ, которая сообразовалась бы съ количествомъ рабочихъ дней, установленнымъ въ инвентарныхъ правилахъ 1847 г., а равно со степенью состоятельности крестьянъ, обеспечивавшею передъ правительствомъ правильное поступленіе выкупныхъ платежей. Мнѣнія Г. П., раздѣляемая большинствомъ комиссіи, но не предсѣдателемъ ея, были представлены въ главный комитетъ, приняты имъ почти безъ всякихъ измѣненій и удостоены Высочайшаго утвержденія.

Какъ видить читатель, на кievской комиссіи лежала трудная задача первостепенной государственной важности, и требовалась не заурядная энергія и настойчивость со стороны вице-президента ея для того, чтобы привести дѣло къ благополучному концу. Съ фактическими подробностями этой поучительной страницы въ исторіи крестьянскаго дѣла въ Россіи можно познакомиться изъ „Постановленій кievской временной комиссіи, учрежденной для исполнительныхъ распоряженій по Высочайшему указу 30 іюля 1863 г.“ Для напей цѣли достаточно воспроизвести замѣтку „Кievской Старины“ за нынѣшній годъ (іюль), приуроченую къ двадцатипятилѣтію выше упомянутаго указа. „Коммиссія проектировала опредѣленіе инвентарнаго надѣла не исключительно по показанію инвентарей, въ свое время составленныхъ одною только заинтересованною стороною и никѣмъ не провѣренныхъ, а по границамъ, разысканнымъ и опредѣленнымъ всякій разъ на мѣстѣ мировыми сѣздами. Далѣе, комиссія проектировала выкупъ крестьянскихъ садовъ и левадь, о которыхъ въ инвентаряхъ часто умалчивалось, а въ мѣстномъ положеніи не было ничего опредѣленнаго. Затѣмъ, стремясь къ тому, чтобы временно обязанные крестьяне, перейдя во разрядъ собственниковъ, не были стѣснены въ пользованіи своею собственною землею, комиссія проектировала воздержаться отъ обязательныхъ разверстаній, предоставивъ его, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, добровольному соглашенію между владѣльцами и крестьянами, а также приведеніе въ извѣстность и предоставленіе къ выкупу всѣхъ тѣхъ сорвикутовъ, въ томъ числѣ и выпаса скота на общихъ толокахъ, въ лѣсахъ и т. п., какими искони пользовались крестьяне. Наконецъ, имѣя въ виду, что многіе владѣльцы, измѣнивъ составъ инвентарнаго крестьянскаго надѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнили хозяйство въ своихъ имѣніяхъ настолько, что возвращеніе крестьянамъ инвентарнаго надѣла въ его границахъ уничтожало бы ихъ хозяйство, комиссія проектировала и въ этихъ случаяхъ способы удовлетво-

ренія крестьянъ за потерянный ими инвентарный надѣлъ, равно какъ и въ случаяхъ заключенныхъ выкупныхъ договоровъ до 30 іюля 1863 г. Въ вопросѣ о пониженіи выкупныхъ платежей комиссія проектировала размѣръ платежей, обусловленный не только качествомъ выкупаемаго надѣла, но и состоятельностью плательщиковъ, что составляло для правительства необходимую гарантію при выдачѣ имъ выкупныхъ ссудъ. Независимо отъ этого, подробною и обстоятельно составленною инструкціею крестьянскимъ мировымъ учрежденіямъ, комиссія преподала имъ цѣлую систему правильной повѣрки уставныхъ грамотъ прежде обращенія ихъ въ выкупные акты, инструкціею, настолько подробною и вмѣстѣ съ тѣмъ принаровленною къ условіямъ мѣстнаго крестьянскаго быта, что при обязательномъ руководствѣ ею крестьянскія учрежденія обязательно не обходили ни одного изъ вопросовъ, относившихся до обезпеченія быта крестьянъ. Къ работамъ этого рода комиссіи должны быть отнесены всѣ мелкія, но существенныя для дѣла, постановленія ея, разъяснявшія примѣненіе мѣстнаго положенія 19 февр. 1861 года при разъясненіи отдѣльныхъ случаевъ, возникавшихъ при повѣркахъ уставныхъ грамотъ, какъ то о рыбныхъ ловляхъ, водопояхъ, правѣ на отдѣльно растущія деревья и пр. и пр. Наконецъ, комиссія старалась ближе стать къ вновь образованнымъ въ силу указа 30 іюля 1863 г. крестьянскимъ учрежденіямъ, ознакомить составъ ихъ съ краемъ, въ большей части до того имъ незнакомымъ, съ условіями его экономическаго быта, согласить ихъ во взглядахъ на предстоящую имъ дѣятельность, чтобы провести ее съ необходимымъ для успѣха дѣла образіемъ“:

Какъ видитъ самъ читатель, Г. П. Галаганъ въ настоящемъ случаѣ выполнилъ съ достоинствомъ истиннаго государственнаго дѣятеля задачу улучшенія быта крестьянъ въ нашемъ краѣ, возложенную на него Высочайшею волею Царя-Освободителя.

И впоследствии не было, кажется, ни одного сколько нибудь важнаго государственнаго вопроса, имѣющаго прямое отношеніе къ судьбѣ крестьянъ всей Россіи или нашего края, въ которомъ Галаганъ не принималъ бы дѣятельнаго или руководящаго участія. Лѣтомъ 1881 г. онъ участвовалъ въ разработкѣ вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей; потомъ, когда поставлены были на очередь вопросы питейный и переселенческой, и правительство призвало къ совѣщанію свѣдущихъ людей, и въ этихъ совѣщаніяхъ Галаганъ занималъ видное мѣсто; въ совѣщаніяхъ по переселенческому вопросу покойный предсѣдательствовалъ. Наконецъ, въ бытность уже членомъ Государственнаго Совѣта Г. П. былъ членомъ комиссіи для разработки мѣстныхъ положеній и между прочимъ много потрудился и здѣсь, на мѣстѣ, и въ Петербургѣ въ засѣданіяхъ Совѣта надъ разрѣшеніемъ чиншеваго вопроса въ смыслѣ состоявшагося въ 1886 году правительственнаго положенія о чиншевикахъ.

Вообще значительная доля многосторонней и плодотворной дѣятельности Галагана находятся въ тѣснѣйшей связи съ реформами прошлаго царствованія, съ упроченіемъ и упрядоченіемъ созданныхъ этими реформами отношеній. Съ половины шестидесятыхъ годовъ дѣятельность его приурочивается главнымъ образомъ къ Прилукамъ и прилуцкому уѣзду.

Земскія учрежденія введены въ полтавской губ. въ 1865 г. Съ самаго начала и до конца Г. П. непрерывно участвовалъ въ земскомъ дѣлѣ, и нельзя назвать ни одного случая, когда покойный дѣйствовалъ бы въ ущербъ интересамъ крестьянства, когда онъ отступилъ бы назадъ отъ тѣхъ началъ, которыя защищалъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ или проводилъ въ жизнь въ кievской ревизіонной комиссіи. Напротивъ, шла рѣчь о тягости народныхъ повинностей, о неудовлетворительности народной медицины, покойнаго всегда озабачивала мысль о возможномъ облегченіи крестьянъ и улучшеніи ихъ быта. Съ

наибольшую ревностью отдавался онъ устройенію народнаго и средняго образованія въ уѣздѣ. Въ этой области результаты дѣятельности Галагана составляютъ настоящую эпоху, а приводимыя ниже собственныя слова его обличаютъ твердое убѣжденіе и ясное сознаніе цѣлесообразности общественныхъ усилій и жертвъ въ этомъ направленіи: „Въ эти послѣдніе годы въ жизни общественной произошло замѣтное движеніе впередъ“, говоритъ Галаганъ въ докладѣ училищнаго совѣта XII очередному прилуцкому уѣздному земскому собранію за 1876 г. „Нравственныя потребности принимаютъ новое направленіе, служащее неотъемлемою принадлежностью всякаго успѣха, и тѣ изъ этихъ потребностей, о которыхъ заявленія еще недавно казались преждевременными, сдѣлались нынѣ самыми насущными. Общественныя преобразованія настоящаго царствованія съ перваго ихъ введенія въ дѣйствіе потребовали уже немедленнаго распространенія грамотности и развитія правильныхъ понятій, какъ необходимаго условія для того, чтобы и самыя преобразованія могли достигнуть своей цѣли. Но огромная масса народа земледѣльческаго не могла скоро отрѣшиться отъ прежняго характера своей жизни, отъ вѣками установившихся понятій, неблагоприятныхъ успѣху образованія. Новый уставъ о воинской повинности далъ сильный толчекъ къ пробужденію въ народѣ потребности грамотности. Къ необходимости образованія, вообще весьма еще неясно сознаваемой въ массѣ земледѣльческаго населенія, присоединились очевидность прямыхъ выгодъ семейныхъ, матеріальныхъ и общественныхъ, и школа изъ дѣла просто хорошаго стала сразу дѣломъ самой насущной потребности. Всякія колебанія въ этомъ вопросѣ, всякія, еще недавно высказываемыя мнѣнія о томъ, что и въ дѣлѣ распространенія грамотности необходима постепенность и осторожность, уже не могутъ имѣть мѣста; они должны замѣниться однимъ всецѣлымъ и единодушнымъ стремленіемъ общества къ скорѣйшему распространенію въ народѣ грамотности, а вмѣстѣ съ нею правильнаго развитія понятій и возвышенія уровня об-

щественной нравственности. Не можетъ быть болѣе сомнѣнія и въ томъ, что всякое упущеніе, всякая потеря времени въ этомъ отношеніи можетъ нанести неизбѣжный вредъ всему обществу задержаніемъ правильнаго развитія въ дѣлѣ всѣхъ новыхъ преобразованій, и что съ другой стороны всякая затрата общественныхъ и частныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ на это дѣло есть затрата самая производительная по своимъ неисчислимымъ результатамъ“.

Съ 1874 по 1882 г. покойный Г. П. былъ предводителемъ дворянства и предсѣдателемъ училищнаго совѣта. Съ 1882 г., со времени назначенія членомъ Государственнаго Совѣта, по день смерти онъ оставался членомъ училищнаго совѣта и не переставалъ вліять на его дѣйствія до послѣднихъ дней жизни. По ознакомленіи съ дѣлами совѣта и съ положеніемъ народнаго образованія въ уѣздѣ, Г. П. въ 1876 г. составилъ подробный планъ дѣйствій училищнаго совѣта на будущее время и проектъ необходимыхъ измѣненій въ постановкѣ народнаго образованія для прилуцкаго уѣзда вообще. Докладъ былъ принятъ земскимъ собраніемъ, и до настоящаго времени дѣло это ведется въ томъ же направленіи, какое было дано ему Галаганомъ. По его настоянію прилуцкое земство значительно увеличило свой бюджетъ на народное образованіе; самъ онъ привлекъ сельскія общества къ пожертвованіямъ на это же дѣло, а равно и многихъ землевладѣльцевъ, предложивъ даровать имъ званіе попечителя; при немъ установлены раціональныя въ гигиеническомъ отношеніи правила для постройки зданій подъ училища съ пособіемъ отъ земства; увеличено содержаніе учителямъ, установлены правильные штаты и т. п. По словамъ г. Маценка, автора „Прилуکشчины“ (Ромны, 1888), „ютившіяся прежде въ жалкихъ, не приспособленныхъ къ назначенію избушкахъ, училища при немъ преобразовались въ роскошныя просторныя съ удобной мебелью зданія, какихъ нельзя встрѣтить ни въ одномъ изъ уѣздовъ полтавской губерніи.

Параллельно съ этимъ и самый бытъ сельскихъ учителей, ставшихъ получать аккуратно увеличенное содержаніе, неузнаваемо улучшился". Отсылая интересующихся за цифровыми данными къ сборникамъ постановленій прилуцкихъ земскихъ собраній за 1874 г. съ одной стороны, за 1878, 82 и 87 гг. съ другой, мы замѣтимъ только, что въ отношеніи числа учащихся и учебныхъ заведеній прилуцкій уѣздъ занимаетъ въ полтавской губ. первое мѣсто. Нельзя не добавить, что при постройкѣ училищъ поступали значительныя личныя пожертвованія отъ предсѣдателя училищнаго совѣта, особенно для училищъ въ Ичнѣ и во всѣхъ его родовыхъ имѣніяхъ.

Въ 1876 году, когда въ очередномъ губернскомъ земскомъ собраніи обсуждался вопросъ объ устройствѣ въ полтавской губерніи учительской семинаріи, Г. П. Галаганъ письменно заявилъ, что жертвуетъ на устройство какого-либо учебнаго заведенія принадлежащую ему усадьбу въ с. Дехтяряхъ прилуцкаго уѣзда, съ домою и флигелями, заключающими въ себѣ до 60 комнатъ, со службами, садомъ и огородомъ, пространствомъ около семнадцати десятинъ. Собраніе единогласно постановило выразить благодарность жертвователю, положившему такимъ образомъ начало существующему нынѣ ремесленному училищу въ с. Дехтяряхъ. Со времени открытія училища 29 октября 1878 г. и до самой смерти Г. П. состоялъ почетнымъ его попечителемъ, ближайшимъ образомъ участвовалъ въ дальнѣйшемъ преуспѣяніи его, а когда въ 1887 г. въ засѣданіи попечительнаго совѣта училища признано было необходимымъ открытіе при ремесленномъ училищѣ сельско-хозяйственнаго отдѣленія, для чего требовалось устройство сельско-хозяйственной фермы, Г. П. предложилъ уступить для этой цѣли землю изъ принадлежащихъ ему и прилегающихъ къ училищу земель дехтяревской экономіи. Болѣзнь и затѣмъ смерть Галагана пріостановили на время дальнѣйшее движеніе и завершеніе этого начинанія.

Однако заботы Галагана не ограничивались низшимъ образованіемъ. 24 сент. 1874 г., въ первый же годъ его предводительства, въ Прилукахъ открыта была четырехклассная прогимназія; 8 іюля 1878 г. прибавлено два класса, а 5 января 1882 г. шестиклассная прогимназія преобразована въ полную классическую гимназію. Женская восьмиклассная гимназія въ Прилукахъ открыта въ 1883 г. въ составѣ двухъ классовъ, въ слѣдующемъ году прибавлено еще два класса, въ 1885 г. одинъ классъ, пятый, въ 1886—87 три послѣднихъ класса. Открытіе и расширеніе этихъ учебныхъ заведеній сопряжены были съ перепискою, ходатайствами, разнаго рода хлопотами; значительную долю труда во всемъ этомъ принималъ на себя и ревностно выполнялъ Галаганъ. Со времени открытія прогимназіи въ Прилукахъ и до послѣднихъ дней покойный былъ почетнымъ попечителемъ сначала прогимназіи, а потомъ гимназіи; супруга его Екатерина Васильевна урожденная Кочубей, по настоящее время состоитъ почетной попечительницей женской прилуцкой гимназіи.

Въ благодарность за все сдѣланное Галаганомъ г. Прилуки исходатайствовали Высочайшее разрѣшеніе на постановку портрета его въ зданіи думы, а 17 января 1880 г. поднесъ ему дипломъ на званіе почетнаго гражданина Прилукъ. Признательность мѣстнаго общества къ просвѣтительной дѣятельности покойнаго свидѣтельствуется дарованными ему званіями: почетнаго блюстителя женскаго двухкласснаго училища, почетнаго попечителя дехтяревскаго земскаго ремесленнаго училища, двухкласснаго иченскаго и народныхъ училищъ: собиренецкаго, дехтяревскаго, гнилицскаго, лебединскаго, озерянскаго и др.

Нельзя пройти молчаніемъ и того, что съ открытіемъ судебно-мировыхъ учрежденій въ полтавской губ. въ 1869 г. Григорій Павловичъ избранъ былъ предсѣдателемъ перваго сѣзда мировыхъ судей въ Прилукахъ; званіе это оставалось за нимъ

до 1882 г., когда послѣдовало назначеніе его членомъ государственнаго совѣта.

Для крестьянскаго населенія прилудскаго уѣзда непрерываемую важность имѣеть дѣйствующее понынѣ сокиринецкое ссудо-сберегательное Товарищество Павла Галагана, разрѣшенное 26 октября 1871 г. и открывшее свои дѣйствія 20 января 1872 г. „По соглашеніи съ крестьянами собственниками села Сокиринець“, гласитъ предисловіе къ уставу Товарищества, „землевладѣлецъ Г. П. Галаганъ для успѣшнѣйшаго развитія благосостоянія сельскихъ жителей испросилъ законнымъ порядкомъ утвержденіе сельскаго ссудо-сберегательнаго товарищества въ с. Сокиринецяхъ“. Для открытія дѣйствій Товарищества покойный пожертвовалъ 3000 рубл. съ тѣмъ, чтобы причитающаяся на этотъ капиталъ часть прибыли была употребляема на разныя улучшенія въ общественномъ быту с. Сокиринець, какъ то: учрежденіе больницъ, богадѣлень, заведеніе инструментовъ и полное устройство пожарной части, преимущественно же на открытіе ремесленныхъ классовъ въ мѣстномъ училищѣ. Сверхъ денежнаго пожертвованія Г. П. подарилъ товариществу каменный домъ съ каменной кладовой и необходимой мебелью, съ желѣзнымъ сундукомъ и канцелярскими принадлежностями. Первоначально Товарищество открыто было только для крестьянъ собственниковъ с. Сокиринець, затѣмъ распространило свои дѣйствія на козаковъ и прочихъ обывателей Сокиринець, съ 1874 г. на всѣхъ жителей сокиринецкой волости, наконецъ съ 1877 г. также на волости иванковскую и сребрянскую. Въ развитіи операцій ссудо-сберегательнаго Товарищества покойный принималъ самое живое участіе. Между прочимъ въ 1874 г. онъ исхлопоталъ кредитъ сокиринецкому Товариществу отъ Государственнаго Банка на 5,000 р., увеличенный въ слѣдующемъ году по его же ходатайству до 15,000 р., въ 1881 до 20,000 и въ 1882 до 60,000 р. Какъ велика была потребность населенія въ подобномъ учрежденіи, видно изъ нижеслѣдующихъ цифръ: къ 1 январю

1873 г. Товарищество состояло изъ 70 членовъ и капиталовъ въ кассѣ Товарищества числилось 4,888 р. 10 коп. Къ 1 янв. текущаго года въ Товариществѣ насчитывалось уже 1092 члена, а капиталы его возросли до 159,433 р. 25 к.; къ 19 окт. того же года оборотъ кассы составлялъ по приходу 236,321 р. 81 к., по расходу 224,667 р. 69 коп.

Другимъ главнымъ мѣстомъ дѣятельности покойнаго былъ Кіевъ. Здѣсь любовь его къ общественному дѣлу, его участіе къ распространенію образованія находили себѣ наиболѣе яркое выраженіе въ отношеніи къ созданной имъ Коллегіи. Въ 1869 г. 27 апр. Григорія Павловича и супругу его постигло тяжелое семейное горе: они потеряли нѣжно любимаго единственнаго сына Павла на шестнадцатомъ году отъ роду. „Намъ оставалось одно изъ двухъ“, говорилъ Г. П.: „или предаться полной и безконечной печали, къ которой безъ сомнѣнія влекла душа, или, сжившись съ печалью, стремиться къ тому, чтобы нашъ бѣдный сынъ продолжалъ жить въ другихъ, въ своихъ ближнихъ и для своихъ ближнихъ. Мы избрали послѣднее, и съ этою цѣлью учреждена мною Коллегія Павла Галагана“.

Съ этого момента и неизмѣнно до послѣдняго дня жизни Г. П. относился къ Коллегіи, какъ къ своему любимѣйшему дѣтищу; въ каждомъ воспитанникѣ и въ каждомъ наставникѣ Коллегіи онъ какъ бы искалъ живаго воплощенія того, что когда то желалъ видѣть въ своемъ сынѣ и въ его наставникахъ. Въ учрежденіе и устроеніе Коллегіи покойный вкладывалъ не одни матеріальныя свои средства; она составляла какъ бы органическую часть всего существа его и неусыпныя заботы о ней, объ ея преуспѣяніи не покидали его никогда. Воспитанники были для него чѣмъ-то роднымъ, и его отношенія къ нимъ напоминали отношенія отца къ своимъ дѣтямъ; въ ихъ кругу онъ чувствовалъ себя, какъ въ родной семьѣ. Воспитатели и преподаватели Коллегіи были для него близкими товарищами, нужды которыхъ онъ старался удовлетворять возможно своевременнѣе и полнѣе.

Здѣсь не мѣсто и не время входить въ критическую оцѣнку устава Коллегіи и практическаго осуществленія его. Это—дѣло будущаго. Для характеристики отношеній учредителя и почетнаго попечителя къ Коллегіи мы считаемъ достаточнымъ сообщить нѣкоторыя цифровыя данныя. На содержаніе заведенія покойный пожертвовалъ до 8000 десятинъ земли въ губерніяхъ полтавской и черниговской, по тогдашней оцѣнкѣ на сумму 275 т. рубл., а также усадьбу съ двумя домами и нѣсколькими флигелями въ 200,000 рубл. Доходы съ имѣній и дома дали до 1 янв. текущаго года 356,000 рубл.; сверхъ этого покойнымъ израсходовано на Коллегію около 65,000 рублей, не вошедшихъ въ смѣты.

Коллегія Павла Галагана открыта 1 окт. 1871 г. въ составѣ 16 воспитанниковъ; съ того времени число воспитанниковъ колебалось между 48 и 67; степендіатовъ Павла Галагана въ этомъ числѣ было ежегодно 29—31. Всѣхъ поступившихъ въ Коллегію со времени открытія ея до 1 янв. 1888 г. насчитывается 286, причемъ на 156 своекоштныхъ приходилось 132 степендіата. Изъ окончившихъ курсъ 158 воспитанниковъ,—89 стипендіатовъ и 69 своекоштныхъ,—поступили въ университетъ 156 человѣкъ и 1 въ духовную академію. Изъ поступившихъ въ университетъ окончили курсъ къ 1 янв. 1888 г. около 70 человѣкъ.

Что бы ни говорили о тѣхъ или иныхъ несовершенствахъ Коллегіи Павла Галагана, какъ закрытаго учебнаго заведенія для мальчиковъ, вступающихъ въ юношескій возрастъ, о трудностяхъ задачи воспитателей и начальника привести въ гармонію и направить къ одной благой цѣли вкусы и наклонности мальчиковъ, до поступленія въ заведеніе сложившіеся въ различныхъ семейныхъ и общественныхъ условіяхъ, неоспоримыми остаются три нижеслѣдующихъ пункта. Во-первыхъ, учредитель Коллегіи въ видахъ преуспѣянія ея не останавливался ни передъ какими матеріальными жертвами; во-вторыхъ, съ самаго начала и до послѣднихъ дней онъ вкладывалъ въ нее часть души своей

и не жалѣлъ средствъ для постановки ея на подобающую высоту, какъ учебно-воспитательнаго учрежденія; въ третьихъ, Коллегія дала возможность получить образованіе чуть не полуторасти дѣтямъ несостоятельныхъ родителей, вооружила ихъ дѣйствительнѣйшими средствами для борьбы съ нуждою и приумножила нашу бѣдную силами интеллигенцію.

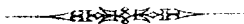
Что касается того идеала, осуществленія коего жаждалъ Галаганъ въ воспитанникахъ своей Коллегіи, то краснорѣчивыя указанія на это даетъ его отношеніе къ родному сыну. Не разъ по смерти сына можно было слышать отъ Григорія Павловича, что въ глазахъ нѣжно любимыхъ родителей составляло особенную нравственную прелесть безвременно умершаго юноши. Въ числѣ выдающихся достоинствъ сына Галаганъ отмѣчалъ непреодолимое влеченіе къ умственнымъ занятіямъ, сердечную доброту и активную любовь къ ближнему, презрѣніе къ щегольству, роскоши и излишнему комфорту, любовь къ своему краю и къ Россіи вообще.

Всякій, кто зналъ покойнаго Григорія Павловича и дѣла его на пользу роднаго края и цѣлаго русскаго государства, ясно понималъ, что въ сынѣ онъ видѣлъ то, въ чемъ больше всего полагалъ достоинство собственной жизни, что онъ желалъ передать сыну и развить въ немъ качества, присущія честному, доброму человѣку и полезному гражданину земли своей.

Еслибы въ заключеніе отъ насъ потребовали сжатой характеристики покойнаго, мы сказали бы по чистой совѣсти: Григорій Павловичъ, по рожденію, первоначальному воспитанію, фамильнымъ традиціямъ принадлежавшій дореформенной, крѣпостнической Россіи, воспиталъ въ себѣ на основѣ личныхъ качествъ своей природы ревностнаго общественнаго дѣятеля въ смыслѣ славныхъ реформъ прошлаго царствованія. Потребность живаго дѣла, угаснующую только съ его смертію, онъ носилъ въ самомъ себѣ; главнымъ стимуломъ къ проявленію этой потреб-

ности служило сознаніе многосложныхъ пуждъ родины; тяжелое семейное горе не парализовало, напротивъ усилило въ немъ жажду служенія обществу и народу, и онъ, откликаясь личнымъ трудомъ, щедрыми пожертвованіями, сердечнымъ участіемъ на разнообразнѣйшіе запросы жизни, какъ бы снѣшилъ создать достойный памятникъ себѣ и нѣжно любимому сыну.

Ө. Мищенко.

ОЧЕРКЪ

ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ МАЛУРУССКАГО НАРЪЧІЯ ВЪ ХVII В. ¹⁾.

(Окончаніе).

Схоластическая наука на южно-русской почвѣ во второй половинѣ ХVII вѣка.

Национальное самосознаніе въ эпоху „Руины“.—Положеніе посполитаго люда въ лѣвобережной Украинѣ.—Школа, какъ примиряющее начало въ вопросахъ внутренней жизни.—Всесловный характеръ кіево-могилянскон коллегіи.—Отраженіе народныхъ понятій въ южнорусской печати временъ „Руины“.

Въ началѣ изслѣдованія нашего мы поставили вопросъ: „удастся ли новому поколѣнію защитниковъ „бѣдной Руси“ сохранить свѣжесть народнаго чувства и не усвоить вмѣстѣ съ „латинскою наукою“ тѣхъ понятій, которыя чужды были народному духу?“

На этотъ вопросъ нельзя отвѣчать ни *да*, ни *нѣтъ* безъ оговорокъ.

Собственно говоря, идея народности въ современномъ значеніи этого слова была чужда старшему поколѣнію представителей южнорусскаго просвѣщенія, къ которому принадлежали Іоаннъ Вишенскій, Захарія Копыстенскій, Іовъ Борецкій. Только религиозная ревность побуждала нѣкоторыхъ представителей этого поколѣнія нисходить къ понятіямъ „простыхъ людей“, „для выrozumѣня“ которыхъ они рѣшались писать „простою мовою“. Только политическія соображенія наталкивали ихъ на мысль о народной массѣ, о „россійскомъ родѣ“, какъ говорили тогда. Въ религіи и политики эта самая масса была для нихъ темная книга, въ которой они не умѣли читать. Болѣе или менѣе проникнутые народнымъ настроеніемъ, они не чуждались

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1888 г., сентябрь.

народныхъ понятій и даже самого метода народной мысли, который съ особенною выразительностію выступаетъ въ народномъ языкѣ, но, безъ всякаго сомнѣнія, этотъ методъ не былъ для нихъ исходной точкой въ развитіи идей просвѣщенія. Черпали они эти идеи изъ того же схоластическаго источника, какъ и позднѣйшее поколѣніе малорусскихъ писателей, получившихъ образованіе въ кіево-могилянскои коллегіи. Правда, эти послѣдніе учились по латинскимъ книгамъ, тогда какъ писатели первой четверти XVII в. предпочитали греческія книги. Но и въ тѣхъ, и въ другихъ книгахъ царилъ одна и та же наука, съ однимъ и тѣмъ же методомъ оправданія готовыхъ истинъ, а не открытія новыхъ. Въ виду этихъ соображеній мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ недавно въ почтенныхъ трудахъ г. Сумцева, будто бы „въ южнорусскую науку вторглась чуждая ей римско-католическая схоластика, мало по малу заглушившая хорошіе всходы національной украинской письменности на греко-славянскихъ началахъ“¹⁾. Мы видѣли, что во второй половинѣ XVII в. украинская письменность выступила съ неменьшею сознательностію, какъ и въ греко-славянскую эпоху южнорусскаго просвѣщенія,—увидимъ въ послѣдствіи, что эта сознательность не исчезала во все продолженіе XVIII в.,—если же ослабѣвала иногда, то вовсе не подъ вліяніемъ римско-католической схоластики, которая въ XVIII в.—по крайней мѣрѣ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра—не представляла серьезной опасности для національнаго самосознанія. Безъ сомнѣнія, въ первой четверти XVII вѣка южнорусскіе люди не были еще такъ утомлены борьбой за свое существованіе, какъ въ печальную эпоху такъ называемой „Руины“. Современники Сагайдачнаго больше были воодушевлены вѣрой въ народное дѣло, чѣмъ современники П. Дорошенка. Самыя задачи политической жизни послѣ Андрусовскаго мира (1667 г.), послѣ раздѣленія Малороссіи между двумя государствами—московскимъ и польскимъ, сдѣлались сложнѣе. Будущее становилось все болѣе и болѣе загадочнымъ. Послѣ изнурительныхъ войнъ Богдана Хмельницкаго страна пужда-

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1885 г., апрѣль, 655.

лась въ продолжительномъ и прочномъ покое, чтобы сосчитать, какъ потери, такъ и выгоды свои отъ перенесенныхъ ею потрясеній, чтобы подвести итоги своему прошлому и собраться съ силами для новой жизни, для новыхъ испытаній. А между тѣмъ ей посылала судьба одни испытанія, но не покой. Ежеминутно мысль надъ ней гроза непріятельскихъ нашествій со всѣми ужасами грабежа и кровопролитія. Съ надеждой она обращала взоры свои на сѣверъ. Но оттуда вмѣстѣ съ войсками, которыя болѣе или менѣе охраняли лѣвобережную Украину отъ внѣшнихъ враговъ, приходили воеводы, приносяшіе съ собою новыя политическія понятія и необычныя порядки жизни. Возникали недоразумѣнія и смуты, которымъ, казалось, и конца не было. Являлись искатели приключеній, которые торговали совѣстью своею и счастьемъ родины своей. „Тогда умножишася въ Украинѣ, говоритъ позднѣйшій лѣтописецъ, дѣтство котораго прошло подъ впечатлѣніями „Руины“, найпервѣй въ значныхъ, потомъ и въ посполитихъ козакахъ, гнѣвы, несогласія, властолюбія, раздвоенія, измѣненія, рвенія, зависти, вражды, междоусобія съ кровопролитіемъ, и иная тимъ подобная злоключенія и непотребства“ 2). Въ такую эпоху трудно сохранить бодрость духа и вѣру въ собственныя силы. И однако же, мы все таки не скажемъ вмѣстѣ съ г. Сумцевымъ, что „по силѣ національнаго самосознанія южнорусскіе люди начала XVII вѣка стояли выше южнорусскихъ людей конца XVII вѣка“ 2). Самъ Сумцевъ прекрасно обрисовалъ *via desiderata* общественной жизни, которыя вовсе не двусмысленно высказывали малорусскіе писатели, принадлежавшіе къ кружку Лазаря Барановича 3). Глубоко огорчало ихъ отдѣленіе правобережной Украины отъ лѣвобережной:

Подолле плаче, рыдая,
 Волюнь стогне, вздыхая...
 О гордости, твое то дѣло,
 Иже отечество не цѣло! 4)

1) Лѣтопись Величка, II, 7.

2) І. Вишенскій, Сумцева. „Кіевская Старина“, апрѣль, 655.

3) Характеристика южнорусской литературы XVII вѣка, Сумцева. „Кіевская Старина“, 1885 г., январь, 11.

4) Южнорусскія лѣтописи, издан. Бѣлозерскимъ, 1856 г., 160.

Такъ горюетъ на развалинахъ отечества своего неизвѣстный намъ составитель плохихъ стиховъ подъ названіемъ „Ляментъ людей побожныхъ“. Писатели малорусскіе временъ „Руины“ сожгли корабли позади себя. Они на вѣки разстались съ Польшей, но, отдаваясь подъ крѣпкую руку московскихъ царей, они хотѣли бы сохранить единство и цѣлость своего отечества, съ независимою церковью, съ его старинными порядками и учрежденіями, основанными на выборномъ началѣ, которое одухотворяло всѣ формы жизни церковной, войсковой, городской и сельской. Соблюдая вѣжливость и угодливую предупредительность по отношенію къ Москвѣ, они мечтали о мирной жизни подъ покровительствомъ ея на основаніи *statu quo*, въ которомъ засталъ Малороссію моментъ присоединенія ея къ московскому государству. „Мы, выбивши изъ Украины Ляховъ, пишетъ Лазарь Барановичъ Алексѣю Михайловичу, доброхотне, православно суще, православному монарсѣ поддалися, хотячи на волностяхъ нашихъ козацкихъ древнихъ подъ православною монархою жити“¹⁾. Въ другихъ письмахъ своихъ онъ увѣряетъ царя, что козаки „обѣщались вѣрне царскому пресвѣтлому величеству служить, точію милости его просятъ, чтобы не было воеводы, и на волностяхъ, старому Хмельницкому наданихъ, чтобы жили“²⁾. „Свободою убо, ею же Христосъ насъ свободи, помазанниче Божій, пресвѣтлый царю, ихъ свободи, да стоятъ на свободѣ“³⁾. Въ письмахъ къ Симеону Полоцкому Лазарь Барановичъ впадаетъ въ лирическое изліяніе своихъ чувствъ по поводу храбрости козаковъ. Онъ не отрицаетъ угловатости въ натурѣ ихъ, сравниваетъ духовный чинъ среди козаковъ съ розами между терновникомъ, но, говоритъ онъ, „безъ этой колючести не было бы ничего добраго... Воеводъ отнюдь не хотятъ: для козака воевода—великая невзгода... А если это родное нашего украинскаго края, то чѣмъ его перекрестить? Покропить только освященною водою, и хотя онъ (козакъ) черенъ, записати въ бѣлую книгу,

¹⁾ Письма Л. Барановича, изд. 2-е, Черниговъ, 1865 г., 121.

²⁾ *Ibidem*, 59.

³⁾ Акты З. и Ю. Россіи, VII, 67.

не гнушаться на Украинѣ украинскими свитками“¹⁾). Вообще говоря, малорусскіе писатели второй половины XVII вѣка были мирные, благожелательные люди, которые не желали чужаго и не отказывались отъ своего. А чужое они знали не съ одной польской стороны, но и съ московской, поэтому они были богаче опытомъ жизни, чѣмъ представители греко-славянской эпохи южнорусскаго просвѣщенія. Можетъ быть, они уступали этимъ послѣднимъ въ цѣльности національнаго самосознанія, но никакъ не въ отчетливости и разносторонности его. Они чувствовали потребность сознать въ себѣ не только общія, родовыя особенности русской жизни, которыя не могли согласоваться съ условіями католическаго и шляхетскаго режима, но и видовыя черты мѣстной малорусской жизни, которыя не укладывались въ общественно-политическую норму, созданную московскимъ государствомъ. Питая къ главѣ государства безусловное уваженіе, они вовсе не желали превращенія Украины въ одно изъ воеводствъ великорусскаго типа.

Есть, однако же, одно темное пятно въ міровоззрѣніи писателей, о которыхъ мы говоримъ. По своему общественному положенію они принадлежали къ высшимъ рядамъ духовенства, которое владѣло „подданными“, не задумываясь надъ социальнымъ значеніемъ этого владѣнія, надъ противорѣчіемъ его съ завѣтными стремленіями народа, равнаго на себѣ пути крѣпостной неволи. Правда, суровая участь посполитыхъ, повидимому, смягчалась проповѣдію духовенства о милосердіи къ нимъ. Но хорошія слова имѣютъ силу только тогда, когда они сопровождаются высокимъ подвигомъ самоотверженія. А къ этому подвигу вовсе не располагали крѣпостные порядки, которые застала въ московскомъ государствѣ лѣвобережная Украина, только что вырвавшаяся изъ „ярма лядскаго“. Напротивъ того, въ московскомъ государствѣ положеніе крестьянъ было еще хуже, чѣмъ подъ „регентомъ“ козацкой старшины. При Алексѣѣ Михайловичѣ великорусскіе крестьяне постоянно перебѣгали „за рубежъ“ въ гетманщину: въ 1672 году великорусскіе помѣщики

¹⁾ Письма Л. Барановича, 53—54.

жаловались царю на малорусское духовное и свѣтское начальство и на козаковъ за укрывательство бѣглыхъ крестьянъ, въ особенности на Лазаря Барановича, у котораго поселилось всякихъ „прихожихъ людей“ больше пяти тысячъ,—„а выдачи, писали жалобщики, никому нѣтъ“¹⁾. Такимъ образомъ, въ новой политической обстановкѣ возобновлялись старые порядки, манившіе къ себѣ сословными удобствами привилегированнаго положенія, котораго начали добиваться люди, только что вырвавшіеся изъ „лядской неволи“.

Но далеко еще было то время, когда вполнѣ созрѣли плоды этихъ домогательствъ. На стражѣ народныхъ интересовъ стояла Запорожская сѣчь. Она глубоко чувствовала страданія родины: „непрестанно насъ тое мулило и долѣгало, писали Запорожцы къ гетману И. Самойловичу, что за невзгодою и неприянію обостронныхъ Днѣпра гетмановъ, приходило намъ пустую и мертвую Малую Россію, матку нашу, полними слезъ оглядати очима, и красніе жилища отцевъ и праотцевъ нашихъ зрѣти дивіемъ звѣромъ водвореніемъ“²⁾. Она стояла на сторонѣ московскаго царя, но въ то же время рѣзко порицала своекорыстную политику Самойловича, который враждой къ П. Дорошенку вызвалъ паденіе Чигирина: „если бысь, говорили они, не добывалъ его и не взялъ подъ свою власть зъ Дорошенкомъ, то и Турчинъ добывати его не приходилъ бы, а за часомъ, чрезъ розумніи медіаціи, могла бы и вся сегобочная Украина отъ власти турецкой и безъ такого кровопролитія подъ великую руку монархи православнаго зъ Дорошенкомъ приклонитися“³⁾. Такъ смотрѣли Запорожцы въ эпоху „Руины“ на политическое положеніе своей родины. Она была для нихъ дорогою матерью, страдавшею отъ междоусобія неразумныхъ дѣтей своихъ. Нельзя сказать, чтобы сами они были вполнѣ свободны отъ упрека въ этомъ неразуміи, но въ основныхъ стремленіяхъ своихъ они всегда ставили интересы *всей* Украины выше лич-

¹⁾ Акты Зап. и Юж. Р. IX. 857.

²⁾ Величко III, 468.

³⁾ Ibid. 470.

ныхъ счетовъ, которые обострились въ слѣдствіе насильственнаго раздвоенія Украины на двѣ половины. Особенно чутко они относились къ бѣдствіямъ *посполитаго* люда, безусловно отрицая всякую тѣнь крѣпостнаго права, какъ въ старой шляхетско-польской формѣ, осложненной религіозными гоненіями, такъ и въ подновленной формѣ—безъ всякой примѣси религіознаго угнетенія. Если бы страна поставлена была въ лучшія условія политической жизни, то не одни „козацкія вольности“ нашли бы въ ней своихъ защитниковъ, но и завѣтное стремленіе народа къ уравненію правъ посполитыхъ съ козаками, къ уничтоженію всякихъ поползновеній козацкой старшины къ крѣпостному насилію. Конечно, все это не могло бы произойти само собою, безъ борьбы и внутреннихъ потрясеній, но во второй половинѣ XVII в. козацкая старшина не успѣла еще сформироваться въ родовую знать, которая могла бы безъ всякой посторонней поддержки выдержать напоръ народныхъ стремленій. Она не успѣла еще забыть о своемъ происхожденіи: еще такъ недавно она стояла въ рядахъ посполитаго люда, дѣлила съ нимъ радости и горе жизни. Волны народнаго движенія вынесли ее на верхъ, поэтому она не могла не сохранить нѣкотораго уваженія къ самому этому движенію, къ самодѣтельному участию народа въ его собственной жизни.

Есть, наконецъ, еще одна выразительная особенность въ умственномъ строѣ той эпохи, о которой мы говоримъ, — особенность, которая могла вносить примиряющее начало въ спорные вопросы внутренней жизни. Мы разумѣемъ возбужденность мысли, затронутой просвѣщеніемъ, которое рано или поздно должно было привести къ выводамъ, болѣе благопріятнымъ для народныхъ массъ, чѣмъ крѣпостныя формы жизни, нѣсколько видоизмѣненныя въ лѣвобережной Украинѣ. И въ самомъ дѣлѣ, школа давно уже сдѣлалась потребностію малорусскаго населенія. Особенно дорожило оно кіево-могилянскою коллегіей, для которой наступили трудные дни по смерти Петра Могилы. Въ вихрѣ событій, послѣдовавшихъ вслѣдъ за возстаніемъ Богдана Хмельницкаго, коллегія не могла оставаться спокойнымъ пріютомъ для учащейся молодежи, которую манила жизнь съ ея

бурями и военными тревогами. Поэтому высшіе и средніе классы въ коллегіи опустѣли, — да и эти послѣдніе, послѣ козацкихъ неудачъ въ борьбѣ съ поляками, отразившихся на матеріальныхъ средствахъ коллегіи, тоже исчезли¹⁾, — и вотъ въ 1666 г. кіевскіе жители начали хлопотать о возобновленіи кіевскихъ школъ. Московское правительство не считало возможнымъ отвѣчать имъ на заявленіе объ этомъ рѣшительнымъ отказомъ. „Буде имъ, писали въ томъ же году изъ Москвы, противъ ихъ волностей не въ оскорбленіе будетъ, и тѣхъ бы школъ нынѣ не заводитъ“²⁾. Но такъ какъ „перевести тую старую школу, по мнѣнію кіевского воеводы Петра Шереметьева, некоторыми мѣры нельзѣ, потому что кіевскимъ жителямъ будетъ въ великое оскорбленіе“, то „великій государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ въ Кіевѣ школы заводити и людей въ нихъ учить кіевскихъ жителей“³⁾. Вопросъ о школахъ считался въ то время чрезвычайно важнымъ, поэтому онъ былъ предметомъ дипломатическихъ переговоровъ, какъ съ Москвой, такъ и съ Польшей. Въ инструкціи Петра Дорошенка, данной посламъ войска запорожскаго, которые отправлены были на сеймъ польскій въ 1670 г., говорится: „Академію въ Кіевѣ фундовати волно, въ которой грецкимъ, латинскимъ и рускимъ языкомъ учить Русь маеть... Другую также Академію въ Могилевѣ Бѣлорусскомъ, албо тутъ на Украинѣ... фундовати. Кгимназія, тежѣ школы, въ которыхъ бы по латынѣ учено, и друкарнѣ, колко ихъ потреба будетъ, абы безъ трудности становити было волно, и волно науки отпраовати, и книги всякіе друковати“⁴⁾.

Но существуетъ мнѣніе, высказанное болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, что „заведеніе въ Кіевѣ коллегіи не было потребностію народа, что объ этомъ заботилась только шляхта и высшее духовенство въ видахъ собственныхъ пользъ“, — поэтому коллегіа не имѣла ничего общаго съ народомъ⁵⁾.

¹⁾ Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіей, Аскоченскаго, I. 209.

²⁾ Акты Зап. и Юж. Россіи VI. 93.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Акты Зап. и Юж. Руси IX. 302—303.

⁵⁾ Представители кіевской учености, Пекарскаго, Отч. Зап. 1862 г. 391—392.

Намъ кажется это мнѣніе чрезвычайно рѣзкимъ. Нужно вспомнить только, что коллегія была всесословнымъ учрежденіемъ, въ которомъ учились дѣти духовенства вмѣстѣ съ дѣтьми козаковъ, мѣщанъ и даже посполитыхъ. Причина этой всесословности заключалась въ томъ, что всѣмъ одинаково дорого было „древнее благочестіе“, которое считалось тогда наиболѣе выразительнымъ признакомъ народности. Съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ верхніе слои южнорусскаго населенія переходили въ католичество, самыя сословія Южной Руси опредѣлялись не столько происхожденіемъ, сколько занятіями. Самымъ обыкновеннымъ явленіемъ было въ то время движеніе посполитыхъ въ мѣщане, а тѣхъ и другихъ въ козаки. Нерѣдко было и обратное передвиженіе по нисходящей линіи, часто невольное, иногда добровольное, особенно изъ козаковъ въ мѣщане,—лица же духовнаго званія выбирались изъ посполитыхъ, мѣщанъ и козаковъ, поэтому духовнаго сословія въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ теперь, вовсе не было не только въ XVII, но и въ XVIII в.¹⁾ Слѣдовательно, говорить о своекорыстныхъ сословныхъ цѣляхъ, которыя будто бы преслѣдовали люди, подобные Петру Могилѣ, именно—сподвижники и ближайшіе преемники его, во всякомъ случаѣ, неосновательно. Не таковы были эти труженики мысли, для которыхъ не было вопроса о томъ, кто долженъ учиться въ школахъ—званные или избранные. Они не могли себѣ представить даже, чтобы ученье было удѣломъ только имущихъ и знатныхъ людей,—тѣмъ болѣе, что и плоды ученія въ то время не всегда были сладки. „Не днѣвнѣса, читѣлникѣ“, говоритъ І. Галятовскій, заканчивая свой „Ключъ разумѣнія“, тѣмъ помысламъ, которыи са втѣмъ книзѣ знайдѣтъ, во тѣмъ книгѣ чакѣго часѣ рѣшилѣса, къ которѣмъ есаши емо оутѣкѣлѣи и на смѣть нежелѣи на книгѣ тѣю поглядѣлѣи. Ни еднѣногѣо илѣѣ покѣса плѣо нашо, но ко всѣмъ искрѣлѣше: вѣнѣ оудѣ вѣрѣни,

¹⁾ При Богданѣ Хмельницкомъ во главѣ козацкихъ движеній становились иногда священники („Кіев. Старина“, 1888 г., июль, 25). Бывали случаи, что одно и то же лице нѣсколько разъ смѣняло рясу на боевые доспѣхи (Лѣтопись Грабляки, 183).

кни́тры зъ сѣдѣ стѣрахи“¹⁾). Очевидно, представители южнорусскаго просвѣщенія трудились не въ „видахъ собственныхъ пользъ“, не для своихъ „власныхъ привать“, какъ говорили тогда, а для добра общаго. Они почерпали свое вдохновеніе не въ правительственной поддержкѣ, а въ сознаніи той нравственной пользы, которую они приносили народу.

Можно ли сказать, что это была мнимая польза?

Почти положительно отвѣчаетъ намъ на этотъ вопросъ г. Сумцевъ. „Наука во второй половинѣ XVII в., говоритъ онъ, была въ Южной Руси явленіемъ почти вполнѣ мертворожденнымъ и крайне далеко отстояла отъ жизни“²⁾. „Преподаваніе богословія приучало учениковъ къ ханжеству и виѣшней обрядности“³⁾. „Схоластическому богослову (южнорусскому) не было никакого дѣла до того, какъ народъ относится къ христіанскому вѣроученію съ своей національной точки зрѣнія, что внести и вносить въ него изъ своей національной жизни“⁴⁾. Говоря объ І. Галятовскомъ, г. Сумцевъ утверждаетъ, что „грозная и многознаменательная событія прошли мимо него, не затронувъ ни его ума, ни его чувства, засушенныхъ безжизненной школой“⁵⁾.

Намъ кажется, что это мнѣніе въ значительной степени навѣяно общей репутаціей схоластической науки, которая по всей справедливости не пользуется сочувствіемъ въ средѣ образованныхъ людей. Думаемъ такъ на томъ основаніи, что въ трудахъ самого г. Сумцева есть положенія не совсѣмъ согласныя съ тѣми, которыя мы привели выше. „Нѣтъ надобности, говоритъ онъ, доказывать, что идеалы Л. Барановича, Ин. Гизеля и І. Галятовскаго исходятъ изъ малорусской дѣйствительности; идеалы эти не разрываютъ съ нею связей, они только очищаютъ ее отъ недостатковъ и такимъ образомъ возводятъ на опредѣленную, во всякомъ случаѣ значительную по высотѣ степень внутренняго и виѣшняго совершенства“⁶⁾. Очевидно, вопросъ о

¹⁾ Ключъ разумнія, 253 обор.

²⁾ „Кіевская Старина“, 1884 г., апрѣль, 588.

³⁾ Ibid., январь, 6.

⁴⁾ Ib., 16.

⁵⁾ Ib., февраль, 199.

⁶⁾ „Кіевс. Старина“ 1885 г. январь, 14.

южнорусской наукѣ въ XVII в. вовсе не исчерпывается тѣмъ положеніемъ, что это была схоластическая наука, слѣдовательно, ей были свойственны *всѣ* особенности схоластическаго метода мысли. Это положеніе есть ничто иное, какъ готовая формула, снятая съ аналогическихъ явленій, имѣвшихъ мѣсто въ умственной жизни средневѣковой Европы. Какъ только мы сопоставляемъ эту формулу съ историческими данными, она во многихъ отношеніяхъ оказывается несостоятельной. Особенно сильно чувствуется несостоятельность ея въ трудахъ г. Сумцева, который не поспешилъ на историческія краски для того, чтобы представить южнорусское просвѣщеніе XVII в. въ его истинномъ видѣ. Къ сожалѣнію, уважаемый нами авторъ сходитъ иногда съ исторической почвы, ослабляя собственные свои выводы и положенія, добытыя путемъ непосредственнаго изученія малорусскихъ писателей въ связи съ исторической обстановкой жизни и дѣятельности ихъ. Такъ, напримѣръ, онъ смотритъ на Ин. Гизеля, какъ на человѣка, „проникнутаго евангельскимъ ученіемъ о любви къ ближнему“, какъ на писателя, который былъ защитникомъ христіанской жизни по духу, а не по формѣ¹⁾. Что же тутъ общаго съ „ханжествомъ и внѣшней обрядностью“, которая, какъ извѣстно, никогда не пользовалась въ южнорусской церкви значеніемъ господствующаго, всепоглощающаго начала ея жизни? Конечно, южнорусскіе іерархи заботились объ исправленіи церковныхъ обрядовъ, объ устраниніи изъ богослужебныхъ книгъ народныхъ суевѣрій²⁾, — но они никогда не забывали, что сущность православія заключается не въ однихъ церковныхъ обрядахъ, но и въ живомъ общеніи вѣрующихъ, безъ различія званій, сословій и состояній. Въ томъ собственно и заключается коренная особенность южнорусской церкви, что въ ней іерархія не была заражена идеей своей непогрѣшимости,

¹⁾ „Кіевс. Старина“ 1884 г. октябрь, 212.

²⁾ Въ богослужебныхъ книгахъ до Петра Могилы были молитвословія апокрифическаго и даже мифологическаго характера (молитвы о 12 пятницахъ, колядки). Голубева, П. Могила, 374. См. также „О поврежденіи церковной обрядности и религіозныхъ обычаевъ въ южнорусской митрополіи“ Е. Крыжановскаго. Руководство для сельскихъ пастырей, 1860 г.

что она сама привлекала мірянъ къ широкому участию въ дѣлахъ церкви, которое выражалось въ соборахъ и особенно въ братствахъ. Не могла она не прислушиваться къ голосу народа, хотя бы уже потому, что этотъ голосъ, по установившемуся обычаю, имѣлъ громадное вліяніе на замѣщеніе церковныхъ должностей. Вліяніе это постепенно ослабѣвало въ теченіе XVIII в., когда сельскія и городскія общества потеряли право выбора священниковъ. Этотъ народный строй южнорусской церкви выражался, между прочимъ, и въ самой обстановкѣ богослуженія: и теперь еще въ глухихъ мѣстностяхъ Малороссіи можно слышать церковные напѣвы, напоминающіе народную мелодію,—можно видѣть старинныя иконы съ изображеніемъ святыхъ рядомъ съ лицами мірянъ въ обыкновенныхъ костюмахъ¹⁾. Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ можно ли утверждать, что представители южнорусскаго просвѣщенія были равнодушны къ тому, „что внесъ и вноситъ народъ въ христіанское вѣроученіе изъ своей національной жизни?“ Можно ли сказать, что они стояли въ сторонѣ отъ этой жизни, какъ посторонніе зрители грозныхъ и многознаменательныхъ событій ея?

Предъ нами произведенія южнорусской печати временъ „Руины“. Остановимся на двухъ извѣстныхъ писателяхъ того времени—І. Галятовскомъ и А. Радивилловскомъ.

„Мілаа ѿ вѣдѣнаа мнѣ ѣсть члѣ прѣца“, говоритъ І. Галятовскій въ предисловіи къ сочиненію своему „Месіа прѣкеднѣй“. А совершилъ онъ ее „по тѣбднѣ ѿ некезпечнѣй дорѣгахъ (тѣздлчн), оуцірѣкѣ здорѣва ѿ шкѣды келікѣн понсѣлчн, и смѣрчн га ѿкѣрчннн не поѣднокрѣт сподѣкѣаючн“. Такъ не говорятъ люди, засушившіе свой умъ и сердце въ безжизненной школѣ.

¹⁾ Не далѣе какъ въ началѣ настоящаго вѣка (1814 г.) былъ составленъ планъ расписанія Спасскаго собора въ Черниговѣ: предполагалось изобразить всѣхъ черниговскихъ князей, начиная отъ Мстислава Ярославича, заложившаго храмъ въ 1031 г., а также черниговскихъ архіереевъ, начиная отъ Л. Барановича, всѣхъ русскихъ царей, начиная отъ Алексѣя Михайловича до Александра Павловича включительно, тмочисленное Наполеоново воинство, посрамленное русскимъ оружіемъ. Но предложенныя рисунки замѣнены другими (Черн. Епарх. Вѣдом. 1863 г., 283—290).

Глубокою скорбію звучала рѣчь ихъ, когда они касались бѣдствій родины. „Пришѣлъ до насъ, говоритъ въ одномъ изъ казаній своихъ А. Радивиловскій, мечъ гнѣвъ Бжѣгоу, а пришѣлъ не трѣзвыи, але бѣрзо пѣный... а оупнаса крѣки хрѣтіанскои“ („Огородокъ“, 1078). „Вѣснка поганскїи, говоритъ онъ въ другомъ казаньи своемъ, не едїнѣ к нїиш Россїйскои землїи цковъ, не едїнѣ менастѣръ, не едїнї мѣцнїи и до довыгѣлѣ трѣднїи градѣ з грѣнтѣ кывернулі... не одного о смѣть, то ѿ меча, то ѿ глѣда, то ѿ зїмна припѣкнїи“ (411). „О Бжѣ мой! восклицаетъ онъ въ третьемъ казаньи своемъ, такъ мнѣго е мѣтѣкъ, кѣторїи вїдѣчи снїи скѣи и дїєры к некѣлю трѣщїцкѣю и тѣтѣскѣю позакїрѣннїи, плачѣтъ“ (934). „Оувеслїи, обращается онъ къ Θεодосїю Печерскому въ четвертомъ казаньи своемъ, засмѣченїе срдца наши... знесїи порѣшенѣ погѣскїе, абыса погамскїи к запѣчкѣскїи скѣїи... зостлновїи печенїе крѣки хрѣтіанскои, абыса оужѣ бѣлшїи не алла ѿ меча погѣскогѣ... выдїши слѣзы з ѣчїи нашїи текѣчїи“ (313)¹⁾. Выписанныя нами строки достаточно доказываютъ, что *тронныя и многознаменательныя* событія до глубины души потрясали писателей, получившихъ образованіе свое въ кїево-могилянскои коллегїи. Нужно удивляться умственной производительности ихъ „к тѣмъ жаловнїи а прѣке нецѣслнїи часїи“ (381). Утѣшали они себя мыслію о лучшихъ временахъ, когда подъ властію единовѣрнаго Монарха „никѣго не вѣдѣтъ выгонѣти зѣ отчїзны, зѣ маїтностїи, нзѣ домѣвъ, за вѣрѣ хрїстїанскѣю“ (Ключъ, 35),—когда славянскїе народы соединятся въ одну дружную семью для борьбы съ магометанствомъ, стариннымъ врагомъ хрїстіанства (Лебедь съ перїемъ своимъ)²⁾, когда внутри страны еврей не будутъ „на подѣтки, на чїншїи панѣмъ, грѣшн хрїстїанскїи дакѣти, и тѣми грѣшнїи рѣзнымъ товѣры на армаркѣ совѣ кѣпокѣти, мѣстѣ, еїла, мѣгѣ и арѣнды закѣповѣти, и шѣты совѣ дорогїи спѣсковѣти“ (Мессїя Праведный, 398). Въ такой политической обстановкѣ представляетъ І. Галятовскїи бу-

¹⁾ (См. также „Огородокъ“ стр. 294, 389, 425, 456, 514, 534, 535, 550, 554, 717, 726, 784, 816, 909, 922, 927, 965, 966, 975, 1074.

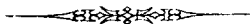
²⁾ Костомарова, Рус. исторїя въ жизнеописанїяхъ. Отд. II. 367—368.

дущее родины своей. Обращаясь къ настоящему, рисуеъ намъ онъ идеальныя черты человѣка своего времени. Онъ подсказываетъ проповѣднику, который хочетъ сказать надгробное слово,— „дѣлами оучинки оумѣрлого члвѣка“, если этотъ человѣкъ „великинъ працы и труды для церкви Божой и для ѡтчизны подымовалъ“, если онъ „былъ милосердный на людей оубогихъ, наклады на церкви, на монастыри, на шпиталы“, если онъ „примокалъ къ домамъ сконъ гостей, приходнекъ, пелгрымскъ, кыкѡповалъ неволникскъ з неволѣ поганскон“ (Наука 24). Нельзя сказать, чтобы въ этихъ „благихъ пожеланіяхъ“ звучала нота рѣшительная, которая давала бы намъ знать, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ творческой силы и таланта, съ вдохновеннымъ писателемъ, способнымъ увлечь за собою народныя массы. Галатовскій былъ человѣкъ средней силы, не созданный для обновленія жизни посредствомъ великихъ идей. Онъ раздѣлялъ многіе предразсудки своихъ современниковъ и, между прочимъ, ихъ нетерпимость по отношенію къ иновѣрцамъ, ихъ недомыслие по разнымъ вопросамъ внутренней жизни. Наконецъ, въ его воззрѣніяхъ, дѣйствительно, не мало есть схоластической примѣси, которая нерѣдко ставила его въ противорѣчіе съ самимъ собою. Такъ, напримѣръ, въ одномъ казаньи своемъ, разсуждая о „трехъ станахъ“—посполитомъ, панскомъ и духовномъ, онъ утверждаетъ, что первый станъ предназначенъ служить панамъ и духовенству (Каз. 213),—а въ другихъ казаньяхъ онъ напоминаетъ своимъ слушателямъ, что „все христіане—богачин и оубогин, паны и слуги, потентаточе и неволники сѣтъ нашими ближними и братією нашою“ (Каз. 207),—что „люде пышніи, котѡрынъ тѣперъ не хотѣтъ товаришничиса зъ людьми оубогими“, а также люди, „котѡрѣ члвѣкъ грѣшиты, плацы и дворы отнимѡютъ и собѣ прострѣнноє, а людемъ тѣсноє мѣсце чинѡтъ... вѣдѡтъ мѣстѣ токарнство зъ дѣлоками, вѣдѡтъ къ пѣкль, іакъ къ скрѣпѣ желѣзной тѣсною замкнѣни на кѣки“ (Каз. 58—59). Не могъ не знать Галатовскій, что въ его время многіе становились „панамъ и потентатами“ путемъ захвата чужой собственности, поэтому разсужденіе его объ отношеніяхъ посполитыхъ къ панамъ и духовенству есть ничто иное, какъ схоластическое пустословіе, поддерживаемое

страстью ко всякаго рода риторическимъ „прикладамъ и подобиствамъ“. Безъ сомнѣнiя, эта риторика состояла въ нѣкоторомъ знакомствѣ съ старымъ грѣхомъ *панскихъ* и *потентатскихъ* преданiй, унаслѣдованныхъ отъ Польши и не смытыхъ потоками крови въ бурную эпоху войнъ Богдана Хмельницкаго. Но мы были бы неправы, если бы ничего другаго не видѣли въ ней, кромѣ этого грѣха. Не онъ породилъ на свѣтъ южно-русское просвѣщенiе XVII в., не въ немъ оно находило свою силу и поддержку. Появилось оно исторически, какъ потребность угнетенной народной массы сознать себя народомъ съ историческимъ правомъ существованiя среди другихъ народовъ,—развивалось оно на почвѣ русскаго самосознанiя, отмѣченнаго индивидуальными признаками мѣстной жизни съ ея старорусскими преданiями, не возбранявшими народу принимать участiе въ его собственной судьбѣ. Символомъ этого самосознанiя была „благочестивая вѣра“, для защиты которой призвана была схоластическая наука. Въ Южную Русь эта наука перешла не въ чистомъ ея видѣ, но съ доброю примѣсью положенiй, выработанныхъ въ Европѣ въ эпоху возрожденiя. На новой этнографической почвѣ, среди новыхъ историческихъ условiй, она должна была получить своеобразныя черты. Конечно, представители ея не были людьми непосредственнаго народнаго чувства, но прогрессъ народной жизни невозможенъ, какъ извѣстно, безъ культурной мысли, оплодотворяющей народное чувство въ великiй, сознательный подвигъ, который является не случайностию минуты, а плодомъ строгаго обдуманнаго плана. Въ хаосѣ понятiй, наступившемъ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго, предложено было нѣсколько плановъ политической и общественной жизни, но ни одинъ изъ нихъ не выражалъ народной воли въ подлинномъ ея видѣ. Не было въ странѣ силы, которая могла бы поддержать тотъ или другой планъ на болѣе продолжительное время, хотя бы въ видѣ опыта—для того, чтобы путемъ мирнаго прогресса придти къ разрѣшенiю трудныхъ вопросовъ жизни, къ примиренiю разнообразныхъ теченiй ея. Винить въ этомъ мы не можемъ схоластическую науку,—не можемъ говорить о ней, какъ о какой то демонической силѣ, которая явилась на Украину для ея разрушенiя. Мы не отри-

цаемъ схоластическаго происхожденія и метода южно-русской науки. Вмѣстѣ съ другими мы могли бы, конечно, пожелать, чтобы представители ея шире и свободнѣе смотрѣли на міръ Божій, чтобы они рѣшительнѣе и тверже высказывали свои убѣжденія, чтобы они не путались въ собственныхъ мысляхъ, не впадали въ излишнее многорѣчіе и въ праздное стихоплетство. Но мы знаемъ, что всѣ эти желанія могутъ быть заявлены, какъ говорится, заднимъ числомъ, поэтому и сужденія, изъ нихъ вытекающія, не могутъ удовлетворить требованіямъ исторической критики, которая должна считаться съ руководящими идеями изучаемаго нами вѣка. Съ точки зрѣнія этихъ идей мы видимъ въ южно-русской наукѣ XVII в., какъ первой, такъ и второй половины его, живую душу, которая постоянно отзывалась на всѣ текущія явленія жизни живымъ голосомъ. Это былъ голосъ національнаго самосознанія, которое проснулось во второй половинѣ XVI в., продолжало развиваться чрезъ весь XVII в., не замолкло и въ XVIII в. Это былъ тотъ самый голосъ, который слышимъ мы въ народныхъ южно-русскихъ думахъ, изображающихъ боевыя схватки съ врагами христіанства — турками и татарами, съ врагами „благочестивой вѣры“ — панами-ляхами, съ врагами народнаго благосостоянія — жидами-орандарями. — Тѣ же темы мы встрѣчаемъ и въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей временъ „Руины“. Такъ, І. Галятовскій въ обширныхъ трактатахъ своихъ противъ мусульманъ, поляковъ и евреевъ не проронилъ ни одного слова, несогласнаго съ народнымъ чувствомъ. Не говоритъ онъ, конечно, языкомъ этого чувства, какъ говорили творцы народныхъ думъ, но отъ ученыхъ трактатовъ нельзя требовать языка поэзіи. Довольно и того, что современники Галятовскаго, усвоивъ латино-польскую науку, не отрѣшились отъ народныхъ стремленій, возникшихъ въ первую эпоху просвѣщенія, и готовы были дать этимъ стремленіямъ широкое примѣненіе. Они продолжали развивать книжную малорусскую рѣчь въ томъ направленіи, съ которымъ она выступила еще во второй половинѣ XVI вѣка, какъ литературный органъ народнаго самосознанія. Мы видѣли, что народное начало проведено было въ этой рѣчи сознательно, хотя и не вездѣ послѣдовательно.

П. Житецкій.

АВРАМЪ ЕЗОФОВИЧЪ РЕБИЧКОВИЧЪ, ПОДСКАРБІЙ ЗЕМСКІЙ, ЧЛЕНЪ Рады великаго КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО.

(Окончаніе ¹⁾).

V.

А.—Очеркъ дѣятельности Аврама Езофовича, какъ государственнаго казначея великаго княжества литовскаго. Заботы короля Сигизмунда по улучшенію государственнаго управленія.—Несовершенство финансоваго управленія Литвы въ началѣ XVI в.—Преобразование Аврамомъ способовъ расходовація суммъ государственнаго казначейства.—Объединеніе этихъ суммъ.—Проведеніе точнаго раздѣленія между государственными доходами и частными доходами в. князя.—Отсутствіе такого различія въ XV в.; доказательства этому изъ расходныхъ книгъ короля Казимира Ягеллона.—Введеніе Аврамомъ Езофовичемъ единства кассы.—Поднятіе имъ общей суммы государственныхъ доходовъ Литвы.—Доказательство этому.—Попытка систематизація государственныхъ доходовъ.—Перечисленіе судебныхъ пошлинъ и штрафовъ въ частные доходы в. князя и замѣна этихъ доходовъ прибылями отъ чеканки монеты.—Матеріальныя и формальныя основанія для такого перечисленія.—Отмѣна откупной системы.—Проистекающія отъ этой отмѣны выгоды казны.—Охраненіе этихъ выгодъ противъ своихъ бывшихъ единовѣрцевъ и противъ родныхъ.—Средство для проведенія улучшеній въ финансовомъ управленіи.—Кредитъ Аврама Езофовича и его кредиторы.—Сравненіе дѣятельности Аврама Езофовича съ дѣятельностію двухъ его ближайшихъ преемниковъ.—Пожалованія короля Сигизмунда Авраму Езофовичу.—В.—Аврамъ Езофовичъ, какъ частный человекъ: его женитьба, дѣти.—Личная энергія Аврама.—Образцовая аккуратность. Данныя для этого утвержденія.—Безкорыстіе Аврама Езофовича.—Имущество Аврама Езофовича предъ вступленіемъ его въ должность подскарбія земскаго, сравнительно съ оставленнымъ имъ по завѣщанію.—Ликвидація дѣлъ Аврама Езофовича.—Увеличилъ ли Аврамъ свое состояніе въ должности подскарбія?—Общее заключеніе о личности Аврама Езофовича Ребичковича изъ Кіева.

Въ 1518 г. Аврамъ Езофовичъ въ послѣдній разъ сводилъ счетъ съ королемъ. Лѣта давали себя чувствовать. Оказавъ новыя услуги королю и пользуясь присутствіемъ его въ Брестѣ, Аврамъ получаетъ 8 декабря 1518 г. согласіе короля быть главнымъ

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1888 г., ноябрь.

опекуномъ завѣщательныхъ распоряженій¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ король даетъ Авраму свое согласіе на избраніе въ душеприкачки Кр. Шидловецкаго и Ал. Кваштолта.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію личныхъ, такъ сказать, итоговъ многолѣтней дѣятельности Аврама Езофовича, мы на основаніи приведенныхъ выше документовъ попытаемся очертить дѣятельность Аврама Езофовича, какъ литовскаго государственнаго казначея.

Сигизмунду I принадлежитъ несомнѣнная заслуга по улучшенію и упорядоченію литовскаго государственнаго устройства и управленія. Не говоря объ изданіи Литовскаго Статута 1529 г., цѣлый рядъ въ высшей степени важныхъ мѣръ для улучшенія

¹⁾ Содержаніе этого документа, перешедшаго къ королю вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими послѣ смерти Аврама Езофовича, было, очевидно, не исполнѣнъ понятнъ составителю инвентаря, или 1 и 2 кн. Зап. Метр. Лит. Послѣ люблинской уніи для крѣпости завѣщаній не было надобности въ королевскомъ утвержденіи. Поэтому то, не зная къ какому разряду актовъ отнести этого документъ, составитель инвентаря написалъ его такъ: „Подскарбій литовскій размышляетъ (!) о томъ, кого бы назначить опекуномъ послѣ своей смерти“. Г. Вольфъ, не рѣшаясь привести въ своей брошюрѣ этого заглавія, дѣлаетъ тѣмъ не менѣе изъ указаннаго документа первое (!) завѣщаніе Аврама Езофовича.

Между тѣмъ подобнаго рода испрошенія королевскаго согласія на назначеніе опекуновъ вовсе не рѣдкость въ Литвѣ до люблинской уніи. Только Статутъ 1529 г. дозволяетъ дѣлать завѣщанія предъ повѣтовымъ урядникомъ, (т. е. воеводою или старостою), ранѣе же всякое завѣщательное распоряженіе землями, въ особенности же выслуженными въ данное княженіе, могло имѣть мѣсто только предъ в. княземъ.

Поэтому всякій завѣщатель, заботившійся о ненарушимости своего завѣщанія, хлопоталъ непремѣнно у в. князя о выдачѣ подтвердительной грамоты на свое завѣщаніе; и въ началѣ XVI вѣка это подтвержденіе составляло часто отдѣльный отъ самаго завѣщанія актъ. Такъ, въ 1522 г. ноября 30 приближенный къ в. князю „Маршалокъ и писарь Господарскій Колотъ Васильевичъ“, всю свою жизнь проведеншій въ канцеляріи в. князя, ужъ на чтобы казалось тонкій знатокъ всѣхъ юридическихъ формъ, обычаевъ и обрядовъ своего времени, тѣмъ не менѣе бьетъ челомъ королю (в. кн.), „обыхмо дозволили ему тѣхъ опекуновъ (выбранныхъ имъ) мѣти. И тотъ тостаментъ ему потвердили *Нашимъ листомъ*“. „И мы дозволили ему тотъ тостаментъ мѣти и тѣхъ опекуновъ установити; на чомъ онъ жену и дѣти свои по животою своемъ *зоставитъ* и што въ томъ тостаментѣ своемъ и листѣ наперовомъ *выпишетъ*. Мы тотъ тостаментъ его потверждаемъ симъ нашимъ листомъ“.

Какъ видно изъ только что приведеннаго документа, совершенно аналогичнаго съ приведеннымъ выше, яко бы первымъ завѣщаніемъ Аврама Езофовича, Колотъ представилъ в. князю *проектъ* завѣщанія, а равно и предположенныхъ

государственнаго управленія: книги Метрики Литовской начинаютъ вестись надлежащимъ образомъ только съ начала царствованія Сигизмунда I. Правда, мы видимъ еще многія несовершенства, напр., акты вписываются первоначально въ тетради и только впоследствии вносятся въ актовыя книги, акты лишены заголовковъ, не всегда расположены хронологически и т. д., но все же, сравнительно съ книгами короля Казимира и даже Александра, замѣчаются весьма значительныя улучшенія. Время отъ времени производятся земскіе переписи, т. е. провѣряется наличность годныхъ для военной службы лицъ, ведутся реестры лицъ, не явившихся для отбыванія воинской повинности и т. д. Король стремится вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить права и обязанности управителей своихъ вотчинъ и оградить крестьянъ отъ притѣсненій: Уставъ державцамъ троцкихъ и вилепскихъ дворовъ, а равно цѣлый рядъ уставныхъ грамотъ жителямъ иныхъ областей могутъ служить тому лучшимъ доказательствомъ. Что касается финансоваго управленія, то естественно, что на него должно было быть обращено особенное вниманіе короля.

При вступленіи на престолъ литовскій Сигизмунда I механизмъ полученія и расходванія государственныхъ доходовъ

имъ опекуновъ: в. князь, находя распоряженія Коптя правильными, подтверждаетъ *особымъ документомъ* эти предварительныя распоряженія.

Очевидно подобное же значеніе имѣетъ и указанный документъ: для Аврама документъ этотъ имѣлъ важное значеніе, потому что король изъявлялъ въ немъ свое согласіе быть главнымъ опекуномъ надъ женою, дѣтьми и имуществомъ Аврама Езофовича.

Въ виду частыхъ отлучекъ в. князя въ Польшу и въ виду своей болѣзненности, Аврамъ Езофовичъ не могъ рассчитывать, что онъ будетъ въ состояніи по составленіи завѣщанія получить новое королевское подтвержденіе.

Имѣя въ рукахъ этотъ документъ, Аврамъ Езофовичъ могъ назначить в. князя главнымъ опекуномъ, гдѣ бы и когда бы ни пришлось ему взять въ свою послѣднюю волю. И мы видимъ, что въ 1519 г. въ Брестѣ, далеко отъ короля, Аврамъ составляетъ завѣщаніе, назначаетъ въ немъ главнымъ опекуномъ короля и в. князя Сигизмунда, вовсе не упоминаетъ ничего о Шидловецкомъ, и рядомъ съ Кваштолтомъ, назначаетъ Плинича. И завѣщаніе это признается Сигизмундомъ вполне правильнымъ.

Грамота же, которою король изъявляетъ свое согласіе принять на себя обязанности опекуна, поступаетъ въ Метрику, вѣроятно, вслѣдъ за смертію Аврама Езофовича.

отличался значительными несовершенствами. Значительная часть доходовъ поступала сырыми продуктами: медомъ, мѣхами, хлѣбомъ, сѣномъ, лошадьми, даже курами и яйцами ¹⁾ и т. д. Доставка этихъ предметовъ и ихъ храненіе сопряжены были съ большими неудобствами.—Но этого мало: самые способы взысканія, размѣры обложенія, предметы поступленія были до нельзя разнообразны. Не было опредѣленной податной единицы, потому что употреблявшаяся въ большей части Литвы единица обложенія— „служба“ была, какъ мы видѣли, крайне измѣнчива. Взыманіе податей производились самими же старостами, державцами, тивунами или же ихъ слугами. Собираніе податей было всегда для волости подобіемъ татарскаго нашествія.

Староста, державца, тивунъ вѣзжали, обыкновенно, не сами, а съ женами, дѣтьми, слугами и т. д. Вѣзжавшій съ этими полчищами не только требовалъ себѣ „стаціи“, содержанія, но, не ограничиваясь потребленіемъ на мѣстѣ, приказывалъ остатки отвозить домой на подводахъ плательщиковъ. Такимъ образомъ взысканіе податей было чѣмъ то въ родѣ нашествія, но еще тяжелѣе было взысканіе недоимокъ: для взысканія ихъ посылались обыкновенно королевскіе цисаря или же дворяне. Тѣ и другіе являлись съ цѣлою свитою слугъ. Такъ какъ волости часто не подъ силу было внести недоимку, то дворяне помѣщали у неплательщиковъ своихъ слугъ „лежней“, которые совершенно подрывали хозяйство.

Понятно, что дворяне не особенно спѣшили со взысканіемъ, и волости, для того, чтобы избѣгнуть окончательнаго разоренія, приходилось выхлопывать особыя грамоты на освобожденіе отъ этихъ дворянъ ²⁾. Съ другой стороны, принимая во вниманіе не-

¹⁾ М. Л. I, 62. Люди Койминцы въ тивунствѣ виленск. даютъ „его милости (в. князю) зъ думу по куряти а по 10 яецъ“.

²⁾ Вообще для характеристики дворянъ можно бы было привести много мѣстъ, ограничимся однимъ [М. Л. Зап. 8, 67 (b)]. Митрополитъ кіевскій Іосифъ Солтанъ такъ отзывался о нихъ передъ королемъ (сентябрь 26, годъ 1529) „Коли по животѣ митрополичьемъ король посылаеть этихъ дворянъ, статковъ и имень митропольныхъ пописувати, ино тые дворяне... статки собѣ розбирають и именья нустошати“.

значительное торговое развитіе Литвы, ужасающее состояніе путей сообщенія, значительное количество внутреннихъ заставъ, въ особенности на Вольни, Сигизмундъ I не могъ рѣшиться на обращеніе этихъ разнообразныхъ натуральныхъ податей въ денежные. Эта обширная трудная работа сдѣлана была собственно для великокняжескихъ волостей, только при Сигизмундѣ Августѣ. Во всякомъ случаѣ, Сигизмундъ I не даромъ княжилъ въ Глогау, гдѣ старинныя славянскія отношенія и формы управленія уже давно были замѣнены болѣе совершенными, заимствованными изъ Германіи. Не имѣя возможности переимѣнить господствующія системы взысканія податей, Сигизмундъ, тѣмъ не менѣе, стремится постепенно, часто съ видимою потерей для себя, усовершенствовать эту систему. Этимъ начинаніямъ в. князя какъ нельзя болѣе стремится удовлетворить въ своей дѣятельности Аврамъ Езофовичъ. Для упорядоченія поступленія и расходова- нія государственной казны, для проведенія правильной отчетности по расходованію суммъ необходимо было перевести всѣ ассигновки, по возможности, на центральное учрежденіе—казну, скарбъ. И дѣйствительно, со вступленіемъ Аврама Езофовича въ должность государственнаго казначея, мы замѣчаемъ весьма важное нововведеніе: всѣ распоряженія в. князя о выдачѣ тому или иному лицу жалованья адресуются во 1-хъ) въ скарбъ, во 2-хъ) назначаются деньгами или же матеріями, т. е. сукномъ, атласомъ, бархатомъ и т. д. Назначеніе же жалованья иными предметами почти совсѣмъ не встрѣчается. Замѣнить выдачу жалованья хотя отчасти матеріями слишкомъ противорѣчило бы установившейся традиціи, да сверхъ того казна получала значительныя выгоды отъ замѣны денежныхъ выдачъ матеріями, такъ какъ ставила эти матеріи гораздо выше того, во что онѣ приходились ей¹⁾. Если же мы и видимъ отступленія отъ этого общаго начала, напр. назначеніе денежнаго жалованья изъ ковенской, минской и смоленской таможенъ, „съ восковыхъ пенезей бѣль-

¹⁾ Сигизмундъ-Августъ даже готовъ усмотрѣть бунтъ въ желаніи служилыхъ людей получить все жалованье наличными деньгами. М. Л. Зап. XXXVII, 28 (b), Дончичъ, іюля 6, 1552.

скихъ“, то не слѣдуетъ забывать, что эти таможи находились въ личномъ завѣдываніи Аврама Езофовича. Если мы иногда встрѣчаемъ еще назначеніе жита отъ городничихъ (452 (b) и 458), „зъ важныхъ пенязей полоцкихъ“, то эти незначительныя исключенія показываютъ только, что не для всѣхъ вновь учрежденный порядокъ казался выгоднымъ, что тотъ или иной получатель, по своимъ личнымъ соображеніямъ, напр., чтобы не путешествовать въ Вильно, или чтобы полученныхъ денегъ не обмѣнивать опять на тотъ же товаръ, напр. жито, соль и т. д., который прямо можно было получить изъ казны¹⁾, самъ ходатайствовалъ о замѣнѣ ему денежной выдачи сырыми продуктами изъ королевскихъ запасовъ. Но рядомъ съ этими консерваторами мы замѣчаемъ лицъ, которыя торопятся воспользоваться этими новыми началами, напр. вмѣсто куней шубы, лошади, нѣсколькихъ бочекъ соли и т. д. предпочитаютъ получить наличныя деньги²⁾. Точно также исключеніемъ не можетъ похвастаться назначеніе дворянамъ, находившимся на службѣ у в. князя, жалованья не только деньгами изъ „скарба“, но еще и натурою изъ тѣхъ имѣній, въ которыхъ они должны были постоянно находиться („лежать“). Такъ какъ дворяне эти, будучи въ подчиненіи мѣстнаго державцы, употреблялись имъ для приведенія въ исполненіе приговоровъ, взысканія недоимокъ, врученія королевскихъ посланій и т. д. въ предѣлахъ своей власти, державы и т. д., то естественно, что и здѣсь соображенія выгоды для скарба и удобства самыхъ получателей служили причиною отступленія отъ общаго начала.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и суммы, поступающія въ скарбъ, не хранятся по каждому источнику отдѣльно, а объединяются. Собранныя деньги не располагаются, какъ прежде, въ отдѣльныхъ ящи-

²⁾ Напр. войтъ и мѣщане кіевскіе предпочитаютъ получить 6 октября 1510 г. 300 бочекъ жита изъ разныхъ королевскихъ дворовъ [464 (b)], или Левъ Пашкевичъ, выпросившій тогда скирту жита изъ васильевского двора. Впрочемъ, причиною предпочтенія здѣсь могъ быть неурожай.

³⁾ Зап. VІІІ, 458 (b). Мели-Баши... на 6 бочекъ соли зъ мыта ковенскаго *отмѣна*. Толмачу Исупу Тулатовичу на жеребя *отмѣна*, князю Касыму на шубу бунью (с) скарбу *отмѣна*. Т. е. мы видимъ здѣсь замѣну *денгами* прежняго жалованья предметами потребленія.

кахъ, мѣшкахъ при особыхъ для каждой земли расходныхъ реестрахъ: всѣ полученныя суммы составляютъ одно цѣлое, скарбъ в. княжества литовскаго.

Какъ воспоминанія о прежнихъ порядкахъ, мы видимъ иногда, но чрезвычайно рѣдко, назначенія изъ спеціально указаннаго источника.

Хотя должности подскарбія земскаго и подскарбія дворнаго существуютъ уже до начала XVI вѣка, тѣмъ не менѣе точное раздѣленіе между государственною и собственною казною в. князя производится вполнѣ только съ конца 1509 г., т. е. со вступленіемъ въ должность подскарбія Аврама Езофовича. Что проведеніе этого начала принадлежитъ именно ему, въ томъ не трудно убѣдиться изъ сличенія расходныхъ книгъ не только короля Казимира, но и самаго короля Сигизмунда въ началѣ его княженія и со времени подскарбства Аврама Езофовича. Вотъ передъ нами расходная книга короля Казимира Ягеллона въ концѣ его царствованія¹⁾. Изученіе ея несомнѣнно докажетъ, что при королѣ Казимірѣ не существовало вовсе раздѣленія между государственнымъ казначействомъ и казною в. князя. На ряду съ уплатою жалованья за государственную службу князьямъ, панамъ, дворянамъ и землянамъ, напр. (f. 1.) за кievскую службу Колонтаевичомъ, Александру Монкгирдовичу, Петру Яновичу, Солтану Маршалку, Юрью Поцовичу, Симеону *митрополиту* (кievскому), Миколою Радивилевичу, и цѣлымъ разрядамъ лицъ: витеблянамъ, смольнянамъ, татарамъ и т. д. и назначеньями, такъ сказать, народнаго характера, напр. царю Мендли-Гирею [14 (b)], мы встрѣчаемъ назначенія для личныхъ слугъ в. князя, напр. возницѣ Мисурку [12 (b)], кухару Синцу (12), швейцару („одверному“) королевскому Чупру (12), коноваламъ („татарамъ, што кони лечили [12 (b)]. Но не въ лицахъ, собственно говоря, дѣло. Ассигновки на скарбъ для уплаты лицамъ придворной службы мы встрѣчаемъ и въ началѣ XVI в., но вотъ что важно:

¹⁾ М. Л. Зам. IV. Оедковъ реестръ т. е. Оедора Хребтовича, писаря королевскаго, братъ котораго Литоворъ Хребтовичъ появляется въ этой же книгѣ въ качествѣ „подскарбія дворнаго“ f. 8 (b). Такъ что книги эти относятся ко времени не ранѣе 1486 г.

всѣ эти назначенія дѣлаются изъ мѣстныхъ источниковъ. Во всей книгѣ слово „скарбъ“—государственное казначейство встрѣчается всего разъ. Чаше появляется слово „казна“, обыкновенно при выдачѣ жалованья смолянѣмъ. Но здѣсь казна имѣетъ специальное значеніе *смоленской казны*, какъ то было позже въ XVI вѣкѣ. Въ то же время нѣтъ различія между государственными доходами и доходами в. князя; такъ, напр., царь Мендли-Гирей получаетъ медъ изъ того же кіевскаго ключа, изъ котораго получаетъ и какой то Телюшъ. Тому же царю посылается 7 локтей сукна елоринскаго на поминокъ въ то время, какъ кухмистру королевскому Злоцкому изъ того же источника назначается 10 локтей того же сукна. Князь Андрей Ивановичъ получаетъ 100 бочекъ ржи отъ городничихъ новгородскаго и лидскаго, а рядомъ—двумъ королевскимъ баньщикамъ назначено 12 бочекъ ржи у городненскаго же городничаго, тутъ же мѣщанину виленскому ассигнованы 10 бочекъ пшеницы и 2 бочки гороху въ Жидникахъ. Вотъ магнатъ п. Миколай Радивиль получаетъ 4 телѣги соли изъ мыта луцкаго, „а въ телѣзи по 4 волы“, а рядомъ челядь дворная ковенская получаетъ одну бочку соли изъ мыта ковенскаго и т. д. Рядомъ Шамоль (еврей-откупщикъ) получаетъ 4 к. гр. за ковшь серебряный (f. 11). Однимъ словомъ всѣ лица, которыя могли предъявить къ в. князю требованія за какую бы то ни было службу, получаютъ безразлично вознагражденіе изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ.

Что жъ это за источники?

Мы видѣли уже, что къ главнѣйшимъ государственнымъ доходамъ относились таможенные пошлины, судебныя пошлины и акцизы съ питей. Но въ книгахъ короля Казимира мы сверхъ этихъ источниковъ встрѣчаемъ назначенія изъ доходовъ, принадлежавшихъ несомнѣнно самому в. князю, какъ напр. „дань“ съ его вотчинныхъ людей¹⁾. Точно также множество назначеній сдѣлано насчетъ одного изъ наиболѣе цѣнныхъ полученій собственной казны в. князя, т. е. меду и воску²⁾.

¹⁾ М. Л. Зап. IV. f. 11 (b) Симеону митрополиту „...2 колоде меду въ писара во Ивашка з дани червншское“.

²⁾ Напр. царю Мендли-Гирею послано 30 караимовъ прѣснаго меду съ ключа кіевскаго.

Изъ „ключей“ же, т. е. великокняжескихъ имѣній идутъ назначенія шубъ: лисьихъ завойковыхъ, лисьихъ хребтовыхъ и т. п. и равнымъ образомъ жалованье солью, помимо назначаемого изъ таможенныхъ доходовъ. В. князья обладали громадными стадами лошадей. Въ каждой значительной волости непременно проживали конюхи, конокормцы; существовали въ каждой „земль“ в. княжества довольно важные чиновники „конюшіе“, напр. троцкій, витебскій, виленскій и т. д., все же управленіе коннозаводствомъ подчинялось особому придворному чиновнику—„конюшему дворному“. Коннозаводство составляло какъ бы отдѣльный мірокъ со своими особыми правами и обязанностями по управленію и суду, не подчинявшійся общимъ правительственнымъ учрежденіямъ, а доходы отъ коннозаводства составляли личную собственность в. князя. Однако, мы видимъ сплошь и рядомъ назначеніе жалованій служилымъ лицамъ и изъ этого источника ¹⁾. Затѣмъ, нечего ужъ и говорить, что изъ хлѣбныхъ запасовъ, хранившихся у городничихъ (при крѣпостяхъ) или же у державцевъ (гдѣ не было крѣпостей), идутъ значительныя назначенія, напр. князю Андрею назначается 50 бочекъ ржи у городничаго новгородскаго и 50 же бочекъ въ Лидѣ, конюшему п. Михаилу скирта ржи въ Мельнику и т. д. ²⁾.

Въ заключеніе, приведемъ образчикъ того, какъ при выдачѣ жалованья переплетались государственные доходы съ великокняжескими.

Въ 1486 году, іюля 14, король (и в. князь) Казиміръ Ягеллонъ назначаетъ князю Дмитрію Путятичу, пока онъ „Бравскъ держитъ“, на каждый годъ по 20 копъ „зъ мыта Браньскаго и съ корчомъ“, (т. е. изъ государственныхъ источниковъ), „ему же по 13 кадей меду прѣснаго *зъ дани* на каждый же годъ, а по 20 копъ грошей съ *поголовщинъ* на каждый же годъ“, (т. е. изъ частныхъ в. княжескихъ доходовъ ³⁾).

¹⁾ М. Л. Зап. IV, f. 15 (b), f. 16 и т. д.

²⁾ Ibid., f. 25.

³⁾ Поголовщину мы относимъ къ частнымъ доходамъ в. князя, такъ какъ она поступаетъ *ежегодно*. Между тѣмъ мы знаемъ, что поголовная подать со *всего* населенія, т. е. людей великокняжескихъ и остальныхъ вотчинниковъ носить названіе

Такимъ образомъ изъ всего указаннаго очевидно, что, несмотря на существованія особыхъ видовъ податей и особыхъ источниковъ доходовъ, несмотря на существованіе въ юридическомъ языкѣ особыхъ терминовъ для различія между тѣмъ, что принадлежало в. князю и что—государству, на практикѣ оно проводилось такъ недостаточно, что, можно сказать, этого различія вовсе не существовало и въ началѣ XVI вѣка, передъ самымъ вступленіемъ Аврама Езофовича въ должность подскарбія, мы встрѣчаемъ слѣдующіе образцы финансовой практики литовскаго казначейства.

Посланный въ концѣ 1507 г. для взысканія недоимокъ писарь в.-княжескій Копоть Васильевичъ представилъ въ началѣ 1508 г. передъ п. Иваномъ, подскарбіемъ дворнымъ, и передъ п. Иваномъ Сопегою (маршалкомъ и писаремъ) слѣдующій отчетъ въ собранныхъ имъ суммахъ: съ поднѣпровскихъ волостей онъ собралъ недоимокъ даней: *прошовой, медовой, бобровой и куничной*, которые и вручилъ подскарбію земскому п. Оедку Хребтовичу наличностью („готовизною“), частью роздалъ на ассигновки, а частью привезъ в. князю. Всего же собрано имъ 945½ копъ грошей. Бобровъ карыхъ онъ вручилъ подскарбію земскому 71 мѣхъ, черныхъ бобровъ—5, куниць „шерстью“—119. Въ великокняжескіе же погребы въ Вильнѣ (до ключа Виленскаго) выгналъ „дани медовое 40 уставовъ, а въ Троки 36 уставовъ и 94 кадей меду“¹⁾. Неудобно ли здѣсь различить, что поступаетъ въ государственное казначейство и что въ собственную казну в. князя? Если въ доходахъ не проведено различія, то тщетно искали бы мы его въ расходахъ; если изъ личныхъ доходовъ в. князя происходятъ выдачи жалованья за государственную службу, напр. въ 1517 г. служебнику п. Станислава Петровича—Борису назначено 2 воза съ ключа луцкаго, а 7 іюня того же года князю Ивану Коркодыну пожалованъ жеребецъ у конюшаго дворнаго, а 1508 г., сентября 8, князю В. Андр. Полубенскому, между прочимъ, 20 бочекъ жита дьявольнаго у город-

„серебщины“ и назначалась только по чрезвычайнымъ случаямъ и съ согласія крупнейшихъ вотчинниковъ.

¹⁾ Зап. VШ, 102.

ничего городненскаго и т. д., то и наоборотъ—для *личныхъ потребностей* в. князя обращаются суммы *государственнаго казначейства*: напр., 1508 г. ноября 10 предписано брестскимъ мытникамъ выдать ключнику городенскому Ивану для потребностей королевскаго стола 50 тысячъ головокъ соли („головажекъ“), а ковенскому мытнику отпустить для этой же цѣли 20 бочекъ соли и т. д.

Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ расходныхъ книгахъ короля Сигизмунда съ конца 1509 г. и до конца 1510 г.

Такъ какъ устраненіе этого смѣшенія государственныхъ и в. княжескихъ суммъ совпадаетъ съ назначеніемъ Аврама Езофовича государственнымъ казначеемъ, такъ какъ проведеніе различія между казною государственною и в. княжескою требуетъ для своего осуществленія весьма значительныхъ наличныхъ суммъ, а до появленія Аврама Езофовича литовское казначейство обыкновенно пустоеть,—мы въ правѣ полагать, что никто иной, какъ Аврамъ Езофовичъ провелъ объединеніе государственныхъ поступлений, устранилъ путаницу въ распредѣленіи поступающихъ суммъ, установилъ правильную систему расходванія, однимъ словомъ для Литвы начала XVI в. устроилъ единство кассы.

Всѣ операциі по приему и расходванію государственныхъ доходовъ ведутся государственнымъ казначействомъ.

Не ограничиваясь упорядоченіемъ технической стороны государственнаго хозяйства, Аврамъ Езофовичъ успѣваетъ поднять въ значительной степени размѣры поступленія государственныхъ доходовъ.

Для того, чтобы наши утвержденія относительно этого послѣдняго пункта не были голословными, мы опредѣлимъ прежде всего возможно точную цифру доходовъ в. княжества до 1510 г.

На основаніи расходныхъ книгъ за 1506—9 гг., откупнаго договора за тотъ же срокъ, квитанцій, выданныхъ подскарбіемъ, отчетовъ нѣкоторыхъ изъ сборщиковъ податей, доходы в. княжества за указанное время, т. е. со дня вступленія на литовскій престолъ Сигизмунда Ягеллона до назначенія Аврама Езофовича подскарбіемъ земскимъ, были слѣдующіе:

I. Судебныя пошлины и штрафы дали за это время (съ конца 1506 по конецъ 1509 г., за 2 года съ небольшимъ) 5,500 кошь гр.

II. Питейный доходъ съ мѣстностей, не отданныхъ на откупъ, даль всего. 300 кошь гр.

Съ мѣстностей на откупу 3,000 к. гр.¹⁾

III. Таможенныя пошлины, отданныя на откупъ 3,000 кошь гр.

Находившіеся въ управленіи 15,500 к. гр.²⁾

Такъ что всего изъ этихъ источниковъ за 2 года можно считать поступившими около 30,000 кошь гр., или—ежегодный доходъ казны в. княжества составлялъ 15,000 кошь гр.

Мы видѣли выше, что в. князь Александръ Ягеллонъ обязался въ 1492 г. не расходовать государственной казны, т. е. судебныхъ, таможенныхъ и питейныхъ доходовъ безъ согласія Рады в. княжества. Обстоятельства, при которыхъ вступилъ на престолъ Сигизмундъ I, дали ему возможность поставить себя гораздо самостоятельнѣе по отношенію къ Радѣ. Въ дошедшей къ намъ уставной грамотѣ отъ 1506 г. нѣтъ ничего похожаго на ограниченія в. князя въ распоряженіи государственными доходами³⁾.

Отнесеніе судебныхъ пошлинъ и штрафовъ къ числу общегосударственныхъ доходовъ въ началѣ XVI в. было полною несообразностью, такъ какъ уже съ Казимира Ягеллона судебныя штрафы „вины“ съ вотчинныхъ людей были предоставлены вотчинникамъ, а равно и *судебныя пошлины* „пересудъ“, безъ

¹⁾ М. Д. Залисей VIII. Расходныя книги в. князя лит. кор. польскаго Сигизмунда I за 1506—1510 гг., passim.

²⁾ Продажа питей въ Смоленскѣ была отдана въ 1507 г. на откупъ за 400 к. г. (VIII, 907) въ годъ, въ Полоцкѣ за ту же сумму (ib. f. 105 (b)). Въ Витебскѣ за это время точной цифры нѣтъ (220 к.); равно въ Могилевѣ (150); но принимая во вниманіе, что размѣръ *таможенныхъ откуповъ* до 1520 г. въ этихъ городахъ остался неизмѣннымъ, мы можемъ предположить тоже и для питейнаго откупа. Мы привели эти 4 города, какъ главнѣйшіе изъ городовъ.

³⁾ Напечатанъ въ отрывкѣ у Дзяльнскаго в. н. соч., вполнѣ находится въ актовыхъ книгахъ Метрики Литовской, Зап. VIII, f. 135 (b), подъ заглавіемъ Privilegium terrestre M. D. Lityvaniae въ Городѣ, 7 декабря 1506 г.

которыхъ не обходился ни одинъ судъ того времени, вотчинный ли, полюбовный, или копный. Такимъ образомъ в. князю поступали судебныя пошлыны и штрафы *частію* съ лицъ свободного состоянія: князей, пановъ, земянь, духовенства, мѣщанъ, частію же—съ собственныхъ весьма обширныхъ вотчинъ. Если мы примемъ во вниманіе, что литовская шляхта въ началѣ XVI ст. составляла не болѣе 1% всего населенія¹⁾, и что, напротивъ, — количество великокняжескихъ вотчинъ въ двухъ только повѣтахъ, т. е. виленскомъ и трокскомъ простиралось до 61, и въ число этихъ вотчинъ входили, (кромѣ виленскаго и трокскаго замковъ и тивунствъ) напр. Ковно съ волостью, заложеныя въ 1515 г. въ 4500 копъ (27000 руб.), Гродно съ волостью, заложеныя тогда же въ 30000 копъ, (т. е. 180000 руб.) и т. д., если принимать далѣе, что еще въ 1567 г. в. князю принадлежало въ вотчину 88 однихъ только непривилегированныхъ (т. е. не имѣющихъ магдебургскаго права) городовъ, то едва ли будетъ смѣлымъ утверждать, что *судебныя доходы* в. князя съ *собственныхъ своихъ вотчинъ* далеко превосходили размѣры пошлынъ, получаемыхъ имъ со шляхты.

Еще тамъ, гдѣ преобладала мелкопомѣстная шляхта, какъ напр., на Жмуди, или гдѣ число вотчинниковъ было незначительно сравнительно съ свободнымъ населеніемъ, какъ напр. въ подиѣпровскихъ волостяхъ, или гдѣ при мелкопомѣсти были уже постоянныя выборныя суды, какъ напр., въ Подлясьи, тамъ судебныя доходы могли быть довольно значительны, въ коренной же Литвѣ и на Воляни судебныя доходы сводились почти къ нулю.

При разсмотрѣніи отчета, представленнаго Аврамомъ Езофовичемъ на Брестскомъ сеймѣ 1511 г., невольно бросается въ глаза отсутствіе именно доходовъ съ судебныхъ пошлынъ и штрафовъ; нѣтъ упоминанія объ этой статьѣ и въ отчетѣ 1514 г. Между тѣмъ расходы именно изъ этого источника составляютъ до 1510 г. чуть ли не пятую часть всѣхъ расходовъ казначейства.

¹⁾ По переписи 1528 г. всѣ вотчинники, считая здѣсь и мѣщанъ, должны были выставить 18,000 тяжелооруженныхъ всадниковъ съ 8 службъ по 1, что, принявъ службу въ 10 только человѣкъ, даетъ 1,440,000 душъ.

Въ то же время въ расходныхъ книгахъ до 1509 г. мы не встрѣчаемъ назначеній изъ доходовъ монетнаго двора, въ казначейскихъ же отчетахъ Аврама Езофовича мы постоянно встрѣчаемъ эти доходы въ видѣ особой статьи. Не всегда равномерный доходъ отъ чеканки монеты простирается однако отъ 1,500 (напр., въ 1511 г.) до 4,000 копъ гр. (какъ въ 1509—1510 г.), что составитъ среднимъ числомъ 2,750 копъ гр. въ годъ. Эта сумма весьма близко подходитъ къ среднему числу судебныхъ доходовъ, (насколько мы о нихъ можемъ знать изъ расходныхъ книгъ), т. е. 2,470 копамъ грошей. Поэтому замѣна въ государственномъ бюджетѣ судебныхъ пошлинъ и штрафовъ доходами съ монетнаго двора не могла встрѣтить возраженій со стороны Рады: общая цифра доходовъ не уменьшалась, а монетный доходъ искони принадлежалъ в. князю, поэтому весь вопросъ сводился къ замѣнѣ въ государственной росписи одного дохода другимъ и только. Но въ этой замѣнѣ нельзя не видѣть новаго доказательства стремленіямъ Аврама Езофовича внести твердое различіе между государственными доходами и частными доходами великаго князя.

Одному только в. князю принадлежало право установленія таможенныхъ заставъ, какъ внутри, такъ и внѣ границъ государства; и таможенные пошлины въ началѣ XVI в., дѣйствительно, собираются на границахъ государства и со всѣхъ лицъ безъ изыятія. Одинъ только в. князь имѣетъ право на куреніе водки и сыченіе меда, вареніе пива и т. д., а равнымъ образомъ и на продажу оныхъ¹⁾. Пятейныя пошлины взыскиваются поэтому *со всѣхъ* безъ различія. Одинъ только в. князь имѣетъ право чеканить менету и прибыли отъ ея чеканки *розлагаются одинаково на всѣхъ*. Поэтому сейчасъ указанные доходы, какъ собираемые *со всѣхъ*, и должны идти на *нужды всѣхъ членовъ государства*, слѣдовательно, имъ и подобаетъ быть государственными. Между тѣмъ въ правѣ суда и въ правѣ полученія дохо-

¹⁾ Исключенія изъ этого общаго начала въ XVI в. не велики: количество вотчинниковъ, имѣвшихъ право продажи спиртныхъ напитковъ въ своихъ имѣніяхъ, крайне ничтожно. Право же шляхты на беспошлинный вывозъ товаровъ собственнаго производства и такой же ввозъ для *собственного* потребленія еще не существуетъ.

довъ съ него съ в. княземъ конкуррируютъ все литовскіе вотчинники, но мало того, какая нужна бухгалтерія, чтобы выдѣлать изъ общей суммы судебныхъ доходовъ то, что в. князь получаетъ, какъ верховный судья шляхты, и что, какъ вотчинникъ!

Включивъ доходы монетнаго двора въ число государственныхъ, Аврамъ Езофовичъ прилагаетъ особенныя заботы, чтобы эта статья доходовъ никогда не оскудѣвала. Поэтому то монетный дворъ дѣйствуетъ безъ обычныхъ перерывовъ не только во время его подскарбства, но еще нѣсколько лѣтъ, какъ бы по инерціи, и послѣ его смерти: литовскіе полугрошки съ штемцелемъ „Вильно“ не только встрѣчаются съ 1509 по 1519 гг. непрерывно, но идутъ еще на нѣсколько лѣтъ далѣе¹⁾.

Изъ отчетовъ же Аврама Езофовича видно, что главнѣйшій источникъ государственныхъ доходовъ составляли таможенные пошлины. По установившейся со временъ Витовта практикѣ таможенные доходы отдавались на откупъ. Попытка в. князя Александра передать собраніе пошлинъ лицамъ, назначаемымъ по усмотрѣнію в. княземъ, или же излюбленнымъ земскимъ людямъ, потерпѣла совершенное фіаско. Причиною былъ отчасти самъ в. князь, неустоявшій передъ немедленнымъ полученіемъ денегъ отъ откупщиковъ, отчасти затруднительное политическое положеніе Литвы, когда приходилось небольшую наличную сумму предпочесть, хотя и болѣе значительной, но болѣе отдаленной. Главная же причина неудачи заключалась въ отсутствіи надлежащаго контроля и отчетности надъ собирателями этихъ пошлинъ.

Дѣйствительно, какъ было убѣдиться в. князю въ преимуществѣ казеннаго управленія надъ откупами, если, напр., въ Брестѣ Литовскомъ 1го ноября 1496 г. ему пришлось узнать отъ Немры и Левка, которые, „какъ жидовъ выслали изъ Берестя... послѣ нихъ... держали мыто Берестейское“, что приходъ за отчетное время равнялся 160 кошамъ и 4 грошамъ, а

¹⁾ *Dawne monety Polskie* dynastji Piastów, Jagellonow. Piotrkow, 1883—1885, т. III, стр. 112. Szereg znanych półgroszków litewskich z epoki Króla Zygmunta I rozpoczyna się z rokiem 1508... idą one nie przeważnie do roku 1529.

расходъ, по приказаніямъ в. князя за тоже время составилъ 160 копъ и 3 гроша, такъ что в. князю приходилось получить за отчетное время всего *одинъ грошъ!* Понятно, что в. князь Александръ возвращается снова къ системѣ откуповъ.

Въ первое время своего княженія Сигизмундъ I идетъ по стопамъ своихъ предшественниковъ, но, какъ было указано выше, Аврамъ Езофовичъ уснѣваетъ убѣдить в. князя въ преимуществѣ системы управления черезъ довѣренныхъ лицъ. И во все время подскарбства Аврама Езофовича мы не встрѣчаемъ откуповъ. Этому не противорѣчитъ отдача на откупъ самому Авраму Езофовичу минскихъ таможенныхъ доходовъ, въ 1509 г. января 20 и брестскихъ въ 1514 и 1518 гг. Таможенный откупъ въ Минскѣ полученъ Аврамомъ Езофовичемъ до вступленія еще въ должность подскарбія, таможенный откупъ въ Брестѣ существовалъ лишь на бумагѣ. Формально сдѣлано было в. княземъ отступленіе отъ имъ же одобренныхъ началъ, по существу же не было никакого отступленія: ни въ Минскѣ ни въ Брестѣ Аврамъ Езофовичъ ничего не вноситъ в. князю впередъ, а получаетъ эти таможи для покрытія занятыхъ у него в. княземъ денегъ. Къ этому способу в. князь прибѣгаетъ для того, чтобы заранѣе вычеркнуть изъ числа доходовъ указанныя въ откупныхъ контрактахъ суммы и устранить самый поводъ для какихъ либо ассигновокъ на эти источники. В. князь желаетъ оградить интересы своихъ кредиторовъ противъ своей собственной забывчивости, а равно и небрежности приближенныхъ къ себѣ лицъ. Что отмѣна откупной системы была дѣломъ Аврама Езофовича это видно изъ того, что вслѣдъ за смертью его, и таможенные и питейные доходы снова сдаются въ откупное содержаніе. Что для Аврама Езофовича руководящимъ принципомъ въ этомъ случаѣ служили не соображенія личной прибыли, это совершенно ясно изъ весьма значительнаго повышенія таможенныхъ доходовъ за время его управленія: такъ, напр., въ 1506 г. таможенные доходы въ Ковно, Минскѣ, Смоленскѣ, Новгородкѣ, Луцкѣ и Кіевѣ отданы были на откупъ за 2,700 копъ грошей, а въ 1510 г. одна ковенская таможня, находившаяся въ управленіи Аврама,

давала ровно вдвое, т. е. 5770 копъ гр.¹⁾ Смоленская таможня вмѣсто 400 копъ стала давать 1000 и т. д. Замѣтимъ при этомъ, что повышеніе пошлинь увеличивало доходы казны, но не управляющаго.

Аврамъ Езофовичъ не только самъ не покушался на доходы казны, но ревниво оберегалъ ихъ отъ покушеній другихъ лицъ не только отъ бывшихъ единовѣрцевъ, но и отъ своихъ кровныхъ. Такъ, мы видимъ, что когда гродненскій богачъ еврей Игуда Богдановичъ и Лазарь Хоцковичъ, завѣдывая вмѣстѣ съ гродненскими мѣщанами-христіанами сборомъ восковыхъ пошлинь, попытались, послѣ представленія отчета въ Вильно, получить этотъ сборъ на откупъ, пользуясь тѣмъ, что король остался имъ долженъ 90 к. гр., то Аврамъ Езофовичъ взялъ гродненскую таможню „на себя“²⁾. Равнымъ образомъ Аврамъ Езофовичъ не позволяетъ и своему родному брату извѣстному Михелю изъ Бреста взять таможенные доходы въ Брестѣ на откупъ, предоставляя ему вмѣстѣ съ другимъ братомъ—Айзакомъ быть только управляющими³⁾. Надо полагать, что око Аврама Езофовича было и здѣсь весьма зорко, потому что какъ только онъ

¹⁾ М. Л. Зал. VIII, f. 116. Съ коморы ковенской отъ мясопусъ (23 февр.), индикта 14 (1511 г.), до св. Михаила (29 сент.). Мы беремъ самый поздній срокъ, такъ какъ конечный срокъ поступления таможенныхъ доходовъ за 1510 г. въ документахъ точно не показанъ. Но, если принять болѣе ранній срокъ, то разница еще будетъ разительнѣе.

²⁾ Ib. XIV, f. 136. Наше предположеніе объ этой помытѣ мы основываемъ на томъ во 1-хъ), что Авраму Езофовичу не было основанія устранять безъ особихъ причинъ королевскихъ кредиторовъ, во 2-хъ), что Игуда Богдановичъ послѣ смерти Авраама Езофовича въ 1525 г. успѣваетъ сдѣлаться восковничимъ и соленичимъ гродненскимъ.

³⁾ Наши Док. и р. т. I, № 58. Такъ мы видимъ, что король, отдавая въ 1513 г. имъ таможенные доходы въ Брестѣ съ уплатою въ годъ по 500 копъ гр., оговариваетъ во 1-хъ), что это сдѣлано лишь для возмѣщенія имъ королевскаго долга и во 2-хъ), что, послѣ истеченія откупнаго срока, они должны вновь „держать мыто въ вѣрной рудѣ“. Въ виду несообразностей, вытекающихъ изъ такого условія, мы склонны думать, что въ актовой книгѣ сдѣлана существенная ошибка, а именно—вмѣсто того, чтобы написать: „маемъ имъ заллатити съ мыта Бер., которое есмы имъ за готовые пенязи продали за годъ по 500 копъ гр.“, слѣдовало „на годъ“. Тогда отдача мыта, приносящаго 1000 к. гр., на одинъ годъ за половинную цѣну и была бы платежемъ % за занятую сумму.

вступилъ въ должность подскарбія, доходы брестской таможи сейчасъ же повысились съ 750 копѣ до 1000 копѣ съ лишнимъ.

Таковъ былъ Аврамъ Езофовичъ, какъ подскарбіи земскій в. княжества литовскаго. Не прибѣгая къ чрезвычайнымъ средствамъ, Аврамъ въ короткое время сумѣлъ поднять государственные доходы Литвы и въ то же время отстранить почти на десять лѣтъ необходимость залога в. княжескихъ вотчинъ.

Проведеніе принципиальнаго различія между государственными доходами в. княжества и частными доходами в. князя, замѣна натуральныхъ платежей денежными, передача судебныхъ доходовъ въ руки в. князя, упорядоченіе монетнаго дѣла, замѣна системы откуповъ системою управленія—вотъ тѣ простыя средства, при помощи которыхъ оперируетъ Аврамъ Езофовичъ.

Провести выдачу почти всѣхъ родовъ жалованія деньгами, а равно обращать своевременно и съ выгодой для казны все сырье, получаемое изъ мѣстностей, было подъ силу лицу, обладающему огромными наличными капиталами, или же съ огромнымъ кредитомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, какъ увидимъ ниже, что собственныхъ капиталовъ Аврама Езофовича далеко не хватало бы для осуществленія такой грандіозной задачи, но здѣсь на помощь пришелъ кредитъ: во первыхъ,—братья Аврама Езофовича были весьма богатыми людьми и вели значительную торговлю. Аврамъ кредитуется у нихъ отчасти товарами, отчасти деньгами¹⁾. Но такъ какъ братья Аврама Езофовича были купцами, то повятно, что они съ большимъ трудомъ вынимали изъ торговаго оборота деньги. Поэтому Авраму Езофовичу приходилось обращаться къ другимъ лицамъ. Нужно отдать ему справедливость: онъ необыкновенно умѣлъ расшевеливать неподатливыхъ литовскихъ капиталистовъ. Кого только нѣтъ въ спискѣ

¹⁾ Д. и Р., № 83, отъ 1524. Жалобы Михеля Езофов. „штожь подскарбіи земскій, панъ Аврамъ-небожчикъ, осталъ ему винень немалую сумму пенязей за сукно и за оксамитъ и за одамашокъ и за ниня рѣчи, и тежь готовыми пенязми, (т. е. наличными деньгами). Ср. далѣе конецъ этого же №, въ этомъ и другихъ документахъ претензіи къ Авраму Ез. предъявляются однимъ Михелемъ, мы же относимъ эти обязательства къ обоимъ братьямъ, такъ какъ они раздѣлялись уже только по смерти Аврама.

его кредиторовъ! Князья, паны, (т. е. члены Рады), земляне, дворяне, мѣщане и евреи¹⁾ не задумываются повѣрять свои сбереженія въ руки энергичнаго подскарбія. Большая часть этихъ суммъ обезпечивается собственнымъ имуществомъ Аврама Ез. и только весьма малая падаетъ на счетъ государственнаго казначейства²⁾. Для проведенія этихъ операцій нужна была большая энергія, и только благодаря ей, Авраму Ез—чу удалось оказать в. княжеству тѣ услуги, на которыя мы указали выше.

Какая разница съ ближайшими преемниками Аврама Езофовича! Флегматическій, аккуратный Богушъ Боговитиновичъ оставляетъ наслѣдникамъ весь свой капиталъ реализованнымъ въ огромныхъ помѣстьяхъ, въ драгоценной утвари и уборахъ. Оканчивая свои земные счета, Богушъ не задумывается надъ будущимъ, какъ Аврамъ, а спокойно замѣчаетъ, что „никто ему не долженъ и онъ никому не долженъ“. Сейчасъ видно, что онъ не увлекался теоріями, а всѣмъ, не исключая и в. князя, давалъ деньги не иначе, какъ подъ солидное обезпеченіе! Точно также далѣе—подвижный Иванъ Горностаѣ не ломаетъ головы и не хлопочетъ, когда казна стоитъ пустою, и никто не вѣрять в. князю денегъ иначе, какъ подъ вѣрное обезпеченіе!³⁾

Вполнѣ понятны поэтому для насъ изъ души вырвавшіяся слова короля Сигизмунда въ одинъ изъ торжественнѣйшихъ моментовъ его царствованія: въ день принесенія упорнымъ Альбрехтомъ Бранденбургскимъ ленной присяги: „на счастливомъ и благополучномъ празнествѣ торжественнаго принесенія ленной присяги знаменитымъ государемъ, господиномъ Альбрехтомъ, макграфомъ Бранденбургскимъ, княземъ Прусскимъ, Штетинскимъ и т. д., *вспомнили мы*, говоритъ король Сигизмундъ, о

¹⁾ Ib. № 137.

²⁾ Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить того обстоятельства, что, по сведеніи окончательныхъ счетовъ съ Аврамомъ Ез., пассивъ оказался на сторонѣ не короля, но Аврама. Д. и Р. № 137.

³⁾ М. Л. З. XXXVII, 28 (b), Дониць, августа 30, года 1552. Подскарбій Иванъ Горностаѣ пишетъ королю Сигизмунду-Августу, что въ сварбѣ на лицо всего 1,000 к. гр. „всѣхъ же трудными и немалыми заставами пенязей позичити не досталемъ“. Поэтому подскарбій *советуетъ* королю занять денегъ у данцигскихъ купцовъ.

доблести и талантахъ вельможнаго Аврама Езофовича, подскарбія земскаго, старосты ковенскаго, солецкаго, который неустанно старался служить благу и своего государя и в. княжества литовскаго“.

Очертивъ, на сколько было въ нашихъ силахъ, личность Аврама Езофовича, какъ государственнаго дѣятеля, скажемъ теперь нѣсколько словъ о немъ, какъ о частномъ человѣкѣ.

Изъ всего нами изложеннаго можно уже, кажется, заключить, что возвышеніемъ своимъ Аврамъ Езофовичъ обязанъ своей личной энергіи, мужеству и, наконецъ, финансовымъ дарованіямъ. Искать причину возвышенія Аврама Езофовича въ принятіи имъ христіанства или же только въ огромномъ состояніи Аврама Езоф. было бы крайне ошибочно.

Вѣдь Аврамъ Ез. не былъ единственнымъ евреемъ въ Литвѣ, принявшимъ христіанство: мытники путивльскіе Федоръ и Иванъ Новокрещенные, Нисанъ Симпичъ Ольшейко—были весьма зажиточными людьми, и однако ни одинъ изъ нихъ не пошелъ далѣе званія войта. Но этого мало; одновременно съ Аврамомъ Езофовичемъ дѣйствуетъ цѣлый рядъ зажиточныхъ и предпріимчивыхъ христіанъ, православныхъ и католиковъ, въ родѣ Андрея Тихаго, купца в. княжества литовскаго, восковничаго виленскаго, управляющаго монетнымъ дворомъ, или въ родѣ Ульриха Гозія, Гонуса Шмекгера, Гонуса Дитриховича Судормана, Михеля Шписа и иныхъ. Однако никто изъ этихъ лицъ не двинулся далѣе должности городничаго виленскаго.

Думать далѣе, что въ возвышеніи Аврама Езофовича первую и главнѣйшую роль играли деньги, значитъ не имѣть совершенно никакого представленія объ Аврамѣ Езофовичѣ, какъ человѣкѣ. Прежде всего, Аврамъ Езофовичъ принадлежитъ къ чрезвычайно крѣпкой живучей семьѣ. Несмотря на жизнь полную заботъ, хлопотъ, надеждъ, борьбы и т. д., Аврамъ Езофовичъ умираетъ 70 лѣтъ съ лишнимъ. Но этого мало, за 12 лѣтъ¹⁾

¹⁾ Объ этомъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что только въ 1523 г., т. е. черезъ 4 года по смерти отца, старшій сынъ Аврамъ Ез. (Василій) Янъ уже достигаетъ совершеннолѣтія, т. е. 15 лѣтъ. Что этотъ возрастъ принимается за совершеннолѣтній, видно изъ актовыхъ книгъ М. Л. Суд. II, 271. Что жена Аврама—

до смерти Аврамъ Езофовичъ вступаетъ въ бракъ по увлеченію ¹⁾ и даетъ начало крѣпкому потомству, представители котораго не разъ напоминаютъ своего энергическаго предка ²⁾). Естественно, что въ такомъ крѣпкомъ тѣлѣ обиталъ и крѣпкій духъ. Мы знаемъ уже, какъ Аврамъ Езофовичъ защищалъ литовскіе замки. Не меньшую энергію обнаруживаетъ онъ въ теченіи всей своей долгой жизни, не только незначительнымъ откупщикомъ онъ съ успѣхомъ выходитъ изъ борьбы съ соперниками, собираетъ доходы тамъ, гдѣ другіе безнадежно опускаютъ руки, обращаетъ въ свою пользу направленные противъ него договоры,—но, будучи уже подскарбіемъ, онъ не только ведетъ операціи приѣма и выдачи казны, но слѣдитъ за исправнымъ производствомъ переписей, учитываетъ своихъ подчиненныхъ, отыскиваетъ подходящихъ для того или иного финансоваго поста лицъ, направляетъ дѣятельность монетнаго двора, выдаетъ самъ порохъ, ружья, снаряды и т. д.,—стараясь постоянно и вездѣ „приводити къ королевскому пожитку“, „какъ бы его милости государю не шкодно“. Едва получивъ ковенское мыто, Аврамъ тотчасъ же открываетъ громадныя убытки казны, вырабатываетъ мѣры для устраненія оныхъ и немедленно сообщаетъ объ этомъ королю, хотя, имѣя въ рукахъ откупныя контракты, могъ бы свободно прибыли обратить въ свою личную пользу. Также энергично направляетъ онъ работы монетнаго двора. Находя, далѣе, убыточнымъ для казны получать сукно и другія матеріи (которыя платилось жалованіе) отъ литовскихъ купцовъ, даже отъ

Ганна Васильевна была молода, это видно изъ того, что по смерти Аврама она вышла вторично замужъ и въ 1536 г., т. е. когда ея старшему сыну было 28 лѣтъ, имѣла дѣтей отъ втораго мужа и надѣялась еще имѣть ихъ.

¹⁾ Что бракъ этотъ не былъ по расчету, лучше всего видно изъ того, что Ганна Васильевна не принесла съ собою никакого приданнаго, такъ какъ 1000 копъ гр., назначенныя ей въ завѣщаніи Аврама Ез., составляютъ его подарокъ, а не записываются вмѣсто его приданнаго, вѣна, какъ то бывало въ Литвѣ.

²⁾ Такъ напр., внукъ Аврама Ез. Янъ Яновичъ, вмѣстѣ съ виленскій, своимъ личнымъ мужествомъ и разумными распоряженіями успѣваетъ прекратить кровавыя стычки между виленскими католиками и диссидентами, грозившія серьезными опасностями Вильнѣ. А что это дѣло было не шуточное, лучше всего свидѣтельствуется отзывъ Стефана Баторія, компетентность котораго въ дѣлахъ о мужествѣ и распорядительности едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

собственникъ братьевъ, Аврамъ завязываетъ прямыя сношенія съ заграничными рынками: съ Познанью и т. п., чтобы получать нужные ему товары изъ первыхъ рукъ и т. д.

Происхожденіе Аврама намъ извѣстно. Казалось бы, что трудно человѣку, постороннему для литовской знати, изъ которой черпалась Рада в. княжества, не только войти въ это государственное святилище, но еще труднѣе найти *modus vivendi* съ несомненно покладливыми натурами, въ родѣ М. Радивила и Ольбрахта Кгаштолта. Тѣмъ не менѣе Аврамъ Езофовичъ не только мирно уживается въ ихъ средѣ, но Радивиль, какъ мы видимъ, хлопочетъ за него передъ королемъ, Кгаштолтъ принимаетъ на себя обязанности душеприкащика, Юр. Ив. Илиничъ вступаетъ съ нимъ въ родство. Что положеніе это приобрѣтено было не подарками, видно изъ того, что даже въ своемъ завѣщаніи Аврамъ не даритъ Кгаштолту сравнительно небольшого дома, точно также, какъ не даритъ знаменитому вязю и члену Рады Константину Острожскому недоимокъ, соглашаясь въ то же время принять отъ него вмѣсто денегъ серебряные чашу и ковпѣ¹⁾. Этотъ фактъ стоитъ въ прямой связи съ образцовою вообще аккуратностію Аврама. Для примѣра вотъ нѣсколько образчиковъ: вскорѣ по назначеніи въ должность земскаго подскарбія, Аврамъ Езофовичъ принимаетъ въ свои руки государственную казну, хранившуюся въ Вильнѣ, въ особыхъ погребахъ въ замкѣ виденскомъ²⁾. Въ скарбѣ этомъ не было ни денегъ, ни дорогихъ суконъ. За надежными запорами хранились: имущество в. князя: русскія, латинскія и чешскія книги, богослужебная утварь придворной церкви, одежды, т. е. шубы, горностаи и т. д., личное вооруженіе в. князя, ковры, драпировки, постели, кухонная утварь, конская сбруя и т. п. походныя при-

¹⁾ Д. и Р. № 69. Понятно, что Аврамъ не могъ обойтись безъ обычныхъ въ то время „челобитій“ и „поклоновъ“, наприм., онъ даритъ Радивилу за оказываемое вниманіе, но подарокъ, сдѣланный Радивилу не можетъ идти и въ отдаленное сравненіе съ тѣми „поклонами“, которые дѣлали магнатамъ самые обыкновенные просители. Въ числѣ оставшагося послѣ смерти Радивила имущества мы встрѣчаемъ двѣ портьеры („заповицы“), подарокъ Аврама—и только.

²⁾ М. Л. Суд. Д. Ш, 147 и далѣе.

надлежности. Здѣсь же вмѣстѣ съ частнымъ имуществомъ в. князя помѣщался и единственный для всей Литвы арсеналь. Нѣтъ, конечно, ничего особеннаго въ томъ, что Аврамъ Езофовичъ составилъ приѣмную опись (хотя она, къ сожалѣнію, единственная для Литвы), но важно,—какъ была произведена эта опись. Понятно, что подробно описаны оружіе или одежды в. князя, книги: ихъ было не много и каждая вещь—чуть не цѣлый капиталъ¹⁾. Но спрашивается, чѣмъ, кромѣ самой мелочной пунктуальности, могутъ быть объяснены такія подробности, какъ, напр., описаніе пушки, испорченной литейщикомъ, при чемъ подробно перечисляются не только всѣ подпорки, на которыхъ она была укрѣплена, но и кольца, состояніе колесъ и т. п. Нечего и говорить, что всѣ годныя къ употребленію орудія и принадлежности къ нимъ, какъ то: пороховицы каменные и чугунныя, ядра („кули“), формы для нихъ, порохъ, сѣра и пр. перечислены, взвѣшены и описаны съ неменьшею точностію²⁾.

Около 1529 (?) года, въ виду неисправности взноса шляхтою поголовщины и серебщины, в. князь предписалъ Радѣ обратиться, впредь до выясненія причинъ неплатежа, имущества неисправныхъ въ казну. Въ отвѣтъ на это Рада пишетъ, что предписаніе в. князя слѣдуетъ осуществить съ крайнею осторожностію, такъ какъ нѣтъ на лицо всѣхъ окладныхъ листовъ („рейстровъ“), „бо иншіе рейстры у подскарбего ваше милости небожика Аврама, которыи суть за печатью ваше милости за-

¹⁾ Напр., подаренный в. княземъ Константину Ивановичу Острожскому кафтанъ (газука на золотѣ) стоилъ 100 червонныхъ злотыхъ (около 3,000 руб), но вѣдъ дарилъ же грозному хану крымскому король Казиміръ Ягеллонъ 8 локтей сукна!

²⁾ М. Л. Суд. Д. III. f. 147, слѣд. Вотъ на выдержку маленькій отрывочекъ: „А рушницъ желѣзныхъ 5, а 4 ручницъ меденныя. А къ тымъ ручницамъ 5 пороховницъ, а кулей ручныхъ 80, а формъ рушничныхъ 7. А въ трехъ бочкахъ пороху 12 камней (т. е. 9 пудовъ), фунтовъ безъ 18, на великія дѣла (пушки), а еще осталось того пороху у мѣху камень безъ 8 фунтовъ. А (для) меденныхъ козь и гаковницъ, (т. е. крѣпостныхъ ружей) пороху камень и 3 фунта, а на желѣзныя гаковницы пороху 2 камня сытыхъ“ и т. д. Очевидно, такое описаніе не могло быть сдѣлано на глазомѣръ: каждый фунтъ пороху взвѣшенъ, даже для полнаго вѣса нашлось отличное словечко: „камень“, (т. е. 30 фунт., единица вѣса) названъ „сытымъ“.

хованы“¹⁾. Отсюда видно, какъ небрежно велись дѣла преемникомъ Аврама Езофовича: онъ и не подумалъ объ истребованіи окладныхъ листовъ! вмѣстѣ съ тѣмъ видна та важность, которую члены Рады придавали окладнымъ листамъ, составленнымъ подъ руководствомъ Аврама Езофовича. Очевидно, онъ понималъ важность такихъ документовъ: они у него были собраны и хранились вмѣстѣ съ наиболѣе цѣннымъ имуществомъ.

Приведемъ еще два образчика аккуратности Аврама Езофовича: еще при королѣ Александрѣ онъ получилъ въ смоленскомъ повѣтѣ помѣстье Волутину Гору²⁾. Въ 1512 г. смоленскіе мѣщане Семень, Кузьма, Антипа и Дашко Волутинцы представили королю жалобу, что Аврамъ Езофовичъ „заочно украсивши, выпросилъ“ у короля Александра „отчину и дѣдину ихъ—Волутину Гору за пусто (т. е. какъ не населенное имѣніе), а другое селцо на Стыганцы“. Вѣроятно, этимъ Волутинцамъ стала извѣстна неполнота жалованной грамоты, т. е. что вмѣстѣ съ Волутиной Горой не было упомянуто село Стыганка. Между тѣмъ въ Литвѣ в. князя слѣдовали тому началу, что „мы такъ даемъ, хто у насъ просить“³⁾, или еще опредѣленнѣе: „мы никому привольевъ нашихъ и листовъ нашихъ на приволья и листы наши не даемъ, а даемъ имъ такъ, какъ хто у насъ просить“⁴⁾. То есть, в. князь объявлялъ всѣмъ и каждому, что, отдавая всегда предпочтеніе уже существующему праву, болѣе ранней привилегіи и т. д., онъ предоставляетъ всѣмъ и каждому просить на свой собственный рискъ и страхъ о какомъ угодно пожалованіи. Если же окажется впослѣдствіи, что проситель „многое упросилъ за малое“, или же населенное имѣніе за пустое, то пусть пеняетъ самъ на себя, если в. князь уничтожитъ грамоту, выданную на основаніи его же личныхъ показаній. И дѣйствительно, въ актовыхъ книгахъ встрѣчаются не

¹⁾ М. Л. Зап. VII, f. 412.

²⁾ М. Л. Зап. VIII, 113. Даты нѣтъ, но предыдущій документъ относится къ индикту 14 (1512 г.) къ июню 25, а послѣдующій къ тому же году июлю 26.

³⁾ Ib. 3. XIV, 264, отъ 1526 г.

⁴⁾ Ib. 3. XIV, 335 (b) 1528 г.

разъ случаи такого уничтоженія неправильно выданныхъ привилегій и восстановленія нарушенныхъ правъ¹⁾).

Получившій неправильно привилегію долженъ не только вознаградить истцовъ за протори и убытки, заплатить пересудъ, но сверхъ того терять уплоченное в. князю „челобитье“.

Очевидно Волутинцы надѣялись, что значительный промежутокъ времени со дня пожалованія, выселеніе Аврама изъ Смоленска и т. д. могли помѣшать Авраму Езофовичу доказать, что пропускъ села Стыганки въ привилегіи короля Александра произошелъ не изъ желанія скрыть размѣры выпрошеннаго помѣстья, а по инымъ причинамъ. Однако расчеты ихъ оказались невѣрными: передъ судомъ, назначеннымъ для разсмотрѣнія этого дѣла, Аврамъ Езофовичъ не только доказалъ, что Волутина Гора дарована и подтверждена ему въ вотчину королевскими грамотами, но и что село Стыганка не упомянута въ этихъ привилегіяхъ лишь потому, что оно составляетъ нераздѣльную часть Волутиной Горы, „ижь тое... сельцо посполъ изъ Волутиною Горою издавна одна служба бывала“. Истцы не только, что не могли опровергнуть доказательствъ Аврама Езофовича, но и сами признали, что пожалованное имѣніе, дѣйствительно, „одна служба“.

Когда Аврамъ Езофовичъ возведенъ былъ въ званіе ковенскаго старосты и въ этомъ качествѣ самъ раздавалъ, по порученію в. князя, помѣстья и вотчины, то и здѣсь онъ проявилъ ту же самую аккуратность, образцы которой мы сейчасъ привели. Такъ, напр., когда въ 1518 г. по жалобѣ подклучаго троцкаго Василя Константиновича Жабы назначена была коммиссія для опредѣленія его правъ на землю въ ковенскомъ повѣтѣ, то оказалось, что прежній владѣлецъ земли—нѣвѣй бояринъ Михайло продалъ безъ разрѣшенія в. князя половину этой

¹⁾ М. Л. Зап., VIII, 284, отъ 1568 г. Смольняне Трахоиловы восстанавливаются въ правахъ путныхъ людей, между тѣмъ какъ дворянинъ в. князя Михайло Дашкевичъ выпросилъ ихъ за „тяглыхъ людей“; или тамъ же бояре Досоговы, „предки“ которыхъ „волости держивали отъ предковъ в. князя“, восстанавливаются въ своихъ правахъ въ противность привилегіи, полученной смоленск. же бояриномъ Фед. Мирославичемъ, выпросившимъ изъ за „щитныхъ слугъ“, и т. д.

земли боярину пана Паца—Бутку, а другую половину ковенскому мѣщанину—Пашку Черному. Съ того времени прошло 40 лѣтъ, но Аврамъ Езофовичъ разузналъ, какъ о самомъ фактѣ неразрѣшенной продажи, такъ и о томъ, что въ теченіи этихъ 40 лѣтъ Бутко не отбывалъ въ пользу в. князя никакихъ „службъ“. Обративъ эти земли, называвшіяся въ совокупности Михайловщиною, въ казну, Аврамъ Езофовичъ половину ихъ отвелъ („4 земли“) Жабѣ, а другую половину—Дашкевичу¹⁾.

Фактъ, повидимому, незначительный, но рядомъ съ другими отлично характеризующій Аврама Езофовича: онъ не только слѣдитъ за надлежащимъ поступленіемъ казенныхъ доходовъ, бережно охраняетъ то, что есть, но старательно разыскиваетъ, не потеряно ли что казною, и разъ отыскавъ такую потерю, не медлитъ съ ея возвращеніемъ. Припомнимъ, далѣе, отчетъ Аврама Езофовича отъ 1511 года. Одною изъ характернѣйшихъ особенностей этого документа слѣдуетъ признать сведеніе государственныхъ платежей къ однимъ и тѣмъ же срокамъ,—такъ, большинство статей приурочено къ полугодіямъ (не январьскаго, а сентябрьскаго года, который тогда былъ въ употребленіи). Далѣе, Аврамъ Езофовичъ стремится къ установленію опредѣленныхъ періодовъ для представленія отчетности; не отъ Аврама однако зависѣло появленіе в. князя въ Литвѣ, между тѣмъ, по обычаю, отчеты подскарбія для своей полной годности нуждались въ утвержденіи ихъ в. княземъ вмѣстѣ съ Радою,—но опять таки, по обычаю, Рада не слѣдовала за в. княземъ въ Польшу, поэтому утвержденіе отчетовъ могло произойти только на литовской территоріи. Тѣмъ не менѣе Аврамъ считалъ своимъ долгомъ представлять какъ можно чаще партикулярные отчеты, а какъ только пребываніе в. князя въ Литвѣ было не мимолетнымъ, Аврамъ непремѣнно успѣвалъ получить оффиціальное утвержденіе своихъ отчетовъ. Благодаря, конечно, тому обстоятельству, что отчеты за истекшіе сроки всегда были на лицо, мы видимъ, что между ними лежатъ небольшіе промежутки, а именно отчеты были утверждены въ 1511 г., 1514, 1518 гг.

¹⁾ М. Л. С. Д. II, 258.

Мы останавливаемся на этой подробности и видимъ въ ней характерную черту личности Аврама Езофовича, потому что ни его предшественники, ни его преемники не отличались въ этомъ отношеніи излишнею щепетильностью. Богушь Боговитиновичъ¹⁾ представляет отчетъ за *восемь лѣтъ сразу!* Иванъ Горностаѣ за *шесть лѣтъ и 4 мѣсяца*²⁾, Астафій Воловичъ за семь лѣтъ³⁾ и т. д.

Основнымъ мотивомъ всей служебной дѣятельности Аврама Езофовича служить безграничная преданность своему монарху: мы не будемъ напоминать, какъ въ 1509 г. незначительныя пожалованія в. князя наполняютъ радостію сердце Аврама Езофовича и онъ называетъ ихъ великимъ пожалованіемъ и милостію. Передъ нами еще другіе факты. Въ 1514 г. для покрытія занятыхъ у Езофовича 4000 копъ гр. король Сигизмундъ предоставляетъ въ его полное распоряженіе, впредь до погашенія долга, *съ* доходы съ брестской таможи. Между тѣмъ наступаютъ трудныя времена: королю безотлагательно нужны деньги, достать ихъ трудно, вельможи жмутся... Что же Аврамъ Езофовичъ? Онъ не только не претендуетъ, что всѣ доходы брестской таможи уходятъ на государственныя нужды, но еще ссужаетъ королю новыя и новыя суммы. Мало того, когда на Виленскомъ сеймѣ 1518 г. оказался дефицитъ за счеты Аврама въ 8000 к. гр., в. князь для огражденія интересовъ Аврама Езофовича предоставилъ ему доходы съ брестской таможи на 8 лѣтъ съ тѣмъ, чтобы ежегодно была погашена $\frac{1}{8}$ часть долга. Между тѣмъ для удовлетворенія государственныхъ нуждъ закладывается большая часть в. княжескихъ волостей, а полученныхъ денегъ все мало. И вотъ, съ брестской таможи Аврамъ Езофовичъ не получилъ еще ни копѣйки, но по слову короля занимаетъ ему вновь 2000 к. гр. да различныхъ суконъ, бархату, шубъ и т. п. для

¹⁾ М. Л. Зап VII, 599. Годъ неизвѣстенъ, въ Вильно. Въ виду того, что Б. Б. становится подскарбіемъ въ 1520 г., а умираетъ въ 1529 г., надо полагать, что отчетъ этотъ относится къ началу 1529 г., когда король Сигизмундъ былъ въ Вильно.

²⁾ Акты З. Р., т. II, № 220 отъ 1542 г. мая 1.

³⁾ М. Л. З. I, 181 (b) отъ 1568 г.

уплаты „войскамъ“ еще на 3000 к. гр. Казалось бы, какой же уступчивости, но и этого оказывается мало: въ началѣ слѣдующаго года в. князь отдаетъ брестскую таможену Михелю Шпису и брестскимъ мѣщанамъ, потому что они предлагаютъ вмѣсто 1000 к. гр. въ годъ—по 1300. Надо полагать, что Аврамъ Езофовичъ болѣе чѣмъ кто либо иной имѣлъ нравственное право получить эти лишнія 300 копъ гр., но какъ только пожелалъ в. князь, Аврамъ Езофовичъ отступается отъ предоставленнаго ему торжественнѣйшимъ образомъ права ¹⁾ для того, что „въ томъ“ „господарскій пожитокъ и земскій“ ²⁾. Но быть можетъ для Аврама лишнія 300 копъ гр. ничего не значатъ, такъ какъ и безъ того богатство его, по мнѣнію г. Вольфа, выросло съ каждымъ днемъ,

Въ виду только что приведенныхъ фактовъ, а равно и въ виду упомянутаго раньше отказа отъ убыточныхъ для казны откупныхъ контрактовъ, намъ нѣтъ особенной надобности настаивать на безкорыстїи Аврама Езофовича. Но чтобы болѣе еще отмѣтить эту сторону, рассмотримъ, на сколько выросло богатство Аврама Езофовича съ 1509 г. по 1519 г., т. е. за 10 лѣтъ его подскарбства. Мы не знаемъ, съ какими денежными средствами началъ Аврамъ Езофовичъ свою самостоятельную жизнь. Судя, однако, по дружественнымъ его отношеніямъ съ братьями, можно полагать, что переходъ Аврама Езофовича въ христіанство не поссорилъ его съ родными и по смерти отца Аврамъ Езофовичъ получилъ свою долю наслѣдства. Можно предполагать, что смерть Іозефа Рябчика или Робея совпала какъ разъ съ изгнаніемъ евреевъ изъ Литвы, такъ какъ въ 1-хъ) мы не встрѣчаемъ съ этого времени въ актахъ упоминанія о Робеѣ,

¹⁾ М. Л. Зап. XI, 27 (b). „Не маемъ мы“, говоритъ король (в. князь) „и наны Рады наши безъ бытности нашею у в. княж. въ него ничего брати на наши потреби земскіе, а на отправу и на страву носламъ и гонцомъ, а ни на квітощахъ ни которыхъ отиравъ а ни данинтъ, а ни листовъ безмытныхъ никому не маемъ давати“. Предоставляется ему затѣмъ это право на получение всѣхъ доходовъ брестской таможи въ теченіи 8 лѣтъ уступить, продать, подарить, завѣщать и т. д. Нашествіе непріятели и моровое повѣтріе принимается въ расчетъ и т. д.

²⁾ Ів, f, 38 (b).

во 2-хъ) въ 1496 г. Робею навѣрное было свыше 70 лѣтъ, въ 3-хъ) по возвращеніи евреевъ въ Литву оба брата Аврама Езофовича ведутъ свои операціи совершенно самостоятельно и отъ своего имени, наконецъ, въ 4-хъ) какъ разъ за изгнаніемъ евреевъ Аврамъ Езофовичъ вступаетъ самъ въ ряды откупщиковъ, для чего требовались значительныя средства. Такъ, въ 1496 г. онъ въ компаніи съ Мартиномъ Янгелевичемъ беретъ на откупъ смоленскія таможенныя пошлины на 3 года, съ уплатою въ казну по 200 копъ гр. ежегодно ¹⁾). Въ 1499 г. Аврамъ, какъ мы видѣли, представилъ не только 622¹/₂ к. гр. за три года, но получаетъ уже на свое собственное имя таможенные откупы въ Смоленскѣ и Минскѣ. Въ 1503 г. Аврамъ Езофовичъ беретъ на откупъ смоленскій таможенный и питейный откупъ за 2400 к. гр. Въ 1506 году Аврамъ ссужаетъ королю Александру выше 1000 к. гр. Въ 1507 г. Аврамъ получаетъ на откупъ ковенскіе таможенные доходы съ уплатою немедленно 800 съ лишнимъ копъ грошей; минская таможня, новогрудская, смоленская и смоленскій питейный откупъ поступаетъ въ руки Аврама Езофовича. Такъ какъ по обычаю откупная сумма вносилась, обыкновенно, за годъ впередъ, то суммы, которыя должны были находится въ рукахъ Аврама Езофовича въ 1507 г., простирались до 2000 к. гр., не считая долговыхъ обязательствъ на король Александръ. Такимъ образомъ, не считая правъ на старшинство смоленское и минское войтовство, а равно и недвижимостей, въ рукахъ Аврама Езофовича находилось наличными деньгами и въ надежныхъ долговыхъ обязательствахъ до 4000 копъ грошей, т. е. около 250000 руб. на наши деньги.

Обыкновеннымъ мѣстомъ засѣданій Рады была Вильна. Подскарбію же земскому, въ особенности въ виду перевода всѣхъ платежей на государственное казначейство, приходилось чаще всѣхъ проживать именно въ Вильнѣ. Въ виду, вѣроятно,

¹⁾ Утвержденіе наше мы основываемъ на томъ, что М. Янгелевичъ упоминается въ отчетѣ 1499 г. во множественномъ числѣ. Аврамъ же предоставляетъ 622¹/₂ копы гр. слѣдующихъ въ казну за три года (см. выше).

этого обстоятельства в. князь дарить Авраму Езофовичу въ 1511 г. выморочный домъ на Субочевой улицѣ ¹⁾.

Въ томъ же году на „великомъ сеймѣ Берестейскомъ“ Аврамъ Езофовичъ получаетъ „дворецъ“ Жерославку въ вотчину „вѣчно—ему самому и его женѣ и ихъ дѣтямъ и напотомъ будущимъ ихъ счадкамъ“, „со всимъ правомъ и панствомъ“ ²⁾. Остановимся на этомъ пожалованіи. Въ 1508 г. іюля 20 ³⁾ король Сигизмундъ далъ своему дворянину Ивану Кобакову ⁴⁾ „имѣньнице на *хлбокормленіе* дворъ нашъ городенскаго повѣта, на имя Жарославку съ челядью невольною и съ животиною и съ житомъ и со всѣмъ съ тымъ, што въ томъ дворѣ суть“. „А къ тому придали есмо ему сто человекъ Жорославское же волости, которые сѣдятъ около того двора“. Нѣсколько позже король, однако, изъ этого пожалованія выдѣлилъ 36 службъ другому дворянину, а Жораславку *пожаловалъ* въ вотчину или же заложилъ тому же Кобакову. Изъ текста документа видно, что король только подтверждаетъ уступку Иваномъ Кобаковымъ своего дворца Авраму по той причинѣ, что самъ Кобаковъ собрался поступить въ монахи. Старый инвентарь Метрики Литовской, извѣстный подъ названіемъ N I и II Записей, говоритъ прямо о продажѣ этого имущества, при чемъ выставляетъ и самую сумму—100 кошь грошей ⁵⁾. Но очевидно, что цифра здѣсь показана не вѣрно, потому что „служба“ людей цѣнилась, обыкновенно, въ 10 кошь грошей, что видно, напримѣръ, изъ того, что другой дворянинъ в. князя М. Юр. Зеновьевичъ зало-

¹⁾ Д. и Р. I, № 57, отъ 18 марта, въ Краковѣ.

²⁾ М. Л. Зап. IX, 140 (b), документъ 259.

³⁾ Ів. З. VIII, 227 (b).

⁴⁾ Кобакову, а не Кобялкову, какъ пишетъ г. В. справляющійся съ инвентаремъ вмѣсто того, чтобы изучать автогва книги.

⁵⁾ Записей (sic) № II, страница 80, 9 іюня неизвѣстнаго года, что не мѣшаетъ г. Вольфу поставить 1511 г., почему, неизвѣстно. Тамъ же на 81 стр. показано подтвержденіе королевемъ этой покупки отъ 18 іюля 1511 г. Мы не считаемъ нужнымъ слѣдовать этимъ документамъ, такъ какъ имѣемъ передъ собою подлинникъ, гдѣ утвержденіе этой покупки сдѣлано королевемъ 8 августа 1511 года въ Брестѣ, на великомъ сеймѣ.

жилъ Авраму же Езофовичу въ Жерославской волости ¹⁾ 21 службу людей и 4 пуста земли за 164 копы гр. Заложилъ, при томъ, а не продалъ! Поэтому въ продажной записи на Жерославку нужно допустить поправку, по крайности, на одинъ нуль съ правой стороны. Въ 1513 г. Аврамъ Езофовичъ представилъ в. князю (просроченную (?) закладную М. Ю. Зеновевича и просилъ в. князя, чтобы онъ эту закладную обратилъ въ купчую крѣпость ²⁾). Въ 1514 г. къ этимъ имѣніямъ присоединяются фольваркъ подлѣ Минска, купленный Аврамомъ Езофовичемъ у мѣщанина минскаго Микиты Волковича ³⁾.

Послѣднее, сравнительно крупное, приобрѣтеніе сдѣлано Аврамомъ Езофовичемъ въ 1515 г., а именно: онъ купилъ съ королевскаго разрѣшенія у подляскаго воеводы И. С. Сопеги брестское войтовство. Къ брестскому же войтовству принадлежали кромѣ обыкновенныхъ войтовскихъ доходовъ, т. е. извѣстнаго % судебныхъ штрафовъ и пошлинъ, льготной корчмы, вѣсовыхъ пошлинъ и т. д., еще слѣдующія земли: въ 1497 г. в. князь Александръ пожаловалъ войту брестскому Павлу Черному къ брестскому войтовству с. Корницу съ четырьмя службами людей и участкомъ Конюшки ⁴⁾. Иванъ же Семеновичъ Сопега самъ прикупилъ къ этому войтовству нѣсколько фольварковъ ⁵⁾. Сверхъ того, неизвѣстно въ какое время приобрѣтены были Аврамомъ Езофовичемъ у п. Богдана Конюскаго гладковицкій дворецъ съ пашнею, вошедшіе въ составъ Жерославки, затѣмъ фольваркъ подлѣ Вильно—Азднишки и дворовое мѣсто

¹⁾ Въ жерославской волости. У г. же Вольфа жерославская волость отождествляется съ дворомъ Жерославкою! (стр. 25 назв. соч.) между тѣмъ *волость* продолжала существовать независимо отъ Жерославки еще въ 1523 г., какъ мы видимъ изъ пожалованія пану Тр., стр. Гер. Ю. Ю. М. Радивилу „остатка людей всѣхъ и земель пустовскихъ двора нашего городенскаго повѣта Жерославки“.

²⁾ Такъ мы понимаемъ слова грамоты: „билъ намъ (в. князю) п. Абрамъ, обыхмо тыи вышенисанныи люди и съ тума чотырма землями пустыми *ему на вѣчность дали*“.

³⁾ Д. и р. т. I, № 63. Подтверждена эта покупка 26 октября 1514 г.

⁴⁾ Наши Д. и р., т. I, № 35.

⁵⁾ Д. и р. т., I. № 65.

съ незначительными постройками въ Вильнѣ на Нѣмецкой улицѣ¹⁾. Но всѣ эти пріобрѣтенія незначительны.

Не придаемъ мы также значенія пріобрѣтенію Авраомъ Езофовичемъ въ 1517 г. у вельможной Новойки де Виснице королевскаго имѣнія Солецъ, заложеннаго ея предками—польскими королями. Не придаемъ мы значенія потому, что пріобрѣтеніе это не долго остается въ рукахъ Аврама Езофовича, такъ какъ уже въ 1519 г. онъ не титулуется уже больше старостою солецкимъ, а равнымъ образомъ нѣтъ о Солецѣ ни малѣйшаго воспоминанія и въ духовномъ завѣщаніи Аврама Езофовича. Купчая крѣпость на это имѣніе и теперь въ актахъ Метрики Литовской, слѣдовательно отъ Аврама Езофовича Солецъ перешелъ къ королю. Когда именно и на какихъ условіяхъ,— намъ неизвѣстно. Надо полагать, однако, что прямо отъ Аврама Езофовича, такъ какъ до конца польскаго королевства Солецъ не выходилъ болѣе изъ рукъ казны и уже въ 1530 г. король Сигизмундъ I возобновляетъ старинныя привилегіи Сольца, истребленныя пожаромъ²⁾.

Изъ сказаннаго очевидно, что большая часть поземельныхъ имуществъ Аврама Езофовича пріобрѣтена имъ на свои собственные деньги: королевскія пожалованія ограничиваются гринковскимъ дворцемъ и нѣсколькими пустыми землями къ нему, выморочнымъ домомъ въ Вильно, да „однимъ человѣкомъ“ въ сомилишской волости.

Что касается движимаго имущества, то мы можемъ его почти вовсе не принимать во вниманіе: нѣтъ въ немъ ни дорогихъ цѣпей, жемчужныхъ „брамокъ“, (оплечій), перстней съ драгоценными камнями, серебряныхъ чашъ артистической работы, зотоглавыхъ одеждъ, собольихъ шубъ и т. п., какъ у

¹⁾ Мы считаемъ дворъ въ Вильнѣ, завѣщанный Константину Аврамовичу, за пустопорожній, потому что Аврамъ Езофовичъ приказываетъ старшему своему сыну Василю (Яну) дать брату 200 копъ гр. „противко своего двора“, (пожалованнаго королемъ на Субочевой улицѣ); нехай Константинъ также дворъ себѣ справить“. Слѣдовательно, дворъ, пожалованный, королемъ стоилъ менѣе 200 копъ гр., а дворъ на Нѣмецкой улицѣ былъ пустъ.

²⁾ Baliński Starożytna Polska, т. II, стр. 454.

большинства его знатныхъ современниковъ ¹⁾. Аврамъ Езофовичъ оставилъ по себѣ самое незначительное количество драгоценныхъ вещей. Завѣщанное имъ женѣ серебро состояло изъ дюжины новыхъ ложекъ и 10 старыхъ, 12 чарокъ (роструханцовъ) и двухъ кубковъ, болѣе не было ничего примѣчательнаго, такъ какъ все остальное упомянуто мимоходомъ въ приданомъ дочери (сравнительно небольшомъ—всего 200 к. гр.) и въ доляхъ сыновей. О дебетѣ Аврама Езофовича мы ровно ничего не узнаемъ изъ завѣщанія, несмотря на то, что дебетъ равнялся почти всему кредиту Аврама, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Аврамъ Езофовичъ умеръ въ концѣ 1519 г. ²⁾.

Аврамъ Езофовичъ оставилъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей, изъ которыхъ старшему—Василію было всего 11 лѣтъ. Въ 1523 году, марта 14, король предписываетъ „князю Яну, бискупу виленскому, принять отъ воеводы подляскаго, Януша Костевича 10,000 червоныхъ злотыхъ“, въ которыхъ было заложено Ковно Авраму Езофовичу, „и тые 10,000 злотыхъ червоныхъ, або въ

²⁾ Ср. напр., вышеуказанное завѣщаніе Богуша Боговитиновича. Для образчика приведемъ маленькую выдержку изъ имущества маршалка Солтана Александровича. Ограничиваемся реестромъ дорогихъ одеждъ: *шуба* „кунья одамашкою тяжелою (атласомъ) черною крыта; *шуба* бѣлиная, вѣдзачая (дорожная), одамашкою черною крыта. Спорохъ черного оксамиту на золотѣ; *шуба* соболя одамашкою червоною крыта съ пугвицами; *шуба* кунихъ горель одамашкою гвоздиковою крыта, съ пугвицами; *шуба* бѣличья, бурнатнымъ атласомъ крыта, съ тканками. Лѣтникъ оксамиту (бархату) сѣраго съ пугвицами: *шуба* кунья одамашкою сѣрою крыта; *шуба* кунья одамашкою черною крыта, съ пугвицами; *шуба* новая *горностайская* голая, съ пугвицами одного золота“... „сорокъ соболей“ и т. д. Цѣлое состояніе! М. Л. Суд. Д. II, 174 (b).

¹⁾ Объ этомъ мы заключаемъ: во 1-хъ), что 12 марта 1520 г. Янушъ Костевичъ, явившись къ королю Сигизмунду въ Торнѣ, ходатайствуетъ объ отдачи ему въ державу г. Ковно съ волостью, согласно прежнему королевскому обѣщанію, при чемъ объ Аврамѣ Езофовичѣ упоминается какъ о покойникѣ [Зап. X., 32 (b)]. Во 2-хъ) изъ показаній собственныхъ сыновей Аврама Езофовича, данныхъ ими передъ королемъ въ 1535 г. и не опровергнутыхъ противной стороной, что отецъ ихъ „кдн... оный тостаментъ (1519 г. сентября 23) свой у Берести справилъ и всю волю свою остаточную тамъ описалъ, тогда дей до насъ (короля) къ корунѣ польской былъ поѣхалъ и, недоѣждаючи тыхъ мѣстъ на Ломазу змаря“. (Д. и р; т. I, № 159). Между тѣмъ 11 декабря 1519 г. король Сигизмундъ еще находится; въ *Брестѣ*, а 2 февраля 1520 г. даетъ привилей въ Торнѣ (М. Л. Зап. X, 19 (b) bid., 27 (b)).

монетѣ, почомъ золотый въ панствѣ нашомъ, в. княжествѣ литовскомъ, идетъ положить въ костелѣ св. Станислава, въ закрыстіи, у Вильни“, впредь до совершеннолѣтія Василя Абрамовича. Поручая епископу принять эти деньги, король предписываетъ ему пригласить къ этому приему и двухъ другихъ душеприкащиковъ, т. е. Кваштолта и Илинича и вмѣстѣ съ ними опечатать хранилище своими печатами. Дѣлая это распоряженіе, король объявляетъ, что, какъ только Янушъ Костевичъ внесетъ деньги, такъ тотчасъ же будетъ введенъ въ управленіе Ковео, „бо вже досыть станетъ привилію нашему, который небожчикъ Аврамъ на Ковень мѣлъ“ ¹⁾. Черезъ полтора мѣсяца, т. е. 29 апрѣля 1523 г., король посылаетъ изъ Кракова предписаніе виленскому воеводѣ, канцлеру О. М. Кваштолту, чтобы онъ во время ближайшаго сейма выдалъ маршалку дворному Ю. И. Илиничу 10000 червонныхъ золотыхъ, которые хранятся въ костелѣ св. Станислава въ Вильно, такъ какъ Ю. И. Илиничъ писалъ къ королю и присылалъ вмѣстѣ съ тѣмъ своего зятя Яна (Василя) Абрамовича съ просьбою о выдачѣ этихъ денегъ, такъ какъ Янъ Абрамовичъ, также и невѣста его,—дочь Ю. И. Илинича, уже совершеннолѣтніе. Приказывая выдать деньги, король выражаетъ однако желаніе, чтобы Кваштолтъ не только взялъ съ Илинича квитанцію за подписью нѣсколькихъ членовъ Рады, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ Илиничъ, на случай собственной смерти или же смерти своей дочери, обезпечилъ эту сумму Яну Абрамовичу залогомъ соотвѣтствующаго количества имѣній или совершенной ихъ уступкой ²⁾. Очевидно, что король, несмотря на гражданское совершеннолѣтіе Яна Абрамовича (15 лѣтъ), не находить еще возможнымъ врученія ему такой огромной суммы. Быть можетъ Ю. И. Илиничъ нашелъ неудобнымъ для себя эти условія, но всего вѣроятнѣе, что извѣстіе о признаніи одного изъ наслѣдниковъ Аврама Езофовича совершеннолѣтнимъ и о распоряженіи выдать на его руки огромную сумму наличными деньгами подняло на ноги всѣхъ далеко еще неудовлетворен-

¹⁾ М. Л. Суд. Д. IV, 26 (b).

²⁾ Д. и р., т. I, № 75.

ныхъ кредиторовъ Аврама Езофовича. Такъ заключаемъ мы по распоряженіямъ короля, адресованнымъ ко всѣмъ членамъ Рады, т. е. на сеймъ въ слѣдующемъ же году ¹⁾).

„Жаловался намъ“, говоритъ король, „мытникъ Михель Езофовичъ, что покойный подскарбій земскій Аврамъ Езофовичъ, оставшись ему долженъ значительную сумму денегъ за сукно, бархатъ, атласъ и иные предметы, а также и наличными деньгами, въ подтвержденіе чего у него имѣются письменные документы и иныя доказательства, до сихъ поръ не учинилъ ему никакой уплаты“. Сверхъ того, Аврамъ Езофовичъ, взявъ въ отсутствіи Михеля сукна, заказанныя въ Познани, поставилъ эти сукна въ счетъ королю. Предписывая Радѣ разобрать основательность требованій Михеля, король относительно послѣдняго долга въ 537¹/₂ копъ опредѣляетъ, что такъ какъ эта сумма поставлена ему на счетъ, то слѣдовательно отвѣтчикомъ здѣсь является не король, а наслѣдники Аврама Езофовича, на которыхъ и должно быть обращено взысканіе. Въ слѣдующемъ году Михель получаетъ изъ королевской канцеляріи повѣстки для вызова въ судъ („позвы“) обоихъ сыновей Аврама Езофовича.

Вѣроятно и другіе кредиторы также предъявляли свои претензіи. Но такъ какъ первымъ кредиторомъ былъ король, и движимое имущество, хранившееся у Аврама въ Вильнѣ въ особомъ помѣщеніи, было частью взято въ казну, частью опечатано, то естественно, что, до опредѣленія и оцѣнки казенныхъ притязаній, распоряженіе короля о выдачѣ 10,000 венгерскихъ червонныхъ злотыхъ было пріостановлено. Подобная пріостановка была тѣмъ болѣе необходимою, что въ то время, какъ завѣщанная часть младшаго сына Аврама Езофовича Константина складывалась главнымъ образомъ изъ долговыхъ требованій на король, завѣщанная часть старшаго сына—Яна слагалась изъ чистыхъ денегъ. Такъ какъ, далѣе, матери ихъ Ганнѣ Васильевнѣ завѣщаны были части изъ доли обоихъ сыновей, то, впредь до разрѣшенія вопроса о количествѣ долговъ, лежащихъ на общей наслѣдственной массѣ, трудно было душеприкащикамъ привести

¹⁾ Д. и р. т. I, № 83, отъ 1524 г.

въ исполненіе и эту часть завѣщанія. Надо полагать, что въ виду этихъ соображеній выдача денегъ была совершенно приостановлена, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, измѣнено и мѣсто храненія этихъ денегъ: изъ сакрыстіи св. Станислава деньги переданы на храненіе въ виленскую ратушу, гдѣ онѣ и сохранялись за печатами пановъ Радъ до 1526 г. Въ этомъ году, ноября 7 изъ Кракова король предписываетъ войту, бурмистрамъ и радцамъ г. Вильны, чтобы они выдали „дворянину господарскому, п. Яну Аврамовичу“ 10000 червонныхъ злотыхъ, такъ какъ король убѣдился, „ижь онъ вже лѣтъ своихъ доросль“. Вмѣстѣ съ тѣмъ король пишетъ къ воеводѣ виленскому Кваштолту, чтобы онъ послалъ вмѣстѣ съ Яномъ Аврамовичемъ и сопровождающимъ его королевскимъ уполномоченнымъ двор. Борисомъ Юрьевичемъ „какого либо челоуѣка добраго“ для присутствія при передачѣ этихъ денегъ. Въ посланіи своемъ король, между прочимъ, говоритъ, что онъ отмѣняетъ свое прежнее предписаніе, въ силу котораго войтъ съ бурмистрами и радцами не должны были отдавать этихъ денегъ иначе, какъ на основаніи королевскаго повелѣнія за собственноручною подписью. Поэтому, какъ только къ нимъ явится Янъ Аврамовичъ съ королевскимъ дворяниномъ и посланнымъ отъ воеводы лицомъ, то они должны вручить ему упомянутыя выше деньги, а отъ него взять росписку за его печатью, которую и сохранить вмѣстѣ съ королевскимъ посланіемъ впредь до востребованія¹⁾. На этотъ разъ, надо полагать, Яну Аврамовичу удалось, наконецъ, получить завѣщанныя деньги, такъ какъ намъ не удалось встрѣтить о нихъ дальнѣйшихъ упоминаній. При раздѣлѣ наслѣдства Ю. И. Илинича въ 1526 г., Янъ Аврамовичъ покупаетъ половину Шерешева; сверхъ того, въ слѣдующемъ 1527 году король, по ходатайству Кваштолта, даетъ Яну Аврамовичу въ державу дворъ Утень²⁾, а такого рода пожалованіе, какъ мы знаемъ, не могло обойтись безъ значительнаго „челобитья“.

¹⁾ М. Л. Зап. XIV, 279.

²⁾ М. Л. Зап. XII, 357, отъ іюля 11, и то же болѣе подробно f. 368, отъ сентября 11, г. 15.

Однако полученныхъ Яномъ Аврамовичемъ денегъ оказалось далеко недостаточно для покрытія всѣхъ выпавшихъ на его долю долговыхъ обязательствъ, такъ какъ 29 марта 1530 г. король Сигизмундъ, обращаясь къ „князьямъ, панамъ, землянамъ, и дворянамъ, и мѣщанамъ, и жидовѣ, и всѣмъ тѣмъ, которымъ будетъ остальъ виненъ пенязи и иными речи небожикъ п. Аврамъ Езофовичъ“, говоритъ, что Янъ Аврамовичъ, не имѣя чѣмъ заплатить этихъ долговъ, ходатайствовалъ уже раньше объ отсрочкѣ до перваго феврала, но и въ этотъ срокъ не могъ разчестъся съ своими кредиторами. Склоняясь на просьбу Яна Аврамовича, а также въ виду того, что у него не окончены еще расчеты и съ казною, король отлагаетъ срокъ уплаты до праздника Вознесенія Христова въ этомъ же 1530 году.

Если мы припомнимъ теперь, что имущество Константина Аврамовича состояло только изъ долговыхъ требованій на королѣ, то станетъ само собою понятно, что и его наследственная доля должна была значительно пострадать. Этимъ обстоятельствомъ и слѣдуетъ, на нашъ взглядъ, объяснить тѣ факты, что Янъ Аврамовичъ, женатый на дочери Ю. И. Илинича и едва ли получившій за нею значительное приданое, принужденъ вмѣстѣ съ женой продать въ 1536 г. марта 12¹⁾ за 2000 копъ гр. имѣніе Шерешевъ, такъ какъ для службы государевой и для своихъ нуждъ Яну Аврамовичу пришлось заложить *всѣ свои имѣнія*, т. е. войтовство берестейское, дворъ Корницу и имѣніе Вистичи, не говоря о томъ, что онъ съ женою „на записи... остави винни многую сумму пенязей, якъ *християнамъ, такъ и жидовъ*“.

Дѣля Константина Аврамовича были не въ лучшемъ положеніи. И дѣйствительно, въ 1536 г. іюня 25 король разсматриваетъ жалобы князя Юрія Сем. Слуцкаго, что Константинъ Аврамовичъ заложилъ ему въ 700 копъ гр. имѣніе свое Новый Дворъ, которое, по его увѣренію, было выслужено Аврамомъ Езофовичемъ у короля „на вѣчность“, а теперь отказывается уступить ему это имѣніе. Въ виду того, что Константинъ Аврамовичъ представилъ грамоту, изъ которой оказалось, что этотъ

¹⁾ М. Л. Пуб. Д. XXVIII, В. 38.

дворъ заложенъ его отцу въ 1000 червонныхъ злотыхъ, и что королева Бона, съ согласія короля уплативъ Константину Аврамовичу эту сумму, присоединила Новый Дворъ къ своимъ имѣніямъ; князь Слуцкій ходатайствовалъ у короля, чтобы ему было дозволено „на имѣнія (Константина Аврамовича) шперовати“, т. е. „на войтовство его минское и на домъ мурованный въ мести виленскомъ“, а равно и на его движимость.

Такимъ образомъ мы видимъ, что, за погашеніемъ отцовскихъ долговъ, у сыновей Аврама Езофовича остались только недвижимыя имѣнія. Обремененіе этихъ имѣній долгами происходило уже не для расчета съ кредиторами, но, какъ выражается самъ Янъ Аврамовичъ, для „службы государевой и для своихъ нуждъ“.

Если мы опредѣлимъ теперь стоимость этой недвижимости, то для насъ явится возможность сказать, что дѣйствительно было приобрѣтено Аврамомъ Езофовичемъ въ періодъ его подскарбской дѣятельности. Обращаясь къ „тостаменту“ Аврама Езофовича, мы видимъ, что онъ завѣщалъ своему старшему сыну: 1) войтовство берестейское, купленное у п. Ивана Сопеги вмѣстѣ съ прикупленными къ нему самимъ Аврамомъ землями, 2) дворъ Жерославку съ Глодковицкимъ дворцомъ и съ пашнею, купленную у Б. Конюскаго, 3) домъ въ Вильнѣ.

Войтовство берестейское было приобрѣтено въ 1512 г.¹⁾ Ив. Сопегою у „благороднаго Павла Чорнаго де Витовиче“ за 4000 червонныхъ злотыхъ и перепродано Авраму Езофовичу въ 1515 г. за неизвѣстную намъ сумму, но, вѣроятно, не менѣе, какъ за 4000 чер. зл., такъ какъ Сопега не былъ въ нуждѣ. Жерославка приобрѣтена у Ивана Кобакова за 1000 копъ гр. Цѣнность остальныхъ мелкихъ имѣній намъ въ точности неизвѣстна, но всѣ они не превосходили 1000 копъ гр. такъ какъ изъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ видно, что Янъ Аврамовичъ заложилъ свое наслѣдственное имѣніе Корницу, дворъ Буяки и войтовство берестейское за 4,000 съ чѣмъ то копъ грошей²⁾.

¹⁾ М. Л. Зап. VII, 556.

²⁾ М. Л. Зап. XLIV, 75.

Младшій сынъ Аврама Езофовича—Константинъ получилъ: 1) Новый Дворъ, 2) Гринковский дворъ, 3) войтовство минское съ людьми Шеничами, 4) фольварокъ подъ Вильною—Азднишки, 5) мѣсто въ Вильнѣ на Нѣмецкой улицѣ.

Новый Дворъ стоилъ 1000 венгерскихъ золотыхъ, такъ какъ въ этой суммѣ перешелъ къ Авраму Езофовичу отъ Ив. Сопеги. Минское войтовство и домъ въ Вильнѣ стоили около 1000 копѣ гр., такъ какъ князь Слуцкій получилъ право для обезпеченія взыскаія въ 700 к. гр. наложить запрещеніе на эти имущества. Гринковский дворецъ стоилъ около 1000 копѣ грошей. Такъ мы думаемъ потому, что Аврамъ Езофовичъ для уравниенія наслѣдственной части Константина съ частью Василя нашелъ нужнымъ приписать Константину 1000 копѣ гр. наличными. А такъ какъ недвижимость въ наслѣдственной долѣ Василя равнялась 4000 копѣ гр. съ небольшимъ, то, присоединивъ приблизительно цѣнность фольварка Азднишекъ къ общей стоимости недвижимаго имущества Константина, мы получимъ около 3000 копѣ гр.

Такимъ образомъ все недвижимое имущество Аврама Езофовича стоило не болѣе 7 или же 8000 копѣ грошей.

Если мы припомнимъ, что нѣкоторыя изъ недвижимыхъ имѣній, какъ напр., войтовство минское, имѣнье Войдуны, Валютина гора и другія принадлежали Авраму Езофовичу еще въ царствованіе Александра, что король Сигизмундъ пожаловалъ Езофовичу только домъ въ Вильнѣ, да нѣсколько незначительныхъ земель, затѣмъ, если мы припомнимъ, что капиталъ Аврама Езофовича въ 1507 году простирался до 5,000 к. гр., то окажется, что за все время управленія государственнымъ казначействомъ Литвы Аврамъ Езофовичъ увеличилъ свое состояніе на какую нибудь 1000 к. грошей. Такимъ образомъ огромныя суммы, которыя должна была казна Авраму Езофовичу, оказались полученными въ кредитъ отъ разныхъ лицъ. Ликвидация показала, что счета Аврама Езофовича были въ полномъ порядкѣ: занятыя суммы были покрыты наличными деньгами, товарами и т. д., а наслѣдственный капиталъ Аврама, значительно увеличенный имъ еще до вступленія въ должность подскарбія земскаго, оказался обращеннымъ въ недвижимыя имѣнія. Если

капиталь Аврама Езофовича и можно считать незначительно увеличившимся за десятилѣтнее управленіе казною в. княжества, то увеличеніе это произошло во 1-хъ отъ доходовъ, поступавшихъ по старинному обычаю въ пользу подскарбія при взиманіи податей, во 2-хъ отъ поступленія въ его пользу нѣкоторыхъ таможенныхъ сборовъ, напр., „обѣстки“, а равно отъ шедшей въ его пользу половины „промыта“, т. е. арестованной контрабанды и т. д., въ 3-хъ отъ обращенія въ пользу Аврама Езофовича доходовъ съ заложенныхъ ему великокняжескихъ имѣній, т. е. Ковно съ волостью и Новаго Двора и, наконецъ, съ 4-хъ отъ нѣкоторыхъ торговыхъ операцій, какъ напр. вывоза за границу воска, поставки для казны суконъ и т. п. Доходы со всѣхъ этихъ предметовъ были, однако, настолько незначительны, что въ очистку давали круглымъ числомъ въ годъ всего около 100 копъ грошей. Поэтому, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что въ заботахъ объ удовлетвореніи нуждъ государственнаго казначейства, Аврамъ Езофовичъ руководился не своими частными выгодами, а интересами в. князя.

Какъ государственный казначей Аврамъ Езофовичъ считалъ своею обязанностію удовлетворить, въ предѣлахъ возможности, всѣмъ предъявляемымъ къ нему требованіямъ. Обративъ первоначально на удовлетвореніе этихъ нуждъ весь свой наличный капиталъ, онъ организуетъ вслѣдъ за тѣмъ постоянное участіе капиталистовъ въ операціяхъ государственнаго казначейства. Какъ и на какихъ условіяхъ получалъ деньги Аврамъ Езофовичъ, мы не знаемъ, но для насъ достаточно того обстоятельства, что кредитъ, открытый при посредствѣ Аврама Езофовича литовской казнѣ, равнялся половинѣ годоваго дохода в. княжества. Весьма знаменательный фактъ! Въ то время, какъ самъ в. князь съ трудомъ успѣваетъ занять какую нибудь сотню—другую копъ грошей, которую сейчасъ же и предписываетъ уплатить изъ государственнаго казначейства, подскарбій в. князя занимаетъ тысячи копъ грошей и кредиторы ждутъ уплаты съ замѣчательнымъ терпѣніемъ.

Мы видѣли, что Аврамъ Езофовичъ не могъ обойтись безъ кредита, потому что в. князь въ теченіи почти 10 лѣтъ (съ 1507—1516) не возвращаетъ занятыхъ у Аврама 5000 копъ гр.,

а затѣмъ въ возмѣщеніе долга закладываетъ ему Ковно съ волостью. Конечно, отъ приѣма въ залогъ Ковно Аврамъ Езофовичъ не только ничего не терялъ, но прямо выигрывалъ, какъ въ служебномъ отношеніи, такъ и въ процентахъ на свой капиталъ, но отъ обезпеченія имущественныхъ правъ Аврама Езофовича ничего не выигрывала казна в. княжества: она по прежнему нуждалась въ крупныхъ наличныхъ суммахъ. Поэтому единственнымъ средствомъ спасенія являлся кредитъ. Понятно само собой, что, организуя правильное удовлетвореніе нуждамъ государственнаго казначейства, Аврамъ Езофовичъ тѣмъ самымъ упрочивалъ и свое личное служебное положеніе. Однако свои личные интересы Аврамъ Езофовичъ никогда не ставилъ на первый планъ: онъ начинаетъ и оканчиваетъ свою службу, жертвуя своими личными выгодами выгодамъ в. князя, — какъ въ 1507 г. онъ отказывается отъ реализаціи въ свою пользу убыточныхъ для казны откуповъ, такъ точно въ 1519 г. онъ поступаетъ в. князю обезпеченіемъ своихъ долговъ на брестской таможенѣ, предпочитая в. княжеское слово солидному реальному обезпеченію. Приведенные нами факты отреченія Аврама Езофовича отъ своихъ выгодъ въ пользу в. князя не могутъ быть объяснены никакимъ инымъ мотивомъ, кромѣ личнаго уваженія къ в. князю, такъ какъ Сигизмундъ I строго держался разъ даннаго имъ обѣщанія:—не отнимать безъ вины должностей, и если крайняя нужда заставляла его отступить отъ этихъ началъ, то дѣлалъ онъ это не иначе, какъ возмѣщая претерпѣвшему наносимый ему вредъ.

Поэтому то мы въ правѣ заключить, что руководящимъ принципомъ служебной дѣятельности Аврама было то исконное уваженіе и преданность в. князю, которыя составляютъ основныя черты литовско-русскаго населенія въ XVI в. Крестьяне показываютъ на судъ правду „боячись Бога и господаря великаго князя“¹⁾. „Земли“, не входя ни въ какія разсужденія, остаются вѣрны тому князю, „который сидитъ на Вильнѣ и на

¹⁾ М. Л. Зап., VI, 530.

Трокахъ“¹⁾). На люблинскомъ сеймѣ 1569 г. большая часть литовской знати даетъ свое согласіе на унію лишь потому, что того желаетъ в. князь.

Аврамъ Езофовичъ въ правѣ былъ произнести тѣ же слова, которые вырвались изъ самаго сердца у одного изъ его душеприкащиковъ, знаменитаго Ольбрахта Мартыновича Кгаштолта: „лучше мнѣ потерять все мое имущество, чѣмъ милость в. князя!“²⁾).

С. А. Бершадскій.

¹⁾ Ак. З. Р., т. II.

²⁾ М. Л. С. Д., III, 231. Слова О. М. Кгаштолта: „кажете ли ми, Ваша Милость, Господарю, и остатокъ отчины вѣрно выслуженное вступить, я и то на росказаніе Ваше милости Господарское радъ, хочу выступити, только што быхъ мерзачки В. М. панское на собѣ не мѣлъ, бо я, Господарю, болшей собѣ важу ласку Вашей милости панскую, нежли все то, што маю“.

ФАТАЛЬНАЯ ВДОВА.

(Уголовно-психологическая тема въ украинской народной пѣснѣ).

Народная словесность давно уже признается однимъ изъ зеркаль, если не самымъ яркимъ зеркаломъ народной души. Однакожъ нельзя сказать, чтобы и въ настоящее время общественная наука уже достаточно воспользовалась этимъ зеркаломъ для своихъ цѣлей. Особенно рѣдки изслѣдованія правовыхъ понятій различныхъ народныхъ массъ на основаніи матеріала, представляемаго народной словесностью. А между тѣмъ этотъ матеріалъ далъ бы не мало поучительнаго даже и для юриста.

Изъ племенъ, населяющихъ Россію, племя украинское принадлежитъ къ числу наиболѣе богатыхъ народной словесностью, въ особенности пѣснями. Музыкальное и вообще эстетическое значеніе этихъ пѣсенъ давно уже оцѣнено и любителями, и специалистами. Не мало есть ученыхъ работъ и объ историческомъ значеніи украинскихъ пѣсенъ. Но, быть можетъ, главное достоинство этихъ послѣднихъ представляетъ богатство и отчетливость психологическаго анализа, часто дѣлающія эти простенькія мужицкія пѣсенки образчиками художественнаго реализма; только вдумываясь въ нихъ, поймешь, почему на родинѣ этихъ пѣсенъ выросъ преобразователь русской беллетристики, великій реалистъ Гоголь. Между другими положеніями души человѣческой украинская народная пѣсня останавливается и на преступ-

леніяхъ и иногда очень ярко освѣщаетъ ихъ психологическую основу и обстановку.

Мы выбираемъ для настоящаго этюда одну подобную тему и, чтобы вскрыть весь реализмъ обработки ея въ украинской народной пѣснѣ, начнемъ съ того, что изложимъ конкретный уголовный случай, который разбирался въ концѣ 1884 г. передъ судомъ присяжныхъ въ г. Литинѣ, подольской губ., и которому посчастливилось найти толковаго референта въ мѣстной газетѣ („Заря“ 1885, № 5 фельетонъ).

Лѣтъ тому десять, —разсказываетъ этотъ референтъ, —Семень Деркачъ (крестьянинъ с. Мальчевцы, литинскаго уѣзда), лѣтъ 25-ти, отбывъ воинскую повинность, возвратился въ свое родное село. Отца у него уже не было, и онъ поселился въ семьѣ своего старшаго брата. Этотъ братъ и сестра Михалина Собкова стали совѣтовать Семену обзавестись семействомъ и начать „хазяиноваты“. Семень былъ полонъ силъ и пригожъ. Стройный, высокаго роста, брюнетъ съ карыми глазами; черты лица выразительныя и довольно правильныя. Сынъ „заможной“ семьи, получивъ отъ брата половину отцовскаго грунта, онъ легко могъ бы сыскать себѣ невѣсту „по своей воли, по своему сердцю“, но братъ и сестра настаивали на скорѣйшей женитьбѣ, и въ одно воскресенье братъ отправляется съ нимъ на сосѣдній хуторъ къ лѣснику, человѣку небогату, но пользовавшемуся почетомъ и имѣвшему 16-ти лѣтнюю дочь красавицу. Дѣвушка понравилась Семену, и онъ тутъ же посватался за нее. На выборъ повліяло и то соображеніе, что молодая Варка, выросшая въ лѣсной глуши, вдали отъ села, въ честной семьѣ, не знавшая еще любви, по всѣмъ соображеніямъ должна была быть честной и хорошей женой. Молодые скоро обвѣнчались, и жизнь ихъ потекла спокойнымъ обыденнымъ ручьемъ.

Однажды въ праздничный день Варка отправилась къ отцу въ гости, но тамъ и осталась, не обнаруживая намѣренія вернуться. Она не жаловалась на мужа, но его требованіе вернуться

домой и совѣты отца исполнила неохотно. Подобные уходы къ отцу повторялись нѣсколько разъ безъ особыхъ видимыхъ причинъ. Семень былъ человекъ тихій, уживчивый, не пьяница и хорошій работникъ. Что было между супругами—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ они были болѣе холодны одинъ къ другому, чѣмъ этого можно было ожидать въ такой молодой и красивой парѣ. Взаимное охлажденіе дошло до того, что послѣ полугодоваго совмѣстнаго сожителства, Семень пошелъ на службу къ помѣщику, а Варка окончательно поселилась у отца. У помѣщика служила жена солдата, пропадающаго гдѣ то на службѣ, Ксенія Шевчукова. Двумя годами старше Семена, съ двумя дѣтьми, неуклюжая и некрасивая, Ксенія казалась старѣе, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ. Полюбилась она, однако, Семену, и вскорѣ они сошлись.

Прошло много времени. Связь Семена съ Ксеніей закрѣпилась рожденіемъ дочери,—какъ вдругъ послѣ пяти лѣтъ разлуки Семена съ Варкой, отецъ этой послѣдней, не видя конца службѣ Семена у помѣщика, началъ настаивать на томъ, чтобы зять опять сошелся съ законной женой. Въ этомъ дѣлѣ главное участіе принималъ братъ Семена; онъ даже привлекъ брата на судъ громады, которая пригрозила Семену, что если онъ не броситъ развратной жизни, не возвратится къ законной женѣ, то за порочную жизнь сошлютъ его въ Сибирь. Братъ грозилъ, что, если онъ не послушаетъ громады, то не отдастъ ему половины отцовской земли. Какъ ни упирался Семень, въ концѣ концовъ повели его и Варку къ священнику на увѣщаніе. Кончилось тѣмъ, что Семень бросилъ службу и поселился вновь съ женою въ хатѣ сестры Собковой, занявъ одну ея половину.

Дѣло было весною, въ началѣ апрѣля 1884 года. На помирившуюся пару мало кто обращалъ вниманія: всѣ заняты были спѣшной работой. Подъ наружнымъ спокойствіемъ, миромъ и согласіемъ супруговъ скрывалась серьезная драма, какую трудно

и подозрѣвать въ средѣ простыхъ, грубыхъ, почти первобытныхъ людей. Страсть у малоросса-крестьянина безспорно притупляется тяжелымъ трудомъ и бѣдностью, но она въ немъ живетъ и подчасъ проявляется совсѣмъ необычно и непонятно для посторонняго глаза. При всѣхъ данныхъ для счастливой супружеской жизни, ни привычка, ни обязанность не замѣняютъ любви. Малорусская пѣснь—это зеркало души народной, въ слѣдующей картинѣ рисуется намъ подобныхъ Семену и Варкѣ супруговъ:

Ой пиду я лужкомъ, лужкомъ,
 Де мій мылий оре плужкомъ.
 Тамъ мій мылий плужкомъ оре,
 Чомъ до мене не говорити?
 Понесу я ёму йисты,
 Чы не скаже мени систы.
 Понесу я ёму пыты,
 Чы не буде говорити.
 И наився, и напився,
 Тай самъ соби зажурывся.
 Тай сивъ соби, тай думае,
 Що вельобу жинку мае.
 Було въ ночи не свататы,
 Було людей роспытаты,
 Чы хороша, чы вродлива,
 Чы робоча, чы ливыва.
 Ой хороша, и вродлива
 И робоча, не ливыва.
 И хороша, и прекрасна,
 Тильки долечка нещасна.

Если Варка любила выливать въ пѣснѣ свою грусть-тоску, ей непремѣнно должна была приходиться на память эта грустная подольская пѣсня, по крайней мѣрѣ, она нѣсколько разъ жаловалась Собковой, что Семень груститъ, отворачивается отъ нея, а иногда въ постели безъ всякой причины плачетъ. „Винъ не

сварыться“, говорила Варка, „не бѣ мене и не лае, але й добраго слова я видѣ нѣго не чую“. Ночью случалось нѣсколько разъ, что Семень выходилъ изъ хаты и возвращался только передъ свѣтомъ. Куда онъ ходилъ, никто не знаетъ, но надо думать, что онъ навѣщалъ Ксенію.

Два мѣсяца протекло такой жизни, грустной, тяжелой, но спокойной тѣмъ грознымъ спокойствіемъ, какое замѣчается передъ грозой. Такая гроза разразилась надъ Варкой ночью на 22-е іюня. Вечеромъ супруги возвращались мирно съ работы на свекловичной плантаціи. Пришли домой, поужинали и легли спать на общихъ нарахъ. Варка замѣтила, что Семень въ этотъ вечеръ былъ грустнѣе обыкновеннаго. Теперь онъ по обыкновенію отвернулся къ стѣнѣ и тихо плакалъ. На вопросъ жены, что съ нимъ, — отвѣта не было. „Я знала, що це така ёго звичка и заснула“. Далѣе картину этой ночи можемъ прослѣдить изъ признаній Семена Деркача.

Когда громада заставила меня сойтись съ женою, Ксенія нѣсколько разъ говорила мнѣ, „щобъ я де заподивъ Варку“. Ничего другого придумать я не могъ, какъ убить ее. Эта думка долго меня мучила, особенно въ этотъ вечеръ, и я заснуть не могъ. Когда жена крѣпко уснула, я не могъ спокойно лежать и выбѣжалъ на дворъ, въ сарай. Тамъ была у меня бутылка съ водкой; я выпилъ ее для храбрости. Вернувшись въ хату, я снялъ висящую надъ нарами жердь съ одеждой и бросилъ ее на печку, — она мѣшала мнѣ размахнуться, — схватилъ макогонъ и нанесъ женѣ четыре, кажется, удара по головѣ, но когда услышалъ ея крикъ, меня охватилъ ужасъ, и я въ одной рубахѣ выбѣжалъ изъ хаты и встрѣтилъ въ сѣняхъ сестру Собкову. Собкова дѣйствительно тоже услышала крикъ Варки „ой!“ и вышла въ сѣни. Одновременно на встрѣчу ей выскочилъ Семень и, на вопросъ сестры, чего Варка кричала, отвѣтилъ, что она больна. Собкова вошла въ хату Семена со свѣчою и, увидавъ окровавленную Варку, испугалась и побѣжала звать сосѣда Чор-

наго. Войдя съ нимъ вторично къ Варкѣ, увидѣла ее сидящею въ одной рубахѣ на нарахъ съ окровавленной головою. Варка успѣла проговорить только: „що ся зо мною робить?“ и упала безъ чувствъ на нары, на которыхъ лежалъ окровавленный макогонъ. Пролежала она въ безсознательномъ состояніи три дня. Врачъ нашель у нея на головѣ четыре проникающія до кости раны, одну на макушкѣ, а три въ области лѣваго лобнаго бугра. Раны оказались тяжелыми и грозящими опасностью жизни, но здоровая Варка вынесла ихъ и въ два мѣсяца совершенно оправилась.

Выбѣжавшій послѣ нанесенія ударовъ Семень въ одной сорочкѣ отправился къ хатѣ, въ которой жила Ксенія, постучаль въ окно и вызваль ея 16-ти лѣтнаго сына Стратія; не объясняя ему причины своего появленія безъ одежды, онъ потребоваль штановъ и шапки. Одѣвшись, онъ отправился въ лѣсъ. Блуждалъ онъ въ лѣсу цѣлый день. На слѣдующее утро, если вѣрить его разсказу, Семень направлялся въ волостное правленіе съ повинною; но, узнавъ отъ кого то дорогою, что Варка осталась въ живыхъ, онъ вернулся домой. Крестьяне замѣтили его, когда онъ уже вышелъ изъ лѣсу и направлялся въ деревню, и здѣсь его задержали безъ всякаго сопротивленія. Семень сразу далъ чистосердечное сознание, оговаривая въ подстрекательствѣ Ксенію. Оговоръ этотъ отчасти подтвердился показаніемъ сына Ксеніи Стратія Шевчука. Мальчикъ разсказаль, что, возвращаясь вечеромъ 21 іюня съ работы вмѣстѣ съ Семеномъ и замѣтивъ, что онъ очень грустенъ, спросилъ его, что съ нимъ. На это Семень сказаль, что ему такъ горько, что онъ готовъ или кого нибудь убить, или на себя наложить руки; если Стратій не разскажетъ, то онъ сообщитъ ему причину грусти. Стратій пообѣщаль ему держать въ тайнѣ все сказанное, и тогда Семень сказаль, что мать его Ксенія подговариваетъ его убить Варку.

Такова фактическая сторона дѣла. На судѣ, на скамьѣ подсудимыхъ, Семень держаль себя совершенно апатично, вяло.

Онъ больше обращалъ вниманіе на двухнедѣльнаго ребенка Ксеніи, котораго держалъ на рукахъ, въ то время, какъ Ксенія кормила другаго. Двѣ недѣли до суда Ксенія родила въ тюрьмѣ двойни — дѣвочки, которыя Семень, на вопросъ предсѣдателя, призналъ своими дѣтьми. Ксенія Шевчукова, малорослая, некрасивая, съ грубыми чертами, не признала себя виновною, возилась все время съ дѣтьми и часто всхлывала. Не менѣе безучастно относилась къ дѣлу и потерпѣвшая Варка Деркачева. Это стройная, высокаго роста блондинка, съ большими голубыми глазами, весьма красивыми и правильными чертами, полная жизни и здоровья. Только широкій красный шрамъ на лѣвой сторонѣ лба и на лѣвомъ вискѣ, теряющійся въ свѣтлыхъ волосахъ, напоминаетъ зрителю, что эта красавица полгода тому назадъ была жертвой кровавой драмы. Теперь она съ испугомъ и удивленіемъ, но спокойно смотрѣла на судь, мало сознавая, что на немъ происходитъ. Всѣ свидѣтели безъ исключенія удостовѣрили, что супруги Деркачи люди честные, примѣрные, хорошіе работники. Ссоръ и дракъ между ними не было. Варка и во время пятилѣтней разлуки съ мужемъ вела себя честно. Свидѣтели ничѣмъ инымъ не могутъ объяснить ихъ супружескаго несогласія, какъ только „чарами“. Безъ этого Семень не бросилъ бы молодой, красивой и примѣрной жены для некрасивой Ксеніи, которая старше его двумя годами и обременена дѣтьми. Бросивъ Варку, онъ лишился грунта и долженъ былъ пропадать на службѣ. Ксенія, вѣроятно, дала ему чего нибудь или выпить, или съѣсть. Такое убѣжденіе сложилось, по всей вѣроятности, и у большинства присяжныхъ, среди которыхъ было десять крестьянъ. Они признали Семена виновнымъ въ покушеніи на убійство жены съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ, а Ксенію въ томъ, что, состоя съ Семеномъ въ любовной связи, просьбами и убѣжденіями склоняла его на это преступленіе, но смерть Варки не послѣдовала по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ. Вслѣдствіи этого вердикта, судъ при-

говорилъ Семена и Ксенію, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ каторжнымъ работамъ на заводахъ: перваго на 5 лѣтъ, а вторую на 6 лѣтъ. Приговоръ не произвелъ впечатлѣнія на подсудимыхъ. Варка выслушала его, ничего не понимая. Когда кто то подошелъ къ ней и сказалъ, что мужъ ея ссылается въ каторгу, и она можетъ выйти замужъ за другаго, слезы градомъ покатались изъ ея глазъ, и она стала машинально, безъ словъ, креститься“.

Подобныя драмы, вѣроятно, имѣютъ корень въ тайникахъ фізіологической стороны натуры человѣческой, въ законахъ темпераментовъ, еще не изслѣдованныхъ науками. Покамѣсть остается только констатировать подобныя „несчастія“ да наблюдать ихъ психологическія проявленія.

Между прочимъ это уже давно дѣлаетъ устная, или народная украинская словесность. Обзоръ нѣсколькихъ пѣсень такого рода покажетъ, что въ процессѣ Деркача наблюдатель имѣетъ дѣло не съ исключительнымъ, такъ сказать беззаконнымъ, явленіемъ, но дѣйствительно съ бытовою картиною, хотя, конечно, и съ рѣдкою.

Есть одна украинская пѣсня, которая вполнѣ представляетъ типъ случая съ Деркачемъ. Она принадлежитъ къ числу самыхъ распространенныхъ. Нѣсколько вариантовъ ея напечатано въ сборникѣ *Костомарова* изъ волынской губ. (въ *Малор. сборникѣ Мордовцева*, 1859, 208, перепечатана у *Чубинскаго Труды экспедиціи* и пр. V, 629—630) у *Головацкаго, Народ. пѣсни Галицкой и Угорской Руси*, I, 56 и III, 238—239). У насъ есть нѣсколько неизданныхъ вариантовъ, записанныхъ на пространствѣ отъ Подолія до Дона. Всѣ эти варианты вмѣстѣ превосходно рисуютъ психологическія подробности страшной коллизіи.

Существенныя черты всѣхъ ихъ въ сжатомъ видѣ представляетъ вариантъ, записанный въ г. Острогѣ волынской губ. А. В. Марковичемъ, мужемъ г-жи Марко-Вовчекъ, собиравшемъ

пѣсни въ 50-ые годы. Варіантъ этотъ можно считать за основной, наиболѣе близкій къ первоначальному. Вотъ онъ:

Прійшовъ Якимъ до вдовонькы:—Помогай Би, серце!
Вона ёму одказуе: забый жинку перше!

Навчы жъ мене, удовонько, якъ жинку забыты?
Моя жинка, якъ ластивка, будуть ся просыты.

Не уважай, Якымуню, на йійі прозьбоньку,
Забый косу въ колодочку, да и бый въ головоньку.

—„Навчыла мя, удивонька, якъ жинку забыты,
Навчы, навчы, мое серце, де йійі подиты?“

Ой вывезы въ чысте поле, скажы, що здурила,
Въ чыстимъ поли стижокъ спалы, скажы, що згорила!

Прыйшла сусидонька изъ третійі хаты,
Пытається малыхъ дитей: „а де ваша маты?“

--Пойихала наша маты до роду въ гостыну,
Забулася, покынула малую дытыну.

Закувала зозуленька на вышневому пруті;
Ведуть, ведуть Якымунька въ залізному пути ¹⁾.

Прійшовъ Якимъ до корчомкы: помогай Би, (люде)
Черезъ дурну удивоньку беда мыни буде.

Прійшовъ Якимъ до шинкаркы: дай кварту горилкы:
Черезъ дурну удивоньку позбулымся жинкы! ²⁾.

Варіантъ Костомарова добавляетъ трогательную просьбу жены, (которая тутъ названа „молоденькою“) передъ началомъ преступленія:

„Не вважашь, Якымоньку, на мя молодую,
Да вважай же, Якымоньку, на дытыну малую!“

¹⁾ Кажется, что этимъ двумъ стихамъ слѣдовало бы стоять въ концѣ. Но народная пѣсня иногда торопится высказать финальную бару.

²⁾ Тутъ пѣсня, кажется, намекаетъ, что фатальная вдова-шинкарека, что прямо говорится въ другомъ варіантѣ, который приведемъ дальше. Въ такомъ случаѣ выходитъ, что Якимъ тутъ же передъ виновницей и сельчанами самъ признается въ преступленіи.

Въ первомъ,—болѣе интересномъ, вариантѣ Головацкаго вдовѣ приданъ болѣе демоническій характеръ. Она говоритъ:

„Я забыла чоловіка, а ты забудь жинку,
Обоѣ сьмо молоденьки, идемъ ва вандривку“.

Но своего рода леди Макбетъ, вдова этого варианта не выдерживаетъ—и, послѣ преступленія, ужасается ласкъ убійцы-любовника. Женѣ передъ убійствомъ приданъ здѣсь еще болѣе трогательный характеръ:

Катерынка, якъ зозулька, взялася просыты:
—„Не жаль же ми, Якымоньку, що мѣ ся не набула,
Тильки ми жаль, Якымоньку, що мѣ ти щыра була.
Не жаль же ми, Якымоньку, що мѣ ся не нажила,
Тильки ми жаль, Якымоньку, що мала дытына“.

Душевное состояніе мужа-убійцы разработано въ этомъ вариантѣ слѣдующимъ образомъ:

Прыйшовъ Якымъ до домоньку, та сивъ у кучочку.
— „Нема жъ мойй Катерыны выпраты сорочку!“
Прыйшовъ Якымъ до домочку, сивъ си конецъ стола.
Нагадавъ си Катерыну, ажъ му тече съ чола.
Пишовъ Якымъ до вдивонькы, ставъ наказоваты,
Не дайся Марысенька лычка цюловаты.
Прыйшовъ Якымъ до корчмонькы, напывся горилкы,
Выкрыкае на Марусю: „збавыла'сь мы жинкы“.

На этомъ вариантѣ оканчивается, не интересуясь вопросомъ о судебномъ наказаніи за преступленіе.

Шесть другихъ, имѣющихся у насъ неизданныхъ вариантовъ (изъ степныхъ мѣстностей) усложняютъ положеніе, вводя на сцену и мать убитой, или лучше, тяжело раненой (какъ Варка въ процессѣ Деркача) молодой женщины. Обѣимъ этимъ женщинамъ всѣ эти варианты, кромѣ одного, приписываютъ умиленно незлобное отношеніе къ преступленію, какъ къ несча-

стію, о которомъ въ двухъ вариантахъ умирающая жена не хочетъ даже говорить на исповѣди съ священникомъ, очевидно, чтобъ не выдать страшной правды. Вотъ болѣе подробный вариантъ изъ харьковской губерніи, богодуховскаго уѣзда, сл. Мирафы, записанный неутомимымъ собирателемъ г. Ив. Манджурою отъ женщины:

А въ Якивця молодого
 Каренькійі очи,
 Прыйшовъ Якивцю до Галютыны
 Темненькой ночи
 Тай на ногу наступае.
 А Галютына, якъ сыва голубка,
 Стала говорыты:
 — „Убий, убий, Якивцю, свою жинку,
 Буду съ тобою жыты“.
 Прыйшовъ Якивцю та до дому
 Зачавъ жинку быты,
 Передъ нымъ жинка, якъ сыва голубка,
 Стала говорыты:
 — „Не жаль мени, сердце Якивцю,
 Шо хороша, вродлива, ¹⁾
 А жаль мени, сердце Якивцю,
 Шо доленька нещаслива.
 Не жаль мени, сердце Якивцю,
 Шо я молодая,
 А жаль мени, сердце Якивцю,
 Шо дмтына малая!
 А на рычци на дубовый кладци,
 Прыйшла, прыйшла йійі маты
 Та бялого бильля праты,
 А сусидочки та добрійі люде
 Сталы йій говорыты:
 — „Годи жъ тоби, та старая маты,

¹⁾ Подразумѣвается: умираю.

Свого плаття праты,
 Иды, иды та свою дочку
 На смерть наряжаты“.
 Прийшла ненька изтыхенька,
 Та дывыться въ виконце:
 Лежыть ййі дочка люба,
 Лычкомъ проты сонця.
 — Ой диты мойі та любыми,
 А що це вы наробылы?
 На що це вы малыхъ дитокъ
 Тай посыротылы?! ¹⁾
 А въ неділю рано пораненько
 Та всі дзвоны задзвонылы,
 То жъ Якивця молодого
 Въ зализа забылы.
 Отъ Галытыны та до острожка
 Втоптана дорожка:
 — Усыпъ, усыпъ, шывкарко Галюто,
 Хоть пивкварты горилкы.
 Черезъ тебе тепера, Галютыно,
 Я лышывся жинкы.
 Усыпъ, усыпъ, шывкарко Галюто,
 Хочь пивкварты пыва,
 Черезъ тебе, Галютыно,
 Моя жинка не жыва.

Другой варіантъ, записанный тѣмъ же собирателемъ въ александровскомъ уѣздѣ екатеринославской губ. (отъ женщины), рѣшается нарисовать, хоть очень коротко (характерная особенность украинскихъ пѣсенъ), картину самого убійства:

Якъ ударывъ то винъ разъ,
 Вона похылылась;

¹⁾ Не можемъ удержаться отъ восклицанія: какая это прелесть по художественности и человечности вся эта картина появленія матери!

Якъ ударывъ винъ удруге,
Зъ бидыхъ нигъ звалылась.

И послѣ этого сейчасъ же рисуеть раскаяніе убійцы, который самъ посылаетъ за матерью убитой:

Ходе мылый по кимнати,
Билы руки ломе,
Та все сусидоньковъ просе:
— „Сусидонькы голубонькы,
Дайте тещи знаты:
Нехай прыйде, хочь прыйде
Дочки убираты.

Два варианта—одинъ, записанный въ 1875 г. г. Платономъ Шевченкомъ отъ крестьянина Ѳед. Дарченка въ д. Александровкѣ, балтскаго уѣзда, а другой, записанный С. Л. Метлинскимъ, вѣроятно, на лѣвомъ берегу Днѣпра, разработали преимущественно послѣдній разговоръ умирающей жены съ матерью. Мы приводимъ его по балтскому варианту:

Иде невька, иде старенька,
Стала край виконця.
Лежыть вѣйі люба дочка
Лычкомъ протывъ сонця.
—Дочко жъ моя, люба та мыла,
Що жъ ты провыныла,
Що твоя кровъ червовая
Зализо сполыныла?
—Мамцю моя, любко моя,
Що жъ я провыныла?
Лыха доля нещаслыва
Вика вкоротыла!
— „Сосидочки, голубочки,
Дайте попови знаты,
Нехай иде любу дочку
На смерть сповидаты“.

— Мамцю моя, любко моя,
 На що попови знаты?
 Сажень земли, штыры дошки,
 Тай буду лежаты!

Своеобразенъ варіантъ, записанный въ 1873 г. Евг. Ганенкомъ въ с. Жукахъ, полтавскаго уѣзда. На рукописи его находимъ слѣдующее заглавіе: „Пѣсня 1871 г., составлена народомъ по случаю событія, которое здѣсь поется, около Полтавы въ с. Жукахъ“. Замѣтка эта сдѣлана, очевидно, со словъ жуковскихъ крестьянъ, которые, какъ это почти всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, совершенно искренно увѣряли этнографа въ томъ, что пѣсня сложена недавно и по данному случаю, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этотъ случай возобновилъ въ ихъ памяти старую пѣсню и наложилъ на нее только немногія новыя черты. Дѣйствительно, варіантъ Ганенка уклоняется болѣе другихъ отъ основнаго типа,—и эти уклоненія слѣдуетъ счесть за налеты на типическія черты пѣсни чертъ индивидуальнаго положенія событія въ с. Жукахъ. По всѣмъ этимъ резонамъ варіантъ Ганенка получаетъ интересъ, какъ проливающій свѣтъ на самый процессъ народнаго пѣсеннаго творчества.

Главныя отличія варіанта изъ с. Жуковъ отъ другихъ степныхъ заключается въ разговорѣ жены съ мужемъ передъ убійствомъ и въ отношеніи къ событію матери убитой. Жена проситъ мужа:

„Не бый мене, мий мыленькый, мене молодой,
 Поки трохи підгодую дытны малю“.

Мужъ отвѣчаетъ словами машинальнаго повиновенія приказу фатальной вдовы:

— Годи тобі, моя мыла, дітей годуваты:
 Приказала удивонька,—такъ буду вбываты!

Послѣ убійства самъ мужъ посылаетъ за тещей. Эта послѣдняя и здѣсь также робко подходитъ къ окошку, какъ и въ

предыдущихъ вариантахъ, но предлагаетъ вопросы дочери въ другихъ словахъ, хотя и въ томъ же смыслѣ:

— „Дочко жъ моя мыла, любя, шо жъ ты наробыла,
Чы свекрови, чы свекруси чымъ ты не вгодыла?“

Дочь отвѣчаетъ также, избѣгая обвинить мужа:

— Ни чымъ, ненько моя мыла; я всимъ угодила,
Тылько своимъ билымъ лычкомъ весь дворъ скривавыла.

Но мать не раздѣляетъ ея всепрощенія:

Нарядыла маты дочку у билу сорочку,
Почепыла зятенькови черезъ плечы стѣжку.
— „Оце жъ тоби, мий зятеньку, черезъ плечы стѣжка,
Оце жъ тоби, мий зятеньку у Сибирь дорожка!
Та вже жъ тоби, мий зятеньку, стѣжки не здийматы,
Та вже жъ тоби, мий зятеньку, тюрмы не тикаты.
Було бъ тоби, мий зятеньку, чужыхъ не любыты,
Було бъ тоби, мий зятеньку, своей не быты.

Въ процессѣ Деркача свидѣтели-крестьяне объясняли слѣпую приверженность несчастнаго ко вдовѣ, при молодой красавицѣ женѣ, „чарами“, колдовствомъ вдовы. Это обычный простонародный взглядъ на подобныя, непостижимыя для холоднаго благоразумія отношенія, и на вдову вообще, особенно вдову, не потерявшюю способность любить. Такия вдовы часто представляются въ народныхъ пѣсняхъ „чаровницами“ и даже отравительницами.

Вдовѣ, желающей нравиться, думающей выйти за молодаго, народная пѣсня вмѣняетъ холодность чувствъ. Такъ, въ одной пѣснѣ (Головацкій, II, 576) вдова проситъ сырую землю взять ее *молодую*, если она ужъ взяла ея господаря. Молодой челоувѣкъ, прислушавшись къ жалобамъ страстной вдовы, проситъ у матери позволенія взять ее въ жены. Мать не совѣтуетъ:

У вдовонькы таке серце,
Якъ зимнейе, каже, сонце:

Ой, хоть грийе, хоть не грийе,
Та все зимный витрець виіе.

.

.

У дивчыны таке серце,
Якъ лятненьке боже сонце,
Ой хоть грийе, хоть не грийе,
Все тепленькый витрець виіе.

Въ срединѣ между этихъ двухъ сентенцій мать характеризуетъ три дороги:

Вдовычена— кровавая,
Матерына— золотая,
Дивчынына— медяная.

Другая пѣсня (Чубинскій, V, 31) или скорѣе вариантъ этой, опредѣляетъ, почему дорога вдовы кровавая: ея чувство ко второму мужу не искренно; и сама она не увѣрена въ прочности чувства къ себѣ молодаго милаго-жениха, или мужа, а потому прибѣгаетъ къ опаснымъ чарамъ или къ отравѣ изъ ревности. Незданный вариантъ этихъ двухъ пѣсенъ, почти сливающихся въ одну, записанный г. Ал. Руданскимъ въ м. Калгосикѣ, ущицкаго уѣзда подольской губ., въ 1870 г., передаетъ эту параллель вдовы и дѣвушки такъ:

— „А ни сытыся, ни дрымытыся й спать не хочеться,
Чогось моя головонька поморочытыся.
Позволь, позволь, стара нене, оженытыся,
Та не буде моя головонька поморочытыся“.
— Оженыся, сынку Васыльку, охота твоя,
Но не сватай ту вдовоньку, бо вдова бида.
Ой ходыла молода вдовонька по крутий гори,
Та збирала всялякого зилья на чары мени.
— „Чаруй, чаруй, удовонька, чаруй мене разъ,
Щобы довго не лежаты, щобъ вмерты заразы“.
— Якъ полежышь руськый мисяць, якъ полежышь два,

Будешь знаты й намъятаты, шчо вдова-бида.
 Ой ходыла молода дивчына по крутий гори,
 Та збирала троякоје зилья на лыкы мени.
 — „Ликуй, ликуй, молода дивчына, ликуй мене разъ,
 Ой якъ же я подужаю — возьму тя заразь!“

Такое отношеніе ко вдовѣ, основанное только отчасти на общихъ законахъ личной жизни, а въ извѣстной степени на остаткахъ возрѣвнїи той эпохи, въ которую жена обрекалась мужу на жизнь и въ гробу (въ домовинѣ), въ свою очередь становится причиною извращенія характера вдовы, озлобленія его, отсюда и дѣйствительная охота вдовъ къ чародѣйству, къ отравленію и, въ случаѣ коллизій съ другою женщиною, къ жестокимъ внушеніямъ. Образецъ послѣднихъ мы видѣли въ пѣснѣ о Якимѣ или Яковѣ. Объ отравленіи любовника вдовою говоритъ слѣдующая пѣсня, записанная С. Л. Метлицкимъ, о которой мы не помнимъ, чтобъ она встрѣчалась намъ гдѣ нибудь въ печатномъ сборникѣ.

— „Ой сыну мий, сывочку, жалошцы мойи,
 Де ты вчора зъ вечера бувъ?“
 — Ой бувъ же я, ненечко, ой, бувъ же я, сердечко,
 У близькой сусидонькы, молодой удивонькы.
 — „Ой сыну мий, сыночку, и жалошцы мойи,
 Чымъ тебе удова годувала?“
 — Годувала, ненечко, годувала, сердечко,
 Все рыбкою изъ нижкамы ¹⁾.
 — „Ой, сыну мий, сыночку, и жалошцы мойи,
 Де вона ту рыбку ловыла?“
 — Ловыла, ненечко, ловыла, сердечко,
 Все рукавцемъ по крапывци.
 — „Ой, сыну мий, сыночку, и жалошцы мойи,
 Ой, чы йила удивонька и сама?“
 — Не йила, ненечко, не йила, сердечко,
 На голову розболилась.

¹⁾ т. е. жабами, которыя вдова выдавала за рыбу.

— „Ой, сыну мий, сыночку, и жалошцы мойи
Ой чы йилы хоть дяткы йийи?“

— Не йилы, ненечко, не йилы, сердечко,
Вельмы жъ воны вже послулы.

— „Ой, сыну мий, сыночку, и жалошцы мойи.
Ой, се жъ вона тебе чаровала!“

— Чаровала, ненечко, чаровала, сердечко,
Чаровала, старенькая.

— „Ой, сыну мий, сыночку, и жалошцы мойи
Яки тоби старосты збираты?“

— Позбирай, ненечко, позбирай, сердечко,
Все пэпы старенькийи.

— „Ой, сыну мий, сыночку, и жалошцы мойи,
Яки тоби бояры зываты?“

— Ой, поззывай, ненечко, поззывай, сердечко,
Усе дьячки молоденькы.

— „Ой, сыну мий, сыночку, и жалошцы мойи,
Яки тоби музыкы найматы?“

— Ой, понаймай, ненечко, ой понаймай, сердечко,
У собори во вси звоны.

— „Ой, сыну мий, сыночку, и жалошцы мойи,
Ой се жъ бо ты умырать хочешь?“

— Хочу, ненечко, хочу, сердечко.

— „Ой, сыну мий, сыночку, и жалошцы мойи,
Ой де жъ тебе поховаты?“

— Ой поховай ненечко, ой поховай, сердечко,
У собори у прытвори.

Мы считаемъ излишнимъ прибавлять что либо по существу вышеприведенныхъ пѣсенъ. Скажемъ въ заключеніе нашей статейки лишь нѣсколько словъ относительно внѣшней стороны ихъ.

Быть можетъ, читатель, пробѣгая варианты первой пѣсни, уже обратилъ вниманіе на сходство ихъ, при всемъ разнообразіи деталей, сходство часто даже въ выраженіяхъ, въ сохране-

ни имени героя, несмотря на то, что мы имѣемъ дѣло съ вариантами, записанными отъ Галиціи до Дона, въ краяхъ, которые издавна поставлены были въ различныя политическія условія. Это сходство, которое почти въ такой же степени наблюдается и въ вариантахъ второй пѣсни и вообще въ громадномъ количествѣ украинскихъ пѣсень, свидѣтельствуетъ о національной цѣлостности украинскаго племени, удивительной, при извѣстныхъ политическихъ судьбахъ его съ XIII—XIV столѣтія.

П. К.

Половинщикъ.

Этнографическій разсказъ.

I.

Передъ Спасовымъ праздникомъ владѣтельница хутора Зѣкрутки, маіорша Куксиха, вышла на свою *толоку* для осмотра земли, вспаханной подъ засѣвъ жита.

По мужу маіоршу слѣдовало бы звать Куксиной, но какъ маіоръ *Куксинъ* родился въ сосѣднемъ селѣ Выступцахъ, и всѣмъ выступчанамъ было извѣстно, что его покойнаго отца, козака *Куксу*, никто Куксинымъ не звалъ, то и самого маіора звали Куксенко, или Кукса, а его маіоршу—Куксихою.

Поля, окружавшія хуторъ Зѣкрутку, были уже вспаханы. Одинъ только *половинщикъ*, Опанасъ Харченко, допахивалъ послѣдній *упругъ толоки*.

— Ты слишкомъ поздно пашешь, Опанасъ, сказала ему маіорша. Это только вдова запаздываетъ. То дѣло вдовье, понятное дѣло, а ты нигдѣ не кланяешься, не просишь, какъ она бѣдная. У тебя свой плугъ, и сынъ взрослый, правая рука твоя. Своею медленностью ты дѣлаешь и мнѣ убытокъ: земля не подпарится, жито будетъ у тебя плохое.

Опанасъ Харченко, человѣкъ лѣтъ сорока, бѣлокурый, съ большими голубыми глазами и печальнымъ выраженіемъ лица, смиренно поклонился маіоршѣ Куксихѣ, какъ вассалъ своему сюзерену, и отвѣчалъ кротко:

— Нехай вамъ не буде гнивно, пани, хотивъ оце втикаты въ степы, на Довщину, да тилько що пора вже перепорылась.

— Это какъ же такъ, Опанась?—вопросила маіорша.

— Да такъ, не вамъ, пани, кажучы, хотивъ усе покынуты, задуштыты... тутъ голосъ его порвался, да люде не пускають...

— Что это я слышу отъ тебя, Опанась? сказала изумленная маіорша голосомъ участія, не похожимъ на строгій хозяйствен- ный тонъ, которымъ она заговорила было съ половинщикомъ. Что это ты сказалъ? Да ты, я вижу, плачешь? Голубчикъ мой, признайся, что у тебя за горе на душѣ?

Маіорша Куксиха была уроженка хутора Закрутки, близ котораго жилъ въ селѣ Выступцахъ ея печальный половинщикъ, Харченко. Ее всѣ выступчане знали съ дѣтскаго возраста, какъ добрую панночку. Была она, что называется, *дочка одыночка* у своихъ родителей, людей покроя старосвѣтскаго, и не знала дру- гой боны и гувернантки, кромѣ крѣпостной ключницы, знамени- той во всемъ околodкѣ хозяйки. Состоя подъ ея нѣжнымъ и почтительнымъ надзоромъ, панночка пользовалась полной свободой раздавать изъ хуторскихъ коморъ щедрые дары крестьян- скимъ и козацкимъ дѣтямъ, выступчанамъ. Слава *доброй пан- ночки* утвердилась за нею съ оныхъ счастливыхъ дней. Но по- блажливая ключница внезапно умерла, а тутъ подѣхали къ старосвѣтскимъ панамъ хуторянамъ столичные родные, и такъ какъ отецъ доброй панночки былъ заслуженный капитанъ, украшен- ный орденами, то склонили его къ ходатайству о воспитаніи дочери въ Патріотическомъ институтѣ, гдѣ она и получила воспи- таніе. Вернувшись домой, добрая панночка на первыхъ порахъ испугала было великорусскою рѣчью старыхъ друзей своихъ, въ числѣ которыхъ состоялъ и Харченко; но когда хуторскія ко- моры оказались по прежнему рогомъ изобилія, сверстникамъ ея даже нравилось, что ихъ панночка говоритъ, какъ они выража- лись, *по-письменски*. Поэтому и въ настоящемъ случаѣ Харченко внималъ ея великорусской рѣчи съ такимъ чувствомъ, какъ будто она еще возвышала власть хозяйки надъ половинщикомъ.

— Ну, говори же, говори все, какъ есть, Опанась продол- жала маіорша. Я и не знала, что тебя постигло какое то горе.

— Охъ, пани моя, пани! съ глубокимъ вздохомъ отвѣчалъ половинщикъ, не вамъ бы такее слухаты видѣ мене, та мушу все вамъ выявити. Такъ воно мене палыть, такъ мене душить и рве, що наврядъ и въ пекли буває гирше.

— Голубчикъ Опанась! продолжала маіорша нѣжнымъ тономъ своимъ, не предавайся такъ ужасно своему горю. Можетъ быть, есть противъ него какое нибудь средство. Скажи, что тебя мучаетъ?

— Що?... отъ що! Уже я девять литъ про свою жинку чую, та виры не дыймаю, началъ безъ околичностей свою исповѣдь печальный Харченко. Таке жъ удане, вродлыве чортеня, що й очей не 'дведешъ?... А вона що мною колобродыла! Ге, пани! одно горе тилько съ сымы жинкамы! Теперъ на двадцятому годи присочывъ їи, да такъ и отрухъ...

— Что это значить, Опанась? прервала половинщика маіорша. Ты говоришь, что твоя жена измѣнила тебѣ?

— Колюбъ то *зминыла*, отвѣчалъ, потупивъ голову, Харченко, а то зрадыла, та ще якъ! и замолчалъ.

•— Говори мнѣ всю правду, Опанась, ободряла его маіорша. Правды не бойся мнѣ сказать.

— Вамъ?! воскликнулъ съ неожиданнымъ энтузіазмомъ Харченко. Та яжъ попу на сповиди того не казавъ бы, що вамъ роскажу. Хыба жъ вы забулы, якъ я й той рикъ передъ Спасомъ до васъ прыходывъ? Сусидь Кихоть изъ жинкою моею... гмъ! гмъ! не вамъ кажучы, пани, а свою баныть, що дня! хоче и мене съ свита зогнаты, щобъ изъ моею Орыною вкупи пожыты. Я й той рикъ вамъ про се натякавъ.

— Помню, помню, сказала маіорша. Ахъ, ты бѣдняжка! Такъ и до сихъ поръ все та же у васъ исторія?

— Я, пани, чоловікъ милосердный и до скотыны, и до людыны, продолжалъ половинщикъ, отъ же колюбъ я бувъ законодателемъ, дакъ я бѣ отакахъ въ одну годыну десятехъ повисывъ, бо въ нихъ нема ни до кого жалошывъ. Имъ що бабку, що грыба зорваты, що чоловіка съ свита згубыты... Хотивъ я жалитысь на его. Винъ каже: я началства не боюсь. Знае замовыны. У своему кожуси усе й носыть той папиръ. Я пытавъ у людей

порады, щобъ таки его спозываты. Люде кажутъ: на вси обиды есть законъ, а на вольшебство и на видемство нема. А я и вовкулакивъ бы вказавъ, и видемъ, и всякихъ вольшебныцъ, що й труять, и всяки замовыни роблять. Есть клята тварь, и Бога перехытрыть, и замовыть. Закону нема, оттого жъ вони таке й творять. Я разъ пидстеригъ, якъ винъ свій кожухъ выкинувъ одъ моли провитруваты. Бачу, никого нема, я пидкравсь, полизь рачкы, налапавъ той папиръ у кышени, забравъ и спысавъ соби оту бумажку: тѣфу, цуръ ему! щобъ его поверхъ дерева носыло! Ось що вони началству роблять: винъ одъ усякои кары видможецця, якъ оте прокаже. Ничого не боицца.

Маіорша давно уже положила себѣ за правило ничему подобному не противорѣчить. Всѣ ея попытки противъ суевѣрія оказывались напрасными. Молча слушала она жалобы несчастнаго Харченка на волшебство сосѣда, и только для того, щобъ выразить участіе къ его горю, спросила:

— Что же тамъ въ бумагѣ написано во вредъ началству?

Харченко отвѣчалъ со вздохомъ:

— Я, пани, законъ знаю и почитаю. Я хыба зъ жыдомъ не похрыстосуюсь, и началству отдаю честь по пысацію. А то на щобъ я й пысьменный бувъ? Винъ же, зла лычына, ось що у кешени носыть. *Вовкомъ иду, ступнемъ поганяю* (Ну, се жъ уже не по закону). *Сонце мижъ очыма, мисяць за плечыма, зорею завернуся* (бачыте, уже Бога касаецця), *никакого началства не боюся. Сонце и мисяць исходыть, у начальника умъ рыходыть. Амынь.* Теперъ скажите, пани моя, чого такому гриха боятысь? Винъ себе дьяволомъ оградывъ, а мое жытте занапастывъ. Хлопцю мойму девятнадцать лить, дочци пятнадцать, ще одному лить девять и тры года дочци. Уси жъ вони знаютъ матерыну позору. Хотывъ бувъ я повчыты свою... дакъ сынъ не дае, и винъ у ту гуцу—боюсь довесты до гриха сына. Теперъ, милостыва моя пани, у лисовыка бильшь правды, нижъ у людей!

— Неужели больше?—спросила разсѣянно маіорша, думая о несчастномъ положеніи семьи. Она любила Опанаса Харченка за его честность и трудолюбіе. Она задалась вопросомъ: какимъ бы способомъ водворить въ этой семьѣ миръ?

— А вы думаете, меньше? отвѣчалъ Харченко вопросомъ на вопросъ. Одному чоловікови була зъ лисовыкомъ така прычта: чоловікъ та жинка поехали по дрова въ лисъ. Жинка каже. Подывысь, подывысь, чоловіче, пидъ куцемъ дытына лежыть! Лежыть голеньке! Та его жъ комари заидять! Узала, скынула зъ себе хустку, да й угорнула ту дытыну. Хустка була вже ветха, не жалъ, мовъ ягого вихтя... Уранци щось стукаецця въ викно: Добрыдень! одчынить! Чоловикъ выйшовъ.—Выганяйте, каже, волю, я попасу.—Я тебе не знаю, хто ты такой.—Се жъ твоя жинка мою дытыну угорнула въ хустку, видъ комаривъ. Тилькы выжены, да скажы, колы прыганять, дакъ я и напасу й прижену. Да я й самъ знатому колы.—Отъ, пани яка въ лисовыка правда! А я свого не разъ одъ комаривъ боронивъ, не жалуючы себе самого, а яка дяка? И винъ у ту гущу—за матирь, хотивъ и побаныты,—не давъ. Гирко мени стало. Думавъ усе закънута, и поля не сіяты, дакъ малыи диты... Отъ гречку оце посіявъ, волочу и самъ не знаю, що роблю. Теперь до дому не поспішаюсь, не руныть мени домивка; ниhto мене не жде, и парубокъ мій байдужень. Хто его зна, що й роботы. Мабуть, пійты свить за очыма. Теперь ниhto никого не чествуе. Кажуть же, що якъ Содомъ та Гоморъ Богъ уныштожывъ, до тилькы вывивъ изъ цілого городу одну спасену душу, Лота; те, мабудъ, и въ насъ буде. Було въ стари года добрыи дила не забувалысь: хоть и чуже, то якъ небудь де перейде тоби дорогу. А теперь и свое дороги не вкаже. Теперь батько старый, або маты, то сынъ орудуе нымы не знаты по якивськи. Теперь багато людей своей виры не доглядають. Мени, каже, абы на сему свити було добре, а на тому хочъ и тыны мною пидпирай. Або це торикъ челядека въ нашего тытара пошла, хресты всюды на Водохреще попысала, скотыну покропыла. Се жъ такъ не годыцця! Господарь у своимъ дому дольженъ поздоровыты всихъ зъ праздныкомъ и покропыты. А то вона якъ скаженна бижыть и скотыну кропыть. Прямо острахъ бере!

— Я удивляюсь тебѣ, сказала маіорна: ты добрый человекъ, и священное писаніе читаешь, а на сердцѣ у тебя такъ тяжело, и свѣтъ представляется тебѣ такимъ жестокимъ и печальнымъ;

ты бы помолился Богу да помирился съ женой и съ людьми, каковы они ни есть. Богъ такихъ терпитъ на свѣтѣ: надобно терпѣть и намъ, глядя на Бога. Дѣлай по моему совѣту; у тебя будетъ яснѣе на сердцѣ.

— У такой незлагодній семьи, отвѣчалъ мрачно половинщикъ, и самъ осатаніешъ. Двадцать литъ я й за дубецъ не брався, а теперъ бы погривъ ий ломакою спыну, дакъ сынъ не дае. Оце йду до дому и стежки не бачу, земли не чую одъ журбы: то по роли скачу, то въ ярOCKъ зализу. Мовъ той чортъ скакавъ у свынорыи, втикаючы зъ панщыны, такъ и я теперъ скачу, а самъ хылюсь... Теперъ мене и пиша птыця поборола бь, горобецъ бы побывъ. Такъ воно мене истъ, оце горе! Оце зъ меншымъ выихавъ на ныву. Ой волю жь мои та половыи, чомъ же вы не орете? А воны чуютъ, що ихъ хазяинъ не пры соби. Не гомоню вже до нихъ, речы нема, и воны не озываюця. Ныкли ходять, и имъ плохо, такъ якъ и мени. Охъ!

— Опанасъ, говорила ему маіорша, журбою поля не перейдешъ. У васъ говорятъ: Не виръ чужымъ речамъ, а виръ своимъ очамъ. Мало ли что не скажутъ сосѣди. Ты бы думаль о томъ, что тебѣ скоро дочь замужь выдавать.

— Не по чимъ и бье, якъ не по голови, отвѣчалъ бѣдный пахарь). На що ии выддаваты? Шобъ и соби людей зводыла, надывышысь на матыръ? Теперъ ще ничого по ній не помитышъ, покы не замужемъ. Уси воны гарни въ дивкахъ. Дочка сама и на городи, и коло коривъ, и всюды, а мы зйдемось обидаты, то мовчкы й имо: а якъ ложкамы стукнемось, то ажъ здрыгнемось. А було колысь по добру жылы, усьмихнемось, а диты й соби: теперъ и и стины нимы, и мы нимы. Було та й загуло... теперъ у неи тилько й думкы, котрый очипокъ до лыця, чы гурочковый, чы кумачевый, чы квиччастый, або на Салымонъ ¹⁾ ворожыты. Кого залучыть письменного, то й загадуе на Салымона. А заворота выбижыть, спивае, у бока взявшысь, наче дивка дивуючи:

Чорты его батька знае,
За що мене чоловикъ лае,

¹⁾ Салымонъ — гадательная книжка.

Чы я ему галушокъ не варю,
 Чы я ему подушокъ не стелю?
 Я жъ ему и галушечкы,
 Я жъ ему и подушечкы.

Оттакои втне! а мене ще гиршъ за печинкы бере. Мовъ загминне сонця, така на думци темрява. На догадъ бурякивъ, дайте капусты, а въ мене пучкы такъ и бгаюцця, такъ сы й давъ стусана. Якъ оце що мени треба до неи, то я черезъ сына кажу. Коповыця була, люде, мовъ бжолы, гудуть да медь сбырають, такъ люде нагреблы копы возять. Хлиба, хлиба пидродыло! везуть радюють.. Про мене!.. бо кажете не виръ чужымъ речамъ. Дакъ я жъ бо прысочывъ ин. А покы не прысочывъ, якъ вона варыла зъ мене воду! Чого не выгадувала, щобъ мои очи 'двесты! Якъ зъ мене знушалась! Одного дня занедужала. Охъ, охъ! а въ мене въ серци техъ, техъ! Чоловиче, Опанасыку, ты бъ, каже, пошовъ до моря, то я була бъ здорова, узявъ бы въ горщычокъ морської воды зъ пескомъ да й прынисъ. Де жъ тее море? и вона не знае, й я не знаю. Пишовъ я ажъ на друге село: тамъ нызына, чы не ликарственна вода. Весною залывае, ажъ човнамы издять, съ хаты до хаты. Прынисъ я ий воды съ пискомъ. Нагрій же, навары.—Годжу, наварывъ: така думка, що й поможецця. А шептухы не хоче.—Да покоштуй же, яка вона.—Таке соби: вода водою, кажу.—Ну, колы жъ тоби здоровому такъ, то якъ же мени недужий? Отъ изновъ: колы бъ ты, чоловиче, узявъ сусидову собаку да поганявъ, да набравъ калу, да росколотывъ у сій води, то, може бъ, мени й полегшало. Отъ же ей же то Богу жъ то, пани! Хыба жъ я колы збрехавъ у чому передъ вами?

— Нѣтъ, отвѣчала маіорша. За то я и люблю тебя, за то и землю даю самую близкую къ саду, въ окопѣ.

— Отъ же я пишовъ, ганявъ, ганявъ сусидову собаку, набравъ калу, прынисъ. Каже жинка: возьмы жъ да росколоты. Росколотывъ — Покоштуй же. Покоштувавъ.—Яке воно?—Пагане. Колы тоби здоровому таке, то якъ же мени недужий? Ни, пийды такы до спражного моря, то я буду здорова. Отъ иду я й самъ не знаю, куды. Вона все стогне, а въ мене сердце мліе. Иду, плачу и стежки передъ собою не бачу. Не знаю, де моря шукаты,

де тыхъ лививъ шукаты, а що люде натякалы, я байде: не вдогадь мени, чога вона мене зъ домивкы пре. Иду, плачу. Уже коло другого села стричаю знакомого музыку, Деревянкою прозывають, бо въ москаляхъ здобулся раны и довго на деревянци ходивъ. Той мене пытае: куды йдешъ?—Такъ и такъ, кажу.— Постій же, вернись: я ѿ выличу. Я вси жиночи болести знаю. Ты, може, чувъ про Соломаха, якъ винъ дяка спіймавъ изъ жинкою?

Высыть мяло на колку,

Буде жинци и дяку...

Чувъ?—Чувъ, кажу.—А въ тебе мяло высыть на колку?— А вже жъ высыть.—Оце жъ, каже, й ливы на жинчины болести. Ходимо.—Прыйшли до мого двора. Ходимо въ клуню. Пошли. Завернувъ мене въ куль соломы, притягъ до синей.—Лежи тутъ. Положивъ мене у синяхъ. А самъ просыцца до недужої жинки; а вона саме зъ сусидомъ закусуе. Такъ роспалалась! Сусидъ, мордохай той Кихоть Карпо, пытае: хто стукаецця? й не пускае. А въ мене й сердце замерло, волоссе дыба пиднялося. Я, каже, музыка, кумъ, свій.—А вона: Пусты, каже. Я добре знаю сего чоловіка, винъ хороший, и впустила. А вони пьютъ та гуляють, и музыци пиднесли чарку й другу; а винъ имъ грае:

Чы чуешъ ты, Соломахъ,

Що діецця ю домахъ?

Высыть мяло на колку—

Буде жинци и Карпу.

— Да ще прытупне ногою и прысцивне си слова, такъ ѿ и вразыть.—Ни, ты чорзна що граешъ и примовляешъ: а грай— трата йда, трата йда.—Загравъ; якъ пустылись танцюваты! хата ходора ходыть. Тоди музыка каже: Дежъ мени лягаты спаты? треба соломы ввесты. Вона вказала. Винъ унисъ соби куль соломы и поставивъ мижъ кочергамы. Изновъ грае:

Чы чуешъ ты, Соломахъ,

Що діецця ю домахъ?

Высыть мяло на колку—

Буде жинци и Карпу.

— Зновъ уразывъ ѿ. А вона зновъ каже: не грай бо такой, а трата йда, трата йда. Изновъ у двохъ носяцца и на здыбочкы

и крутька по панськи. Якъ выскочу жъ я тоди зъ куля, да за мяло! жинку разъ, а Карпа два, жинку разъ, а его невірного двичы, щобъ не знущались изъ мене, не краялы мого серця безъ ножа и тарилки. На двадцятому присочывъ, тай выгнавъ суевира. Уже що суевиръ, дакъ справдешни суевиръ! Ото жъ якъ передь Спасомъ я бувъ у васъ и стали вы мене вгруппаты, щобъ не сумувавъ, загомонили до мене ласкаво, трохи 'дсерця 'длягло, и дали мени яблукъ, а я кажу: у мене, слава Богу, и свои родять, да тильки ни съ кымъ мени яблучко святе роздильты, и диты про мене!.. Такъ воно въ насъ и доси. Мовчимо соби зъ жинкою, и сынъ за неи. Я одынь горую. Вона сына потай мене и на вечорныци, якъ ляжу, 'дпускала. А якъ винъ бувъ лыха доскочывъ, дання ему дано, усе ти жъ самы ворогы. У васъ, у панивъ, усяке налле румочку и выпше, а въ насъ частуючы и пидсыпле, да съ соняшныкомъ дання й дасть. Тоди винъ бачыть горе, що погыбае, прыбигъ до мене. Якъ тревога, такъ и до Бога. Прыбигъ и правду всю 'дкрывъ, що вона его спроводжала на вечорныци, а я заборонявъ ходыты. Вона жъ про свое дбала, щобъ свидкывъ не було, и всихъ по хатахъ порозсылае: ту проса товкты, того гулять, кого бабу провидать, абы довше загалялысь, а мене туряе до моря. Ну, що зъ нымъ робыты: горыть мій парубокъ, незнать що говорыть. И ничъ мене не йме. Пишовъ я, накопавъ молочаю, натовкъ его багато и давъ выпыты, та й кажу: оце, сыну, надвое: пый! хочъ жыты-мешъ, хочъ помрешъ. Тяжко лежавъ, на стяну дрався, а я все выкоренявъ оте данне, ото й выходывся. Теперь уже на вечорныци не ходыть.

— Я всѣ твои рассказы выслушивала и прежде, и теперь терпѣливо, сказала маіорша, и ничего не придумала въ твое утѣшеніе, кромѣ того, что ты долженъ примириться съ женой.

Половинщикъ поникъ головой и отвѣчалъ жалобнымъ голосомъ.

— Вы не вважаєте на те, що въ мене згага заеклась, що я гласу не 'дведу, бо по два дни не имъ: хыба се я не чоловікъ? Голубъ, да й то любить свою голубку. Тилько похытнысь вона, такъ и вырве їй чуба, голову пробье. А чоловікъ тилько

прытулысь, оженывшысь, до другои, до жинка заразъ и покыне. А я що таке?

— И все таки надобно тебѣ такъ или иначе примирится, говорила маіорша. Вотъ приближается день Спаса, день великій. Я слышу отъ васъ, что на Спаса сама маты Божа роздаетъ на томъ свѣтѣ дѣтямъ яблоки. Надо мириться ради дѣтей. Отъ вашихъ вѣчныхъ ссоръ и дракъ дѣти растутъ какъ бурьянъ, а часто и умирають. Опанась! подумай, я тебѣ и прежде говорила: худой миръ лучше доброй ссоры.

— Та се вже вы, пани, прыстаєте до мене зъ зализнымы клищами, сказала сердито Харченко.

— Именно такъ, отвѣчала маіорша. Я готова и раскалить ихъ, лишь бы тебя принудить къ миру. Надо тебѣ мириться непременно. Слышишь? Самъ ты говоришь, что въ прошломъ году, послѣ нашего разговора, у тебя стало на сердцѣ легче. Теперь я тебя наставляю, какъ примириться съ женою. Освятишь ты на Спаса въ церкви яблока, придешь домой, разрѣжешь яблочко и дашь по кусочку всѣмъ семьянамъ: женѣ и дѣтямъ. Но давши, не молчи угрюмо, нѣтъ! заговори къ своей Орынѣ такъ, какъ будто межъ вами ничего не бывало. Не дай, Опанась, превозмочь тебя злу, побѣждай зло добромъ. Эти слова ты читаешь въ священномъ писаніи, и надобно тебѣ ихъ выполнить, непременно выполнить. Слышишь?

— Гарно вы говорыте, пани, сказала Опанась кротко, та що жъ, колы я не переважу себе? Горе, мовлявъ той, гне, а хороше жытте выправляе. Не переможу тоеи зневагы. Я, що мени до неи треба, то кажу все черезъ сына. Не переважу... Скільки литъ вона потырала мною, скільки литъ звучалась, кепкувала, дурыла, зневагу робыла передъ людьмы, передъ дитьмы. Мене люде за дурного малы... прыспивують:

Ой пиповъ Опанась
 По горилку для насъ.
 Заченывся за пень
 Та й стоявъ увесь день.
 Прышла жинка, видчепыла
 Та й по пыци была, была.

Я виры не діймавъ, якъ люде про неи торохтѹ пустылы, и ии не бывъ и не нахылявъ на свою стежку. У мене мовъ змія за серце ссе!

— А я тебѣ совѣтую, продолжала маіорша, превозмоги свои страданія и обиженную гордость. Ты будешь гордиться тогда самоотверженіемъ и смиреніемъ; а теперь ты страдалецъ, и дѣти твои, какъ овцы безъ пастыря. Забудь свою обиду, и этимъ ты наклонишь свою семью къ одному дѣлу, къ однимъ мыслямъ, и будете всѣ жать на одинъ сноплъ.

— Не мѡжу, говорить Опанась. Се не людське дило. Господь мылосердный своею благостью тилько може все простыть, а мы люде гришни, я падаю одъ горя.

— Переважь себя, Опанась, повторяла настойчиво сосѣдка. Жинка твоя не грамотна, темный чоловікъ, а ты говоришь, что и спалъ бы съ тѣми книгами, что я тебѣ подарила. Книги жъ эти отъ самого Христа намъ посланы черезъ апостоловъ. Для чего же тебѣ грамотность? Для чего ты читаешь, когда въ сердце добра не набираешь? Ты только гордишься своимъ разумомъ, а сердце твое окаменѣло. Знай, что всѣ твои рассказы про жену передъ Богомъ пустыя рѣчи. На такія рѣчи годится всякая темная баба и всякій злой чоловікъ, а тебѣ, чоловіку грамотному, разсудительному и доброму, тебѣ такія химеры проводить стыдно и грѣховно. Преодолѣй *зиевагу* милосердіемъ своимъ побожески, и Богъ обновитъ счастливое, прежнее житье твое. Ты ее любишь, ты любишь ее и теперь, хоть она преступна; оттого такъ и мучишься. Примиреніемъ эту муку съ души своей снимешь, точно тяжелый камень. Молчишь?

— Мовчу, пани, отвѣчала Опанась. Увирылась вона мени. Удаецця мовъ за батькивщину.

— Значить, милосердіемъ ты не хочешь уподобиться Отцу нашему небесному, сказала маіорша.

— Не кажить бо такъ доткльиво, пани, заговорилъ сквозь слезы Опанась Харченко, не говорить згрязна до мене. Бачте, у мене й слеза зъ очей покотылась... не здышусь. И силы нема, щобъ перемогтись, и не знаю, що сказаты вамъ. Такъ уилось ваше слово въ мене, мовъ те зинське щеня. Ваши речи такъ

мене побываютъ, а въ сердци у мене па неи чогось и злобы немае. Другій чоловікъ розсвырипивъ бы, а то й ничего.

— И слава Богу! сказала маіорша. Я тебѣ повторяю, Опанась, женщины слабодухи. Вы, мужья, первые должны превозмогать себя. Вамъ Богъ далъ силы много. Вы сами говорите, что Богъ далъ вамъ силы, набравши на лопату да еще и приштоптавши, а женщинамъ только на вила взявши да еще и страхнувши, то и душевная сила, у нихъ меньше вашей. А ты читаешь святыя книги точно попусту; никакого слѣда на тебѣ чтеніе не оставляетъ... Ступай же домой да покажи, что слово Божіе тебя просвѣщаетъ.

Поникнувъ головой, молча простился половинщикъ съ маіоршей. Она провожала его глазами, пока онъ скрылся изъ виду.

II.

Наступилъ великій праздникъ Спаса. Подошло время къ 1-му сентября, *Сѣмену*, какъ у насъ говорятъ, пріурочивая всѣянное въ землю *сѣмя* къ святому Симеону. Послѣднимъ сѣятелемъ, какъ и послѣднимъ орачемъ, былъ Опанась Харченко. Вышла на свою толоку владѣтельница хутора Закрутки и видитъ передъ собой другаго человѣка, совсѣмъ не того Харченка, который никнулъ къ землѣ отъ горя.

— Слава Господу Богу, обратилась къ сосѣду половинщику сосѣдка пани: ты мой совѣтъ исполнилъ.

— А вы вже, пани, й знаете? весело заговорилъ Опанась.

— По твоему виду знаю, по твоей поступи знаю, вижу по самому размаху твоей руки. Не напрасно она бросаетъ въ землю сѣмена. Миролюбивымъ людямъ Господь помогаетъ и въ домѣ, и въ полѣ. Ну, рассказывай же, какъ между вами было дѣло.

— А ось якъ, милостыва пани, спокойнымъ голосомъ говорилъ ревнивый мужъ. Прійшовъ ото я до дому съ поля и не вечеравъ и не чувъ, що кажуть, и що робыцца. Лигъ и всю ничъ проплакавъ. Казалы вы мени, и самъ я добре знаю, що жинкы чоловікамъ таку зневагу прощають часто, а щобъ чоловікъ жинци—николы. И по соби бачу, якъ воєо трудно намъ. Зане-

дужавъ я, розгорився, якась трясця мене трясла. Сынъ усю ниченьку не одыйшовъ одъ мене, а жинка стояла коло порога блидна. Я готовывся къ добру, мовъ гришныкъ икъ сповиди. Справди, думаю: мы жь дужчи одъ жинокъ и тиломъ и духомъ, и чытаемо божественни кныжки, и спалы бь зь нымы, мовлялы вы праведно, моя пани, ну й постуемо, до церкви ходымо и свято бильшь усего содержымо: бо се намъ легко: людей побачымъ у Божому дому, и всяке себе покаже. Дывитесь, добри люде, якый я зодягный, та опатный! Ни, запоможи сусида, просты *оттаку*... и дитей занехаала. Зробы се про свою душу, щобъ вона свитылась передъ Богомъ, якъ свичка въ церкви. Не запоможе тебе пры лыхий годыни сусидь, байдуже, абы ты запомигъ, абы ты вмивъ *таку* простыты. Ось чого Богъ вымагае. Правда, пани?

— Истинно такъ, подтвердила сосѣдка. Радуюсь, что не напрасно подарила тебѣ Новый Завѣтъ и церковной и гражданской печати.

— А то намъ, продолжалъ Харченко, усе у заздрить. Чы въ сусида багато корова молока дае, а бодай ему! чы скотынка въ руку йде, а щобъ ему! або ще й выдыхало, подумаешъ, ий подуматы грихъ. Ото жь я перебравшы вси наши грихы та выплакавшысь добре за ничъ, вставшы на другій день, почувавсь якось инше: духу прыбуло въ мене, а тутъ и Спасъ прыйшовъ Дзвонять. Пишовъ до церкви и освятывъ яблука. Силы мы за стилъ; я поризавъ на кусочки, давъ ий, а потимъ и дитямъ, и самъ иззивъ, да й сзвавсь до неи (ато николы було не озвуса): нехай, кажу, се святе яблучко наши души освятыть и сокушыть. Будемо, жинко, жыты мырно. Бильшь не спромигся на слово. У неи тилько слеза тремтила. А въ мене глась порвався. Вона мовчкы взяла кусочокъ яблука, перехрыстылась и, трясучысь, иззила. И ставъ я съ того часу до неи гомоняты и якось у мене на серци радосно зробылось, а въ неи облычче поясничало. Тамъ така, що хоть воды зь лыця напыйся, дарма що й не

зовсимъ молода, такъ искры й сыплюцца. Диты повеселилы, оселя те жъ. Я радъ бувъ, що змигъ таку наругу выбачыты. Вона стала въ мене про все питаты, що робыты, и все въ насъ пошло на добро. Ставъ я бондароваты, що люде ажъ дывуюцца. Видкиль се взялось у тебе скуство? То було якъ небудь видерце, або борылце набью, а теперь кадовба пересыплю, уторы пидрижу, самъ дно вставлю, мое поштенье! Чы то Богъ мени вже такъ давъ, я й самъ не знаю; вмю, да й умю зъ того часу, не робывшы зроду.—Якъ стали жъ и мы послѣ того копы возыты, то можно сказаты!—Въ пятыхъ якъ выйдемо на ныву, то по полукопку поставимъ, до й то дви съ половиною копы въ день, а якъ же по копи, а часто я й вона по пивторы и по дви копы становылы. Женци молоды, серпы золоты, такъ и крепуть! Теперь я, пани, вырисъ на тры корхы вгору.

III.

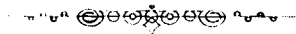
Рано весной владѣтельница хутора Зѣкрутки, маіорша Куксиха, вышла на свои поля для осмотра пахати. Не начинали еще половинщики *ралить* поля, вспаханнаго на *ябгъ*, но записанныя за Харченкомъ десятины были уже что называется *запораны*. Радуюсь воскресшей дѣятельности любимѣйшаго изъ половинщиковъ, маіорша обошла кругомъ червѣющее, точно вороново крыло, поле, какъ передъ ней явился и самъ Опанась, но не въ видѣ запыленнаго *ратая*. Онъ былъ одѣтъ по праздничному и несъ ей на *ралець*, подъ пахою, завернутую въ бѣлую, какъ снѣгъ, хустку *паляныцу*. Отвѣсивъ своему возлюбленному сюзерену низкій поклонъ, счастливый вассаль объявилъ:

— Одбувъ, пани, хрыстыны й похрестыны. Спасыби за се Богу та й вамъ.

Приняла пани отъ половинщика даръ съ обычной благосклонностью, пригласила его *до господи*, угостила домашними наливками, и онъ за чаркою признался ей:

— Познаходывъ я, пани, гурочковый очипокъ и Салымонъ знайшовъ на горыщи та й попалывъ у поли, и пошилъ по витру пустывъ, нехай воно все такє йде на сухе дерево, а людей минае! Не знае вона сего и мовчыть про свои зрадлыви очипкы та Салымоны, а я соби мовчу. Теперъ ходжу по земли твердо. Вся симья моя жыве въ добри. И васъ, пани, задовольнывъ, и Господа Бога. Не хочу я послѣ себе поганый слідъ кыдаты. Маю надію, що й симья моя не буде пасты мижъ людьми задню.

Ганна Барвинокъ.

ТАРАСЪ ИЗЪ ВОРОХТЫ.

ИЗЪ БЫТА ГУЦУЛОВЪ.

(Переводъ съ польскаго).

(Окончаніе 1).

На *Кечерь*²⁾ расположились на ночлегъ *молодцы* и пили изъ *барылка*, отнятаго на венгерской сторонѣ у какого то еврея, усердно угощая новаго товарища, приставшаго къ ихъ дружинѣ.

Тарасъ пилъ на пропалую... его жгло въ груди—онъ думалъ, что этимъ зальетъ этотъ жаръ; онъ чувствовалъ потребность все заглушить, подавить въ себѣ, вычеркнуть изъ памяти всю свою прошлую жизнь, исполненную тяжелой, непрерывной борьбы за свое жалкое существованіе, представлявшее изъ себя рядъ всевозможныхъ лишеній и горя. Хотѣлось забыться..., но при воспоминаніи о любимой дѣвушкѣ, оставшейся въ селѣ, сердце его замирало, имъ овладѣвало отчаяніе, и онъ схватывалъ *барылко* и пилъ жадно, большими глотками, словно надѣялся въ винѣ и потопить свое горе, и найти утѣшеніе. Съ каждымъ глоткомъ огонь разливался по жиламъ, въ головѣ мутилось... Фигуры товарищей, деревья, шатаясь передъ глазами, принимали все болѣе странныя, причудливыя формы... Подъ конецъ ему представлялись какія то фигуры, съ волчьими головами, съ кабаньими

1) См. „Кіевск. Стар.“, ноябрь, 1888 г.

2) *Кечера*—первый высокій гребень между Ворохтою и Черною Горю.

клыми; онъ никакъ не могъ понять, что съ нимъ и гдѣ онъ. Наконецъ все лотемнѣло передъ глазами, и онъ ничего уже не видѣлъ и не сознавалъ, а вокругъ него, допивая остатки вина, подъ рядъ лежали дикія фигуры, совѣщаясь о предпріятіяхъ на завтра. Шайка готовилась идти на Ворохту, поискать припрятанныхъ у мѣстныхъ богачей *сороковокъ* и бѣлыхъ талеровъ. Вскорѣ на горѣ все покоилось мирнымъ сномъ.

Громко храпѣлъ и стоналъ во снѣ Тарасъ, и по временамъ бормоталъ что то неясное страннымъ, какъ бы не своимъ голосомъ; иногда же вдругъ вскакивалъ съ мѣста, и тотчасъ же снова падалъ безъ сознанія; голова его была точно налита свинцомъ, лице же пылало, какъ въ огнѣ. Очнувшись на разсвѣтѣ отъ тяжелаго сна, оглянувшись по сторонамъ и увидѣвъ въ повалку лежащихъ товарищей, онъ въ недоумѣніи началъ протирать глаза; припомнивъ же себѣ, гдѣ онъ и почему, и свои отношенія къ отцу и сестрѣ, онъ въ отчаяніи схватился за голову.

— Что должно было случиться, то и случилось. Такъ ужъ, видно, на роду написано...

Всматриваясь въ лица товарищей, Тарасъ вдругъ замѣтилъ своихъ двухъ односельчанъ изъ Ворохты, приставшихъ въ эту ночь къ компаніи; онъ былъ увѣренъ, что это погоня за нимъ изъ села, и успокоился только тогда, когда одинъ изъ молодцовъ увѣрилъ его, что это *свои*. Теперь удивленію его не было конца: они всегда считались въ селѣ добрыми газдами, а между тѣмъ, время отъ времени, приходятъ сюда *на заработки*.

Мало по малу и остальные стали подыматься, хоть солнце еще и не показывалось изъ за горъ. *Бурчыморда*, чорный, какъ цыганъ, крѣпкій, какъ буковый пенъ, съ видомъ полнѣйшаго равнодушія курилъ венгерскій *бакунъ*,—двое другихъ, потягиваясь зѣвали. Ватажка, саженный мущина, въ черной *кресани*, густо унизанной блестками на головѣ, опоясанный широкимъ венгерскимъ поясомъ, усѣяннымъ серебрянными бляхами, объяснялъ рядомъ лежавшему товарищу, куда они должны выступать сегодня и какою дорогою, такъ какъ идти теперь на Ворохту, что раньше предполагалось, было бы неудобно, послѣ того, какъ къ нимъ присталъ оттуда новый *лешигъ*. Населеніе долины теперь будетъ

насторожѣ, а для молодцовъ удобнѣе напасть на нихъ въ расплохъ. Двое другихъ чистили ружейныя дула, серьезно обсуждая вопросъ, почему они наканунѣ никакъ не могли попасть въ цѣль? Не бросилъ ли кто на нихъ *уроковъ*? Если такъ, то необходимо было дать *одчыныты* ружья.

Тарасъ между тѣмъ оглядывалъ мѣстность. Пройдя нѣсколько шаговъ густою чащею, онъ увидѣлъ, что мѣсто ночлега находилось на самой окраинѣ лѣса, при началѣ *полонины*, гдѣ его сразу охватило знакомою горною прохладою. Теперь ему дышалось легче; казалось, онъ могъ отдохнуть и успокоиться отъ всего пережитаго. Онъ вышелъ на самую вершину, вглядываясь съ жадностью на знакомыя окрестности горъ, гдѣ прошло его дѣтство и юность.

Нѣтъ!... Когда онъ, почти еще ребенкомъ, работалъ и подвергалъ себя опасностямъ для другихъ, а эти „другіе“ не считали его равнымъ себѣ, не думали, что онъ такой же человѣкъ, какъ и они, что и онъ точно также способенъ чувствовать голодъ и другія лишенія—такъ пусть же теперь узнаютъ!...

Онъ воротился къ своимъ новымъ товарищамъ, уже собравшимся покинуть свой ночлегъ и идти дальше. Такъ какъ на этотъ разъ было рѣшено отложить нападеніе на ворохтенскихъ богачей до болѣе удобнаго времени, то пришедшіе изъ Ворохты два гадза вернулись обратно въ село, въ свои хаты, чтобы, хозяйничая рядомъ съ своими сосѣдами, высматривать на досугѣ, гдѣ прятались тѣми ихъ *сороковки* и *банки* ¹⁾.

На прощаніе Тарасъ смѣрялъ ихъ такимъ взглядомъ, точно плюнулъ имъ въ глаза; сдѣлавшись теперь опрышкомъ, онъ долженъ грабить людей, но онъ никогда не вернется къ своимъ, не будетъ водить съ ними хлѣбъ-соль, съ тѣмъ, чтобы послѣ привести съ собою шайку и приставить имъ ножъ къ горлу. А вѣдь у нихъ были родители, которые сами газдовали и имъ оставили, чѣмъ жить. Не желая долѣе вдумываться, онъ махнулъ рукою и воротился къ товарищамъ, уже собравшимся въ путь.

¹⁾ Название болѣе крупной монеты у гуцуловъ.

— Гей! Вонъ зеленѣеть на горѣ полонина „Лабеска“, да и вершина „Кукулю“¹⁾ сегодня безъ *мраки*... Скоро мы будемъ тамъ—обратился къ Тарасу ватажка. Спустимся только лѣсомъ въ ущелье, а тамъ опять густымъ боромъ на гору, на „Лабеску“. Ты еще не бывалъ тамъ, *небоже*?

— Здѣсь на „Кечерѣ“ бывалъ, а тамъ еще не случилось... Что тамъ будетъ въ тѣхъ борахъ, батьку?

— Го! Го!... Тамъ увидишь... А за „Кукулемъ“ еще хуже до самой „Черногоры“. Тамъ такая чаща, хоть глазъ выколи!.. А рыси и медвѣди такъ и кишать тамъ. Придется тебѣ, хлопче, не разъ встрѣтиться съ ними... Ты не боишься, молодой соколе?

— Да чего же тутъ бояться!... Съ *тѣмъ старымъ*²⁾ я уже знакомъ, приходилось встрѣчаться. Я еще, будучи мальчикомъ, однажды помѣрялся съ нимъ.

— Но и *тотъ малый*³⁾ не уступитъ, замѣтилъ ватажка. Тамъ такъ и воютъ по ночамъ цѣлыми стадами. А зимою, на *Васыля* или на *Водохреща*, когда начинаютъ бѣгать за волчицею, молодцамъ приходится спасаться на самыя крутыя, высокія скалы, куда звѣрь не въ силахъ добраться. Не то, будь готовъ постоянно имъ на потраву... Лѣтнее время, то *дурныця*, за то зима—это наше несчастье. Но и то какъ нибудь перебудемъ. Что жъ это ты *зажурився*..

— Нѣтъ, батьку! Только я думаю, тамъ должны быть *мавки* въ тѣхъ борахъ, а можетъ быть и *вовкуны*?—Онъ съ тревогою взглянулъ на старика.

— Да, конечно, есть... Тамъ есть всякая нечисть!

При этихъ словахъ подошелъ другой опрышокъ, пожилой и словоохотливый, обрадованный внимательному слушателю, и началъ подробно рассказывать о томъ, какъ однажды какой то старикъ заклалъ цѣлую свадьбу въ „Яблоницѣ“, такъ что всѣ, и молодые, и старосты, и дружки,—всѣ разомъ завыли по волчьи, обернулись *вовкунами* и бѣгомъ пустились въ лѣсъ до самаго

¹⁾ Кукуль—слѣдующій хребетъ выше Кечеры на пути къ Черной Горѣ.

²⁾ *Старый*—вѣжливое названіе медвѣдя у гуцуловъ.

³⁾ *Тотъ малый*—волкъ.

„Форестка“. Много лѣтъ бѣгали они такъ въ лѣсахъ возлѣ Черногоры, а иногда, по ночамъ, нападали на людскія села.

— И такъ до самой смерти и остались *вовкулаками*?—спросилъ Тарасъ.

— Нѣтъ!... Отбыли свою покуту за то, что на свадьбѣ травили собаками нищаго; а тотъ, услышавъ разъ въ лѣсу ихъ жалобный вой и стоны, сжалился надъ ними и сказалъ такое слово, которымъ отгялялъ ихъ, и тѣмъ окончилъ ихъ муки.

— Ну, и опять сдѣлались людьми?

— А то какъ же, хлопче? Только музыкантъ погибъ: отбился далеко отъ стада, охотники и подстрѣлили его, какъ волка, а когда подошли, то увидѣли, что это человѣкъ... И скрипка при немъ была, а самъ онъ только до половины обросъ волчьєю шерстью...

Разговаривая такимъ образомъ, пробирались они въ густой чащѣ смерекъ; то переступали черезъ пни и колоды, сваленныя бурей или громомъ, то брели топкими лѣсными болотами, которыхъ никогда не высушивало солнце, и по немногу подымались на „Лабеску“.

Вотъ... вотъ... уже близко. Деревья какъ будто рѣже и ниже, сейчасъ будетъ вершина... Но нѣтъ... За нею выглядываетъ новая кучка смереки, тамъ другая, третья, все выше и выше, а надъ ними, подъ самымъ небомъ, сверкаетъ ярко зеленая вершина. Будетъ ли этому конецъ?... Доберутся ли очи когда нибудь до полонины?

Вотъ высоко на склонѣ горы пасется мелкій скотъ, а около него пастухи, черные, осмоленные горными вѣтрами, съ длинными по поясъ всклобоченными волосами, тревожно поглядываютъ на опрышковъ, съ которыми нужно ладить, чтобы имѣть возможность безпрепятственно проживать на полонинахъ.

Ватажка кивнулъ ближайшему, тотъ поспѣшно сбѣжалъ съ горы. Его спросили, нѣтъ ли на горѣ какого нибудь газды, котораго длинный языкъ можетъ извѣстить своихъ о томъ, гдѣ находятся *панове молодци*. Получивши благопріятный отвѣтъ, *ватажка* приказалъ пастуху принести имъ нѣсколько *будзовъ* и *малаевъ*, чтобы заpastись на дальнѣйшій путь. Тотъ было на-

чалъ божиться, что всѣ припасы давно вышли, но предводитель отряда взялъ его по своему, будто слегка за волосы, тряхнулъ разь-другой и прибавилъ внушительно.

— Не говори мнѣ этого въ другой разь, хлопче, не то сниму голову и повѣшу за эти самые волосы; птицы будутъ клевать глаза, а волки растащутъ твои косточки... Поняль?

Испуганный парубокъ, весь блѣдный, несмотря на загаръ, поспѣшилъ обратно на гору, пошатываясь изъ стороны въ сторону, точно пьяный.

— Ну, теперь, *хлопци*, этотъ намъ всего принесетъ...

Тарасъ взглянулъ на предводителя и убѣдился, что здѣсь у нихъ ни въ чемъ не будетъ недостатка,—они хозяйничаютъ на полонинахъ, какъ бы у себя дома.

Между тѣмъ опрышки взбирались на гору въ ту сторону, откуда вытекалъ источникъ Параджива и, утомленные послѣ труднаго пути, съ жадностью пили холодную воду. Утоливъ жажду, Тарасъ спросилъ, тотъ ли это самый Параджинъ, что впадаетъ въ Прутъ близъ Ворохты.

— Тотъ самый, сыну—заговорилъ словоохотливый старикъ. Одно *жерело*, какъ видишь, течетъ изъ подъ „Лабески“, а другое вонъ изъ сосѣдняго хребта, изъ подъ „Берда“; оба они сливаются въ одинъ Параджинъ, который и течетъ черезъ Ворохту и дальше въ глубокомъ ущельи, а другой Параджинъ тоже имѣетъ два источника: одинъ подъ „Буковинкою“ на венгерской границѣ, другой же подъ „Ворохтенкою“.

И пошелъ толковать безъ конца. Скоро подошелъ къ нимъ тотъ же пастухъ со своимъ ватагою, оба нагруженные малаями и будзаями. Молодцы забрали все это, уложили въ свои торбы и *бесаи* и двинулись дальше на гору. Поднявшись на самую вершину продолговатой Лабески, они пошли по зеленѣющему хребту, а вправо и влѣво, насколько глазомъ можно было окинуть, расходились, рядъ за рядомъ, вершины слѣдующихъ кряжей пониже, покрытыхъ то свѣтлою зеленью полонинъ, то темною дымкою непроходимыхъ лѣсовъ. Рѣзкій горный вѣтеръ охлывалъ неутомимую компанію при выходѣ на открытыя поляны, прекращавшійся только тогда, когда путь ихъ снова углублялся въ

лѣсъ. Такъ двигались они, пока не достигли „Кукулю“, который еще выше уходилъ въ небо съ своею роскошною полониною.

Тамъ на сѣверной сторонѣ кое гдѣ бродили овцы, но *бугаровъ* при нихъ не было видно. Молодцы впрочемъ ихъ и не искали, не желая имѣть свидѣтелей, которые могли бы догадаться объ ихъ намѣреніяхъ. Оставивъ въ сторонѣ круглую вершину „Кукуля“, они не торопясь начали спускаться на южный склонъ къ венгерской границѣ.

Тутъ обрисовалась передъ ними, повидимому совсѣмъ близко, высокая цѣпь Черногоры. Говерля подымалась громаднымъ куполомъ, а рядомъ съ нею, словно обернувшись лицомъ къ этому великану, возвышалась огромная вершина венгерскаго Петросуля. Тарасъ взглянулъ въ ту сторону и сердце его забилося. Какой то благоговѣйный страхъ овладѣлъ имъ при видѣ этихъ колоссовъ. Спустившись съ зеленой полонины, опрышки вступили въ непроглядную, наводящую страхъ чащу лѣсовъ, которые тянутся вдоль венгерской границы до самой Черногоры. Здѣсь пришлось пробираться сквозь густыя заросли огромнаго древовиднаго папоротника и можжевельника, разросшихся у подножія смерекъ. Иногда путь преграждала трясина, холодная, поросшая мхомъ, съ перегнившими на днѣ ея колодами; нужно было идти медленно, съ большими предосторожностями, чтобы избѣгнуть опаснаго мѣста или не наступить на змѣю.

По мѣрѣ того, какъ они углублялись въ лѣсъ, передъ ними открывалась такая пустыня, холодная, угрюмая, наводящая страхъ, что морозъ пробѣгалъ по кожѣ; провести здѣсь ночь боялись даже они—разбойники. Ходили рассказы, что по ночамъ здѣсь не только бродятъ волки цѣлыми стаями, но зачастую здѣсь можно слышать вой лѣсныхъ *упырей* и *вовкуновъ*. Вступивши въ такое мѣсто, куда солнце никогда не заглядывало, гдѣ вѣковыя сосны стояли нѣмая и грозныя, опрышки шли быстрѣе, сдерживая дыханье, боясь оглянуться назадъ,—столько здѣсь было опасностей. Хотя былъ еще день, но какой то *недобрый* вѣтеръ, казалось, глухо шевелилъ верхушками деревьевъ. Вотъ что то промелькнуло въ сторонѣ—рысь это, или не рысь? а, можетъ быть, еще что нибудь похуже.

Кое какъ миновали они, наконецъ, тѣ глухія мѣста, куда не заходитъ нога человѣческая, теперь они вышли на проѣзжую дорогу, на „Крытый Гегг“, которую обыкновенно оставляли въ сторонѣ даже разбойники, до того она утомительна и неудобна. Тутъ нужно было снова карабкаться на гору; острые камни, осколки кремня осыпались изъ подъ ногъ и толкали назадъ; нужно было хвататься руками за вѣтки и корни смерекъ, покрытыхъ тощимъ, сѣрымъ мхомъ. А едва, взобравшись на ближайшую вершину, измученные, истерзанные, окровавленные, они должны были снова сползать въ долину, калѣчить себѣ руки и ноги.

Такъ подвигались они со многими препятствіями то внизъ, то вверхъ. Иногда промелькнетъ росомаха, уставивши на людей хищный взглядъ, то рысь, прижавшись къ вѣткѣ, готовится сдѣлать прыжокъ и вцѣпиться въ глаза первому попавшемуся; но стойло выстрѣлить одному и хищники исчезали въ то же мгновение въ лѣсной чащѣ.

Въ этой дикой, неприступной мѣстности, въ глухомъ ущельи, среди кремнистыхъ осыпей было ихъ убѣжище, хатка, кое какъ сложенная изъ стволовъ и вѣтвей смереки. Они не сразу вошли въ нее, какъ входятъ хозяева въ свое жилище; ватажка сперва свиснулъ еще издали, ему отвѣчали изнутри такимъ же свисткомъ. Тамъ ждали ихъ уже двое изъ товарищей, ходившіе предварительно на развѣдки въ окрестности Ясеня¹⁾. Тотчасъ приступили къ совѣщанію, въ какую сторону предпринять ближайшій набѣгъ, на венгерскій ли Ясень, или на Ворохту; но раньше рѣшили отдохнуть дня два на мѣстѣ. Тарасъ убѣдился, что отнынѣ для него наступаетъ новая жизнь, исполненная трудовъ и опасностей, а въ этомъ онъ нуждался, чтобы хоть немного заглушить бурю въ сердцѣ.

¹⁾ Ясень—большое поселеніе въ глубинѣ горъ вблизи Яблоницы, уже за венгерскою границею.

VII.

Уже въ продолженіи нѣсколькихъ дней отецъ Олены лежалъ больной съ переломленнымъ ребромъ. Старый знахарь, пользовавшійся извѣстностью въ цѣлой околицѣ, заговорилъ рану, натеръ ее мазью изъ травъ, собранныхъ въ извѣстное время на дальнихъ горахъ, можетъ быть даже на *Шныляхъ* черногорскихъ, пошенталь, покурилъ, какъ того требовалъ случай, и въ заключеніе предсказалъ, что все будетъ хорошо.

Олена не смѣла показываться на глаза отцу: тотъ приходилъ въ ярость и на нее, и на старуху, которая не сумѣла присмотрѣть за дочерью. Дѣвушка заливалась слезами, мать вздыхала, ломая руки. Больной молчалъ большею частью, по временамъ тяжело вздыхая, когда передъ глазами его вставала, какъ живая, молодая женщина, которую онъ зналъ много лѣтъ тому назадъ. Онъ видѣлъ, какъ она, довѣрчивая, ничего не знавшая дѣвушка, выходила изъ отцовской хаты въ Микуличинѣ и спѣшила на берегъ Прута, съ нетерпѣніемъ поджидая *сплавовъ*, съ которыми онъ долженъ былъ прибыть. Съ какою радостью встрѣчала она его, все лицо ея сіяло счастьемъ... Тогда его *сплавъ*, разъ приставши къ берегу, не могъ уже поспѣть за остальными. Неужели онъ обманывалъ ее?.. Вѣдь у него также билось сердце, когда плоть подходилъ туда... къ хорошо знакомому мѣсту. Сколько разъ бывало позднимъ вечеромъ крался онъ, какъ тѣнь, пустынными *паями* изъ своей Ворохты черезъ Ребровачъ и Лѣснѣвъ кратчайшимъ путемъ напрямикъ, тайкомъ отъ отца; около полуночи условнымъ знакомъ вызывалъ милую изъ хаты, проводилъ съ нею нѣсколько часовъ, а утромъ до восхода солнца уже былъ въ Ворохтѣ. Когда отецъ, недовольный, спрашивалъ, зачѣмъ онъ поднялся такъ рано, молодой человекъ объяснялъ, что ходилъ на *царыну* посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ какой потравы, или за топоромъ, который отдалъ кому нибудь, то за тѣмъ, то за другимъ и на все находилъ отговорку. Или самъ онъ былъ инымъ въ то время?

Теперь онъ хотѣлъ бы забыть все прошлое, но давно изгладившіяся картины одна за другою, упрямо вставали въ его па-

мяти. Онъ никакъ не могъ избавиться отъ нихъ. Что же онъ сдѣлалъ впослѣдствіи? Какъ это случилось, что онъ бросилъ вѣрно любившую его дѣвушку?... Видно, такъ ужъ было на роду написано!... Такъ по крайней мѣрѣ силился онъ увѣрить самого себя. Развѣ его вина, если судьба судила ему другую?

Онъ застоналъ; рана сильнѣе заболѣла въ боку, но на вопросъ жены, нельзя ли чѣмъ нибудь ему помочь, отвѣчалъ только угрюмымъ взглядомъ. Онъ удивлялся, зачѣмъ приходятъ въ голову такія мысли, если онъ давно уже забылъ о нихъ... если ея самой давно уже нѣтъ въ живыхъ. А между тѣмъ образъ обманутой дѣвушки снова вставалъ передъ глазами... тутъ, близко, въ самой Ворохтѣ, хоть онъ никогда не видалъ ея тамъ.

И вотъ теперь самъ Богъ покаралъ его: собственный сынъ возсталъ на него, но и въ этомъ виноватъ опять таки онъ самъ. Развѣ не бросилъ онъ сиротку, какъ собаку?

Наконецъ, измученный такими мыслями, старикъ началъ засыпать, но сонъ его былъ тяжелый, тревожный; онъ поминутно вскакивалъ въ испугѣ и во снѣ видѣлъ продолженіе дѣйствительности, но, пробудившись подъ утро, былъ нѣсколько спокойнѣе и рана начала затягиваться. Знахарь увѣрялъ, что ребро срастется, и дѣйствительно, больной началъ поправляться. Для гуцула не рѣдкость имѣть сломанное ребро или два. Бываютъ и не такіе случаи, а отлежится человѣкъ и все какъ то проходить. Кости у нихъ крѣпкія—если и сломаются, то скоро снова срастаются.

Никто уже не сомнѣвался въ выздоровленіи, какъ вдругъ какъ то сразу пришла вѣсть о томъ, что Тарасъ присталъ къ опрышкамъ. Старикъ пришелъ въ ужасъ; онъ понялъ всю опасность своего положенія и его кинуло въ дрожь... Теперь онъ былъ увѣренъ, что Тарасъ, подыскавши товарищей, отомститъ за всѣ свои бѣдствія, за свое сиротство и нищенское дѣтство, проведенное безъ родительскихъ заботъ и попеченій о немъ, за одиночество и смерть матери. Теперь онъ навѣрно придетъ, сожжетъ его хату, перебьетъ *марыну*, его самого убьетъ, а дочь похититъ.

Въ тревогѣ старикъ забылъ о своихъ ранахъ, вскочилъ съ постели и началъ готовиться къ защитѣ. То осматривалъ и приводилъ въ порядокъ оружіе, то пробовалъ получше укрѣпить двери хаты, цѣлую усадьбу хотѣлъ обнести высокимъ частоколомъ. Но все это казалось ему недостаточно. Онъ чувствовалъ, что самъ не въ силахъ ничего сдѣлать и, гордый прежде, не желавшій никому одолжаться, онъ теперь готовъ былъ просить сосѣдей о помощи. Но, ничего не сдѣлавши, а выбившись только изъ силъ, онъ въ изнеможеніи упалъ на кровать... Рана снова раскрылась, старикъ чувствовалъ, какъ кровь его испаряется, приливаетъ къ лицу, молоткомъ стучить въ голову, шумить въ ушахъ. Когда наступила ночь, начался бредъ.

Обѣ женщины приходили въ ужасъ, когда онъ въ безпамятствѣ вскакивалъ съ постели, приказывалъ заложить дверь коломъ, крича, что они уже тутъ... близко... уже подходятъ... Онъ уже слышитъ ихъ... тамъ... за окномъ... Они сговариваются между собою... хотятъ поджечь хату!

— Бѣжимъ!—закричалъ старикъ, бросаясь къ двери, прежде чѣмъ его успѣли удержать, и упалъ совершенно обезсиленный, такъ что испуганныя женщины едва могли встать его на постель. Сонъ его былъ тревожный, прерывистый, въ груди слышалось сильное хрипѣніе, по временамъ вырывался какой то странный, необычный, судорожный стонъ. Вдругъ больной снова приподнялся и, устремивъ въ одинъ уголъ широко раскрытые глаза, заговорилъ тревожнымъ шопотомъ:

— Ты здѣсь?... Однако жъ, ты давно умерла... Развѣ можно приходить съ того свѣта?...

Онъ весь дрожалъ, словно отъ сильнаго мороза, и вдругъ закричалъ умоляющимъ голосомъ:

— Но вѣдь я... Я не зналъ... когда ты умирала... Клянусь Богомъ, не зналъ!... Повѣрь мнѣ... Я бы пришелъ... Не вѣришь?... Ты прежде всегда вѣрила мнѣ!...

Обѣ женщины стояли пораженные; ни мать, ни дочь не могли понять, что это значило, съ кѣмъ онъ говорилъ? Потому онъ обратился къ женѣ:

— Но ты... не вѣрь ей... нѣтъ! Это не она... Ты можеть быть думаешь, что это она—та самая? Нѣтъ! той уже нѣтъ на свѣтѣ... Это *мара*... Теперь такое время... повѣрь, что это только время такое... вотъ... посмотри! уже разсѣялось... Правда, ее ужъ нѣтъ?... Она больше не придетъ. Вѣдь я не виноватъ передъ нею въ томъ, что ты здѣсь? Не выгнать же тебя изъ хаты... Не бойся. Я тебя не выгоню... Что?... Я съ нею?... Да я здѣсь съ нею не буду жить!... Охъ! какъ холодно!... Ноги коченѣютъ... Я весь замерзъ... Затопите *ватру*!... Поскорѣ! поскорѣ! Я сейчасъ замерзну... Что это, буря на дворѣ, что ли?... Охъ! какой холодъ!

Онъ упалъ на кровать, корчась отъ судорги. Дыханье было громкое, горячее и крупныя капли пота выступали на лицѣ; лице позеленѣло, глаза глубже запали въ орбитахъ; онъ продолжалъ кричать, что забнетъ, а черезъ минуту спрашивалъ, почему это такъ жарко, зачѣмъ столько огня въ печи? Потушить сейчасъ же!... Но огня не было, еще не успѣли затопить очагъ. Онъ не вѣрилъ этому и бранилъ жену, которой теперь нельзя было вѣрить на слово. А можеть быть она сговорила съ тою? Онъ обѣ теперь въ заговорѣ противъ него.

— Не нужно мнѣ его!—снова закричалъ больной.—Онъ не мой! Кто вамъ сказалъ, что этотъ легионъ мой? Клянусь Богомъ, онъ только хочетъ убить меня! Но отца... Развѣ можно убивать своего отца!

При этихъ словахъ Олена громко зарыдала; она приняла это на свой счетъ и думала, что она причиною смерти отца; она убила его... Тотъ легионъ—чужой, ничѣмъ ему не обязанъ, но она, родная дочь—и черезъ нее... Дѣвушка упала на колѣни, вся въ слезахъ и поспѣшно читала молитвы. Старикъ устремилъ на нее мутные глаза, уже подернутые туманомъ смерти, и заговорилъ въ полголоса:

— Уже молятся надо мною?... Я уже умеръ?... Положили въ гробъ... Еще... погодите!... Я вамъ говорю, еще рано!... О! не зажигайте свѣчи!... Смотрите!

Онъ заснулъ, черезъ минуту пробудился, опять задремалъ на минуту и такъ до утра, и чѣмъ дальше, тѣмъ становилось ему все хуже и хуже.

VIII.

Вдоль пляя надъ Прутомъ потянулась длинная похоронная процессія. Далеко по горамъ и лѣсамъ раздавались печальные звуки *трембитъ*. Впереди шель дякъ, бѣлый какъ лунь, съ большимъ крестомъ въ рукахъ, за нимъ несли двѣ хоругви, принесенныя изъ самаго Микуличина, медленно шель священникъ и пѣлъ молитвы, а дякъ вторилъ ему. За гробомъ шли наемныя плакальщицы, съ распущенными волосами, развѣвающимися одеждами, оглашая воздухъ раздражающими душу рыданіями и крикомъ. Посреди нихъ, шатаясь, медленно пла вдова, совсѣмъ обезсиленная горемъ, поддерживаемая другими женщинами, и ея дочь, почти потерявшая сознаніе. Время отъ времени старуха, какъ бы опомнившись и собравшись съ силами, въ отчаяніи всплескивала руками и начинала голосить.

— И зачѣмъ это ты покинулъ меня, газдо?... Теперь же я безъ тебя бѣдная сиротинка, безъ своего хозяина... одна останусь въ хатѣ... Кто теперь будетъ въ полѣ работать?... Кто присмотреть за *марыною*?... Кто соберетъ на *царынкахъ* сѣно для *худобы*?... Ой, бѣдныя вы теперь, мои коровки и овечки! остались сиротами, какъ и я... безъ газды моего... Кто заложить вамъ корму въ ясли? кто напоить васъ? кто пошлетъ весною на полонины?...

Другія женщины хоромъ подхватывали и развивали эту тему, заглушая своими воплями мѣрное причитаніе вдовы. Олена шла какъ бы во снѣ, ничего не видя и не сознавая, что дѣлалось кругомъ. По временамъ ей казалось, что все это не болѣе какъ страшный, продолжительный сонъ—такъ невѣроятна казалось ей дѣйствительность, къ тому же эти послѣдніе дни были такъ ужасны! Ей казалось, что голова распадается на части, и дѣвушка, инстинктивнымъ жестомъ, схватывалась за нее обѣими руками.

Вокругъ толпилась масса народа, потому что хоронили богача, для чего и священникъ пріѣхалъ изъ Микуличина и будетъ роскошный поминальный обѣдъ. Дѣти изъ цѣлаго села бѣжали за процессією, предчувствуя поживу.

Схоронили мертвеца, засыпали могилу и начались поминки; народъ тѣснился вокругъ столовъ, вдова продолжала причитать, то раздражаясь громкимъ плачемъ, то перечисляя добродѣтели и заслуги покойнаго, но голосъ ея заглушался шумными разговорами, стукомъ посуды и только ближайшіе къ ней сочувственно кивали головами, не отставая отъ прочихъ въ ѣдѣ. На столѣ одна за другою появлялись миски съ кушаньемъ, дымясь и распространяя аппетитный запахъ, черезъ минуту принимались уже опорожненныя, уступая мѣсто новымъ блюдамъ; громкіе разговоры мужчинъ, визгливыя причитанія женщинъ, стукъ ложекъ, рѣзвые дѣтскіе голоса—все это сливалось въ такой гулъ, что вскорѣ ничего уже нельзя было разобрать.

Избѣгая вида этихъ людей, Олена заперлась въ коморѣ и все еще никакъ не могла опомниться, недоумѣвая, какъ все это случилось и за что на нее вдругъ обрушилось столько горя. Когда мать отыскала ее здѣсь, дѣвушка пришла въ себя, схватилась за голову и заголосила:

— Ой, зачѣмъ меня мать на свѣтъ народила?... Лучше бы отецъ взялъ меня еще ребенкомъ, привязалъ камень на шею и бросилъ бы въ воду!... А теперь самъ онъ черезъ меня погибъ!..

— Ты въ томъ не виновата—утѣшала ее мать.—Ты теперь бѣдная сиротка. Развѣ ты знала, что отецъ твой такой гордый, и оба они такіе лютые враги!... О! лучше бы тебѣ никогда не знать этого легиня! А теперь черезъ него я потеряла своего газду, а ты *неня*¹⁾.—Старуха громко рыдала...

— Ой, мамо, почему я глубже не упала въ воду, когда тонула? Зачѣмъ спасли меня тогда на мое и всѣхъ васъ несчастье? А теперь и отца нѣтъ на свѣтѣ, и онъ...—слезы сильнѣе потекли изъ глазъ дѣвушки—онъ ушелъ... куда его понесла *лыха годына*?...

— А, чтобъ онъ разбился на горахъ и скалахъ! чтобъ его *вовкулаки* разорвали!--проклинала старуха.

— И куда онъ ушелъ, мамо моя?—Дѣвушка со страхомъ смотрѣла на мать, ища въ ея глазахъ подтвержденія страшной догадки.

¹⁾ Ненью—по гуцульски уменьшительное названіе отца.

— А что намъ до него за дѣло?... Пусть тамъ и пропадаетъ! чтобъ его задавило!...

Олена горько зарыдала при этихъ словахъ, мать вторила ей, заливаясь слезами. А изъ хаты доносились уже болѣе тихіе и глухіе голоса полусонной, полуцѣпьяной компаніи; на селѣ раздавался жалобный вой собакъ, въ лѣсу перекликались совы и ночной вѣтеръ подулъ съ горъ.

IX.

Съ той минуты, какъ Тарасъ присталъ къ дружинѣ, онъ не зналъ покоя. Олена такъ и стояла передъ нимъ, несмотря на всѣ усилія его заглушить въ себѣ воспоминанія о ней. Онъ брался за все и, чѣмъ тяжелѣе былъ трудъ, чѣмъ больше опасность, тѣмъ охотнѣе онъ принимался за дѣло. Въ такія минуты онъ съ ловкостью кошки взбирался на отвѣсныя скалы и утесы, между тѣмъ, какъ его товарищи, задыхаясь отъ усилій, съ трудомъ карабкались на гору. Потъ лилъ съ него ручьями, лицо горѣло, рубашка прилипала къ тѣлу, а онъ лѣзъ дальше, не остававливаясь ни передъ какими препятствіями, лишь бы подавить воспоминанія прошлаго. Если нужно было развести огонь, онъ первый бѣжалъ за деревомъ и выбиралъ самыя тяжелыя колоды. Тогда жилы, налитыя кровью, натягивались, какъ струны, и, казалось, готовы были лопнуть каждую минуту; онъ думалъ, что вотъ вотъ переломится спина и желанная смерть разомъ прекратитъ всѣ душевныя муки.

Напрасныя надежды! Олена по прежнему не выходила изъ головы и отчаяніе овладѣвало имъ...

Опрышки бродили по ярамъ и ущельямъ, въ ближайшихъ окрестностяхъ Ворохты и требовали, чтобы Тарасъ велъ ихъ въ свое село. Онъ можетъ указать, гдѣ, въ какой хатѣ хранятся *сороковки*, кораллы и широкіе венгерскіе пояса съ серебромъ. Но Тарасъ постоянно оттягивалъ походъ подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ. То онъ узнавалъ, что въ то самое

время должны были проходить *теребы-люмки* ¹⁾ или отрядъ милиціи, то день былъ назначенъ какой то недобрый, критическій, то онъ слыхалъ, что у какого нибудь богача праздновалась свадьба; половина села на ногахъ, пьютъ и гуляютъ вмѣсто того, чтобы спать, а тогда вся дружина попадетъ словно въ западню. Товарищи сердились на него, но по неволѣ уступали, признавая справедливость его доводовъ, и поджидали тѣхъ двухъ гуцуловъ изъ Ворохты. Наконѣцъ одинъ изъ нихъ прибылъ съ извѣстіемъ, что теперъ нельзя сдѣлать нападенія: въ селѣ отбываются поминки, которыя могутъ затянуться довольно долго, такъ какъ умеръ богачъ и вдова на поминкахъ не жалѣетъ ни водки, ни сытныхъ *малаевъ*.

Словно обухомъ по лбу ударило Тараса при этомъ извѣстіи; онъ спросилъ дрожащимъ голосомъ, не смѣя смотрѣть въ глаза газдѣ:

— Какія тамъ поминки? Что это за богачъ умеръ?

— Какія поминки?.. Будто ты не знаешь, кого такъ отдѣлалъ!

У Тараса вся кровь сбѣжала съ лица, въ глазахъ потемнѣло, онъ едва устоялъ на ногахъ, но гунуль спокойно прибавилъ:

— Да, уже грызетъ землю тотъ, кого ты желалъ бы имѣть тестемъ!—лице говорившаго искривилось злобною улыбкою, а молодой человекъ стоялъ блѣдный, весь дрожа, не смѣя уже ни о чемъ дальше и спросить.

— Ой, такъ, такъ, отозвался другой, если кто нибудь изъ насъ помретъ, то едва найдутъ какія нибудь старья, гнилыя доски, чтобы не прямо бросить въ землю на съѣденіе червямъ грѣшное наше тѣло, и только товарищи понесутъ насъ безъ молитвы, и плакальщицы не будутъ причитать, и ни одинъ попъ не пропоетъ молитвы надъ нами. А когда умретъ такой, то поль села сойдется на похороны, сбѣжится цѣлый рой плакальщицъ отдать честь и слезами, и воплями покойнику, а попъ пріѣдетъ изъ самаго Микуличина, или даже изъ Ясеня. Иной

¹⁾ Такъ называютъ въ народѣ тамженную стражу, занятую преслѣдваніемъ контрабанднаго табаку.

разъ даже двухъ привезутъ издалека. Тутъ уже столько прочтутъ и пропоютъ молитвъ, что покойникъ скорѣе очистится отъ грѣховъ и душа легче попадетъ въ рай. А каково то намъ, бѣднякамъ?..

— Намъ, отозвался ватажка, можетъ быть вороны, а можетъ быть и орлы выклюютъ глаза, а волки разнесутъ кости по лѣсамъ... а можетъ быть еще придется висѣть гдѣ нибудь на суку. Повѣрь только, хлопче, что несмотря на все это, одна участь ожидаетъ и тѣхъ, и другихъ...

Разговоръ продолжался на эту тему, а Тарасу было такъ горько на душѣ, имъ овладѣло такое отчаяніе, точно и его черезъ минуту ожидала смерть, и только одинъ образъ овладѣлъ его мыслью, не давалъ ни минуты покоя. Онъ видѣлъ постоянно трупъ отца и себя, его убійцу; не слышалъ онъ ни разговоровъ окружающихъ, ни ихъ смѣха; ему казалось, что и сюда, въ это дикое, глухое ущелье доносились отдаленные звуки молитвъ и жалобныхъ причитаній... Онъ былъ увѣренъ, что теперь постигнуть его проклятiя вдовы и дочери, которыя по его винѣ остались сиротами.

X.

Тарасъ съ товарищами обошелъ всѣ лѣса и ущелья, тянувшіеся у подножья Черногоры, спускался оврагами и лѣсною чащею въ дикія мѣстности у истоковъ обоехъ Черемошей. Не разъ даже, съ осторожностью лисицы, заходили въ окрестности Кутъ и Косова, нападая по ночамъ на одинокія удаленныя отъ города хаты. Только въ Ворохту онъ ни за что не хотѣлъ идти, упорно отказывая въ этомъ товарищамъ. Тѣ наконецъ примирились съ его отказомъ и ходили туда одни въ сопровожденіи другихъ газдовъ изъ Ворохты. Тогда оставаясь одинъ въ какомъ нибудь ущельи, онъ переживалъ самыя тяжелыя для него минуты: все минувшее и пережитое проходило передъ нимъ и трупъ убитаго являлся передъ глазами. Онъ еще на землѣ терпѣлъ наказаніе за свой грѣхъ.

Не разъ дружина принуждена бывала бѣжать передъ стражею, или *стрыжаками* ¹⁾, карабаясь какъ козы по обрывамъ скаль, скрываясь между густыми вѣтвями, или съ ловкостью рыси взбираясь на деревья. Не скоро послѣ того снова сходились опрышки и то гдѣ нибудь далеко въ глухомъ мѣстѣ. Иногда, послѣ пораженія, разбѣгались такъ, что казалось уже совсѣмъ исчезли, какъ въ воду канули, особенно если кто нибудь изъ дружины попадалъ въ руки властей и послѣ скорого суда оканчивалъ жизнь для примѣра прочимъ, на висѣлицѣ. Мирные обыватели успокаивались, будучи увѣрены, что вся шайка или переловлена, или же перебита, или же погибла въ казематахъ.

Но проходило нѣсколько мѣсяцевъ и они снова появлялись гдѣ нибудь далеко, на „Горганахъ“, на „Добошанкѣ“, на дальней „Сивулѣ“ и снова, втеченіи нѣсколькихъ дней навѣщали богатяя селенія надъ широкимъ послѣ сліянія Черемошемъ.

Иногда случалось заходить и на венгерскую сторону. Долина Черной Тисы хорошо была извѣстна опрышкамъ, такъ же какъ и глухія ущелья надъ Бѣлою Тисою. Видали они даже и ту обширную долину, окруженную вѣнцемъ высокихъ горъ, гдѣ сливается Бѣлая Тиса съ Черною и дальше текутъ вмѣстѣ; отсюда начинаются первыя горныя селенія и рѣчная долина теряетъ свой пустынный, безлюдный характеръ.

Тарасъ участвовалъ во всѣхъ этихъ переходахъ, исполненныхъ случайностей и опасностей, не разъ представлявшихъ ему случай выказать свою силу и храбрость. Онъ зачастую отваживался на то, на что другой никогда бы не рѣшился, рисковалъ жизнью и все таки оставался невредимымъ. Этимъ приобрѣлъ онъ любовь и уваженіе товарищей, которые признавали его самымъ лучшимъ изъ дружины; всѣ были за него, хотъ онъ никому не спускалъ и нѣкоторымъ давалъ себя знать.

Казалось, Тарасъ могъ бы забыть обо всемъ при такой жизни, полной трудовъ и волненій. Среди опасностей онъ, какъ пьяный, бросался впередъ, очертя голову, забывая обо всемъ кромѣ данной минуты; но когда наступала ночь и все успокаивалось,

¹⁾ Мѣстное прозвище солдатъ, которые стригутъ волосы.

недавнее прошлое вставало передъ глазами. Казалось, онъ снова слышалъ знакомый голосъ и стоны...

Измученный видѣніями, блѣдный отъ страха, онъ нетерпѣливо ждалъ и не могъ дожидаться разсвѣта, а по утру чуть живой едва вставалъ на ноги. Видѣлись ему въ тихія ясныя ночи и другіе сны. Онъ былъ въ Ворохтѣ, вмѣстѣ съ Оленою. Она спрашивала, гдѣ онъ былъ такъ долго и зачѣмъ оставилъ ее, и обнимала его, умоляя не бросать ее больше. Тогда онъ начиналъ тревожиться, какъ бы старикъ снова не застигъ ихъ вмѣстѣ. А когда тотъ являлся, Тарасъ дивился, какъ это онъ еще живъ? Вѣдь всею извѣстно, что онъ давно убитъ. Но старикъ бросалъ на него злобный взглядъ и прекращалъ всякія сомнѣнія, говоря:

— Не думай, хлопче, что я уже не встану... Ты бросилъ меня съ *кладки*, сломалъ два ребра... Смотри, какъ они выдаются... а теперъ я тебѣ еще лучше переломаю ребра...

И бросался на него; Тарасъ хотѣлъ бѣжать и не могъ пошевелинуться, не могъ двинуться съ мѣста, словно прикованный. Въ глазахъ темнѣло, онъ чувствовалъ только, какъ чья то огромная, холодная рука хватала его за горло и стискивала все сильнѣе и сильнѣе, ломая кости; онъ выбивался изъ силъ, пытаясь освободиться, наконецъ просыпался и, очнувшись среди товарищей, все еще чувствовалъ тяжелое прикосновеніе той страшной руки.

Такого рода видѣнія сильно разстраивали Тараса; иногда онъ доходилъ до галлюцинацій. Этотъ трупъ преслѣдовалъ его и во снѣ, и на яву и не только по ночамъ, но и въ пасмурные дни, когда темныя, мрачныя тучи, заволакивая небо и горы, все ниже и ниже опускались надъ землею, и казалось готовы были поглотить весь свѣтъ.

XI.

Въ хатѣ, гдѣ остались осиротѣвшія женщины, не было также ни ясныхъ дней, ни спокойныхъ ночей.

Оленѣ также не разъ являлся во снѣ отецъ, блѣдный и угрюмый; но когда она приближалась къ нему, радуясь, что

онъ еще живъ, онъ отталкивалъ дочь съ такимъ видомъ, какъ бы намѣреваясь проклясть ее.

Съ своей стороны и старуха не имѣла покоя, какъ ни молилась и сколько ни давала щедрыхъ вкладовъ на микуличинскую церковь, ничто не помогало. По ночамъ ей безпрестанно чудилось, что кто то шумить то въ сѣняхъ, то въ коморѣ; иногда же ей слышался даже легкій шопоть—души, жаждущей искупленія. Она знала, что это грѣшная душа требуетъ молитвы, и не скупясь давала на церковь, а желаннаго покоя все таки не было.

Хозяйство безъ хозяина быстро приходило въ упадокъ. Часть скота передохла, часть зарѣзали на полонинахъ волки и медвѣди. Случалось, что и рысь забиралась въ кошары и производила тамъ ужасныя опустошенія; кровожадный зѣбрь впивался когтями въ вымя коровы, оставлялъ одну, бросался на другую и черезъ нѣсколько минутъ въ кошарѣ лежали одни трупы.

Изгородь вокругъ сѣнокосовъ приходила въ ветхость и разрушалась, самыя *царыны*—выпасены и отравлены еще задолго до покоса. Сѣна не доставало на зиму даже для уцѣлѣвшей скотины.

На всемъ сказывалось отсутствіе хозяина и вдова пріискивала мужа для своей дочери, чтобы хозяйство окончательно не упало. Олена же не хотѣла и слышать объ этомъ. Она продолжала тужить за легинемъ, хоть и сознавала, что онъ погибъ на вѣки и для нея, и для роднаго села. Она одна не считала его убійцею своего отца; она знала, что старикъ самъ былъ причиною своей смерти. Если бы онъ не всталъ съ постели, когда начиналъ уже поправляться, если бы не начиналъ хлопотать, готовясь къ защитѣ, когда у того и въ мысляхъ не было нападать на ихъ жилище, не случилось бы такого несчастья.

Олена и въ мысляхъ не допускала, чтобы Тарасъ могъ напасть на ихъ хату. Правда, онъ присталъ къ опрышкамъ, но что же ему бѣдному было дѣлать, если все складывалось противъ него! Дѣвушка знала, что отецъ ея человекъ суровый и злопамятный и никогда не простилъ бы ему; извиняла, какъ могла

своего милаго, хоть и сознавала, что судьба разлучила ихъ на вѣки.

Мать же иначе смотрѣла на дѣло. Газда нуженъ въ домѣ во что бы то ни стало, они не могли оставаться вдвоемъ съ дочерью, потому что двѣ женщины не въ состояніи однѣ вести хозяйство какъ слѣдуетъ; да наконецъ вѣдь на то и дѣвушка, чтобы отдавать ее замужъ.

Долго сопротивлялась Олена, но, когда собрались кумовья и родственники ея матери, семейный совѣтъ рѣшилъ выдать замужъ дѣвушку помимо ея воли. Подыскали жениха, запили заручины, отпраздновали дѣвичникъ и дѣло было кончено. Не помогли ни слезы, ни просьбы дѣвушки—ее насильно повели къ вѣнцу.

Мать была довольна тѣмъ, что въ хатѣ явился хозяинъ; теперь будетъ кому дѣлать работу покойнаго и сберегать то, что еще уцѣлѣло изъ ихъ имущества. Олена, напротивъ, не могла утѣшиться; не могла забыть Тараса, по прежнему тосковала за нимъ и горько украдкою плакала. Это раздражало ея мужа, начинались упреки, брань, иногда дѣло доходило до побоевъ, въ хатѣ не было житья. Старуха вступалась за дочь и, будучи отъ природы кроткаго характера, приходила въ ярость, какъ волчица когда тронуть ея дѣтенышей. Тогда зять подымалъ руку на тещу и въ хатѣ начинался невообразимый адъ.

Иногда и дочь упрекала мать за то, что отдали ее чело-вѣку, для нея не подходящему, какъ бы на погибель. Тогда снова подымались ссоры и домашняя война такимъ образомъ не прекращалась.

XII.

Образъ старика не давалъ покоя Тарасу, и чѣмъ дальше, тѣмъ становилось хуже. Если случалось опрышкамъ проходить вблизи какого нибудь села, молодой чело-вѣкъ, переодѣвшись парубкомъ изъ отдаленной мѣстности, обращался къ бабамъ, пользовавшимся широкою извѣстностью, какъ знахарки и лекарки,

за совѣтомъ и помощьюъ въ своей болѣзни. Побываль онъ у самыхъ знаменитыхъ *чаровницъ*, имѣвшихъ вѣрныя *средства* и знавшихъ *такія слова* и заговоры, что могли заклясть и отвести какую угодно напасть, что пристаесть къ людямъ.

Но ни завѣтныя слова, ни кипяція зелья, ничто не помогало. Умершій по прежнему продолжалъ являться въ темныя ночи; не удерживало его ни мѣсто, ни разстояніе; и на своей, и на венгерской границѣ, всюду онъ былъ какъ дома...

Однажды услыхалъ Тарасъ отъ старыхъ людей, что въ Ясенѣ венгерскомъ есть священникъ, знающій болѣе всякихъ бабъ и знахарей; онъ знаетъ такія молитвы и такія заклинанія, противъ которыхъ не устоитъ самая упрямая *мара*. Раньше въ Яблоницѣ было такое множество упырей, изъ *живыхъ* и *мертвыхъ*, что стонъ стоялъ тамъ по цѣлымъ ночамъ; а если свирѣпствовала въ селѣ какая нибудь болѣзнь, тогда уже кишмя кишѣло нечистой силы, такъ что страшно было выйти изъ хаты: сейчасъ же что то подуесть на человѣка, подкосить его и повалить на кровать. Но какъ только призывали этого священника, какъ только онъ прочитывалъ свои молитвы и окроплялъ святою водою *несамовытыя* мѣста, все какъ рукою снимало: все *злое* уходило куда то въ далекія горы и пущи и только изрѣдка появлялся по ночамъ одинъ какой нибудь упырь. Этотъ священникъ знаетъ лучшіе способы, нежели всякіе знахари и чаровницы.

Тарасъ началъ подумывать о томъ, какъ бы сходить въ Ясень къ этому человѣку, но идти *плаемъ* прирѣчнымъ или прямою дорогою на Яблоницу и въ Венгрію онъ не рѣшался, предпочитая пробираться глухими ущельями, лишь бы не встрѣтить на пути кого нибудь изъ прежнихъ знакомыхъ. Идти одному ему тоже не хотѣлось, онъ избѣгалъ одиночества, такъ какъ тогда ему бывало какъ то особенно не по себѣ: извѣстно, что нечистый имѣетъ больше власти надъ одинокимъ человѣкомъ.

Однажды, когда опрышки расположились лагеремъ въ горной долинѣ „Гаджны“, дикой, глубокой котловинѣ, оглашаемой грознымъ шумомъ потоковъ, у подножья нагроможденныхъ обвалами скаль, явился хорошо извѣстный компаніи черный еврей

изъ Ясеня. Надѣленный богатырскою мускулатурою и по наружному виду похожій скорѣе на разбойника, нежели на купца, этотъ еврей поддерживалъ правильныя сношенія съ опрышками. Иногда онъ даже принималъ участіе въ ихъ предпріятіяхъ, бывавшихъ успѣшнѣе въ такихъ случаяхъ, такъ какъ онъ указывалъ мѣста, гдѣ могла быть самая богатая добыча.

Тогда вся его наружность измѣнялась; не только лице, но и фигура принимала иной видъ. Иногда онъ ходилъ съ дружиною подъ видомъ стараго венгерскаго крестьянина съ сѣдою бородою, присыпанною мелкою известью, и тогда его черные волосы дѣлались серебристыми; смуглое, морщинистое лице еврея становилось краснымъ какъ бы отъ сильнаго загара... Въ другой разъ онъ шелъ въ походъ пастоящимъ цыганомъ, натиралъ лице сажеею, одѣвался въ грязныя лохмотья, какъ бродяга изъ шатра, а глаза его блестяли, какъ у черной кошки.

Въ Ясени онъ былъ купцомъ и мирнымъ обывателемъ; у него можно было достать всевозможныя вещи: богатые уборы и пояса, золотыя цѣпи, куньи и медвѣжьи шубы. Говорили, что во время отлучки изъ дому, онъ ходилъ по помѣщичьимъ дворамъ и на своей, и на польской сторонѣ и скупалъ всѣ эти предметы роскоши. Такого рода торговля должна была приносить не малые барыши.

Вотъ и теперь появился онъ неожиданно въ отдаленной котловинѣ Гаджныны. Очевидно, онъ въ совершенствѣ зналъ всѣ тропинки и ущелья, если и здѣсь былъ какъ у себя дома.

Надъ дикою долиною, узкою, вилообразною, окаймленною быстрыми потоками, возвышался съ западной стороны отвѣсный гребень Шницевъ черногорскихъ. Обрывы скалъ шли рядами одни причудливѣе другихъ, то въ видѣ надгробныхъ памятниковъ, то напоминая древнія полуразрушенныя часовни, заколдованныя замки или крѣпостныя стѣны, лежація въ развалинахъ. То они стояли отвѣсно въ нѣсколько ярусовъ одинъ надъ другимъ, то нависли надъ пропастью, какъ бы готовыя ежеминутно сорваться. Строили ихъ уныри скальные, а можетъ быть и еще какіе нибудь болѣе грозные духи... во всякомъ случаѣ это дѣло нечистой силы, если при взглядѣ на нихъ человѣка схватывала *облуда*

и не одинъ гудуль, пробовавшій пройти по хребту этихъ горъ, обманутый заворотами скаль, попадалъ въ такое мѣсто, гдѣ уже не могъ удержаться и скатывался съ горы на потѣху злыхъ духовъ, жаждущихъ людской крови.

Но молодцы были не изъ трусливаго десятка; они привыкли уже къ нечистой силѣ, бродя по лѣсамъ и горамъ, да и еврей, должно быть, давно уже продалъ душу чорту, если все ему такъ удавалось и дается.

Здѣсь то, подь скалою находилось тщательно скрытое складочное мѣсто, откуда ватажка вынесъ золотыя цѣпи, серебрянныя застежки, бобровые мѣха, желтые сафьянныя сапоги, еврейскіе атласныя халаты, жемчужныя повязки, гуцульскія *порошныци*, украшенныя *кильцами*. Начался торгъ. Еврей оглядѣлъ товаръ, толкая съ пренебреженіемъ купца ногою халаты, сапоги и старое оружіе, но когда украдкою бросалъ взглядъ на золото и жемчугъ, глаза его разгорались, какъ у хищнаго звѣря, готовящагося пожрать добычу.

— Чтожь ты такъ пренебрегаешь нашимъ трудомъ, собака вира?—закричалъ ватажка.—Смотрите пожалуста... шубы ему не хороши и атласъ тоже...

Нѣкоторые изъ молодцовъ вызывающимъ взглядомъ смотрѣли на еврея, а одинъ сдѣлалъ видъ, будто хочетъ схватить его за горло, пошутить немного съ *невирою*. Впрочемъ, все это ни мало не тревожило еврея, онъ отплевывался еще громче. Видно, это было ему не въ первинку. А когда одинъ изъ молодцовъ толкнулъ его въ бокъ, то раздраженный еврей, не обращая вниманія на предводителя отряда, отвѣтилъ ему пощечиною. Завязалась драка, но силы противниковъ оказались не равными, еврей скоро повалилъ гуцула и насѣвши на него, замѣтилъ:

— Видишь, Кирило, я тебя не боюсь. Что ты скажешь, если я сейчасъ поломаю тебѣ ребра?

Прочіе смѣялись только, глядя на эту сцену; побѣжденный сперва копошился на землѣ, но, не въ силахъ будучи высвободиться изъ подь огромнаго еврея, вскорѣ перемѣнилъ тонъ.

— Змылуйся, чоловиче!... Къ чему намъ убивать другъ друга? Или уже не на кого идти?

— То такъ и говори, а не затрогивай жида. Знаешь вѣдь, что я тебя не боюсь... Да и всѣхъ васъ здѣсь не боюсь.

— Ого! не вытерпѣлъ Тарасъ.—Что это онъ рассказываетъ? Развѣ можно стерпѣть это? А ну, хлопци! поиграемъ съ *псавирою*.

— Ой, вей! Какъ испугали!.. Точно я не знаю, что убейте меня сегодня и завтра же всѣ пропадете съ голода. Ну, можетъ быть, начнете ѣсть эти цѣпки какъ хлѣбъ, или эти серебряныя пуговицы будете грызть вмѣсто орѣховъ. Пусть, кто хочетъ, попробуетъ одѣть сафьяныя сапоги, накинуть шубу по шляхетски или жидовскій *гитласъ* и пожалуетъ къ намъ въ Ясень... Но примутъ ли его тамъ за шляхтича, или, можетъ быть, за еврея? Гм!

Такого рода аргументы оказались какъ нельзя быть убѣдительными для молодцовъ и торгъ продолжался уже спокойнѣе. Изрѣдка только еврей съ пренебреженіемъ отбрасывалъ какую нибудь вещь, потомъ сразу набавлялъ цѣну и дѣло оканчивалось тѣмъ, что онъ пряталъ въ карманъ и золотыя цѣпи, и дорогія повязки, и куски металла отъ ружей и пистолетовъ, отсчитывалъ въ замѣнъ *сороковки* и сверхъ того обѣщалъ доставить боченокъ чистѣйшей оковиты, да еще два ружья и пару пистолетовъ на придачу, потому что закупилъ и все остальное. Но теперь онъ не станетъ брать всего этого хлама, возьметъ только вещи получше, которыя понесетъ за нимъ Тарасъ, все равно собиравшійся по дѣлу въ Ясень. Молодой человекъ намѣревался обратиться къ тому священнику-знахарю, который умѣлъ *открестить*, какъ никто, всякую бѣду.

Сборы были недолгіе, черезъ минуту онъ стоялъ уже готовый въ путь. Еврей въ изумленіи вытаращилъ глаза: такого статнаго легины, съ длинными по поясъ волосами, въ такомъ роскошномъ наборномъ поясѣ въ любомъ селѣ очень легко могли принять за разбойника и поскорѣе заковать въ кандалы; тогда, уже за одно, досталось бы и его спутнику. Нужно было немного пріодѣться, чтобы идти въ городъ.

Тогда выступилъ *Бурчыморда*, съ замѣчательнымъ искусствомъ владѣвшій топоромъ; онъ собралъ въ пучекъ густые черные волосы Тараса, связалъ ихъ лыкомъ повыше макушки, при-

крѣпилъ за сучекъ смереки у самаго ствола, отступилъ на два шага, взмахнулъ топоромъ—и весь пучекъ повисъ на деревѣ, будто женская коса, а остальные волосы ровнымъ кругомъ упали вокругъ головы¹⁾. Перемѣна прически сразу измѣнила наружность легиня. Къ тому же онъ одѣлъ самое чистое бѣлье, какое нашлось въ запасѣ у компаніи, и старый крестьянскій *сердакъ*, перекинувъ *бесаги* за плечи и въ такомъ видѣ высматривалъ простымъ крестьяниномъ изъ села. Теперь оба тронулись въ путь.

Хотя еврей несравненно лучше зналъ всѣ переходы и долженъ былъ показывать дорогу, но онъ постоянно лавировалъ такъ, чтобы самому оставаться позади Тараса и наблюдать за нимъ. Почтенный купецъ, какъ онъ, не могъ питать довѣрія къ члену дружины, для которой ограбить и даже убить человѣка было дѣломъ не особенно труднымъ.

Такъ шли они молча вдоль обрыва; надъ головами возвышались громады утесовъ самой дикой, причудливой формы, то свѣшивались надъ тропинкою, ежеминутно угрожая паденіемъ; наконецъ пришли къ такому мѣсту, гдѣ нужно уже было карабкаться, какъ кошки. Цѣпляясь за выступы скалъ и съ трудомъ переводя дыханіе, еврей подозрительно поглядывалъ искоса, какъ бы спутникъ не толкнулъ его сзади и не сбросилъ въ пропасть; между тѣмъ какъ тотъ самъ оглядывался съ тревогою, какъ бы гдѣнибудь не схватила его *облуда*, а при взглядѣ на еврея ему казалось, что сопровождаетъ его самъ сатана. Оба посматривали другъ на друга съ угрожающимъ видомъ. Молодой человѣкъ въ страхѣ крестился по временамъ, а еврей тоже шепталъ по своему какія то молитвы.

Когда поднялись на цѣпь „*Шпицовъ*“, передъ глазами ихъ раскинулась на право обширная долина „*Данцера*“, врѣзавшаяся въ высокую цѣпь Черногоры и окаймленная полукругомъ ея вершинами.

¹⁾ Это былъ обычный приемъ у гуцуловъ, еще не знавшихъ ножницъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда являлась необходимость подрѣзывать волосы, но въ большинствѣ случаевъ ихъ не стригли въ теченіи цѣлой жизни; и теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ гуцулы не стригутся отъ самаго рожденія и носятъ волосы почти по поясъ.

Теперь путники радовались уже тому, что хоть миновали самыя опасныя мѣста и оба остались живы. Дальше снова шли по самой вершинѣ хребта и со страхомъ поглядывали внизъ на скалистыя „*Ребра*“, потянувшіяся отдѣльными отрогами къ долиинѣ „*Данцера*“ параллельно главной цѣпи „*Шпицовъ*“. Выстроили ихъ скальные ущери, а можетъ быть и самъ „*чорный*“, такъ какъ никому еще не удавалось взобраться туда, если же кто и отваживался, тотъ навѣрно оставлялъ свои кости у подножья *несамовытыхъ* утесовъ. Эта долина, мѣстами испещренная темными пятнами кустарниковъ или бѣлѣющая снѣгомъ, наводила страхъ и грозу; угрюмо выглядѣли окружавшія ее широкимъ полукругомъ остроконечныя вершины „*Позижески*“, „*Данцеръ*“ и „*Дидовый камень*“, старый, сѣдой, изрытый непогодами; впереди, при концѣ хребта, по которому они шли, возвышался одинокой „*Гомуль*“, словно огромная сторожевая башня.

Путники двигались торопливо вдоль возвышенности все впередъ и впередъ, пока не пришлось спуститься къ озеру въ глубинѣ Данцеровой долины, на всѣхъ наводящему страхъ. *Несамовытое* озеро было совсѣмъ черное отъ недобраго зѣлья, растущаго на днѣ. Да и кто знаетъ, что это за зелье? Должно быть изъ какого то дьявольскаго сѣмени! Сохрани Богъ бросить туда камушекъ и тамъ раздражить *недобрую* воду; тогда подымется такая буря съ градомъ и громомъ, и человѣкъ уже не выйдетъ изъ нея цѣлымъ. Поэтому путники шли съ сильною тревогою въ сердцѣ, пока миновали его. Наконецъ, благополучно миновали и это опасное мѣсто и вышли на болѣе возвышенный отрогъ между „*Шпицами*“ и „*Дидовымъ камнемъ*“, оставляя въ сторонѣ долину Данцера съ ея страшнымъ озеромъ и *несамовытыми* „*Ребрами*“.

Теперь уже близка была венгерская граница. Оставалось только перерѣзать поперекъ черногорскую цѣпь и они будутъ уже на венгерскомъ склонѣ. Дальше еврей долженъ былъ показывать путь черезъ ущелья, потому что на полонинахъ были румынскіе *буары*, иногда въ большомъ количествѣ, а это народъ хищный; тогда какъ ихъ только двое, и то не довѣрившихъ взаимно другъ другу.

Такъ прошли они послѣдній отрогъ и очутились на венгерской сторонѣ. Здѣсь раскрылась передъ ними обширная панорама длинныхъ кражей венгерскихъ, то съ черными, какъ сажа, склонами, то съ сѣроватыми отъ каменистой пыли. На право и на лѣво возвышались вершины за вершинами, хребты за хребтами, а между ними ущелья и обрывы: глушь непроходимая. А мѣстами въ глубинѣ сверкали потоки, съ шумомъ стремящіеся въ Тису.

И въ такую глушь вступали теперь эти два человѣка, взаимно подозрѣвавшіе другъ друга.

Пока спускались съ главнаго хребта Черногоры, поросшаго только мхомъ и травою, оба были на виду, но когда углубились въ густую чащу лѣсовъ, изрытыхъ оврагами, обоимъ спутникамъ сдѣлалось жутко.

Еврей искоса посматривалъ на товарища и отставалъ поминутно, чтобы пропустить его впередъ, а тотъ постоянно оглядывался назадъ, окидывая *нехриста* подозрительнымъ взглядомъ, какъ бы опасаясь, чтобы тотъ изподтишка не пырнулъ его пожемъ. Еврею это казалось подозрительнымъ, онъ инстинктивно ощупывалъ что то втихомолку. Тогда и Тарасъ въ свою очередь останавливался, словно искалъ, гдѣ бы опереться о какое нибудь дерево потолка. Постоянно мѣряли они другъ друга глазами, у Тараса они горѣли, какъ у рыси, а у еврея расширялись зрачки и глаза, казалось, готовы были выскочить изъ орбитъ.

Между тѣмъ черныя тучи заволакивали небо, съ горъ поднялся *недобрый* вѣтеръ. Это еще усилило ихъ страхъ. На послѣдокъ Тарасъ и не примѣтилъ, какъ еврей остался далеко позади; вдругъ онъ услышалъ за спиною звукъ выстрѣла, оглянулся и изъ за кустовъ подымался сѣроватый дымъ.

А! этотъ шельма хотѣлъ убить его, да промахнулся, и пуля попала въ дерево!

Какъ ужаленный, бросился молодой человѣкъ въ ту сторону, еврей со всѣхъ ногъ пустился бѣжать, отказавшись отъ всего, что несъ для него спутникъ. Слышенъ былъ только трескъ вѣтвей, быстро затихавшій вдали. Тарасу хотѣлось бы догнать его и по меньшей мѣрѣ переломать ему ребра за такое вѣроломство;

но, убѣдившись, что ему не догнать еврея, онъ плюнулъ и въ недоумѣннѣ пожалъ плечами: зачѣмъ было идти вмѣстѣ зъ *невирую*. Взглянувъ на вещи, которыя несъ для еврея, Тарасъ остановился.

— Зачѣмъ мнѣ это *дрантя*?.. Что я торговать этимъ буду, или вымѣнивать? Развѣ я жидъ, что ли?—Онъ съ пренебреженіемъ бросилъ на землю ношу съ награбленнымъ товаромъ, который долженъ былъ расходиться между людьми въ обмѣнъ за трудовыя деньги.

— Тѣфу! сказывся собака!.. хотѣлъ убить меня.. Да что бы онъ взялъ съ меня?

Мало по малу онъ пришелъ къ убѣжденію, что еврей должно быть самъ заподозрилъ его въ такомъ намѣреніи. Тѣфу! Развѣ могъ человѣкъ польститься на его золото или *иматья*? до того ли ему теперь? Человѣкъ шелъ по своему дѣлу, чтобы ему открестили его бѣду, а его подозрѣваютъ въ алчности.

Туть онъ вспомнилъ, что остался теперь одинъ въ этой гущинѣ, и мрачные образы одинъ за другимъ подымались въ его измученной душѣ. Быстро продирался онъ сквозъ чащу, попадалъ въ невѣдомыя ему ущелья, цѣпляясь за вѣтви, до крови терзавшія его тѣло; иногда ему казалось, что между смереками свѣтятся волчыя глаза. Въ другомъ мѣстѣ притаилась рысь, какъ бы готовая сдѣлать прыжокъ, но замѣтивъ устремленные на нее глаза человѣка и дуло пистолета, быстро исчезала въ нѣсколько прыжковъ. Время близилось къ вечеру и Тарасъ уже выбился изъ силъ: ноги его дрожали, въ глазахъ минутами становилось темно. Но одна упрямая неотвязчивая мысль постоянно вращалась въ мозгу.

— Отецъ не отецъ!.. Добрый отецъ вѣдь не оставитъ мать одну на свѣтѣ... не броситъ сироту!..

— Какъ? свое дитя? свою кровь?.. Развѣ я просилъ его давать мнѣ жизнь?.. На мое несчастье... А разъ давши, такъ оттолкнуть ногою хуже собаки, избѣгать меня, какъ лютаго звѣря. А вѣдь меня, еще малымъ ребенкомъ, оставили одного на такое собачье житье!.. Онъ даже и тогда вырывалъ у меня кусокъ изо рта, если кто изъ жалости бросалъ его, какъ собаку!.. Онъ убилъ мою мать!.. Онъ и меня готовъ былъ убить... Развѣ я чѣмъ обязанъ ему?..—

Молодой человекъ погрузился въ раздумье; потомъ какъ бы очнулся.—Господи Боже! Это ужасно!.. Зачѣмъ его кровь течеть въ моихъ жилахъ, его—моего злѣйшаго врага!..

Онъ хотѣлъ было еще увѣрить себя, что можетъ быть этотъ человекъ и не былъ его отцемъ... Но нѣтъ, все... та же наружность, тотъ же ростъ, даже голосъ по временамъ тотъ же самый... Онъ вздрогнулъ: старый гуцуль снова, какъ живой, всталъ передъ нимъ... Въ эту минуту поднялся какой то *недобрый* вѣтеръ.

Тарасъ быстро, не оглядываясь, шель впередъ, желая уйти отъ этого видѣнія, но оно преслѣдовало его, настигало все ближе и ближе... позади его слышался такой шумъ, какъ бы отъ крыльевъ поднимающейся стаи глухарей. Вдругъ онъ почувствовалъ, что земля разступается подъ ногами и онъ летитъ въ пропасть такъ глубоко, такъ стремительно, словно несетъ его какая то невидимая сила, а вокругъ него все ёлокочеть. Очнувшись черезъ нѣсколько времени, онъ оглянулся вокругъ и убѣдился, что это были только лѣсные маяки, или можетъ быть дѣло упырей,—онъ лежалъ на землѣ.

Бѣжать, поскорѣе бѣжать отсюда! Видно, это *несамовитое* мѣсто.

XIII.

На другойдень, слѣдуя ущельемъ *Ляцины*, Тарасъ пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ она соединяется съ Черною Тисою. Теперь онъ былъ уже у венгерскаго Ясени. Оглядываясь совниманіемъ вокругъ и осторожно спрашивая у встрѣчныхъ, гдѣ живетъ священникъ, идя по улицѣ, онъ замѣтилъ, что нѣкоторые изъ прохожихъ, при встрѣчѣ съ нимъ, многозначительно кивали головою и шептали про себя въ полголоса: „Что это за человекъ? Крестьянинъ—не крестьянинъ? Слуга панскій, или нѣтъ?“

Наконецъ онъ разыскалъ священника и, увидѣвъ передъ собою старца, бѣлаго какъ лунь, сгорбленнаго лѣтами, поцѣловалъ его дрожащія костлявыя руки и положилъ на столъ двѣ

серебряныя *сорокивки*. Старикъ пристально посмотрѣлъ на него и спросилъ, что ему нужно?

— Да ужъ вы... сами знаете, отче... говорятъ, что вы... у васъ есть такіе способы, чтобы открестить всякую бѣду?

— А какая у тебя бѣда, сыну!

— Да ужъ такая бѣда постигла меня, что хуже быть не можетъ; и день, и ночь, отче.. Вотъ! Какъ бы вамъ сказать?... Онъ робко почесалъ въ головѣ; старикъ ожидалъ терпѣливо и красныя вѣки его дрожали отъ старости.

— Да вы ужъ имѣете на то *свои* молитвы...—произнесъ Тарасъ, поднявъ на священника умоляющій взглядъ, и прибавилъ:-- Рассказываютъ люди, что вы знаете *такія* молитвы, которыя хоть какого упыря отгонять?

— Разумѣется у меня есть на нихъ бичъ, мой сынъ.—Онъ посмотрѣлъ на пришельца и продолжалъ:—А гдѣ же та хата, въ которой показывается нечистый? Я его кропиломъ, святою водою... Ого! Пусть увидить, что это не *перельмыкы!*.. Такъ гдѣ же это появилось, сыну? Если не далеко, то проводи меня туда хоть сейчасъ!

— Куда я васъ поведу!.. Я изъ далека... *Ажъ геть зъ людскои* стороны. А бѣда сама повсюду за мною ходить.

— За тобою ходить?

— Гдѣ только стану, или чуть ночь настанетъ, такъ оно и явится сейчасъ и въ лѣсу, и въ яру, и на лугу—и не дастъ покоя человѣку.

— Мужчина это или женщина?

— Да конечно мужчина—отвѣчалъ Тарасъ дрожащимъ голосомъ.

— Чтожъ, жилъ онъ когданибудь?.. Или можетъ быть это такъ только, бѣсовское навожденіе?

— Да гдѣ вамъ? жилъ и былъ газдою.

— Такъ можетъ быть онъ былъ для тебя чѣмънибудь при жизни? Можетъ быть долженъ ты ему чтонибудь? Сосѣдъ или чужой? Можетъ кумъ какой, что ли?

— Да гдѣ тамъ!.. Онъ мнѣ ни сосѣдъ, ни кумъ.—Онъ не былъ своимъ, онъ чужой—произнесъ Тарасъ послѣ долгаго молчанія. Говоря это онъ краснѣлъ, зная, что говоритъ неправду. Старикъ погрузился въ раздумье, а красныя края вѣкъ незамѣтно нали-

вались кровью. Послѣ нѣкотораго молчанія онъ снова заговорилъ.

— Не виноватъ ли ты въ чемъ передъ нимъ? Можетъ быть при жизни его вы были врагами?

— А чѣмъ я ему виноватъ?.. И что ему нужно отъ меня? Прощу васъ, сдѣлайте такъ, чтобы оно пропало... чтобы не преслѣдовало меня больше.

Старикъ пристально смотрѣлъ ему въ глаза, что то взвѣшивая и соображая. Снова наступило молчаніе, а молодой человекъ съ трепетомъ ожидалъ словъ священника, котораго, будто чудомъ, должны были отогнать отъ него призракъ убитаго. Наконецъ старикъ заговорилъ:

— Тутъ необходима и твоя помощь, *дытино моя*... прежде всего твое раскаяніе... А теперь пойдѣмъ со мною, сыну.

И повелъ его въ церковь. Здѣсь какой то благоговѣнный ужасъ, какое то тревожное ожиданіе чуда охватило Тараса. Онъ такъ давно уже не былъ въ домѣ Божьемъ. Со страхомъ смотрѣлъ онъ на старика, въ ожиданіи чаръ и заклинаній; но вмѣсто того свещенникъ надѣлъ епитрахиль, приказалъ ему стать на колѣни и спросилъ:

— Давно ли ты былъ у исповѣди, сынъ мой?

Тарасъ пришелъ въ ужасъ—онъ давнымъ давно забылъ, что есть на свѣтѣ исповѣдь. Теперь онъ ожидалъ только волшебствъ и чудесъ, безъ всякаго участія съ своей стороны, безъ всякаго раскаянія. Онъ только надѣялся, что священникъ усыпитъ въ немъ голосъ пробуждающейся совѣсти, спиметь *уроки*, а онъ вмѣсто того начинаетъ исповѣдь. Но, можетъ быть, это такъ и слѣдуетъ, а послѣ того онъ начнетъ свои заклинанія, подумалъ Тарасъ и безпрекословно повиновался.

— Что ты за человекъ?—началъ священникъ.—Можетъ быть ты *омонъ* какой?.. Можетъ быть бродяга? Можетъ быть ты никогда и не исповѣдывался?

— Ну, вотъ! почему нѣтъ? Но это было ужъ очень, очень давно.

— Откуда же ты, хлопче?

— Да я съ лядской стороны.

— А зачѣмъ же ты пришелъ сюда, сыну?—спрашивалъ священникъ, словно исполняя обычную фORMALЬНОСТЬ.

— Пришелъ къ вамъ, потому что отъ людей слыхаль, что вы великій *характерникъ*, такой мудрый и *знающій*, что можете отогнать все *злое*; у васъ для этого свои молитвы и *псалтыри*, какихъ не знаютъ у насъ на людской сторонѣ. Вотъ я и пришелъ къ вамъ.

— Чѣмъ оскорбилъ ты Господа Бога, грѣшникъ?

Тарасъ, хотя и принадлежалъ къ дружинѣ, принялся перечислять съ наивностью ребенка то, что считаль грѣхомъ, но когда дошелъ до самаго главнаго, что собственно и привело его сюда, началъ путаться, какъ бы собираясь съ мыслями, искалъ словъ и наконецъ остановился. Священникъ ожидалъ терпѣливо.

— Ну, что же дальше, сыну?... Какъ же съ тѣмъ уыремъ, который тебѣ не даетъ покоя?

— Да это, можетъ быть, упырь изъ неживаго... А такъ! Можетъ быть изъ убитаго?...

— Кто же убилъ его? Ты не знаешь?—Тарасъ не отвѣчалъ.

— Ну, говори же! вѣдь я священникъ, намѣстникъ Бога, а не свѣтскій судья, который можетъ покарать преступника. Онъ обождалъ съ минутой, потомъ прибавилъ:

— Такъ можетъ быть между вами была драка, какъ это иногда случается?

— А такъ, отче... была драка...

— И ты нехотя?... Говори же!... или можетъ быть намѣренно убилъ его?

— Да гдѣ вамъ намѣренно?... Онъ самъ напалъ на меня... Я только защищался...

— Чего же онъ хотѣлъ отъ тебя? Какъ это случилось! Ну, говори же, не то я уйду и оставлю тебя съ твоею тревогою.

— О! Не дѣлайте этого... *Змылуйтесь!* Я вамъ разскажу... И собравшись съ мыслями, началъ:

— Это вотъ какъ было... вотъ, у насъ зашло за его... Онъ смѣшался, старикъ продолжалъ допрашивать.

— За жену или можетъ быть дивчynu?

— Да гдѣ тамъ за жену?... за его дивчynu... Но я ее сначала не искалъ первый... Такъ намъ ужъ Богъ далъ.

— Значить, старикъ не хотѣлъ отдать ее за тебя?

Молодой человекъ вздрогнулъ и проговорилъ, едва переводя духъ:

— Онъ подстерегалъ меня—и я...—Онъ не могъ говорить.

— Рассказывай все какъ было, иначе я не могу назначить тебѣ покаянія, а безъ этого ты не получишь разрѣшенія и не успокоишься.

— А если я все расскажу, отче, вы отверстите мнѣ бѣду, такъ что она пропадетъ? Я васъ прошу... Я вамъ еще больше дамъ такихъ сороковцевъ.—И тотчасъ поправился, прибавивъ:

— Я буду работать, день и ночь, а для васъ заработаю.

Онъ покраснѣлъ и робко взглянулъ на старика.

— А вы меня не обманете; не выдадите панамъ и судьямъ?...

— Что ты говоришь, темный человекъ? Исповѣдь—это тайна.

Не бойся!.. Если во всемъ сознаешься.. но ты долженъ сознаться во всемъ, какъ передъ Богомъ.

— Ну, такъ я уже все расскажу. Этотъ человекъ... Онъ погибъ черезъ меня... Но я не хотѣлъ причинить ему зла... Онъ самъ напалъ на меня... погнался за мною.. хотѣлъ столкнуть съ кладки на дно потока, на острые камни...

— И ты его?... Говори правду!

— Нѣтъ, отче... Мы оба попадали. Но онъ упалъ такъ несчастливо, что переломалъ себѣ ребра... Но послѣ онъ самъ еще воротился домой—только вскорѣ послѣ того умеръ,—прибавилъ Тарасъ и остановился; священникъ ожидалъ терпѣливо, но, видя тревогу и смущеніе грѣшника, замѣтилъ:

— Если не расскажешь всего, какъ было и кто былъ для тебя этотъ человекъ, я не найду средства возратить душѣ твоей покой, сынъ мой.

— Ахъ расскажу, отче, расскажу; только вы не разсердитесь на меня?... Это ужасная вещь.

— Ужасная? Что же я услышу?

— Этотъ человекъ... О, Боже мой!... Онъ далъ жизнь мнѣ несчастному...—оба поблѣднѣли при этихъ словахъ.

— Такъ это былъ твой отецъ? Ты убилъ роднаго отца?... Священникъ устремилъ на Тараса широко раскрытые глаза съ налитыми кровью вѣками и воскликнулъ въ негодованіи.

— Въ адъ!... Въ кипящую смолу! Противъ этого у меня нѣтъ спасенія... Это не въ моей власти!... Разбойникъ! Отцеубійца!

У Тараса морозъ прошелъ по кожѣ, онъ весь похолодѣлъ отъ ужаса и едва простоналъ слабымъ голосомъ:

— Но вѣдь онъ не былъ для меня отцемъ... никогда не былъ отцемъ, какъ другіе... Я никогда не зналъ его, совсѣмъ не зналъ...

— Что? что ты говоришь?

— Я не зналъ, отче, кто онъ былъ... Онъ сказалъ мнѣ это только тогда, когда уже лежалъ на землѣ... Но это не былъ отецъ! Это былъ мой врагъ!

— Ахъ! ты говоришь,... Боже! сжался надъ нимъ! Въ тебѣ нѣтъ сокрушенія!... Надъ такими не властенъ ни одинъ служитель Божій!... И напрасны всѣ твои приношенія, всѣ жертвы! Богъ не приметъ твоихъ жертвъ и пойдутъ онѣ не на избавленіе твоей души, а на ея погибель... Его не подкупишь никакими дарами, хоть сыпь *сороковки* цѣлыми корцами.

Холодъ пронизывалъ грѣшника отъ этихъ словъ. Никогда не слыхалъ онъ ничего подобнаго. До сихъ поръ онъ былъ увѣренъ, что попы всегда принимаютъ приношенія и за то читаютъ свои молитвы, которыя сами по себѣ, безъ всякаго участія со стороны просителя, имѣютъ силу все *отогнать*.

— Ты обошелъ свѣтскихъ судей, но Бога не обойдешь! Знаешь ли ты, кто онъ?—продолжалъ священникъ и устремилъ на грѣшника гнѣвный, угрожающій взглядъ.

— Когда настаетъ буря, грозна *годына*¹⁾, когда вихремъ ломаетъ старья, вѣковыя деревья, какъ слабую тростинку—можешь ли ты остановить ее, слабый человекъ.

А грѣшникъ блѣднѣлъ при этихъ словахъ и все существо его проникалъ какой то невѣдомый раньше трепетъ.

— И вотъ видишь? Это Богъ поднялъ свою руку!.. Если Онъ захочетъ, распадутся горы и скалы, а лѣса въ одно мгновеніе падутъ на землю и будутъ лежать и тлѣть. И этого владыку ты оскорбилъ? не побоялся Его!

¹⁾ *Годыною* называютъ гуцулы бурю съ градомъ, мятелью, вообще самую ужасную погоду.

Колѣнопреклоненный еще ниже опустил голову.

— Онъ все видитъ. Свѣтскихъ судей ты можешь обмануть,— Его не обманешь. Онъ все знаетъ. Люди повѣрили тебѣ, если ты дѣло рукъ твоихъ, можетъ быть, свалилъ на другаго?... Со- знайся, можетъ быть, ты свалилъ на другаго, солгалъ, можетъ быть, обжаловалъ невиннаго, если люди отпустили тебя на свободу?

— Да гдѣ они отпустили меня?— прошепталъ грѣшникъ сла- бымъ голосомъ.—Развѣ они могли поймать меня и представить въ судъ, если я...—Онъ остановился, не находя словъ.

— Если ты?... Ну, рассказывай дальше! Ты долженъ сказать всю правду, иначе Богъ покараетъ тебя и въ этой жизни, и въ будущей.

— Если я вамъ... ушелъ въ лѣса черногорскіе...—чуть слышно прошепталъ Тарасъ.

— Ты... ушелъ... въ лѣса черногорскіе?...—Священникъ при- стально смотрѣлъ на него.

— Да развѣ могъ я идти обратно въ село... Развѣ могъ я, отче, возвратиться среди людей?... смотрѣть на ту, которой отца?...

— Онъ изъ лѣсовъ?... Это разбойникъ, опрыпокъ!... Боже! смилуйся надъ нами!—тихо произнесъ священникъ, а Тарасъ вперилъ въ землю свой угрюмый взглядъ. Въ полумракѣ церкви наступило глубокое молчаніе; служитель алтаря собирался съ мыслями, а грѣшникъ въ страхѣ ожидалъ приговора. Наконецъ старикъ заговорилъ.

— Такъ ты хочешь, чтобы Богъ отпустилъ тебѣ грѣхи, а самъ остаешься еще погруженнымъ въ скверну преступленія? Ты еще продолжаешь грабить и разбойничать? И приносишь сюда соро- ковки, отнятыя у мирныхъ людей?... Хочешь обмануть самого Бога и его служителя! Хочешь подкупить?... О, нѣтъ! Здѣсь ты не съ людьми имѣешь дѣло... Или ты думаешь, что отдавши десятую, сотую часть того, что отнял, награбилъ у другихъ... думаешь, что Богъ приметъ такую жертву и отпустить тебѣ грѣхи?... Я возьму твои деньги, но не для себя, а роздамъ ихъ бѣднымъ, чтобы хотя сотая часть возвратилась тѣмъ, у кого онѣ отняты.—Нѣтъ! надъ тобою я не имѣю власти!.. Я не могу по-

мочь тебѣ, облегчить твою совѣсть... Буду только молиться, чтобы Богъ просвѣтилъ твою душу и помогъ оставить эту грѣховную жизнь...

Тарасъ поднялъ на него испуганные глаза.

— Да, да!... ты долженъ прежде бросить шайку, выдать преступниковъ властямъ, чтобы свершилось надъ ними правосудіе земное и небесное! Тогда только Богъ можетъ быть и простить тебя, а до тѣхъ поръ я не могу дать тебѣ разрѣшенія.

Грѣшникъ стоялъ, не смѣя поднять глазъ, словно подавленный тяжестью приговора. Священникъ ждалъ нѣкоторое время и началъ снова:

— Раскаеваешься ли ты въ грѣхахъ своихъ, во всѣхъ преступленіяхъ и злобѣ? Сожалѣешь ли о томъ, что былъ въ средѣ преступниковъ, на которыхъ тяготѣетъ кровь людей, изнемогающихъ подъ бременемъ труда?—Ты молчишь?

Тарасъ не отвѣчалъ.

— Ну! такъ я могу только молить Бога, чтобы Онъ просвѣтилъ тебя и наставилъ на путь истинный. Самъ я не имѣю надъ тобою власти.

— Такъ не дадите мнѣ никакой помощи?

— Сожалѣешь ли о томъ, что былъ среди злыхъ людей?—настойчиво спрашивалъ священникъ; отвѣта не было.

— Если такъ... то мнѣ здѣсь нечего больше дѣлать.—Боже! смилуйся надъ нимъ! Просвѣти эту темную душу!

Онъ вышелъ, оставивъ грѣшника одного, на колѣняхъ передъ исповѣдальнею. У несчастнаго потемнѣло въ глазахъ.

Онъ пришелъ сюда въ надеждѣ на какія то чудесныя чары, способныя прогнать „зло“ безъ всякаго содѣйствія съ его стороны, а теперь отъ него требуютъ такъ много... Онъ ждалъ еще нѣкоторая время. Тарасу сдѣлалось страшно, жутко на душѣ; больше ждать было нечего, онъ поднялся и вышелъ.

Шелъ онъ по берегу „Лящыни“; внизу, въ ущельи, глухо шумѣлъ потокъ, а онъ не видѣлъ и не сознавалъ, гдѣ онъ и что отъ него требуютъ, чтобы онъ оставилъ дружину, чтобы даже выдалъ товарищей...

Онъ задумался, мало по малу словно забывая слова священника, въ немъ пробудился прежній человѣкъ; онъ продолжалъ свои догадки.

— Почему онъ требуетъ этого? Потому, что самъ за одно съ панами и судьями, а его, опрышка, считаетъ уже способнымъ на все, на всякую измѣну. Вѣдь онъ грабитель и разбойникъ! Почему бы ему не быть сверхъ того и измѣнникомъ?

Но вдругъ ему пришло на умъ, что вѣдь старикъ могъ бы задержать его, узнавши, что онъ принадлежитъ къ дружинѣ; а между тѣмъ онъ ушелъ спокойно, ни мало не преслѣдуя его. Теперь онъ понялъ разницу между поведеніемъ стараго священника и своихъ товарищей. Тѣ навѣрно не отпустили бы такъ свободно, если бы врагъ попался имъ въ руки. И почему онъ не хотѣлъ взять себѣ этихъ сороковокъ? Я могъ бы дать ему еще больше, лишь бы онъ захотѣлъ помочь мнѣ и *одчыныты* бѣду. Вѣдь всякъ беретъ, когда даютъ.

Тарасъ задумался надъ этимъ и невѣдомыя до того времени мысли пробуждались въ его мозгу. Начинался разладъ съ самимъ собою.

XIV.

Когда онъ снова возвратился къ своимъ, когда увидѣлъ себя въ кругу тѣхъ, которые приняли его—*безбатченка*, бездомнаго, отверженнаго всѣми, кто имѣлъ и родныхъ, и свою хату, Тарасъ убѣдился, что такоза ужь его судьба. Непроходимая чаща лѣсовъ, глухія ущелья, куда и солнце не заглядываетъ, вотъ весь его міръ отнынѣ. Когда же охватила его рѣзкая, пронизывающая прохлада горъ, когда полилась на вольномъ просторѣ свободная пѣсня дружины, всѣ сомнѣнія и тревоги исчезли и слова священника были забыты.

Онъ, очертя голову, бросался во всѣ опасности; это придавало ему силы и вѣры въ себя и въ свою дружину, находившуюся въ постоянной борьбѣ съ тѣмъ обществомъ, въ которомъ правила судьбы и духовенство. Но когда наступали болѣе

спокойныя минуты, когда товарищи отдыхали вокругъ огня послѣ какой нибуть удачной экспедиціи, онъ оставался одинъ со своими мыслями и чувствовалъ, будто что то измѣнилось въ немъ.

Теперь ему нерѣдко случалось подолгу задумываться надъ вопросами, которые раньше и въ голову не приходили. Прежде, когда они грабили другихъ, всѣ чувствовали себя въ своемъ правѣ, какъ болѣе сильныя.

Теперь онъ начинаетъ сомнѣваться въ томъ, имѣютъ ли они право отнимать у другихъ то, чего сами не заработали? И припомнились ему такія минуты въ этихъ лѣсахъ, когда даже и его товарищи въ ужасѣ начинали читать молитвы.

Тарасъ погружался въ тяжелое раздумье и не могъ разобратъся въ самыхъ противорѣчивыхъ мысляхъ. Все чаще и чаще вспоминалась ему настойчивая рѣчь священника и не давала покоя. Но при взглядѣ на товарищей онъ не могъ помириться съ мыслью оставить ихъ и, что еще хуже, выдать ихъ властямъ.

— Вѣдь эти люди, дикіе и необразованные, приняли его какъ брата, когда тѣ отвергли его.

Иногда, напротивъ, послѣ удачнаго набѣга на безоружныхъ обывателей, по совершеніи крупнаго грабежа, друзья казались Тарасу будто не такими, чѣмъ были прежде. Точно ли они стали хуже, или это ему только казалось, но онъ не могъ уже заглушить въ себѣ этого внутренняго голоса. Тогда онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на товарищей и желчь закипала въ немъ.

А по ночамъ передъ глазами снова являлся призракъ умершаго. И Тарасъ сознавалъ, что виноватъ и что тотъ имѣетъ на него права

Кто теперь поможетъ ему?... Онъ просилъ совѣта и помощи у каждаго, лишь бы отвязалась мара!

Иные совѣтали ему ставить въ церквяхъ свѣчи то въ томъ, то въ другомъ селѣ; это средство имѣло силу и должно было произвести желаемое дѣйствіе. Въ него вѣрили безъ истинной вѣры, какъ въ примѣту или обычай. Тарасъ, дѣйствительно, переодѣвшись сельскимъ парубкомъ, носилъ свѣчи то въ микуличинскую, то въ жабовскую церковь; но ни сожалѣнія, ни рас-

каянія въ немъ не было. Былъ одинъ только малодушный страхъ. Свѣча, купленная на награбленные у ближняго деньги, не могла быть угодна Богу; такъ говорилъ священникъ и Тарасъ готовъ былъ согласиться съ этимъ; у него было какое то смутное сознаніе, что такими жертвами нельзя угодить Богу.

Все чаще и чаще вставали въ его памяти слова старца, которыхъ онъ не могъ понять съ перваго раза.

Иногда имъ овладѣвало какъ бы отдаленное предчувствіе чего то еще невѣдомаго, болѣе свѣтлаго, лежащаго, правда, въ природѣ человѣка, но жизнь среди глухой и дикой лѣсной чащи, среди пустынныхъ горъ,—жизнь, основанная на грабежахъ и разбояхъ, не позволяла ему развиться и достигнуть надлежащей ясности. Поколебленный во всѣхъ своихъ воззрѣніяхъ, Тарасъ утратилъ прежнюю увѣренность въ себѣ и въ своихъ поступкахъ; какая то небывалая раньше перѣшительность характеризовала теперь каждый его шагъ, а молодцы казались ему скорѣе ворами и разбойниками, нежели отважными юнаками горъ и лѣсовъ.

Правда, онъ еще участвовалъ въ ихъ походахъ то на польской, то на венгерской сторонѣ, но въ то же время испытывалъ день ото дня все чаще и сильнѣе какую то небывалую прежде усталость и апатію.

Молодцы устраивали засады то въ долинахъ обоихъ Черемошей, то въ глубокихъ ущельяхъ, вырытыхъ притоками Прута. Посѣщали даже венгерскіе *плай* надъ Черной и Бѣлой Тисой проникали далеко на востокъ, въ самую глубь Буковины, но Тараса все это перестало занимать, а напротивъ тяготило съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе; если же случалось, что грабили безоружныхъ, тогда у него являлось желаніе вступить и помочь имъ.. Не разъ онъ даже грозилъ товарищамъ, называя ихъ по просту разбойниками, и, на сколько доставало силъ, удерживалъ отъ самыхъ безобразныхъ поступковъ. Тогда его называли *видминою*, поганою гадиною, грозили прибить его до смерти или просто убить, какъ бѣшеную собаку; но онъ въ такія минуты приходилъ въ изступленіе и наводилъ этимъ на нихъ страхъ.

Если же приходилось бросаться на встрѣчу опасности, онъ бросался первымъ въ схватку и шайка уважала его и дорожила такимъ товарищемъ.

Когда же нападали на жилища мирныхъ газдовъ, въ темную ночь, въ мятель и бурю, съ *налычманами* ¹⁾ на лицахъ, когда при этомъ мучили и истязали опрышки свои жертвы, жгли ихъ раскаленными углями, чтобы выпытать, гдѣ спрятаны деньги; тогда онъ сознавалъ, что находится въ обществѣ однихъ бродягъ и бездѣльниковъ. Тогда являлась у него охота бросить эту шайку разбойниковъ и войти снова въ общество людей, которые не крадутъ, не убиваютъ, а въ потѣ лица добываютъ средства къ жизни. Мысль эта глубоко запала ему въ душу и не давала покоя.

XV.

Какъ то разъ молодцы наткнулись на отрядъ стражи, численно превосходившій ихъ. Завязалась схватка, силы были не равны — опрышкамъ приходилось уже сдаваться. *Ватагу* уже схватили и начали вязать, въ это время Тарасъ, собравши послѣднія силы, бросился впередъ, какъ раненый звѣрь въ мгновеніе ока положилъ двухъ стражниковъ на мѣстѣ; но спасая *ватагу*, разрывая связывающія его путы, онъ самъ получилъ сильный ударъ, раздробившій лопатку, вскрикнулъ отъ боли, но все таки не поддавался и непріатель принужденъ былъ отступить.

Такимъ образомъ и *ватага*, и товарищи были спасены отъ висѣлицы. Они сознавали прекрасно, что если бы не Тарасъ, тѣла ихъ вскорѣ качались бы по вѣтру на поруганіе людямъ. Тарасъ ихъ избавитель! отнынѣ они обязаны ему благодарностью до гроба! честь и слава ему! Всѣ въ одинъ голосъ клялись отплатить ему тѣмъ же, лишь бы только представился случай.

Но когда выяснилось, что послѣ этого приключенія онъ остался съ кривымъ бокомъ и изъ крѣпкаго легива превратился

¹⁾ Налычманъ — родъ маски, какую употребляли при нападѣніяхъ, чтобы не быть узнаваемыми.

въ калѣку, товарищи быстро охладѣли къ нему и благодарность ихъ улетучивалась съ каждымъ днемъ. Они уже забыли объ опасности и даже тѣ, что бѣжали первыми, теперь относились къ нему съ пренебреженіемъ и на каждомъ шагу давали ему замѣтить, что онъ слабѣйшій въ ихъ средѣ.

Имъ овладѣло полное разочарованіе. Онъ убѣдился окончательно, что тѣ товарищи, которыми онъ дорожилъ, были только злодѣи, умѣвшіе красть и грабить. Теперь они казались ему такими же, какими считалъ ихъ старикъ—священникъ въ Ясени, и Тарасъ въ свою очередь началъ презирать ихъ.

Онъ не жалѣлъ своей крови, рисковалъ жизнью для спасенія товарищей, самъ заплатилъ за нихъ увѣчемъ, а они, забывая все это, пренебрегаютъ имъ, какъ болѣе слабымъ.

Если бы онъ измѣнилъ имъ, выдалъ ихъ въ руки „мадаторовъ“ или „фервальтеровъ“, ему было бы все прощено, онъ, можетъ быть, даже получилъ бы награду... можетъ быть, сдѣлался бы добрымъ газдою и достигъ душевнаго спокойствія. А теперь чѣмъ ему платять?

Горечь наполняла его душу. Наконецъ, не въ силахъ будучи дальше терпѣть поруганіе отъ тѣхъ, кого онъ спасъ отъ неминуемой позорной смерти, подавленный ихъ пренебреженіемъ и самъ презирая ихъ, Тарасъ оставилъ дружину.

Отпустили его свободно, безпрепятственно: всѣ знали, что онъ не измѣнитъ, а почему бы и не отпустить его, если онъ больше не нуженъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ побывалъ у стараго священника въ Ясени, онъ уже иными глазами началъ смотрѣть на все, иными казались ему товарищи и онъ научился иначе понимать слышанные то тамъ, то сямъ азсказы о подвигахъ опрышковъ. Иныя мысли, хотя еще не вполне ясныя, зародились въ немъ, производя въ душѣ какое то смятеніе, какую то тревогу, въ которыхъ онъ не могъ дать себѣ отчета. Несмотря на то, въ немъ уже довольно опредѣленно складывались иныя убѣжденія; онъ уже яснѣе сознавалъ, гдѣ добро и гдѣ зло, и молодцы, въ его глазахъ, рисовались все болѣе мрачными и отталкивающими фигурами. Теперь онъ чувствовалъ, что и на немъ тяготѣетъ вина

въ томъ, что онъ такъ долго прожилъ одною жизнью съ этими людьми. Какъ же загладить это?... Священникъ говорилъ что то о покаяніи, объ искупленіи, которое должно загладить грѣхи прошлыхъ дней... Если что нибудь можетъ послужить для него искупленіемъ, такъ это — возвратиться калѣкою въ общество прежнихъ людей и снова идти къ нимъ въ услуженіе.

Такъ зашелъ онъ, ища работы, въ одну хату въ ближайшемъ селѣ и спросилъ, не примуть ли его въ качествѣ *наймыта*?...—онъ нуждается въ работѣ... На него сперва было посмотрѣли съ интересомъ, но, замѣтивъ его увѣче, отвѣчали, что *наймыта* не нужно, потому что хозяйство само себѣ удовлетворяетъ. Въ другой разъ договоръ уже приходилъ къ концу, какъ вдругъ хозяйка, взглядѣвшись въ пришельца, отозвала въ сторону своего газду и въ тревогѣ прошептала ему что то на ухо; тотъ поблѣднѣлъ и приказалъ Тарасу немедленно оставить хату, мотивируя свой отказъ тѣмъ, будто онъ слишкомъ бѣденъ, чтобы имѣть слугъ; между тѣмъ и обширная хата, и вся обстановка—все свидѣтельствовало о томъ, что это былъ весьма зажиточный газда. Очевидно, эти люди узнали, кто онъ и въ какомъ обществѣ его видѣли.—Неужели пребываніе среди опрышковъ оставило на немъ такое неизгладимое пятно? Неужели калѣка ни въ комъ уже не возбудитъ состраданія?

Наконецъ, послѣ долгихъ стараній удалось ему поступить въ *наймыты* къ одному газдѣ; какъ и въ юности, онъ рѣшился трудиться насколько станеть силъ, словно хотѣлъ вознаградить все потерянное время, проведенное въ праздности и преступленіяхъ. Хозяева были очень довольны имъ, но, такъ какъ онъ не жалѣлъ силъ, не отказывался ни отъ какой работы, то на него старались свалить все, что можно. „Хто везе, того и поганяють“, говоритъ пословица. А между тѣмъ никто не догадывался, что если Тарасъ и выполнялъ непрекословно всѣ распоряженія, то совсѣмъ не изъ слабости характера, а потому что поставилъ это себѣ за правило.

Отъ непосильныхъ трудовъ начали раскрываться старыя раны, добытыя въ многочисленныхъ схваткахъ, разломило кости; наконецъ, онъ слегъ и проболѣлъ нѣсколько времени. Потомъ

поднялся, еще не оправившись какъ слѣдуетъ, и снова принялся за работу. Теперь, казалось, душевное спокойствіе снова возвращалось къ нему. Привидѣніе умершаго перестало навѣщать его. Казалось, даже Богъ смиловался надъ нимъ и еще на землѣ принимаетъ его покаяніе. Но гадза замѣтилъ раскрывавшіяся одна за другою раны и началъ догадываться, что значать эти рубцы на лицѣ и переломленное плечо... Ой! это едва ли слѣдствіе приключеній на полонинахъ при защитѣ марыны отъ медвѣдя! Ловкими вопросами онъ довелъ своего наймыта до того, что тотъ откровенно признался, чѣмъ онъ былъ прежде и съ какими людьми жилъ. Но теперь—совсѣмъ иное дѣло! Теперь онъ искренно сожалѣеть о прошедшемъ и твердо рѣшился вести иную жизнь. Несмотря на это, гадза, выпытавши, что ему было нужно, тотчасъ же удалилъ наймыта, не спрашивая даже, куда пойдетъ несчастный.

Эта послѣдняя неудача окончательно сразила Тараса. Ему такъ хотѣлось сдѣлаться человѣкомъ, какъ другіе люди, которые могли спокойно проживать въ родномъ селѣ, въ родной хатѣ;—онъ, оставленный отцемъ, безъ призора съ самыхъ малыхъ лѣтъ, не имѣлъ ни хозяйства, никакой собственности и готовъ былъ только служить другимъ, но и это ему не дано.

Шель онъ безцѣльно, куда глаза глядятъ, одинокій, покинутый, какъ птица, выброшенная изъ стаи, съ перебитымъ крыломъ, и думалъ, за что свалилось на него это послѣднее несчастье?... Вѣдь и присталъ онъ къ дружинѣ вслѣдствіи безвыходной крайности, а не изъ желанія легкой наживы, какъ тѣ гадзы, которые владѣли собственнымъ хозяйствомъ и проживали какъ мирные сосѣди со своими односельчанами, а между тѣмъ тайкомъ отъ всѣхъ приставали къ опрышкамъ, наводили ихъ на жилища своихъ друзей и пріятелей и участвовали въ дѣлежѣ награбленной у нихъ добычи. А вѣдь онъ не разбойничалъ на большихъ дорогахъ, не убивалъ безоружныхъ поселянъ—напротивъ, не разъ случалось защищать и отстаивать передъ товарищами не одного изъ нихъ. Никому онъ не измѣнялъ, даже разбойникамъ, хотя къ этому и представлялся удобный случай, и его даже пытались склонить къ этому. А какъ относились къ

нему окружающіе люди?... Однѣ обиды и притѣсненія выпадали ему на долю отъ начала и до конца жизни! Стоитъ ли послѣ этого жить на свѣтѣ?

Онъ не хотѣлъ еще поддаваться отчаянію, не хотѣлъ допустить, чтобы мрачныя мысли взяли перевѣсъ въ его душѣ надъ благими намѣреніями, и заходилъ въ каждую, скольконибудь достаточную хату, умоляя принять его въ услуженіе, но всюду встрѣчалъ одинъ отказъ. Или ужъ на лицѣ его лежитъ такая печать отверженія, что люди боятся впустить его въ свои мирныя хаты?... Или онъ заклеимленъ проклятіемъ отъ самаго рожденія?...

Съ такими мыслями Тарасъ вышелъ на берегъ Черемоша; у ногъ его глубоко въ ущельи пѣнился и бурлилъ могучій потокъ, ниспадая по скаламъ и далеко оглашая окрестности дикимъ и грознымъ ревомъ. Солнце заходило какое то угрюмое и мрачное, тучи собирались на небѣ; въ воздухѣ царила то особенное затишье, наводящее страхъ и тоску, которое предшествуетъ бурѣ. Приближалась „злая година“.

Тарасъ поглядѣлъ внизъ. Теперь одинъ прыжокъ могъ избавить его отъ бремени всей жизни. Но въ то же мгновеніе все его прошлое встало передъ глазами. Онъ снова видѣлъ Ворохту, протекавшій среди долины Прутъ и тѣ мѣста, гдѣ онъ бѣгалъ еще ребенкомъ; и еще одинъ образъ, самый грустный, всталъ въ душѣ. Ему сдѣлалось жалко... захотѣлось еще разъ передъ кончиною видѣть родную сторону и тѣхъ людей, которыхъ знавалъ въ молодости; хоть ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ ему ничего добраго въ жизни, но все же его тянуло еще разъ увидѣть тѣхъ, которые были свидѣтелями его молодыхъ лѣтъ... увидѣть еще разъ одну женщину!.. Можетъ быть, она проститъ его? Потому что тяжело оставлять свѣтъ, унося съ собою проклятія тѣхъ, кого любилъ.

XVI.

Перебравшись черезъ лѣсистый, остроконечный хребтъ „Костричи“, Тарасъ уже спускался въ глубокую долину Прута.

Издалека еще до слуха его доносились отголоски громкаго гула и рева горной рѣки. Онъ былъ сильно изнуренъ труднымъ переходомъ и старыя раны давали себя чувствовать, но несмотря на усталость, шумъ родной рѣки какъ будто приносилъ далекіе отголоски давно минувшихъ лѣтъ. Онъ спѣшилъ туда, по временамъ останавливаясь отдохнуть, и, собравшись съ силами, продолжалъ спускаться въ долину.

Столько разнородныхъ воспоминаній изъ прежней жизни тѣснилось въ головѣ, заглушая всякую мысль о настоящемъ, что онъ шелъ словно пьяный и не сознавалъ, что ему съ каждою минутою становилось все хуже и хуже. Дыханіе, прерываясь въ груди, дѣлалось все труднѣе и чаще, раны жгло, какъ огнемъ, въ лицу приливала горячая кровь. Силы оставляли его съ каждою минутою, разбирала лихорадка, горячее дыханіе жгло и сушило его губы. Онъ часто принужденъ былъ садиться, но превозмогая боли, подымался и шелъ дальше.

Наконецъ, спустился онъ въ долину Прута, узкую, каменистую, мѣстами очень тощую. Здѣсь путь ему затрудняли обрушившіеся стволы смерекъ, покрытые мхомъ, полустлѣвшіе, наполнявшіе длинную, узкую долину. То тамъ, то сямъ наткнулся онъ на острия, торчація между ними скалы, попадалъ въ болота и трясины и все шелъ впередъ, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями. То онъ въ изнеможеніи принужденъ былъ отдыхать каждую минуту, то призывалъ на помощь остатки послѣднихъ силъ и снова шелъ впередъ и впередъ.

Вотъ уже близко, онъ почувалъ уже воздухъ Ворохты, это придадо ему силъ и бодрости. Хотя и не много радости видѣлъ онъ тамъ, но каждому дороги тѣ мѣста, гдѣ протекло его дѣтство. Путникъ озирался на право и на лѣво, припоминая каждый поворотъ, каждую тропинку, едва ли не каждую кучку смерекъ. Онъ вдыхалъ уже освѣжающій запахъ *царынъ* и казалось, что силы его прибываютъ, но это было только обманчивое временное возбужденіе. Передъ нимъ проходила вся его молодость и ему казалось, что онъ въ самомъ дѣлѣ помолодѣлъ.

Наконецъ передъ глазами его открылось, какъ на ладони, родное село съ его долиною. Тарасъ невольно опустился на

колѣни и слезы покатились изъ глазъ. Онъ такъ давно не плакалъ; это бывало когда то много лѣтъ назадъ, когда онъ былъ еще невишнимъ ребенкомъ.

Теперь онъ шель, едва передвигая ноги, шатаясь какъ пьяный. Иногда останавливался, взглядываясь въ прохожаго, словно искалъ чего то въ памяти, и грусть набѣгала на лицо при воспоминаніи, что съ тѣхъ поръ прошло уже столько лѣтъ. Онъ уже не тотъ теперь и люди не тѣ; смотреть на него и не узнають. Неужели онъ такъ сильно измѣнился, что ничего не осталось отъ прежняго *лешня*?

Были даже минуты, когда онъ подзываетъ встрѣчнаго ая пути ребенка, встревоженнаго видомъ чужаго человѣка, и присматривался вблизи, не тотъ ли это самый, котораго онъ видалъ когда то; а послѣ самъ надъ собою смѣялся, припоминая, сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ.

Наконецъ силы измѣнили ему, онъ не могъ идти дальше; ноги дрожали и подкашивались, онъ сѣлъ при дорогѣ и грезилъ полусонный, самъ не сознавая, сколько времени прошло такимъ образомъ. Воздухъ былъ такой упоительный, нѣжащій,—больной заснулъ, а когда проснулся, ночь уже наступила и мѣсяць свѣтилъ на небѣ. Онъ посмотрѣлъ вокругъ, но не успѣлъ порядкомъ разглядѣть, гдѣ онъ, какъ голова упала, глаза закрылись сами собою, онъ началъ хрипѣть, то пробуждаясь, то снова засыпая; лице пылало при блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца. Сквозь сонъ произносилъ онъ отрывочныя слова, то вскрикивалъ, то умолкалъ, а когда проснулся, уже наступило утро; онъ началъ осматриваться, стараясь припомнить гдѣ онъ и какимъ образомъ очутился здѣсь. Голова была тяжела, какъ камень, жгло въ груди, его разбирала лихорадка. Нѣсколько разъ пробовалъ онъ вставать и въ изнеможеніи опускался на землю; наконецъ собралъ послѣднія силы и съ трудомъ побрелъ дальше, едва передвигая ноги. Вдругъ онъ повстрѣчалъ женщину изъ села, спѣшившую къ Пруту за водою.

Она пристально посмотрѣла на больнаго, припоминая что то, вздрогнула всѣмъ тѣломъ и прошептала въ волненіи:

— Далеби!.. это онъ!.. Господи Боже!

Тарасъ тоже смотрѣлъ на нее, не спуская глазъ, и думалъ, во снѣ ли все это происходитъ, или онъ грезитъ на яву:

— Нѣтъ! этого быть не можетъ!.. и какъ бы оно случилось именно теперь?.. Вѣдь это не можетъ быть она?

— Да! та самая!..—Она опустила глаза, полные глубокой скорби. Онъ смотрѣлъ на нее съ состраданіемъ, словно не вѣрилъ, что это была та самая дѣвушка: столько горя и страданія выражалось на этомъ нѣкогда прекрасномъ, молодомъ лицѣ.

— Недоля ходить по людяхъ, а не по лиси... Но я сразу узнала тебя... О тебѣ рассказывали такъ много дурнаго... Но ты выглядишь не такъ, какъ тѣ!..—Вѣдь ты не разбойничаешь? Не правда ли? Ты не нападаешь на людей?—прибавила она.

— Я нападаю вмѣстѣ съ такими же, какъ самъ, разбойниками... онъ опустил голову, какъ преступникъ подъ тяжестью обвиненія.—Не надѣялась видѣть такого разбойника? Правда, я похожъ на злодѣя? Всякій, кто видитъ меня, убѣгаетъ съ проклятіемъ! онъ горько усмѣхнулся.

— Нѣтъ!.. ты говоришь это не серьезно... Тебя несчастье толкнуло на эту дорогу... клянусь Богомъ одно несчастье... Однако ты уже оставилъ ихъ!.. Вѣдь ты долженъ былъ оставить?.. Не правда ли, ты давно уже бросилъ тѣхъ?..—она съ нетерпѣніемъ ожидала отвѣта.

— Да, я оставилъ ихъ... но все таки былъ съ ними и грабилъ. На мнѣ тяготитъ преступленіе и ты презираешь меня теперь? О! ты никогда не простишь мнѣ того, что я сдѣлалъ тебя сиротою?.. Но, повѣрь мнѣ, это было невольно... Клянусь тебѣ—невольно. Мнѣ не долго уже осталось жить на свѣтѣ: старыя раны раскрываются и что то жжетъ въ груди... такъ сильно... Смотри, какой я сдѣлался слабый. Не много ужъ мнѣ осталось, такъ я передъ смертью не стану лгать. А я тебѣ правду говорю, что не хотѣлъ его смерти.

Олена смотрѣла на него и отвѣчала въ полголоса:

— Но вѣдь ты не убилъ его... Сохрани Богъ, чтобы ты убилъ моего отца.

И рассказала все, о чемъ онъ не зналъ; описала смерть отца, который умеръ совсѣмъ не черезъ него, а самъ по себѣ.

А у Тараса словно рай раскрылся въ душѣ; онъ былъ растроганъ и румянецъ еще разъ живо заигралъ на лицѣ, а на сердцѣ становилось такъ легко и отрадно. Однако это волненіе лишило его послѣднихъ силъ; онъ едва могъ произнести дрожащимъ голосомъ:

— Такъ ты одна теперь?.. Развѣ тебя не отдали замужъ!

— Да гдѣ ужъ не отдали? Пристала мать, присталъ дядя и отдали меня несчастную за другаго. Но, какъ не хотѣлось мнѣ выходить за него, такъ и счастья съ нимъ не было. Это всё знали.

Тарасъ задумался.

— Почему же ты не хотѣла за него идти?.. Вѣдь тебѣ нуженъ былъ газда!

— Матери онъ былъ нуженъ и нашему хозяйству, а не мнѣ, я... я уже...

Тарасъ поблѣднѣлъ. Онъ не могъ допустить, чтобы эта женщина за нимъ, черезъ него... Это была бы ужасная насмѣшка судьбы.

— Но ты болѣнь?.. Ты голодень?.. пойдѣмъ къ намъ въ хату.

Больной тяжело вздохнулъ

— Я къ тебѣ въ хату не могу идти...

— Почему же?.. Или ты пренебрегаешь мною? Я для тебя все та же... Столько лѣтъ тосковала за тобою... и при немъ... Онъ не былъ моимъ мужемъ; его приняли только какъ газду для хозяйства, а я была только жертвою... Ахъ! что это за жизнь была?.. Но все это уже прошло: Богъ прибралъ его. Не буду говорить о немъ дурно—мы оба не были созданы другъ для друга... Но я справила ему *похоронъ*, какъ слѣдуетъ, оплакала его, хоть мнѣ и тяжело было съ нимъ... Ой! очень тяжело... и теперь даю за его душу.

Тарасъ молчалъ и думалъ:

— Она теперь свободна и можетъ быть... несчастная... думаетъ обо мнѣ, не зная, кто я для нея... Ахъ! Господи милостивый! Между тѣмъ жаръ усиливался, болѣзненная краска покрывала лице, волненіе еще болѣе ухудшало состояніе, больного. Только чрезвычайное усиліе воли и привычка къ труду еще отчасти поддерживали его, но онъ уже не въ силахъ былъ подняться.

Олена принуждала его идти въ хату, чтобы отдохнуть и подкрѣпиться, онъ отказывался и слегка отстранялъ ее рукою.

— Ради самаго Бога! не тащи меня въ свою хату... Не поминай о томъ, что было... Я не зналъ тогда и ты тоже не знала... Не наша въ томъ вина... Можетъ быть другіе... но, не намъ судить ихъ. Слушай! Я никогда не могъ быть твоимъ мужемъ... это была тяжкая ошибка.

Олена смотрѣла на него въ тяжелемъ недоумѣніи и вдругъ залилась слезами.

— О! не говори этого! Я такъ долго горевала. Наконецъ, ты пришелъ черезъ столько лѣтъ, чтобы сказать мнѣ...

— Да, несчастная, чтобы сказать тебѣ... Боже! дай мнѣ силы! я былъ твоимъ братомъ — прибавилъ онъ тише, словно самъ испугался своихъ словъ и кровь какъ будто начала убывать изъ сердца.

— Ахъ! проклинай судьбу, несчастная дивчина!

Она смотрѣла, не понимая его словъ.

— Да, твой отецъ былъ и моимъ. А моя несчастная мать, которую онъ обманулъ! Она умерла такъ рано, въ такой нищетѣ!

Женщина стояла все въ той же позѣ, смотрѣла на него неподвижнымъ, потеряннымъ взглядомъ.

Наступило молчаніе. Казалось въ воздухѣ чувствовалось какъ приближалась минута, которая дважды не приходитъ въ жизни человѣка. Больной дышалъ тяжело и порывисто, черты его съ каждою минутою замѣтно обтягивались и обострялись, глаза подергивались туманомъ, въ груди начиналось хрипѣніе. Олена испугалась, хотѣла помочь, но напрасно. Онъ еще махалъ руками, какъ бы хватая воздухъ, но силъ уже не было и онъ упалъ во всю длину съ раскрытымъ ртомъ, съ стеклянными глазами... А когда солнце выглянуло изъ за тучи, его уже не было. Только слышно было шепотъ молитвы. Теперь она осталась одна на свѣтѣ чтобы замаливать грѣхи отца и брата.

К. М.

ОСАДА и ВЗЯТІЕ ОЧАКОВА (1788).

I.

О пали, пали,—съ звукомъ съ трескомъ
Пѣшець и всадникъ, конь и флотъ!
И самъ со громкимъ вѣрныхъ плескомъ
Очаковъ, силы ихъ оплотъ!

Расторглись крѣпки днѣсь заклєнны,—
Самъ Бугъ и Днѣпръ хвалу рекутъ;
Струн Днѣпра великолѣбны
Шумные въ море потекутъ!

Такіе стихи, если и невыразительные, то написанные отъ чистаго сердца, готовила Императрица Екатерина II для встрѣчи своего любимца, свѣтлѣйшаго князя Римской Имперіи, осыпаннаго уже чинами, почестями и орденами отъ разныхъ дворовъ, когда онъ въ началѣ 1789 г. возвращался въ Петербургъ по взятіи Очакова¹⁾. Встрѣча триумфатору-побѣдителю готовилась грандіозная: все должно было ликовать, и дѣйствительно, все искренно ликовало вмѣстѣ съ Императрицей. Даже соперники и недоброжелатели свѣтлѣйшаго князя Потемкина забыли на время свою зависть: все понимали, что только взявъ Очаковъ, Россія прочною погою ступила на берегъ Чернаго моря и уже фактически завладѣла землями между Бугомъ и Днѣстромъ.

А взять этотъ Очаковъ было не такимъ легкимъ дѣломъ, какъ казалось то Императрицѣ за годъ и полтора до его паденія. Много пережила она мучительныхъ минутъ за время отъ начала войны.

¹⁾ Рус. Старина, 1875, июнь, стр. 161.

которая была объявлена еще 7 сентября 1787 г., до того момента, когда пришло извѣстіе, что 6 декабря 1788 г. пали твердыни Очакова—и „цѣшоць и всадникъ и флотъ турецкій“. Когда по объявленіи войны поручено было Румянцеву вести 32 тысячную, а Потемкину 78 тысячную армию, при чемъ на расходы первой отпущено 1¹/₂ милліона, а второй 3 милліона рублей, Императрицѣ казалось еще, что взять Очаковъ—дѣло не болѣе мѣсяца. Она такъ недавно еще была на Днѣпрѣ для обзорѣнія „своего маленькаго хозяйства“, которое ей такъ понравилось. Она видѣла чудеса, показанныя ей княземъ, и обстановка жизни въ осмотрѣнномъ ею краѣ представлялась ей далеко не такою, какою она была въ дѣйствительности. Одинъ изъ ея спутниковъ, бывший въ Тавридѣ, Кременчугѣ и Херсонѣ за два мѣсяца до ея пріѣзда туда—„не понималъ, что то было такое, что князь тамъ хотѣлъ показать Ея Величеству“. Но когда онъ пріѣхалъ въ тѣ же мѣста съ государыней, то—„Богъ знаетъ, что за чудеса явились! Чортъ знаетъ откуда взялись строения, войска, людство, татарва, одѣтая пре-красно, козаки, корабли... Ну, ну Богъ знаетъ что!“¹⁾

Подъ впечатлѣніемъ многолюдства и благоустройства края Императрицѣ вѣрилось, что ея другъ и любимѣйшій изъ подручниковъ, „сынъ счастья и славы“—Потемкинъ лишь только прійдетъ, увидитъ—и покоритъ Очаковъ: „не знаю почему мнѣ кажется, писала она Потемкину 23 сентября 1787 г., что А. В. Суворовъ въ обманъ возьметъ у нихъ (т. е. у турокъ) Очаковъ“²⁾. Но дѣйствительность требовала другаго: вести и содержать войска въ малолюдной стени было не такъ легко; а дѣйствовать новоиспеченнымъ флотомъ съ моря нужно было умѣючи. И вотъ когда за смѣлымъ контръ-объявленіемъ войны въ столицѣ только и говорили про каждаго курьера, пріѣзжавшаго съ юга, что онъ „конечно привезъ извѣстіе о взятіи Очакова“, а на самомъ дѣлѣ отъ главнокомандующаго южной екатеринославской арміей шли печальныя извѣстія о сдѣланныхъ ошибкахъ и о томъ, что война все еще ведется не наступательная, а оборонительная, Екатерина впадала въ уныніе.

¹⁾ Рус. Старина 1876 г. янв. стр. 33.

²⁾ Ib. 1876 г. июнь, стр. 244.

Потемкинъ тоже сначала погорячился, давъ флоту приказаніе выступить изъ Севастополя въ море. Осеннія черноморскія равноденственныя бури разбили подъ Варною этотъ флотъ, которымъ Потемкинъ думалъ „черезъ годъ предписывать законы Царюграду“. Корабли и большіе фрегаты пропали, остались— „все малыя и ненадежныя суда“. Князь писалъ Императрицѣ, что его „Богъ бьетъ, а не турки“, и впасть въ ипохондрію. Въ Петербургѣ это дало возможность злымъ языкамъ издѣваться надъ распоряженіями великолѣпнаго князя Тавриды и выражать сомнѣнія на счетъ его счастливой звѣзды, разумѣется тоже въ видѣ колкихъ замѣчаній о слухахъ съ юга.

Моля Бога о спасеніи Кинбурна, который осадили турки съ моря, умоляя князя не малодушествовать и беречь свое здоровье, потому что благо и слава Имперіи поручены теперь его заботамъ, Императрица писала между прочимъ Потемкину: „А публика ищетъ въ свою пользу, и морскіе бои и баталіи складываетъ и Царьградъ бомбардируетъ!“¹⁾ Послать изъ Балтійскаго моря въ Средиземное новый флотъ подъ командою Грейга на замѣну почти уничтоженнаго севастопольско-херсонскаго флота Императрица уже рѣшила. Но она низачто не хотѣла передать главную команду надъ войскомъ Румянцеву, устранивъ отъ арміи Потемкина, какъ о томъ просилъ ее послѣдній. Даже, пославъ въ его руки уже распоряженіе о передачѣ арміи Румянцеву, она убѣждаетъ его, какъ „лучшаго друга, воспитанника и ученика не рѣшаться на такой шагъ и сдѣлать таки предпріятіе *на Очаковъ либо Бендеры*“. И въ то же время она его упрекаетъ въ томъ, что онъ нетерпѣливъ, какъ пятилѣтній ребенокъ.

„...Честь моя и собственная княжая, говорила Екатерина въ октябрѣ 1787 года,—требуютъ, чтобъ онъ не удалялся въ нынѣшнемъ году изъ арміи, не сдѣлавъ какого нибудь славнаго дѣла,— *хотѣлъ Очаковъ взяли!* Богъ знаетъ почему онъ унываетъ и почти печальныя письма пишетъ. Должно мнѣ теперь весь свѣтъ удостовѣрить, что я, имѣя къ князю неограниченную во всѣхъ дѣлахъ довѣренность, въ выборѣ моемъ не ошиблась“²⁾. Закравшееся

¹⁾ Ibidem, стр. 244.

²⁾ Рус. Старина, 1876, февр. стр. 263.

въ ея душу сомнѣніе въ успѣхъ дѣла дало ей много жестоко мучительныхъ дней втеченіе всей осени и зимы того года. По словамъ Гарновскаго она была „въ великой задумчивости“, скучала и часто „со слезами на глазахъ пеняла на князя“, за то, что онъ по долгу ей не пишетъ.

„Что обо мнѣ думаютъ?“ вырвалось у ней однажды восклицаніе въ декабрѣ того же года: „еслибы князь зналъ, каково у меня на сердцѣ, то бы онъ не мучилъ меня долговременнымъ своимъ молчаніемъ“¹⁾.

Первое извѣстіе о нечеловѣческомъ геройствѣ Суворова, который съ 1000 человекъ въ Кинбурнѣ отбился 1-го октября отъ нападенія съ моря Юсуфъ-паши съ отрядомъ 5300 душъ, привело Екатерину въ восторгъ тѣмъ болѣе, что специалисты военнаго дѣла трактовали объ этой побѣдѣ Суворова, какъ о чемъ то почти невозможномъ. „Распоряженія турковъ при десантѣ и атакѣ Кинбурна, говорили они, разсматривая присланный планъ сраженія,— въ пору было бы и покойному королю Фридриху“. Но несмотря на всѣ выгоды положенія турокъ, Суворову удалось какимъ то чудомъ уничтожить всѣхъ нападающихъ, такъ что отъ ихъ десанта, напавшаго изъ Очакова, не осталось ничего: „коса и окружающія оную воды остались покрыты ихъ трупами“, писалъ въ реляціи своей Потемкинъ. Дѣло не обошлось безъ тѣхъ пріемовъ гениальнаго полководца, которые потомъ вошли въ анекдотическую часть почти миѳическихъ сказаній о Суворовѣ: когда сбитые съ мѣста солдаты его побѣжали, онъ упалъ на землю и требовалъ, чтобъ прежде его растоптали, а тогда уже бѣжали, куда глаза глядятъ. Только это, говорятъ, и вывезло суворовскій гарнизонъ, хотя самъ полководецъ въ письмѣ своемъ отъ 3-го октября и въ реляціи о побѣдѣ (отъ 7-го) приписывалъ весь поворотъ къ смѣлости въ рядахъ — герою гренадера Новикова: „позвольте, свѣтлѣйшій князь, замѣтить, говоритъ онъ: и въ нижнемъ званіи бываетъ герой!“

Турки, кромѣ наступленія пѣшими войсками на косъ, стрѣляли бомбами, ядрами и картечами съ судовъ, расположившихся въ полувыстрѣлѣ по берегу лимана; Суворову одна бомба засыпала пескомъ

¹⁾ Рус. Старина, 1885 г. Ноябрь, 449.

лицо, одна картечь попала подъ сердце, пулею прострѣлило руку, а „лошади мордочку отстрѣлили“, какъ писалъ онъ своей дочери въ Смольный институтъ. Но это не мѣшало ему быть по прежнему дѣятельнымъ: на другой и третій день онъ опять мерзъ на батареяхъ, высматривая, что будутъ дѣлать турки, а за писаніемъ реляціи впадалъ въ забытѣе отъ истощенія послѣ ранъ. Отправляя молебень по случаю этой побѣды, императрица сказала: „Хорошо, что Александръ Васильевичъ поставилъ насъ на колѣни, но жаль, что старика ранили!“ Она хотѣла дать „старикѣ“ Андреевскую ленту, но изъ за „консидерацій“ не рѣшалась на то безъ представленія со стороны Потемкина; въ письмѣ къ послѣднему она просила у него по этому дѣлу „дружескаго совѣта“; для остальныхъ же кинбурнскихъ героевъ собственноручно укладывала въ коробочку всѣ ленты къ орденамъ, которыя „съ великимъ трудомъ пріисканы могли быть“ въ столицѣ.

Въ столицѣ вѣсть о побѣдѣ губернаторъ торжественно читалъ народу, и ей радовались болѣе чѣмъ другимъ, желая хоть тѣмъ утѣшить императрицу. Она и сама себя хотѣла бы утѣшить, но не могла не печалиться, когда приходили вѣсти, что для войска мало хлѣба найдено въ Польшѣ, а изъ Галиціи австрійцы ничего не хотятъ дать, оберегая запасы для себя. Утѣшая главнокомандующаго, она велѣла ему на ея собственные средства закупить тысячъ на сто барановъ и быковъ на мясо солдатамъ. Всѣ эти заботы не давали ей покою и отзывались на состояніи здоровья; впоследствии она признавалась Потемкину, что съ 1784 года до 1790 портные все „убавляли ей платя“, и только въ 1790 году они оказались узкими, такъ что стало необходимо „наки прибавить мѣру“¹⁾.

Австрійскій императоръ медлилъ принять активное участіе въ войнѣ, а французскій дворъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы помирить Россію съ Турціей. Но мириться, когда настоящая война еще и не начиналась, а къ ней только дѣлались запоздалыя приготовленія, было непрактично, да и требованія со стороны Турціи могли бы быть слишкомъ унижительно для державы, задумавшей покончить съ магометанскимъ міромъ посредствомъ „греческаго прожекта“.

¹⁾ Рус. Старина, 1875 г. окт. 227.

Не весело было и князю Петемкину. Проводивъ императрицу до Харькова послѣ ея путешествія съ императоромъ римскимъ и королемъ польскимъ въ Херсонъ и Крымъ, онъ оставался нѣкоторое время въ Кременчугѣ. а затѣмъ переѣхалъ въ Елисаветградъ. Еще въ концѣ лѣта 1787 года никто не зналъ въ столицѣ, что будетъ дальше, куда и какое князь получить назначеніе. А его судьба интересовала всѣхъ. Говорили, будто онъ собирается ѣхать въ Варшаву: „тамъ долженъ быть чрезвычайный сеймъ, на которомъ выберутъ Его Свѣтлость въ наслѣдники королю польскому“¹⁾. Князь же тѣмъ временемъ сидѣлъ въ Елисаветградѣ, дѣлалъ какія то непонятныя распоряженія на мѣстѣ, а въ столицу писалъ, что крайне необходимъ „сильный наборъ“ по 3 души съ 500 человекъ. Наконецъ, когда война была объявлена, ему пришлось формировать армию вдали отъ береговъ Чернаго моря, которые были открыты для нападеній турокъ. Гибель у Варны флота, на постройку котораго было истрачено столько милліоновъ и который такъ ласкалъ взоры императрицы въ бытность ея въ Херсонѣ и Севастополь; безпорядки по постройкѣ Херсона и его верфи; невозможность строить тутъ новые корабли, — все это не давало Потемкину спать. На показъ императрицѣ — и городъ Херсонъ, и его верфь были хороши, но для серьезнаго дѣла оказывались несостоятельными. Октябрь и ноябрь князь провелъ въ лихорадочной дѣятельности, хотя и въ уныніи, граничащемъ съ отчаяніемъ. 13-го октября онъ поѣхалъ „въ Херсонъ, Кинбурнъ и на флотъ“, и сдѣлалъ за 10 дней 700 верстъ. Императрицѣ писалъ онъ поэтому рѣдко, но уже утверждалъ, что теперь нужно слѣдовать пословицѣ: „тише ѣдешь, дальше будешь“. 24-го ноября мы опять видимъ его въ Херсонѣ, откуда онъ пишетъ Суворову въ Кинбурнъ; „тутъ все очень запутано, и полки на работѣ египетской, коихъ и внутренность не у всѣхъ исправна“²⁾.

Нужно было думать и объ оборонѣ Херсона, и объ осадѣ Очакова, и объ укрѣпленіи Кинбурна; но и изъ Херсона оторвать людей и дать ихъ на помощь Кинбурну было нельзя; нельзя было не думать и о флотѣ, такъ какъ „буря, которая по выраженію импе-

¹⁾ „Рус. Старина“, 1876 г. февраль, 241.

²⁾ „Рус. Стар.“ 1875. май, 22.

ратрицы, шелкала севастопольскій флотъ, сдѣлала оный совѣзмъ неупотребительнымъ“ и онъ чинился въ Севастополь. Государыню очень интересовало, правда ли, что корабль, названный „Слава Екатерины“, брошенный на произволь судьбы адмираломъ Войновичемъ, попался въ руки турокъ. Она просила Потемкина, если это такъ, переименовать корабль.

А въ столицѣ злые языки распространяли слухи, что постройка Херсона изъ камня, приведшаго въ восторгъ императрицу, тоже — не совѣзмъ чистое дѣло.

— Охъ ужъ эта плита! говорилъ нѣкій Архаровъ: кричали, писали о Херсонѣ, а сами же и говорятъ тѣ, которые тамъ были, что настроивши изъ плиты домовъ, жить кромѣ мазанокъ негдѣ¹⁾.

Въ декабрѣ, по свидѣтельству Гарновскаго, „нѣкоторые возымѣли дерзость даже судить, что будто бы случившійся въ Херсонѣ пожаръ есть ничто иное, какъ вымыселъ Корсакова (строителя Херсона), который, желая обогатиться, вознамѣрился показать бывшія въ вѣдомствѣ его деньги погибшими въ пожарѣ и строенія такія погорѣвшими, которыхъ никогда не существовало“²⁾.

Насколько въ этихъ слухахъ было правды,—для Потемкина было безразлично, ибо сама императрица во время своего путешествія признала вполне способными людей, выбранныхъ имъ для постройки Херсона; но осмотръ Херсона показалъ ему, что наскоро тутъ не построишь кораблей; безъ нихъ же нападать на Очаковъ только съ суши было бы безразсудно. Обѣщанный флотъ изъ Балтійскаго моря могъ прійти въ Архипелагъ очень поздно, могъ понадобиться, наконецъ, и на сѣверѣ въ виду осложненія отношеній съ Швеціей (какъ то дѣйствительно и случилось впоследствии). Императрица же писала князю: „понеже кинбурнская сторона важна, а въ оной покой не можетъ быть, *дондеже Очаковъ существуетъ въ рукахъ непріятеля, то поневоля нужно подумать объ осадѣ его*“³⁾.

Приходилось создавать флотъ почти изъ ничего. Много ночей не поспалъ свѣтлѣйшій князь и много ногтей изгрызъ по своему

1) „Рус. Стар.“ 1876, февр., стр. 244.

2) Ib. 1876. мартъ стр. 492.

3) Ib., 1876, июнь, 257.

обыкновенію, почесывая при этомъ затылокъ, пока нашелъ возможнымъ изъ ничего создать кое что. Начало къ выходу изъ этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ положено было еще раньше. Еще въ бытность императрицы въ Кременчугѣ запорожскіе старшины Сидоръ Бѣлый и Антонъ Головатый, несмотря на разгромъ Сѣчи, поднесли Ея Величеству отъ имени своего уничтоженнаго войска адресъ, въ которомъ просили позволенія служить по прежнему. Уже 20-го августа имъ разрѣшено было собирать волонтеровъ конныхъ и пѣшихъ „для лодокъ“, при чемъ оба эти запорожца названы были „секундъ майорами“¹⁾. Отпущенъ былъ для нихъ провіантъ и фуражъ, обѣщана земля, и вотъ въ Бериславъ стали собираться къ новому начальству закаленные въ Сѣчи „лицари“, разбредшіеся было по хуторамъ, но не желавшіе попасть въ крѣпостные къ новой аристократіи, размежевавшей между собой ихъ земли.

Въ октябрѣ еще одинъ такой запорожець Харько Чепига (въ ордерахъ Потемкина называемый то Харитономъ, то Захаріемъ) также предложилъ свои услуги собрать волонтеровъ — „къ изъявленію противъ враговъ христіанства мужественныхъ подвиговъ своихъ“. Его услуги тоже были приняты. Понемногу стало составляться новое войско „вѣрныхъ запорожскихъ козаковъ“.

Такъ сбывалось пророчество пѣсни про разоренье Сѣчи:

„Зруйнували Запорожжя,

Буде колысь треба!“

Но неужели Грицьку Нечосѣ, бывшему братчику Кушевскаго куриня, такъ вѣроломно поступившему съ представителями славнаго войска запорожскаго при уничтоженіи Сѣчи въ 1775 г., необходимы были эти заигрыванья передъ какою нибудь тысячею оборванныхъ „бродягъ“, недавно еще квалифицированныхъ имъ, какъ людей ни къ чему непригодныхъ кромѣ буйства, — теперь, когда онъ стоялъ во главѣ чуть не стотысячной арміи? Дѣйствія и факты говорятъ, что въ самомъ дѣлѣ пришло время пожалѣть объ уничтоженіи запорожскаго козачества.

Хотя армія, въ виду предполагавшейся новой войны съ Турціею, была переформирована въ 1783 г. и увеличена въ 1785 и

¹⁾ Короленко, Черноморцы, Спб., 1874, стр. 213.

1786 г., а на порохъ и свинець ежегодно стали отпускать по 23,000 р., но чтобы поразить агарянъ въ ихъ „кочовыскахъ“, показанной выше цифры войска было недостаточно, — не потому, чтобы она была мала, а потому, что войско не было приготовлено все на мѣстѣ, когда врагъ имени христіанскаго, какъ было сказано въ манифестѣ, „увѣнчалъ коварство наглостью“, посадивъ министра и посла Булгакова въ тюрьму, и когда второпяхъ была объявлена война ¹⁾. На это указываетъ письмо императора австрійскаго Іосифа II къ фельдмаршалу Ласси отъ 7 — 19 мая 1787 г. изъ Койдака, гдѣ онъ встрѣтилъ императрицу во время ея путешествія на югъ. Такъ какъ онъ вступилъ съ императрицею въ переписку по вопросу объ изгнаніи изъ Европы „врага имени Христова“ еще въ 1781 — 1782 г., когда между ними и состоялось секретное соглашеніе по „великому плану“ созданія греческой имперіи и христіанскаго княжества Дакіи, то побѣдка его съ императрицею по берегу Днѣпра въ Херсонѣ и Крымѣ имѣли для него значеніе личнаго ознакомленія съ царствомъ, съ которымъ онъ вступилъ въ договоръ. Сообщая о всемъ, что онъ видѣлъ, онъ писалъ своему фельдмаршалу, что „вмѣсто 100,000 войска, о которыхъ говорили, въ этой области едва найдется 40,000“, и прибавлялъ при этомъ: „еще Богъ вѣсть, каково въ другихъ областяхъ, которыхъ я не видѣлъ. Всю легкую кавалерію приходится довольствоваться однимъ подножнымъ кормомъ; овса нѣтъ вовсе въ этихъ степяхъ, гдѣ почти нечего ѣсть, и у лошадей подвело порядкомъ животы“ ²⁾. Лѣтомъ онъ возвратился изъ степей южнорусскихъ домой, вовсе не предполагая, что война съ Турціею начнется такъ скоро. Зимой, по словамъ императрицы, ей нельзя смѣло рассчитывать на помощь Австріи, такъ какъ по договору декабрь, январь и февраль исключались изъ движенія войскъ. Цесарь, по ея словамъ, также „не болѣе какъ и мы ожидалъ войны, какъ и мы также не готовъ“ былъ, и потому втеченіи всей осени не сдѣлалъ ничего. А на мѣстѣ у Румянцова и Потемкина было еще очень мало войска. Румянцевъ писалъ императрицѣ, что „козаки не бывали къ нему“, что нужно дѣлать подвижные мосты для перевоза артилле-

¹⁾ Полное Собр. Зап. ХХІ. №№ 16.508, 16.567.

²⁾ „Русскій Архивъ“, 1880, кн. 1, стр. 357.

ріи. Потемкинъ просилъ прислать къ нему Преображенскую бомбардирскую роту для осады Очакова, пригласить въ адмиралы Кингсбергена, такъ какъ по его соображенію выходило. „что въ трехъ мѣстахъ надобно будетъ флотомъ брать“. На помощь Суворову онъ просилъ прислать флигель-адъютантомъ его племянника Горчакова. О состояніи войскъ онъ не писалъ; но если мы обратимся къ характеристикѣ этого состоянія, какую сдѣлалъ будущій союзникъ Россіи Іосифъ II, то можемъ придти къ заключенію, что оно было плачевное. Солдаты, получавшіе по 1^{1/2} руб. въ годъ, часто ходили безъ рубахъ; комплектъ полковъ былъ далеко не полный: полкъ долженъ былъ состоять изъ 4-хъ батальоновъ по 4 роты въ 200 солдатъ въ каждомъ; на дѣлѣ же полки состояли развѣ изъ 700 человекъ. Корабли, построенные изъ сыраго лѣса, по мнѣнію Іосифа, годились только для показа императрицѣ, а затѣмъ имъ предстояло гнить; матросы, набранные только что въ рекруты, не умѣли лазить по мачтамъ, падали и ломали руки и ноги и т. д.¹⁾

Тѣмъ временемъ въ прибывшихъ уже на мѣсто войскахъ начались болѣзни. „Что у тебя больныхъ много, — сіе весьма печально слышать“, — или „о томъ весьма жалѣю“, — не разъ писала Екатерина Потемкину въ теченіе осени и зимы, требуя отъ него ежемѣсячныхъ рапортовъ объ убыли въ войскахъ. Но за развѣздами и хлопотами онъ и этого не успѣвалъ дѣлать, такъ что императрица упрекала его: „изъ всѣхъ губерній я имѣю донесенія по два раза въ мѣсяць, а изъ губерній моего имени и разъ въ мѣсяць не могу добиться: *c'est me faire mourir de mille morts, mais pas d'une*“²⁾.

Далеко не все на театрѣ войны шло, какъ по писанному; оттого Потемкинъ или ничего не писалъ, или если и писалъ вначалѣ, то только отчаянные письма, прося даже смѣнить его съ должности главнокомандующаго. Легко было задумать проектъ завоеванія Константинополя и разрушенія турецкой имперіи — но до исполненія его въ 1787 г. было очень далеко.

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1873. іюль, 160—161. Также Русскій Архивъ Ів., 336—364.

²⁾ „Рус. Стар.“, 1876, іюль, 443, 446, 447.

II.

Ухватившись, какъ за соломинку, за планъ созданія, сверхъ регулярной арміи, волонтерскихъ легкоконныхъ полковъ и дешевой флотилии изъ оставшихся запорожцевъ, умѣвшихъ вести морскія сраженія на абордажѣ, Потемкинъ по этому поводу послалъ нѣсколько представлений и донесеній государынѣ въ самомъ концѣ 1787 г. и въ началѣ 1788 г. Разъ онъ нашель выходъ,—тонъ его писемъ къ императрицѣ перемѣнился; онъ уже „съ оскорбленіемъ принялъ ся мысли“, будто въ его дѣйствіяхъ „колебленность мѣсто могла имѣть“. Въ частномъ письмѣ къ нему отъ 11-го января императрица, замѣтивъ перемѣну въ его тонѣ, старалась еще болѣе ободрить его, въ особенности по случаю его болѣзни по возвращеніи изъ Херсона: „я духъ и душевныя силы моего ученика знаю и вѣдаю, что его на все достанетъ“... „Если тебѣ удастся переманить запорожцевъ, прибавляла она при этомъ,—то сдѣлаешь еще доброе дѣло, есть ли поселишь ихъ въ Тамани: je crois que c'est vraiment leur place“. Официально же, вслѣдствіе представленій Потемкина, 14 янв. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объявить подполковнику Сидору Вѣлому и прочимъ старшинамъ бывшаго войска запорожскаго монаршее благоволеніе, отвести имъ земли въ Керченскомъ Куту или на Тамани, или въ другомъ мѣстѣ по усмотрѣнію князя; при этомъ дозволялось вмѣстѣ съ ними селиться и всѣмъ тѣмъ, кто пожелаетъ къ нимъ возвратиться съ непріятельской стороны; этимъ предоставлялось, значить, Потемкину переманивать въ новое запорожское войско и тѣхъ запорожцевъ, которые бѣжали за Дунай, разумѣется, если они откаются. Сверхъ того Потемкину было разрѣшено скупать только что розданныя имъ земли у помѣщиковъ херсонскаго и елисаветградскаго уѣздовъ между рѣкъ Буга и Ингульца, „обитателей оныхъ учреждая военными“. Но видно изъ мѣстныхъ жителей нельзя было собрать нужнаго Потемкину числа волонтеревъ, напоминавшихъ старыхъ запорожцевъ; тѣмъ же именнымъ указомъ, согласно представленію Потемкина, ему было разрѣшено принимать къ козацъему корпусу однодворцевъ города Чугуева, исключивъ ихъ изъ подушнаго оклада; жителей раскольничьихъ слободъ въ екатеринославской губ. устроить также козаками по примѣру донскихъ, позволяя число ихъ

умножать „выходцами изъ Польши имъ подобными“. Значить, не только люди запорожскаго закала, но даже гайдамаки понадобились теперь князю Потемкину. Наконецъ, очевидно въ силу того, что людей конныхъ у князя былъ большой недостатокъ, приняты были мѣры для удержанія въ рядахъ войска выслужившихъ установленный срокъ (15 лѣтъ) въ легкой конницѣ: тѣмъ изъ нихъ, кто прослужить сверхъ срока еще 5 лѣтъ, положено выдавать золотую медаль, кто же не менѣе 3-хъ лѣтъ—серебряную. Въ именномъ указѣ императрицы было сказано, что всѣ эти мѣры, предложенныя княземъ, высочайше апробуются, такъ какъ онѣ относятся къ „дозпанной вашей ревности къ Нашей пользѣ, для которой не упускаете вы ни единого удобнаго случая“¹⁾.

Изъ всего этого видно, что Потемкинъ только съ начала новаго года сталъ собирать силы, какія по осмотрѣ всего наличнаго состоянія арміи оказались для нея необходимыми. Еще и позже, весною онъ дѣлалъ предложенія императрицѣ, клонящіяся къ увеличенію арміи волонтерами и къ освобожденію отъ другихъ занятій мѣстныхъ силъ, какія только могли быть приурочены къ войнѣ. На постройку города Херсона до сихъ поръ отправлялись колодники и каторжники, приговоренные къ ссылкѣ судомъ; они требовали примотра со стороны мѣстнаго гарнизона; на верфи и въ городѣ были сверхъ того рабочія военныя роты солдатъ, которыя также могли быть употреблены въ дѣло. И вотъ, по рапорту Потемкина, что въ виду военныхъ дѣйствій работы по постройкѣ Херсона могутъ быть приостановлены, 15 марта 1788 г. вышелъ сенатскій указъ, которымъ предписывалось несылать болѣе въ Херсонъ каторжныхъ, — „тѣмъ паче, что и близкое сосѣдство непріятели требуетъ умноженія за ними стражи“²⁾. Этимъ способомъ Потемкинъ увеличилъ свое войско пѣшими силами; по крайней мѣрѣ мы видимъ бывшаго строителя г. Херсона Н. И. Корсакова подъ Очаковымъ, гдѣ онъ и былъ убитъ во время осады³⁾.

¹⁾ Полн. Собр. Закон. т. XXII, № 16, 605.

²⁾ Полное Собрание Законовъ, т. XXII, № 16,634.

³⁾ На могилѣ его въ Херсонѣ находится такая надпись:

Здесь другъ отечества, почтенный мужъ Корсаковъ
Къ желанію сыновъ Россіи погребенъ.

Кромѣ пѣхоты, Потемкину нужны были и конные люди, — и вотъ онъ предлагаетъ еще одинъ новый планъ о составленіи казачьяго войска изъ ямщиковъ и мѣщанъ; первая мысль о такомъ войскѣ принята императрицею съ радостью; указомъ 20 апрѣля она предложила Потемкину разработать предлагаемый имъ планъ и указать ей, какимъ образомъ „привести его въ дѣйство“. Разработка этого плана потребовала однако долгихъ справокъ, такъ что только 7-го октября 1788 г. послѣдовалъ именной указъ о выборѣ 1000 человекъ изъ 18,122 ямщиковъ и о составленіи изъ нихъ козачьяго полка по образцу Донскаго — „до окончанія нынѣшней войны“ ¹⁾.

Таковы были мѣры, предпринятыя Потемкинымъ для пополненія предполагаемой стотысячной арміи болѣе подходящими для нуждъ войны людьми. Первое мѣсто между ними занимали „вѣрные Запорожскіе козаки“. Ихъ собралось впоследствии болѣе 12 1/2 тысячъ. Въ февралѣ 1788 г. по указу Ея Императорскаго Величества Суворовъ передалъ имъ бѣлое войсковое знамя большое, нѣсколько малыхъ для куреней, число которыхъ могло увеличиваться, булаву кошеваго и перначи, войсковую печать выслалъ князь Потемкинъ изъ Елисаветграда только въ маѣ. Кошевымъ новаго войска запорожскаго назначенъ былъ Сидоръ Бѣлый, войсковымъ судьей Антонъ Головатый, войсковымъ писаремъ — Подлясецкій, войсковымъ эсауломъ — Кобинякъ и войсковымъ полковникомъ Савва Бѣлый. Ченига получилъ отъ Кутузова перначъ въ качествѣ помощника кошеваго и начальство надъ лодками у Глубокой пристани. Самъ Кошъ устроился на Кинбурнской сторонѣ.

Кромѣ „вѣрныхъ Запорожцевъ“, князю Потемкину удалось вернуть въ новое войско до 1000 душъ бѣжавшихъ на Дунай запорожцевъ, хотя всѣмъ войскомъ запорожцы не захотѣли возвратиться несмотря на то, что Ченига два раза просилъ ихъ о томъ. Старики, знавшіе, что на слова Потемкина положиться нельзя, не повѣ-

Онъ строилъ городъ сей и осаждалъ Очаковъ,
Гдѣ бодрый духъ его отъ тѣла отлученъ.

Инженеръ господинъ полковникъ и орденъ св. Владимира, Побѣдоносца Георгія и св. равноапостольнаго князя Владимира кавалеръ Николай Ивановичъ скончался 1788 году, августа 24 дня.

¹⁾ Полн. Собр. Закон. т. XXII, №№ 16,647 и 16,718.

рили его обѣщаніямъ будущихъ благъ, и только молодежь, всегда жаждущая подвиговъ, переходила по одиночкѣ подъ знамена Суворова ¹⁾). Недовѣріе стариковъ было основательно, такъ какъ возстанавляя запорожское войско, императрица въ февралѣ уже писала Потемкину: „что вѣрные Запорожцы вѣрно служатъ—сіе похвально, но имя Запорожцевъ старайся замѣнить инымъ, ибо Сѣча, уничтоженная манифестомъ, не оставила по себѣ умамъ пріятное прозваніе; въ людяхъ же не знающихъ чтобъ не возбуждалась мечта, будто за нужное нашли возстановить Сѣчу либо названіе ея“ ²⁾).

Впослѣдствіи Потемкинъ вполне послѣдовалъ этому совѣту. Поселивъ сначала „вѣрныхъ запорожцевъ“ въ очаковской области, гдѣ далъ имъ 4 лимана и землю „по Бендерскую дорогу“ ³⁾, онъ переименовалъ ихъ въ черноморское войско съ центральнымъ пунктомъ въ Слободзеѣ, а затѣмъ перевелъ ихъ на Тамань.

Собирая новыя войска и укомплектовывая существовавшія, Потемкинъ иногда думалъ о способахъ продовольствія этихъ войскъ. 1787 годъ былъ неурожайный, какъ и два предъидущіе; хлѣбъ дѣлали пополамъ съ соломой; по слухамъ въ Москвѣ даже были случаи голодной смерти; а въ Петербургѣ голодъ довелъ до упорнаго бунта рабочихъ, которые съ требованіемъ увеличенія платы являлись къ самому дворцу. Лучше всего повсемѣстный недостатокъ хлѣба въ Россіи видѣнъ изъ разсужденій Щербатова „О голодѣ“ и „Состояніи Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба въ началѣ Турецкой войны“: въ 1760 году четверть ржи стоила еще 86 коп., въ 1763—95 коп., въ 1773—2 р. 19 коп., а въ 1787—уже 7 р. ⁴⁾. Въ виду всего этого правительство при объявленіи войны тотчасъ же приняло мѣры для заготовленія продовольствія. Въ намѣстничествахъ бѣлорусскомъ, смоленскомъ, новгородъ-сѣверскомъ, харьковскомъ, курскомъ, тамбовскомъ и скатеринославскомъ былъ объявленъ подушный сборъ по 3 четверти ржи и 1½ гарнца крупъ съ души съ уплатою по стоящимъ цѣнамъ, съ запрощеніемъ кулакамъ скупать хлѣбъ для продажи правительству, а всѣмъ вообще повы-

¹⁾ *Короленко*. Черноморцы. См. Приложенія III, IV, V, стр. 7.

²⁾ Рус. Стар., 1876 г., июль, стр. 450.

³⁾ Кіевская Старина, 1882, т. II, стр. 555 и 1883, т. I, стр. 44—45.

⁴⁾ Журн. Мин. Нар. Просв., 1873, июль, стр. 163.

шать цѣны, существовавшія до объявленія войны. Магазины, общіе для вѣхъ формировавшихся армій, были учреждены въ Кіевѣ, Переяславѣ, Кременчугѣ и Екатеринославѣ; сѣверная или украинская армія, которая должна была идти по границамъ Польши за Днѣстръ и Прутъ, была хорошо обезпечена въ своемъ движеніи магазинами: пунктами для нихъ были назначены 13 мѣстечекъ и городовъ нынѣшней кіевской и подольской губерніи и 11 пунктовъ за Днѣстромъ. Для южной же арміи Потемкина въ степи имѣлось только 3 такихъ пункта для магазиновъ на Бугѣ: Ольвіополь, Вознесенскъ и Богоявленскъ — селеніе у нынѣшняго Николаева, которое раньше называлось Витовтовою банею ¹⁾).

Содержать армію въ нѣсколько десятковъ тысячъ людей изъ этихъ трехъ магазиновъ, отрѣзанныхъ дикою степью и отъ Малороссіи, и отъ Балты, которая могла служить пунктомъ отправленія хлѣба сюда, было не легко, хотя перевозка запасовъ для пополненія магазиновъ должна была совершаться мѣстными средствами края съ платою по 12 коп. отъ 10 верстъ, но найти чумаковъ въ степи было негдѣ. Нужно было создать и перевозочныя средства. И вотъ 29 декабря 1787 г. Потемкинъ даетъ приказъ екатеринославскому губернатору, строителю города Екатеринослава, генераль-майору Синельникову о заготовленіи 2000 четырехколесныхъ фуръ на 70 пуд. сухарей каждая. Расписывая въ своемъ приказѣ подробно, каковы должны быть фуръы и что должно быть при каждой (мазница съ дегтемъ, важница съ дрючкомъ, двоило съ гужемъ, канатъ, топоръ, свердло, долото, запасныя колеса и ось), онъ отпускалъ 100,000 руб. для раздачи тотчасъ же предводителямъ дворянства, чтобы въ заготовленіи одной тысячи фуръ и воловъ дворяне „предуспѣть могли, справя все то хотя въ половинѣ февраля мѣсяца“ ²⁾; другую тысячу фуръ приказано было покупать черезъ провіантскихъ чиновниковъ. Эти фуръы съ волами должны были собираться у Днѣпра въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ легче могли быть продовольствованы вола и гдѣ была удобнѣе переправа. Весь такимъ образомъ устроенный подвижной

¹⁾ Шмидтъ, Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Херсонская губ. 1863, ч. I, стр. 11.

²⁾ Вторая Турецкая война въ царств. Императр. Екатерины II. Составилъ генеральн. штаба полк. А. Н. Петровъ. Спб. 1880, т. I, стр. 86 и прилож. 3.

магазинъ долженъ былъ состоять изъ 14 бригадъ по 200 четырех-воловыхъ повозокъ въ каждой.

Рекруты для пополненія потемкинской арміи могли идти сюда черезъ Екатеринославъ, отъ котораго на всемъ пространствѣ до Буга встрѣчались лишь небольшія села и деревни, рѣдко разбросанныя въ степи. Если не считать деревенекъ и хуторовъ частныхъ владѣльцевъ, только что получившихъ здѣсь земли и едва начавшихъ устраивать свое хозяйство, то по переписи 1787 г. на всемъ пространствѣ нынѣшнихъ уѣздовъ елисаветградскаго, александрійскаго верхнеднѣпровскаго, екатеринославскаго и херсонскаго оказалось только 146 поселеній государственныхъ крестьянъ разныхъ наименованій. Въ нихъ было 58,174 ревизскихъ душъ мужескаго пола ¹⁾ или всего населенія около 116,000 душъ. Если мы положимъ еще тысячъ 30—40 душъ на новообразованныя деревни переселившихся сюда съ 1775 г. помѣщиковъ, то все населеніе страны, имѣющей 52 тысячи квадр. верстъ, выйдетъ для 1787 года тысячъ 150, или по 3 души на 1 кв. версту. Разсчитывать на пособіе для стотысячной арміи со стороны такого малолюднаго населенія, освобожденнаго еще при томъ отъ многихъ повинностей, конечно было нельзя. Всею обстановку для приходящихъ войскъ Потемкинъ долженъ былъ заготовить самъ: онъ велѣлъ строить казармы, землянки, выписывалъ войлочные кибитки съ Кавказа и Кубани и писалъ Суворову, какъ лучше устанавливать ихъ, построилъ три госпиталя, конечно въ тѣхъ же пунктахъ—Херсонѣ, Богоявленскѣ и Ольвіополѣ, такъ какъ другихъ большихъ населенныхъ мѣстъ по Бугу не было. Хроническіе больные могли поступать только въ херсонскій госпиталь; остальныхъ онъ подраздѣлил ее на два разряда (тяжело больныхъ и слабыхъ), распорядился объ отдѣленіи заразныхъ больныхъ, опредѣлилъ пищу для нихъ, порціи и т. п. Многія изъ распоряженій и разъясненій по этой части писаны рукою самого князя. Хлопотъ было не мало, но князь оправдалъ довѣріе императрицы и справился со всеѣмъ.

Зима 1787—88 года, когда прекратились военныя дѣйствія, принесла новое радостное извѣстіе: въ концѣ января (29-го) „и цесарцы, какъ говоритъ Гарновскій, противъ Агарянъ возстать уже

¹⁾ Полн. Собр. Зак., 1830 г. т. XXII, стр. 1005—1008.

дерзнули“, другими словами, Австрія объявила войну Турціи и выставила на границу также 100 тысячную армию. Потемкинъ воспрянулъ духомъ и отъ этого извѣстія, и отъ того, что у него самого дѣло уже было налажено. Въ Кременчугѣ строились лодки для новой запорожской „гребной флотиліи“, о которыхъ 2 марта онъ писалъ Суворову, что чуть только Днѣпръ пройдетъ, 75 такихъ лодокъ будутъ спущены черезъ пороги въ лиманъ: „есть либы сіе строилося въ адмиралтействѣ (т. е. въ Херсонѣ), прибавлялъ онъ въ своей запискѣ, то бы никогда ихъ недождалися“¹⁾.

Списочное состояніе екатеринославской армии по вѣдомости, составленной 18 марта 1788 г., въ драгунскихъ, легкоконныхъ, гренадерскихъ, мушкатерскихъ, егерскихъ полкахъ, артиллерійскихъ командахъ и козачьихъ войскахъ донскихъ, екатеринославскихъ и бугскихъ — простиралось до 117¹/₂ тысячъ; но по этой вѣдомости значилось до 10 тысячъ больныхъ, 3¹/₂ тысячъ умершихъ, болѣе 2-хъ тысячъ въ отлучкахъ и до 20,000 требуемыхъ по комплекту, но не бывшихъ еще на мѣстѣ²⁾. Такимъ образомъ на лицо, за исключеніемъ больныхъ и иррегулярныхъ запорожцевъ и флотскихъ, было 82,000.

Свѣтлѣйшій князь чувствовалъ себя уже въ своей тарелкѣ, когда къ нему отъ императора австрійскаго пріѣхалъ корреспондентомъ принцъ де-Линъ и сталъ его въ свою очередь торопить къ осадѣ Очакова. Ему князь говорилъ, что войскъ у него мало, тогда какъ турокъ много повсюду во всѣхъ крѣпостяхъ, что спѣшить некуда да и думать пока нельзя объ успѣхѣ. Только на настоятельные вопросы императора о планѣ предпринимаемой имъ кампаніи онъ отвѣтилъ неопредѣленно: „Avec l'aide de Dieu, j'attaquerai tout ce qui sera entre le Bog et le Dniester“.

Изъ характера этого отвѣта можно видѣть, что весною 1788 г. онъ еще не зналъ, какъ скоро онъ будетъ готовъ встрѣтить непріятеля, гдѣ и какого онъ встрѣтитъ, будетъ ли онъ вести наступательную или только оборонительную войну, если турецкія войска перейдутъ Днѣстръ ему навстрѣчу.

¹⁾ Рус. Старина, 1875 г. май, стр. 29.

²⁾ Петровъ. Вторая турецкая война. Т. I. Прил. 14.

По диспозиціи войскъ, составленной 4-го апрѣля, армія Румянцова (украинская) должна была прикрывать Польшу и помогать Австріи взять Хотинъ и Бѣлградъ (Аккерманъ). Потемкину же (екатеринославская армія) предстояло охранять Крымъ и взять Очаковъ. Въ необходимости идти именно на осаду Очакова онъ убѣдился только въ концѣ апрѣля мѣсяца, когда сообщалъ Суворову о принятомъ планѣ дѣйствій, объ осадѣ Очакова и о томъ, какіе города и крѣпости придется брать послѣ Очакова. Только теперь, въ виду бездѣйствія турокъ, является у него опредѣленный планъ, и онъ пишетъ Суворову просто и коротко: „Очаковъ непремѣнно взять должно; я все употреблю, надѣясь на Бога, чтобы достался онъ дешево“. (29 апрѣля 1788). Для Суворова, который нерѣшительное предписаніе, предоставлявшее на его усмотрѣніе идти въ атаку или нѣтъ, любилъ истолковывать, какъ прямое приказаніе дѣйствовать, такой тонъ былъ совершенно ясенъ; понятно было для него и желаніе „дешево получить Очаковъ“ съ тѣмъ, чтобы идти затѣмъ на Хотинъ и Бендеры. Жаль, что этотъ полководецъ умѣлъ только дѣйствовать и писать краткія реляціи о своихъ совершившихся уже побѣдахъ или приказы и извѣстія о томъ, что онъ будетъ дѣлать завтра, а не занимался предположеніями о далекомъ будущемъ. Изъ его отвѣтовъ Потемкину на мнѣнія послѣдняго много можно было бы узнать о томъ, какъ смотрѣлъ этотъ знаменитый спеціалистъ военнаго дѣла на Очаковъ и крѣпость его стѣнъ для нападенія. Но мы не имѣемъ такихъ указаній и опредѣленій спеціалистовъ и должны хоть какъ нибудь познакомить читателей съ тѣмъ, что такое былъ этотъ Очаковъ, возбудившій столько разговоровъ 100 лѣтъ тому назадъ и на югѣ, и на сѣверѣ, и на западѣ Европы и заставившій музу Державина въ извѣстномъ его стихотвореніи на осень 1788 года, выражая всеобщее ожиданіе „Россовъ“ взятія Очакова, „въ восторгѣ томномъ“ сей стихъ бряцать:

Приди *желанна вѣсть*, — и лира
 Любовь и славу воспоешь!

III.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ воды Днѣпровскаго лимана сливаются съ водами Чернаго моря, два мыса раздѣляютъ ихъ и образуютъ выходъ изъ лимана въ море шириною нѣсколько болѣе 3-хъ верстѣ. Съ сѣвера вдается между моремъ и лиманомъ Очаковскій мысъ, круто спускающійся къ берегу съ высоты 17—18 сажень. На этомъ то мысѣ и лежала крѣпость, которую турки тогда считали неприступною и непобѣдимой. Противъ нея, также между моремъ и лиманомъ, тянется низкая песчаная Кинбурнская коса, которую Суворовъ 1-го октября 1787 г. засыпалъ трупами; конецъ ея выходитъ не прямо противъ Очакова, а версты на 3 западнѣе. Сзади Очакова раскинулась высокая глинистая степь съ разсыпанными на ней курганами, впрочемъ не непрерывная. Версть 25 на востокъ ее отдѣляетъ отъ остальныхъ степей Бугъ и его широкій лиманъ, за которыми были уже въ то время русскія владѣнія, версть 10 на западъ отъ Очаковскаго мыса въ море съ сѣвера впадаетъ другой довольно широкій, хотя и короткій лиманъ Березанскій; противъ устья его верстахъ въ 2-хъ отъ берега стоитъ на морѣ каменистый островъ Березань, имѣющій не болѣе 1 версты въ длину и не болѣе 25 десятинъ площади земли на своей высокой поверхности.

Крѣпость Очаковская состояла изъ двухъ отдѣльныхъ укрѣпленій: небольшого замка Гассанъ-паша, стоявшаго на самой оконечности мыса, и собственно крѣпости, прилежавшей къ Днѣпровскому лиману, гдѣ юго-восточный берегъ мыса, подмываемый водами лимана, гораздо круче, чѣмъ с.-западный, спускающійся болѣе отлого къ Черному морю. Стѣны внутренней крѣпости доходили до самаго почти берега лимана и тянулись отсюда съ обычными изгибами въ главномъ направленіи на СЗ. По направленію къ нынѣшнему Николаеву въ нихъ было двое воротъ: Водяныя—у самаго берега и Кривыя—надъ взгорьемъ; въ сѣверо-западной стѣнѣ были ворота Бендерскія, а въ юго-западной—Стамбульскія и Гассанъ-пашинскія; отъ послѣднихъ шла дорога къ башнѣ Гассанъ-паша. Вокругъ нагорной стороны крѣпости простирался гласисъ, окруженный вторымъ валомъ ретраншемента, имѣвшаго четверо воротъ: на С. В., С.-З., С. и Ю. З. Внутри валовъ ретраншемента разсыпаны были

землянки обывателей Очакова, которые жили и за наружнымъ валомъ среди разведенныхъ ими здѣсь садовъ и виноградниковъ. На С. и С.-З. отъ внѣшнихъ валовъ эти сады форштата расположены были на гладкой поверхности стени и по склонамъ къ Черному морю; на С В. отъ нихъ впадаетъ въ лиманъ глубокой оврагъ, и теперь перерывающій дорогу на Куцюрубъ, почему она и отклоняется противъ кирпичнаго завода Миллера глубже въ степь.

Много мыслей о превратности судебъ человѣческихъ возбуждаютъ эти мѣста въ душѣ знакомящагося съ прошлымъ новороссійскаго края. Край этотъ, „новый“ для Россіи, очень старъ не только для ея писанной исторіи, а и для исторіи всей Европы: на томъ же берегу, гдѣ послѣднія 400 лѣтъ стоитъ Очаковъ, вереть на 25—30 восточнѣе, лежала когда то у устья Буга Ольвія, оставившая для насъ однѣ изъ древнѣйшихъ надписей, свидѣтельствующихъ о цивилизованномъ житѣ-бытѣ на этомъ берегу Чернаго моря за 5—6 вѣковъ до Р. Х. Лиманъ Днѣпровскій описанъ былъ уже въ древнѣйшей книгѣ по географіи Европы, отца описательныхъ и историческихъ наукъ; первые договоры кіевскихъ князей съ Византіей рѣчь вѣли объ этихъ же берегахъ и мѣстностяхъ. А что говорятъ или еще скажутъ эти курганы подъ Очаковымъ, одинъ изъ которыхъ теперь называется именемъ Суворова, а другой Потемкина? Можетъ быть когда нибудь раскопки ихъ и близъ лежащихъ мѣстностей и тутъ откроютъ слѣды Алектора или другаго такого же поселенія, какъ Ольвія, засыпаннаго пылью вѣковъ и погребеннаго въ глинѣ далеко раньше, чѣмъ явились претенденты на это мѣстечко, оправдывавшіе свои претензіи грандіознымъ для своего времени греческимъ прожекторомъ и теорією необходимости борьбы между міромъ христіанскимъ и мусульманскимъ.

Много народностей смѣнили другъ друга на Черномъ морѣ у Очакова; возрастъ древностей, оставленныхъ ими, считается и столѣтіями, и тысячелѣтіями, но, повидимому, физико-географическія условія этой мѣстности во всѣ времена намъ извѣстныя оставались одинаковыми. Въ опроверженіе этой мысли указываютъ на слова Геродота, видѣвшаго тутъ „преглубокую траву и прекрасные хлѣба“, и говорятъ, что здѣсь прежде климатъ долженъ былъ быть мягче; старики по памяти въ одинъ голосъ утверждаютъ, что еще лѣтъ

40—50 назадъ здѣсь было не то, что теперь; но факты жизни, какъ изъ области „новороссійской старины“, не идущей далѣе 100 лѣтъ тому назадъ, такъ и кievской и древне-греческой указываютъ, что и лѣтнія засухи, и лютыя зимы здѣсь бывали и прежде такія же, какъ и теперь. Оттого только тогда, когда являлись сюда люди вооруженные средствами уже окрѣпшей цивилизаціи, тутъ возникали города; беспомощное же населеніе среднихъ вѣковъ убѣгало отъ этихъ непривѣтливыхъ степей въ болѣе разнообразныя по климату и другимъ естественнымъ условіямъ страны.

Какъ кievскимъ и литовскимъ полководцамъ, доходившимъ до береговъ Чернаго моря, приходилось терпѣть отъ непривѣтливости степи до того, что они оставляли впустѣ эти земли скиѣоподобнымъ ордамъ, такъ и Миниху, и Румянцеву, и Потемкину въ прошломъ столѣтіи приходилось терпѣть тутъ то же, что и Дарію за много вѣковъ назадъ и что позднѣйшими обитателями степей такъ характерно выражено въ трехъ слѣдующихъ словахъ: „одно—безхлѣбья, друге—безводья, а третее—бездорожжья“. Ровно 50 лѣтъ назадъ до описываемой нами осады Очакова были уже подъ его стѣнами русскія войска подъ предводительствомъ Миниха—въ числѣ 70.000 душъ людей, 28.000 возовъ, 90.000 подводъ и 2.000 верблюдовъ, которые везли за войскомъ, кромѣ хлѣба, и дрова, и воду. Подошли они къ Очакову 30 іюня, а 2-го іюля 1737 года изъ этихъ людей на приступѣ было убито и ранено до 4000, а турокъ въ городѣ погибло не то 10.000, не то 19.000, и самый городъ былъ сожженъ и разоренъ. Но изъ того же русскаго войска 16.000 душъ пало въ одинъ Очаковскій походъ отъ дѣйствія знойнаго климата и заразительныхъ болѣзней; лошади и волю то же падали тысячами. Изъ гарнизона, оставленнаго тутъ въ количествѣ 8.000, къ октябрю осталось въ живыхъ только 5.000: такъ степь съ своими болѣзнями встрѣчала непрощенныхъ гостей.

Теперь другимъ войскамъ предстояло поправить ошибку дипломатіи и недостаточную выдержку Россіи, которой 50 лѣтъ назадъ, за 100,000 погибшихъ въ одну кампанію людей и нѣсколько миліоновъ издержанныхъ рублей—досталась только полоса земли въ глубинѣ степей (нынѣшніе уѣзды верходнѣпровскій и елисаветградскій), а Очаковъ и его земля опять остались въ рукахъ турокъ.

Не только дворъ петербургскій, но и всѣ дворы тогдашней Европы были заинтересованы сильно, чѣмъ кончится это ополченіе двухъ имперій на третью. Не одна Екатерина II интересовалась знать, какъ живетъ свѣтлѣйшему князю Таврическому и его войску: и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ шли дебаты о томъ, сумасбродъ ли только Потемкинъ (этотъ извѣщенный сибаритъ и извѣстный гастрономъ, получавшій, кромѣ жалованья въ 144 тысячи, однихъ столовыхъ денегъ по 100 р. въ день), замаривая такъ долго людей и лошадей въ пыльной новороссійской степи, или онъ имѣетъ какіе либо особые планы, что не идетъ такъ долго на рѣшительное сраженіе? Парижскія газеты того времени съ такимъ же жаромъ спорили о планахъ великолѣпнаго князя Тавриды, съ какимъ сообщали извѣстія о его роскошномъ препровожденіи времени въ столицѣ или подъ стѣнами Очакова въ ставкѣ, не уступавшей въ пышности палаткамъ великаго визиря турецкой имперіи. Не даромъ года два спустя въ Яссахъ напечатанъ былъ на него пасквиль подъ видомъ разговора трехъ солдатъ, уже отошедшихъ въ „царство мертвыхъ“. Хотя этотъ пасквиль обрушивается совершенно невпопадъ на личныя качества князя, почему и носитъ характеръ писаній изъ зависти личной и обиды, но, „какъ безъ дыма нѣтъ огня“, то видно, что солдатамъ не легко было изнывать въ степи, гдѣ солнце сѣяло изнеможеніе въ рядахъ ихъ, какъ и во времена оны обрушилось „жаждею и тугою“ на ряды воевъ Игоря въ Донской степи.

Ознакомившись съ характеромъ, симпатіями и антипатіями князя, съ его любовнымъ отношеніемъ къ солдату, которое вездѣ проглядываетъ и въ его перепискѣ, и въ распоряженіяхъ объ устройствѣ арміи, нельзя объяснять его медлительность тѣмъ соображеніемъ, что онъ выжидалъ, пока разъѣдутся изъ его лагеря нетерпимые имъ лишніе совѣтники-корреспонденты иностранныхъ дворовъ. Такое объясненіе его медлительности, какое въ данномъ случаѣ дѣлаетъ г. Поповъ въ своей біографіи Потемкина¹⁾, не вяжется ни съ чѣмъ. Конечно правда, что человекъ, возившій за собой въ походахъ бібліотеку болѣе 2000 сочиненій на разныхъ языкахъ, человекъ, писавшій подъ конецъ жизни покаянныя ирмосы „вопіющія во грѣ-

¹⁾ Рус. Старина. 1875.

хахъ души“, проникнутые глубокимъ чувствомъ ¹⁾), былъ вовсе неспособенъ идти на встрѣчу смерти подъ картечами впереди отряда „на сабляхъ и штыкахъ“, какъ то дѣлалъ Суворовъ; но личной трусости въ Потемкинѣ не было, что онъ и доказалъ принцамъ де-Линю и Нассау, бравируя передъ ними подъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ во время развѣдокъ у стѣнъ Очакова, а также и во время поѣздокъ своихъ въ лодкѣ между Очаковымъ и Кинбурномъ также подъ выстрѣлами. Но еслибы такая трусость и нерѣшительность составляли главное отличительное свойство князя, какъ полководца, то ими только все таки нельзя объяснить медленнаго движенія его съ войсками, когда непріятели еще не было нигдѣ видно. Зналъ же вѣдь Потемкинъ, какъ изнываетъ его „матушка-государыня“ въ Петербургѣ, требовавшая отъ него ежедневныхъ курьеровъ съ реляціями, вымаливавшая, можно сказать, у него скорѣйшее наступленіе на Очаковъ; зналъ онъ, что на сѣверѣ начинается война со Швеціей и для нея, кромѣ новаго выпуска мелкихъ ассигнацій на 10 милліоновъ рублей, кромѣ новаго набора рекрутъ по 1 человѣку со ста душъ, формируются съ бору да сосенки егерскій и гусарскій легконный полки, берутся въ рекруты однодворцы въ зачетъ будущихъ наборовъ, приглашаются даже изъ новгородской и тверской губерній „дворяне, упражняющіеся по недостатку своему въ хлѣбопашествѣ“ ²⁾); зналъ онъ положеніе императрицы среди шипящаго „соціетета“ лицъ, къ нему нерасположенныхъ, то положеніе, которое довело ее до заявленія имъ, что она сама поведетъ войска на шведовъ, если изъ нихъ не найдется никого способнаго. /

Нужно предполагать въ Потемкинѣ какую то ужасную черствость, нечувствительность и холодную іезуитскую расчетливость для того, чтобы объяснять его кунктаторство тѣми соображеніями, на которыя указываетъ г. Поповъ. Какъ ни велико было его честолюбіе, но при данныхъ обстоятельствахъ оно не могло заглушить всѣхъ тѣхъ качествъ, которыми характеризуетъ князя самъ г. По-

¹⁾ Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей т. II. 1848. Стр. 213, 333.

²⁾ Первое Полное Собран. Закон. т. XXII. N. N. 16.694, 16.705, 16.702, 16.695, 16.707, 16.680.

повѣ. Мы видѣли изъ переписки его съ императрицей въ теченіи 1787 г., что такъ скоро дѣйствовать, какъ того ей бы хотѣлось, онъ не имѣлъ никакой возможности. Въ 1788 году съ весны стали повторяться опять убѣжденія и просьбы со стороны императрицы къ ея любимцу, почти такія, какія были и въ прошломъ году. Не соглашаясь изрѣдка съ его планами дѣйствій (напр. о выводѣ войскъ изъ Крыма), она постоянно ободряетъ своего любимца и исполняетъ почти всѣ его просьбы, даже капризы, несмотря на то, что подѣ Петербургомъ у нея завязывалась война со шведами. Въ помощь главнокомандующему екатеринославской арміей для сухопутныхъ войскъ она послала Репнина; въ маѣ назначила контрадмираломъ „для употребленія въ дѣло на Черномъ морѣ“ Павла Джонса (Жанеса), прославившагося передъ тѣмъ въ Америкѣ на войнѣ за независимость и потому много о себѣ мечтавшаго; чтобы Потемкинъ какъ нибудь не счелъ назначенія контрадмираломъ зазнающагося иностранца, она писала ему, что посылаетъ Джонса потому только, что на пріѣздѣ Кингсбергена разсчитывать нельзя, и наконецъ просто, — „понеже знаю, что тебѣ не безпріятно будетъ имѣть одну мордашку болѣе на Черномъ морѣ“. Надъ гребною флотиліей разночинцевъ командиромъ назначенъ былъ принцъ Нассау-Зигенъ. Императрица готова была, несмотря на приготовленія войны со шведами, отправить черезъ Средиземное море балтійскій флотъ для возбужденія славянъ и грековъ къ возстанію, на что ассигновала 7 мил. руб. Но война наступательная на югѣ все не начиналась. Завадовскій и Воронцовъ (не говоря уже объ Орловѣ Чесменскомъ) распространяли въ Петербургѣ слухи, что въ екатеринославской арміи больныхъ и умирающихъ много отъ того, что солдатъ „кормятъ вмѣсто хлѣба — кутьею“¹⁾. Этотъ противный Потемкину „соціететъ“ утверждалъ, что столица въ опасности отъ шведовъ, что пріобрѣтая полуденныя страны, „привели государство въ совершенную разстройку“, и т. д. Часто очень въ сообщеніяхъ Гарновскаго изъ столицы Попову, се-

¹⁾ Рус. Стар. 1876 г. Май, стр. 10. Очевидно, эти разглазольствованія повели къ подтвержденію 27 мая именнымъ указомъ запрещенія „на биржѣ, въ клубахъ и трактирахъ говорить о дѣлахъ политическихъ, о распоряженіяхъ военныхъ и умножать неосновательныя и неурлиичныя толки“. (Полн. Собран. Закон. № 16.673).

кретарю Потемкина, можно встрѣтить замѣчанія объ императрицѣ: „а всю прошедшую недѣлю были ежедневныя слезы“.

Прошло лѣто 1788 г., побѣжали шведы, съ чѣмъ и поздравлялъ императрицу Потемкинъ. Племянникъ Завадовскаго въ банкѣ среди публики отпускалъ остроты, что войска подъ самымъ Очаковымъ стоятъ уже три мѣсяца, „а гоноровъ о сю пору нѣтъ“; Румянцевъ съ юга также довольно ехидно писалъ, что „куртки“, подѣланныя по плану Потемкина для облегченія солдатъ лѣтомъ, уже не грѣютъ“; Гарновскій сообщалъ Попову на мѣсто военныхъ дѣйствій, что государыня жаждетъ скорѣе видѣть его свѣтлость по окончаніи осады ¹⁾; сама императрица въ письмахъ къ Потемкину молила Бога поскорѣе „услышать вѣсть о взятіи Очакова“, хотя и сама уже видѣла, что „состояніе подъ Очаковымъ весьма заботливо и труднѣе, нежели себѣ представляли“ ²⁾. И среди такихъ обстоятельствъ, дождавшись еще въ октябрѣ ранней и суровой зимы ³⁾, Потемкинъ тянетъ осаду до декабря, только потому будто бы, что боится для умаленія своей славы присутствія Джонса, Нассау-Зигена или какого то принца де-Линь, котораго онъ презиралъ, а Императрица въ письмахъ къ нему просто называла „шпіономъ!“

Кажется, вѣрнѣе будетъ искать объясненіе медлительности въ другихъ обстоятельствахъ и въ другихъ личныхъ качествахъ князя, но только не въ его славолюбіи. Между его личными качествами специалистъ военнаго дѣла, профессоръ военной академіи Богдановичъ, называетъ прежде всего нерѣшительность Потемкина, который по его словамъ „избѣгая урона, сопряженнаго со штурмомъ Очакова, потерялъ несравненно болѣе людей втеченіи пятимѣсячной осады и все же принужденъ былъ штурмовать крѣпость“ ⁴⁾. Остановясь на этой чертѣ характера князя Потемкина, мы можемъ пояснить ее еще и другими чертами личнаго свойства, которыя стали извѣстны, благодаря изданію его писемъ къ императрицѣ и къ другимъ дамамъ высшего свѣта. Нервность и чувствительность изнѣ-

¹⁾ Рус. Старина 1876, іюнь, *passim*.

²⁾ Рус. Стар. 1876, іюль. Письма отъ 18, 19, 26 іюня, 3, 17, 28 мая. 14 августа, 18 сентября, 19 окт., 27 ноябр. 1788 года.

³⁾ Кіев. Старина 1884, августъ. Стр. 732.

⁴⁾ Богдановичъ, Походы Румянцева, Потемкина и Суворова въ Турціи. 1852. Стр. 164.

женнаго князя, постоянно влюбленнаго и получавшаго письма отъ многихъ обожавшихъ его дамъ, заставляла его и при распоряженіяхъ въ военномъ дѣлѣ быстро мѣнять настроеніе бодрости, веселой игривости, храбрости и неутомимой дѣятельности на проявленія тоски, отчаянія, апатіи и лѣни. Не для чего инаго, какъ для уравновѣшиванія томившихъ его противоположныхъ чувствъ, а также и для поддержанія бодрости духа въ истощенныхъ войскамъ имъ давались подѣ Очаковымъ балы, зажигались фейверки и иллюминаціи, а пустынная степь оглашалась концертными симфоніями подѣ управленіемъ профессора музыки екатеринославской консерваторіи синьора Сарти. Князь же самъ, бросивъ свою горячечную дѣятельность по осадѣ, какъ бы вдругъ убѣдившись, что поторопить дѣла нельзя, садился въ своей роскошной ставкѣ за переводъ исторіи церкви аббата Флери ¹⁾).

Въ медленности упрекали Потемкина всѣ, кто желалъ подорвать его силу и значеніе при дворѣ. Но эти люди не знали ни степи и ея характера, ни положенія и дѣйствительной численности войскъ, ни даже географіи мѣста, избраннаго для нападенія. Послѣ имянинъ императрицы (24 ноября 1788 г.), когда она была уже такъ „невесела“, что въ скоромъ времени совѣмъ слегла въ постель, они, разсуждая свысока о значеніи предполагаемаго и долго ожидаемаго взятія Очакова, спрашивали съ удивленіемъ: „а что это еще за Березань?“

— Березань для Очакова это—то же, что Кронштадтъ для Петербурга! отвѣтилъ имъ Гарновскій, главный корреспондентъ и защитникъ князя передъ „дворомъ“ (т. е. передъ Екатериною) отъ всѣхъ навѣтовъ и сплетень.

Многіе изъ нынѣшнихъ писателей, ссылаясь по большей части на отзывы иностранцевъ, оставившихъ свои мемуары о Потемкинѣ, также видятъ причину неудачной и вялой осады Очакова только въ личныхъ особенностяхъ характера князя. По словамъ ихъ, онъ умѣлъ только ссорить генераловъ между собою, возбуждать ропотъ въ солдатахъ своею медлительностью, но былъ вовсе неспособенъ къ веденію войны и храброму нападенію. Въ этихъ отзывахъ, конечно, много правды, но едвали ими одними можно объяснять весь ходъ дѣйствій.

¹⁾ Полевой Русскіе Полководцы. Спб. 1845 г. стр. 160.

IV.

Болѣ подробный пересказ дѣйствій и распоряженій правительства и главнокомандующаго екатеринославскою арміею, начиная съ ранней весны 1788 года, подтвердить, какъ можно лучше, что и виѣ личныхъ качествъ князя Потемкина сила вещей не позволяла вести дѣло быстрѣе.

Получивъ отъ Потемкина въ февралѣ свѣдѣнія, что войско терпитъ отъ дороговизны и оскудѣнія въ хлѣбѣ, что солдаты мрутъ безъ войны отъ болѣзней, императрица выслала очень нужныхъ Потемкину преображенскихъ бомбардировъ почтою; но разнаго рода волонтеровъ не хотѣла посылать главнымъ образомъ ради того, чтобъ поменьше было „ѣдуновъ“ въ арміи. Моля Бога, чтобъ прекратились болѣзни, которыя даже всю личную канцелярію Потемкина уложили въ постель, такъ что онъ собственноручно долженъ былъ писать и отписывать, въ письмѣ отъ 26 февраля она какъ бы извиняется передъ Потемкинымъ, что у него до сихъ поръ такъ мало войска.

„Что рекруты поздно собраны — сему причиною отдаленность мѣстъ, говоритъ она, и образъ и время, когда объявлена война; я о семъ свѣдала въ концѣ августа, а въ первыхъ числахъ сентября первый наборъ приказанъ былъ, котораго я думала достаточно, вскорѣ же и второй послѣдовалъ.. Есть ли роты сдѣлать сильнѣе, то и денегъ и людей болѣе надобно; вы знаете, что послѣдній наборъ былъ со ста душъ (т. е. по 1 человѣку); деньгами же стараемся быть исправны, налоговъ же наложить теперь не время, ибо хлѣба недородъ и такъ недоимокъ не малое число!“ Она признавалась, „что мореходство наше еще слабо и люди непривычны и къ оному мало склонны... морскіе командиры нужны паче иныхъ“ и т. д. ¹⁾.

Въ мартѣ она обѣщала Потемкину собрать еще 700 рекрутъ съ петербургской губ., которая до сихъ поръ не несла набора; въ апрѣлѣ соглашалась, что „трудности въ починкѣ кораблей весьма повнимательны, понеже мѣста безлѣсныя около черноморскихъ нашихъ

¹⁾ „Рус. Стар.“ 1876. іюль, стр. 453, 454.

гаваней“, для чего совѣтовала Потемкину приказать „для будущихъ вѣковъ горстями раскидать дубовыхъ желудей“¹⁾).

Все это показываетъ, что она мало по малу знакоилась съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, которое принцъ де-Линь въ письмѣ къ императору Іосифу въ апрѣлѣ 1787 г. характеризовалъ такъ: „Если бы у насъ были съѣстные припасы, мы отправились бы въ походъ; если бы мы имѣли понтоны, то получили бы возможность переходить черезъ рѣки; если бы у насъ были бомбы и ядра, мы приступили бы къ осадѣ крѣпостей; но мы не догадались запасти всѣмъ этимъ, и теперь князь приказалъ привести эти вещи по почтѣ“²⁾. Она уже знала изъ откровенныхъ писемъ Потемкина обо всѣхъ этихъ ужасныхъ обстоятельствахъ; но знала и то, чего не зналъ принцъ де-Линь, — что устранить всѣ эти обстоятельства очень трудно. Тѣмъ не менѣе, когда пріѣхалъ къ ней Пауль Джонсъ и говорилъ, что полезно было бы и Синопъ захватить, она только промолчала и предоставила рѣшеніе вопроса о наступленіи флотомъ черезъ море—самому Потемкину, такъ какъ и это еще казалось ей возможнымъ.

Но что казалось возможнымъ первому главнокомандующему Потемкину, когда онъ въ маѣ 1788 г. объявилъ движеніе войскъ впередъ къ Ольвіополу, Александровкѣ и Русской косѣ, гдѣ они должны были переправиться черезъ Бугъ, — можно видѣть изъ его письма къ императрицѣ отъ 10 мая. Онъ писалъ, что лодокъ канонирскихъ въ Бременчугѣ построено 100; половина ихъ уже въ Херсонѣ, часть—въ пути, а часть—скоро пойдетъ.

„Мало у меня только пороху, также бомбъ и ядеръ для флотиліи“.

Мосты уже на своихъ мѣстахъ; но лошадей, на которыхъ деньги уже годъ какъ отпущены, — нѣтъ: нужно покупать другихъ. Полки главной арміи подходятъ къ Бугу для переправы... „скоро и я туда отправлюсь, и что прійдетъ передовыхъ войскъ то переправлю отъ Крымскихъ степей къ Бендерамъ и Очакову“.

Онъ хвалитъ войско, составленное наскоро изъ однодворцевъ, которые, по его словамъ, перецеголяли далеко донскихъ козаковъ, и

¹⁾ Пб. 457. Позже Потемкинъ исполнилъ это желаніе императрицы и насадилъ у новооснованнаго имъ Николаева дубовую рощу, отъ которой теперь и слѣда не осталось.

²⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1873., августъ, стр. 385.

заканчиваетъ это письмо о начатомъ походѣ туда, гдѣ „еще нашъ пистолетъ не выстрѣлилъ“, слѣдующею тирадою:

„Матушка Всемилостивѣйшая Государыня!

Я и пойду и буду дѣйствовать, не смотря на новостъ моеи пѣхоты, которая почти вся изъ рекрутъ; я вездѣ собою показывать стану примѣръ, съ охотою принесу на жертву жизнь мою, вамъ, моеи матери, государству и, можно сказать, христіанству, надѣясь несомнѣнно, что Богъ мнѣ поможетъ!“¹⁾

Итакъ—главная надежда на побѣду въ этой меланхолической цитатѣ зиждется главнымъ образомъ на высокой цѣли похода и на увѣренности, что дѣло обузданія невѣрныхъ агарянъ само себя вывезетъ съ помощью Божьею, но никакъ не на томъ, что войска благоустроены и хорошо приготовлены. Если почти вся пѣхота составилаь изъ рекрутъ, а въ конницѣ похвалы заслуживали однопорцы, только что набранные въ Чугуевѣ, если не было лошадей для перевоза артиллеріи, пороха, ядеръ, бомбъ для флотиліи, то конечно нужно еще было все это собрать и приготовить, прежде чѣмъ подступитъ къ Очакову.

Вотъ откуда является та медленность, при которой переправившись у Ольвіополя черезъ Бугъ во второй половинѣ мая съ 40,000 регулярныхъ войскъ и 6,000 козаковъ, Потемкинъ 28 іюня пришелъ къ стѣнамъ Очакова, дѣлая въ недѣлю только по 40 верстъ и останавливаясь вездѣ, гдѣ находилъ удобства жизни²⁾. Не только „безхлѣбья, безводья и бездорожья“ задерживали его движеніе, но и ожиданія тѣхъ частей войска и осадныхъ средствъ, которыя мало по малу подходили, переправляясь черезъ балки и овраги, по которымъ не легко было вѣхать съ артиллеріею и обозами.

„Я былъ бы уже на Бугѣ, писалъ Потемкинъ 19 мая изъ Елисаветграда, но присутствіе мое здѣсь нужно для побужденія заднихъ, дабы скорѣе шли“.

Остановившись лагеремъ между Бугомъ и Чичиклеею онъ писалъ 8 іюня: „Иду, преодолевая всѣ трудности, которыя по причинѣ многихъ переправъ меня удерживаютъ; а если бы обходить

¹⁾ „Рус. Стар.“ 1876. іюль, стр. 460.

²⁾ Богдановичъ Пох. Рум. Пот. и Суворова, стр. 131, 140.

всѣ рѣчки и рвы, то бы еще больше труда было и въ водѣ недостатокъ послѣдовалъ бы“.

Шестнадцать батальоновъ пѣхоты и осадную артиллерію онъ хотѣлъ перевезти черезъ Бугскій лиманъ у Русской косы; но отъ бури съ сильнымъ дождемъ Бугъ „сдѣлался неприступенъ“, какъ писалъ князь отсюда 15 іюня. Пришлось искать другаго, болѣе удобнаго мѣста для переправы, и такое мѣсто было найдено верстъ 35 выше, т. е. нѣсколько сѣвернѣе нынѣшняго Николаева: „какое затрудненіе было поднимать вверхъ мосты,—и описать нельзя!“ сообщалъ Потемкинъ императрицѣ тогда же, прибавляя: „я уже былъ бы подъ Очаковымъ, еслибъ“...

19-го іюня онъ былъ подъ Солонихою, т. е. верстахъ въ 50—60 отъ Очакова, а 7-го іюля, отправляя захваченные запорожцами у разбитаго ими турецкаго флота флаги и знамена, уже изъ подъ Очакова писалъ еще императрицѣ: „Ожидаю осадной артиллеріи, которая частями приходитъ; корму у насъ для лошадей почти нѣтъ“¹⁾.

Выжгли ли татары по своему стародавнему обычаю степь передъ войной, или она выгорѣла и безъ этихъ искусственныхъ мѣръ,—для войска было все равно: корму въ степи не было. Кто бывалъ въ іюнѣ—іюлѣ въ бездождные годы въ степи Очаковской, тѣ знаютъ, что это значитъ: „корму нѣтъ“. Это значитъ, что вся степь кругомъ выжжена до корня растеній и имѣетъ видъ желтой или отчасти черной пустыни.

Теперь въ такихъ случаяхъ скотъ кормятъ прошлогоднею и новогоднею яровою соломою, а къ концу лѣта и осенью изъ Одессы и Николаева можно получать привезенное туда по желѣзнымъ дорогамъ прессованное сѣно изъ мѣстностей центральной Россіи, не знающихъ засухи. Тогда же не откуда было достать сѣна; а что это былъ годъ засухи, видно изъ переписки Потемкина съ императрицею. Въ началѣ іюня онъ писалъ ей, что выѣхавъ изъ Елисаветграда, „отъ сильныхъ жаровъ въ дорогѣ захворалъ, черезъ что пришелъ въ слабость“; а въ іюлѣ она ему писала, что жары въ Петербургѣ до-

¹⁾ „Рус. Стар.“ 1875. май, стр. 32.

ходятъ до $39\frac{1}{2}$ градусовъ, тогда какъ и въ Португаліи выше 44° не запомнятъ ¹⁾).

Что же должны были дѣлать войска, тянувшіяся съ артиллеріею и обозомъ отъ Днѣпра и Буга къ Очакову, войска, набранныя только что отъ плуга изъ центральныхъ губерній? Кромѣ отчаянія и тупаго ожиданія дождя или подвоза сѣна и хлѣба, ничего не могло быть у этого войска, не привыкшаго къ своеобразной, унылой картинѣ степи безъ кустика лѣсу, безъ рѣчекъ и ручьевъ, безъ травы и ночной росы! Поневолю приходилось музыкою забавлять этотъ чуждый степи народъ, знавшій, что сзади его отъ родины отдѣляетъ необъятная степь, пройденная имъ, не могшій при томъ начинать бомбардировки безъ осадныхъ орудій, которыя только мало по малу подвозились, и потому сидѣвшій въ бездѣйствіи.

Но можетъ быть можно было скорѣе вести другія работы по осадѣ крѣпости, за медленность которыхъ г. Богдановичъ также упрекаетъ Потемкина. Этотъ авторъ очевидно не былъ лично у Очакова, такъ какъ говоритъ, что здѣсь почва песчаная. Онъ не знаетъ, что копать землю подъ Очаковымъ лѣтомъ въ сухой годъ можно только топоромъ, ломомъ и киркою, но никакъ не лопатами, въ которыхъ привыкли солдаты Потемкина, и что такая работа въ землѣ, едва поддающейся дѣйствию инструментовъ, въ нѣсколько разъ идетъ медленнѣе, чѣмъ лопатами на мягкой землѣ. Не беремся судить объ этой спеціальной и технической сторонѣ дѣла, но думаемъ, что обвиняя князя Потемкина въ лѣности, медленности и нерѣшительности, непременно нужно имѣть въ виду и всѣ указанныя нами естественныя условія.

Наконецъ, войска, исчисленнаго въ прошломъ году чуть не въ 100 тысячъ, на дѣлѣ оказалось у Потемкина гораздо меньше. Зная, что Минихъ подступалъ къ гораздо слабѣйшей при немъ крѣпости Очаковской съ 70,000 и отступилъ послѣ штурма, при чемъ лишь случайный взрывъ пороховыхъ магазиновъ внутри крѣпости доставилъ ее его предшественнику, правъ былъ Потемкинъ, когда приставалъ къ императрицѣ о новомъ пополненіи арміи во что бы то ни стало. Но въ маѣ она писала ему: „рада бы тебѣ дозволить

¹⁾ „Рус. Стар.“ 1876. августъ, 575.

собрать войско, но не знаю, станетъ ли у меня на прибавку войска денегъ;“ въ іюлѣ посылала ему еще въ помощь морскихъ офицеровъ, въ августѣ—пушки, полученныя изъ Англій черезъ Ригу; а въ сентябрѣ относительно рекрутскаго набора уже говорила, что „теперь очень трудно оный исправить по твоей запискѣ“.

Правъ былъ онъ, подводя въ письмѣ къ императрицѣ отъ 19 мая итоги своей зимней дѣятельности: „по печальной войнѣ мнѣ нужно было сдѣлать въ четыре мѣсяца то, что должно было въ два года произвести. Пускай другой могъ бы возымѣть куражъ чинить совсѣмъ разбитый погодою флотъ, настроить гребныхъ судовъ, могущихъ ходить въ море, такое множество, сформировать совсѣмъ вновь 16 батальоновъ пѣхоты, до 10,000 новой конницы, составить большой магазейнъ подвижной, снабдить артиллерію ужаснымъ числомъ воловъ, изворачиваться въ пропитаніи... безъ достаточнаго числа квартиръ, а паче на Кинбурской сторонѣ, гдѣ слишкомъ на 10,000 людей въ три недѣли должно было построить жилища ¹⁾. Но сознавая, что имъ много сдѣлано для собранія и устройства арміи, князь на каждомъ шагу, въ каждомъ оврагѣ, перегораживавшемъ дорогу его юному войску, могъ видѣть, какъ еще далеко ему съ такимъ войскомъ до побѣдоноснаго шествія на взятіе крѣпости, вновь укрѣпленной французами по послѣднему слову фортификаціоннаго искусства.

Сверхъ того въ письмахъ отъ Императрицы при каждомъ пожеланіи о скорѣйшемъ взятіи Очакова онъ читалъ наставленія: „паче всего старайся беречь людей“; или „Дай Боже, что бы ты взялъ Очаковъ безо всякой потери людей,—мнѣ сіе стращаетъ“ или „что больныхъ много о томъ жалѣю. Она „съ ужасомъ“ узнала о двухъ несчастныхъ случаяхъ, гдѣ люди даромъ погибли: отъ бомбарды, разорвавшейся при выстрѣлѣ, и отъ пожара магазина снарядовъ для флотиліи въ Кинбургѣ ²⁾. А онъ на мѣстѣ видѣлъ и много другихъ ужасовъ, отъ которыхъ страдали конечно его нѣжные нервы. „Рекруты отдаваемые, писалъ онъ ей 1 сентября, слабые и съ болѣзнями многіе застарѣлыми, такъ что мрутъ большимъ числомъ, не доходя еще до мѣста. Многія партіи въ армію мнѣ ввѣренную

¹⁾ Р. Ст. 1876 августъ 584 и слѣд.

²⁾ Іб. 578, 575.

и теперь еще не дошли, отчего малолюдные полки, не будучи усилены, паче исчезаютъ. Побѣги съ дороги довольно знатны, больныхъ много дѣлается. При отправленіи партіи начальствующіе офицеры отбираютъ у рекрутъ собственныя деньги ихъ, для удержанія отъ побѣговъ, а потомъ проматываютъ. Многіе уменя за сіе подъ слѣдствіемъ“¹⁾).

Ему ли, и безъ того жалѣвшему солдатъ, можно было рѣшиться вести ихъ на проломъ на гибель? Сумѣвши распорядиться объ укомплектованіи войска, онъ не имѣлъ храбрости поспѣшить съ развязкою, сидѣлъ и ждалъ увеличенія войскъ. Ждалъ онъ еще точныхъ плановъ крѣпости изъ Франціи, куда послалъ особыхъ агентовъ, чтобы, разузнавши, гдѣ есть такъ называемыя „слабыя мѣста“, взять городъ съ меньшею потерей людей.

Суворовъ его поведеніе въ данномъ случаѣ называлъ „безчеловѣчнымъ“, хотя оно и продиктовано было „человѣколюбіемъ“. Утверждая, что „штурмъ—всего лучше и дешевле станеть“, онъ предсказывалъ, что отъ такихъ неумѣлыхъ человѣколюбивыхъ распоряженій погибнетъ больше людей, чѣмъ при безчеловѣчной и смѣлой атакѣ²⁾, и былъ, можетъ быть, правъ: если приготовленія къ войнѣ и содержаніе войскъ нуждаются въ европейскомъ умѣ и гуманности, то самая война отъ предводителя требуетъ азіатской дикости и смѣлости. Можетъ быть, Суворовъ, будь онъ на мѣстѣ Потемкина, уже въ іюлѣ пошелъ на штурмъ крѣпости съ войсками, которыя были у него подъ рукою, какъ шелъ онъ впослѣдствіи на стѣны Измаила, за которыми сидѣло больше гарнизона, чѣмъ имѣлось у наступающихъ. Потемкинъ же не могъ такъ рисковать, будучи по своимъ способностямъ больше тонкимъ дипломатомъ, чѣмъ грубымъ, закаленнымъ въ битвахъ полководцемъ. Оттого онъ ждалъ войскъ, орудій, плановъ и хотѣлъ дѣйствовать не штурмомъ, а осадюю.

V.

Не то дѣлалось на морѣ, гдѣ подъ начальствомъ Суворова, этого въ будущемъ „непобѣдимаго“ полководца и въ роли разори-

¹⁾ Петровъ. Вторая турецкая война. Спб. 1880, т. I, стр. 89.

²⁾ *Полковою*. Русскіе полководцы 1845 г., стр. 180. Ж. М. Н. Пр. 1873 г., августъ, стр. 402.

теля Польши, и въ роли спасителя царей передъ революціонными войсками, были головорѣзы, по своей энергіи вполнѣ соотвѣтствовавшіе ему самому знакомые при томъ съ особенностями мѣстной природы. Еще съ зимы запорожцы, чуть только явились подъ Очаковъ, начали дѣйствовать по стародавнимъ своимъ приѣмамъ: въ январѣ обошли они крѣпость и угнали со степи скоть, пасшійся въ 7-ми верстахъ отъ города. Этимъ они доставили первую радость императрицѣ и заслужили отзывъ о вѣрности службы. Затѣмъ они отданы были подъ команду двухъ искателей приключеній и сильныхъ ощущеній—контръ адмирала Поля-Джонса, прибывшаго изъ Америки, гдѣ онъ четыре раза разбилъ флотъ англичанъ, и принца Нассау-Зигена, охотившагося въ Африкѣ за львами и тиграми, совершившаго кругосвѣтное путешествіе съ Бугенвилемъ и сражавшагося уже во флотъ при осадѣ Гибралтара.

Весною запорожцевъ посадили на лодки и отправили въ Глубокую пристань, въ восточный уголь Днѣпровскаго лимана. Кромѣ 80 кременчугскихъ лодокъ, тамъ стояло 5 линейныхъ кораблей, 8 фрегатовъ и 6 галеръ. Лодки предназначались для перевозки войска у Русской косы черезъ Бугъ. Сверхъ того Чепига, отряженный сюда генераломъ Голенищевымъ-Кутузовымъ, долженъ былъ надзирать здѣсь за всѣми приближавшимися къ Бугу турками. Такова была сначала ихъ пассивная дѣятельность. Но скоро такое бездѣйствіе флота должно было кончиться.

Турки, потерявшіе въ 1783 году Крымъ, начали настоящую войну вовсе не съ цѣлями оборонительными. Они не могли переносить постройки въ Херсонѣ русскихъ судовъ, о которыхъ русскій дворъ дѣлалъ увѣренія, что это торговныя суда, которыя при миролюбіи Россіи и сняты тутъ могутъ¹⁾; они знали, къ чему клонятся всѣ мѣры и предпріятія русскаго правительства, и первую цѣлью ихъ по объявленіи войны было уничтоженіе Кинбурна и возвращеніе Крыма. Прошлогодня неудача подъ Кинбурномъ ожесточила ихъ и Гассанъ паша, собравъ флотъ, выѣхалъ въ началѣ мая изъ Константинополя съ тѣмъ, чтобы или совсѣмъ не возвратиться живымъ домой, или возвратиться завоевателемъ Крыма. Съ 13-ю линейными кораблями, 15 фрегатами и 32 кирлангачами, шебеками

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XXIХ, стр. 327.

и др. мелкими судами онъ явился 20 мая у Очакова и вошелъ въ лиманъ, высадивъ въ Очаковскую крѣпость значительное подкрѣпленіе гарнизона. Мелкія суда онъ отправилъ въ лиманъ для развѣдокъ о русскомъ флотѣ. Первое судно, которое увидѣли турки, была шлюпка капитана Сакена, возвращавшагося въ Глубокую пристань изъ Кинбурна, куда онъ привозилъ отъ принца Нассау какія то бумаги Суворову. Тринадцать турецкихъ судовъ (3 фрегата, 5 ботовъ и 5 малыхъ судовъ) бросились догонять Сакена. Онъ вошелъ въ устье Буга, отрядилъ въ лодку 9 матросовъ и отправилъ ихъ въ Глубокую пристань съ бумагами и увѣреніемъ, что онъ не сдастся; самъ же ждалъ abordжа турецкихъ судовъ. Когда одна изъ нихъ подошла къ его боту, то, прогнавъ всѣхъ матросовъ въ море съ бревнами для спасенія вплавь, онъ взорвалъ самъ себя и турецкій боть.

„Геройская смерть Саксена, доносилъ Потемкинъ, — показала туркамъ, какихъ они имѣютъ непріятелей“. Этотъ подвигъ тѣмъ рѣзче характеризуетъ перваго героя на морѣ въ этой войнѣ, что онъ впередъ предрѣшилъ свою гибель. Отъѣзжая изъ Кинбурна въ виду вступившихъ въ лиманъ турецкихъ судовъ, онъ сказалъ на прощанье одному подполковнику, своему пріятелю: „когда турки атакуютъ меня двумя судами, я возьму ихъ, съ тремя буду сражаться, отъ четырехъ не побѣгу, но если нападутъ болѣе, тогда прощай Федоръ Ивановичъ; мы больше не увидимся!“.

На другой день турецкій флотъ сталъ бомбардировать кошъ вѣрныхъ запорожцевъ, расположенный у урочища Василькова на Кинбурнской сторонѣ. Канонада продолжалась съ 4 до 11 часовъ утра, но не принесла никакого вреда, такъ какъ турки боялись подойти близко. Суворовъ потребовалъ въ Кинбурнъ три лодки „съ добрыми молодцами“, а Нассау-Зигенъ всю остальную козачью флотилію съ кошевымъ въ устье Буга. 1-го іюня была небольшая стычка, въ которой погибъ куренный атаманъ и нѣсколько козаковъ, а 7-го іюня, когда изъ Глубокой пристани подошли и большія суда, произошла уже настоящая битва между гребными судами обѣихъ сторонъ. Несмотря на то, что турецкихъ судовъ было до 60 и вѣтеръ былъ попутный для ихъ атаки, запорожцы показали чудеса храбрости; они вели за собой на буксирѣ галеры и плавучія баттареи подъ начальствомъ бригадира Алексіано, грека, обиженнаго тѣмъ,

что начальство надъ флотиліей было передано Полю Джонсу. Эта личная обида, отъ которой онъ, по словамъ Потемкина, „чуть съ ума не сошелъ отъ печали“, и хотѣлъ было со всеми греками бросить службу, а также ненависть противъ „враговъ нашего закона“ сдѣлали его свирѣпнымъ. Онъ велъ запорожцевъ и все кричалъ, „чтобъ цѣлили въ капитанъ нашу“, распоряжавшагося въ переднихъ рядахъ: „онъ съ такою былъ холодностью, что всехъ удивилъ; довѣренность къ нему чрезвычайная“. Такъ характеризовалъ его Потемкинъ, которому вѣсть о сраженіи въ лагерь на Чичиклею привезъ бригадиръ Корсаковъ, также участвовавшій въ битвѣ ¹⁾.

Два турецкихъ судна было взорвано на воздухъ; одно сожжено, 18 повреждено до того, что успѣли укрыться къ Очакову подъ охрану крѣпостныхъ пушекъ; за ними послѣдовали и все остальные, несмотря на старанія Гассанъ-паши удержать отступленіе. 16-го іюня Гассанъ-паша со всеимъ флотомъ своимъ вошелъ опять въ лиманъ и сталъ на якорь въ пушечномъ выстрѣлѣ отъ русской эскадры. Не давая ему времени одуматься, кошевой атаманъ Сидоръ Бѣлый съ своими гребными лодками подъ градомъ пуль и картечи бросился штурмовать трехпалубныя турецкія суда; но тутъ же получилъ рану, отъ которой умеръ на третій день ²⁾. Съ большихъ судовъ и плувучихъ батарей стрѣляли въ турецкіе корабли брандскугелями и калеными ядрами, отчего тѣ загорались и взлетали на воздухъ. Когда взорвало 64-пушечный корабль, турки бросились въ бѣгство; капитанъ-наша приказалъ стрѣлять по бѣгущимъ, самъ двинулся на адмиральскомъ кораблѣ впередъ, но запорожцы его окружили и сожгли и этотъ корабль, такъ что самъ адмиралъ едва спасся на плюбкѣ назадъ, чтобы поддерживать духъ въ своихъ растерявшихся войскахъ. Вечеромъ того же дня турецкіе корабли въ безпорядкѣ побѣжали изъ лимана въ море и въ темнотѣ ночи попали подъ выстрѣлы батареи, выстроенной Суворовымъ на самой оконечности кинбурнской косы. Восемь фрегатовъ среди темной ночи были взорваны на воздухъ и сожжены калеными ядрами; семь судовъ разбито въ щепки съ батареями; другія сѣли на мель; болѣе 2000 турокъ бросились въ

¹⁾ „Рус. Старина“. 1876 г., іюль, стр. 460.

²⁾ Короленко. Черноморцы. Спб., 1874, стр. 11.

воду и погибли; съ девятаго загорѣвшагося корабля часть народу успѣли снять наши матросы, а другая часть также была взорвана. Считаютъ, что турокъ погибло въ этомъ дѣлѣ 6000, а до 3000 было взято въ плѣнъ. Въ гребной флотилии запорожской кромѣ кошеваго и эсаула было убито и ранено нѣсколько десятковъ человѣкъ, а 235 душъ козаковъ турки взяли въ плѣнъ.

Потемкинъ, стоявшій тогда лагеремъ у Солоники (противъ нынѣшняго Николаева) былъ внѣ себя отъ радости: „6 кораблей линейныхъ сожжено, писалъ онъ императрицѣ: 2—на мели, 30 разбито! Мы лодками истребили самое лучшее, что было въ турецкомъ флотѣ, осталось—дрянь! Запорожцы, прибавлялъ онъ при этомъ, показали великую услугу: есть ли бы не они, то бы не могло наше ни одно судно двинуться!“¹⁾

Императрица только что отслужила въ столицѣ молебень по случаю первой побѣды 7-го іюня, когда получила это извѣстіе. Тотчасъ же послала она награды начальникамъ флота: Нассау получилъ 3200 душъ крестьянъ, Алексіано 610 душъ крест. и былъ возведенъ въ контръ-адмирала, а князь Потемкинъ получилъ шпагу съ лаврами и надписью. „Главнѣйшему екатеринославской сухопутной и морской побѣдоносной силѣ“²⁾.

Капитанъ-паша, не смотря на поражение, не терялъ еще надежды и 20 іюня пытался съ моря возвратиться въ лиманъ, но не былъ пронуженъ Суворовымъ, открывшимъ противъ него огонь съ своей батареей. Потемкинъ, тѣмъ временемъ переведшій отъ Аджигола первыя прибывшія войска подъ Очаковъ, устроилъ на с. з. отъ него на берегу Чернаго моря батарею, съ которой началъ 1-го іюля обстрѣливать крѣпость и фёрштатъ съ садами. Въ то же время Нассау-Зигенъ, приблизившись со стороны лимана къ Очакову, подъ выстрѣлами изъ крѣпости сталъ стрѣлять въ суда, стоявшія на берегу, и сжегъ всѣ до одного, которое было взято въ плѣнъ. Козаки тутъ потеряли одного куреннаго атамана и нѣсколько человѣкъ рядовыхъ. Такъ было убито и уничтожено почти все морское войско Гассанъ-пашы, который принужденъ былъ удалиться къ Березани и думалъ

¹⁾ Рус. Старина 1876. Іюль. 475.

²⁾ Ib. 1876. Августъ, стр. 572, 575. Ж. М. Н. Пр., 1873, авг., стр. 394.

теперь уже только о томъ, какъ бы подвезти помощь осажденнымъ въ Очаковѣ, который русскія войска стали окружать съ моря и съ суши.

Осаду съ суши, медленную, нерасчетливую и лѣнливую по словамъ Богдановича, другой специалистъ полковникъ Петровъ называетъ хотя медленною, веденною съ излишней осторожностью, но настойчивою¹⁾. Если слѣдить за ходомъ дѣйствій Потемкина, котораго Нассау-Зигенъ упрекалъ даже въ трусости, то можно убѣдиться, что ему хотѣлось взять Очаковъ, исполнивъ въ точности совѣты Императрицы—съ возможно меньшею потерей людей. Войска же и осадныя орудія, какъ мы видѣли, подходили къ нему въ теченіи іюля. Остановившись съ своимъ авангардомъ у берега Чернаго моря, онъ разставлялъ остальные прибывавшія части отсюда по направленію къ востоку такъ, что крайнее лѣвое крыло, куда имъ вызванъ былъ и Суворовъ, достигло лимана днѣпровскаго за балкою, гдѣ теперь находится кирпичный заводъ. Такимъ образомъ въ разстояніи около 3-хъ верстъ отъ крѣпости протянулась живая стѣна, отдѣлившая Очаковъ отъ сообщенія со степью.

Чтобы обезопасить себя съ тылу, Потемкинъ потребовалъ къ себѣ на сушу половину запорожцевъ, кошевымъ которыхъ по смерти Сидора Бѣлаго былъ назначенъ Захарій Ченига. Послѣдній, оставивъ подъ начальствомъ Зигена во флотѣ полковника Мокія Гулика и передавъ кошевой перначъ и прапоръ войсковому судѣ Головатому, отправился съ сухопутнымъ войскомъ черезъ Корениху и Аджиголь въ лагерь Потемкина. Здѣсь онъ получилъ приказаніе обойти березанскій лиманъ и наблюдать вверхъ по теченію Тилигула на сушѣ, а по берегу до Хаджибейскаго замка за движеніями ихъ на морѣ, такъ какъ можно было ожидать, что Гассанъ-паша при наступленіи осеннихъ бурь долженъ будетъ оставить островъ Березанъ на произволь судьбы и удалиться въ Варну или Константинополь.

Растянувъ войска отъ берега Чернаго моря до лимана, Потемкинъ передъ ними сталъ строить редуты и баттарои, слѣды которыхъ остались и до настоящаго времени; своимъ существованіемъ они опровергаютъ мнѣніе г. Богдановича, повторяемое и г. Брикне-

¹⁾ Петровъ, Вторая турецкая война. Спб. 1880. Т. I стр. 183

ромъ, относительно неумѣнья Потемкина вести осаду и употребленія приемовъ, „противныхъ правиламъ искусства“. Батареи эти стоятъ вовсе не на $3\frac{1}{2}$ версты отъ наружныхъ валовъ бывшей крѣпости, какъ утверждаетъ г. Богдановичъ¹⁾, судившій о ихъ разстояніи, очевидно, по старымъ планамъ и чертежамъ, а никакъ не болѣе $1\frac{1}{2}$ —2 версты. При томъ онѣ предназначались прежде всего не для дѣйствія противъ крѣпости, а для вытѣсненія турокъ изъ форштата, садовъ и виноградниковъ, закрывавшихъ крѣпость съ сѣвера. Четыре батареи были построены надъ берегомъ Чернаго моря въ іюлѣ и ихъ огонь давалъ возможность дѣлать рекогносцировки въ садахъ для ознакомленія съ планомъ крѣпости. Въ одну изъ такихъ рекогносцировокъ былъ убитъ генераль-майоръ Синельниковъ, первый екатеринославскій губернаторъ. Онъ былъ раненъ въ правую ногу выше колѣна, но пока ему дѣлали операцію, онъ сдалъ отчетъ Потемкину о большихъ суммахъ, истраченныхъ имъ на постройку города Екатеринослава²⁾.

27 іюля турки сдѣлали вылазку надъ берегомъ лимана, т. е. изъ Водяныхъ воротъ противъ лѣваго фланга русской арміи, гдѣ командовалъ Суворовъ. Послѣдній отбилъ наступленіе двухтысячнаго отряда и въ свою очередь бросился на штурмъ крѣпости, думая тѣмъ увлечь за собою и остальные войска, но былъ раненъ въ шею прежде, чѣмъ получилъ выговоръ отъ Потемкина. Послѣдній по словамъ де-Линя, подбивавшаго его напасть справа, пока турки заняты на лѣвомъ флангѣ, плакалъ о громадномъ числѣ убитыхъ солдатъ, а затѣмъ написалъ Суворову: „солдаты не такъ дешевы, чтобъ терять ихъ по пустому; ни за что, ни про что погублено столько народа, что весь Очаковъ того не стоитъ!“³⁾. Въ этой стычкѣ было убито 365 суворовскихъ гренадеровъ, а всего, по свидѣтельству де-Линя, болѣе 1000 душъ; Суворовъ послѣ этого былъ посланъ въ Кинбурнъ, гдѣ еще былъ раненъ разорвавшеюся бомбою въ лицо, грудь и колѣно. Затѣмъ онъ перѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ лечился до окончанія осады Очакова.

¹⁾ *Богдановичъ. Походы Рум., Потемк. и Сувор.* 1852. Стр. 147, 164.

²⁾ *Историч. Вѣстникъ*, 1887 г. іюнь.

³⁾ *Ж. М. Н. Пр.* 1873, августъ, стр. 405.

Въ началѣ августа, также для дѣйствія противъ садовъ были поставлены четыре баттарей передъ войсками по линіи отъ Чернаго моря къ лиману, въ половинѣ августа, по мѣрѣ подвоза къ Очакову пушекъ, четыре баттарей надъ берегомъ у лимана, а въ концѣ августа—еще 4 баттарей у берега Чернаго моря уже на разстояніи не болѣе 150—200 сажень отъ наружныхъ валовъ очаковскихъ ретраншементовъ. Въ то же время въ очищенныхъ садахъ съ с. з. стороны крѣпости устроена первая параллель изъ 5-ти баттарей и одна баттарей для дѣйствія на крѣпость прямо съ с. Въ этомъ мѣсяцѣ турки сдѣлали еще одну вылазку (18 августа) въ томъ же с. в. направленіи противъ недостроенной еще баттарей на берегу лимана; вылазка эта была также отбита съ большей потерей (500 человѣкъ), при чемъ у русскихъ было убито болѣе 100 душъ, а генераль-майоръ М. Л. Голенищевъ Кутузовъ былъ раненъ пулею, попавшей ему въ щеку и вылетѣвшей черезъ затылокъ, но остался живъ и продолжалъ участвовать въ войнѣ; это была 2-я пуля, прошедшая ему черезъ голову; раньше у Переконя 1774 г. ему попала пуля въ лѣвый високъ и вылетѣла черезъ правый, отчего онъ ослѣпъ на правый глазъ.

Императрица, приславшая ему орденъ св. Анны, очень интересовалась узнать, какъ именно раненъ Кутузовъ, а главный врачъ въ арміи Массотъ говорилъ: „должно быть судьба назначаетъ Кутузова къ чему нибудь великому, ибо онъ остался живъ послѣ двухъ ранъ, смертельныхъ по всѣмъ правиламъ науки медицинской“¹⁾. За эту вылазку русскіе отплатили очаковцамъ болѣе сильнымъ огнемъ съ баттарей, отъ котораго начался большой пожаръ внутри крѣпости.

Третью вылазку въ томъ же мѣстѣ турки произвели 6 сентября, при чемъ взорвали пороховой ящикъ на одной изъ русскихъ баттарей; въ этомъ дѣлѣ былъ убитъ генераль майоръ Фунаковъ. На слѣдующій день, какъ бы опять въ отместку, русскіе произвели такую сильную канонаду противъ крѣпости со всѣхъ баттарей, что Гассанъ-паша, стоявшій у Березани, подошелъ къ очаковскому берегу на помощь осажденнымъ и съ своей стороны бомбардировалъ русскія баттарей. На морѣ ему отомстить не успѣли, потому что буря

¹⁾ *Полевой Русскіе пол.* отд. Спб. 1845. Стр. 203.

9 сентября разбросала нашу гребную флотилию по всему лиману и очень повредила ей.

Въ сентябрѣ были поставлены еще три батареи за большимъ оврагомъ на лѣвомъ флангѣ, а съ сѣверной стороны крѣпости саженьяхъ въ 150 отъ ретраншемета возведена 2-я параллель изъ 5-ти батарей. Дѣйствиємъ этихъ новыхъ батарей всѣ пушки, стоявшія у турокъ въ ретраншементѣ, были сбиты и бомбардировка продолжалась уже внутри крѣпости, а также на ея стѣны и башни. Потемкинъ видѣлъ, что турки не хотятъ сдаваться на капитуляцію и будутъ защищаться до послѣдней возможности, несмотря на то, что перебѣгавшіе изъ крѣпости въ лагерь евреи и армяне говорили о готовности осажденныхъ сдать. Онъ сталъ думать о пробитіи бреши въ стѣнахъ самой крѣпости для начатія штурма и 4 октября поставилъ на с. з. сторонѣ одну брешь батареею. Но 10 октября онъ попробовалъ опять навести панику на осажденныхъ и сталъ бомбардировать крѣпость изъ всѣхъ сухонутныхъ батарей и изъ пушекъ лиманской флотилии; послѣдняя была прибита бурей къ берегу подъ турецкіе выстрѣлы и ничего не помогла. 14 октября поставлена была 2-я брешь батареею съ с. в. стороны также на близкомъ разстояніи.

Въ русскомъ войскѣ съ началомъ дождей, снѣговъ и слякоти болѣзни усилились, а турки, несмотря на то, что у нихъ сгорѣлъ провіантскій магазинъ, не показывали никакого желанія сдаваться, тѣмъ болѣе, что Гассанъ-паша, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, 21 октября подвезъ въ крѣпость подкрѣпленіе въ 1500 человекъ и продовольствіе. Все указывало на необходимость взять крѣпость штурмомъ; но Потемкинъ на штурмъ не рѣшался, не испробовавъ всего возможнаго, чтобъ принудить ихъ къ сдачѣ города.

Флотъ севастопольскій, охранявшій берега Крыма, который въ концѣ іюля у Фидониси разбилъ Гассанъ-пашу и заставилъ его уйти къ Березани, былъ теперь опять вытребованъ Потемкинымъ для того, чтобы прогнать Гассанъ-пашу и отнять у осажденныхъ всякую надежду на помощь со стороны. Гассанъ-паша впрочемъ не дождался новаго сраженія на морѣ, тѣмъ болѣе, что ожидалъ бурь, при которыхъ ему невозможно было держаться въ открытомъ морѣ. Узнавъ о движеніи севастопольской русской эскадры, онъ 4 ноября отплылъ

въ Аккерманъ. Потемкинъ воспользовался этимъ, чтобъ взять Березань и послалъ туда Головатого съ его запорожскими дубами и нѣсколькими пушками на нихъ.

„Предпріятіе сіе передъ лицомъ всей арміи произведено было въ дѣйство съ совершеннымъ успѣхомъ“, какъ говорится о томъ въ реляціи о взятіи Березани¹⁾. На островъ былъ гарнизонъ турокъ въ 320 человекъ и крѣпость въ южной его части; на сѣверной его сторонѣ, гдѣ берегъ въ одномъ мѣстѣ переходитъ въ мель и представляетъ возможность для восхожденія на островъ, турки построили каменную стѣну, такую же отвѣсную, какъ и всѣ остальные спуски берега, надъ этимъ мѣстомъ для отраженія нападенія они поставили батарею, огонь изъ которой встрѣтили приближавшихся запорожцевъ. Послѣдніе дали залпъ изъ пушекъ и ружей, бросились въ воду и подъ картечами и пулями взлѣзли на неприступную почти стѣну; выгнавъ турокъ изъ батареи, затѣмъ они пушками этой батареи стали обстрѣливать самую крѣпость березанскую.

Въ это время для поддержанія атаки запорожцевъ нѣсколько русскихъ фрегатовъ подошло къ острову, а бригадиръ Рибасъ открылъ пальбу по березанской крѣпости изъ канонирскихъ лодокъ. Турки сдались, потерявъ 70 человекъ убитыми. У запорожцевъ было убито 5 атамановъ и 24 рядовыхъ козака; 11 знаменъ, 23 пушки, 1000 ядеръ и 2300 четвертей хлѣба достались побѣдителямъ. Въ тотъ же день кошевой Чепига, ходившій по берегу, подступилъ къ замку Хаджи бею и тамъ уничтожилъ большіе запасные магазины у турокъ.

Очаковцы были отрѣзаны со всѣхъ сторонъ, но не хотѣли сдаваться. 11 ноября ночью они сдѣлали еще одну четвертую вылазку, напавши на рабочихъ, возводившихъ на лѣвомъ флангѣ у берега лимана брешь-батарею, гдѣ по оплошности не было поставлено наблюдательныхъ постовъ. При отбитіи этого нападенія былъ убитъ съ нашей стороны еще одинъ генераль-майоръ Максимовичъ. Потемкинъ рѣшился наконецъ на штурмъ, котораго такъ долго желалъ избѣжать. На лѣвомъ флангѣ онъ поставилъ еще двѣ батареи для разрушенія восточнаго бастиона у Водяныхъ воротъ и образованія бреши для наступленія. Но 14 ноября, когда онъ думалъ повести

¹⁾ Скальковскій, Исторія Запорожской Сѣчи, 1845 г. III. Стр. 220.

штурмъ, „буря возстала столь великая, что суда наши въ проливѣ отъ стороны тронуться не могли“, какъ писалъ объ этомъ императрицѣ самъ князь. Для поддержанія штурма со стороны суши ему необходима была помощь судовъ; но снѣгъ и вьюга, „необычайныя“ по его словамъ, продолжались. 24 ноября, въ день именинъ императрицы, не удалось сдѣлать штурма по тѣмъ же причинамъ. Только 1-го декабря былъ составленъ планъ атаки начальникомъ инженерныхъ работъ, генераломъ Меллеромъ, по которому наступленіе на крѣпость должно было произойти со всѣхъ сторонъ 6-ю колоннами: 4 изъ нихъ съ праваго фланга должны были идти подъ начальствомъ Реннина съ сѣверо запада по берегу моря и черезъ валы ретраншаumenta, чтобы взять замокъ Гассанъ-паши и пройти въ главную крѣпость черезъ ворота Гассанъ-пашинскія, Стамбульскія и Бендерскія. Съ лѣваго фланга Меллеръ долженъ былъ ворваться въ крѣпость черезъ разрушенный бастионъ у Водяныхъ воротъ надъ берегомъ лимана. Потемкинъ 1-го декабря еще разъ пересмотрѣлъ планъ атаки, подписалъ его и дополнилъ нѣкоторыми наставленіями въ родѣ того, что главныя усилія сосредоточиваются на сторонѣ Меллера, для чего резервъ долженъ помогать ему. Въ „расположеніи генеральной атаки Очакова“ предоставлялось Меллеру передъ штурмомъ производить пальбу изъ баттарей резерва, а резерву, въ случаѣ стремленія непріятельскаго къ баттареймъ, „быть готовымъ къ принятію онаго“. Всѣ колонны должны были „идти на штыкахъ, не занимаясь перестрѣлкой“, „не кидаться на добычъ, а поступать съ храбростью, свойственною россійскому войску, возлагая несомнѣнную надежду на помощь Христа Спасителя нашего... Кто изъ турокъ будетъ сдаваться, то отбирать оружіе и отсылать къ резерву, женщинъ же и младенцевъ щадить, отсылая ихъ туда же“.

Въ дополненіяхъ Потемкина было сказано между прочимъ: „Чтобъ войти въ крѣпость купно съ непріателемъ я почитаю невозможнымъ; входы извѣстны только имъ, куда побѣгутъ они малыми кучами, спуски во рвы тоже незнакомы, разстраиваться намъ вредно. Стараться выгнать изъ ретраншаumenta, отнять землянки, атакуя со всѣхъ сторонъ. Когда услышите крикъ ура! въ которой ни есть колоннѣ, то всѣмъ другимъ повторить“. Наконецъ, Потемкинъ отмѣнилъ канонаду, назначенную по „расположенію“, и прика-

залъ „строю дѣйствовать, какъ возможно стремительнѣе, что исполнить во всей точности“.

Штурмъ начался въ 7 часовъ утра 6-го декабря при 23 градусномъ морозѣ и въ дѣйствительности вышелъ болѣе удачнымъ, чѣмъ ожидалось по „расположенію“ и дополненіямъ князя. Не только турки не выступили изъ за ретраншамета противъ резерва, оставшагося у батарей, но въ одномъ мѣстѣ (у замка Гассанъ-паши) даже сдались въ плѣнъ въ количествѣ 1500 душъ; русскія войска вошли скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, въ самую крѣпость. Шли они съ „неописаннымъ мужествомъ и порядкомъ“, какъ характеризовалъ этотъ штурмъ на другой день Потемкинъ въ письмѣ своемъ къ императрицѣ, или же, какъ выразился полковникъ Петровъ, почти черезъ сто лѣтъ изучившій по всѣмъ документамъ это военное дѣло — „съ изумительнымъ хладнокровіемъ“.

Первыми вступили колонны Меллера и отворили изнутри крѣпости ворота Гассанъ-пашинскія и Стамбульскія для входа другихъ колоннъ, подошедшихъ съ с. з. На правомъ флангѣ дѣйствовали такъ быстро, что успѣли насыпать два вала и поставить одну батарею на берегу лимана между Гассанъ-пашинскимъ замкомъ и крѣпостью.

Въ четверть девятого уже смолкли выстрѣлы и крики нападающихъ, а подъ звуки холоднаго оружія раздавались только стоны умирающихъ и вопли матерей, защищающихъ дѣтей своихъ. Потемкинъ, не рассчитывавшій на полный успѣхъ нападенія, обманулся; но обманулся онъ и въ томъ, что приказы его о пощадѣ побѣжденныхъ могутъ быть исполнены. Турки и не просили пощады, а русскіе, разогрѣвая застывшую отъ морозовъ кровь и вымещая свои долгія бѣдствія въ лагерь, забыли о приказѣ гуманности. Если вступленіе войскъ произошло лучше, чѣмъ по писанному плану, то и способъ вступленія вышелъ совсѣмъ иной; при переходѣ черезъ стѣны крѣпости не понадобилось ни лѣстницъ, ни безпорядочнаго сбѣганія во рвы: рвы крѣпостные у стамбульскихъ воротъ въ 3 1/2 сажени глубиною были наполнены трупами, по которымъ войска проходили въ крѣпость. Этой то картины смерти и не хотѣлось видѣть Потемкину, такъ долго оттягивавшему штурмъ. Взять крѣпость безъ кровопролитія и получить за это Георгія и благодарность государыни

очень хотѣлось свѣтлѣйшему князю, какъ то утверждалъ еще при началѣ войны и самъ императоръ Іосифъ II, разорять одинъ за другимъ бастионы крѣпости издали посредствомъ пушекъ по правиламъ европейской науки—онъ могъ; но видѣть и слышать безчеловѣчныя подробности челоуѣческой бойни вблизи ея было сверхъ его силъ. Тотъ одинъ часъ съ четвертью 6-го декабря, когда шла эта бойня, онъ провелъ въ отчаянномъ состояніи: то садился на землю у одной изъ своихъ баттарей и подпиралъ голову руками, то вскакивалъ и прислушивался къ „браннымъ кликамъ“, доносившимся изъ города, и безпрестанно повторялъ только два слова: „Господи помилуй!“

Къ нему привели очаковского коменданта Гуссейнъ-пашу, взятаго уже въ плѣнъ.

— Твоему упрямству обязаны мы этимъ кровопролитіемъ! крикнулъ на него Потемкинъ.

— Оставь напрасныя упреки, отвѣчалъ фаталистъ мусульманинъ: я исполнилъ свой долгъ, а ты—свой. Судьба рѣшила дѣло! ¹⁾

Турокъ убито было 9¹/₂ тысячъ, да въ плѣнъ взято 4 тысячи (не считая обывателей), въ томъ числѣ одинъ трехъ-бунчужный паша (Гуссейнъ паша), 3 двухбунчужныхъ и 448 офицеровъ. Русскихъ погибло болѣе 2¹/₂ тысячъ, въ томъ числѣ одинъ генераль-майоръ, одинъ бригадиръ и 147 офицеровъ. Цѣлыхъ знаменъ, не считая поломанныхъ въ бою, взято 180, мортиръ и пушекъ 310; прочаго оружія хватило на нѣсколько тысячъ солдатъ, и они продавали его потомъ за безцѣнокъ. Труповъ убитыхъ нельзя было закопать въ промерзшую землю и ихъ вывезли на ледъ лимана, гдѣ они и лежали до весны, привлекая къ себѣ хищныхъ птицъ и звѣрей.

Потемкина ждала награда: „За уши взявъ обѣими руками, писала ему Императрица отъ 16-го декабря: мысленно тебя цѣлую, другъ мой сердечный, князь Григорій Александровичъ, за присланную съ полковникомъ Бауеромъ вѣсть о взятіи Очакова“ ²⁾. Она за „труды арміи въ суровой зимѣ“ велѣла выдать не въ зачетъ полугодое жалованье изъ экстраординарной суммы, Потемкину же кромѣ

¹⁾ *Богдановичъ. Поход. Рум. Пот. Сувор. Стр. 161.*

²⁾ *Петровъ. Вторая турецкая война. Т. I, стр. 203.*

ордена св. Георгія первой степени, шпагу, усыпанную брилліантами и 100,000 рублей. Два ордена получилъ Меллеръ, прозванный барономъ Закомельскимъ, офицеры—золотые кресты, а солдаты—серебряныя медали.

VI.

„Судьба рѣшила дѣло“,—и Очаковъ сталъ русскимъ городомъ. Было бы очень интересно познакомиться съ тѣмъ, какое значеніе имѣлъ этотъ городъ въ общей экономіи жизни турецкой имперіи въ теченіе своего трехсотлѣтняго существованія; но мы, къ сожалѣнію, не можемъ почти ничего сообщить объ этомъ читателямъ. Русская историческая литература не даетъ свѣдѣній о томъ, какъ жили турки на берегу Чернаго моря, а турецкіе историческіе источники для насъ закрыты. Пора бы уже нашимъ ученымъ для разъясненія исторіи новороссійскаго края обратиться къ турецкимъ и персидскимъ источникамъ; тѣмъ болѣе, что изъ учениковъ крымскихъ гимназій найдутся несомнѣнно охотники для такихъ занятій въ университетѣ. До сихъ поръ даже общія свѣдѣнія о военныхъ столкновеніяхъ двухъ племенъ—славянскаго и турецко-татарскаго мы можемъ черпать только изъ одностороннихъ показаній русскихъ писемъ, рассказовъ и официальныхъ реляцій, по которымъ всегда выходитъ, что въ данной битвѣ русскихъ убито и ранено было въ 4—5 разъ меньше, чѣмъ турокъ.

Изъ источниковъ южныхъ, говорящихъ о степи и судьбахъ ея, послѣ документа Константина Багрянороднаго, кажется, мы знаемъ очень мало. Исторія Крыма и Запорожья основывается вся на русскихъ свѣдѣніяхъ. Изучая въ Константинополѣ византійскія древности, мы игнорируемъ пока турецкіе рассказы, касающіеся насъ самихъ и того края, который достался намъ отъ турокъ. По незнанію турецкаго языка приходится по догадкѣ слово Очаковъ производить отъ занятаго нами у турокъ слова „очагъ“, обозначающаго у нихъ „костеръ“. Руководясь такимъ этимологическимъ указаніемъ, дальше мы можемъ предполагать, что на мысѣ очаковскомъ былъ вѣроятно у турокъ въ свое время маякъ, и этимъ предположеніемъ объяснять значеніе Очакова для турецкаго мореплаванія. Каково же

было отношеніе этого города къ населенію прилегающей степи, какъ пользовалось съ другой стороны населеніе выгодами отъ мореплаванія по внутреннему турецкому морю, — мы сказать почти ничего не можемъ.

Есть отрывочныя извѣстія, что въ Очаковѣ формировались турецкіе кунеческіе караваны, которые ходили отсюда съ товарами въ Кіевъ и Москву; сюда являлись за солью чумаки изъ польско-литовскаго государства, а изъ Голты и Балты везли польскіе товары. Остальныя подробности жизни въ очаковской стени, гдѣ жили кромѣ татаръ эдиссанской орды и румыны, и бѣглецы изъ литовскаго государства, закрыты разказами о набѣгахъ сюда козацкихъ дружинъ и о наступленіяхъ регулярныхъ войскъ изъ далекой Московіи. Въ Москвѣ узнали объ Очаковѣ еще при самомъ его возникновеніи. Крымскій ханъ Менгли-Гирей въ 1492 году на постройку этой крѣпости, предназначаемой имъ противъ литовскаго государства, занялъ у жителей города Кафы 33 тысячи алтынъ и требовалъ, чтобы московскій великій князь Іоаннъ, врагъ литовскаго княжества, возвратилъ ему эти деньги. Но тотъ не видѣлъ возможности беспокоить Литву изъ такого отдаленнаго пункта, денегъ не далъ, а требовалъ отъ хана нашествій на Литву¹⁾. Могъ ли дѣйствительно Очаковъ служить устрашеніемъ для Литвы, — не видно не изъ чего; но на эту новосозданную крѣпость нападены съ сѣвера начались тотчасъ же по ея постройкѣ. Остапъ Дашкевичъ съ козаками уже въ 1525 г. взялъ эту крѣпость, замѣтивъ, что она стала какъ разъ на стародавнемъ выходѣ сѣверныхъ варваровъ въ море на пути ихъ къ Византіи.

Съ тѣхъ поръ начинается долгая неустанная борьба за клочекъ земли у устья Днѣпра, который Екатерина въ приведенныхъ выше стихахъ ея назвала „защелками“, а Потемкинъ — „ключемъ въ Черное море“. Расторгнуть эти защелки конечно было важнѣе для формировавшейся Россійской имперіи, чѣмъ даже овладѣть Азовомъ, который давалъ входъ къ лужѣ воды, удаленной отъ Константинопольскаго пролива. Это было старинное окно въ Европу для жителей южной Руси еще во времена могущества кіевскихъ князей,

¹⁾ Карамзинъ. Исторія Рос. Рос. Изд. 1819 г. Т. VI, стр. 237.

а можетъ быть и раньше. Московское государство обратило на него вниманіе еще за долго до присоединенія къ нему южной Руси. Еще когда для него были „Украиною“ земли между Тулою и Рязанью, еще когда крымскіе ханы ходили походами подъ самую Москву и жгли ее, требуя дани подарками, а съ Литвы брали дань угоняемыми скотомъ и людьми, — уже князь Димитрій Вишневецкій съ первыми запорожцами разорялъ стѣны Очакова, а дьякъ Ржевскій и сокольничій Адашевъ, взявъ эту крѣпость, ходили изъ подъ нея узнавать дорогу въ Крымъ моремъ (1555—59)¹⁾. Такіе розыски доказывали впрочемъ только, что если изъ Московіи трудно дойти до Крыма и полемъ, то моремъ, до берега котораго слишкомъ далеко, — и еще того труднѣе. Занять Очаковъ въ полное владѣніе не было тогда силъ ни у литовскаго государства, ни у московскаго; тѣмъ менѣе могли сдѣлать это ближніе сосѣди запорожцы, самое существованіе которыхъ подвержено было разнымъ случайностямъ. Но съ другой стороны и турки цѣнили значеніе Очаковской крѣпости и крымскіе ханы смотрѣли на нее, какъ на такой „хребетъ“²⁾, за которымъ имъ удобно было укрываться отъ нападений гяуровъ.

Такъ Очаковъ съ первыхъ дней своего существованія получилъ значеніе главнымъ образомъ стратегическое. Его онъ сохранилъ за все время существованія своего въ рукахъ турокъ, даже и тогда, когда площадь очаковской земли между Днѣстромъ, Бугомъ и Кодымью стала мало по малу заселяться колонизаціею съ сѣвера и запада. Послѣ нападений турки поправляли испорченныя стѣны крѣпости, имѣвшіе по описанію Боплана въ 30-хъ годахъ XVII вѣка 25 фут. вышины; но не видно ни изъ чего, чтобы у устья рѣчки Янчокрана, т. е. въ Березанскомъ лиманѣ турки думали когда нибудь устроить гавань для судовъ: торговая дѣятельность города очевидно была малозначительна.

По разсказу Боплана въ его время было въ Очаковѣ двѣ крѣпости: одна — на горѣ, обнесенная стѣнами, а другая — на косѣ съ нѣсколькими пушками для обстрѣливанія устья днѣпровскаго, на другой сторонѣ котораго, т. е. на кинбурнской, у нихъ была еще одна башня для наблюденія за движеніями козаковъ изъ Днѣпра

¹⁾ Соловьевъ. Исторія Руссін съ древн. врем. т. VI, стр. 124.

²⁾ Ib. т. VII, стр. 131.

въ море. Но такъ какъ козаки, мстя за разоренія Украины, имѣли обыкновеніе проходить очаковское устье въ самую темную ночь передъ новолуніемъ, то турки въ такихъ случаяхъ, не нанеся имъ вреда, успѣвали только дать знать по берегу до самаго Константинополя о ихъ выходѣ въ море, чтобы и берега Анатолиі, Булгаріи и Румелии и купеческіе корабли на морѣ береглись отъ хорошо имъ знакомыхъ гостей ¹⁾).

По словамъ Боилана подѣ крѣпостью Очаковскою на протяженіи отъ ея стѣнъ до двухъ овраговъ были расположены два города, а жителей въ Очаковѣ считалось 2000. Можно думать, что позже, когда со временъ Дорошенка отношенія козаковъ къ Крыму измѣнились и послѣдніе перешли наконецъ въ подданство хана, очаковская земля стала жить лучше, и центръ ея Очаковъ сталъ разрастаться. Можетъ быть, именно къ этому времени затишья военнаго нужно отнести и возникновеніе тѣхъ постоянныхъ молдавскихъ поселеній въ очаковской области, въ которыхъ православныя церкви во второй половинѣ XVIII вѣка освящали митрополиты молдавскіе, носившіе титулъ Прославскихъ. Правда, всѣ почти поселенія эти (Дороцкое, Магалы, Бучіеры, Погребы, Яски и др.) появляются по большей части надъ теченіемъ Днѣстра, и только изрѣдка—среди степи (Гарагановка); по землю очаковскую ввоть до Буга и Кодыми молдаване зовутъ уже Ханскою Україною, а не Эдиссанскою ордою ²⁾). Не будемъ забывать и того, что въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, когда запорожцы подружились съ ханомъ, походы изъ Москвы направлялись больше къ Азову, чѣмъ въ эту сторону Чернаго моря, а одинъ походъ Петра I на Прутъ былъ неудаченъ и окончился ничѣмъ. Оттого вѣроятно и ростъ населенія въ Очаковѣ и его краѣ теперь пошелъ быстрѣе. Минихъ, пришедши къ Очакову, засталъ въ немъ не то 20—30, а можетъ быть даже и 40 тысячъ жителей ³⁾; слѣдательно, тогда Очаковъ былъ однимъ изъ многочисленныхъ городовъ своего времени.

¹⁾ Описаніе Украины. Сочиненіе Боилана. Спб. 1832, стр. 32, 64—66

²⁾ Херсонскія епархіальныя вѣдомости 1861. Приложенія. Также Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей, т. II, стр. 140—178.

³⁾ Шмидтъ. Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Херсонская губ. 1863, ч. II, стр. 777. Соловьевъ, т. XX, стр. 117 sqq.

Послѣ рѣшительнаго наступленія русской имперіи на турецкую въ 1735—40 годахъ, когда и запорожцы перешли изъ за Днѣпра въ новую сѣчь и возобновили нападенія на крымцевъ, западныя государства стали относиться съ опасеніемъ къ усиленію Россіи; французы первые для этой цѣли помогли туркамъ укрѣпить Очаковъ. Французскіе инженеры, исправивъ высокія стѣны внутренней крѣпости, улучшили и внѣшніе валы ретраншементы, окруживъ ихъ рвами. Вотъ почему Потемкинъ, подходя къ Очакову, писалъ Императрицѣ, что „турки не тѣ ужь стали и чортъ ихъ научилъ“ оборонять крѣпость, а она ему совѣтовала каждаго попавшагося въ плѣнъ француза засылать какъ можно дальше въ Сибирь, для того, чтобъ отвадить въ будущемъ любителей войны пріѣзжать къ туркамъ на помощь.

Сколько было жителей въ Очаковѣ отдѣльно отъ гарнизона во время послѣдней войны, рѣшившей его судьбу,—сказать трудно, какъ трудно добраться истины по этому вопросу и изъ рапортовъ Миниха и доносовъ на него, показывавшихъ разныя цифры. Нужно полагать, что въ концѣ XVIII вѣка здѣсь вмѣстѣ съ погибшими войсками было не менѣе 25000 душъ. Богатства, разграбленныя солдатами, на произволь которыхъ городъ былъ отданъ на три дня, были несмѣтны. Богатыя одежды, жемчугъ, золотыя и серебряныя вещи и уборы продавались ими потомъ за безцѣнокъ. Денегъ захвачено было такъ много, что голландскій червонецъ на рынкахъ потомъ шелъ въ 2 рубля, а турецкій левъ—въ 30 копѣекъ. Вотъ все, что мы можемъ сообщить о городѣ въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ достался русскимъ 6 декабря 1788 года.

По взятіи Очакова война съ турками продолжалась еще три года, но военныя дѣйствія перенесены уже были на устья Дуная и за Прутъ. Потемкинъ уже одинъ начальствовалъ надъ всею арміею, проживая то въ Яссахъ, то въ Петербургѣ, а въ битвахъ непосредственно участвовали Суворовъ, Репнинъ и другіе повководцы. Въ 1789 г. Императрица писала Потемкину, что Очаковскую крѣпость

разрывать не нужно — „ради безопасности лимана и вывода кораблей, дондеже не устроена новая граница“ ¹⁾). Теперь Очаковъ сталъ служить уже русскимъ, прикрывая своими пушками флотъ, который ходилъ отсюда на Дунай на помощь сухопутнымъ войскамъ. Флотъ этотъ сталъ увеличиваться, потому что въ томъ же году у устья Ингула въ Бугъ Потемкинѣмъ назначено было прекрасное мѣсто для верфи, и тутъ основанъ городъ, названный Николаевымъ въ честь взятія Очакова въ день св. Николая.

Послѣ побѣдъ Суворова при Фокшанахъ и Рымникѣхъ, послѣ занятія русскими войсками Хаджибея (гдѣ нынѣ Одесса), Аккермана, Килии, Бендеръ и др. городовъ, Императрица осенью 1790 г. требовала уже отъ Порты для заключенія мира земель по Днѣстръ, подтвержденія старыхъ договоровъ и соглашеній, по которымъ Крымъ отошелъ къ Россіи и на востокъ признана была границею р. Кубань, а также — составленія изъ Болгаріи, Молдавіи и Валахіи особаго христіанскаго княжества. Турки, надѣясь на помощь Англии и Пруссіи, сильно опасавшихся увеличенія могущества Россіи, готовы были признать новою границею р. Днѣстръ вмѣсто старой Буга и Кодымы, но требовали себѣ возвращенія Крыма. Поэтому война еще продолжалась; Суворовъ взялъ Измаиль, о которомъ писалъ, что „нѣтъ крѣпости крѣпче“ его; де-Рибасомъ были взяты Тульча, Исакча; наконецъ послѣ пораженія подъ Мачиномъ турки должны были согласиться на требованія императрицы. Война могла затянуться еще, такъ какъ Потемкинъ къ этимъ условіямъ прибавлялъ еще требованіе 20 милліоновъ контрибуціи; но онъ заболѣлъ и, выѣхавъ изъ Яссы въ Николаевъ, померъ въ дорогѣ, проѣхавъ всего одну станцію. Миръ въ Яссахъ заключенъ былъ 29 декабря 1791 года, и вся земля Очаковская стала частью Екатеринославской губерніи.

Поселившіеся здѣсь запорожцы, какъ выше сказано, были переселены на Тамань, а земли между Бугомъ и Днѣстромъ екатеринославскій губернаторъ Каховскій спѣшно сталъ раздавать новымъ владѣльцамъ. Эта раздача шла такъ быстро, что когда правительство замѣтило, что для увеличенія народонаселенія нужно привлечь сюда нѣмцевъ, то для этихъ колонистовъ пришлось уже покупать

¹⁾ „Рус. Старина“ 1876., сентябрь.

земли у новосозданныхъ помѣщиковъ изъ молдавской и русской аристократіи. Губернаторъ былъ озабоченъ выборомъ мѣста на приобрѣтенномъ берегу Чернаго моря для торговаго порта. По этому поводу въ 1792 году, указывая на Очаковъ, онъ писалъ въ своемъ представленіи, что „нѣсколько вѣковъ продолжавшаяся въ семь мѣстѣ торговля есть довольнымъ побужденіемъ къ возобновленію тутъ города и неприкословною надеждою скорого поселенія въ немъ жителей, промышленниковъ, торгующихъ и купцовъ разныхъ націй ¹⁾“. Но эта „неприкословная надежда“ губернатора не оправдалась.

Торговой гавани въ Очаковѣ не было и нѣтъ; какъ и прежде, въ немъ устроенъ Николаевскій ретрашементъ, передѣланный изъ башни Гассанъ-паши, и крѣпость съ гарнизономъ, а жители остались рыбаками, каковыми были ихъ предшественники въ теченіи многихъ вѣковъ.

Николаевъ, основанный въ честь взятія Очакова, и другой городъ, возникшій вслѣдъ затѣмъ на мѣстѣ Хаджибей, — Одесса опередили Очаковъ въ торговомъ развитіи. За сто лѣтъ на мѣстахъ пустыхъ, гдѣ посажены были эти города, поселилось въ одномъ до 200 тысячъ жителей, а въ другомъ до 80; существовавшій при взятіи Очакова г. Херсонъ считаетъ теперь уже 65 тысячъ населенія; на старомъ же пепелищѣ города Очакова число жителей за 1887 годъ считается всего въ 7 тысячъ ²⁾.

Увеличеніе населенія шло тутъ очень туго: въ началѣ настоящаго столѣтія въ 1816 г. (по 7-й ревизіи) ихъ было 3 тысячи, въ 1835 году — 4, въ 1851-мъ — 4^{1/2}, и въ 1857 — 5^{1/2} тысячъ. Торговля рыбою и солью, добываемою на противоположномъ берегу въ Прогнояхъ, — вотъ вся отпускная торговля, которую ведутъ въ Очаковѣ евреи, забравшіе мѣстное населеніе въ кабалу. Уже въ описаніи херсонской губерніи 1863 года мы находимъ характеристику этой кабалы, которая держится на раздачѣ рыболовнымъ артелямъ впередъ денегъ и на спаиваніи рыбаковъ водкою, разбавленною водою; авторъ описанія губерніи дѣлаетъ при этомъ выводъ, что „чѣмъ

¹⁾ Шмидтъ Херс. губ., 1863, ч., II стр. 777.

²⁾ Сборникъ Херс. земства, 1888, № 6, стр. 32.

большее число городских жителей оставлятъ земледѣліе, тѣмъ и добыча евреевъ бываетъ значительнѣе ¹⁾.

То же самое находимъ и въ описаніи одесскаго уѣзда, произведенномъ 20 лѣтъ спустя ²⁾.

Кромѣ рыболовства жители Очакова и его пригородныхъ хуторовъ—двухъ Бейкушей и Куцюруба занимаются земледѣліемъ—на земляхъ, которыя берутъ въ аренду у городского управленія за годовую плату ³⁾. Значить, характеръ жизни въ Очаковѣ не измѣнился послѣ переименованія его изъ турецкаго города въ русскій и послѣ замѣны турецкаго населенія русскимъ; разница вышла та только, что морская торговля, каковая была прежде изъ этого пункта черезъ Черное море, перешла въ Николаевъ и Одессу, которая въ нынѣшнемъ году стала первымъ городомъ въ Россіи по количеству отпускаемаго изъ ея порта хлѣба. Чтобъ читатели могли видѣть, какое ничтожное значеніе имѣетъ теперь Очаковъ, на осаду котораго ушло почти 1½ года, а взятіе котораго стоило многихъ тысячъ людей и многихъ милліоновъ рублей, приведемъ цифры, ка-

¹⁾ Шмидтъ. Херсонская губернія 1863 г. ч. II стр. 799.

²⁾ Такъ какъ „посудь“, т. е. всѣ приспособленія для ловли рыбы, особенно удачной во время хода ея изъ моря въ лиманъ, обходится рублемъ въ 400—1000, то рыбаковъ, ловащихъ своими сѣтями и на своихъ лодкахъ, въ Очаковѣ нѣтъ; всѣ они—въ полной зависимости у хозяевъ артелей—евреевъ, которыя выдаютъ имъ съ осени и зимы задатки, которыхъ имъ едва хватаетъ на прожитіе; берутъ проценты за эти задатки, плату за пользованіе орудіями лова, а пойманную рыбу,—по впередъ условленной цѣнѣ. Когда какой нибудь сортъ рыбы продается на очаковскомъ базарѣ по 1 р. 20 к. за пудъ, рыбакъ долженъ отдавать ее своему хозяину по 40—60 коп. На свой рискъ ловить рыбу ему не на что и нечѣмъ; продавая же рыбу пойманную нанятыми снастями, онъ успѣваетъ своему кредитору за лѣто уплатить половину или $\frac{2}{3}$ всего долга: на зиму дѣлаетъ новый заемъ и т. д. Въ такихъ вѣчныхъ непоплатныхъ долгахъ живутъ на очаковскихъ земляхъ потомки вапорожцевъ, ходившихъ сюда на „ляму“ еще во времена турецкаго владѣнія устьемъ Днѣпра.

³⁾ Управленіе городское, состоящее изъ липъ, мало причастныхъ въ земледѣлію, думаетъ, конечно, не о нуждахъ жителей, а о такихъ предпріятіяхъ, какъ, напр., постройка моста черезъ березанскій лиманъ, которыя могутъ дать заработки не столько массѣ населенія, сколько подрядчикамъ; потому ни земледѣліе, ни рыболовство не поднимаютъ торговаго значенія города; въ немъ идетъ торговля лишь сѣномъ, огородными овощами, водкою да бакалейными товарами; да и эта вся торговля существуетъ въ зависимости отъ покупателей, служащихъ въ переведенной въ Очаковъ изъ Николаева крѣпостной артиллеріи. (Шмидтъ, стр. 129, 20, 147).

кія намъ удалось добыть за послѣдніе годы для сравненія его величины съ побѣдившими его соперниками.

Цѣнность недвижимыхъ имуществъ города Очакова (число которыхъ въ 1887 году было всего 814) опредѣлена въ 413 тысячъ рублей, тогда какъ Херсона—въ 4 милліона съ лишнимъ, Николаева—въ 7 милліоновъ, а Одессы—въ 100 милліоновъ¹⁾; доходовъ и расходовъ меньшій изъ этихъ городовъ Херсонъ имѣетъ до 300 тысячъ, а наибольшій, т. е. Одесса—2.648.000 рублей, Очаковъ же—только 84—85 тысячъ. Но и эта послѣдняя цифра очевидно установлена городскимъ управленіемъ по форсированной оцѣнкѣ послѣднихъ лѣтъ, такъ какъ дѣйствительныхъ поступлений по раскладкѣ 1886 года было 37 тысячъ, а по раскладкамъ 1885 и 1884 годовъ всего только 16—17 тысячъ. Если судить о торговой дѣятельности города по числу поступлений въ казну торговыхъ пошлинъ, то и тутъ мы увидимъ такія же отношенія цифръ. За торговые документы, выданные въ 1885 и 1886 годахъ, поступило по городу Одессѣ 312 и 400 тысячъ, по Николаеву—51 и 56 тысячъ, по Херсону—38 и 42 тысячи рублей; по Очакову же—только 4.388 и 4.608 рублей.

Таковъ теперь Очаковъ, изъ котораго въ настоящее время напрасно вы будете искать корреспонденцій въ газетахъ, но который былъ предметомъ всеобщаго вниманія 100 лѣтъ тому назадъ и далъ имя своей эпохѣ, оставивши много страданій среди семей и родственниковъ убитыхъ подъ его стѣнами. Нѣсколько героевъ, павшихъ на штурмъ и во время осады, похоронены въ Херсонѣ въ оградѣ собора, построеннаго внутри крѣпости съ надписью надъ входными дверями: „Спасителю рода человѣческаго Екатерина II посвящаетъ“. Кромѣ упомянутыхъ нами выше Кореякова, Максимова и Синельникова, тутъ же похоронены бригадиръ И. П. Горичъ, генераль-майоръ С. А. Волхонскій, убитые на штурмъ Очакова. Особенно интересна большая каменная плита надъ гробомъ войска донскаго полковника Мартынова, убитаго тогда же на 22-мъ году жизни. Въ длинной риторической эпитафій о пучинахъ, крою-

¹⁾ Сборникъ херсонскаго земства 1887, № 5. Оцѣночныя данныя для опредѣленія стоимости городовъ, посадовъ и мѣстечекъ херсонской губерніи. Стр. 68.

щихся „среди яснѣйшихъ годинъ“, и тлѣнности чести и славы, между прочимъ на память вѣкамъ на этомъ камнѣ вырѣзано:

„Я видѣлъ въ жизни вся, былъ генеральскій сынъ,
 Еще въ младыхъ лѣтахъ цвѣлъ славою какъ кринь,
 Донскимъ полковникомъ отечеству служилъ,
 Близъ стѣнъ Очакова враговъ караль-губилъ.
 Но злой агарянинъ въ Очаковѣ въ бою
 Коварно изъ рва похитилъ жизнь мою...
 О жизнь, о строга смерть! Я на Дону рожденъ,
 Но вотъ въ чужой странѣ безъ сроднихъ погребень!
 Остались сродники по мнѣ отецъ и мать
 Которы будутъ ввѣкъ слезъ твои проливать.
 Чадолюбива мать, какъ горлица стеная
 Ланиты нѣжныя слезами орошая
 Повсюду будетъ мя съ тоскою злой искать
 И памятью моею печали умножать“...

и т. п. Конечно не объ одномъ этомъ Мартыновѣ лились „слезъ токи“ изъ глазъ лицъ, теперь уже прекратившихъ свое существованіе. Остатки костей главнокомандовавшаго подъ Очаковымъ, три раза откопанныя за истекшія 100 лѣтъ¹⁾ и три раза вновь положенные въ особый ящикъ, лежатъ въ томъ же крѣпостномъ соборѣ; на надгробномъ камнѣ, находящемся въ срединѣ церкви, помѣщены среди нѣсколькихъ медальоновъ имена городовъ, завоеванныхъ или построенныхъ княземъ. На право отъ верхняго медальона съ надписью „Крымъ и Кубань“ помѣщенъ меньшій медальонъ со словами „Очаковъ 1788“. Рядомъ съ гробницею князя на стѣнѣ собора около кресла, гдѣ сидѣла императрица Екатерина II въ бытность свою въ Херсонѣ, вдѣлана доска изъ чернаго мрамора съ надписью: „Свѣтлѣйшему князю Потемкину-Таврическому. Херсонское земство. 1865“.

¹⁾ Русская Старина 1875. Статья Цопова о жизни Потемкина.

Послѣднее этимъ почтило память князя не какъ полководца, а какъ администратора завоеваннаго имъ края.

Таковы вещественные памятники осады и взятія Очакова¹⁾.

А. Русовъ.

¹⁾ Въ самомъ Очаковѣ, въ настоящемъ году, по поводу истеченія ста лѣтъ со времени событія, когда старое Русское море стало опять русскимъ, явилась мысль увековѣчить это событіе постановкою памятника, на сооруженіе котораго истребовалось бы 5000 рублей. Если бы это предположеніе было осуществлено, то въ Очаковѣ, этотъ бывшій ключъ къ Черному морю, вѣроятно съѣхались бы на торжество люди, смотрящіе на исторію Россіи въ послѣднее столѣтіе такъ, какъ смотритъ Эмиль Феррье, авторъ книги „La Russie politique et diplomatique“ и редакция журнала „Revue des deux mondes“; можетъ быть и въ будущемъ путешественники, осматривающіе Одессу и Николаевъ, заворачивали бы на подъ-дороги въ Очаковъ посмотреть на памятникъ, въ которомъ выразилось сознаніе гражданъ этого города относительно значенія въ исторіи Россіи 6-го декабря 1788 года. Но этому предположенію не суждено было сбыться. Дума г. Очакова отвергла предложеніе о памятникѣ и по сообщенію газеты „Одесскія Новости“ постановила отпраздновать день 6-го декабря — „семейно, по своимъ средствамъ“. Кромѣ этихъ поминковъ дума постановила называть въ честь взятія Очакова сто лѣтъ тому назадъ, мореходное училище, когда оно будетъ здѣсь открыто, — „Екатерининскимъ“. Этимъ очевидно, и ограничится празднованіе истекающаго столѣтія со времени взятія Очакова.

КРИТИКА.

1) *Ив. Малышевскій. Варяги въ начальной исторіи христіанства въ Кіевѣ. Кіевъ. 1887 года.* 2) *Θ. Успенскій. Русь и Византія въ X вѣкѣ. Речь, произнесенная 11-го мая 1888 года въ торжественномъ собраніи Одесскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества въ память 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси. Одесса. 1888 года.*

Оба указанные труда посвящены уясненію одного и того же событія съ тою только разницею, что г. Успенскій подвергаетъ разсмотрѣнію и обсужденію вообще событія X в., приведшія нашихъ предковъ къ принятію христіанства изъ Византіи, а г. Малышевскій останавливается надъ болѣе частнымъ вопросомъ—какую роль играли пришельцы Варяги въ принятіи и утвержденіи у насъ христіанской религіи. Значеніе варяговъ въ дѣлѣ обращенія Владиміра св., по мнѣнію уважаемаго ученаго, весьма велико. Выходитъ такъ, будто варяги были единственными дѣятелями, благодаря усиліямъ которыхъ Владиміръ и склонился къ оставленію язычества. Правда, въ большей части своего труда уважаемый авторъ выражается гипотетически, выставляя свои мнѣнія какъ вѣроятныя предположенія, но на сколько нѣкоторыя изъ нихъ близки къ истинѣ, на столько же другія кажутся далекими отъ нея. Вполнѣ, на примѣръ, вѣроятнымъ является, по нашему мнѣнію, предположеніе г. Малышевскаго, что въ числѣ пословъ отъ византійскихъ императоровъ къ Владиміру св. были и варяги, находившіеся на службѣ въ греческой имперіи. Если эта мысль есть предположеніе, имѣющее вполнѣ характеръ исторической вѣроятности, то также вполнѣ фактически достоверно вліаніе нѣкоторыхъ варяговъ на Владиміра, ибо трудно что нибудь сказать противъ свидѣтельства саги объ Олавѣ, о Торнвальдѣ. Но едва ли возможно согласиться съ уважаемымъ

профессоромъ, когда онъ объясняетъ обращеніе Владиміра исключительно варяжскимъ вліяніемъ, ибо въ этомъ случаѣ мы должны сойти съ твердой почвы фактовъ и строить предположенія на предполагаемыхъ же фактахъ. Уважаемый авторъ приводитъ лѣтописное преданіе о варягахъ мученикахъ, преданіе о варягахъ изъ Патерика. Осмѣливаемся думать, что изъ этихъ преданій историкъ можетъ узнать лишь одно, именно, что среди варяговъ были христіане, но никакъ нельзя отсюда сдѣлать вывода, будто *первые* христіане на Руси были варяги. Эта мысль повторяется нѣсколько разъ. „Кто же, говоритъ авторъ, прежде всего наименовалъ Владиміру о св. Ольгѣ, если не мѣстные кіевскіе христіане, какими были *по преимуществу* варяги?“ Вотъ это послѣднее положеніе фактами абсолютно не подтверждается. Ни преданіе о варягахъ мученикахъ, ни выраженіе лѣтописи; „мнози бо бѣша Варязи христіане“—не могутъ служить для него опорой. Авторъ самъ высказываетъ это мнѣніе, какъ гипотезу, но и самая подобная гипотеза, осмѣливаемся думать, является очень шаткой. Не затягивая нашего отчета приведеніемъ фактовъ общеизвѣстныхъ о давнемъ распространеніи и существованіи христіанства по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, мы поставимъ только вопросъ: в зможно ли, чтобы народъ, бывший въ сношеніяхъ съ Византіей раньше, чѣмъ варяги, оставался совершенно чуждъ всякому вліянію этой страны съ могучей цивилизаціей и силой христіанства; возможно ли допустить, чтобы пришельцы варяги рагѣ стали принимать христіанство, чѣмъ народъ, который съ незапамятныхъ временъ былъ въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ не только съ Византіей, но и съ Греціей въ до христіанскій періодъ, народъ, имѣвшій среди себя и греческихъ колонистовъ, и греческихъ купцовъ и промышленниковъ? Отчего Владиміру могли наименовать о св. Ольгѣ варяги, а не тѣ кіевскіе люди, кіевскіе купцы, которые были вмѣстѣ съ нею въ Константинополѣ? Не были ли они варягами? Въ такомъ случаѣ надо признать варягами всѣхъ тѣхъ кіевлянъ, черниговцевъ, переяславцевъ и др., которые пріѣзжали въ Византію и жили у св. Мамы, и тѣхъ кіевскихъ (можетъ быть и черниговскихъ и др.) нашихъ купцовъ, перебитыхъ греками, вслѣдствіе чего былъ предпринятъ на Византію походъ въ 1043 году. Не отрицая вліянія приближенныхъ къ Владиміру иностранцевъ на его обращеніе, мы все таки должны думать, что болѣе сильное давленіе производили мѣстные, кіевскіе люди. Нѣтъ никакой возможности допустить, чтобы Владиміръ могъ такъ успѣшно ввести христіан-

ство въ Кіевѣ, опираясь лишь на однихъ варяговъ. Для этого было необходимо, чтобы и лучшіе кіевскіе люди считали въ своей средѣ не малое количество христіанъ. Предположить, что кіевскіе мѣстные дружинники, городскіе старѣйшины, купцы и вообще нарочитые люди вдругъ почувствовали влеченіе къ христіанству, такъ сказать переродились,—предположить это, конечно, возможно, но едвали это будетъ исторически естественно.

Выясняя роль варяговъ въ исторіи принятія христіанства на Руси, уважаемый авторъ неминуемо долженъ былъ коснуться и вопроса о достовѣрности лѣтописнаго повѣствованія объ этомъ событіи. „При встрѣчѣ съ извѣстіями разпорѣчащими, но не прямо противорѣчащими, говоритъ уважаемый профессоръ, мы держимся того правила критики, что прежде, чѣмъ отрицать одно извѣстіе въ пользу другого, слѣдуетъ сдѣлать попытку къ соглашенію ихъ, въ надеждѣ одно изъ нихъ пояснить или пополнить другимъ“. Съ этимъ методомъ исторической критики, намъ кажется, нельзя *не* согласиться. Мы думаемъ, что, хотя и гипотетически сдѣланное авторомъ примиреніе разсказа нашей лѣтописи о посольствахъ къ Владимиру св. изъ Византіи и обратно отъ русскаго князя въ Византію съ сообщеніями другихъ источниковъ получаетъ значеніе почти полной достовѣрности. Не говоря уже о цѣломъ рядѣ весьма остроумныхъ соображеній почтеннаго ученаго, для всякаго, кто прочтетъ параллельно разсказъ о крещеніи Руси вашей лѣтописи и повѣствованіе Ибнъ-эль-Атира или Яхьи Антиохійскаго, становится яснымъ согласіе въ сообщеніяхъ этихъ источниковъ. Мы имѣемъ, конечно, въ виду согласіе въ фактахъ, а не въ хронологіи, которая неминуемо должна была запутаться вслѣдствіе особенностей каждаго изъ этихъ источниковъ.

Чтобы ознакомить читателя съ содержаніемъ труда г. Успенскаго, приведемъ заглавія отдѣловъ его брошюры. Она содержитъ семь главъ: 1) „Научныя теоріи по объясненію происхожденія Руси: скандинавская или норманская и славянская теорія (несторовцы и антинесторовцы)“; 2) „Русь и другіе этнографическіе термины для обозначенія русской земли“; 3) „Элементы русской государственности. Договоры съ Греками. Морскіе походы на Византію“; 4) Культурное и по преимуществу торговое значеніе сношеній съ Византіей. Св. Ольга“; 5) „Внѣшняя политика Святослана. Значеніе движенія Руси въ Болгарію. Угнетенное состояніе Византіи“; 6) „Какими средствами располагала Византія для укрощенія Руси. Образо-

вательная роль Византіи въ исторіи“; и 7) „Просвѣщеніе Россіи христіанствомъ“. Сдѣлавъ очеркъ развитія теорій объ образованіи русскаго государства, авторъ во II главѣ приводитъ извѣстія, въ которыхъ находятся упоминанія объ имени „Русь“. Между ними есть три новыхъ, сообщаемыхъ г. Успенскимъ въ первый разъ и имѣющихъ большой интересъ. Это двѣ загадки и одна надпись на пьедесталѣ колонны, стоявшей въ Таврѣ. Хотя уважаемый авторъ и не высказываетъ рѣшительно своего мнѣнія по вопросу о происхожденіи варяговъ, объ образованіи русскаго государства, но въ своемъ обзорѣ явленій русской жизни IX и X вв. ясно склоняется къ признанію того факта, что наша туземная гражданственность не могла создаться чуть не моментально варяжскимъ волшебствомъ. А если это такъ, то фактъ призванія варяговъ возбуждаетъ непреодолимое сомнѣніе. Что касается значенія Византіи, какъ воспитательницы и просвѣтительницы европейскихъ народовъ, то въ общемъ нельзя не согласиться съ авторомъ, но несомнѣнно также и то, что подкупать и вооружать одинъ варварскій народъ противъ другаго и строить свое благо на погибели слабѣйшихъ—было обычнымъ явленіемъ византійской политики. Какая же, какъ не такая черта эгоизма проглядываетъ во всѣхъ наставленіяхъ Константина Багрянороднаго? Можно указать не мало фактовъ изъ византійской исторіи, гдѣ обнаруживается то же самое. Византія всего боялась, и въ этой своей боязни забывала иногда самыя высокія цѣли. Бьющимъ фактомъ, на примѣръ, являются дѣйствія императора Алексѣя Комнена во время III-го крестоваго похода, когда, по его распоряженію, на крестоносные отряды производились нападенія. Впрочемъ, на сколько можно понять, уважаемый авторъ и не отрицаетъ такого эгоистическаго направленія въ политикѣ Византіи въ отношеніи своихъ сосѣдей, но указываетъ, что это государство руководилось въ своихъ дѣйствіяхъ не однимъ эгоизмомъ, а и болѣе возвышенными цѣлями. „Не оружіемъ, не воинскими доблестями, говоритъ авторъ, одержала Византія эту побѣду, а своимъ моральнымъ воздѣйствіемъ на Русь и удовлетвореніемъ ея духовныхъ потребностей“. Правъ и тотъ славянскій князь, который говорилъ, что „отсюда (изъ Византіи) на всѣ страны распространялся добрый законъ“. Но какъ давала Византія эти блага цивилизаціи? „И стало опасно положеніе царя Василія и истощились его средства и побудила его нужда послать къ царю Руссовъ, враговъ своихъ, чтобы просить у нихъ помощи“. Въ этой безвыходности положенія и лежитъ главная причина, по

которой Византія дала Руси блага христіанства. Легенда легендой, но въ ней то по преимуществу и сказывается народный взглядъ на дѣла и дѣятелей. „Льстиви суть Греци и до сего дне“— вотъ мнѣніе русскаго народа о Византіи, мнѣніе, вынесенное народной мудростью изъ вѣковыхъ сношеній Руси съ этимъ государствомъ. Но какъ бы тамъ ни было, а наша историческая жизнь тѣсно связана съ Византіей, а потому нельзя не признать вполне истиннымъ мнѣніе уважаемаго автора, „что въ изученіи Византіи заключаются насущныя потребности русской науки и нравственный долгъ русскаго народа.“

П. Голубовскій.

В. Поплавскій и А. Ляценокъ. Повторительный курсъ Русской Исторіи (отъ Влдиміра св. до Іоанна IV). Житомиръ

Повторительные конспективные курсы по исторіи, дающіе ученику возможность скоро припомнить пройденное, весьма желательны по очень многимъ причинамъ, о которыхъ говорить здѣсь считаемъ неумѣстнымъ. Изданій, подобныхъ разбираемому, есть нѣсколько; каждое изъ нихъ можетъ служить пособіемъ при повтореніи, но и обладаетъ какими нибудь недостатками. Самымъ удовлетворительнымъ между всѣми ими можетъ быть названъ „Краткій повторительный курсъ“, изданный картографическимъ заведеніемъ А. Ильина въ С.-Петербургѣ, но онъ нѣсколько обширенъ: повторительный курсъ долженъ только напоминать факты, помѣщенные въ учебникѣ, а не замѣнять собою послѣдній. Намъ кажется, что пособіе, заглавіе котораго мы выписали, избѣгаетъ этого недостатка, имѣя нѣкоторыя положительныя достоинства.—Весь повторительный курсъ состоитъ изъ двухъ таблицъ, изъ которыхъ одна охватываетъ весь древній періодъ русской исторіи, то есть, отъ образованія русскаго государства до княженія Александра Невскаго; другая средній періодъ, но не весь, а до царствованія Іоанна Грознаго. Въ основу конспекта положена генеалогическая таблица, при чемъ въ четырехугольникѣ около имени каждаго князя сжато припоминаются главнѣйшія факты его дѣятельности. Приложенная тутъ же хронологическая таблица даетъ возможность возстановить себѣ хронологическую послѣдовательность главнѣйшихъ событій. Для этого же назначена и другая таблица „Главнѣйшихъ войнъ и битвъ“. Кромѣ того приложенъ пе-

речень святителей русской церкви и замѣчательныхъ литературныхъ памятниковъ. На первомъ же листѣ помѣщено перечисленіе русско-славянскихъ племенъ съ обозначеніемъ географическаго положенія территоріи каждаго изъ нихъ. Генеалогическая таблица на первомъ листѣ заканчивается сыновьями Ярослава Всеволодовича. Генеалогія на второмъ листѣ начинается съ Александра Невского и доводится до Іоанна IV. Тутъ же мы находимъ географическое перечисленіе литовскихъ и финско-угрскихъ племенъ, генеалогическую таблицу дома Гедымина и Чингизъ-хана. Таковъ видъ и содержаніе „Повторительнаго курса“ гг. Поплавскаго и Ляценка. Несмотря на все стараніе ихъ избѣжать пестроты, производящей путаницу въ глазахъ читателя, достигнуть этого вполнѣ они не могли, хотя надо сказать, что пестроты и запутанности очень немного, и при малѣйшемъ вниманіи со стороны читателя, онъ можетъ быстро и легко ориентироваться въ таблицахъ. Можно было сдѣлать не двѣ, а болѣе таблицъ, но этимъ уничтожалось бы одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ разбираемаго „Повторительнаго курса“ — возможность окинуть однимъ взглядомъ цѣлый періодъ исторіи. Намъ кажется только, что для большаго еще упрощенія таблицъ квадраты съ именами такихъ князей, какъ Брячиславъ полоцкій, Василій и Константинъ суздальскій и др., могутъ быть меньшаго размѣра, чѣмъ остальные. Затѣмъ изъ середины таблицы нужно взять и помѣстить на сторонѣ квадраты съ перечисленіемъ сословій древней Руси и подишниковъ русской церкви. Это, такъ сказать, внѣшняя сторона дѣла, но, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы сдѣлать нѣкоторыя поправки и въ содержаніи. Приведемъ нѣкоторыя мѣста. Нужно, напримѣръ, показать, что сѣверяне жили и по Сулѣ, уличи и тиверци обитали по Днѣпру и Днѣстру, а не по Пруту. Племена весь, меря, мурома, мордва и т. д. не были бѣдны и занимались не однимъ звѣроловствомъ, а стояли на довольно высокой ступени культуры, что доказывается и историческими, и массой археологическихъ данныхъ. Затѣмъ ужъ если надо говорить о племенномъ происхожденіи болгаръ, то ихъ наука признаетъ смѣсью угрскаго (а не финскаго) и тюркскаго племени болѣе, чѣмъ угрскаго и славянскаго. Переходя къ родословнымъ таблицамъ, мы считаемъ нужнымъ указать слѣдующія, напримѣръ, мѣста, которыя, какъ намъ кажется, подлежатъ исправленію. Въ числѣ сыновей Владиміра св. слѣдовало бы помѣстить и Святослава древлянскаго, который только упомянуть въ квадратахъ съ именами св. Глѣба и Святополка Окаяннаго. Владиміръ, старшій

сынъ Ярослава Мудраго, не былъ и не могъ быть изгоемъ, такъ какъ еще при жизни отца получили область, Новгородъ В., и умеръ въ ней, а изгоемъ былъ сынъ его, Ростиславъ, который былъ лишенъ удѣла своими дядьями. Олегъ Святославичъ (Гориславичъ) не можетъ считаться княземъ черниговскимъ, такъ какъ сидѣлъ тамъ очень короткое время въ періодъ своей борьбы съ Мономахомъ. Черниговскимъ княземъ былъ Давидъ, младшій братъ Олега, а послѣдній былъ княземъ Новгорода-Сѣверскаго, гдѣ и умеръ въ 1115 г. Св. Леонтій не былъ просвѣтителемъ вятичей, и городъ Ростовъ былъ не въ землѣ послѣднихъ, а въ области Мери; христіанство у вятичей проповѣдывалъ и дѣйствительно умеръ мученикомъ св. Кукша. Битва на р. Калкѣ происходила не въ 1224 году, а въ 1223, какъ уже давно (въ 1854 году) доказано Куникомъ. Точно также съ успѣхомъ можно было бы выпустить легендарную битву на р. Ирпени въ 1321 году. Впрочемъ, составители двѣ послѣднія хронологическія даты взяли изъ учебниковъ русской исторіи, а наши учебники вообще нейдутъ въ уровень съ наукой, и то, что наукой установлено, какъ незыблемая истина, въ 1854 году, попадетъ въ нихъ не ранѣе 1954 года.

Дѣлая всѣ эти указанія, мы имѣемъ въ виду лишь содѣйствовать, на сколько это въ нашихъ силахъ, тому, чтобы въ слѣдующихъ изданіяхъ „Повторительный курсъ“ еще болѣе отвѣчали своему назначенію—быть хорошимъ пособіемъ при повтореніи пройденнаго курса. Способъ распредѣленія матеріала въ интересующемъ насъ пособіи кажется намъ вполне цѣлесообразнымъ, ибо даетъ возможность занимающемуся возстановить въ памяти въ одно и то же время и генеалогію, и хронологію, и самыя событія русской исторіи. Вообще нельзя не отнестись сочувственно къ труду гг. Поплавскаго и Лященко, задумавшихъ снабдить учениковъ (и не учениковъ) хорошимъ пособіемъ при повтореніи исторіи.

П. Голубовскій.

Прилукизна. Историческое и статистическое описаніе территоріи прилуцкаго уѣзда полтавской губерніи. Въ 2-хъ частяхъ, съ картой уѣзда и съ планомъ города. Составилъ В—ъ А—чь Маценко. Посвящается и. прилучанамъ. Ромны, 1888, 238 стр.

Какъ показываетъ заглавіе, книга дѣлится на двѣ части: историческую (большую) и статистическую.

Исторія края начинается отъ Суличей, отъ времени „до образованія княжества“; затѣмъ разсказывается о первыхъ князьяхъ кіевскихъ, объ удѣлахъ вообще и о Переяславскомъ въ частности, о нашествіи татаръ, о переходѣ „Малой Руси“ къ „беззаконной Литвѣ“ и затѣмъ къ „вельможной пани“ Польшѣ, о возстаніи Хмельницкаго и переходѣ Малороссіи къ московскому государству; о состояніи прилуцкаго края въ это время; объ основаніи и судьбѣ Густынской и Ладинской обителей; о смутахъ въ Малороссіи въ періодъ гетманщины; объ уничтоженіи гетманства, образованіи намѣстничествъ и потомъ губерній малороссійской и полтавской. Далѣе, какъ и слѣдуетъ, разсказъ сосредоточивается исключительно на г. Прилукѣ и его уѣздѣ: говорится объ основаніи въ Прилукѣ церквей, школъ и другихъ общественныхъ учреждений. Впродолженіе всего повѣтствованія перечисляются послѣдовательно полковники прилуцкіе, предводители дворянства и городскіе головы; отмѣчаются результаты дѣятельности каждаго изъ нихъ. Въ отдѣлѣ статистики приводятся данныя о распредѣленіи земель между поселеніями и сословіями, помѣщенъ алфавитный списокъ поселеній, перечислены ярмарки въ нихъ; приведены цифровыя данныя разныхъ отраслей дѣятельности прилуцкаго земства, какъ то: народнаго образованія, медицины и проч.; къ нимъ прибавлена судебная статистика и списки полученной и отправленной прилуцкимъ уѣздомъ корреспонденціи, — „четверть вѣка тому назадъ“ и въ настоящее время.

Этотъ краткій перечень содержанія показываетъ, что книжечка написана по обыкновенному для подобныхъ изданій шаблону. Она была бы и столько же полезна, какъ многія такія описанія, сдѣланныя мѣстными свѣдущими людьми; но бѣда въ томъ, что авторъ ея слишкомъ мало подготовленъ къ историко-статистическимъ трудамъ. Чтобъ не быть въ отвѣтѣ за такой приговоръ, приведемъ доказательства.

Источники, которыми пользовался авторъ ¹⁾ „1. Преданія, записанныя отъ мѣстныхъ жителей. 2. Архивъ дѣлъ прилуцкой городской управы. 3. Дѣла прилуцкихъ городскихъ церквей. 4. Отчеты прилуцкой уѣздной и полтавской губернской земскихъ управъ. 5. Рукопись Павла Павловича Бѣлецкаго-Носенка о родословной его. 6. Изслѣдованія Погодина. 7. Лѣтопись Нестора. 8. „Ипатіевская“. 9. „Густынскаго монастыря“. 10. „Прилуцкаго уѣзднаго училища.

¹⁾ Печатаемъ въ строку для сбереженія мѣста.

11. Полтавскія губернскія вѣдомости по 1866 годѣ. 12. Полтавскія епархіальныя вѣдомости за 1864 годѣ. 13. „Кіевская Старина“ по 1887 годѣ. 14. „Труды Высочайше утвержденной Коммисіи при кіевскомъ университетѣ“ за 1854 г. (;) статья Маркевича. 15. Лѣтопись С. Величка. 16. Исторія Малорос. Маркевича. 17. Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе—А. Шафонскаго“.

Напрасно было бы ставить въ упрекъ автору, что онъ не воспользовался огромнымъ количествомъ изданій, вполне доступныхъ въ провинціи и заключающихъ въ себѣ много свѣдѣній, прямо относящихся къ предмету книги¹⁾. Онъ, очевидно, не зналъ объ ихъ существованіи. Авторъ не чувствовалъ потребности дѣлать какія бы то ни было ссылки на источники, которыми пользовался. Сколько можно судить,—изъ приведеннаго списка его источниковъ самымъ поучительнымъ было для него сочиненіе Маркевича.

Изъ содержанія. „... Гедиминъ Литовскій въ 1320 г... отбилъ Кіевъ отъ „поганой“ татарвы. Послѣ этого всей Малой-Русью завладѣла „беззаконная“ Литва а послѣ нее, въ 1386 году,—когда Ягейло Литовскій съ католичествомъ принялъ польскую корону, — „вельможная пани“ Польша. Завладѣвъ Литвой и Малороссіей, принявшей названіе Гетманщины (при этомъ словѣ выноска: „Гетманщина—производное слово отъ Гедиминъ: Гедиминъ—Гедиминщина, Гетманщина“), Поляки стали хлопотать о полномъ сліяніи этихъ народовъ съ Польшею такъ, чтобы всѣ жители составляли одинъ народъ: имѣли одну вѣру, языкъ и обычаи“ (стр. 16—17).

„Но когда магнаты и шляхты, мало по малу закрѣпощая народъ, захватили въ свои руки всѣ лучшія земли въ краѣ, а въ 1564 г., при королѣ Сигизмундѣ II Августѣ, послѣднемъ бездѣтномъ потомкѣ Ягейловъ, появились іезуиты (здѣсь слѣдующая выноска: „Іезуиты—общества Іесуса, духовный орденъ, основанный въ XV (sic) в. въ Римѣ Игнатіемъ Лойолою; цѣль ордена—распростр. католицизма“) и Польша превратилась въ Рѣчь посполитую (опять выноска: „Рѣчь посполитая—республиканскій образъ правленія, въ которомъ всякій шляхтичъ имѣлъ право голоса“) Малороссіи пришло то же плохо“ (стр. 17).

¹⁾ Напр. всѣ изданія Кіев. и Петербург. арх. комиссій, изданія Московскаго и Одесскаго обществъ ист. и древ., „Собр. госуд. грам. и догов.“, „Гор. посел.“ замѣняющія въ этомъ случаѣ Полн. собр. закон., „Матеріалы“ Судьенка, словарь Щекатова, „Списки насел. мѣстъ“, архив. матеріалы, изд. А. А. Андріевскимъ, исторія Бант. Кам., труды Максимовича, Костомарова и проч. и проч.

„Въ числѣ этихъ полковъ, по свидѣтельству лѣтописца Конисекаго, былъ и Прилуцкій..“ (стр. 24).

„Такъ въ первые же годы его полковничества (Игнатія Галагана), Петръ I, — занятый устройствомъ обводныхъ каналовъ, которые бы соединили Балтійское море съ Чернымъ—и не имѣя для этого достаточно рабочихъ рукъ, — потребовалъ козаковъ на работу канала между Волгою и Дономъ; въ числѣ ихъ было отправлено нѣсколько сотенъ изъ прилуцкаго полка“ (стр. 80).

„Въ 1785 году Якубовичъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, а прилуцкій полкъ со всѣми другими малороссійскими полками переименованъ въ карабинерный регулярный полкъ, съ расформированіемъ по разнымъ другимъ полкамъ. Такимъ образомъ вслѣдъ за уничтоженіемъ гетманства случился и „компутъ всего полку прилуцкаго товариства и посполитства, конныхъ и пѣшихъ такъ же и воловую упряжь имѣющихъ“ (стр. 103¹).

„Въ 1787 году, вслѣдствіе намѣренія Екатерины великой совершить путешествіе въ таврическую область“... въ Прилуцкѣ выстроенъ былъ путевой дворецъ. „Поѣздка эта, какъ извѣстно, не состоялась“... (стр. 112—113; это знаменитое „шествіе“ Екатерины II, про которое исписаны горы бумаги!).

Языкъ... „Только что возникнутой Братской школы...“ (стр. 30). „...Хмельницкій отправился на Запорожье и только здѣсь разрисовалъ запорожцамъ яркими красками бѣдственное положеніе Малороссіи, ему удалось возбудить возстаніе, для котораго 15 октября 1647 года его и выбрали гетманомъ“ (стр. 38—39). „Это между сторонниками Великороссіи, превозгласившими гетманомъ вторично Юрія и сторонниками Выговскаго, привело къ междуусобию, въ которомъ объ участіи прилуцкаго полка лѣтопись говоритъ слѣдующее:“ (стр. 47). „Между тѣмъ къ двумъ партіямъ, враждовавшимъ между собою, одна изъ самобытности, во главѣ съ Дорошенкомъ, съ Многогрѣшнымъ—изъ за приверженности Москвѣ,—прибавилась третья, — на Запорожьѣ“ (стр. 61—62). „Постановить училище въ надлежаще-порядочныя условія“ (стр. 155), „жизненный бытъ“ (стр. 98), „самый наименьшій“ (стр. 82) и проч. По приведеннымъ отрывкамъ можно судить и о грамотности автора; онъ пишетъ: „превозгласили“ (стр. 53, 54, 61), „корестолюбивы“ (стр. 51), „словест-

¹) Право, надо полагать, что авторъ смѣшалъ слово *компутъ* со словомъ *кануть*. Иначе никакъ нельзя объяснить здѣсь приводимой имъ цитаты.

ный“ (стр. 100, 101), „граммота“ (стр. 103), „привеллигированный“ (стр. 145); „пріѣзжающій съ Великороссіи“ (стр. 109), „перемѣстить село съ 1-го стана во второй“ (стр. 155) и проч. и проч. Выписаннаго достаточно, кажется, для подтвержденія высказаннаго нами выше приговора о неподготовленности автора къ историко-статистическимъ трудамъ. Между тѣмъ г. Маценко со смѣлостью, достойной лучшей участи, берется иногда „разрисовывать“ бытовья картины изъ прошлой жизни Малороссіи (напр. на стр. 72—73), а иногда даже не прочь и поучать читателя. Вѣроятно, съ цѣлью поученія и книга его „посвящается гг. Прилучанамъ“. По нашему мнѣнію, авторъ поступилъ бы гораздо почтеннѣе, еслибы тѣ матеріалы, которые онъ добылъ въ первыхъ 5 нумерахъ своихъ источниковъ, онъ переслалъ въ сыромъ видѣ въ болѣе опытныхъ руки.

Въ заключеніе предупреждаемъ читателей, что карты уѣзда и плана города, обѣщанныхъ на обложкѣ, къ книгѣ не приложено.

Ө. Н.

Д. И. Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ. Спб. 1888 г.

Авторъ „Запорожья въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа“ издалъ недавно „Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ“, сборникъ, представляющій значительный интересъ для людей, которые занимаются исторіей Запорожья. Всѣхъ дѣлъ напечатано г. Эварницкимъ 118; они обнимаютъ время отъ 1748 по 1829-й годъ; большинство же ихъ относится къ 1753—1764-мъ годамъ, времени запорожскихъ споровъ за землю и культурнаго обновленія того края, который прожилъ безъ новой культуры цѣлыхъ два вѣка, правда горькою, но честною жизнью. Дѣла касаются пограничныхъ отношеній Запорожья съ татарами, увода скота и плѣнныхъ, споровъ съ самарскимъ монастыремъ, устройства форпостовъ и пограничныхъ карауловъ, поимки гайдамакъ, рыбныхъ ловель запорожцевъ, отношеній запорожцевъ къ донцамъ и отправкѣ войсковыхъ старшинъ въ Очаковъ „для защиты запорожцевъ и для касающихся между оными и татарами дѣлъ“, (стр. 54) наконецъ, пропуска черезъ запорожскія владѣнія безпаспортныхъ людей, установки пошлины на товары и т. п. Между отдѣльными, эпизодическими документами любопытны дѣла о Ш. Кальнышевскомъ (№№ 103—108 и

111), объ обозномъ Ѳеодорѣ Галенковскомъ, усердно просившемъ освободить его отъ должности начальника пограничныхъ форпостовъ (№№ 39, 41 и 45), а также о другомъ обозномъ Ѳеодорѣ Московѣ (№№ 46—48), назначенномъ начальникомъ форпостовъ послѣ Галенковского; затѣмъ интересны указы „о учиненіи медицинской канцеляріи, о бытіи въ войскѣ запорожскомъ низовомъ лѣкарю Христофору Фигнеру, такожь и объ отпускѣ медикаментовъ за надлежащія деньги опредѣленія“ (стр. 177), „о производствѣ бывшихъ запорожскихъ старшинъ въ малороссійскіе послѣ паденія Сичи“ (стр. 208) и т. п., наконецъ, дѣла „объ изслѣдованіи учиненныхъ полковникомъ запорожскаго Гарда Семеновымъ разореній слободъ крѣпости св. Елизаветы“ и „объ отправленіи въ Сѣчь нарочнаго“ по этому поводу (стр. 180—183) и мн. др.

Послѣ просмотра всѣхъ документовъ можно замѣтить, что въ сборникѣ г. Эварницкаго нѣтъ особенно характерныхъ дѣлъ, которыя давали бы возможность установить какія нибудь новыя точки зрѣнія на тѣ или иныя бытовыя и историческія условія жизни Запорожья. Въ большинствѣ же дѣла эти важны массою мелочныхъ подробностей, заключающихся въ нихъ и необходимыхъ для дополненія той или иной характеристики взаимныхъ отношеній и условій жизни новороссійскаго края въ прошломъ вѣкѣ: поэтому всякій, серьезно интересующійся исторіей Запорожья, непременно долженъ будетъ обратиться, особенно за мелочнымъ бытовымъ матеріаломъ, къ указанному нами Сборнику г. Эварницкаго.

И. Ж.

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ Спб. 1886--8. Выт. 1—13.

Задумавъ пополнить существующій въ русской литературѣ недостатокъ въ біографическомъ словарѣ писателей и ученыхъ, г. Венгеровъ расширилъ обычную программу подобныхъ справочниковъ, сдѣлавъ свой словарь критико-біографическимъ. Это даетъ ему значеніе первенствующаго пособія для изученія литературы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страшно осложняетъ дѣло изданія его. Оцѣнку большей части писателей издателю приходится дѣлать самому, что представляется тѣмъ сложнѣе, что приходится вѣдаться съ писателями нашего дня, часто не вполнѣ выразившимися и опредѣлившимися

мися. Въ вышедшихъ покуда тринадцати выпускахъ, обнимающихъ половину буквы А, талантливый писатель съ честью справляется съ взятой на себя задачей. При энергіи и отличающей его горячей любви къ литературѣ, г. Венгеровъ, можетъ быть, и доведетъ предпринятый имъ колоссальный трудъ до конца, если, конечно, Господь Богъ продлитъ ему вѣка.

Въ начальныхъ выпускахъ словаря встрѣчается всего съ десятокъ именъ южноруссовъ: два духовныхъ писателя—Амвросій Юскевичъ и Анастасій Браановскій, ботаникъ Андржеіовскій, М. Андріевскій, Алчевская, Андреевскіе С. и П. (петербургскій поэтъ и кіевскій фельетонистъ), Андріяшевы (издатель календарей и начинающій историкъ) Андрей Царинный (псевдонимъ Андрея Яковлевича Стороженка, ошибочно названнаго въ „Словарѣ“ Александромъ) и рано погибшій М. А. Александровичъ. Въ предисловіи издатель не объяснилъ, включаетъ ли онъ въ свой трудъ и писателей на малороссійскомъ языкѣ? Наличные выпуски „Словаря“ могутъ ввести читателя въ этомъ отношеніи въ нѣкоторое сомнѣніе. Включенъ ли въ „Словарь“ Александровичъ, первый отъ попавшихся украинскихъ писателей,—какъ авторъ украинскихъ рассказовъ или только какъ авторъ изслѣдованья объ остерскомъ уѣздѣ? Всѣ напечатанные въ „Основѣ“ рассказы Александровича (подъ псевдонимомъ Митра Олельковича) писаны по малороссійски. Ихъ всего шесть (Пожежа, Три Паны, Жыдивска дяка, Пьяныця, Танскій, Проскурка)¹⁾ и одна публицистическая статейка (Де що про жыдивъ). Если имѣлись въ виду, какъ право на включенье въ „Словарь“ ихъ автора, и эти беллетристическіе очерки, то пропускомъ надо считать въ „Словарѣ“ отсутствіе двухъ стихотворцевъ Александровыхъ, изъ которыхъ сынъ, нынѣ здравствующій, издалъ и написалъ довольно много. Справку о нихъ г. Венгеровъ могъ найти и въ „Исторіи украинской литературы“ г. Петрова. Еще интереснѣе вопросъ—какъ поступить издатель съ писателями старо-украинской письменности, со всѣми этими Барановичами, Голятовскими, Вишенскими, которые ни по языку, ни по общему культурному типу никакъ не могутъ быть включены въ ряды писателей древне-русской литературы, хотя и вносятся туда по недоразумѣнію и незнакомству съ ними.

¹⁾ Издателямъ брошюръ на малороссійскомъ языкѣ давно пора перепечатать эти талантливыя вещицы.

Въ предисловіи къ своему изданію г. Венгеровъ съ одушевленіемъ говорить о могуществѣ современной русской литературы и о ея міровомъ значеніи. Въ созданіи этой литературы южноруссы играли такую большую роль, что чувства, внушаемыя развитіемъ и ростомъ русской литературы—по праву могутъ быть раздѣляемы и ими.

Г.

Еще объ украинскихъ народныхъ разсказахъ на французскомъ языкѣ.

Послѣ составленія нами замѣтки объ украинскихъ нар. разсказахъ на французскомъ языкѣ, напечатанной въ 8-ой кн. „Кіевской Старины“ за 1888 г., успѣли появиться еще новые французскіе переводы и извлечения изъ упомянутыхъ разсказовъ, вслѣдствіе чего мы считаемъ необходимымъ дополнить нашу замѣтку.

I. Въ *Revue Internationale*—журналѣ, выходящемъ въ Римѣ,—за 1888 г. отъ 25 іюня, напечатанъ за подписью *Julien de Pavadon* и подъ заглавіемъ *Mythes et croyances paiennes de l'Ukraine* переводъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ Руликовскимъ и первоначально напечатанныхъ въ краковскомъ *Zbiór Wiadomości do antropologii krajowej*, t...

II. Сдѣлавъ сокращеніе нѣкоторыхъ повѣрій о великанахъ, вовкулакахъ, русалкахъ, зміяхъ и т. д., г. Де-Повадонъ переводитъ легенды о Перепетѣ и Перепетихѣ, о зміевомъ Валѣ, Кожемякѣ и наконецъ сказки о богатыряхъ Сучи и Ильѣ (Муромцѣ). Передачѣ того матеріала предпослано вступленіе, въ которомъ попадаются такія странности, какъ увѣренія, будто Кіевъ основанъ греками и назывался сначала Хіосъ, или будто украинскій языкъ былъ въ употребленіи при дворѣ польскихъ королей до XV вѣка, или будто украинцы раздѣляются на кіевлянъ и брацлавцевъ и т. п. Изъ заглавія, какъ и изъ вставочныхъ замѣчаній г. де-Повадона видно, что для него весь сообщаемый имъ теперь европейской публикѣ матеріалъ представляется самобытно-украинскимъ и при томъ языческаго происхожденія, въ томъ числѣ даже легенды на темы библейскія и прозаическая передача великорусской былины объ Ильѣ Муромцѣ на бродячую тему о борьбѣ со зміемъ. Европейскіе ученые, конечно, не соблазнятся такими взглядами г. де-Повадона и во всякомъ случаѣ будутъ ему благодарны за то, что онъ сдѣлалъ для нихъ доступною часть изъ богатаго сказочнаго и легендарнаго

украинскаго матеріала. Поблагодаримъ его за то и мы и при этомъ случаѣ приведемъ изъ собранія Руликовскаго, мало распространеннаго у насъ внѣ записныхъ спеціалистовъ, одну легенду, которой другіе варианты было бы очень интересно поискать въ разныхъ мѣстахъ нашей этнографической области, а равно и въ сосѣднихъ съ нею. Легенда эта передаетъ въ извѣстной модификаціи библейскую легенду о потопѣ:

Богъ задумалъ истребить нечестивыхъ великановъ, которые населяли землю, но не зналъ, какъ это сдѣлать, пока ему не посоветовалъ *двуголовый царь иной земли* навести на землю потопъ. Въ этомъ потопѣ погибли великаны, но съ ними и двуголовые люди иной земли, кромѣ царя ихъ, который спасся на высокой могилѣ, только и этотъ утратилъ одну голову. На вопросъ царя этого, чѣмъ онъ провинился, что богъ отнял одну голову, богъ отвѣчалъ: я покаралъ тебя за то, что ты выдумалъ на твоихъ братьевъ смерть, какую я бы не придумалъ самъ.

Отъ этого царя пошло племя людское, которое теперь живетъ (*Zbiór Wiadomości* и проч., III, 63). Легенда эта, очевидно, принадлежитъ къ обломкамъ дуалистической легенды о твореніи, которые распространены среди восточно-славянскихъ, а также передне и сѣверно-азиатскихъ народовъ, и которые слѣдуетъ считать за отголоски въ ближайшей линіи гностическихъ идей ирано-сирійскихъ. Богъ совѣтуется здѣсь съ царемъ иной земли, какъ въ другихъ легендахъ онъ совѣтуется съ чортомъ о самомъ сотвореніи міра. Хотя подъ конецъ теперешней украинской легенды царь иной земли является и существомъ подначальнымъ богу, но въ началѣ онъ занимаетъ положеніе самостоятельное. Подобныя существа,—болѣе или менѣе независимыя отъ творца нашего міра, и до сихъ поръ признаются сектами мессопотамскими *мондаитами* и *іезидами*, изъ которыхъ послѣдніе, называемые у магометанъ и христіанъ чертопклонниками, распространены и въ Закавказьи.

Въ космогоническихъ легендахъ этихъ сектантовъ есть мало аналогій съ идеями гностиковъ въ одну сторону и съ нашими народными вѣрованіями въ другую; между прочимъ у іезидовъ есть всѣ элементы колядокъ о сотвореніи міра двумя (или тремя) голубями, занимавшихъ нашихъ ученыхъ отъ Костомарова до г. Потебни (см. Siouffi, *Etudes sur la religion des Soubbas ou Sabéens*, 48—60, id., *Notice sur la secte des Jézides*, *Journal asiatiques* 1882, II, 252—256). Легенда, резюмированная Руликовскимъ, носить на себѣ

характеръ подобныхъ месопотамскихъ легендъ, а потому интересно было бы поискать ея подобій на Кавказѣ, въ Арменіи и т. п.

Украинскія космогоническія библейскія легенды стали въ послѣднее время предметомъ труда печатающагося на французскомъ языкѣ въ журналѣ *Mélusine, revue de mythologie, littérature populaire, traditions et usages*,—гдѣ въ 9 №—рѣ за 1888 г. появился переводъ религиозныхъ легендъ болгарской д-цы Лидіи Драгомановой съ примѣчаніями г. М. Драгоманова. Пока появился (въ № 9 и 10) переводъ и объясненія легенды о сотвореніи міра (Богомъ и сатаню) и искупленіе его (Сыномъ Божиимъ). Легенда эта, которая представляетъ въ своемъ родѣ полную библейскую исторію,—родъ популярной редакціи апокрифа св. Іоанна (латинскаго, оставшаяся отъ катаровъ и напечатаннаго у Thilo (*Codexa Apocryphæ Novi Testamenti*) или славянскаго *Слова о зачатіи неба и земли* (Полнѣйшая редакція у г. Могульскаго, историко-литературный анализъ о Голубиной книгѣ“) очень близко подходитъ къ украинскимъ легендамъ, такъ что анализъ ея столько же принадлежитъ къ трудамъ болгарской, какъ и объ украинской народной словесности. Во французскихъ примѣчаніяхъ къ болгарской космогонической легендѣ мы находимъ изложеніе и украинскихъ легендъ о твореніи земли, о козѣ и челахъ, о зачатіи Маріи Дѣвы и Христа, о рожденіи Христа.

Мы позволимъ себѣ сдѣлать одно мимоходное замѣчаніе. Намъ кажется, что напрасно комментаторъ болгарской легенды сближаетъ, хотя и оговариваясь, съ ея эпизодомъ о твореніи земли сатаню, кромѣ украинскихъ, великорусскихъ и т. д. легендъ той же тѣмы, еще и сербскую о соперничествѣ Дукмена и Іоанна (у Караджича, Сръпске Пјесме, II, 81—85, id. Приповѣтке, 91—92), которой отголосокъ оказался и на Украинѣ (у Чубинскаго, I, 35). Правда, такъ поступаютъ съ этой легендой всѣ славянскіе ученые,—и недавно еще г. Веселовскій (Журналъ Минист. Нар. Просв. 1888, августъ, 467—468). Но въ сущности эта сербская легенда не имѣетъ съ легендой о твореніи ничего общаго, кромѣ эпизода нырненія злаго существа, и принадлежитъ очевидно къ другой тѣмѣ,—едва ли не къ той, которая лежитъ въ основѣ иранскаго сказанія о покушеніи Афразіаба овладѣть царственнымъ величіемъ (тремя свѣтами) Джемшида (см. Darmeteter, *Etudes iraniennes*, II, 225—229).

Откуда бы впрочемъ ни пошла основа этого сербскаго сказанія, а интересно, что отголосокъ его встрѣчается и на Украинѣ. Это одинъ изъ многихъ примѣровъ ближайшаго сродства украин-

скихъ сказаній съ балканскими, при посредствѣ которыхъ, въ другихъ случаяхъ, эти сказанія роднятся и съ средиземноморскими, — что даетъ основаніе зачислять украинцевъ въ рядъ народовъ, принадлежащихъ въ культурномъ отношеніи къ племенамъ бассейна средиземно-черноморскаго, — какъ это и быть должно по географическимъ условіямъ.

П. К—ій.

Бѣлорусскій сборникъ. Сказки. Собралъ Е. Р. Романовъ. Витебскъ, 1887 г. XVIII+443. in 8-o.

Бѣлорусскія сказки, собранныя Е. Р. Романовымъ въ могилевской губерніи, представляютъ большой интересъ какъ въ литературномъ отношеніи — для народной сказочной поэзіи, такъ и въ отношеніи лингвистическомъ. Многія сказки представляютъ интересное дополненіе къ темамъ обще-русскихъ народныхъ сказокъ. Здѣсь можно прослѣдить, какъ народно-литературныя преданія заносятся въ Бѣлоруссію то изъ великорусскаго міра, то изъ міра малорусскаго. Сказки помогутъ, между прочимъ, рѣшить вопросъ, насколько бѣлорусская поэзія представляетъ самостоятельную стихію и насколько въ ней заимствованій.

Сказки, изданныя г. Романовымъ, раздѣлены на слѣдующіе отдѣлы: 1) животный эпосъ, 2) сказки миѳическія, 3) сказки бытовые, сатирическія и юмористическія и 4) мелочи.

Сказки, вошедшія въ первый отдѣлъ, въ такъ называемый животный эпосъ, отличаются крайнею бѣдностью вымысла. Замѣтно, что содержаніе многихъ сказокъ какъ будто вставляется въ опредѣленную схему и настолько несложную, что, кажется, маленькое дитя можетъ ихъ рассказывать. Конечно, есть и интересныя воззрѣнія на животныхъ въ сказкахъ, которыя помѣщены въ миѳическомъ отдѣлѣ; такія сказки должны быть отнесены къ животному эпосу. Укажу на нѣкоторыя съ преобладаніемъ зооморфизма, напр. № 38 — „Золотое перо“, № 89 „Котокъ — золотой лобокъ“.

Содержаніе нѣкоторыхъ сказокъ животнаго эпоса развивается, какъ бы по спирали, напр. въ сказкѣ „Пятухъ и курочка“, курочка обращается за помощію къ морю, дубу, кощу, липѣ и т. д., но безуспѣшно, пока не „побѣгла туды, идѣ гроши дѣлаюць... Принясла курычка гроши, дала ковалю, а коваль давъ курычцы ножикъ.

Понясла курычка ножикъ липини, липина дала курычцы лыкъ коспу на лапци. Понясла курычка лыки коспу на лапци, косецъ давъ курычцы сѣна. Понясла курычка сѣно корови. Корова стала ѣсци сѣно и дала курычцы мылока. Понясла курычка мылоко жулуду, дубъ давъ жулуда парсюку. Понясла курычка жулуда парсюку, парсюкъ давъ курычцы клыкъ. Узяла курычка клыкъ у парсюка и побѣгла къ мору: отдала мору клыкъ, а мора дало курычцы воды. Понясла курычка воду къ пяташкѣ и улила у ротъ—пяташокъ закричавъ: кукареку!“ (стр. 6). Подобную схему видимъ и въ сказкѣ „Коза въ орѣхахъ“: „Коршукъ, коршукъ, иди курей драть!—Коршукъ пошовъ курей драть, кури пошли чарвей дѣвбать, черви пошли камяневъ точить, камяни пошли топоровъ тушить, топоры пошли довбневъ сѣчь, довбни пошли воловъ битъ, волю пошли воду пить, вода пошла огонь тушить, огонь пошовъ вярочки палить, вярочки пошли стральцовъ вязать, стральцы пошли мядвѣдя битъ, мядвѣдь пошовъ вовковъ драть, вовки пошли козу ѣсть: ѣсть коза съ орѣхами, ѣсть коза съ калеными!“ (стр. 13)

Миѣическія сказки представляютъ прекрасный матеріалъ, гдѣ обильно разсыпаны отголоски самой сѣдой древности русскаго племени. Между миѣическими воззрѣніями обращаютъ на себя вниманіе человѣкообразныя представленія солнца, луны, грома съ перуномъ, вѣтра, счастья, и такъ называемыя миѣическія подробности, какъ мечъ-самосѣчь, гусли-самогуды и др. Въ одной миѣической сказкѣ „Василь—Удовинъ сынъ“ Матерь Божья говоритъ: „Василька, лѣзь подъ печь! И не прогнѣвайся, бо моё сынъ и унуки якъ прирѣдуть, дакъ яны цябе сожгуть. Сынъ—богъ, а унуки—луна и сонца“. (стр. 202). Въ другомъ мѣстѣ солнце не свѣтитъ, потому что занято любовными дѣлами. „А того у пана сѣно пыгнило, кажець старенькій человѣчекъ—гѣто бывъ Богъ—што Дзѣвка Пылынчанка дванаццѣ дней купалыся у мори, ды гуляла съ сонцамъ. Отгѣтаго ня було сонца, ишовъ дождь, паныво сѣно и пыгнило“. (стр. 234).

Вѣтеръ представляется съ атрибутами миѣическими; онъ раздулъ муку дѣду. Баба и говоритъ ему: „А йдзи, дзѣдка, ня даруй яму!.. Пошовъ тоды дзѣдъ шукаць вѣтра. Ишовъ, ишовъ, ишовъ, ишовъ, бачиць—хатка. Узявъ ёнъ тую хатку за вуголь и ставъ оборачиваць. А вѣцерьъ кричиць: ня бури мою хатку! А на табѣ крайчикъ хлѣбца: што ты будзешъ яго ѣсци, то ёнъ будзець большаць!“ (278).—Громъ и молнія олицетворяются. „Ай, пастухи, говоритъ лиса: коли у васъ хто спросиць, чіё гѣто волю, дыкъ не ка-

жица, што Змѣя Горымця, а скажица, што Сцепана, вяликаго пана. А то, Ёдзець Громъ зъ Молоньѣй, онъ пупалиць и пусмалиць вась“. (220). Интересно также слѣдующее мѣсто другой сказки: „И повѣвъ Грома и Молоню къ дубу, дзѣ сядзѣвъ вужь. Якъ прывѣвъ ихъ къ дубу, ды покачавъ гѣтый дубъ—Громъ якъ давъ пяруномъ—дыкъ дубъ и расщавивъ! А Молонья якъ свиснула—дыкъ и загорѣвся, и дубъ и вужь, и згорѣли“. (227).—Слѣдуетъ отмѣтить образъ счастья: „Увыйшовъ дѣдъ у хатку, ажъ у той хатцы сядить Щастя на стули“. (279). Встрѣчатыя упоминаніе объ огненной рѣкѣ, черезъ которую старикъ перевозитъ грѣшниковъ въ адъ. „Приходзиць (Пятрокъ) къ огнянэй рацѣ. Бачиць—Марковъ бацька на гэтой рацѣ перавозиць безперастанку грѣшныхъ у пекло“. (339—340).—Сказка № 88—„Дѣдъ и баба“ указываетъ на то отдаленное время, когда жену хоронили вмѣстѣ съ мужемъ. Замѣчательно, что содержаніе этой сказки почти дословно совпадаетъ съ содержаніемъ былины о Михайлѣ Потокѣ.—Сказки о правдѣ и кривдѣ напоминаютъ своимъ содержаніемъ подобныя же сказки великорусскія и малорусскія; только въ одной изъ нихъ прибавлено интересное заключеніе. Змѣй сбрасываетъ съ дерева челоуѣка—кривду. „Расыпаѣся юнь на семсутъ кускуу, и здзилалося семсутъ шинкуу. И цаперъ у ихъ горѣлку пьюць“. (323).—Св. Юрій, который въ сказкѣ называется *Юрѣя—зылотае сядло*, представленъ ѣдущимъ къ Богу на конѣ (400). Сказка эта отнесена г. Романовымъ къ бытовымъ, хотя она несомнѣнно должна быть отнесена къ миѣическимъ сказкамъ. И слѣдующій за этою сказкою вариантъ ея, гдѣ олицетворяется вѣтеръ и гдѣ представляется образъ св. Юрія, имѣетъ всѣ признаки миѣической, а не бытовой сказки (401—403). Точно также слѣдуетъ отнести къ миѣическому отдѣлу и сказку „Нещастный Егаръ“ (срт. 350).

Сказка—„Иванька-сыночъ“ (268) представляетъ почти дословное повтореніе распространенной малорусской сказки—„Ивасикъ и Вѣдьма“ (Драг. 353, Чубинск. 406). Эта сказка представляетъ какія то отдаленныя черты людоѣдства, равно какъ подобное же содержаніе встрѣчаемъ и въ другомъ мѣстѣ. Богатый братъ, завидовавшій бѣдному, входитъ въ хатку къ какимъ то людямъ. „А гѣно были людоѣды. Яны яго скапили, нурубилы ды у котлы поўкидали“ (321). Встрѣчаются прозаическіе пересказы общерусской былины объ Ильѣ Муромцѣ, гдѣ Илья лежитъ двадцать три года; приходитъ къ нему *дзядуля-Господзь*, надѣляетъ его силою и даетъ ему такую

заповѣдь: „Живи жъ, Ильюшка, на здоровья и очистиуй свѣтъ“ (259). Илья борется съ Соколомъ, который живетъ на двѣнадцати дубахъ и какъ свиснетъ, то за 12 верстъ человекъ падаетъ (260).— Въ сказку— „Курила Кожемяка“ вошли тѣ преданія, которыя очень распространены въ Кіевѣ объ этомъ богатырѣ, который входитъ въ пещеру змѣи и освобождаетъ плѣнную царевну (217).

Сказки, въ которыхъ изображаются превращенія, какъ напр. братъ-баранчикъ (265), царевны утки (351), братья-орлы (228), превращенія въ церковь и озеро (171) очень напоминаютъ подобныя же превращенія въ малорусскихъ сказкахъ.

Изъ литературныхъ пріемовъ сказокъ можно указать на слѣдующее, не совсѣмъ обычное начало: „Пачномъ скѣзку, а не скѣзку, да приказку, скѣзка будзя заўтра пусли убида, подъивши мяккаго хлеба“. 322.—Сходство дочерей сказка обыкновенно выражаетъ такъ: „Было у бацьки три дочки: голысь у голысь, волысь у волысь, лицо у лицо“ (302). Обычный эпитетъ пуци слѣдующій—*пуца* драмуца, встрѣчается эпитетъ—зайчикъ веселый мальчикъ (59). Изъ множества поэтическихъ картинъ и характерныхъ выраженій приведу слѣдующее: „Сѣвъ бѣднякъ на лавцы, лядзиць, а дзяценыкъ сидзиць у люльцы. А яны молодоць кашу сы скварками. у бѣднаго ажъ слюнки цякуць“ (335).

Бѣлорусское нарѣчіе могилевской губ., по наблюденію г. Романова, раздѣляется на три говора; при этомъ первый—*южный говоръ акающей вѣтви бѣлорускаго нарѣчія* раздѣляется еще на три подговора: переростовскій, озеранскій и друтскій. Въ послѣднемъ интересно сохраненіе старославянскихъ флексій въ тв. пад. дв. ч. напр. рукама, ногама,—въ дат. п. мн. ч. напр. брятомъ, дзяцѣмъ.—въ предл. п. на людзѣхъ, на мужикохъ (XIV—XVI).

Трудно судить, насколько послѣдовательно выдержанъ въ изданныхъ сказкахъ фонетическій принципъ. Встрѣчаются нѣкоторыя непослѣдовательности; такая непослѣдовательность видна въ словѣ бѣгла,—которое на той же страницѣ пишется—бягла (10). Точно также встрѣчается оканье и рядомъ аканье (7).

Болѣ выдающіяся фонетическія особенности, которыя мнѣ удалось наблюдать въ бѣлорусскихъ сказкахъ, я приведу слѣдующія: во 1) часто *в* служить придыханіемъ, напр. войстровъ (72), воблыки (78), вухо (70), возяро (117), вусы (118), вулица (120, вокошко (120), у водзинъ (137), вобыскъ (155), по вуглахъ, вовчарникъ (224), вутка (239), вузелъ (287), вутро (350), вужь (212). 2) Бываетъ вставка при плавныхъ *р*, *л*—гласнаго *и*, напр. ирвали (53), ирви—дубъ (70), ильвици (39), илбѣ (49); встрѣчается вставка гласнаго и предъ другими согласными, напр. имхи, оржава (113).—3) Замѣчается выпаденіе гласныхъ звуковъ и стяженіе ихъ при встрѣчѣ, напр., отрицанія не (ня) съ гласнымъ звукомъ слѣдующаго слова, напр. ня 'тлучалиси (39), по 'днымъ (74), ня 'тдась (82), ня 'торветъ (160), ня 'тчинивъ (161), да 'пусцимся (174), на 'бадвы боки (177), на 'твѣтъ (178), по'бѣдали, яму 'тказуя (197), и 'тобравъ (197), а 'стальные (326), за 'гнемъ.—4) Обычна замѣна звука *в*—звукомъ *у*, напр. у воднымъ (95), уремямъ (95), у хуру (142), усѣ дно (118), сусимъ (96), у церкву (193).—5) Интересны замѣны глухихъ звуковъ: идути (6) (61), ляжиги (145), отобили (62). 6) Зубной *д* смягчается слѣдующимъ образомъ: зводжу (37), виджу (106), посаджу (113), хожджу, дожжь (31).

Изъ области морфологіи обращаютъ на себя вниманіе сокращенныя формы звательнаго падежа, какъ напр. мамъ (о) (143, 289), тать (144, 180), бабъ (180, 279, 393), молодиць (е) (387, 420).—Встрѣчаются случаи измѣненія категоріи рода, напр. мой лошадыъ (700), мою мечъ (256); „пославъ енъ туды свойго послу“ (301); „я пь яму войську усю окормила“ (302); цѣлая стада (243).—Такія слова, какъ суд(т)окъ (122), зьяя (187), зяецъ (сіяеть) (345), пусто-летъ (пистолеть) (434) представляютъ измѣненіе корня подъ влияніемъ народной этимологіи.

Лексическая сторона бѣлорусскихъ сказокъ представляетъ, несомнѣнно, и самостоятельную почву; но есть много заимствованій изъ малорусскаго языка,—гораздо меньше изъ польскаго. Вотъ заимствованія изъ малорусскаго языка: пѣвникъ (32), зернятки (32),

сцетки нема (41), прицкуваль (61), хапайся (65), развиднѣлося (80), зацвилило (123), чоботь (126), дружина (жена) (138), грэблю (324), труну (334), дивитца (смотреть) (406), паронковъ (428) и мн. др. Слѣдующія слова заимствованы изъ польскаго языка: лацьвѣй (71), склепъ, ляска (80), у цалѣ (95), слишная (107), выспа (190), лѣпи (240), злочинцы (246) и мн. др.

Сборникъ г. Романова представляетъ сказки одной могилевской губерніи; желательнo бы имѣть сказки, записанныя во всей области бѣлорусскаго нарѣчія; но и представленный сборникъ содержитъ уже въ себѣ хорошій литературный и діалектологическій матеріалъ

Хр. Ящурминскій.

Документы, Известія и Замѣтки.

Пятидесятилѣтіе немировской гимназіи ¹⁾.

Существованіе одной изъ двухъ гимназій многолюдной подольской губерніи въ такомъ незначительномъ пунктѣ, какъ мѣстечко Немировъ, брацлавскаго уѣзда, объясняется заботливостью о просвѣщеніи мѣстныхъ магнатовъ, владѣтелей мѣстечка, графовъ Потоцкихъ. Еще во времена Рѣчи Посполитой въ 1785 году великій подкоморій гр. Викентій Потоцкій устроилъ въ Немировѣ на собственныхъ средства небольшое училище на 12 мальчиковъ изъ дѣтей бѣдныхъ дворянъ. Отсутствие школъ и потребность дворянъ м. Немирова и его окрестностей въ образованіи для своихъ дѣтей привлекли въ училище массу учащихся, такъ что въ 1795 году, когда юго-западный край уже принадлежалъ Россіи, въ немировскомъ училищѣ насчитывалось 241 учениковъ при 12 преподавателяхъ, а чрезъ четыре года число первыхъ возросло до 359. Въ это время немировское училище состояло изъ пяти классовъ, въ которыхъ проходились почти всѣ предметы нынѣшнихъ гимназій: разницу составляли греческій и славянскіе языки и русская словесность, которые не читались въ (немировскомъ) училищѣ, и анатомія, естественная исторія, польскій языкъ и музыка, преподававшіеся въ послѣднемъ

¹⁾ Означенная замѣтка составлена по книгѣ. „Историческая записка о немировской гимназіи. 1833—1888. Составилъ С. Стрибульскій. Немировъ 1888“ и ссылки на страницы относятся къ послѣдней. Какъ официальное изданіе гимназіи ко дню ея пятидесятилѣтняго юбилея въ августѣ сего года, трудъ г. Стрибульскаго основанъ исключительно на матеріалахъ гимназическаго архива и излагаетъ, главнымъ образомъ, внѣшнюю административно-учебную жизнь заведенія за указанный періодъ.

Сообщая не мало общеинтересныхъ свѣдѣній, „Историч. записка о немир. гимн.“ въ общемъ подавляетъ читателя массой статистическихъ и фактическихъ дан-

и отсутствующіе въ нашемъ гимназическомъ курсѣ. Такимъ образомъ по своей первоначальной программѣ немировское училище во многомъ отличалось отъ современныхъ ему русскихъ главныхъ народныхъ училищъ и гораздо болѣе походило на учрежденныя въ 1804 году гимназіи. Большинство воспитанниковъ принадлежало, понятно, къ римско-католическому вѣроисповѣданію. Определеннаго возраста по классамъ для учащихся не полагалось, почему въ первомъ классѣ встрѣчались ученики отъ 6 до 23 лѣтъ, а въ пятомъ даже 33 лѣтъ¹⁾. Къ сожалѣнію, исторія двухъ первыхъ десятилѣтій немировскаго училища, игравшаго очень важную роль въ дѣлѣ просвѣщенія юго-западнаго края,²⁾ мало извѣстна, такъ какъ во время пожаровъ 1803 и 1811 года сгорѣлъ почти весь училищный архивъ.

Въ 1803 г. былъ учрежденъ виленскій университетъ и соединенный съ нимъ виленскій учебный округъ, районъ котораго составили нынѣшніе юго и сѣверо-западный край. Первымъ попечителемъ округа былъ назначенъ князь Адамъ Чарторыйскій. Подъ управленіемъ послѣдняго завѣдыванье учебной частью округа пошло исключительно въ руки лицъ польскаго происхожденія. Это было время подъема польскаго духа. Утрату политической независимости лучшіе люди польской интеллигенціи, къ числу которой принадлежалъ составъ виленскаго учебнаго округа, мечтали вознаградить культурнымъ превосходствомъ своего народа надъ побѣдителями, путемъ широкаго распространенія просвѣщенія въ національно-польскомъ духѣ среди своего народа и развитія польской науки и литературы. Къ своему народу они причисляли и русскій западъ съ его ополяченнымъ шляхетствомъ и темнымъ, загнаннымъ русскимъ православнымъ народомъ; ополячивать и окатоличивать тѣхъ

ныхъ, и едва ли будетъ имѣть широкое распространеніе. Редакція К. С. считаетъ долгомъ въ настоящей замѣткѣ познакомить своихъ читателей съ главнѣйшими данными указанной книги въ виду того важнаго значенія, которое имѣла немировская гимназія въ дѣлѣ просвѣщенія нашего юго-запада.

¹⁾ Почти тоже въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ того времени. Такъ, въ 1804 г. въ черниговскомъ главномъ народномъ училищѣ въ первомъ классѣ были учащіеся отъ 6 до 14 лѣтъ, а въ четвертомъ отъ 13—18. Въ нѣкоторыя же училища опредѣлялись въ 4—5 лѣтъ, напр. въ уѣздныя. См. Матеріалы для ист. учебн. заведеній черниг. дирекціи А. Андришева. К. 1865 стр. 22. 71.

²⁾ До 1803 г. въ юго-зап. краѣ насчитывалось всего 5 учебныхъ заведеній (Ист. зап. стр. 9).

и другихъ составляло одну изъ культурныхъ цѣлей начальства округа, которой наше правительство скорѣе способствовало, чѣмъ противилось.

Полномочнымъ визитаторомъ трехъ юго-зап. губерній былъ сдѣланъ гр. Ѡаддей Чапкій, который обнаружилъ въ дѣлѣ устройства училищъ большую энергію: за десять лѣтъ своей дѣятельности (1803—1813 г.) онъ довелъ число учебныхъ заведеній въ юго-зап. краѣ съ 5 до 127 и собралъ фундушей болѣе чѣмъ на миллионъ рублей ассигн. (стр. 9).

Согласно съ вышеуказанными цѣлями польской интеллигенціи, въ 1804 г. планъ ученія въ училищахъ виленскаго учеб. округа былъ значительно расширенъ въ сравненіи съ училищами другихъ округовъ; при этомъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ вилен. округа преподаваніе стало вестись на польскомъ языкѣ и было отмѣнено преподаваніе закона Божія по классамъ: съ этихъ поръ для православныхъ законъ Божій читался часть въ недѣлю, въ воскресенье послѣ обѣдни; для католиковъ же онъ преподавался ежедневно послѣ отправляшагося каждый день католическаго богослуженія.

Исконные покровители немировской гимназіи, графы Потоцкіе, всячески помогали основанному ими училищу: въ 1805 г. гр. Егоръ Щенный Потоцкій записалъ на Немир. училище сумму въ 18,476 р., и обязалъ своихъ наслѣдниковъ платить 5°о съ нея; графиня Софія Потоцкая построила на свой счетъ домъ для училища и нѣсколько домовъ для учителей (стр. 10).

Въ 1815 г. Немир. училище было преобразовано въ повѣтовое „Брацлавско-Гайсинское“. Срокъ ученія оставленъ по прежнему пятилѣтній, но классовъ было сдѣлано четыре, такимъ образомъ, что курсъ четвертаго класса былъ двухгодичный; науки преподавались тѣже, что и въ гимназіяхъ, только въ меньшемъ объемѣ. Черезъ десять лѣтъ преподаваніе въ училищѣ было значительно расширено введеніемъ наукъ прикладныхъ: практич. землемѣрія, науки о торговлѣ, о сельскомъ хозяйствѣ, о садоводствѣ, технологіи, топограф. рисованія и, кромѣ того, реторики. Оба указанные измѣненія приближали училище къ тогдашнимъ русскимъ гимназіямъ, равно какъ и распоряженіе 1830 г., по которому дозволялось открыть при Немиров. училищѣ классы пятый и шестой съ тѣмъ, чтобы окончившіе его воспитанники могли бы поступать изъ него въ университетъ, по особому, впрочемъ, экзамену. Польское возстаніе 1830—31 гг. отразилось и на судьбѣ Немировскаго училища: по Высочайшему повелѣнію всѣ училища югозап. края (въ числѣ свыше 275) были

закрыты, переведены въ другія мѣста и преобразованы;—въ числѣ ихъ было закрыто и Немировское, а имущество его передано въ Каменецъ Подольскій. Переводя учебныя заведенія въ другія мѣста и замѣнивъ польскій языкъ въ преподаваніи языкомъ русскимъ, правительство намѣревалось дать школамъ югозап. края русское направление. Съ этою цѣлью въ 1834 г., послѣ двухлѣтняго перерыва, Немировское училище было открыто въ преобразованномъ видѣ, а еще чрезъ два года превращено въ четырехклассное дворянское училище съ курсомъ нѣсколько меньшимъ гимназическаго. Въ 1838 году это дворянское училище было превращено по Высочайшему повелѣнію въ гимназію, и вотъ этого то событія пятидесятилѣтнюю годовщину праздновала Немировская гимназія въ августѣ сего года. Исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе гр. Болеславъ Потоцкій. При этомъ графъ за себя и своихъ потомковъ обязался давать ежегодно на содержаніе Немировской гимназіи сумму въ 4274 р. 65 к. и выстроить для гимназіи нужныя зданія. Такимъ образомъ за все время своего существованія съ 1785 по 1838 годъ Немировское дворянское училище, несмотря на всѣ преобразованія, представляло изъ себя среднее учебное заведеніе, весьма близкое къ тогдашнимъ гимназіямъ; и если нѣкоторыя изъ нашихъ гимназій уже отпраздновали столѣтній юбилей, считая свое существованіе съ года основанія предшествовавшихъ имъ главныхъ народныхъ училищъ, то Немировская гимназія могла съ равнымъ, если не съ большимъ, правомъ сдѣлать тоже два года тому назадъ.

Почти полстолѣтія существовало немировское училище, какъ чисто польское учебное заведеніе; съ 1838 года оно получаетъ противоположное прежнему направленіе. Согласно уставу 1828 года, немировская гимназія получила составъ изъ семи классовъ, съ курсомъ нынѣшнихъ классическихъ гимназій, если прибавить къ послѣднему статистику, черченіе и рисованіе и исключить греческій языкъ. Въ виду того, что значительное большинство воспитанниковъ гимназіи состояло изъ поляковъ, мало знакомыхъ съ русскимъ языкомъ, само собой разумѣется, что главныя усилія гимназическаго преподаванія первое время были направлены на изученіе этого языка, который „мало практиковался въ то время въ средѣ мѣстнаго общества, не говоря уже о польскомъ, но и въ русскомъ“ (Зап. стр. 49). Къ основательному ознакомленію съ русскимъ языкомъ побуждало и Высочайшее повелѣніе 1834 года относительно гимназій юго-зап. края, по которому чинъ XIV класса по окончаніи гимназій

присваивался только тѣмъ лицамъ польскаго происхожденія (изъ дворянъ), „которые сверхъ отличія во всѣхъ прочихъ наукахъ и въ поведеніи окажутъ совершенное знаніе русскаго языка и превосходные успѣхи въ россійской словесности“ (стр. 31). Кромѣ гимназическаго преподаванія для той же цѣли „усиленія русскаго языка“ репетиторамъ и квартиросодержателямъ строго было вмѣнено въ обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы ученики на квартирахъ разговаривали между собою по русски (50 стр.).

Хотя по словамъ отчета за 1839 годъ преподаваніе русскаго языка шло успѣшно, но едва ли эта успѣшность была велика, такъ какъ въ томъ же году директоръ письменно совѣтуетъ преподавателю этого предмета, Кулѣшу-Ченегѣ, позаботиться, чтобы его ученики правильнѣе читали и писали по русски. Вообще, знакомство съ русскимъ языкомъ воспитанниковъ немировской гимназіи въ теченіи сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ было не велико, на что въ „Историч. запискѣ о нем. гим.“ имѣется не мало указаній; такъ, напр., ген.-губ. Бибиковъ (1848—52 г.) много разъ обращалъ вниманіе начальства гимназіи на то, что воспитанники ея плохо владѣютъ „отечественнымъ языкомъ“ и плохо пишутъ на немъ, причемъ рекомендовалъ обращать вниманіе и на чистописаніе.

Отличительная черта гимназическаго преподаванія этого времени была та, что ученики заваливались массой письменныхъ работъ домашнихъ и классныхъ. Не говоря уже о русскомъ языкѣ и словесности, письменныя упражненія на домъ задавались по языкамъ латин., франц., нѣмец., по ариметикѣ, исторіи, географіи, закону Божію и чистописанію; такъ что у учениковъ выходило 6—8 письменныхъ домашнихъ работъ въ недѣлю.

Находясь въ краѣ съ малыми образовательными средствами, немировская гимназія съ самаго своего возникновенія стала привлекать массу учащихся и сдѣлалась одной изъ многолюднѣйшихъ въ Россіи: уже при самомъ преобразованіи цифра учащихся въ ней доходила до 450, а все продолжающійся приливъ вызвалъ распоряженіе округа, чтобы производили пріемъ переводящихся изъ другихъ гимназій въ немировскую только послѣ строгаго испытанія, а въ низшіе четыре класса принимали не иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя. Преобладающій контингентъ учащихся составляли дѣти дворянъ, католическаго вѣроисповѣданія; православныхъ въ 1838 г. насчитывалось въ нем. гимназіи всего 48.

Большое рвеніе начальство гимназіи проявляло при воспитаніи своихъ питомцевъ. Кромѣ обычныхъ исправительныхъ мѣръ: выговоровъ, пристыженій и т. д. оно нерѣдко прибѣгало къ тѣлеснымъ наказаніямъ, примѣняя послѣднія не только къ ученикамъ трехъ низшихъ классовъ, что допускалось въ рѣдкихъ случаяхъ уставомъ 1828 года, но и къ ученикамъ старшихъ классовъ („кажется, совѣтъ и инспектора злоупотребляли розгой“—Зап. стр. 55)¹⁾. Одной изъ важнѣйшихъ воспитательныхъ мѣръ было также „приличное размѣщеніе по квартирамъ“ воспитанниковъ, не жившихъ съ родителями и родственниками. Въ виду вредныхъ гигиеническихъ и нравственныхъ условій многихъ частныхъ квартиръ попечитель округа предложилъ начальству гимназіи заботиться о томъ, чтобы ученики стояли у лицъ благонадежныхъ греко-россійскаго вѣроисповѣданія. Во исполненіе этого предложенія, начальство гимназіи убѣждало родителей учениковъ ставить послѣднихъ на квартиру къ учителямъ гимназіи, такъ что въ 1839—40 г. въ числѣ квартиросодержателей были почти всѣ преподаватели гимназіи, даже самъ директоръ, при чемъ самыя многочленные квартиры были учительскія (стр. 57).

Жизнь учениковъ на этихъ общихъ квартирахъ была строго регулирована подъ надзоромъ квартиросодержателей и репетиторовъ; послѣдніе избирались изъ „отмѣнныхъ по успѣхамъ и поведенію“ учениковъ старшихъ классовъ. Особыми правилами, изданными округомъ, отъ репетиторовъ требовалось, чтобы его ученики вставали въ пять часовъ утра и готовились къ урокамъ; по гимназическому звонку репетиторъ, осматрѣвъ книги и ранцы своихъ учениковъ, ведетъ ихъ въ классъ по два въ рядъ, и въ такомъ же порядкѣ изъ гимназіи на квартиру по окончаніи классовъ. Репетиторъ былъ отвѣтствененъ за всякую шалость своего ученика и за его незнаніе, т. е. игралъ роль не только репетитора, въ тѣсномъ смыслѣ, но и гувернера, и ближайшаго помощника гимназ. начальства. Особенное же вниманіе репетитора должны были обращать на практическое изученіе русскаго языка, почему они должны были, по правиламъ, употреблять русскій языкъ со своими учениками на квартирахъ ежедневно во время изъясненій и повторенія уроковъ, во время завтрака, обѣда, полдника и ужина (стр. 58).

¹⁾ Впрочемъ, тѣлесныя наказанія для воспитанниковъ старшихъ классовъ гимназіи допущены были въ исключительныхъ случаяхъ по спеціальному ходатайству кiev. попеч. Фонъ Брадке (стр. 54).

Рѣшеніе вопросу о квартирахъ было дано Высочайшимъ повелѣніемъ 23 апр. 1840 г. Согласно этому повелѣнію, которое предписывало до устройства закрытыхъ учебныхъ заведеній въ губерніяхъ кievской, волынской и подольской заводить при гимназіяхъ общія квартиры подъ присмотромъ надзирателей изъ русскихъ, при немировской гимназіи было заведено четыре разряда ученическихъ квартиръ, смотря по количеству взимаемой за содержаніе платы (150, 100, 75 и 50 р. въ годъ).

Содержаніе воспитанниковъ разныхъ разрядовъ различалось получаемой ими пищей, только къ первому разряду былъ приставленъ гувернеръ французъ для практическаго упражненія во французскомъ языкѣ. За поведеніемъ и ученіемъ воспитанниковъ этихъ квартиръ слѣдили надзирателя гимназіи и репетитора (послѣдніе избирались изъ лучшихъ учениковъ старшихъ классовъ и полагались по одному на десять младшихъ учениковъ). Усиленный надзоръ за нравственностью и прилежаніемъ воспитанниковъ принесъ, судя по отчету гимназіи за 1841 годъ, благопріятные результаты, почему общія квартиры и во все послѣдующее время пользовались особымъ вниманіемъ начальства, особенно со стороны директора Зимовскаго. Директорство Зимовскаго (1841—1853 г.) составитель „Истор. Зап.“ называетъ временемъ порядка и благоустройства немировской гимназіи, поставившимъ послѣднюю на ряду съ лучшими учебными заведеніями округа. „Однимъ словомъ, говоритъ Записка, имя Зимовскаго въ жизни немировской гимназіи должно занять одно изъ видныхъ мѣстъ, и безъ преувеличенія можно сказать, что съ именемъ его соединены лучшіе годы существованія ея“ (стр. 116). Дѣйствительно, при Зимовскомъ среди учителей немир. гимназіи было не мало настоящихъ педагоговъ, лицъ глубоко знакомыхъ со своимъ предметомъ и старательно преподававшихъ, какъ — Мокіевскій, Рыбицкій, Шведовъ, Выгура, Чалый (см. его Записку „о практич. преподаваніи словесности“, стр. 88—94) и др., благодаря усиліямъ которыхъ преподаваніе шло хорошо. Но что особенной успѣшности въ учебной части при Зимовскомъ не было, видно ужъ изъ малаго количества переводимыхъ въ слѣдующій классъ и оканчивавшихъ гимназію: переводилось въ слѣдующій классъ обыкновенно нѣсколько болѣе половины учениковъ; оканчивало же ежегодно около 10 человѣкъ — въ среднемъ выводѣ (за 12 лѣтъ отъ 1841—1850 г. — 124 человѣка). При этомъ намъ кажется, что составитель Записки напрасно приписываетъ успѣхи учебной части гимназіи Зимовскому,

который какъ непедагогъ, никогда никого не учившій (см. біографіи стр. 13—15), едва ли могъ оказывать вліяніе на ходъ преподаванія. Отмѣна преподаванія въ гимназіи латинской просодіи, на которую шло всего одинъ часъ въ недѣлю и которая была полезна при изученіи русскаго стихосложенія,—отмѣна, вызванная предложеніемъ Зимовскаго въ округъ, не говоритъ въ пользу педагогич. способностей этого директора. Грубымъ обращеніемъ своимъ съ учителями онъ заставлялъ ихъ переводиться изъ Немирова и тѣмъ только вредилъ ходу ученія. Вообще, составитель записки излишне увлекается Зимовскимъ и, замѣчая, на примѣръ, самъ, что послѣдній склоненъ къ хвастовству и преувеличеніямъ въ своихъ отчетахъ въ округъ о состояніи гимназіи, главнымъ образомъ на этихъ сомнительныхъ отчетахъ основываетъ свое изложеніе состоянія гимназіи при Зимовскомъ и дѣятельности этого директора. Второй источникъ составителя для исторіи гимназіи этого времени—ревизіи производившіяся тогда пристрастно или поверхностно (см. М. Ч. объ одной такой ревизіи „Кіевск. Стар.“ 1883 года), также матеріаль венадежный.

Въ виду того, что о заслугахъ Зимовскаго, умѣвшаго показать товаръ лицомъ, и о дѣйствительномъ ходѣ гимназич. жизни при немъ судить по источникамъ, приведеннымъ г. Стрибульскимъ, очень трудно, мы пока воздержимся отъ изложенія фактовъ директорства Зимовскаго. По официальнымъ даннымъ Зимовскій постарался поднять успѣшность ученія, упадокъ котораго происходилъ, по его мнѣнію, главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: отъ обычая производить переводныя испытанія на дому учителей, гдѣ послѣднимъ препятствовала быть строгими назойливость родителей, и отъ обратившейся въ обычай просрочки домовыхъ отпусковъ. При немъ было постановлено спрашивать каждый урокъ какъ можно больше учениковъ и какъ можно чаще повторять пройденное; заведены для старшихъ классовъ особенные уроки для повторенія курса низшихъ классовъ, семь преподавателей стали давать бесплатные уроки на общихъ ученическихъ квартирахъ; экзамены стали производиться строже и въ комиссіи, репетитора—назначаться только послѣ строгаго испытанія въ знаніи ими курса первыхъ трехъ классовъ.

При Зимовскомъ въ 18^{49/50} г. учебная часть немир. гимназіи, на ряду съ другими русскими гимназіями, подверглась крупному измѣненію. Реформа состояла въ томъ, что четыре высшіе класса гимназіи съ этихъ поръ раздѣлялись на два отдѣленія, юридиче-

ское и классическое, съ рознящимися нѣсколько курсами и различными правами.—Окончившіе юридическое отдѣленіе должны были идти на службу и не имѣли права поступать въ университетъ, принадлежавшаго лишь классикамъ. Однако это преобразование не соотвѣтствовало взглядамъ общества и число охотниковъ специализоваться уже въ гимназіи на чиновники за все время существованія двухъ отдѣленій (1849—64 г.) было очень незначительно—отъ $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{2}$ учениковъ другаго отдѣленія; громадное же большинство оканчивающихъ стремилось въ университетъ.

Направление, въ которомъ Зимовскій и преподаватели стремились поднять гимназію до ея назначенія, было „давать твердыя и разумныя знанія и воспитывать въ русскомъ духѣ“.

Много мѣшала преподаванію частая смѣна преподавателей, недовольныхъ жизнью въ глухомъ мѣстечкѣ или придиричивостью директора. Кажется, что Зимовскій обращался грубо и придиричиво какъ съ сослуживцами, такъ и съ учениками: это подтверждается грубымъ обращеніемъ его съ учит. Сошенко, о которомъ говоритъ г. Чалый въ біографіи Сошенка, и фактомъ оскорбленія директора въ 1849 г. однимъ воспитанникомъ. Виновный воспитанникъ по разслѣдованіи дѣла былъ высѣченъ розгами передъ всѣми учениками гимназіи въ присутствіи командированныхъ для этого случая чиновниковъ отъ гражданскаго и учебнаго вѣдомствъ и сданъ въ барабанщики въ Оренбургъ (стр. 115).

Общественное движеніе, охватившее всю Россію послѣ крымской войны, сообщило новое, болѣе прежняго свободное, энергичное и осмысленное, отношеніе всего состава гимназіи къ дѣлу воспитанія. Въ гимназическій курсъ вводятся естественныя науки и польскій языкъ, преподаваніе котораго было встрѣченно сочувственно мѣстнымъ дворянствомъ. Благодаря мѣрамъ извѣстнаго попечителя кiev. учебнаго округа, Широгова, возбудилась энергичная дѣятельность педагогич. совѣта гимназіи. Протоколы засѣданій его съ 1858 года даютъ рядъ вопросовъ объ учебныхъ пособіяхъ, методахъ преподаванія, распредѣленія учебнаго матеріала по классамъ и т. д., подвергавшихся всестороннему обсужденію, вопросовъ, проведеніе которыхъ много способствовало правильной постановкѣ учебнаго дѣла въ гимназіи. Рядъ мѣръ былъ предпринятъ для усиленія занятій по отечественному языку и словесности, и для пріученія учениковъ къ чтенію, самостоятельнымъ трудамъ и мышленію: увеличено число сочиненій по словесности, по субботамъ стали произво-

даться въ послѣобѣденное время чтеніе произведеній современной литературы.

Въ это время любовь къ чтенію среди воспитанниковъ гимназіи развилась на столько, что они съ разрѣшенія начальства выписали себѣ на собственный счетъ 13 журналовъ, въ числѣ ихъ семь дѣтскихъ. „Явленіе это, говорили тогда въ одномъ отчетѣ, должно принести самыя благія послѣдствія по отношенію къ развитію учениковъ и даже въ нравственномъ отношеніи, побуждая ихъ употреблять время, свободное отъ классныхъ занятій, на полезный и пріятный трудъ, открывающійся въ чтеніи“. (стр. 142). Начальство поощряло чтеніе вообще, а чтеніемъ журналовъ руководили три учителя. Во всѣхъ мѣрахъ совѣта видно желаніе отнестись къ дѣлу воспитанія честно, душевно, а не формально лишь: репетиторами назначались только ученики, извѣстные безукоризненной нравственностью и выдержавшіе особое испытаніе, при которомъ было обращено вниманіе на то, „сознательно ли понимаютъ репетиторы предметы первыхъ трехъ классовъ, могутъ ли удобопонятно передавать дѣтямъ познанія и имѣютъ ли искренне желаніе и призваніе посвятить себя руководству меньшихъ своихъ товарищей“ (стр. 143); съ цѣлью составить себѣ опредѣленное мнѣніе о характерѣ ученика учителя по временамъ совѣщались съ квартиросодержателями и, согласно общему рѣшенію совѣта, старались воздѣйствовать на воспитанника, родителямъ и родственникамъ учениковъ, жившимъ внѣ Немирова, еженедѣльно посылались извѣстія объ ученіи и поведеніи ихъ сыновей.

„Подробныхъ свѣдѣній о ходѣ учебнаго дѣла за это время, говорить „Истор. записка, мы не находимъ... Вообще же можно сказать, что этотъ періодъ въ жизни гимназіи во многихъ отношеніяхъ былъ менѣе благопріятенъ, чѣмъ предыдущій“ (стр. 144). Частая смѣна директоровъ и преподавателей мѣшала установиться въ гимназіи какой либо прочной педагогической системѣ. Впрочемъ, если не всѣ, то большинство преподавателей этого времени вполне стояли на высотѣ своего призванія. Нѣкоторые преподаватели во внѣклассное время давали бесплатные уроки ученикамъ или репетировали на общихъ квартирахъ и получаемую плату обращали на ученическую бібліотеку. Интересно между прочимъ то, что заявленіе учителя латинскаго языка немир. гимназіи, Ганфа, повело ко введенію въ 1865 году латинскаго языка въ курсъ

третьяго класса — до тѣхъ поръ латин. языкъ начинался въ четвертомъ.

Въ 1860 г. были закрыты существовавшія при гимназiи общія квартиры, которыя начали приходить въ упадокъ послѣ выхода Зимовскаго изъ гимназiи (въ 1853 г.). Въ періодъ 1853—1863 года успѣшность занятій гимназистовъ нѣсколько опустилась, что видно какъ изъ переводныхъ испытаній, на которыхъ переводилось не болѣе 40—50%, такъ и изъ окончательныхъ, на которыхъ изъ 14—24 учениковъ выдерживало 2—9. Ухудшилось и поведеніе учащихся. Послѣднее обстоятельство, по всей вѣроятности, и заставило въ 1860 г. педагогич. совѣтъ гимназiи постановить на вопросъ попечителя: „донести г. попечителю, что онъ (т. е. совѣтъ) не считаетъ и возможнымъ и полезнымъ отмѣнить вовсе тѣлесное наказаніе“ (стр. 164).

Второе двадцатипятилѣтіе немировской гимназiи начинается со введенія устава 1864 года, устава, который съ одной стороны возстановлялъ, существовавшее до 1849 года, чисто классическое направленіе гимназiй, съ другой вводилъ новый видъ гимназiй — реальныя. Попечитель кiev. учеб. округа предложилъ совѣту гимназiи обсудить, оставаться ли ей классической, или быть преобразованной въ реальную. Педагогическій совѣтъ нашель, что немир. гимназiя должна оставаться классической, потому что, во первыхъ, классическое образованіе даетъ болѣе широкую подготовку къ различнаго рода дѣятельности, во вторыхъ, окончившіе немир. гимназiю, удаленную отъ высшихъ техническихъ заведеній, едва ли стануть поступать въ послѣднія, а естественнѣе стремятся и будутъ стремиться въ университеты. Несмотря на это заявленіе, немир. гимназiя была преобразована въ реальную въ теченіи 1865—1869 гг.

Преобразованіе это, закрывавшее ходъ окончившимъ гимназiю въ университетъ, было встрѣчено мѣстнымъ обществомъ не сочувственно, кромѣ того, будучи совершенно послѣшно, оно

вредно отозвалось на состояніи гимназій. Особенно вредила неопредѣленность и непрочность курса, отсутствіе опредѣленных программъ и руководствъ, а также неизвѣстность, долго ли будетъ гимназія въ видѣ реальной или скоро будетъ преобразована въ классическую. Все это повело къ тому, что въ 1869 году по просьбѣ гр. Строганова, почетнаго попечителя немировской гимназій, послѣдняя была снова преобразована въ классическую съ однимъ древнимъ языкомъ. Во время четырехлѣтняго существованія немировской гимназій въ качествѣ реальной, къ ней были примѣнены всѣ мѣры, вызванныя событіями 1863 года. Велѣно было не замѣщать поляками должностей учителей и наставниковъ въ гимназіяхъ юго-зап. края (1864 г.); введено преподаваніе католическаго закона Божія на русскомъ языкѣ (1865 годъ); съ 1866 г. гимназическое начальство должно было брать подписку о благонадежности отдаваемыхъ въ гимназію дѣтей польскаго происхожденія, достигшихъ 14-лѣтняго возраста, со всѣхъ живущихъ въ м. Немировѣ, а отъ иногородныхъ требовались поручительства: въ 1865 г. ученикамъ запрещено говорить по польски въ школахъ и на квартирахъ (стр. 176).

Директоромъ въ это тяжелое для немир. гимназій время, когда одновременно съ преобразованіемъ ее въ реальную нужно бы позаботиться о томъ, чтобы волненія 1866 г. не отразились на воспитанникахъ, былъ Сорокинъ (1864—68 г.). Преобразованіе немир. гимназій въ реальную и правительственное мѣропріятіе, чтобы число учениковъ изъ поляковъ не превышало въ ней ста душъ, вызвали уменьшеніе учащихся почти втрое. Воспитательная задача немир. гимназій въ 60-хъ годахъ была очень тяжела. Усложнялась эта задача какъ численнымъ перевѣсомъ учащихся изъ поляковъ, которые враждебно относились къ національному направленію русской школы, такъ и спеціальными условіями м. Немирова — отсутствіемъ русскихъ жителей, а особенно образованнаго класса съ проявленіемъ русской общественной жизни.

Что касается учебнаго дѣла немир. гимназіи за шестидесятые года, то въ это смутное время, при господствѣ исключительныхъ мѣръ, при двойномъ преобразованіи гимназіи и частой смѣнѣ преподавателей, оно было поставлено довольно плохо, какъ это можно видѣть изъ одного отчета за 1870 г. „Отчетъ категорически заявляетъ, говорить „Ист. записка“, что уровень знанія и развитія учениковъ немир. гимназіи не высокъ. Съ 1863 года все вниманіе начальства было поглощено искорененіемъ въ дѣтяхъ „духа сепаратизма“. Строгость школьной дисциплины доведена до крайности (стр. 198). Число переходившихъ въ высшіе классы воспитанниковъ съ 1866—1871 г. рѣдко превышало половину всѣхъ, подвергнутыхъ экзамену и репетиціямъ. Кромѣ указанныхъ выше причинъ, пониженіе знаній учащихся зависѣло, по мнѣнію педаг. совѣта гимназіи, еще отъ матеріальной необеспеченности учащихся и отъ тогдашняго способа перевода въ высшій классъ. Переводили въ то время на основаніи годовыхъ отмѣтокъ, которыя повѣрялись на „репетиціяхъ“, состоявшихъ изъ повторенія годоваго курса и устныхъ испытаній во время отъ 10 мая по 20 іюня.

Такъ какъ къ репетиціямъ допускались и слабые ученики, то многіе гимназисты, надѣясь подготовиться къ репетиціямъ въ назначенное для послѣднихъ время, не обращали вниманія на годовыя отмѣтки, плохо учились въ теченіи года, отчего общій уровень знаній понижался. Въ 1870 г. репетиціи были замѣнены устными экзаменами и съ тѣхъ поръ число переходящихъ въ высшій классъ увеличивается. О нуждѣ воспитанниковъ говоритъ отчетъ 1870 г.: „Бѣдность учениковъ гимназіи поразительна: большая половина ихъ не имѣетъ калошъ и другой перемѣны сапогъ, зимою многіе ходятъ въ легкихъ пальто“ (стр. 204). Помогала этой нуждѣ воспитанниковъ гимназія, освобождая 20% отъ платы за ученію (10% изъ нихъ отдѣльно православныхъ) и снабжая ихъ учебниками изъ гимназич. библіотеки. Кромѣ этого, гр. Строгановъ давалъ ежегодно по 400 руб. на тотъ же предметъ, устроилъ и содержитъ бесплатный лазаретъ для гимназистовъ, помогали и другія частныя лица.

Въ 1868 г. при гимназической церкви открыто было „Православное церковное братство“ съ цѣлью распространенія въ простомъ народѣ грамотности исключительно на русскомъ или церковно-слав. языкѣ. Въ томъ же году были открыты при гимназіи столярные и переплетные классы, которые черезъ пять лѣтъ закрылись по недостатку охотниковъ учиться.

Послѣднее крупное измѣненіе своего устава немир. гимназія, въ ряду прочихъ, перенесла въ 1871 году. По уставу этого года классическіе языки и математика были положены въ основу гимназическаго курса. Жизненная необходимость греческаго языка для насъ, русскихъ, раскрыта въ замѣчательной рѣчи г. министра народнаго просвѣщенія: введенъ онъ въ гимназич. курсъ для того, чтобы связать при посредствѣ школы нашу науку съ простымъ русскимъ народомъ, который на столько любитъ греческій языкъ, что любовь свою перенесетъ и на гимназіи, въ которыхъ этотъ языкъ будетъ изучаться, зная, что гимназисты станутъ теперь въ подлинникахъ, по гречески, читать евангеліе, поученія великихъ святителей церкви, богослужбные каноны и церковныя пѣснопѣнія. Кромѣ того, нуженъ греч. языкъ и для изученія міра византійскаго, передавшаго намъ свою культуру и тѣсно связаннаго въ своей исторіи съ жизнью русской. Изучать греческій языкъ и греческій міръ, столь богатый плодами своей духовной жизни не только въ языческое, но и въ новое, христіанское время, есть историческое призваніе нашей русской науки и школы (стр. 217—219). Кромѣ этого сдѣланы были еще нѣкоторыя другія измѣненія гимназическаго устава, придавшія цѣльность и законченность классическому воспитанію.

Положеніе немир. гимназіи послѣ введенія устава 1871 года оказалось самое странное: въ 1872 году VII классъ ея проходилъ реальный курсъ, VI классъ—курсъ клас. гимназіи съ однимъ древнимъ языкомъ, и только низшіе пять классовъ представляли изъ себя клас. гимназію съ двумя древними языками. Понятно, что такая неопредѣленность курса и измѣненіе объема предметовъ имѣли послѣдствіемъ слабыя познанія учениковъ по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ исторіи и математики, хорошая постановка которыхъ зависѣла исключительно отъ личныхъ качествъ преподавателей этихъ предметовъ Ничипоренка (нынѣ директоръ Коллегіи Галагана) и Дзюблевскаго. По признанію попечит. совѣта, судившаго по письменнымъ испытаніямъ, немировская гимназія до 1880 г. считалась худшею въ округѣ по всѣмъ предметамъ кромѣ математики. Къ концу директорства П. В. Кизимовскаго учебная часть гимназіи улучшается, процентъ переходящихъ въ высшіе классы и оканчивающихъ доходитъ до $\frac{3}{4}$ общаго числа учащихся, и съ 1880 г. работы немир. гимназіи начинаютъ считаться лучшими въ округѣ.

Съ отмѣной въ 1874 г. запрещенія привимать въ гимназію болѣе 100 лицъ польскаго происхожденія, немировская гимназія те-

ряетъ свой исключительный, розвившій ее отъ другихъ русскихъ гимназій, характеръ. Въмѣстѣ съ тѣмъ составитель „Историч. Записки о нем. гимназій“ съ приближеніемъ къ восьмидесятымъ годамъ ограничивается сухимъ перечисленіемъ оффиціальныхъ данныхъ относительно жизни гимназій, данныхъ, общихъ всѣмъ русскимъ гимназіямъ. Упомянемъ еще о нѣкоторыхъ общинтересныхъ данныхъ послѣдняго времени. Къ восьмидесятымъ годамъ немир. гимназія снова сдѣлалась одной изъ многочислнѣйшихъ въ Россіи—число учащихся въ ней достигало цифры 650 и болѣе, при этомъ число воспитанниковъ-католиковъ въ 70-ыхъ годахъ больше числа православныхъ, а въ 80-ыхъ годахъ число воспитанниковъ обоихъ вѣроисповѣданій уравнивается. Хотя дѣти дворянъ и чиновниковъ въ ней по прежнему преобладаютъ, но также значительно возвышается число гимназистовъ изъ городскихъ и сельскихъ состояній: послѣднихъ въ 1871 г. было только 44, а въ 1885 г. — 216 (стр. 248). Заботясь о развлеченіи учащихся, начальство гимназій устраивало по временамъ литературно-музыкально-вокальные вечера и ученическіе спектакли, представляющіе прекрасное и пріятное развлеченіе, какъ для учащихся, такъ и для публики, развлеченіе особенно цѣнное въ маломъ мѣстечкѣ въ родѣ Немирова. Въ 1886 г. расходы на немир. гимназію достигли суммы 47,382 р. 92 к. при платѣ за право ученія 50 руб. въ годъ. Нужно знать, что на содержаніе этой же гимназій съ параллельными отдѣленіями въ трехъ классахъ въ 1833—41 годахъ расходовалось всего 7,900 р. 25 коп. и плата съ учениковъ была три рубля въ годъ; т. е. за пятьдесятъ лѣтъ плата эта увеличилась въ 16—17 разъ, а расходы на гимназію—ушестерились.

Окинувъ исторію немировской гимназій за все время ея существованія, можно легко усмотрѣть въ ней нѣсколько рѣзко отличающихся по направленію и цѣлямъ воспитанія періодовъ.

П. Т.

Къ исторіи открытія немировской гимназіи.

7-го августа текущаго года исполнилось 50 лѣтъ со времени открытія немировской гимназіи, преобразованной изъ дворянскаго уѣзднаго училища. Юбилейное торжество происходило въ гимназіи 29 августа 1888 года, и къ этому дню учителемъ С. Стрибульскимъ приготовлена была „Историческая записка о немировской гимназіи“. Въ этой запискѣ, содержаніе которой читатели „Кіевской Старины“ могутъ узнать изъ замѣтки, помѣщаемой въ этомъ же номерѣ, между прочимъ сообщается кратко о торжествѣ самаго открытія гимназіи, при чемъ приведена цѣликомъ рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ при открытіи исправлявшимъ должность инспектора гимназіи, учителемъ исторіи и статистики В. Ордою. Рѣчь эта носитъ заглавіе „Объ отличительныхъ чертахъ и преимуществахъ русскаго образованія“ и направлена, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы доказать преобладающее вліяніе правительства русскаго, по сравненію съ западно-европейскими государствами, въ дѣлѣ просвѣщенія русскаго народа. Ключъ къ уразумѣнію, отчего именно эта тема положена была въ основу рѣчи при открытіи учебнаго заведенія, основаннаго благодаря матеріальнымъ пожертвованіямъ частнаго лица (графа Болеслава Потоцкаго), отчасти открывается изъ нижеприводимаго письма тогдашняго правителя канцеляріи попечителя округа къ проф. М. А. Максимовичу. Оказывается, что попечитель округа Е. Ф. Фонъ-Брадке, очень заинтересованный тѣмъ, чтобы актъ открытія гимназіи совершился съ вазможной торжественностью и, такъ сказать, политическимъ тактомъ, самъ далъ указанную выше тему и заботился о наилучшемъ выполненіи ея. Въ бумагахъ покойнаго Максимовича сохранилась маленькая переписка по этому поводу.

25 іюля 1838 года правитель канцеляріи попечителя округа Черемисинъ писалъ Максимовичу: „М. Г. Михайлъ Александровичъ! Въ м. Немировѣ, подольской губ., существуетъ дворянское уѣздное училище, пользуясь многими пожертвованіями гр. Болеслава Потоцкаго. Графъ желалъ имѣть, вмѣсто училища, гимназію и всѣ дополнительныя для того издержки принялъ на свой счетъ. Это предложеніе Высочайше утверждено, и актъ открытія гимназіи будетъ 7-го августа, куда къ тому времени прибудетъ прямо изъ Одессы и Его Превосходительство Егоръ Федоровичъ (Брадке). Его Превосх. изъ Одессы отъ 6 іюля пишетъ: рѣчь для акта поручить написать учителю 2 кіевск. гимназ. (переведенному нынѣ въ неми-

ровскую) Ордѣ въ Кіевѣ, и въ Кіевѣ же ее утвердить. Не мѣшало бы упомянуть о всемъ, что дѣлаетъ правительство въ Россіи для воспитанія юношества въ сравненіи съ другими державами. Рѣчь должна быть очень хороша, ибо все дворянство будетъ собрано. Если проф. М. А. Максимовичъ въ Кіевѣ, то не мѣшало бы г. Ордѣ съ нимъ посоветоваться, ибо у него особенный тактъ для подобныхъ вещей.—По этому случаю г. Орда написалъ рѣчь и уѣхалъ самъ въ Немировъ, а рѣчь до пріѣзда Вашего отдана на предварительное разсмотрѣніе Г. ад(ъюнкта) Красова, который, чтобы не марать рѣчь г. Орды, написалъ новую. По приказанію Александра Карловича я имѣю честь препроводить у сего къ Вамъ обѣ оныя рѣчи на окончательное Ваше разсмотрѣніе, исправленіе и одобреніе, но при семъ считаю нужнымъ доложить, что рѣчь одобрена должна быть не позже четверга, 28-го іюля, ибо въ пятницу Алекс. Карловъ полагаетъ послать ее прямо Егору Федоровичу. Съ отличнымъ почтеніемъ и проч. Н. Черемисинъ“.

Очевидно, рѣчь Орды оказалась исполненной лучше рѣчи Красова; но все же, когда пришлось послѣ акта печатать ее, то Фонъ-Брадкѣ желалъ выпустить ее въ свѣтъ въ возможно совершенномъ видѣ, что доказывается слѣдующимъ письмомъ того же Черемисина къ Максимовичу отъ 8 сентября 1838 года:

„Г. Попечитель Кіевскаго Учебнаго Округа проситъ покорно Его Высокоблагородіе Михаила Александровича принять на себя трудъ исправить, буде окажется нужно, препровождаемую у сего рѣчь, произнесенную при торжественномъ открытіи гимназіи въ м. Немировѣ, такъ чтобы эту рѣчь можно было напечатать. Правит. канцел. Черемисинъ“.

И вотъ, прошедши такія горнила очищенія и исправленія, рѣчь г. Орды появилась наконецъ въ печати, одновременно на русскомъ и польскомъ языкахъ.

В. Науменко.

Курскіе и орловскіе кудеяры.

Собственное имя извѣстнаго разбойника Кудеяра превратилось у народа въ нарицательное для всѣхъ вообще разбойниковъ. Въ предѣлахъ двухъ губерній, извѣстныхъ намъ,—курской и орловской крестьяне никогда не называютъ разбойниковъ иначе какъ „куделрами“. Странно, но тѣмъ не менѣе это фактъ.

— Вотъ тутъ кудеяры жили, указывая на кручи или овраги, говорятъ вамъ курскій крестьянинъ.

— Да что же это за кудеяры такіе? спрашиваете вы у него.

— А такъ значить, люди такіе, — разбойствомъ занимались, по сухимъ бережкамъ рыбку ловили, отвѣтитъ онъ вамъ.

Или просто сообщаютъ вамъ въ такомъ родѣ:

— А слышали, тутъ у насъ кудеяры проявились? Солдатъ бѣглый какой то набралъ шайку и т. д.

Очевидно, слово „кудеяръ“ сдѣлалось нарицательнымъ именемъ, синонимомъ „разбойника“ и даже почему то вытѣснило со всѣмъ изъ обихода послѣднее названіе.

Такое же явленіе замѣчено И. И. Дубасовымъ и въ тамбовской губерніи, гдѣ также всѣ разбойники называются, по его словамъ, кудеярами¹⁾. Сѣвернѣе же орловской и тамбовской губерній, равно какъ и восточнѣе ихъ, мы уже этого названія не встрѣчали. Во владимірской, напр., московской и даже рязанской разбойники такъ и называются „разбойниками“, а не кудеярами. Не услышишь этого послѣдняго названія и въ пензенской и саратовской губ., гдѣ разбойники опять таки называются разбойниками; объ имени же „кудеяръ“ здѣшніе жители и не слыхивали. Интересно, какъ называется своихъ разбойниковъ воронежская губернія; относительно ея мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи никакихъ свѣдѣній.

Давши своей замѣткѣ названіе „курскіе и орловскіе кудеяры“, мы не думаемъ, конечно, исчерпать здѣсь вполне весь предметъ: для этого понадобилось бы написать не замѣтку, а цѣлую книгу, такъ какъ предметъ этотъ очень обширенъ. „Украинная“ страна, какою была курская область до первой четверти прошлаго столѣтія, давала широкую возможность „удалымъ добрымъ молодцамъ“ совершать здѣсь свои подвиги; личная и имущественная безопасность не была гарантирована въ то время даже въ центральныхъ мѣстностяхъ, въ тѣхъ, которыя находились по близости отъ Москвы, — въ такихъ же *унылыми* и *пустынными* краяхъ, какимъ былъ курскій до половины прошлаго вѣка, о такой безопасности и мечтать было невозможно. Въ тѣ отдаленныя времена путники даже отъ села къ селу ѣздили съ провожатыми. Разбой былъ постояннымъ занятіемъ не только тѣхъ отверженниковъ, которыхъ общество выбрасывало

¹⁾ Очерки ист. Тамбовскаго края, т. IV, глава 4-я: сказанія о тамбовскихъ кудеярахъ, стр. 166—187.

за ихъ негодностію изъ своей среды, но и обыкновенныхъ мирныхъ обывателей, которые нерѣдко смотрѣли на это, какъ на „стороннее занятіе“, дававшее отличный „заработокъ“. При такихъ условіяхъ „кудеярство“ хотя бы одной какой мѣстности или губерніи исчерпать въ маленькой замѣткѣ было бы невозможно. Мы за это и не беремся, конечно, и намѣрены здѣсь ограничиться лишь передачей тѣхъ немногихъ фактовъ изъ исторіи кудеярства, которые намъ удалось записать самимъ со словъ мѣстныхъ жителей или найти готовыми, записанными уже въ нѣкоторыхъ старинныхъ „памятныхъ записяхъ“, случайно попавшихъ къ намъ въ руки¹⁾.

Въ половинѣ прошедшаго столѣтія въ предѣлахъ путивльскаго и рыльскаго уѣздовъ была, какъ рассказываетъ Деменковъ въ своихъ запискахъ, большая шайка кудеяровъ. Главный притонъ ихъ былъ въ такъ называемомъ Мачулинскомъ лѣсу, неподалеку отъ с. Кремяннаго, гдѣ они ютились по оврагамъ и буеракамъ, не стараясь, впрочемъ, нисколько о томъ, чтобы замаскировать свое присутствіе, такъ какъ имъ не страшны были ни воеводскія войска, ни тѣмъ болѣе мѣстные безоружные жители, которые сами смертельно боялись ихъ и стремились только къ одному—чтобы жить съ ними въ мирѣ и согласіи. Въ этой шайкѣ, обитавшей въ Мачулинскомъ лѣсу, по рассказамъ старожиловъ, было до 300 человѣкъ разбойниковъ.

Затѣмъ, въ предѣлахъ тѣхъ же двухъ уѣздовъ было и еще нѣсколько шаекъ кудеяровъ. Такъ, на Коневецкой или Клевенской горѣ, подлѣ деревни Ишутиной, на правомъ берегу р. Сейма, обитала также огромная шайка, въ которой не мало было гайдамаковъ, „съ чубами и усами“, какъ говорили мѣстные старожилы въ 20-хъ годахъ Деменкову. Сверхъ того, такія же шайки были въ урочищѣ Кутузовыхъ Лозахъ, возлѣ Ивановки, на погорѣломъ городищѣ, близъ Угонь, въ Кучугурахъ и т. д.

Кудеяры, по рассказамъ, рѣдко нападали на крестьянскія поселенія, во первыхъ потому, что щадили вообще крестьянъ, относились къ нимъ дружелюбно, въ виду того, что крестьяне сами усердно во всемъ помогали имъ, а во вторыхъ и потому, что взять у крестьянъ было нечего. По современнымъ рассказамъ крестьянъ, кудеяры представляются скорѣе не разбойниками, а вольными ко-

¹⁾ Между прочимъ, мы пользуемся здѣсь также и записками Деменкова, о которыхъ уже упоминалось въ III книгѣ „Кіевской Старины“ 1887 года.

заками съ широкими рыцарскими замашками, съ строго проведеннымъ, хотя и своеобразнымъ, понятіемъ о чести. Такъ, если случилось имъ останавливать бѣдняка-крестьянина, который ѣхалъ, напримѣръ, съ возомъ муки, чтобы продать ее на базарѣ, то они не только не обирали его, но даже надѣляли его деньгами, напивали водкой и отпускали на всѣ четыре стороны, оставляя при немъ всѣ его пожитки. Если же останавливали на дорогѣ помѣщика, то не церемонились съ нимъ, обирали его на чисто и отпускали въ чемъ мать родила, предварительно надругавшись надъ нимъ всячески. Много разъ, по жалобѣ крестьянъ, они дѣлали нашествія на помѣщицьи усадьбы только для того, чтобы наказать помѣщиковъ за ихъ жестокость по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ, и если такова была цѣль ихъ прихода, то не брали обыкновенно въ усадьбѣ ничего—ни денегъ, ни хлѣба, ни пожитковъ, говоря, что „все равно, когда имъ это понадобится—все будетъ ихнее, отъ ихъ рукъ не уйдетъ“. Главнѣйшимъ занятіемъ ихъ, по этимъ же рассказамъ, было бражничество, которому они по преимуществу посвящали свое время. Если же у нихъ не хватало хлѣба, то они посылали „грамотку“ къ какому нибудь помѣщику, съ приказаніемъ доставить немедленно имъ того то и того то, и если помѣщикъ не торопился исполнить ихъ „приказаніе“, они тогда уже приходили къ нему сами и вооруженной рукой брали то, что имъ было нужно. Этимъ главнымъ образомъ и исчерпывалась ихъ враждебная дѣятельность по отношенію къ мѣстному населенію. Денежную добычу доставляли имъ, въ большинствѣ случаевъ, проѣзжіе, чужія лица, попадавшія такъ или иначе въ тѣ края; такимъ спуска обыкновенно не давалось и ихъ ощипывали елико возможно чисто.

Что касается крестьянъ, то единственное зло, которое причиняли имъ кудеяры заключалось въ томъ, что они „воровали деревенскихъ дѣвокъ“ для своей потребности. Этого крестьяне и до сихъ поръ забыть не могутъ и хотя теперь уже безъ всякой злобы, скорѣе даже съ усмѣшкою, но все таки очень подробно рассказываютъ разные анекдоты по этому поводу.

О томъ, какъ былъ положенъ конецъ кудеярмъ въ описываемой мѣстности, можно видѣть изъ рассказа, записаннаго нами въ посеимскомъ краѣ льговскаго уѣзда, курской губ. „Кудеяры долго буйствовали въ нашихъ мѣстахъ, рассказывали крестьяне, но потомъ на нихъ войска стали посылать и солдаты ихъ одолѣли, загнали ихъ, говорятъ, до самой Калуги и тамъ уже всѣхъ перебили“.

Послѣ кудеяровъ въ здѣшнихъ краяхъ осталось много кладовъ, зарытыхъ въ землю. Такъ, Деменковъ рассказываетъ, что „въ 1810—15 гг. крестьянинъ господина Стрекалова Михаилъ Малесовъ, присматривая за пасѣкою, проходилъ подлѣ буерака въ Галицкомъ лѣсу (въ 5 верстахъ отъ с. Кремяннаго) и почувствовалъ внезапно, что почва нетверда подъ ногами. Сталъ рыть и нашелъ обветшалый деревянный сводъ, подъ нимъ яму, а въ ней — цѣлую кипу разныхъ матерій, суконъ и одежды. Но когда онъ прикоснулся къ нимъ все это разсыпалось въ прахъ. Здѣсь же онъ нашелъ нѣсколько серебряныхъ старинныхъ монетъ“.

И еще: „Аверьянъ-цыганъ (извѣстный кладоискатель) вырылъ на полѣ Кучерова хутора въ печкѣ старшининаго овина кастрюльку съ 1700 рублей серебряныхъ, величиною въ талеръ. На нихъ были какія то лица съ бородою. Попъ села Боршинева говорилъ, что оныя рубли относятся къ времени Ивана Грознаго“.

Относительно Коневецкой горы (въ путивльскомъ у.) рассказываютъ, что здѣсь зарыта масса сокровищъ разныхъ, какъ то: алмазовъ, брилліантовъ, золота и проч., но взять всѣ эти сокровища можно только въ Пасху, между заутреней и обѣдней, когда гора раздвигается. Сокровища эти стерегутъ два человѣка необыкновенно высокаго роста. Гора въ указанное время будто бы раздвигается и многіе видали издали и этихъ великановъ и сокровища, которыя стерегутся ими. Какъ только ударитъ колоколъ, призывающій къ обѣднѣ, гора снова закрывается до слѣдующаго свѣтлага праздника.

Преданіе, впрочемъ, не говоритъ, кто положилъ сюда сокровища — кудеяры или нѣтъ. Скорѣе нужно думать, что это преданіе древнѣе того времени, когда жили здѣсь кудеяры.

Въ 8 верстахъ отъ с. Низовцева, того же путивльскаго уѣзда, сохранилось городище „Красное“, окруженное окопами и рвами, имѣющее въ окружности около 200 сажень. Подъ горою, у подошвы городища, до сихъ поръ еще замѣтны слѣды колодезя, почти совсѣмъ занесеннаго иломъ. Преданіе мѣстное говоритъ, что на городищѣ этомъ, въ пещерѣ, жилъ когда то кудеяръ и вмѣстѣ съ нимъ какая то дѣвушка, которая ходила постоянно за водой на упомянутый колодезь съ золотымъ кувшиномъ. Говорятъ, что на городищѣ этомъ послѣ кудеяра осталось много закопаныхъ въ землю сокровищъ, золота, серебра.

Въ орловской губерніи относительно кудеяровъ мы записали преданіе только въ одномъ мѣстѣ — въ с. Тагинѣ, орловскаго уѣзда, отстоящемъ отъ г. Орла въ 50—60 верстахъ.

Было это, говорятъ мѣстные жители, давно, когда въ с. Тагинѣ считалось всего 7 дворовъ¹⁾. Въ это время прибѣжали сюда откуда-то 30 „братовъ-кудеяровъ“ и поселились въ оврагахъ, окружающихъ с. Тагинь. Роду они были не русскаго, а либо польскаго, либо „черкаскаго“, потому что по русски говорили плохо. Денегъ у нихъ было много, такъ что они не грабили никого здѣсь и за все, что брали у мѣстныхъ жителей, расплачивались по чести, наличными деньгами. Они *только скрывались* здѣсь отъ правительства и видимо очень боялись всего. Прожили они здѣсь нѣсколько лѣтъ, но наконецъ начальство обратило на нихъ вниманіе и приказало ихъ переловить. Солдаты вмѣстѣ съ крестьянами нѣсколькихъ деревень произвели облаву, загнали ихъ въ болото и здѣсь всѣхъ перетопили.

Что это за кудеяры такіе были, откуда они пришли и даже давно ли это было—намъ узнать не удалось. Одни утверждали, что „лѣтъ 100 этому будетъ“, другіе полагали несравненно больше— „лѣтъ 300, а можетъ и пятьсотъ“. Но, судя по свѣжести приведеннаго преданія, можно думать, что первое мнѣніе вѣроятнѣе.

Не лишнимъ будетъ здѣсь привести также факты, записанные Деменковымъ въ его „Описаніи достопамятныхъ вещей“, относительно помѣщиковъ, разбойничавшихъ въ курскомъ и частію харьковскомъ краѣ, въ прошломъ столѣтіи. Правда, они, по существу, очень мало были похожи на кудеяровъ, съ рыцарскимъ отношеніемъ къ сѣрой деревенской голытьбѣ и безпощадной ненавистью ко всему, что носило на себѣ признакъ зажиточности и благородной дворянской крови. Тѣмъ не менѣе мы все таки присоединяемъ сюда и рассказы объ этихъ „панахъ-разбойникахъ“, такъ какъ факты этого рода характеризуютъ эпоху съ той же стороны, какъ и рассказы о кудеярахъ. Не довѣрять справедливости этихъ рассказовъ врядъ ли есть основаніе, такъ какъ записаны они были Деменковымъ, очевидно, безъ всякой тенденціозной задней мысли, на ряду и въ перемежку съ народными сказками и пѣснями. Деменковъ заносилъ въ свою тетрадь всѣ „достопамятности и примѣчательнѣйшіе факты“ изъ области археологіи, исторіи, этнографіи и проч., не комментируя и не разбирая ихъ по мѣрѣ накопленія матеріала.

Близъ г. Мирополья, суджанскаго уѣзда, говоритъ запись Деменкова, въ концѣ прошедшаго столѣтія жили двѣ помѣщицы М. и Б. (въ рукописи приведены только инициалы), которыя спеціально

¹⁾ Въ настоящее время въ этомъ селѣ до 300 дворовъ. Крестьяне говорятъ, что когда то во время ово с. Тагинь было „городомъ“.

занимались тѣмъ, что выѣзжали на большую дорогу грабить проезжающіе по дорогамъ обозы. У одной былъ отрядъ вооруженной дворни изъ 70 человѣкъ, у другой—до 100. Районъ ихъ разбойническихъ походовъ былъ весьма обширенъ. Онѣ выѣзжали по всѣмъ дорогамъ, начиная отъ Курска до Сумъ и отъ Бѣлгорода до Бѣлополя. Одну изъ нихъ правительственныя войска захватили со всей шайкою близъ г. Сумъ; людей ея всѣхъ перевѣшали; она же спаслась при посредствѣ денегъ. Ей велѣли только считаться умершей и никуда не выѣзжать изъ своего имѣнья.

Затѣмъ, между сс. Амонью и Теткинымъ, рыльского уѣзда, жилъ въ концѣ прошлаго столѣтія помѣщикъ К—въ, промышлявшій также разбоемъ. Шайка его дѣлилась на три отряда и была дисциплинирована весьма хорошо. Свои дѣянія онъ совершалъ на большой дорогѣ между г. Курскомъ и Сумами. Первый отрядъ его шайки становился обыкновенно недалеко отъ с. Кремяннаго, возлѣ кургана, по старой Льговской дорогѣ, извѣстной подъ именемъ Льговца, второй—у Разбойной дубровы, за Юнаковкой, и третій наконецъ—у селенія Солдатскаго. Отряды сносились между собою посредствомъ условленныхъ знаковъ, изъ которыхъ самымъ обычнымъ въ ночное время былъ зажженный пукъ соломы, приподнятый на шестѣ. Если проходившій обозъ казался одному отряду слишкомъ великъ и силенъ, то при помощи такого горящаго пука на шестѣ онъ давалъ объ этомъ знать другимъ отрядамъ и тѣ спѣшили на помощь.

К—въ разбойничалъ долго. Мѣстныя власти хотя и знали объ этомъ, но не предпринимали никакихъ мѣръ противъ него. Наконецъ, онъ со своими удалцами разбилъ обозъ, съ которымъ, между прочимъ, препровождался серебряный сервизъ, отправленный государыней императрицей въ подарокъ великолѣпному князю Тавриды. Тогда мѣстная власть не могла уже пропустить этого факта и отправила противъ К—ва специальную команду, чтобы взять его, живаго или мертваго, и привести въ городъ. К—въ отчаянно защищался и одни говорятъ—былъ убитъ при этомъ, другіе же утверждаютъ, что былъ захваченъ живымъ и по высочайшему повелѣнію колесованъ въ г. Ахтыркѣ.

Въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія сафоновскіе и голоимовскіе крестьяне разбили грека, везшаго товаръ въ г. Сумы. По розыску, вмѣстѣ съ крестьянами, виновными оказались также и два помѣщика, которые были взяты и отвезены въ Сумы, гдѣ одинъ изъ нихъ подъ пыткою умеръ.

Н. Добротворскій.

Обезземеленные „вольные матросы“ въ г. Никополѣ херсонской губерніи.

Экономическое положеніе немногочисленнаго и забытаго въ наше время сословія „вольныхъ матросовъ“ въ Новороссіи представляетъ интересныя подробности, напрашивающіяся на вниманіе. Здѣсь будетъ кратко очерчено современное положеніе никопольскихъ вольныхъ матросовъ въ связи съ ихъ краткой, но выразительной исторіей. Матеріаломъ для настоящей замѣтки послужили рассказы никопольскаго вольнаго матроса Корнѣя Рубана, сохранившаго въ своей сѣдой головѣ всѣ подробности прошлаго своего сословія.

Возникло сословіе „вольныхъ матросовъ“ въ 1835 году, послѣ русско-турецкой войны 1829—31 гг. Устраивалось это сословіе по инициативѣ князя Воронцова, генераль-губернатора новороссійскаго края и бессарабской области. Привлекались въ матросское званіе государственные крестьяне во всѣхъ важнѣйшихъ поселеніяхъ новороссійскаго Поднѣпровья, привыкшіе съ дѣтства къ судоходному дѣлу. Записывались въ матросскія общества по желанію. Гуманныя начала вообще были приняты просвѣщеннымъ администраторомъ края при устройствѣ обществъ вольныхъ матросовъ. Вотъ кругъ главнѣйшихъ обязанностей и правъ этого сословія. Вольные матросы обязаны были служить во флотѣ 5 лѣтъ; службу несли всѣ молодые люди, достигшіе совершеннолѣтняго возраста; на случай войны служить должны были всѣ матросы, за исключеніемъ лишь дряхлыхъ стариковъ. Это обязанности. Права были слѣдующія: за матросами оставалось право владѣть землею наравнѣ съ крестьянами и въ одинаковомъ съ ними количествѣ; матросы не платили подушной подати; внѣ службы имъ предоставлено было самоуправленіе, органомъ котораго былъ „Цехъ вольныхъ матросовъ“.

Записывалось въ матросы поднѣпровское населеніе довольно охотно. Выписаться изъ крестьянъ значило, какъ говорили въ то время, „выйти изъ первобытнаго состоянія“. Помнившее „гражданство“ населеніе Поднѣпровья понимало значеніе этого удачнаго выраженія и снѣшило записываться въ вольные матросы¹⁾. Наиболѣе привлекательно этому населенію казалась свобода отъ подушной

¹⁾ „Гражданство“—промежутокъ времени между 1775 годомъ, когда прекратила существованіе запорожская община, владѣвшая цѣлымъ краемъ, получившимъ названіе Новороссіи, и временемъ закрѣпощенія посполства (вольныхъ крестьянъ) начавшагося въ Новороссіи съ конца прошлаго столѣтія.

подати, привлекала также и свобода отъ тяжелой въ то время 25 лѣтней солдатской службы, совершенно разобцавшей солдата отъ той среды, изъ которой онъ вышелъ, и создавшей нынѣ вымирающій типъ Скалозубовъ въ простонародьи. 5 лѣтняя служба во флотѣ, отправляемая всѣмъ здоровымъ населеніемъ, должна была казаться болѣе сподручною: такая общая для всѣхъ военная служба не была новостью въ новороссійскомъ Поднѣпровьи, гдѣ свѣжи были въ то время воспоминанія объ обязательномъ для всѣхъ козакованьи.

Имѣющійся матеріаль позволяетъ говорить только о никопольскихъ „вольныхъ матросахъ“. Въ 1835 году въ никопольскій матросскій цехъ записалось около 800 душ. м. п., чтѣ составляло около половины наееленія этого мѣстечка. Приписывались къ цеху и въ послѣдующее время. Въ 1847 году въ никопольскомъ матросскомъ цехѣ числилось около 1800 ревизскихъ мужск. пола душъ, въ обществѣ крестьянъ осталось не болѣе ¹/₃ прежняго крестьянскаго населенія мѣстечка. Въ 1835 же году отправилась на службу первая партія вольныхъ матросовъ,—120 человѣкъ—вся наличная дорослая молодежь цеха. Отправлялись въ матросы парни не моложе 17 лѣтъ. Въдалѣ этимъ дѣломъ самъ цехъ съ старшиной и старостой во главѣ, давая отчетъ новороссійскому генераль-губернатору, при канцеляріи котораго было особое отдѣленіе, касавшееся дѣлъ вольныхъ матросовъ. Въ слѣдующіе послѣ 1835 годы на службу шло парней 30—50, сколько подоспѣетъ. Иногда два сына старика-отца въ одинъ день отправлялись служить. Поблажки никому не было: „было твердо и аккуратно,—и мій иде, и твій нехай иде“,—„ровняли багатаго и биднаго“. Такъ было до 1854 году; въ крымскую войну служили всѣ матросы,—и очередные, и выслужившіе свой 5 лѣтній срокъ. Послѣ крымской войны никопольскіе матросы отбываютъ воинскую повинность на общемъ основаніи съ податными сословіями; внутреннее же устройство сохранили въ первоначальномъ видѣ до настоящаго времени.

Таковъ общій ходъ внѣшней исторіи никопольскихъ вольныхъ матросовъ. Болѣе сложною представляется исторія ихъ внутренняго быта. Найдутъ здѣсь мѣсто наиболѣе выдающіяся черты этого быта, имѣющія связь съ общимъ горемъ никопольскихъ матросовъ, ихъ обезземеленіемъ послѣ серьезной и трудной ихъ службы государству.—Отмѣчено выше, что за матросами оставлено было право владѣть землею наравнѣ съ крестьянами и въ одинаковомъ съ ними количествѣ. Фактически же матросы мало пользовались этимъ правомъ.

До половины 40-хъ годовъ ничтожную часть полей запахивали и крестьяне по бездоходности земледѣльческаго занятія при существованіи спроса въ то время на продукты земледѣлія только на довольно слабо дѣйствовавшихъ тогда внутреннихъ рынкахъ. Еще меньше могли обращать вниманія на земледѣліе матросы.—Къ концу 40-хъ годовъ, вѣроятно, подѣ давленіемъ заграничныхъ хлѣбныхъ рынковъ, хлѣбопашество начинаетъ привлекать больше рабочихъ рукъ, расширяются какъ помѣщичьи, такъ и крестьянскія хозяйства. При общемъ земледѣльческомъ настроеніи, въ 1849 году устраивается передѣлъ общественной земли и въ Никополь. Дѣлится земля уравниательно какъ между государственными крестьянами, такъ и между матросами; на ревизскую душу приходится по 12¹/₂ десятинъ. До этого пренебрегаемая общественная земля эксплуатировалась, главнымъ образомъ, зажиточными членами общества, какъ даровой выпасъ для скота, или какъ болѣе или менѣе уравниваемые между всѣми членами общества сѣнокосные участки, которыми въ концѣ концовъ, при незначительныхъ затратахъ, пользовались тѣ же зажиточные хозяева. До 1849 года никопольская земля была въ безраздѣльномъ пользованіи матросовъ и крестьянъ по только что отмѣченному способу. Но и послѣ передѣла 1849 года отвлекаемые службой и въ большинствѣ случаевъ безхозяйные матросы очень рѣдко производили свою запашку,—земля ихъ большею частью сдавалась въ погодную съему по незначительнымъ цѣнамъ того времени („лишь бы земля себя оплотила“) или отдавалась „съ копы“. Такой порядокъ продолжался до 1854 г.; этотъ же порядокъ подготовилъ и обезземеленіе никопольскихъ вольныхъ матросовъ.

Прежде чѣмъ говорить объ обезземеленіи матросовъ, представляется интереснымъ очертить кратко ихъ положеніе непосредственно передъ обезземеленіемъ. Въ 1854 году всѣ до одного способные къ службѣ матросы выступили въ походъ,—выступили даже старики, которымъ служили силы. Въ виду того, что оставались дома только матросскія жены и дѣти съ дряхлыми старухами и стариками, еще до выступленія матросовъ въ походъ семействамъ ихъ обѣщаны были „пайки“ для содержанія,—въ день по 3 фунта хлѣба съ небольшимъ количествомъ крупъ. (На жену, мать и сына матроса по цѣлому паю, дочери предположено было давать половинный паекъ). Службу во время войны никопольскіе матросы несли серьезную. Выступило ихъ изъ Никополя 352 человекъ, а назадъ возвратилось около 60,—остальные всѣ сложили головы подѣ Севастополемъ. Но и

среди возвратившихся были израненные и больные. Крайняя нужда встрѣтила матросовъ дома: жены съ малолѣтними дѣтьми не принасли хлѣба, стоившаго въ то время дорого, — пудъ ржаной муки продавался по 1 р. 20 к., — „сухарю были рады“. Къ тому же одолѣвали матросовъ постой. Никополь стоялъ на пути раненыхъ въ крымскую компанію, и десятками привозили ихъ въ одну хату, — „кормите, это вашъ братъ!“ говорили голоднымъ матросамъ. Но кормить было нечѣмъ и роднаго отца. Матросскія дѣти „пищали отъ голода“. Поддерживались только поденными заработками. „Заработаетъ ктонибудь изъ членовъ семьи, купить хлѣба; раздѣлить этотъ хлѣбъ мать между голодными дѣтьми, — какъ мыши съѣдятъ, и снова хлѣба нѣтъ“. Таково было положеніе матросовъ, возвратившихся въ 1857 году изъ подъ Севастополя. Надежда на „пайки“ для семействъ обманула матросовъ: пайковъ оставшіяся семейства не получали, а какъ и гдѣ хлопотать о нихъ, не знали матросскія жены. Не скоро получили эти пайки и возвратившіеся матросы. Бывали они и въ Николаевѣ, и въ Одессѣ, переходили изъ одного учрежденія въ другое и вездѣ получали отказъ, — такъ бы пришлось и уйти измученнымъ матросамъ къ голоднымъ дѣтямъ, если бы не просилъ за нихъ случайно встрѣтившійся съ ними „полковникъ“, знавшій ихъ на службѣ. Только благодаря „спасенному“ полковнику изъ запасныхъ военныхъ магазиновъ отпущены были матросамъ слѣдующимъ ихъ семействамъ „пайки“. Такимъ было для никопольскихъ матросовъ трехлѣтіе крымской войны. Но ожидало ихъ новое горе: матросамъ предстояло лишиться своей надѣльной земли.

Еще до крымской войны матросы очень мало запахивали земли, погодно сдавая ее односельцамъ крестьянамъ то за копу, то за деньги; въ трехлѣтіе же крымской войны совершенно не производилась матросами запашка, при чемъ само собою разумѣется, не могли поступать отъ матросовъ и поземельные платежи въ казну. При такомъ положеніи дѣла никопольское общество крестьянъ привыкло считать своею всю никопольскую землю. Возвратившимся и заявлявшимъ права на землю матросамъ крестьяне говорили: „Вы матросы, вамъ въ другомъ мѣстѣ могутъ дать землю, ищите земли для себя“. Но на этотъ разъ матросы взяли верхъ, — сравнительно съ крестьянами ихъ было больше. Между тѣмъ осенью 1857 года взыскивались недоимки, накопившіяся на никопольской землѣ; недоимки были весьма значительны и взыскивать строго. Взысканіе производилось за круговой порукой, почему вся тяжесть недоимкомъ упала на зажи-

точныхъ хозяевъ, у которыхъ была продана съ аукціона большая часть скота; такъ какъ зажиточные хозяева были только между крестьянами, то недоимки пополнены членами крестьянскаго общества. Это обстоятельство рѣшительно побудило никопольскихъ крестьянъ всю никопольскую землю считать только своею. Обезсилѣвшія матросскія хозяйства по прежнему не производили запашки, въ однихъ случаяхъ сдавая землю крестьянамъ, въ другихъ—совершенно не пользуясь землей, если некому было ее сдать. Землевладѣніе матросовъ въ силу хода вещей становилось, такимъ образомъ, фиктивнымъ. Положеніе дѣла—совершенно ясное, если принять во вниманіе слабую населенность этого кутка екатеринославскаго уѣзда даже въ настоящее время, что устраняло всякую возможность для матросовъ сдавать землю постороннимъ крестьянамъ, устраняло такую возможность тѣмъ болѣе, что къ никопольской землѣ примыкали огромныя дворянскія помѣстья.

Наступилъ 1861 годъ. Въ Никополь, какъ въ торговый пунктъ, со всѣхъ сторонъ устремились „актовые“ и „дворовые“, безъ земли выпущенные на волю. Здѣсь ихъ радушно встрѣчали и купцы съ мѣщанами, которымъ выгодно было увеличеніе никопольскаго населенія, и крестьяне, которыхъ затрудняли поземельные налоги. „Захожему“ легко было приписаться къ крестьянскому обществу съ правомъ на надѣлъ: въ первые 3—4 года послѣ крестьянской реформы приписывалось человѣкъ по 100 и больше. Съ правомъ на надѣлъ никопольское общество крестьянъ принимало постороннихъ еще и въ 70-хъ годахъ. Подъ конецъ принимались въ общество посторонніе безъ права на землю. Но случилось, что изъ Казенной Палаты нѣсколько лѣтъ назадъ вышло распоряженіе, чтобы всѣ принятые въ никопольское общество были надѣлены землею. Теперь то и были обезземелены матросы. Крестьянское общество, возросшее до 6.000 душъ мужскаго пола, окончательно рѣшилось устранить матросовъ отъ владѣнія землею. Былъ составленъ приговоръ о раздѣлѣ никопольской земли на наличныя души, но только крестьянскія, исключая матросовъ, въ цехѣ которыхъ числилось въ то время около 2.000 душъ мужскаго пола. Такой приговоръ былъ утвержденъ въ надлежащемъ порядкѣ, и никопольскіе матросы остались безъ земли. Если матросъ выѣзжалъ теперь на поле для работы, онъ „боемъ“ былъ прогоняемъ обратно. Въ теченіе 3-хъ послѣднихъ лѣтъ обезземеленные матросы искали своихъ правъ на

землю во всѣхъ подлежащихъ учрежденіяхъ до Сената. Какъ стоять это дѣло, матросы не знаютъ.

Въ настоящее время положеніе никопольскихъ матросовъ чрезвычайно тяжелое: теперь они не только безъ земли, но и безъ обычныхъ правъ, какими пользуется крестьянское сословіе; они — исгои общества, стоящіе внѣ существующаго строя, — не подлежатъ они ни заботамъ земства, какъ безземельные, ни вѣдѣнію крестьянскихъ присутствій, какъ „вышедшіе изъ первобытнаго состоянія“. Живутъ они, не обеспеченные ни продовольствіемъ, ни народно-медицинскою помощью, живутъ безъ школы.

Начавшееся съ 1886 года устройство безземельныхъ на казенныхъ земляхъ даетъ надежду получить землю и бездольнымъ никопольскимъ матросамъ.

Л. П.

Архіерейскій подарокъ.

Что человѣкъ рабъ привычки — старая истина. Но несмотря на то, что она стара, а можетъ быть именно потому, что она стара, надо не мало воображенія, чтобъ представить себѣ всю глубину и значеніе этого, повидимому избытка, общаго мѣста. Привычка, какъ бы гипнотизируя человѣка постоянствомъ и однообразіемъ впечатлѣній, извращаетъ то, что мы привыкли считать связаннымъ съ основными свойствами и законами человѣческой природы. Умный, подъ влияніемъ привычки, перестаетъ замѣчать логическія противорѣчія, ясныя какъ дважды два, понятныя даже ребенку; одаренный чувствомъ справедливаго не возмущается вопіющими несправедливостями, добрый и сострадательный равнодушно смотритъ на отвратительныя жестокости и т. д. и т. д. Конечно, каждый изъ насъ множество разъ поражался этими противорѣчіями издали. Но какъ трудно усмотрѣть ихъ въ окружающей средѣ, непосредственно на насъ влияющей, и сколько для этого надо исключительныхъ условий, заключающихся будь то въ выдающемся умѣ, въ большихъ и разностороннихъ знаніяхъ, въ особенной обстановкѣ или положеніи и т. д. Неудивительно поэтому, что лишь очень немногіе могутъ возвыситься до объективнаго или критическаго взгляда на окружающее да и эти немногіе, большею частью, страдаютъ притупленной воспримчивостью; притупленная же воспримчивость выражается въ апатіи, неспособности что нибудь предпринять въ смыслѣ воздѣйствія на окружающее.

Кому, напр., въ настоящее время не ясно, какъ божій день, что крѣпостное право есть учрежденіе, противное и божескимъ законамъ и естественнымъ, вложеннымъ, казалось бы, въ душу каждаго человѣка; и нужны ли, чтобы это понимать и чувствовать, какія нибудь особенныя высокія качества ума или сердца? А вотъ загляните въ тольео что появившееся въ свѣтъ собраніе сочиненій Квитки-Основьяненка, въ статейку: „Лысты до любезныхъ землякывъ“ и прочитайте, что пишеть о крѣпостномъ правѣ этотъ мягкій, искренній, добрый человѣкъ, человѣкъ, который любилъ и понималъ свой народъ, какъ немногіе до или послѣ него. Вотъ его слова: „Паньски жъ люды, що зовутця и по книгамъ пышутця поміщиччи крестяны, такъ тымы завидують, управляются и порядокъ дають самы паны, усякъ у свой держави. Якъ надъ казенными справныкъ або становый порядкуе..., такъ надъ своимъ подданымъ усякъ помѣщыкъ убываецця, подушне распредиля, порядокъ дае и защита ихъ видъ усякыхъ обыдъ чы по сусидству, чы видъ чого бъ то ни було; некрутъ дае по свой воли кого и силки слидуе и усяке таке, якъ е у своему господарстви. За те воны повинны поміщику своему роботы, слухаты его у усякимъ дили и якъ отця и начальныка почытоваты; а черезъ те облегченые е начальству: вже имъ нема хлопоть прямо зъ мужыкамы: прямо пышуть до пана, що отъ то и то треба зробыты, стилки пидвидъ пидъ военну команду выслаты, отъ таку дорогу або мистъ справыты; отъ поміщыкъ и распорядытця, щобъ не у тягость було людымъ и зъ порядкомъ зроблено. Отъ такъ и йде усе гораздъ.“ Что это такое? Сознательная ложъ „страха ради іудейска“, гнусное лицемѣріе или еще что нибудь похуже? Ни то, ни другое: это просто состояніе душевной притупленности, психическаго гипноза. А вотъ и еще маленькая иллюстрація къ той же большой темѣ, извлеченная уже изъ архивнаго матеріала, иллюстрація не Богъ знаетъ какаля яркая, но не лишенная интереса. Матеріаль нашъ называется: „дѣло о ищущей свободы изъ крестьянства отъ протоіерея Могилевскаго Матронѣ бубенской“. Дѣйствующія лица нашего маленькаго повѣствованія, которыя заварили всю эту длинную по времени, краткую для передачи исторію, были: первый архіерей слободско-украинской епархіи Христофоръ Сулима и протоіерей Могилевскій, харьковскіе дѣятели первой половины настоящаго вѣка. Епископъ Сулима происходилъ изъ очень интеллигентнаго шляхетскаго южнорусскаго рода Сулимъ¹⁾. Протоіерей

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1884 г. октябрь, стр. 332—6.

Аванасій Могилевскій былъ профессоръ харьковскаго университета и „разсудительный и занимательный“, по выраженію Филарета¹⁾, духовный писатель. Значить, во всякомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ людьми, принадлежащими къ духовной интеллигенціи, которая въ тѣ времена еще далеко не такъ была отчуждена свѣтской, какъ теперь. Конечно, люди эти должны были представлять собою хоть до нѣкоторой степени и умъ, и знанія, и высшую нравственность своей эпохи. Дѣло происходило въ началѣ настоящаго столѣтія. Преосвященный Сулима, по какому то неизвѣстному намъ поводу, подарилъ протоіерею Могилевскому малолѣтнюю „дѣвку“, вывезенную имъ изъ черниговской губерніи, изъ своего родового имѣнія Пашковки, нѣжинскаго повѣта, и умеръ. Дѣвка выросла у протоіерея на чужой сторонѣ, безъ роду, безъ племени, не помня ни родины, ни родныхъ, не зная даже, кто были ея родители, не зная, какъ она очутилась у протоіерея... Прошло двѣнадцать лѣтъ, и протоіерейская дѣвка уже достигла двадцатилѣтняго возраста. Тутъ, какъ пишетъ она въ своемъ прошеніи, начала она отъ своего господина и его семьи „претерпѣвать разныя изнуренія, какъ то безвинныя побои и прочее“. Т. е. это собственно говоря не слѣдуетъ понимать буквально: претерпѣвала она дѣйствительно изнуренія или нѣтъ, во всякомъ случаѣ трудно предположить, чтобы они свалились на нее такъ вдругъ. Секретъ не въ изнуреніяхъ, а въ томъ, что „дѣвка“ узнала, что „въ прошломъ 1823 г. послѣдовалъ указъ, воспрещающій разночинцамъ и другаго званія людямъ имѣть въ услуженіи дворовыхъ людей и крестьянъ по вѣрющимъ письмамъ ихъ помѣщиковъ, и таковымъ крестьянамъ дарована свобода“. Извѣстно, какъ чутокъ народъ ко всѣмъ подобнымъ распоряженіямъ высшей власти, и даже, къ сожалѣнію, склоненъ толковать ихъ не въ мѣру льготно: а въ то время въ Малороссіи онъ еще, къ тому же, и не успѣлъ совсѣмъ притерпѣться къ крѣпостной неволѣ.

Итакъ, дѣвка узнала объ указѣ, узнала, что протоіерей Могилевскій не имѣетъ на нее крѣпостнаго акта, хотя и не знала главнаго: что протоіерей, не будучи изъ лицъ шляхетскаго званія, изъ какихъ происходилъ преосвященный Сулима, вовсе не имѣлъ права ею владѣть. Она ушла отъ Могилевскаго и начала искать о свободѣ. Протоіерей Могилевскій, конечно, былъ человекъ достаточно образованный для того, чтобы знать, что онъ не имѣетъ

¹⁾ Обзоръ духовной литературы, преосв. Филарета, ст. Аванасій Могилевскій.

права владѣть крѣпостными. Но тѣмъ не менѣе онъ не только не отступаетъ, а напротивъ энергично поддерживаетъ свое мнимое право, ссылаясь на какое то постановленіе губернскаго правленія, состоявшееся будто бы въ его пользу десять лѣтъ тому назадъ, когда его живую собственность требовалъ себѣ назадъ прямой наследникъ преосвященнаго Сулимы, племянникъ покойнаго. Чрезвычайно характерны слова въ отвѣтѣ протоіерея на запросъ, вызванный жалобой Матрены Бубинской, которыми протоіерей объясняетъ мотивы этой жалобы: ...„сіе произошло не отъ притѣсненій или побоевъ, но единственно по развратности ея поведенія и по безразсудному нампренію искать себѣ волности и жиши въ независимости“... Потянулось это незамысловатое дѣло, которое протоіерею въ концѣ концовъ суждено было проиграть, такъ какъ ему уже совсѣмъ не на чемъ было обосновать свои притязанія. Но тянулось оно восемь съ лишнимъ лѣтъ! Конечно, можно сказать, что это еще не Богъ знаетъ что. Мало ли въ судебной практикѣ можно насчитать дѣлъ, которыя тянулись не только восемь, но и дважды и трижды восемь лѣтъ. Это такъ. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ особенными обстоятельствами, которыя опять таки кидаютъ кой какой свѣтъ на блаженное старое время и его порядки. Началось дѣло 24 января 1824 года жалобой Матрены Бубинской и отвѣтомъ протоіерея на запросъ полиціи, вызванный этою жалобой. Все пошло обычнымъ порядкомъ, отъ прокурора въ губернское правленіе, изъ губернскаго правленія въ уѣздный судъ. Дѣло было, повидимому, просто и ясно, ничто постороннее его не осложняло, такъ что можно было рассчитывать на такой или иной, но во всякомъ случаѣ скорый его исходъ. Не тутъ то было. Бѣдное правосудіе неожиданно зацѣпилось за невозможную по своей ничтожности преграду—и стало нвемъ. Вотъ какое вышло затрудненіе. Протоіерей, какъ сказано выше, основывалъ свои права на состоявшемся будто бы въ его пользу, десять лѣтъ тому назадъ, постановленіи губернскаго правленія. Уѣздный судъ, при разбирательствѣ дѣла, нашелъ необходимымъ навести справку въ губернскомъ правленіи, дѣйствительно ли было тамъ такое дѣло и состоялось постановленіе въ пользу протоіерея. И вотъ на этой то справкѣ и застряло дѣло. Уѣздный судъ послалъ въ губернское правленіе за справкой въ октябрѣ того же 1824 года. Губернское правленіе справки не доставляетъ. Прошелъ весь слѣдующій годъ—справки нѣтъ. Въ 1826 г. уѣздный судъ снова проситъ губернское правленіе о справкѣ—по прежнему ни

гласа, ни послушанія. Въ слѣдующемъ году снова тотъ же результатъ. Такъ идетъ изъ года въ годъ до 1830 г., когда уѣздный судъ, вышедши изъ терпѣнія, доноситъ губернатору о бездѣятельности губернскаго правленія. Судъ продолжаетъ обстрѣливать губернское правленіе просьбами о справкѣ; къ нему присоединяется теперь и тяжелая артиллерія въ лицѣ губернатора, который предложилъ губернскому правленію „учинить немедленно распоряженіе къ поспѣшнѣйшему доставленію справки“. Но губерnskое правленіе оказалось такимъ броненосцемъ, который не такъ то легко было пронять. Губернаторъ черезъ каждые два-три мѣсяца, наконецъ даже — недѣли, энергически требуетъ отъ губернскаго правленія исполненія просьбы уѣзднаго суда. Но только въ слѣдующемъ 1831 г. губерnskое правленіе затребовало у своего архиваріуса выправку: восемь лѣтъ надо было его толкать на этотъ подвигъ, надо было пустить для этого 22 бумаги отъ уѣзднаго суда и губернатора! По выправкѣ оказалось, что никакого такого дѣла въ губернскомъ правленіи нѣтъ и никакого постановленія въ пользу протоіерея Могилевскаго дѣлаемо не было, какъ и слѣдовало ожидать. Уѣздный судъ получилъ, что желалъ. Но тутъ новый сюрпризъ. Уѣздный судъ открываетъ неожиданно, что дѣло ему неподсудно, такъ какъ Могилевскій не дворянинъ: вещь, которую онъ обязанъ былъ знать ровно восемь лѣтъ тому назадъ до начала всякихъ справокъ. Да и узнавать то ему было незачѣмъ, такъ какъ въ судѣ было другое дѣло о протоіерѣ, изъ котораго судъ долженъ былъ знать, что протоіерей происходитъ изъ духовнаго званія, слѣдовательно, это дѣло уѣздному суду не подсудно. Дѣло снова поступаетъ въ губерnskое правленіе. Зная порядки губернскаго правленія, можно было думать, что дѣло забудется окончательно, но къ удивленію этого не случилось. Уже въ апрѣлѣ 1832 г. состоялось постановленіе губернскаго правленія, въ которомъ было сказано, что такъ какъ дѣло просто и не требуетъ никакихъ дальнѣйшихъ разъясненій, то дѣвкѣ и должна быть дарована свобода. Мытарства бѣдной дѣвки кончились. Но восемь лѣтъ висѣтъ между небомъ и землей только потому, что несмазываемое правосудіе губернскаго правленія не удосуживалось сдѣлать выправку у своего собственнаго архиваріуса...

Но что случилось съ губернскимъ правленіемъ, что оно вдругъ обнаружило такую сверхъестественную энергію: всего какойнибудь годъ, да и того меньше, какъ дѣло поступило изъ уѣзднаго суда, и оно уже рѣшено. А случилось вотъ что. Не успѣло дѣло посту-

пить изъ уѣзднаго суда, какъ губернскимъ правленіемъ полученъ былъ указъ изъ Сената, вызванный жалобой прокурора съ требованіемъ дать „безъ малѣйшаго замедленія“ объясненіе по дѣлу объ ищущей свободы дѣвкѣ Матренѣ Бубинской. Однако и сенатъ успѣлъ таки два раза повторить свое строжайшее требованіе, прежде чѣмъ губернское правленіе собралось разсмотрѣть дѣло и постановить рѣшеніе.

Строгость же Сената объясняется тѣмъ, что губернское правленіе накопило нѣсколько такихъ, однородныхъ, дѣлъ (объ ищущихъ свободы) и цѣлые годы не давало имъ никакого движенія. Надо думать, что тутъ было не безъ вліянія отсутствія смазыванія, на которое едва ли можно было рассчитывать со стороны истцовъ, ищущихъ свободы, а можетъ быть и хорошая смазка со стороны отвѣтчиковъ. Конечно, и личныя симпатіи губернскаго правленія были цѣликомъ на сторонѣ отвѣтчиковъ. Вѣдь отвѣтчики были по социальному положенію близкіе, чиновники, купцы и т. п. низшіе пласты привилегированнаго класса, желавшіе распространить на себя пріятное право владѣнія живой человѣческой собственности. Но допуская даже продажу крестьянъ „по вольнымъ цѣнамъ“ (съ публичнаго торгу), правительство тѣмъ не менѣе твердо стояло на томъ, чтобы сдѣлать право крѣпостнаго владѣнія исключительной прерогативой дворянскаго сословія. Указы въ этомъ случаѣ слѣдовали за указами; нарушители подвергались тяжелой отвѣтственности; центральные органы строго слѣдили за примѣненіемъ закона органами областными. Мы сказали, строго слѣдили, но точнѣе было бы сказать: проявляли стремленіе строго слѣдить. На самомъ же дѣлѣ, такова была всеобъемлющая сила патріархальныхъ привычекъ, что и самъ Сенатъ не могъ примѣнить своей большой власти къ тому, чтобы дать дѣламъ желаемое движеніе. Онъ втеченіи шести лѣтъ долженъ былъ понуждать губернское правленіе и уѣздный судъ покончить четыре залежавшихся дѣла объ ищущихъ свободы отъ крестьянства и выпустилъ для понужденія семь указовъ. Въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ такой героической мѣрѣ, которая наконецъ и подѣйствовала, — къ угрозѣ выслать на счетъ виновныхъ въ проволочкѣ курьера изъ Петербурга.

Просто это дѣло объ ищущей свободы дѣвкѣ, но въ немъ какъ солнце въ малой каплѣ воды, отражаются кое-какія характерныя черты эпохи. Передъ вами представители высшей духовной іерар-

хія, интеллигентные люди своего времени, которые не гнушаются тѣмъ не менѣ дарить и принимать въ даръ живаго человѣка, беззащитно отрывая его отъ родины, родныхъ, всѣхъ привычныхъ условій жизни. Мало того, ученый протоіерей рѣшается поддерживать свое право, даже зная, что оно не опирается на твердую почву закона: конечно, онъ глубоко убѣжденъ, что если онъ не правъ формально, то правъ по существу, и что дѣвка лишь по „развратности и безразсудству“ хочетъ нарушить его право, созданное архіерейскимъ дареніемъ. Передъ нами судебно-административныя учрежденія того еще не совсѣмъ исчезнувшаго изъ памяти дореформеннаго типа, который являлся представителемъ идеи, что не учрежденія существуютъ для общества, а общество для нихъ, для наполненія безконечно глубокихъ кармановъ ихъ служителей.

Рабство необходимо, по приведенному выше мнѣнію Квитки, для порядка; но не имѣемъ ли мы здѣсь случая убѣдиться, что оно является спутникомъ возмутительнаго безпорядка?¹⁾

А. Е.

Изъ прошлой жизни.

I.

В. С. Поповъ въ своей Рѣшетилловкѣ (1817).

(Записано со словъ рассказчика).

Въ 1817 г. мнѣ пришлось съ полкомъ переходить черезъ знаменитую своими смушками Рѣшетилловку; болѣе курчавыхъ и мягкихъ смушекъ, какъ рѣшетилловскія, мнѣ не приходилось нигдѣ видѣть; говорить, что это вліяніе мѣстной воды.

Въ то время, какъ я тамъ былъ, въ Рѣшетилловкѣ жилъ, какъ звали его крестьяне, „добрый, великій панъ“, самъ владѣлецъ мѣстечка, въ началѣ сотрудникъ великолѣпнаго князя Тавриды Потемкина, и впослѣдствіи самъ по себѣ самостоятельный сановникъ Василій Степановичъ Поповъ. Жилъ онъ своемъ дворцѣ, среди великолѣпнаго парка и славился своимъ открытымъ, радушнымъ гостепримствомъ, что привлекало подъ его кровъ массу гостей. Гостепримство его распространялось не только на знатныхъ и дворянъ, но

¹⁾ Дѣло Малороссійскаго Архива № 144 „Объ ищущей свободы отъ крестьянства отъ протоіерея Могилевскаго Матренѣ бубинской (нач. 1824 г., конч. 1836 г.).

было доступно и крестьянамъ какъ его владѣнія, такъ и сосѣднихъ имѣній.

Каждое воскресенье рѣшетилловскіе и сосѣдніе съ мѣстечкомъ крестьяне, разодртые по праздничному, шли въ садъ къ Василию Степановичу „праздниковати“, какъ они говорили. Въ разныхъ мѣстахъ сада были устроены для молодежи качели, а на водяныхъ каналахъ, которыми былъ изрѣзанъ весь садъ и паркъ, стояли выкрашенныя шлюбки для катанья. На главномъ каналѣ стояла стеклянная будка, въ которой во время народнаго гулянья игралъ хоръ роговой музыки изъ сорока человѣкъ, что производило на гуляющихъ большое впечатлѣніе. Паробки и дивчата разбивались по парку и саду многочисленными группами, качались на качеляхъ, разбѣжались на лодкахъ, танцовали свои народныя танцы и пѣли свои задушевныя пѣсни. По окончаніи гулянья, было въ обычаѣ подходить къ „панскимъ будынкамъ“ т. е. ко дворцу и благодарить хозяина за праздникъ, Василій Степановичъ выслушавъ спасибо, всегда тутъ же приказывалъ своимъ лакеямъ выносить угощеніе пришедшей толпѣ,—появлялись корзинки съ яблоками, пряниками, орѣхами и прочими простыми лакомствами — вмигъ все это приправленное взаимными шутками и смѣхомъ Вас. Степ. и пришедшихъ къ нему съ благодарностью гостей—его крестьянъ уничтожалось, и они уходили, приглашенные хозяиномъ и въ слѣдующій праздникъ не забывать его...

II.

Малороссійскій генераль-губернаторъ кн. Н. Г. Репнинъ и архивариусъ повѣтоваго суда.

(Записано со словъ рассказчика).

Князя Н. Г. Репнина очень любили въ Малороссіи какъ добраго, справедливаго, доступнаго всѣмъ и каждому начальника края, и въ бытность его генераль-губернаторомъ и долго послѣ его выбитія про его личность ходила масса анекдотовъ, обрисовавшихъ эту прекрасную личность,—вотъ одинъ изъ этихъ анекдотовъ, слышанный мною давно:

Князь Репнинъ, неожиданно для уѣздныхъ властей полтавской губерніи, выѣхалъ на святой недѣлѣ изъ Полтавы, при чемъ путь его лежалъ или на Прилуки, или же на Пирятинъ, хорошо не припомню,—сопровождавшій его чиновникъ, знавшій плохое со-

стояніе тогдашнихъ почтовыхъ станцій, приказаль привести почтовыхъ лошадей къ дому, гдѣ помѣщался повѣтовый судъ, куда и завезъ князя. Въ судѣ, по случаю праздниковъ, никого изъ членовъ суда не было, а дежурили старый архиваріусъ, только что представленный за 35-лѣтнюю службу къ ордену Владиміра IV ст. и нетерпѣливо ждавшій полученія этой награды, которая давала ему право потомственнаго дворянства. Старикъ не ждалъ никого изъ начальствующихъ въ судѣ, почему своевременно въ урочный для него часъ досталъ изъ за связокъ дѣлъ, хранившихся въ архивномъ шкапу, штофикъ водки и закуску, выпивъ нѣсколько чарокъ, закусилъ и предался мечтамъ о своемъ будущемъ дворянствѣ, какъ вдругъ мечты эти были прерваны, подлетѣвшимъ экипажемъ со звонками изъ котораго вышла знакомая всей Малороссіи фигура князя Репнина. Архиваріусъ, не смѣшавшись, встрѣтилъ князя въ дверяхъ суда и отрапортовалъ ему, что въ судѣ все обстоитъ благополучно, но что по случаю „наступившаго Великдня присутствіи нема и подсудки, а также панъ судья отсутствуютъ, онъ, архиваріусъ, состоитъ дежурнымъ по суду, и буде Его Сіятельство желаетъ обревизовать дѣла, ввѣренныя его храненію въ архивѣ, то онъ будетъ осчастливленъ, тѣмъ болѣе, что высокій начальникъ лично убѣдится въ его заслугахъ, за которыя его прямое начальство удостоило уже представленіемъ къ ордену св. Владиміра IV ст. Князь улыбнулся и просилъ вести себя въ архивѣ. Прійдя туда, князь увидѣлъ шкапы, полные бумагъ, подошелъ къ одному изъ нихъ и указывая на связки съ дѣлами, спросилъ, что за дѣла? Архиваріусъ далъ точный и обстоятельный отвѣтъ. Еще нѣсколько подобныхъ вопросовъ и тѣ же обстоятельные отвѣты; князь поблагодарилъ архиваріуса за порядокъ и выразивъ надежду на успѣшный исходъ представленія къ ордену достойнаго архиваріуса, собирался уже выходить изъ архива, тѣмъ болѣе, что и лошадей ему успѣли запречь, какъ случайно увидѣвъ на шкапу еще связку дѣлъ, спросилъ: „А это что у Васъ за дѣла, почтеннѣвшій?“— „А це таки, що я й самъ не знаю, та й Вамъ лизты въ ихъ не совитую, бо якъ я не розибрався зъ ними, то й Вамъ ихъ не розибрать“ отвѣчалъ архиваріусъ.— „Вѣрно“, сказалъ князь и уѣхалъ.—Отвѣтъ архиваріуса князю скоро сталъ извѣстенъ всему городу,—начальство распекло старика и разъяснило ему, что князь могъ легко обидѣться его отвѣтомъ и вмѣсто представленія къ ордену, пожалуй прогнать его за грубость, и бѣдняга впалъ въ уныніе, изъ

котораго впрочемъ его скоро постарался вывести князь, приславъ „за урокъ“ рублей 50 или 100 съ извѣщеніемъ, что онъ утвердилъ представленіе къ ордену, который онъ и не замедлитъ получить.

III.

Князь Н. Г. Репнинъ и его честное слово.

Князь Н. Г. Репнинъ часто нуждался въ деньгахъ, такъ какъ несмотря на свои большія средства, жилъ всегда шире ихъ,—нуждаясь, онъ прибѣгалъ къ займамъ, но платилъ долги очень неаккуратно. Разъ онъ попросилъ въ займы 10 т. руб. у лубенскаго маршала дворянства, человѣка съ большими деньгами. Тотъ отвѣтилъ ему, подавая требуемую сумму „охотно даю Вамъ, князь, нужныя Вамъ деньги, но только, ради Бога, не подѣ вексель или подѣ какойнибудь другой документъ, а подѣ Ваше одно честное слово такъ какъ Вы, давши документъ Вы успокоитесь относительно своего долга мнѣ, давши же честное слово, Вы всегда будете заботиться о его выполненіи“... Долгъ былъ выплоченъ въ срокъ.

IV.

Губернаторская ревизія уѣзднаго суда.

Въ 1840-хъ годахъ былъ назначенъ въ черниговскую губернію губернаторомъ Ш.—Большой баринъ, новый губернаторъ не отличался вѣжливостью въ обращеніи съ подчиненными и имѣвшими къ нему служебныя отношенія чиновниками, былъ крайне грубъ и рѣзокъ съ ними, полагая, что уѣздныя должности и по выборамъ, и по назначенію отъ правительства заняты людьми, живущими на счетъ взятокъ; въ черниговской же губерніи въ тѣ времена выборныя должности заняты были во многихъ уѣздахъ людьми богатыми, образованными, занятыми болѣе общественною службою, чѣмъ устройствомъ своихъ личныхъ дѣлъ и имѣвшими и по своимъ качествамъ и родству несомнѣнныя связи съ Петербургомъ. Къ такимъ людямъ принадлежалъ и бывший тогда въ г. Борзнѣ уѣздный судья Николай Даниловичъ Бѣлозерскій, человѣкъ вполне честный и образованный, съ хорошими средствами, съ связями и знакомствами въ Петербургѣ, гдѣ его знали и цѣнили вполне по достоинству.—Вскорѣ по прибытіи въ Черниговъ, Ш. направился по губерніи съ ревизіей; вездѣ прошла молва, „що губернаторъ лютуетъ“: тамъ онъ обругалъ исправника, тамъ прогналъ становыхъ, тамъ чуть ли не самолично произ-

вель судѣ и расправу съ думою, тамъ въ уѣздномъ судѣ грозилъ, что отдастъ подѣ судѣ и судью, и подсудковъ и камня на камень не оставить въ судѣ и проч. и проч. Дошло дѣло и до Борзны; пріѣзжаетъ Ш. въ уѣздный судѣ, Н. Д. встрѣчаетъ его вѣжливо, но сухо и на требованіе представить дѣла къ ревизіи, зоветъ секретаря и приказываетъ ему представить тѣ дѣла на ревизію, которыя потребуетъ его превосходительство, и, пригласивъ губернатора сѣсть у стола, самъ съ засѣдателями у того же стола занимаетъ мѣсто.— Оскорбился ли Ш. такимъ поведеніемъ судьи, или норовъ такой у него былъ, но какъ только секретарь подалъ ему дѣло на ревизію, онъ, схвативъ дѣло, сталъ теребить его въ рукахъ, кричать, что развѣ въ такомъ видѣ можно представлять на ревизію его, губернатора, дѣла, что онъ за такое непочтеніе и невниманіе отдастъ подѣ судѣ весь составъ суда съ его канцеляріею, загонить ихъ туда, куда Макарь телать не гонялъ, а въ концѣ своей рѣчи, какъ бы въ доказательство, что все имъ сказанное онъ не замедлитъ привести въ исполненіе, скомкавъ представленное ему на ревизію дѣло, бросилъ его въ уголъ присутственной комнаты. Николай Даниловичъ, выслушавъ молча всѣ разглагѣльствованія губернатора-ревизора, какъ только дѣло очутилось въ углу на полу, далъ знакъ подать себѣ дѣло и, перелистовавъ его и замѣтивъ всѣ слѣды ревизорскаго гнѣва на немъ, обратился съ просьбою къ губернатору собственноручно отмѣтить на дѣлѣ, что поврежденія въ дѣлѣ сдѣланы имъ, губернаторомъ, при ревизіи суда такого то года, мѣсяца и числа.— Ш. сталъ отказываться; тогда Н. Д. приказалъ, держа въ рукахъ дѣло, составлять протоколъ о испорченномъ при ревизіи губернаторомъ Ш. дѣлѣ. Этого уже Ш. не допустилъ, взявъ дѣло, сдѣлалъ на немъ отмѣтки о произведенной имъ порчѣ, послѣ чего, не производя уже ревизіи, молча вышелъ изъ суда и въ дальнѣйшихъ своихъ ревизіяхъ вель себя болѣе сдержанно.

V.

Гостепріимный помѣщикъ.

Въ черниговской губерніи еще въ 1850-хъ годахъ жилъ въ своихъ помѣстьяхъ, расположенныхъ и въ сѣверныхъ, и южныхъ уѣздахъ, ея знаменитый своимъ богатствомъ и скупостью помѣщикъ панъ Илья Петровичъ Ю—чъ. Скупость его доходила до того, что онъ мѣсяцами не перемѣнялъ бѣлья, ходилъ въ какомъ то грязномъ

полушубкѣ, все припрятывалъ, сберегалъ, отказывая себѣ во всемъ... сыновья его съ нимъ не жили,—оба занимали видные посты одинъ въ Петербургѣ, другой въ провинціи, самъ онъ былъ вдовъ и весь отдался сбереженіямъ... Мнѣ самому приходилось впоследствии слышать отъ лѣсниковъ его богатаго лѣсами имѣнія села О--ки н--скаго уѣзда, когда я удивлялся хорошему сбереженію лѣса въ имѣніи: „хиба намъ панъ позволявъ коли небудь дать на свою экономію хочъ визъ дровъ,—мы повинны были возчыкамъ зъ экономіи показать, у якого пана можна украсты деревню для своего пана,—такъ бывало мы усе грапскимъ лисомъ свою экономію контентуемъ,—того и нашъ лисъ такой славный вырись,—а теперичка молоды паны его жыдамъ задарма отдады“... Вотъ этотъ то панъ, посылавшій красть чужой лѣсъ, отказывавшій себѣ въ стаканѣ молока, говоря, что „якъ молока выпью, то не буде сметаны, а не буде сметаны, не буде масла, а не буде масла—не буде грошей“... придумалъ оригинальный способъ приема заѣзжавшихъ къ нему въ имѣніе по дѣламъ службы чиновниковъ. Осенью отдавался лѣсникамъ приказъ во что бы то ни стало доставить нѣсколько убитыхъ волковъ; съ доставленныхъ труповъ снимались шкуры и тутъ же въ нихъ клался овесъ съ цѣлью пропитать его волчьимъ духомъ. При пріѣздѣ чиновниковъ овесъ этотъ засыпался коньямъ ихъ,—кони, слышавъ волчій духъ, фыркали, бросались въ сторону, рвались изъ станковъ, такъ что кучера съ трудомъ выводили ихъ изъ конюшни; овесъ прибирался и прятался до слѣдующаго пріѣзда чиновниковъ, а панъ при случаѣ всегда аттестовалъ чиновничьихъ коней такъ: на даровомъ овсѣ поробились такими скаженными, що не прыведы Господы! мало мало мою конюшню не розорылы, побачивши тилько мій овесъ!...

VI.

О благотворительности Куликовскаго и Овсянникова.

Представленіе на имя Государя Императора отъ дюка де Ришелье 30-го ноября 1808-го года о позволеніи воспитанику полковника Дмитрія Куликовскаго коллежскому регистратору Николаю Овсянникову присовокупить къ своей фамилію Куликовскихъ.

Всемилоствѣйшій Государь!

Помѣщикъ таврической губерніи, отставный полковникъ Дмитрій Куликовской многими заслугами на пользу ближняго и на

пользу отечества обратилъ на себя вниманіе Ваше, Всемилостивѣйшій Государь!

Жительствова на берегу Днѣпра при вѣздѣ съ сей стороны въ Крымъ, домъ его отверсть былъ богатому и бѣдному; богатые находили себѣ здѣсь мирное отдохновеніе, а бѣдные пищу и не обходимое снабдѣніе. Чтобъ помочь человѣчеству облегчить страждущихъ болѣзнями, не своихъ только людей, но изъ сосѣднихъ казенныхъ селеній и проходящихъ въ Крымъ и изъ Крыму военныхъ командъ, Куликовской изъ одинаго состраданія къ ближнему учредилъ въ Каховкѣ больницу; сюда выписалъ изъ Гамбурга и содержалъ на щотъ свой доктора, жертвуя всѣмъ на облегченіе больныхъ въ ихъ болѣзняхъ. Въ теченіи одного года были въ больницѣ четыреста пять человѣкъ. Пять изъ нихъ умерли, прочіе выздоровѣли. Всемилостивѣйшій Государь! Я лично навѣщаль благотельное сіе заведеніе и нашель въ самомъ лучшемъ видѣ. Больные призрѣны и услужены сколько можно лучше во всѣхъ отношеніяхъ.

Для пользы солинаго промысла, стѣсненнаго было со стороны настьбищъ, Куликовскій пожертвовалъ тремя тысячами десятинъ земли, лишивъ себя принадлежащаго съ нихъ дохода, каковыми сосѣды его пользуются спойкойно. Во время ополченія милиціи Куликовскій самъ вызвался лично служить; первый выставилъ и лучшимъ образомъ вооружилъ людей на службу.

Завѣщая благопріобрѣтенное имѣніе свое еще въ 1803-мъ году воспитанному имъ коллежскому регистратору Николаю Овсянникову, сыну покойной жены его, онъ имянно постановилъ, есть ли сей облагодѣтельствованный имъ молодой человѣкъ будетъ безпотомень, обратитъ то имѣніе на воспитаніе и содержаніе не имущихъ дворянъ.

Такимъ образомъ вся жизнь Куликовского была, такъ сказать, цѣль благодѣяній и благонамѣренности. Онъ умеръ въ сентябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года. За жизни своей ничего онъ не желалъ и не искалъ столько, какъ чтобъ облагодѣтельствованный имъ Овсянниковъ, въ память пребыванія его въ таврическомъ краѣ, присоединилъ къ своей фамилію Куликовскихъ. Того ищутъ родные братья покойнаго полковникъ Михаилъ и коллежскій совѣтникъ Николай Куликовскіе, того жаждутъ благодотворенные имъ. Получивши имѣніе Овсянниковъ не смотря что все родовое имѣніе отошло въ родъ Куликовскихъ, слѣдуя благодотворнымъ намѣреніямъ виновника счастья своего, беретъ на себя продолженіе содержанія боль-

ницѣ и еще учреждаетъ богодѣльню для содержанія 25-ти душъ нищихъ и глубокою старостію обремененныхъ.

Всемилоствѣйшій Государь! бывъ личный свидѣтель всѣхъ подвиговъ Куликовскаго на пользу ближняго и желанія его, чтобъ Николай Овсянниковъ присовокупилъ къ своей фамилію Куликовскихъ, желанія родными его братьями одобреннаго, зная koliko почтена память покойнаго во всей Тавридѣ, дерзаю всеподданѣйше просить о всемилоствѣйшемъ позволеніи Овсянникову присоединить фамилію Куликовскихъ безъ всякаго въ прочемъ на родовое имѣніе вліянія. Отзывъ братьевъ Куликовскихъ и прошеніе Овсянникова осмѣливаюсь повергнуть въ Высочайшее возрѣніе Вашего Императорскаго Величества.

Августѣйшій Монархъ! Вашего Императорскаго Величества

На подлинномъ тако: джукъ Емануиль де Ришелье, Генераль-Лейтенантъ.

Ноября 30-го дня 1808-го года.

Изъ области народныхъ преданій, повѣрій и разсказовъ.

Печатаемые ниже три разсказа сообщены редакціи Я. П. Новицкимъ изъ его рукописнаго сборника. Разсказы эти представляютъ варианты напечатанныхъ въ сборникахъ Драгоманова (Малорусскіе народные преданія и разсказы, стр. 9, 15, 5) и Чубинскаго (Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ юго-зап. край, т. I, стр. 60, 39, 49), но представляютъ нѣкоторыя существенныя отличія отъ этихъ послѣднихъ.

Отчего воробы зимуютъ у насъ.

(Разсказъ).

Якъ роспыналы Хреста, горобци крычали: *жыво! жыво! жыво!* Жыды почалы ще гиршѣ мучыть. За те Господь проклявъ ихъ и не позволявъ имъ литать въ теплы стороны. Въ осени, якъ бувають жыдивеськи кучки, то и вони кучкамы литають. Зимую ихъ багато погиба: мерзнуть.

Баба Марчиха.

Ольгинское, мариуп. у. 23 октября 1876 г.

Почему евреи не ѣдятъ свиинны.

(Разсказъ).

Якъ шукалы жыды Хреста, винъ сховався въ ясла съ синомъ. Кони зверху вылы сино, а винъ сховався глыбше. Того мяса коней не идять. Куры стали гребты сино и выгреблы. Жиды уловылы Хреста и почалы мучыть. Хрестось сховався въ солому. Свины почалы рыть, тай зарылы Хреста глыбше. Тымъ тецерь жыды падки на курятыну а свыней не идять. Намъ, хрещенымъ, Богъ благословывъ свыныну, оттого мы и святемо сало съ паскою.

Баба Марчиха.

Ольгинское, 23 октября 1876 г.

Откуда взялись камни.

ВАРВАРА ВЕЛИКОМУЧЕНИЦА.

(Разсказъ).

Якъ жыла Варвара на земли, то не було ни одного камня. Вона була богомольна и праведна. а батько ии изъ жыдивъ и лютый, якъ звирюка. Було якъ застане ии за молитвою, то заразъ и почне быть та мучыть. Стыко вже винъ ии не мучывъ, вона все молыться Господу. Отъ разъ заставъ ии на колинахъ, розлютувався и до неи. Вона навтыкы, та въ степъ. Тамъ паслысь вивци—вона межъ вивци и заховалясь. Прыбигъ батько.—Чы не бачылы сякои-такои?—пыта чабанывъ.—Бачылы, кажутъ: межъ вивци вскочыла и заховалясь. И указалы пальцемъ. Съ тии поры чабаны и вивци покамянылы. Ото якъ случается бачыть скели—стоять мовъ люды зъ рукамы—то чабаны, де каминны лежать—то все вивци.

Баб. Марчиха 65 л.

Ольгинское, маріуп. у. 23 октября 1876 г.

„Воянца писня“.

Первое число ноябра по новому стилю въ латинскомъ обрядѣ называется „днемъ задушнымъ или просто „задушками“. Въ этотъ день, въ праздникъ „всѣхъ святыхъ“ совершается всеобщее помино-

веніе по усошимъ. Тысячи народа всѣхъ сословій идутъ въ теченіи всего дня, особенно же къ вечеру, на кладбища, украшаютъ могилы дорогихъ имъ покойниковъ цвѣтами, вѣнками, свѣчами и лампами; вечеромъ эти послѣднія зажигаются, и все кладбище представляетъ громадную волну искрищихся огоньковъ, среди которыхъ медленно двигаются массы народа.

Не удивительно, что день этотъ, особенно же вечеръ составляетъ необыкновенную приманку для нищей братіи, потому что вѣдь подаваніе милостыни составляетъ издавна одинъ изъ способовъ чествованія памяти умершихъ. Правда, въ настоящее время, особенно среди городской публики высшихъ классовъ, милостыни даютъ мало, что однако не мѣшаетъ многочисленнымъ нищимъ стекаться къ „задушному дню“ даже изъ дальнихъ деревень во Львовъ. Длиннымъ рядомъ сидятъ они вдоль улицы, ведущей на Лычаковское кладбище, читаютъ молитвы, поютъ пѣсни и выпрашиваютъ подаванія. Молитвы и пѣсни слышатся на двухъ языкахъ: польскомъ и малорусскомъ.

Пробираясь въ прошломъ году вечеромъ среди густой толпы народа, стремящейся къ Лычаковскому кладбищу, я былъ пораженъ отрывочными словами одной пѣсни, долетѣвшей до меня изъ среды нищихъ и непохожей на обыкновенно распѣваемые пѣсни о „Сыриткѣ“, „Лазарѣ“, „святой Варварѣ“, „святомъ Алексѣѣ“ и т. п. Я остановился возлѣ какой то не очень старой, слѣпой нищей, которая полуохрипшимъ отъ холода, но довольно бойкимъ голосомъ какъ разъ пѣла послѣднія строфы „воянцкои писни“. Какая то дряхлая старушка подтягивала ей своимъ надтреснутымъ голосомъ. Я съ интересомъ дослушалъ до конца ихъ пѣніе, за которымъ слѣдовало длинное, мѣрно и на распѣвъ произнесенное „причитаніе“, котораго я къ сожалѣнію не могъ запомнить. Но самая пѣсня очень заинтересовала меня, такъ какъ до сихъ поръ ни въ репертуарѣ нищихъ „лирниковъ“, ни вообще я не слышалъ этой пѣсни. Вручивъ обѣимъ пѣвицамъ по 10 крейцеровъ, я просилъ ихъ еще разъ пропѣть эту „воянцку писню“; къ моей просьбѣ присоединилась еще довольно значительная кучка рабочихъ, которые тоже слышали только ея окончаніе, и подкрѣпили свое желаніе довольно щедрой подачкой. Отдохнувъ немного, обѣ пѣвицы и пропѣли слѣдующую пѣсню. Къ сожалѣнію, время было позднее, записать ее на мѣстѣ отъ слова до слова среди толпы не было никакой возможности. Но такъ какъ мотивъ пѣсни былъ очень медленный, и къ тому же

всякій стихъ въ пѣніи дважды повторялся, то я успѣлъ довольно хорошо запомнить текстъ пѣсни, который и списалъ сей часъ по возвращеніи домой. Кажется, однако, что помимо напряженія памяти нѣсколько строкъ таки были мною забыты. Когда я на слѣдующій день хотѣлъ разыскать пѣвицу, разспросить ее, кто она и откуда, и заставить еще разъ пропѣть эту пѣсню, еѣ на прежнемъ мѣстѣ не оказалось. Равнымъ образомъ и въ настоящемъ году мнѣ не удалось болѣе услышать этой пѣсни, почему я и передаю ее, желая обратиться на нее вниманіе собирателей, которымъ, можетъ быть, и посчастливится записать болѣе полный ея вариантъ.

„Вояцка писня“ представляетъ несомнѣнный научный интересъ, какъ довольно поздняя, на *галышкѣ* почвѣ сдѣланная переработка и компиляція нѣсколькихъ, болѣе древнихъ нѣсенныхъ мотивовъ, не встрѣчающихся въ Галичинѣ. Полагаю что главнымъ образомъ мотивъ умирающаго козака (здѣсь, конечно, солдата) разговаривающаго съ орломъ—сравни аналогическіе стихи въ „Думѣ про побигъ троухъ бративъ изъ Азова“. Далѣе, стихи 59—63 заимствованы изъ извѣстной пѣсни „Гоминь, гоминь по диброви“, имѣющейся и въ Галичинѣ въ многочисленныхъ вариантахъ. Въ высшей степени поэтическое сравненіе ст. 63—67 заимствовано тоже изъ другой, старѣйшей пѣсни. Опредѣленіе всѣхъ этихъ составныхъ частей оставляю болѣе компетентнымъ изслѣдователямъ нашего народнаго творчества.

Но есть въ нашей „вояцкѣ пѣсни“ и болѣе новыя, оригинальныя черты. Къ такимъ нужно прежде всего отнести стихи 4—9 составляющіе несомнѣнную попытку придать древнему сказанію о козацкихъ невзгодахъ современное, общественно-нравственное значеніе, посредствомъ расширенія понятія войны на современную социальную борьбу между „братьями“. Величественные по своей простотѣ стихи

Нема добра тай не буде:

Була війна, тай ще буде—и т. д.

составляютъ на мой взглядъ выраженіе того самаго пробужденія болѣе широкаго общественно-нравственнаго сознанія среди украинскаго народа, на которое мастерски указалъ М. Драгомановъ въ своей книгѣ „Нові українські пісні про громадські справи“. Къ какимъ интереснымъ сближеніямъ приводитъ иногда это стремленіе, можно ви-

дѣть хотя бы изъ сопоставленія „службоньки цисарьской“ съ бывшею „неволею турецькою“ и мольба къ Богу объ избавленіи отъ одной и другой.

Миронъ.

Хвалимъ Бога единого,
Суса Христа правдывого,
Що все небо й земля ёго!

Нема добра тай не буде:
5. Була вийна тай ще буде,
Братъ на брата ворогуе,
Сестра сестри смерть готуе,
Донька матку зневажае,
Отець сына проклинае.

10. Нема добра тай не буде:
Буха вийна тай ще буде:
Бо на вийни свить настае,
На вийни ся й закинчае.

Дай намъ Боже, проживаты,
15. Вояницку писню спиваты,
Бога въ Тройцы выхваляты!

Ой тамъ въ поли край дороги,
Ой тамъ лежить два капрали,
Що па выйнахъ погыбалы,
20. Що ихъ кули постриялы,
Що ихъ мечи порубады.
Воны кулямы пострыяны,
А мечамы порубаны

Ой тамъ въ поли край дороги
25. Два капрали погыбалы,
Тай зъ собою розмовлялы:

Ой брате мій, товаришу,
Скажыжь мини хоть разъ правду:
Котра рана тай гиришая?

30. Чи кулею пострияна,
Чи мечамы порубана?

— „Ой видѣ кули е лекшая,
 А видѣ меча е гиршая.
 Бо видѣ меча кервовъ зійшла,
 35. А видѣ кули серцемъ прійшла“.

„Ой брате жъ мій, товаришу,
 Скажи жъ мині хоть разъ правду:
 Кто насъ буде доглядаты,
 Наши раны завываты,
 40. И намъ исты доношаты?“

Ой чувъ того орелонько
 Тай ставъ до ныхъ промовляты:
 „Я васъ буду доглядаты,
 Ваши раны завываты
 45. И вамъ исты доношаты:
 Зъ лоба очы выдзъобаты,
 Биле тило розриваты!“

„Ой брате мій, товаришу,
 Якъ бы наша маты знала,
 50. То вна бы насъ поховала,
 Дзвононькы бы понаймала,
 Надъ нами бы заплакала,
 Якъ зозулька щебетала.

— „Сыны жъ мои, соколята,
 55. Коля жъ васъ си сподиваты
 Изъ чужыны далекои,
 Изъ неволи турецькои,
 Изъ службонькы цисарськои?“

— „Озмы маты, писку въ жменю,
 60. Посій ёго по каменю,
 Икъ той писокъ жытомъ зійде,
 Тогда сынъ твій зъ вйны прыйде
 Чорновъ хмаровъ по надъ іего,
 Яснымъ сонцьомъ надъ виконцьомъ,
 65. Риснымъ дожджомъ надъ нывоньковъ,
 Голубонькомъ на подвирье,
 Дытыноньковъ на пидсинь!“

Выведы жъ насъ, мощный Боже,
 Изъ чужины далекои,
 70. Изъ неволи турецькой!
 Изъ службоньки цисарьскои!

Замѣтка объ альбомѣ украинскихъ древностей И. А. Зарѣцкаго.

Г. Зарѣцкій раскопалъ нѣсколько кургановъ возлѣ с. Лихачевки богодуховскаго уѣзда харьковской губ. и кромѣ того здѣсь же производилъ случайныя разысканія въ теченіе 6 лѣтъ (съ 1881 по 1886 г.). Объ этихъ раскопкахъ и находкахъ онъ напечаталъ статью въ Харьковскомъ Сборникѣ за 1888-й годъ и приложилъ къ ней 2 таблицы снимковъ съ древностей. Но кромѣ этого г. Зарѣцкій составилъ еще цѣлый альбомъ рисунковъ, изображающихъ лихачевскія древности. Рисунки исполнены самимъ г. Зарѣцкимъ и при томъ необыкновенно тщательно и красиво. Всѣ они сдѣланы въ настоящую величину предметовъ и по большей части раскрашены въ натуральные цвѣта. Всякая черточка и точка переданы чрезвычайно тщательно; пунктиромъ обозначены поперечники нѣкоторыхъ предметовъ и недостающія части. Таблицы украшены бордюромъ, составленнымъ по украшеніямъ, находящимся на изображаемыхъ предметахъ. Всѣхъ таблицъ XXXIII и на нихъ помѣщено нѣсколько сотъ изображеній древностей: бронзовыя—стрѣлы, фибулы, бляшки, пуговицы, шпильки, гвозди, головка животнаго, кельтъ съ двумя ушками, кольца, браслетъ, шило, принадлежности конской сбруи, конецъ меча, вязальный крючекъ, удочки, иголки, колесо, привѣски и мн. др.; желѣзные—принадлежности конской сбруи, пряжка, шило, ножи, стрѣлы и т. п.; оловянные—шарики, кружки и т. п.; каменные—стрѣлы, остатки молотковъ; пращи, скребки, точила; глиняные, стеклянные—шарики, бусы, привѣски, пуговицы, кувшинъ, чашечка, обломки разной посуды съ разнообразнымъ орнаментомъ и грубой, и хорошей работы; человѣческій черепъ и черепъ торфяной свиньи; значки, начертанные на бронзовыхъ стрѣлахъ, совершенно напоминающіе знаки собственности. Желательно было бы, чтобы альбомъ г. Зарѣцкаго, на который онъ, очевидно, затратилъ массу труда и который какъ по своему содержанію, такъ и по художественному выполненію, представляетъ во всякомъ случаѣ выдающееся явленіе,

не пропалъ для науки, а былъ изданъ какимъ нибудь археологическимъ обществомъ или частнымъ лицомъ-меценатомъ. Альбомъ приготавлился составителемъ къ харьковскому археологическому съѣзду; но съѣздъ этотъ, какъ извѣстно, не состоялся и альбомъ остался не изданнымъ.

Д. Багалъй.

Замѣтка о старыхъ и новыхъ „копачахъ“.

Въ № 482 „Кіевск. Слова“ были сообщены нѣкоторыя подробности о раскопкахъ, произведенныхъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ области р. Сулы проф. Д. Я. Самоквасовымъ (въ с. Герасимовкѣ и Аксютинцахъ, недалеко отъ г. Ромна). Въ замѣткѣ было указано, что большинство разрытыхъ кургановъ оказались разграбленными, при чемъ грабители проникали въ могильный склепъ посредствомъ лазейки. Намъ удалось лично присутствовать при раскопкахъ Д. Я. Самоквасова, и, помнится, при разсмотрѣніи добытыхъ изъ кургановъ предметовъ имъ было сдѣлано замѣчаніе, что разграбленіе этихъ могильниковъ относится не къ очень отдаленному времени, что оно вообще было произведено въ эпоху болѣе близкую къ намъ, чѣмъ ко времени насыпки кургановъ. Почтенный археологъ доказывалъ это тѣмъ соображеніемъ, что изъ могилъ были выкрадены только вещи, имѣющія общую цѣнность, (золотые и серебряные предметы), между тѣмъ какъ остальные предметы (бронзовыя зеркала, желѣзные мечи, копья, стрѣлы и т. д.) были оставлены грабителями, вѣроятно потому, что въ ихъ время не употреблялись болѣе, и слѣдовательно не имѣли для нихъ никакой цѣнности.

Соображеніе это оказывается совершенно справедливымъ, и есть даже возможность совершенно точно установить эпоху разграбленія этихъ кургановъ. Въ изданномъ недавно Кіевской Археогр. Коммиссіей томѣ актовъ о колонизаціи юго-зап. Руси (ч. VII, т. I) въ люстраціи каневского староства 1552, гдѣ между прочимъ описаны и мѣста по р. Сулѣ (р. 103), читаемъ „*Персказа отъ Копачевъ. А еще переказуютъ уходомъ (промысламъ) инымъ таковымъ же обычаемъ копачи з драбовъ, которые по городищамъ и селшамъ онымъ ходячи, могили раскопываютъ, ищучи тамъ оброчей и перстней, моши погребеныхъ выкидываютъ, на помзсту за то живымъ и невиннымъ“.*

И въ настоящее время попадаются такіе „копачи“ изъ самозванныхъ археологовъ, которые подъ видомъ научныхъ изслѣдованій ищутъ въ курганахъ только „обручей и перстеней“; отъ хищническихъ наклонностей одного изъ такихъ копачей „не мало постопа Посуль“... Старые копачи были по крайней мѣрѣ откровеннѣе—они только грабили и съ награбленнымъ удирали; новые же копачи требуютъ еще себѣ „чти и славы“ за свои грабительскіе подвиги...

И. А. Линниченко.

Д л я с п р а в о к ъ .

— Поми ки по И. П. Котляревскому въ Полтавѣ Изъ Полтавы намъ пишутъ, что инициативу чествованія знаменитаго полтавца приняла на себя, къ чести ея, мѣстная городская дума. За нѣсколько дней до юбилейнаго дня, городской управой разослано было объявленіе слѣдующаго содержанія: „29 сего октября мѣсяца исполнится 50 лѣтъ со дня кончины Ивана Петровича Котляревскаго. Полтавская городская дума по этому поводу между прочимъ, постановила почтить въ этотъ день память покойнаго Котляревскаго совершеніемъ панихиды. Городская управа симъ извѣщаетъ гг. гласныхъ городской думы и всѣхъ почитателей памяти покойнаго, что 29 числа октября, въ 2 часа пополудни, въ зданіи городской управы имѣть быть совершена панихида по покойному Котляревскому. Городской голова Абаза“.

Къ стыду полтавцевъ, сторонней публики было всего нѣсколько человекъ, да и сами гласные явились не въ полномъ составѣ. Двумя священниками и діакономъ, при участіи хора любителей, совершена была панихида. Вотъ и все, чѣмъ поминули симпатичнаго писателя. О подпискѣ на сооруженіе или хотя для возобновленіе памятника, дакеко не соответствующаго заслуженной извѣстности покойнаго, не было и рѣчи.

— Состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Великой Княгини Екатерины Михайловны Общество для доставленія мѣстъ окончившимъ курсъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. 24 сентября сего года открылось въ С.-Петербургѣ новое благотворительное учрежденіе—„Общество для доставленія мѣстъ окончившимъ курсъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ“, которое милостиво приняла подъ свое высокое покровительство Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Екатерина Михайловна.

Уставъ Общества утвержденъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 20 марта 1888 г. Общество имѣетъ цѣлью рекомендовать, преимущественно въ провинцію, надежныхъ наставницъ, надзирательницъ, гувернантокъ и преподавательницъ наукъ, языковъ и искусствъ и способствовать окончившимъ образованіе въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, или получившимъ соответствующіе дипломы,—къ полученію мѣстъ и занятій,

Для достиженія этихъ цѣлей, Общество: а) принимаетъ на себя посредничество между ищущими мѣста и занятія и предлагающими таковыя; б) рекомендуетъ на мѣста лицъ, о которыхъ имѣетъ вселяющія довѣріе свѣдѣнія; в) приглашаетъ

въ провинціи дамъ, пользующихся особымъ довѣріемъ Общества, принять на себя содѣйствіе и покровительство лицамъ, рекомендованнымъ Обществомъ; г) образуетъ запасный капиталъ для выдачи ссудъ и пособій достойнѣйшимъ изъ состоящихъ подъ его покровительствомъ наставницамъ и учительницамъ, и д) принимаетъ на себя ходатайство о назначеніи, согласно существующимъ законамъ, отъ Правительства пенсій тѣмъ наставницамъ, которыя не менѣе 25 лѣтъ занимались воспитаніемъ или обученіемъ дѣтей *въ Петербургѣ* и постоянно объ этомъ представляли въ Общество отчеты и удостовѣренія.

Общество состоитъ изъ неограниченнаго числа членовъ почетныхъ, дѣйствительныхъ, соревнователей и сотрудницъ. Члены дѣйствительные и соревнователи вносятъ ежегодно по 3 р. или одновременно не менѣе 50 р. Дѣйствительные члены участвуютъ, кромѣ того, безвозмездно своимъ трудомъ въ веденіи дѣлъ Общества. Сотрудницами признаются окончившія курсъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ или получившія соотвѣтствующіе дипломы, въ случаѣ принятія ихъ подъ покровительство Общества. Сотрудницы вносятъ ежегодно въ кассу Общества 1% изъ получаемаго ими жалованья.

Средства Общества составляются изъ членскихъ взносов и пожертвованій. Завѣдываніе дѣлами Общества вѣрено Правленію, Дамскому Комитету и Общему Собранію членовъ. Правленіе въ настоящее время состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ, назначенныхъ самою Августѣйшею Покровительницею Общества: сенатора, тайнаго совѣтника П. П. Семенова (предсѣдателя), Гофмейстерины Двора Е. И. В. Великой Княгини Екатерины Михайловны Е. П. Голохвастовой, супруги сенатора О. В. Лерхе, супруги тайнаго совѣтника Е. Г. Дурново, С. А. Давыдовой, дѣйствительнаго статскаго совѣтника барона О. О. Буксгевдена (завѣдующаго дѣлами Общества), О. К. Адеркаса (его помощника) и Ш. И. Гримма (казначей).

Дамскій Комитетъ, состоящій изъ 12 дамъ, имѣетъ назначеніе рѣшать вопросъ о возможности или невозможности рекомендаціи лицъ, ищущихъ мѣстъ, и руководствуется при этомъ собранными относительно надежности просительницъ свѣдѣніями.

Свѣдѣнія эти собираются такъ называемыми дежурными дамами, завѣдующимъ дѣлами и его помощниками.

Дежурныя дамы по очереди дежурятъ въ конторѣ Общества, принимаютъ заявленія какъ ищущихъ мѣстъ, такъ и предлагающихъ таковыя, собираютъ свѣдѣнія для опредѣленія степени надежности и познаній лицъ, обращающихся въ Общество съ просьбами о рекомендаціи, и присутствуютъ въ засѣданіяхъ Дамскаго Комитета, по дѣламъ тѣхъ просительницъ, о которыхъ наводили справки.

Для привлеченія провинціальныхъ органовъ къ участию въ дѣятельности Общества, оно, на основаніи устава, предполагаетъ обращаться къ супругамъ попечителей учебныхъ округовъ, губернаторовъ, предводителей дворянства, къ предсѣдательницамъ дамскихъ благотворительныхъ обществъ и мѣстныхъ управленій Краснаго Креста, къ начальницамъ провинціальныхъ женскихъ учебныхъ заведеній и вообще къ дамамъ, пользующимся особымъ довѣріемъ Общества, и предлагать имъ содѣйствовать достиженію цѣлей Общества своимъ покровительствомъ и участіемъ къ рекомендованнымъ Обществомъ лицамъ.

Дежурства для пріема заявленій и просьбъ будутъ на первое время происходить по два раза въ недѣлю, по *средамъ и субботамъ, отъ 3 до 5 часовъ* пополуни, въ *конторѣ Общества, помѣщающейся въ С.-Петербургѣ, въ зданіи Ми-*

Михайловскаго дворца (входъ съ Михайловской площади, противъ театра). Всѣ заявленія и просьбы принимаются *бесплатно*.

Учрежденіе новаго Общества вызвано весьма настоятельною потребностью въ установленіи такого органа, который могъ бы принять на себя посредничество между ищущими мѣста и предлагающими таковыя. Всѣмъ извѣстно, до какой степени бѣдствуютъ многія изъ бывшихъ воспитанницъ С.-Петербургскихъ жевскихъ учебныхъ заведеній, не находя для себя мѣстъ и занятій въ Петербургѣ. Между тѣмъ въ провинціи учебныя заведенія и частныя лица очень часто нуждаются въ надежныхъ учительницахъ и наставницахъ.

Для успѣшныхъ и безостановочныхъ дѣйствій Общества необходимо, чтобы въ немъ постоянно получались въ достаточномъ числѣ заявленія не только отъ ищущихъ мѣстъ, но еще болѣе и отъ предлагающихъ таковыя, особенно изъ провинціи.

Въ этихъ видахъ, Общество обращается ко всѣмъ лицамъ, желающимъ воспользоваться его услугами или содѣйствовать ему въ томъ или другомъ видѣ, — съ просьбою: присылать всѣ подобныя заявленія, а равно и членскіе взносы и другія пожертвованія или въ *кантору Общества* (по вышеозначенному адресу), или къ заведующему дѣлами Общества, дѣйствительному статскому совѣтнику Барону Отто Оттовичу *Буксгевдену* (С.-Петербургъ, *Кирочная ул., д. № 50*), или же къ другимъ членамъ Правленія.

С.-Петербургъ, въ октябрѣ 1888 г.

— Состоящее подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Великой Княгини Екатерины Михайловны Дамское Общество для доставленія мѣстъ окончившимъ курсъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ *рекомендуетъ бесплатно*, на основаніи тщательнаго собраннаго свѣдѣній, *наставницъ, надзирательницъ, гувернантокъ и учительницъ*, и проситъ всѣхъ ищущихъ таковыхъ обращаться съ заявленіями объ имѣющихся свободныхъ мѣстахъ въ Правленіе Общества (С.-Петербургъ, Михайловскій Дворецъ, входъ съ Михайловской площади, противъ театра) или къ заведующему дѣлами Общества, дѣйствительному Статскому Совѣтнику Барону Оттону Оттовичу *Буксгевдену* (С.-Петербургъ, *Кирочная ул., д. № 50*).

— Въ № 228 „Кіевлянина“ отъ 21 окт. 1888 г. помѣщенъ списокъ кіевскихъ генералъ губернаторъ съ 1715 года. Въ списокѣ этомъ есть нѣсколько неточностей. Такъ, г. Пор. Гейсбаръ не было, а былъ ген. Пор. фонъ Вейсбахъ (съ 1732—1738). Ген. Аншефъ М. Н. Кречетниковъ былъ ген. губ. по 1793 г. когда онъ умеръ, будучи за три дня до смерти пожалованъ въ графское достоинство. Генералъ отъ Инфантеріи М. А. Милорадовичъ былъ кіевскимъ военнымъ губернаторомъ съ 1810 по 1812 мѣся двухъ лѣтъ (назначенъ 12 дек. 1810, а 26 авг. 1812 г. участвовалъ уже въ сраженіи подъ Бородиною, а потому замѣтка, что графъ Милорадовичъ былъ въ Кіевѣ генералъ губернаторомъ съ 1810 по 1827 г. совершенно не основательна, въ 1814 г. онъ командовалъ гвардіею, въ 1818 г. былъ С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, во время исполненія своихъ обязанностей убитъ 14 дек. 1825 г. на Сенатской площади. возлѣ монумента Петра 1-го Коховскимъ. Это слишкомъ извѣстный фактъ, а между тѣмъ „Кіевлянинъ“ считалъ графа Милорадовича кіев. губ. въ 1827.

Дѣло въ томъ что съ 1810 г. въ Кіевѣ вовсе не было военныхъ губернаторовъ. Послѣ 17-лѣтняго перерыва былъ назначенъ воен. губ. генр.-лейт. Желтухинъ.

Гераль губернаторы, начиная съ Левашева (1833) и кончая А. Р. Дрентельномъ были генералъ губернаторами трехъ губерній Кіевской Подольской и Волынской до тѣхъ же поръ, это не были генералъ губернаторы юго-западнаго края, а военные губернаторы г. Кіева, таковыми были герои войны 1812 года гр. Торماسовъ, гр. Голицышевъ-Кутузовъ, впоследствии кн. Смоленскій и гр. Милорадовичъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

І. Обзорніе журналовъ и газетъ за 1888 г.

Журналъ Мин. Народ. Просв. (№№ 8—10). *Вѣстникъ Европы* (9—11). *Русская Мысль* (9—10). *Православ. Обзор.* 8—10). *Филологич. Записки* (II—III). *Изв. Спб. Слов. Благотв. Общ.* (6—8). *Сѣверн. Вѣстникъ* (9—11). *Памятникъ Литературы* (7—10). *Рус. Вѣстникъ* (9—11). *Колосья* (1—11). *Русское Богатство* (7—10). *Русская Старина* (9—10). *Русскій Архивъ* (8—11). *Историч. Вѣстникъ* (9—11). *Юридическій Вѣстникъ* (9—11). *Журналъ Гражд. и Уголов. Права* (7—9). *Военный Сборникъ* (9—10). *Восходъ* (3—9). *Недѣл. Хроника Восхода* (1—45). *Страникъ* (9—10). *Экономическій Журналъ* (7—9). *Новь* (19—24). *Атеистъ* (8—9). *Wisła* (1—20). *Труды Кіев. Духов. Академіи* (9—10). *Чтенія въ Общ. Любит. Дух. Просвѣщ.* (7—8). *Revue politique et littéraire* (21—26 1—20). *Русскій Паломникъ* (34—46). *Недѣля* (33—41). *Сѣверъ* (34—43). *Нива* (33—43). *Живописное Обзорніе* (34—46). *Русское Судоходство* (39—40). *Церков. Вѣстникъ* (34—42). *Kłosy* (1208—1220). *Зоря* (15—21). *Kraj* (29—34). *Gazeta Polska* (191—261). *Православный Собесѣдникъ* (5—10). *Русскій Лѣсопромышленникъ* (27—44). *Газета А. Гатиука* (1—5). *Кіевлянинъ* (221—243). *Кіевское Слово* (509—532). *Кіевскія Епархіальн. Вѣдомости* (27—40). *Волянь* (116—143). *Волинскія Губ. Вѣдомости* (74—80). *Волинскія Епарх. Вѣдомости* (29—31). *Подольскія Губерн. Вѣдомости* (41—44). *Полтавскія Епарх. Вѣдомости* (17—21). *Чернигов. Епарх. Извѣстія* (10—20). *Земскій Сборникъ чернигов. губ.* (6—10). *Чернигов. Губ. Вѣдом.* (80—88). *Харьков. Губ. Вѣдомости* (263—293). *Южный Край* (2673—2700). *Екатеринослав. Губ. Вѣдомости* (80—87). *Крымъ* (94—105). *Сборникъ Херсон. Земства* (8—10). *Донская Рѣчь* (82—121). *Смоленск. Вѣстникъ* (56—133). *Орловскій Вѣстникъ* (60—132). *Литовскія Епарх. Вѣд.* (42—45). *Лубан. Вѣдом.* (23—43). *Червоная Русь* (119—128). *Сибирскій Вѣстн.* (46—71).

Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1888 г. №№ 8—10. Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности А. С. Архангельскаго (№ 8, стр. 203—295; окончаніе). Здѣсь находимъ описаніе весьма любопытныхъ для исторіи, такъ называемаго, западно-русскаго языка самостоятельныхъ русскіихъ сборниковъ изъ твореній Іоанна Златоустаго и Іоанна Дамаскина, въ переводѣ

А. М. Курбскаго; при чемъ наиболѣе интересны примѣчанія переводчика и его объясненія отдѣльныхъ словъ (стр. 222—229 и 262—273).

Опытъ исторіи Библии въ Россіи въ связи съ просвѣщеніемъ и правами. Н. А. Астафьевъ (№ 8, стр. 296—335, № 10, стр. 260—320; продолженіе). Одна небольшая глава этой статьи посвящена краткому обзору печатной славянской Библии въ юго-западной Руси въ 16 в. (№ 8, стр. 309—314). Въ другой главѣ «Никонъ и его время» нѣсколько страницъ (№ 8, 327—329) удѣлено обзору дѣятельности юго-западно-русскихъ ученыхъ въ Москвѣ; равно какъ неоднократно упоминается о нихъ и въ главахъ, касающихся Петровской и Елизаветинской эпохъ (№ 10, стр. 272—284).

Очерки изъ исторіи русской драмы. Ш. О. Морозова (№ 8, стр. 336—410; оковчаніе). Здѣсь встрѣчаемъ описаніе пьесы, отличающейся, по словамъ автора, всѣми типическими чертами «южно-русскаго школьнаго дѣйства», подъ заглавіемъ «Комедія Ужасная измѣна сластолюбиваго житія съ прискорбнымъ и нищетнымъ» (стр. 339—349). Тутъ же помѣщенъ обзоръ школьныхъ драмъ кievскихъ «Владиміръ» Теоф. Прокоповича, «Милость Божія»... Теофана Трофимовича, и интерлюдій Митрофана Довгалевскаго (стр. 388—405).

Паденіе Польши въ исторической литературѣ. Н. И. Карьева (№ 9, стр. 1—69; продолженіе). Помѣщено продолженіе 6-ой главы, въ которомъ разсматриваются взгляды, высказанные объ эпохѣ паденія Польши въ русской исторической литературѣ. Останавливается авторъ только на тѣхъ немногихъ произведеніяхъ, которыя непосредственно касаются предмета упадка и гибели Рѣчи Посполитой, и въ особенности на сочиненія Костомарова «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой».

Въ отдѣлѣ критики помѣщены статьи и замѣтки по поводу слѣдующихъ книгъ, касающихся юга Россіи: 1) Отвѣтная статья рецензентамъ *в. Багалля* подъ заглавіемъ «Нѣсколько словъ о характерѣ колонизаціи южной степной окраины московскаго государства» (№ 8, стр. 482—507); 2) Митрополитъ Евгений, какъ ученый. Ранніе годы жизни 1767—1804. Е. Шмурло (№ 8, стр. 509—510); 3) Труды 6-го археологическаго съѣзда въ Одессѣ (№ 8, стр. 512—513); 4) Археологическія, этнографическія и топографическія замѣтки о харьковской губ. Д. Багалтя.—Краткій историческій очеркъ торговли въ харьковскомъ краѣ въ XVII и XVIII вв. Его же.—Топографическое описаніе харьковскаго намѣстничества. Его же (№ 8, стр. 513—514); 5) Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кievской дружинной Руси. Е. Барсова—статья *Ор. Миллера* подъ заглавіемъ «Капитальный трудъ по древней русской литературѣ» (№ 9, стр. 174—201); 6) Докторъ Фравцискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Изслѣдованіе П. Владимірова—статья *А. Соболевскаго* (№ 10, стр. 321—332), 7) Опи-

саніе старой Малороссіи. А. Лазаревскаго—статья *Д. Бачалья* (№ 10, стр. 356—368), 8) Западно-русскіе провинціальныя сеймики во 2-ой половинѣ 17-го вѣка. Н. Стороженка—статья *С. Бершадскаго* подъ заглавіемъ: «Къ вопросу о сеймикахъ въ юго-западной Россіи (№ 10, стр. 369—403).

Вѣстникъ Европы 1888 г. № 9—11. Въ статьѣ *П. Трифонова „Александръ Порфирьевичъ Бородинъ“* (№ 10, стр. 747—779 и № 11, стр. 46—81) вѣскольکو страницъ удѣлено ознакомленію читателей съ композиторскими работами Бородина по созданію оперы „Князь Игорь“ (тема—Слово о Полку Игоревѣ), вдохновеніе для которой черпаль онъ не изъ южно-русскихъ мотивовъ, а изъ поволжскихъ. (№ 10 стр. 767, 774, 776, № 11, стр. 62—81).

Изъ исторіи литературы двадцатыхъ годовъ. Новые матеріалы для біографіи К. О. Рылъева,—стат. В. Якушкина (№ 11, стр. 195—222). Тутъ, между прочимъ, помѣщены матеріалы для опредѣленія характера творчества поэта въ произведеніяхъ изъ малорусскаго историческаго прошлаго, напримѣръ: планъ предполагавшейся драмы „Мазепа“ и др.

Начало русскаго театра. А. В—нь (№ 11, стр. 272—296). Въ этой статьѣ, написанной по поводу книги П. Морозова „Очерки изъ исторіи русскаго театра XVII—XVIII стол.“, естественно, довольно много мѣста отведено вопросу о возникновеніи драмы въ южной Руси.

Особый русскій языкъ. А Пытина (№ 11, стр. 354—372). Статья написана по поводу повѣстей и разсказовъ Геронима Анонима (Владиміръ Хилякъ), изданныхъ академическимъ кружкомъ во Львовѣ. Авторъ статьи затрогиваетъ вопросъ о литературномъ языкѣ въ Галиціи—и именно: о языкѣ, такъ называемыхъ, *твердыхъ русиновъ*.

Въ литературномъ обзорѣ помѣщены рецензіи на слѣдующія книги, касающіяся юга Россіи: 1. Кіевъ теперь и прежде. Сост. *М. Захарченко* (№ 10, стр. 845—847) 2. Труды VI-го археологическаго съѣзда въ Одессѣ 1884 г., т. 2-й (№ 10, стр. 847—849).

Русская Мысль 1888 г. № 9—10. *Юрко изъ Криницъ. Разсказъ Нат. Стахевичъ* (№ 10, стр. 16—40). Герой разсказа Юрко Лемѣха—малорусскій крестьянинъ, взятый въ солдаты и послѣ отбытія воинской повинности пошедшій совсѣмъ по иному пути.

Изъ исторіи русскаго законодательства XVI—XVIII столѣт. *И. Дитятина* (№ 10, стр. 19—50; продолженіе). Въ этой статьѣ, составляющей продолженіе обширной работы, авторъ излагаетъ, между прочимъ, по книгѣ Латкина исторію выборовъ, производившихся въ Малороссіи, вслѣдствіе манифеста 1764 г. 14 декабря о созваніи народныхъ представителей въ „Комиссію для сочиненія новаго Уложенія“.

Во внутреннемъ обозрѣніи (№ 10, стр. 206—207) разсматривается законъ объ устройствѣ быта иностранныхъ поселенцевъ, водворившихся въ губерніяхъ кievской, подольской и волынской.

Во библиографическомъ отдѣлѣ помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1. *Podania i bajki ludowe, zebrane na Litwie. Karłowicz'a* (№ 9, стр. 439—440); 2. Павъ Халявскій. *Гр. Котки-Основьяненко* (№ 10, стр. 472—473); 3. Поэмы, повѣсти и рассказы *Т. Г. Шевченка*, писанные на русскомъ языкѣ (№ 10, стр. 475—478); 4. „Кievская Старина“ январь-августъ (№ 10, стр. 514—517).

Православное Обозрѣніе 1888 г. № 8—10. *Изъ посланія преосв. Никанора, архіепископа херсонскаго и одесскаго къ херсонской паствѣ по поводу празднованія 900-лѣтія со времени крещенія русскаго народа* (№ 9, стр. 151—164). Здѣсь развита мысль о значеніи православной вѣры въ дѣлѣ развитія умственныхъ, нравственныхъ и общественныхъ силъ русскаго народа.

Торжество 900 лѣтія крещенія св. князя Владиміра и всей Руси въ Херсонисѣ таврическомъ (№ 10, стр. 340—407). Помѣщенъ здѣсь порядокъ торжества, при чемъ приведены рѣчи: 1. на освященіе храма—прот. Іоанна Знаменскаго; 2. слово на заупокойной литургіи—прот. Алексія Назаревскаго; 3. рѣчь учителя симферопольской гимназіи Шебедева; 4. поученіе высокопреосвященнаго Никанора; 5. поученіе прот. В. Баженова; 6. рѣчь прот. Іакова Чепурина; 7. рѣчь бывшаго профес. новороссійскаго универс. И. Палимпсестова; 8. рѣчь профес. новорос. универс. А. Кирпичникова.

Во извѣстіяхъ и замѣткахъ помѣщена статья „*Къ 900-лѣтію крещенія Руси*“ (№ 8, стр. 747—750). Здѣсь воспроизведены рѣчи, сказанныя на кievскомъ праздникѣ за трапезою г. оберъ-прокуроромъ Св. Синода К. Побѣдоносцевымъ.

Филологическія Записки 1888 г., вып. II и III. *Статья галицко-русскаго журнала „Новый Проломъ“ о фонетическомъ правописаніи и о значеніи Ъ въ русскомъ письмѣ. Сообщ. М. Петропавловскій* (вып. III, стр. 7—16). Статья изъ „Новаго Пролома“ становится на защиту этимологическаго правописанія и вооружается противъ фонетики—вопросъ едва ли не первостепенной важности во внутреннихъ взаимоотношеніяхъ галицкихъ русиновъ.

Изъ обзора зарубежной русскаго литературы А. Степовича (вып. III, стр. 7—18). Здѣсь приводится содержаніе трудовъ галицкихъ ученыхъ *А. Петрушевича*: „Слово о полку Игоревѣ“ и „Лингвистично-историческія разсужденія“, а также *Ивана Левицкаго* „Галицко-русская библиографія XIX столѣтія“.

Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества 1888 г. № 6—8. *Торжественное собраніе С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества 15 іюля 1888 г.* (№ 6—7, стр. 268—286). Помѣщенъ порядокъ торжества, при чемъ приведены рѣчи: 1. рѣчь председателя *А. А. Кирѣева*; 2. рѣчь *К. И. Живаго*; 3. рѣчь *О. Ѳ. Миллера*; 4. стихотвореніе *Я. П. Полонскаго*, „15 іюля 1888 г.“; 5. рѣчь *М. О. Коляовича*, посланная въ Кіевъ; 6. телеграммы и привѣтствія изъ славянскихъ земель.

Присланныя въ Кіевъ (15 іюля) привѣтственные письма и телеграммы (№ 6—7, стр. 286—295). Здѣсь помѣщены привѣтствія: 1. отъ константинопольскаго патріарха; 2. отъ александрійскаго патріарха; 3. отъ черногорской княгини; 4. рѣчь митрополита черногорскаго въ Кіевѣ; 5. отъ епископа Штросмайера; 6. отъ архіепископа кентерберійскаго; 7. изъ разныхъ краевъ славянскихъ.

Прошеніе русскихъ выборныхъ людей въ Вѣнь о сохраненіи правъ русскаго народа относительно его языка, представленное государственному министру 30 сентября 1861 г. (№ 6—7, стр. 351—359). Это, такъ сказать, краткая исторія утѣсненій, испытанныхъ въ Галиціи малорусскимъ племенемъ со времени присоединенія ея къ Польшѣ.

Сѣверный Вѣстникъ № 9—11. 9 Большой свѣтъ въ Козловицахъ. Повѣсть Яна Ляма (оконч.)

9, 10, 11. Будущая сила, покоящаяся на берегахъ Донца. II. Желѣзнодорожный тарифъ на уголь. III. Желѣзнодорожныя силы и порядки по отношенію къ каменному углю. IV. Довець, какъ путь для вывоза каменнаго угля. V. Желѣзное судостроеніе на югѣ Россіи—проф. Д. Менделѣва.

9. Областной отдѣлъ. Договорныя семьи—Ф. Щербины.

— Рецензія на книгу Д. Эварницкаго: Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа (въ отд. Нов. книги 142—145).

11. Именины I—V. Антона Чехова. Дѣйствіе въ этой повѣсти на югѣ Россіи.

— Изъ провинціальной печати—о переселеніяхъ.

Пантеонъ Литературы №№ 7—10. Кумова кровать (№ 9).—Народный разсказъ, записанный (малорусскимъ языкомъ) въ купянскомъ уѣздѣ, харьковской губерніи; разсказъ сопровождается замѣтка о немъ П. И.

Русскій Вѣстникъ. № 9—11. 9. Послѣдній Ягеллонъ и люблинская унія. Д. И. Иловайскаго.

9. Петръ I въ 1688—1701 г. А. Б—на, написана по I т. „Писемъ и бумагъ Императора Петра В.“

— (Критика) Митрополитъ Евгеній, какъ ученый. Ранніе годы жизни митрополита Евгенія 1767—1804. Е. Шмурло—К. Н. Бестужева-Рюмина.

10, 11. Русская дипломатія въ польскомъ вопросѣ (1853—1863 гг.) С. С. Татищева.

10. Новости литературы: Кр. рецензія на книгу В. Г. Веселовскаго „Колыбель русскаго флота“. Ворон. 1888.

11. Незданныя письма Гоголя и Жуковскаго И. А. Бычкова.

— Новости литературы. Кр. реценз. на книгу Захарченка „Кіевъ теперь и прежде“. Кіевъ. 1888.

Русская Старина, октябрь. Повѣсть о самомъ себѣ (посмертныя записки)—продолженіе.

Колосья № 1—11. 7 и 8. Оскаръ II о Карлѣ XII.—Э. Коріандера.

9. О православін и русской народности въ Литвѣ—П. Миловецкаго.

— Грязные вулканы въ Крыму и ихъ связь съ источниками нефти и горнаго масла—Ф. Потоцкаго.

10. Государственный человѣкъ Екатерининскаго времени (А. А. Безбородко) въ частной жизни—А. Каменскаго.

Многолѣтній Кіевъ и малолѣтняя Одесса (очерки) А. А. Байкиной.

11. „Очерки Бѣлоруссіи“ (этнографическіе наброски) А. Хашковскаго.

Русское Богатство №№ 7—10. Умственная жизнь одной деревни (къ вопросу о деревенской культурѣ). Г. Яковлева (№ 9). Рѣчь идетъ о слоб. Сагуны, острогожскаго уѣзда.

Русскій Архивъ №№ 8—11. № 9. Преосвященный Гурій (изъ моихъ воспоминаній) П. Палимпсестова.

— Нѣсколько словъ о временахъ Императора Николая—Н. Палибина.

10. Письма Суворова и Потемкина къ А. С. Милорадовичу (1773—1786).

— Потемкинъ и Безбородко объ отношеніяхъ къ Польшѣ въ началѣ второй турецкой войны.

11. О бессарабскихъ раскольникахъ. Записка И. С. Аксакова 1849.

— Письма гр. П. И. Панина къ брату его гр. Н. И. Панину во время первой турецкой войны при Екатеринѣ В. и осады Бендеръ 1769—70.

Историческій Вѣстникъ. Сентябрь—Ноябрь. Сентябрь. Изъ семейной хроники, Павлищева (продолженіе).

Полевой. Богданъ Хмельницкій и благодарная Россія (статья, не имѣющая никакого научнаго значенія).

Кирпичниковъ. Очеркъ исторіи Херсонеса и его участіе въ крещеніи Руси.

П. Девіеровское дѣло.

Въ отдѣлѣ «Критика и библиографія» для насъ интересны рецензіи на слѣдующія книги: 1) Сумцова, «Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифиче-

скихъ сказаній и пѣсенъ». Кіевъ, 1888 г., 2) Сумцова, «Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южную и западную Россію Григоріанскій календарь». Кіевъ, 1888 г.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» интересна замѣтка «Древнія фрески, открытыя въ Кіевѣ».

Октябрь. Изъ семейной хроники, Павлищева (продолженіе).

Старчевскій. Воспоминаніе стараго литератора.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» намъ интересны краткіе некрологи А. Р. Дрентельна и Н. А. Крыжановскаго.

Ноябрь. Изъ семейной хроники, Павлищева (продолженіе).

Въ отдѣлѣ «Критика и библиографія» рецензіи на книги: 1) Бобржинскаго, «Очеркъ исторіи Польши», перев. съ польск. Карѣва, Спб. 1888 г., 2) «Wisła», t. II: kwiecień, maj, czerwiec, Warszawa, 1888 г., Захарченка, «Кіевъ теперь и прежде», Кіевъ, 1888 г.; «Таблицы русскихъ монетъ отъ начала русскаго государства до Петра I,» в. I, Кіевъ, 1888 г.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» интересны замѣтки: 1) Присужденіе наградъ гр. Уварова, 2) «Кубанскія древности» и некрологи В. А. Полетики и Г. П. Галагана.

Юридическій Вѣстникъ №№ 9—11. № 9. Сеймъ въ польской Речи Посполитой. Н. Карѣва. Въ этой книжкѣ «Юр. В.» помѣщена послѣдняя V глава статьи проф. Карѣва, посвященная обзорѣнью реформъ послѣдней трети XVIII в. и конституціи 3 мая 1791 г. Соч. г. Карѣва вышло и отдѣльной книжкой.

Грамотность въ нѣмецкихъ колоніяхъ. И. Дмитренко. Въ статьѣ этой разсматривается состояніе грамотности среди колонистовъ въ екатериин. губ.

Журн. Гранданскаго и Уголовнаго Права №№ 7—9. № 9. Библиографическій указатель иностраннымъ сочиненіямъ, вышедшимъ въ свѣтъ въ текущемъ году (съ января по августъ).

Военный Сборникъ №№ 9—10. 9—10. Н. Красновъ. Донское войско, какъ главный членъ козачьей семьи.

Восходъ №№ 3—9. №№ 4, 9. П. Марикъ. Изъ исторіи еврейскаго печатнаго дѣла.

5, 6, 7, 8, 9. С. М. Дубновъ. Возникновеніе хосидизма. Жизнь и дѣятельность Израіля Бешта.

— Къ исторіи евреевъ въ Россіи. По поводу 2 изд. П. Д. Градовскаго «Торговля и другія права евреевъ въ Россіи въ историческомъ ходѣ законодательныхъ мѣръ» П. А. Лякуба.

7. Изъ исторіи еврейскихъ земледѣльческихъ колоній. III. Опека надъ земледѣльцами. М. И. Кулишера.

— Письма изъ Галиціи. Г. Ф.

7, 8, 9. Бытописатели русскаго еврейства и критическій обзоръ беле-тристическихъ произведеній Л. О. Леванды.—А. Вольтскаго.

8. Еврейскія народныя школы въ Кишиневѣ и Одессѣ (къ 50-лѣтнему юбилею 1-ой еврейской школы въ Кишиневѣ). А. Лиона.

9. Еврейскія земледѣльческія колоніи въ западномъ краѣ.—М. Веллера.

Недѣльная Хроника Восхода №№ 1—45. № 3. Въ передовой статьѣ доказывается польза для Кіева отъ поселенія въ немъ евреевъ. Авторъ ссылается между прочимъ на мнѣнія по этому вопросу бывшаго генераль-губернатора Васильчикова, вице-губернатора Селецкаго и на слова покойнаго писателя-этнографа А. С. Афанасьева-Чужбинскаго въ его сочиненіи «Поѣздка въ южную Россію».

5. *Корреспонденція изъ м. Богополя* (подольск. губ.). Статистическій очеркъ еврейскаго населенія этого мѣстечка.

7. *Корреспонденція изъ Златополя* о безвременной кончинѣ такъ наз. «Библейскаго братства», возникшаго въ Елисаветградѣ въ самый разгаръ погромовъ. Краткая характеристика дѣятелей этого братства Гордяина и Гершойга.

13. *Корреспонденція изъ Екатеринослава.* Статистическія свѣдѣнія о составѣ еврейскаго населенія въ екатеринославской губ.

16. *Корреспонденція изъ Городни* (черниг. губ.). Краткія статистическія свѣдѣнія о мѣстномъ еврейскомъ населеніи съ распредѣленіемъ его по родамъ занятій.

21. *Корреспонденція изъ м. Криваго Рога* (херсонской губ.). О попыткѣ со стороны мѣстныхъ рабочихъ произвести еврейскій погромъ.

31. *Корреспонденція изъ Летичева* (под. губ.). О стремленіи мѣстныхъ евреевъ къ эмиграціи въ Палестину, Америку и Австралію.

35. *Корреспонденція изъ Одессы.* Къ вопросу о состояніи народнаго образованія у мѣстныхъ евреевъ.

38. *Корреспонденція изъ Чечерска* (могил. губ.). Излагается интересный процессъ, возникшій изъ аграрныхъ отношеній мѣстныхъ евреевъ-колонистовъ съ помѣщиками и окончившійся въ пользу первыхъ.

45. *Корреспонденція изъ Кіева.* О «юдофобствѣ» кіевскихъ студентовъ.

Странникъ №№ 9—10. 9. *Посланіе къ своей пастырь по случаю 900-лѣтія крещенія Руси.* Архіепископа Никанора.

Къ моимъ воспоминаніямъ объ Иннокентіи, архіепископѣ херсонскомъ. И. У. Палимпсестова.

Какъ въ простотѣ люди живутъ. Разсказъ изъ галицко-русской жизни, протоіерея И. Г. Наумовича (окончаніе).

Обзоръ журналовъ. Наша епархіальная печать по поводу 900-лѣтія крещенія Руси: слова и рѣчи, посланія, прिवѣтствія и стихотворенія, научно-публицистическія статьи (Епарх. Вѣд. июль-августъ).

Новыя книги. Къ литературной исторіи древне-русской проповѣди (Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII в. Изсл. Ев. Пѣтухова. Спб. 1888 г.) А. И. Пономарева.

Извѣстія и замѣтки. Празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси въ Петербургѣ и Москвѣ.

9, 10. *Святый равноапостольный князь Владиміръ—просвѣтитель Руси.* Ко дню 900-лѣтія крещенія Руси. И. П. Матченка. III. Княженіе Владиміра. Владиміръ-язычникъ.—Владиміръ-христіанинъ I. Крещеніе Руси.

10. *Поученіе на 15 іюля, день памяти Владиміра св. и празднованія 900-лѣтія крещенія Руси.* Архіепископа Никанора.

Изъ Холмской Руси. Прошлое и настоящее (ко дню 25-лѣтія воссоединенія) I. А.

Романъ Кузьмина. Разказъ изъ галицко-русской жизни, прот. И. Г. Наумовича. I—III.

Обзоръ журналовъ. Изъ путевыхъ наблюденій и впечатлѣній: Въ нашею юго-зап. краѣ.—Литовцы и ихъ отношеніе къ полякамъ и русскимъ.

Новыя книги. Творенія отцовъ церкви и апокрифы въ древне-русской церковно-учительной литературѣ. (А. С. Архангельскій. Отцы церкви въ древне-русской письменности. Спб. 1888.—Матеріалы и замѣтки по старинной литературѣ. Мат. Соколова. Вып. I. I—V. М. 1888.—Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ. В. Мочульского. Варш. 1888.—Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ. Кіевъ. 1888.—Разборъ апокрифическихъ сказаній о пресв. дѣвѣ Маріи, особенно распространенныхъ въ древней Руси. Вл. Сахарова въ Хр. Чт. 1888.). А. И. Пономарева.

Извѣстія и замѣтки. Ко дню празднованія 900-лѣтія крещенія Руси: 15 іюля въ Херсонисѣ Таврическомъ на купели крещенія св. Владиміра (подробности празднованія и рѣчь И. У. Палимпсестова),—чѣмъ былъ ознаменованъ этотъ день въ разныхъ мѣстахъ Россіи?

Экономическій Журналъ №№ 7—9. 7, 8, 9. Въ торговомъ обзорѣніи есть нѣсколько указаній, касающихся внѣшней и внутренней торговли ю. Россіи.

8. Въ чертѣ еврейской осѣдлости А. С. VII. (Бердичевъ и его фізіономія. Краткая исторія города. Населеніе и учрежденія. Соціальное положеніе города и налоги. Коммерческое значеніе. Торговые обороты. Промышленное значеніе города. Еврейскій пролетаріатъ. Отъ Бердичева до Житомира. Внѣшній видъ г. Житомира. Исторія и населеніе. Торговые обороты).

9. Минеральныя богатства въ екатеринослав. губ. (въ отд. мѣстной хроники).

Новь №№ 19—24. 19. И. П. Потапенко. Деревенскій романъ (изъ хроники южно-русской деревни) (окончаніе).

— Виды городовъ и замѣч. мѣстностей. Понорама Керчи.

20. Король Станиславъ II Августъ (Понятовскій) съ гравюры Роа.

— Молящіеся евреи—картина Грохольскаго.

24. Памятникъ Пушкину въ Кишиневѣ, рисунокъ.

Ateneum №№ 8—9. *Рогошь* «Изъ Галиціи» Изложеніе дѣла, рѣшавшагося въ имперскомъ сеймѣ о повышеніи акциза въ Галиціи. Обзорніе устройства судопроизводства въ Галиціи.

Прохаска. «Королевскій архивъ въ Москвѣ». Краткое обзорніе содержанія польскаго королевскаго архива, хранящагося въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ.

Страшевичъ—«Воспоминаніе о Станиславѣ Варынскомъ» Некрологъ доктора медицины С. Варынского, уроженца кіевской губерніи, доцента женевского университета.

9. *Пташицкий.* «Исторія дворянскихъ литовскихъ родовъ, какъ матеріалъ къ исторической археологіи». Разборъ сочиненія Бонцакаго «Rozzet wordów w W. X. Litewskim», содержащій довольно цѣнныя поправки и дополненія.

Wisła Июль—сентябрь. *Гринцевичъ.* Антропология вообще и въ примѣненіи къ изученію нашего края.—(Antropologja w ogóle i w zastosowaniu do kraju naszego).

Краткій очеркъ исторіи антропологии и современнаго состоянія науки.—Перечень трудовъ, относящихся къ антропологическимъ изслѣдованіямъ въ Польшѣ. Географическій очеркъ звенигородскаго уѣзда и нѣкоторыя антропологическія данныя, относящіяся къ его населенію—Данныя о половыхъ отравленіяхъ женщинъ и о продолжительности жизни. Цифры сгруппированы по словіямъ и вѣтросновѣданіямъ.

Нейманъ. Замѣтка объ обычаяхъ и языкѣ лярниковъ винницкаго уѣзда, извлеченіе изъ матеріала, собраннаго г. Валеріаномъ Борковскимъ.

Карловичъ—Жегота Паули—краткая біографія Паули, одного изъ первыхъ собирателей южнорусскихъ пѣсень. Опроверженіе обвиненія въ плагиатѣ, высказаннаго Я. О. Головацкимъ противъ Паули.

Труды Кіевской духовной Академіи №№ 9—10. 9—10. Весь этотъ двойной № журнала посвященъ празднованію 900-лѣтняго юбилея крещенія Россіи въ Кіевѣ.

Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія №№ 7—8. VII, (августъ). *Журнальное обзорніе.* Свѣтская періодическая печать въ

отношеніи къ 900-лѣтнему юбилею крещенія Руси: «Кіевская Старина», «Родникъ», «Русская Старина», «Славянскій Вѣстникъ». Юбилейныя статьи въ мѣсячныхъ духовныхъ журналахъ: «Труды Кіев. дух. Ак.», «Христіанское Чтеніе» и «Странникъ».

VII—VIII (августъ-сентябрь) *Основныя черты распространенія христіанства на Руси 900 лѣтъ назадъ и нынѣ*. Ев. Н. Воронца.

Revue politique et litteraire (Revue bleu) №№ 22—26. 1—20. 4. Les églises orientales dans l'empire Ottomane et l'Autriche-Hongrie.***

6. Cazimir Waliszewski, les Potocki et les Czartoryski, lutte des partis et des programmes politiques avant la chute de la république. I vol. (en polonais). Cracovie 1887.—Рецензія Владислава Мицкевича.

— Paul de Raynal: le mariage d'un roi 1721—1725 avec un portrait de Louis XV et de Marie Leczinska. I vol. in 12. Paris рецензія J. de K b.

— Библиограф. извѣстіе о книгѣ: La Russie sectaire—M. Tsakni.

11. La dette publique en Russie. Les origines et son developpement par M. Theophile Laty.

Русскій Паломникъ №№ 34—46. 34, 35, 36, 38. Торжество 900-лѣтія крещенія Руси. (Замѣтки паломника).

34, 35, 36, 37. *Еженедѣльная лѣтопись.* Торжественное празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси въ Кіевѣ.

34. *Рисунки:* Нерушимая стѣна въ Кіево-Софійскомъ соборѣ и Кіево-Софійскій соборъ.

35. *Рисунокъ:* Торжественное освященіе воды въ Кіевѣ 15 іюля 1888 г.

36, 40. Кіево-Печерская лавра.

— *Рисунокъ:* Вечеръ юбилейнаго торжества 17 іюля въ Кіевѣ.

37. *Святѣи Кіевскаго края.* XXIII. Бердячевъ.

37, 39. *Отголоски кіевскаго торжества.*

39. *Святѣи Кіевскаго края* XXIV. М. Бѣлиловка, с. Журбинцы, м. Джуньковъ, с. Талалаи, с. Пузырки.

Рисунокъ: Трехсвятительская церковь въ Кіевѣ.

45. *Преображенскій кафедральный соборъ въ Житомирѣ.* А. Городецаго.

Библиографія. Рецензія на книгу Волянъ. Изд. П. Н. Батюшкова.

Рисунки: Десятинная церковь въ Кіевѣ и Преображенскій кафедральный соборъ въ Житомирѣ.

46. *Браиловская чудотворная икона Божіей Матери.* Свящ. В. Мартиновскаго. Икона эта находится въ женскомъ монастырѣ въ м. Браиловѣ, подольской губ.

Рисунокъ: Браиловская икона Божіей Матери.

Недѣля №№ 33—42. 37. Рецензія на книгу «Геродотъ. Исторія въ IX книгахъ. Пер. съ греч. Ѳ. Г. Мищенка. Т. I. М. 1888 г. Изд. 2-е».

38. *Наши сокровища.* (О каменноугольныхъ копяхъ на югѣ Россіи).

39. *Курьезная промышленность.* (О харьков. углепромышлен. съѣздѣ)

42. *Черты времени.*

Сѣверъ №№ 33—43. Карлъ XII на полѣ полтавской битвы. Съ рисункомъ (№ 35).

Молебствіе на Днѣпрѣ 15 іюля 1888 г. Съ рисункомъ (№ 35).

Чубатый. Этюдъ (изъ южнорусскаго быта) В. *Потапенка* (№ 37).

Хохоль. Эскизъ изъ альбома И. Е. *Рыпина* (№ 42).

Г. П. Галаганъ. Некрологъ. Съ портретомъ (№ 42).

Новороссійскъ (кубанской области). А. *Тихонова*. Съ видомъ города. (№№ 40 и 43).

Нива 1888 г. №№ 32—43. 33. Чествованіе 900 годовщины крещенія Руси въ Кіевѣ съ рисункомъ.

34. Рисунокъ окрестности Св. горъ въ харьковской губерніи.

— П. Быковъ—М. С. Щепкинъ съ портретомъ.

35. Рисунокъ: Рыболовы-любители на Днѣпрѣ подъ Кіевомъ.

— Рядовой Степанъ Гордіенко разск. Андрей Львовича.

— Грозный батько козацкій (по поводу постановки памятника Богдану Хмѣльницкому въ Кіевѣ) съ рисункомъ—П. Полеваго.

37. На пасѣкѣ. оригин. рисунокъ Ижакевича.

39. Я. Ѳ. Головацкій (краткій некрологъ его съ портретомъ).

40. *Вечеркомъ*, ориг. рисунокъ изъ малороссійскаго быта Зощенка.

43. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы въ Оріандѣ, ориг. рисун. академика Бенуа.

— Степной пастухъ въ Угорской Руси, рисунокъ Заверона.

Живописное Обзорніе №№ 34—46. 35. Возвращеніе косарей, оригн. рисунокъ И. Ашуркова.

36. Разсчетъ съ косарями, съ картины Б. Трутовскаго рисунокъ Никитина.

37. Въ память крещенія Руси (памятникъ предполагаемый къ сооруженію въ г. Новочеркасскѣ).

— Уборка хлѣба, оригин. рисунокъ Ижакевича.

40. Князь Владиміръ у Рогнѣды, ориг. рисун. Вокронота.

46. М. С. Щепкинъ, очеркъ Т. Полнера.

Русское Судоходство №№ 30—40. 30. Изъ Ростова на Дону.—Х, (кор.).

38. Несвоевременность снятія и постановки опознательныхъ знаковъ и плавающихъ маяковъ на Азовскомъ морѣ и въ Керченскомъ проливѣ.—Нагорскаго.

32. Судостроеніе на Дону.

35. Во что обошлось правительству пользованіе пароходами Рус. Общ. пароходства и торговли въ минувшую войну.

39. Прошедшее и современное состояніе вопроса объ улучшеніи Днѣстра.

— Краткій очеркъ судоходства за 1887 г. въ предѣлахъ могилевскаго округа.

40. Недостаточность правилъ для упорядоченія сплава плотовъ на Днѣпрѣ—Н. Марченка.

— Наше судоходство (Одесскій портъ).

Черновный Вѣстникъ 1888 №№ 34—42. 36, 37. Сила вліянія нашего равноапостольнаго князя Владиміра на латинскій міръ.

37. Библиограф. замѣтка о книгѣ г. Батюшкова «Волянъ».

42. *Корреспонденція изъ Кіева* объ актѣ въ кіевск. духовн. академіи.

Кіосы 2208—5220. 1210. Типы подольской губерніи—2 рисунка: 1) крестьянка въ праздничномъ нарядѣ и 2) молодой парень.

4211. Типы подольской губерніи—2 рисунка: 1) слѣпой бандуристъ; 2) постоялый дворъ въ маленькомъ мѣстечкѣ.

4243. Некрологъ Фаддея Стецкаго, автора многихъ историческихъ монографій, касающихся волынской губерніи, въ которой покойный родился и прожилъ большую часть жизни. Монографіи его «Описаніе волынской губ.», «Кременецъ и его окрестности» и др. печатались въ разное время въ польскихъ поврежденныхъ изданіяхъ.

6274. Сообщается о поѣздкѣ члена лондонскаго географическаго общества Д. Моргана въ подольскую и волынскую губ. для археологическихъ и этнографическихъ изслѣдованій.

Извѣстіе о выходѣ въ гор. Саен во Франціи книги «Abrégé de l'histoire de réformation en Pologne» соч. Alfred Mélon.

4245. Извѣстіе, что при раскопкахъ въ Херсонесѣ открытъ домъ и въ немъ мастерская художника, заключающая около 50 терракотовыхъ моделей. Открытые предметы принадлежать къ 4—5 стол. до Р. Х.

Зоря №№ 15—21. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. Старосвѣтски батюшки и матушки. Повѣсть зъ житя украинскаго духовенства 20 ыхъ рокѣвъ вѣку XIX.—Ивана Левицкаго (продолж.).

55. Зъ ранку до ночи (риски справжняго житя)—Шукай.

15, 16, 17, 18, 19, 20, 21. Омелянъ Огоновскій. Исторія литературы руской, періодъ новый (дальшъ) Шашкевичъ. 12. Василь Куликъ 13. Володимиръ Маслякъ. 13. Юлія Шнейдеръ (Ульяна Кравченко) 1. Викторъ Забѣла. 2. Михайло Козановичъ. 3. Павло Леонтовичъ. 4. Остапъ Левицкій. 5. Василь Чайченко. 6. Климентій Поповичъ. 7. Иларіонъ Грабовичъ. 8. Вл. Самійленко. 1. Олександръ Навроцкій. 2. Петро Охоцкій-Огіевскій. 3. Семень Метлинскій. 4. Миколайчикъ Бѣлокопытый. 5. Исядоръ Пасѣчинскій и нѣсколько

другихъ. Тома Падура 6) Поезія драматична. 1. Василь Гоголь. 2. Яковъ Кухаренко. 3. Микола Костомаровъ. 4. Корнило Устїяновичъ.

36. Олександръ Вас. Шишацкій-Илличъ (біогр. оч.)—Катри Балашѣвны.
— Смерть Хруша—О. Я.

16, 17. Запѣтки критичніи и бібліографія. Руско-исторична бібліотека підъ ред. Олександра Барвѣнскаго Т. IX и X. Исторични монографіи М. Костомарова. Богданъ Хмельницкій Т. I и II.—А. Борковскаго.

17. Дѣти (сѣльскій образокъ). З. Г. Петруся.

19. У капліци (образокъ зъ жита). М. Спильки.

19, 20, 21. Запѣтки крит. и бібліографія: *Товариши* письмо литературно-наукове.—*Правда* місячникъ політики, науки і письменства. Роч. XIV. В. I. За місяць жовтень 1888. Виде и за редакцію відповідає Д-р. Евгеній Олесницькій—Алекс. Барковскаго.

20. Рускій театръ у Львовѣ. I. Кропивницькій «Дай серцю волю, заведе въ неволю». Григоріевичъ «Лихій день», «Шляхта Ходачкова». Федьковичъ «Довбушъ». II. Оперетки «Корневильски дзвонъ», «Цыганскій баронъ».—Выставы на сценѣ польскаго театру гр. Скарбка. «Чорноморцы», «Риздвяна ничъ»—Лисенка, «Вечерницъ» Нѣщиньскаго, «Запорожець за Дунаемъ», «Перше повмирили, потимъ ся побрали».

21. «На досвѣткахъ» водевиль. Петруся (начало).

— Земляки (етнографични очерки) С. Н. Исаевича (начало).

— Прологъ, написанный И. Франкомъ, а выголошенный С. Яновичемъ на юбилейномъ представленю руско-народнаго театру въ память 50-тыхъ роковинъ смерти Ивана Котляревскаго.

15—21. Въ отдѣлѣ бібліографіи краткія свѣдѣнія о вышедшихъ книгахъ, брошюрахъ и журналахъ.

Kraj №№ 29—34. Литературное обозрѣніе. № 29. *Д-ръ Талько-Гриневичъ.*—«Къ археологіи Украины». Извѣстіе о раскопкѣ кургана у села Рыжановки авторомъ и г. Г. Оссовскимъ; найдена камера, въ ней женскій скелетъ, окруженный множествомъ золотыхъ предметовъ: привѣски, ожерелье, браслеты, серьги, перетни съ вдѣланными въ нихъ пантикапейскими монетами, діадема и т. п. Найденныя вещи подарены музею краковской академіи.

30—34. *Остоя*—Крестьянскіе типы въ (польской) беллетристикѣ. Критическій очеркъ постепеннаго развитія крестьянскаго типа въ современной польской литературѣ. Значительная доля статьи посвящена разбору тѣхъ произведеній Крашевскаго, въ которыхъ извѣстный романистъ пытался представлять типы южнорусскихъ крестьянъ (Савка, Остапъ Бондарчукъ, Ладова пещера, Будникъ и т. д.). Критикъ совершенно справедливо указываетъ на то, что типы

созданы неестественные и тенденціозные. Затѣмъ слѣдуетъ разборъ повѣсти Ежа «Гандзя Загорницкая», повѣстей г. Оржешко и т. д.

32. Разборъ нѣмецкаго перевода малорусскихъ пѣсенъ Штауфе-Симигиновича.

Gazeta Polska №№ 191—261. № 238. Выдержка изъ дневника «Гражданина», касающаяся дѣятельности гр. Муравьева въ сѣверо-западномъ краѣ. Въ виду важности заслугъ гр. Муравьева высказывается мысль о необходимости постановки ему памятника въ Вильнѣ.

Православный Собесѣдникъ №№ 5—10. №№ 5, 6, 7, 8, 9. Свѣдѣнія о храмахъ и богослуженіи русской церкви по сказаніямъ западныхъ иностранцевъ XVI—XVII в. (церковно-археологическія очерки) А. Алмазова.

7—9. Теологія соціантъ. О Богѣ и Его свойствахъ—Е. Будрина.

Русскій Лѣсопромышленникъ №№ 27—44. № 27. *Корреспонденція изъ Одессы.* О мѣстной торговлѣ.

— *Льсная промышленность черкаскаго уѣзда.*

30—33. *Льсная кустарная промышленность въ харьков. губ.*

32. Забѣтка объ одесскомъ лѣсномъ рынкѣ.

33. О херсонскомъ лѣсномъ рынкѣ.

— *Колесный промыселъ въ Черкассахъ.*

34. *Сплавъ плотовъ черезъ днѣпровскіе пороги.*

40. О лѣсномъ рынкѣ въ Ростовѣ на Дону.

Газета А. Гатцука №№ 1—5. № 1. Некрологъ Я. Ѳ. Головацкаго.

2. Извѣстіе изъ Кіева объ открытіи пещеръ на Звѣринцѣ.

Въ видѣ приложенія разслана брошюра: А. Гатцукъ. Старина русской земл. Книга первая. Слово о старинѣ незапамятной. Изд. 4-е. Москва, 1888.

Несомнѣнно, что за послѣднее время русская археологія сдѣлала громадныя успѣхи. Но, несмотря на это, въ народной массѣ до сихъ поръ царствуютъ потемки въ области даже самыхъ элементарныхъ свѣдѣній изъ этой науки. Происходитъ это вслѣдствіе того, что наша археологическая дѣятельность замкнута въ тѣсномъ кругу специальныхъ обществъ и ограничивается только специальными изданіями, дѣло же популяризаціи у насъ почти совершенно отсутствуетъ. Въ прямой зависимости отъ этого находится то чисто вандалское обращеніе съ памятниками нашей старины, вслѣдствіе котораго каждый годъ масса этихъ послѣднихъ гибнетъ безвозвратно для науки. Въ особенности это можно сказать по отношенію къ старинѣ доисторической, о которой даже и въ образованномъ классѣ нашего общества рѣдко кто имѣетъ надлежащее понятіе...

Небольшая (въ 36 стр.) книжечка А. Гатцука является *единственнымъ общедоступнымъ* изданіемъ, посвященнымъ нашей первобытной старинѣ. Книжечка эта, вышедшая уже 4-мъ изданіемъ (первое—въ 1867 г.), написана

очень тепло, популярнымъ языкомъ и съ знаніемъ дѣла. Авторомъ живо и правдоподобно описано движеніе человѣка впередъ по пути культуры и постепенные переходы его отъ самыхъ низшихъ ступеней развитія къ болѣе высшимъ. 85 хорошо воспроизведенныхъ рисунковъ какъ нельзя лучше иллюстрируютъ текстъ. Издана книжечка очень чисто; она служитъ приложеніемъ къ 5 № «Газеты А. Гатцука». Желательно было бы, чтобы она была пущена въ отдѣльную продажу, т. к. экземпляры старыхъ изданій, если гдѣ еще и находятся въ продажѣ, то въ самомъ незначительномъ количествѣ.

Кіевлянинъ №№ 221—243. 224. *Луцкъ и его уездъ.*

225. Звѣринецкая пещера. В. Г. Упомянувъ вкратцѣ объ извѣстныхъ донынѣ кіевскихъ пещерахъ, авторъ описываетъ вновь открытую пещеру на Звѣрияцѣ, которую онъ осматривалъ вмѣстѣ съ проф. А. В. Праховымъ и художникомъ С. Прополши 10 метровъ по узкому ходу, изслѣдователи достигли невысокой, сводчатой камеры съ глиняными стѣнами, идущей горизонтально въ слѣдъ леса по направленію отъ С. С. З. къ Ю. Ю. В. на протяженіи около 30 метровъ. По сторонамъ корридора перпендикулярно къ нему расположены два ряда нишъ, раздѣленныхъ земляными стѣнами отъ $1\frac{1}{2}$ до 1 метра. Въ каждой нишѣ лежало по 2 скелета, но первоначальное положеніе ихъ трудно было опредѣлить, т. к. прежніе посѣтители привели все въ безпорядокъ. Въ корридорѣ и нишахъ валялись куски кожи и шкурки изъ ремешковъ. Пещера заканчивается не обваломъ, а нишей со скелетами. Авторъ полагаетъ, что пещера эта служила усыпальницей для братіи одного изъ сосѣднихъ монастырей—Печерскаго или Выдубицкаго.

228. Кіевскіе генералъ губернаторы. Приводится ихъ списокъ.

Г. Кременецъ и его уездъ. Перепечатка изъ статьи г. Братчикова въ „Вол. Губ. Вѣд.“

231. Двадцатипятилѣтній юбилей протоіерей П. Г. Лебединцева. П. П. Т.

234. Памяти И. П. Котляревскаго. (По случаю 50-лѣтія со дня кончины). Изъ Ал—скаго.

Отчетъ о состояніи кіевской 4 гимназіи за 1887—8 г.

М. Вишневецъ, кременецкаго уезда. Перепечатка изъ „Волинск. Губернск. Вѣд.“

235. Заѣтка о новой картинѣ В. М. Васнецова во Владимірскомъ соборѣ.

М. Ямполь, волинской губ. Перепечатка изъ „Вол. Губ. Вѣд.“

236. Засѣданіе историческаго общества 30 октября. Отчетъ о рефератахъ П. А. Лашкарева, А. В. Романовича-Славатинскаго и С. Т. Голубева.

238, 243. По городамъ юго-западнаго края. (Каменецъ, Бердичевъ, Житомиръ). Путевые очерки С. Д—вича.

238, 239. *Нѣкоторыя свѣдѣнія изъ отчета о состояніи церковно-приходскихъ школъ кievской епархіи въ 1887—88 учеб. году.*

238. Корреспонденція изъ Владиміръ-Волынска о Мстиславскомъ храмѣ.

239. Жалобы жителей Одессы конца прошлаго столѣтія. Перепечатка изъ „Новор. Тел.“

240. *Бантъишъ-Каменскій.* По поводу 100-лѣтія со дня рожденія Д. Н. Б.-Каменскаго.

242. *Изслѣдованіе Звѣринецкой пещеры,* произведенное воен. инженеромъ Червпновымъ 2-мъ.

Пожертвованіе въ церк.-археол. музей. Е. П. Демидова вн. Санъ-Дonato пожертвовала коллекцію русскихъ старинныхъ крестовъ, складныхъ иконокъ и образовъ старинной живописи, писанныхъ на деревѣ.

243. *Преданіе старины мубокой.* О торгѣ у ограды Михайловскаго м-ря 8 ноября.

Торжественное годичное засѣданіе Общества кievскихъ врачей 29 окт. въ память 48-й годовщины учрежденія общества.

Кievское Слово №№ 590—532. 509. *Новая пещера на Звѣринцѣ.* (Разсказъ очевидца). Звѣринецкаго жителя. Авторъ былъ одинъ изъ первыхъ спустившихся въ эту пещеру. Пещера представляетъ невысокій корридоръ, въ стѣнахъ котораго съ двухъ сторонъ полукруглыя и углубленныя могилы; въ каждой изъ нихъ по два черепа, а въ нѣкоторыхъ отчетливо видны два чело-вѣческихъ скелета, положенныхъ головою во внутрь. Пещера оканчивается вертикальною стѣною, въ которой находится такая же углубленная могила съ 2 скелетами. Длина пещеры около 96 арш.; въ ней 48 могилъ, и 96 скелетовъ. Въ пещерѣ найдены два красныхъ кирпича шириною ок. $\frac{1}{2}$ арш., толщиной 1 верш., длина неизвѣстна, п. ч. кирпичи переломлены; кирпичи эти вывѣтривались и не походятъ на нынѣшніе. Сверхъ того были найдены кусочки ветхой кожи отъ обуви. По слухамъ, осматривавшіе пещеру раньше видѣли на костяхъ ислѣвшее духовное облаченіе и нашли золотой крестикъ.

509, 511. *Поездка въ полтавскую губернію.* Авторъ описываетъ свои впечатлѣнія во время поѣздки внизъ по Днѣпру до Кременчуга и затѣмъ по кременчугскому и кобелякскому уѣздамъ.

510. Корреспонденція изъ с. *Острова, васильков. уѣзда.* Авторъ между прочимъ, сообщаетъ: „Къ числу достопримѣчательностей с. Острова нужно отнести 3 небольшихъ кургана: одинъ—большій по величинѣ—стоитъ особнякомъ на одномъ концѣ села, а два другіе—меньшіе, стоятъ рядомъ на другомъ концѣ. Большой курганъ, вышиною ок. $2\frac{1}{2}$ саж., имѣетъ 30 сажен. въ окружности; на вершинѣ кургана красуется довольно большой каменный крестъ съ расширяющимися, на подобіе треугольниковъ, концами. Какъ давно

и кѣмъ поставленъ этотъ крестъ—никто изъ старожиловъ не знаетъ и не помнитъ объ этомъ никакихъ преданій. Другіе два круганчика тоже съ каменными крестами, такой же формы, какъ и первый, но только немного поменьше. Кресты эти тщательно охраняются крестьянами⁴.

520. *И. П. Котляревскій.* По поводу 50-лѣтія со дня его смерти.

521. *Памяти Г. П. Галагана.* Черниговца.

527. Забѣтка о празднованіи столѣтія рожденія М. С. Щепкина.

528. О празднованіи въ кiev. драматич. обществѣ столѣтія дня рожденія М. С. Щепкина.

Очеркъ жизни и дѣятельности М. С. Щепкина. Рѣчь, произнесенная 6 ноября въ кiev. драматич. обществѣ предсѣдателемъ его Л. А. Куперникомъ. Въ началѣ рѣчи сообщены краткія біографическія свѣдѣнія о Щепкинѣ: Мих. Сем. Щепкинъ былъ сыномъ крѣпостнаго гр. Волькенштейна. Образование онъ получилъ въ суджанскомъ уѣздномъ и курскомъ губернскомъ училищахъ; къ сценѣ пристрастился онъ рано, присутствуя на домашнихъ спектакляхъ въ домахъ гр. Волькенштейна и его сосѣдей. На публичную сцену онъ выступилъ въ 1805 г. и, проработавъ лѣтъ 18 на провинціальныхъ сценахъ, въ 1823 г. былъ принятъ на московскую Императорскую сцену, на которой игралъ около 40 лѣтъ, совершая лѣтнія поѣздки по разнымъ городамъ Россіи. Далѣе, ораторъ указалъ двѣ великія заслуги Щ—на: во 1-хъ то, что онъ поставилъ званіе и значеніе артиста на небывалую дотолѣ высоту, во 2-хъ, что онъ установилъ взаимодѣйствіе между литературой и сценой. Лучшіе представители русской литературы отъ 20-хъ до 40-хъ гг. высоко цѣнили Щ—на и были съ нимъ близки. Щ—нъ явился создателемъ оригинальной русской драматической школы. Взгляды свои на искусство онъ развилъ въ письмахъ къ С. В. Шумскому и А. П. Шуберту. Къ дѣлу своему Щ—нъ относился въ высшей степени добросовѣстно и аккуратно. Талантъ его былъ очень разностороненъ, но высшаго совершенства достигъ онъ въ комедіи. Щ—нъ познакомилъ русскую публику съ малороссійскимъ юморомъ и комизмомъ, съ которыми его землякъ Гоголь знакомилъ ее въ своихъ произведеніяхъ. Въ заключеніе, ораторъ указалъ на то обстоятельство, что память Щепкина увѣковѣчена многими писавшими о немъ, а традиціи его живутъ и донинѣ на московской сценѣ.

529. *Памяти М. С. Щепкина.* Стихотвореніе, написанное его правучкой Т. Л. Куперникъ и прочитанное 6 ноября въ кiev. драм. обществѣ артистомъ Сарматовымъ.

530. *Празднованіе юбилея М. С. Щепкина въ Москвѣ.*

Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости № 28—40. 33—38. Извлеченіе изъ исторической записки о состояніи находящагося подъ Высочайшимъ покровительствомъ Е. И. В. Государыни Императрицы кіевского женскаго училища

духовнаго вѣдомства въ теченіи перваго 25-лѣтія его существованія 1831—1886 (не окончено).

39, 40. Докладъ предсѣдателя кievскаго епарх. училищнаго Совѣта пресв. Ириней, епископа уманскаго, поанный высокопреосвященнѣйшему Платону, митрополиту кievскому и галицкому, о состояніи школъ церковно-приходскихъ и грамотности въ кievской епархіи въ истекшемъ 1887—8 учебномъ году.

Волынь № 116—133. 118. *Г. Дубно и м. Олыка.*

119. *Луцьк и его уездъ.* Перепечатка изъ „Вол. Губ. Вѣд.“

121, 122. *Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства.* Панъ повѣтовый маршалъ. Перепечатка изъ „Кievской Старинны“.

123—129. *Слава Богу, для начала и это хорошо!* Мирона. Перепечатка изъ „Кievской Старинны.“

123, 125. *Городъ Кременецъ и его уездъ.* Перепечатка изъ ст. г. Братчикова въ „Вол. Губ. Вѣд.“

128. *М. Вишневецъ, кременецкаго уезда.* Изъ „Вол. Губ. Вѣд.“

130. *Памяти М. С. Щепкина.* Театрала. Изъ журнала „Искусство.“

М. Ямполь, волынской губ. Изъ „Вол. Губ. Вѣд.“

Волынскія Губернскія Вѣдомости № 74—88. 77. *Братчиковъ.* Къ вопросу объ оздоровленіи городовъ (о санитарныхъ условіяхъ г. Житомира.)

80. *Братчиковъ.* Остатки волынской старинны (истор.-арх. замѣтка) прод. № 76.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 29—31. №№ 29, 30, 31. Историко-статистическое описаніе церквей и приходо́въ волынской епархіи (продолженіе) г. Острогъ.

30. Замѣтка о 50-лѣтіи одесской духовной семинаріи.

31. Вечернія духовно-назидательныя чтенія въ Почаевской лаврѣ. Иером. Владимира.

— Замѣтка. Старообрядческія школы въ ю.-в. краѣ.

29 Предметный указатель содержанія неофициальной части Вол. Епарх. Вѣд. за первые 20-лѣтъ ихъ существованія (стр. 243—256) (окончаніе).

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 41—44. № 41. Яковъ Оеод. Головацкій (некрологъ). Быкова (переп. изъ Нивы).

42. Замѣтка о празднованіи 900-лѣтія крещенія галицкой Руси (Ц. В.).

43. *К. Доброловскій.* Крещеніе Россіи и значенія этого событія для исторіи нашего отечества.

— Празднованіе каменецкимъ духовнымъ училищемъ 900-лѣтія крещенія Руси.

44. *П. Любарскій.* О значеніи православія въ исторической жизни русскаго народа (актовая рѣчь въ каменецкой гимназій).

Полтавскія Епарх. Вѣдомости №№ 17—21. №№ 17, 18. Церкви старинной постройки въ полтавской епархіи. Списокъ, составленный по к лировымъ вѣдомостямъ Порфиріемъ Мартиновичемъ и Василиемъ Горленкомъ (оконч.).

19. Актъ комитета по устройству Успенской церкви въ Переяславѣ.

— Матеріалы для исторіи переяславско-полтавской семинаріи, извлеченныя изъ дѣлъ, хранящихся въ архивахъ полтавской духовной консисторіи и семинаріи за время отъ 1818 до 1862 г.

20. Краткій историческій очеркъ состоянія переяславско-полтавской семинаріи со времени основанія ея (1738 г.) до преобразованія въ 1817 г.—Василія Демидовскаго.

Черниговскія Епархіальныя Извѣстія №№ II—20. № 18. Открытіе братства св. Михаила кн. черниговскаго для противодѣйствія расколу.

— Историческая записка о состояніи раскола въ черниговской епархіи—Доброгаева.

Земскій Сборникъ Черниговской губ. 1888. №№ 6—10. №№ 6—8. О дѣятельности полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества.

— Движеніе народонаселенія въ черниг. губ. за 1884, 1885—1886.

Гл. II и III, мглинской и городняцкій уѣзды. Е. Святловскаго.

— Сводъ смѣтъ уѣздныхъ на 1888 г. П. Бушtedта.

— Изъ деревни, письмо V. H. H. K.—Волка.

— Журналы черниг. губ. зем. чрезвычайнаго собранія 24—26 мая 1888 г.

9—10. *Къ слову объ отчетахъ земскихъ управъ.* Библиографическая замѣтка С. Л.

О шелководствѣ въ ж. Трипольѣ. М. Даровской.

Свѣдѣнія о срокахъ и мѣстахъ ярмарокъ въ черн. губ. Ив. Обозненко.

О земскихъ школахъ борзенск. у. H. H. K.—Волка.

Отчетъ о дѣятельности чернигов. сельско-хозяйств. общества.

Земская медицина въ черниг. губ. (по докладамъ делегатовъ съезда врачей). Е. В. Святловскаго.

Нѣсколько выводовъ изъ статистич. трудовъ по черниговской и херсонской губ.

Черниговскія Губернскія Вѣдомости №№ 80—88. № 80. Перепечатка изъ Кіевляннина истор. свѣдѣній о фамиліи Галагановъ.

81, 82, 84, 85. Къ исторіи края (изъ архива гр. Милорадовича). Одиннадцать земельных документовъ рода Полуботокъ (1709—1712).

83. Къ исторіи края Н. Гармашева. I. Духовный testamentъ и II. Донось на священника (1741).

85, 86, 87. Кв. С. П. Голицынъ (б. черниг. губернаторъ) некрологъ.

88. *Къ исторіи края. Старинныя малороссійскія стихотворенія.*

«Помѣщенныя ниже стихотворенія получены мною отъ г. Дор—скаго, который нашель копія ихъ въ бумагахъ покойнаго редактора «Черниговскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» А. В. Шишацкаго-Иллича. Авторъ этихъ стихотвореній—иеромонахъ Климентій Зиновіевъ, малорусскій писатель временъ гетмана Мазепы. Въ январьской книжкѣ «Основы» 1861 года помѣщена о Климентіѣ прекрасная монографія г. Кулиша, къ которой и отсылаемъ желающихъ поближе познакомиться съ біографіей и произведеніями нашего «пѣнта», мы же ограничимся лишь маленькой замѣткой относительно мѣста рожденія его.

Проф. Огоновскій въ своей исторіи малорусской литературы называетъ Климентія полишукомъ, не дѣлая при этомъ никакихъ ссылокъ. Такъ какъ единственнымъ источникомъ для біографіи Климентія служатъ его произведенія, въ коихъ отсутствуютъ указанія на мѣсто рожденія автора, то остается предположить, что г. Огоновскій основалъ свой выводъ на филологическихъ данныхъ. Таковыми могли послужить ему нѣкоторыя особенности языка Климентіевыхъ «віршей» (нар; у=о: пудъ часъ, покуль я пр.), которыя (особенности) составляютъ принадлежность нарѣчія полишукомъ. Но г. Огоновскій упустилъ здѣсь изъ виду то обстоятельство, что всѣ эти особенности въ то же время принадлежать и нарѣчію черниговскому. Если при этомъ принять во вниманіе, что оригиналъ сочиненій Климентія найденъ г. Шишацкимъ въ Черниговщинѣ, то намъ кажется, съ большимъ правомъ можно назвать Климентія черниговцемъ, чѣмъ полишукомъ.

І. О замкахъ, що замикають брамы, або ворота дворовъ пановъ велможныхъ, або клетъ, інбаръ, коморы, алкѣры, скорбниці, церкви, скринь, вертограды, скльпы, ліохи, пивниці, ста'нь, свѣтлицы, темниці и прочая.

Правдивая приновѣсть зостаєть отъ вѣка,
 Не для добраго, мовять, замокъ чоловѣка,
 Бо хоч' и не замкнено, то добрый не по'деть,
 А злый і тежъ недобры' и чрез' замки пройдесть
 Ведлугъ добрыхъ хочбы ся и не замыкало,
 То в'цѣлости иночныхъ часо в' все б' бывало.
 Тылкожъ жебы злымъ спрятомъ добрыхъ не псовать;
 Для того мусымо мы замками замикать.
 Жебы часомъ и добрый хто не спокусился:
 И со злыми где людьми не обезчестылся.
 Бо пудъ часъ и в'дому врагъ домашный бываєть,
 На котрого часомъ и ни сподѣваєть.

А такъ.... (Этими словами оканчивается рукопись. Чѣсколькихъ листковъ въ ней не достаетъ, *Прим. Шишацкаго.*

II. О злыхъ женахъ имъ же никогда неаты вѣры.

Подобаеть таковой вчинити совѣтъ намъ,
 Же негды не давати ни в'чемъ вѣры женамъ.
 Женамъ бо завше латво такъ клятву сполнити,
 Якъ прагнучому часомъ воды ся напити.
 Прето ащебы мощно звѣзды з неба брала,
 Або тежъ предъ собою землю подала.
 То уже да nebudeтъ онымъ вѣра данна,
 Хочь бы я прекрасная она была панна.
 Бо и Адамъ презъ жену ласки Божой отпалъ
 И весь миръ навѣки былъ смертной клятвѣ отдать
 І иные многіи чрезъ женъ погибона
 И втожъ навѣки ласки Божой отпадоша.
 Тѣмъ и паки злымъ женамъ вѣры недавайте,
 И себе купно з'ними да не погубляйте.
 Правда, и жена женѣ есть неравна,
 Якъ в'нашомъ нынѣ вѣку, такоже и здавна.
 І ащебы п мати еднакъ таяжъ жена
 И презъ матеръ бываетъ скорбѣ и грѣху вина.
 А поневажъ отъ женъ и святымъ скорбы бывали,
 Когда еще на земли себѣ перебували.
 Далеко барзѣй от'нихъ пакость намъ немощнымъ,
 Нежели онымъ давнымъ святымъ благомоцнымъ.
 Теды гдыбъ хто рекъ: створилъ Богъ на згибель роду
 Людскому жены; но нѣсть леть для чиста плоду.
 Сохраняй же насъ, Боже, отъ тѣхъ нечистотъ
 Да не втратимъ небесныхъ твоихъ красотъ,
 Але чисты чистому Богу тебѣ явимъ
 И царствіе вѣчное з святыми наслѣдимъ.

Харьковскія Губернскія Вѣдомости №№ 263—293. № 264. Корр. изъ м. Рашевки о похоронахъ б. проф. харьк. унив. *Θ. В. Тихоновича.*

266. Н. Ф. Сумцовъ. Къ вопросу о развитіи общественныхъ библиотекъ.

268—269. Некрологъ начальницы 2 хар. жен. гимназіи А. Н. Саввичъ.

270. Библиографическая замѣтка о книгѣ П. Сокальскаго. «Русская народная музыка великорусская и малорусская».

— Ходъ весны подъ Харьковомъ въ 1888 г.—А. Колесова.

279. Изъ Краснокутска (кор.) о ежегодномъ принесеніи туда 17 окт. иконы Каплуновской Божіей Матери.

280. Некрологъ технолога Н. Н. Рогозинскаго.

282. Сообщенія:

1) Въ засѣданіи историко-филологическаго общества 19 октября прочитаны были доклады *М. Е. Халанскаго* о былинѣ о Жидовинѣ и *Н. О. Сумцова* объ оленѣ въ произведеніяхъ искусства и народной словесности. Постановлено приступить къ печатанію втораго тома сборника принадлежащихъ обществу архивныхъ и этнографическихъ матеріаловъ. Въ сборникъ войдутъ акты и документы, относящіеся къ исторіи колонизаціи б. слободской Украины подъ редакціей проф. Д. И. Багалѣи; сказки, собранныя И. И. Мапжурой, имъ же редактированныя; игры крестьянскихъ дѣтей въ купянскомъ уѣздѣ подъ редакціей члена общества П. В. Иванова съ примѣчаніями проф. Н. О. Сумцова и литовскія сказки подъ редакціей проф. А. И. Александрова.

2) На дняхъ окончили объѣздъ округа инженеръ юго-западнаго горнаго округа Л. П. Долинскій, который, между прочимъ, посѣтилъ бердянскій уѣздъ и произвелъ здѣсь новыя изысканія. По словамъ г. Долинскаго, мѣстность эта едва ли не превосходитъ даже криворожскія минеральныя богатства, такъ какъ вблизи имѣются каменноугольныя копи. Особеннымъ богатствомъ рудныхъ залежей отличаются Корсакъ-Могіла и Консунгъ-Гора, гдѣ, кромѣ того, въ изобиліи имѣются всѣ матеріалы для металургическихъ операций. Тутъ имѣются и огнеупорныя глины, и песчаники, и графитъ. Но за то имѣется и страшный тормазъ для развитія мѣстнаго минеральнаго богатства, это — отвратительныя пути сообщенія. Не смущаются этимъ одни эксплуататоры, которые успѣли уже заарендовать лучшіе участки на 50—60 верстъ кругомъ. Г. Долинскій привезъ изъ бердянскаго уѣзда богатую коллекцію найденныхъ имъ при изысканіяхъ минеральныхъ породъ. Въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій одесскаго отдѣла технического общества г. Долинскій, по словамъ «О. В.», сдѣлаетъ сообщеніе объ этихъ интересныхъ изысканіяхъ.

284. Къ хроникѣ сообщено о панихидѣ, бывшей 29 октября, по И. П. Котляревскомъ (день его смерти) въ Харьковѣ.

— Памяти И. П. Котляревскаго (перепечатка изъ Кіевлянина).

289. Михайль Семеновичъ Щепкинъ (столѣтіе два рожденія) краткая біогр. замѣтка.

— Сельско-хозяйственныя замѣтки («Опытныя поля» А. Зайкевичъ Харьковъ 1888.).

293. Памятникъ В. Н. Каразину. Выдержки изъ письма ректора харьк. университета, изъ котораго видно неудовлетворительное поступленіе пожертвованій на задуманный памятникъ видному дѣятелю по народному образованію

южнаго края, что вынуждаетъ просить объ учрежденіи особаго комитета для сбора пожертвованій, а также усилить подписку по вновь выпущеннымъ подписнымъ листамъ.

Южный Край №№ 2673—2700. 2673. Шерстяной рынокъ въ 1888 г.

2674. Библиографическое извѣстіе о вышедшихъ въ Харьковѣ новыхъ книгахъ, между которыми: *Потебня А.* Изъ записокъ по русской грамматикѣ 2 изд.

2676. Л. Е. Отрывки изъ деревенскаго дневника—описывается современная жизнь въ деревнѣ на югѣ Россіи.

2688. Въ хроникѣ объ увеличеніи по официал. свѣд. въ харьковской губерніи въ 1887 г. раскольниковъ и др. сектантовъ.

2695. Библиогр. извѣстіе о вышедшихъ въ Харьковѣ новыхъ книгахъ, между ними: а) Владиміровъ Л. Учебникъ русскаго уголовного права и б) Сокольскій П. Русская народная музыка, великорусская и малорусская, въ ея строеніи мелодическомъ и ритмическомъ и отличія ея отъ основъ современной гармонической музыки.

2682, 2684 и 2690. *Пребываніе въ Харьковѣ царей и царицъ.* (Историческій очеркъ, составленный главнымъ образомъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ епископомъ харьковскимъ Филаретомъ въ его извѣстномъ «Историко-статистическомъ описаніи харьковской епархіи»).

Первымъ изъ царей, посѣтившихъ Харьковъ, былъ Петръ Великій. Проѣздомъ изъ Азова въ Полтаву 2-го іюня 1709 г. Петръ, въѣхавъ въ городъ, остановился подлѣ Николаевской церкви, которую онъ по ошибкѣ принялъ за Успенскій соборъ. Но вскорѣ ошибка была обнаружена и царь, отслушавъ обѣдню въ соборѣ и осмотрѣвъ затѣмъ городскую крѣпость, въ тотъ же день послѣ обѣда выѣхалъ въ Полтаву. Въ 1787 году черезъ Харьковъ проѣзжала императрица Екатерина II на обратномъ пути изъ Крыма и Таганрога въ Петербургъ. Изъ дошедшаго до насъ «Обряда при Высочайшемъ шествіи Ея Императорскаго Величества черезъ харьковское намѣстничество» можно видѣть, какими церемоніями сопровождался проѣздъ Екатерины В. черезъ нынѣшнюю харьковскую губернію. У сооруженныхъ на сей случай на границѣ харьк. и екатериноп. губерній триумфальныхъ воротъ императрицу должны были встрѣтить всѣ чины и представители сословій, при чемъ строго опредѣлялся не только порядокъ, въ которомъ чины и представители должны были слѣдовать другъ за другомъ, но и указывалось точно разстояніе, которое должно отдѣлять ихъ другъ отъ друга. «И для встрѣченія Ея Величества, предписывалось въ «Обрядѣ», да стаятъ съ правой стороны дороги генераль-губернаторъ и губернаторъ; за

ними, отступя на одинъ шагъ, губернской предводитель, а отступя отъ него тоже на шагъ, уѣздные предводители съ депутатами передъ дворянствомъ своихъ уѣздовъ, отстоящими отъ нихъ на одинъ же шагъ» и т. д. По пути слѣдованія царскаго поѣзда «дѣвки (окрестныхъ деревень) бросаютъ подъ карету цвѣты, а прочіе изъявляютъ свои восхищенія приличными поступками и привѣтствіями». По всѣмъ улицамъ, по которымъ будетъ проѣздъ, предписывалось окна украсить «сосновыми вѣтвями и въ окнахъ на улицу, поднявши оныя, вывѣсить какія у кого сыщутся портища, суконныя, стамедныя, или такія, изъ чего дѣлаются плахты». При вѣздѣ императрицы въ Харьковъ между прочимъ предписывалось «отъ Лопанскаго моста до воротъ замка * студентовъ (т. е. воспитанниковъ «Духовнаго Коллегіума», какъ называлась тогда семинарія) порядочно одѣтыхъ, съ ихъ значками же, кое какимъ цеховымъ, такъ и студентамъ во время проѣзда, снявъ шапки, преклонить до земли»... «Дамы и дѣвицы да предстанутъ въ мундирахъ сего намѣстничества и въ приличныхъ нарядахъ въ то время, въ которое имъ позволено будетъ. Отъ замка, до выѣзжихъ воротъ изъ замка, да будутъ поставлены студенты съ ихъ значками, а оттуда до городскихъ воротъ или до Харьковскаго моста цеховые съ значками же, кои при проѣздѣ, снявъ шапки, преклоняютъ значки до земли».

По разсказу очевидца Н. Ѡ. Лубяновскаго, за недѣлю передъ пріѣздомъ Екатерины въ Харьковъ, въ городѣ не было свободнаго угла; жили въ палаткахъ, шалашахъ, сараяхъ, гдѣ и какъ кто могъ пріютиться.

Императрица пробыла въ Харьковѣ съ 10 по 12 іюня.

Затѣмъ спустя тридцать лѣтъ, 17 октября 1817 года, посѣтилъ Харьковъ Александръ Благословенный. Между прочимъ государь былъ на балу, данномъ ему губернскимъ предводителемъ дворянства А. Ѡ. Квиткою въ Основѣ, при чемъ, по разсказамъ современниковъ-очевидцевъ, «смоляныя бочки горѣли на всемъ разстояніи отъ Харькова до Основы. Войдя въ великолѣпный домъ Основы, съ оранжереями, бронзой, зеркалами и мраморомъ, императоръ спросилъ съ улыбкой: «не во дворцѣ ли я?»... Во второй разъ Александръ I посѣтилъ Харьковъ 31 іюля 1820 года, проѣздомъ изъ Чугуева въ Варшаву. Въ этотъ разъ государь пробылъ въ Харьковѣ до 9 августа.—Печальное слѣдованіе останковъ Александра Благословеннаго изъ Таганрога въ Петербургъ въ 1826 году лежало черезъ Харьковъ. Траурный кортежъ 9 января былъ встрѣченъ у городской заставы преосвященнымъ Павломъ, а 12 числа того же мѣсяца при громѣ пушекъ, колокольномъ звонѣ и многочисленномъ стеченіи народа тѣло государя было сопровождаемо до границы губерній.

11 сентября 1832 года въ 6 часовъ утра императоръ Николай Павловичъ прибылъ въ Харьковъ изъ Полтавы и остановился въ домѣ купца Безходарнаго (доставшемся женѣ послѣдняго, дочери Ломакіна). Осмотрѣвъ нѣко-

торыя учрежденія, государь въ четыре часа того же дня отбыль въ Чугуевъ. 18 октября 1837 года Николай I посѣтилъ Харьковъ проездомъ въ Вознесенскъ.

18 августа 1837 года удостоила Харьковъ своимъ посѣщеніемъ императрица Александра Федоровна съ великою княжною Марією Николаевною, при чемъ помѣщеніе имъ были приготовлено въ университетскомъ домѣ. Императрица пробыла здѣсь три дня и, пожаловавъ 800 р. на бѣдныхъ, отбыла въ Вознесенскъ, откуда на возвратномъ пути 7 октября снова заѣзжала на 2 дня въ Харьковъ.

14 сентября 1842 года и 15 сентября 1845 г. императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ Харьковъ по пути въ Чугуевъ. 8 октября 1852 г. Николай I былъ въ Харьковѣ въ послѣдній разъ. Но это посѣщеніе не обошлось безъ инцидентовъ, изъ которыхъ приводимъ одинъ какъ наиболѣе характерный. «Въ два часа, рассказываетъ современникъ г. Рейнгартъ, Государь отправился въ больницу прихода-общественнаго призрѣнія на Сабуровой дачѣ. Возвращаясь оттуда и проѣхавъ мимо 1-й гимназіи, гдѣ съ утра ожидали Царя ученики и служащіе, онъ вспомнилъ о ней уже около собора и приказалъ вернуться. Тѣмъ временемъ директоръ Димкевичъ, огорченный неудачею, приказалъ всѣмъ разойтись по домамъ, самъ же отправился вслѣдъ за Государемъ за городъ. Исправляющій должность инспектора, уч. математики Лопушанскій, повелъ пансіонеровъ въ столовую, а докторъ, бывший профессоръ, Иванъ Николаевичъ Райпольскій (знаменитая по своей оригинальности личность)—въ больницу. Неожиданная перемена фронта—возвращеніе Его Величества въ 1-ую гимназію, какъ громомъ ошеломило начальство гимназіи. Директоръ, не смѣя обгонять экипажъ Государя, смиренно долженъ былъ слѣдовать на почтительномъ отдаленіи, такъ что некому было встрѣтить Государя. И. д. инспектора, увѣдомленный о прибытіи Императора, едва успѣлъ надѣть мундиръ и въ попыткахъ, дрожа отъ испуга, предсталъ передъ нимъ. Поздно уже явился директоръ. Такая встрѣча, естественно, не понравилась Государю. Онъ отправился въ больницу, гдѣ прочитавъ на таблицѣ надъ кроватью: *Febris intermittens*, спросилъ больного, чѣмъ онъ боленъ.—Рана на ногѣ, Ваше Величество.—Отчего же на таблицѣ не поставлена настоящая болѣзнь, а другая? обратился онъ къ Райпольскому.—Это... это я, Ва...ше Импе...ра...торское Вели...чество доо...кла...а...дывалъ г. инспектору, чтобъ переимѣнили.—На гауптвахту его! вскричалъ Государь.—Простите, Ваше Величество, умолялъ Иванъ Николаевичъ, но Государь, махнувъ рукой, отдалъ приказъ Кокоскину посадить на гауптвахту директора на одинъ мѣсяцъ, Райпольскаго на три недѣли, а инспектора на двѣ недѣли».

Императоръ Николай Павловичъ въ этотъ свой пріѣздъ остался доволенъ только Институтомъ благородныхъ дѣвицъ и второю гимназіей.

Покойный Императоръ Александръ Николаевичъ посѣтилъ Харьковъ въ 1837 и 1845 гг. (когда былъ еще наслѣдникомъ), въ 1859, 18 октября 1861 г., 3 ноября 1863 г., 15 августа 1875 г. и въ послѣдній разъ въ августѣ 1880 года.

Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости №№ 80—87. 80, 84. Я. П. Новицкій. Статистико-экономическое состояніе г. Александровска и уѣзда по архивнымъ даннымъ 1829 г.

80. Къ исторіи запорожскихъ козаковъ. Перепечатка изъ книги Эварничаго «Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорож. козаковъ» доношеніе кошеваго Иванова окт. 5. 1752 г.

83. Народное образованіе въ новомосковскомъ уѣздѣ.

Крымъ №№ 94—105. 96. *Энтомологич. экскурсія областного энтомолога А. П. Забаринскаго.*

97. *По поводу раскопокъ въ Крыму.* Перепечатка изъ записокъ Н. Н. Мурзакевича въ «Русской Старинѣ».

104. *Памяти М. С. Щепкина.*

Сборникъ Херсонскаго Земства № 8—10. 8. *А. Бариневиць.* Бюллетень о состояніи сельск. хозяйства по одесскому уѣзду за весенній періодъ 1888 года.

8. Б. Трояновскій. Такой же бюллетень по тираспольскому у.

— Нѣсколько выводовъ изъ статистическихъ трудовъ по черниговской и херсонской губерніямъ.

— Приложеніе къ бюллетеню о состояніи сельскаго хозяйства въ александрійскомъ у. за лѣтній періодъ 1888 г.

— Приложенія: Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губерніи (тираспольскій у.) Территорія и населеніе. Положеніе и границы т. у. Пространство его. Поверхность его. Оро и гидрографическія его особенности. Водоснабженіе.

9. Отчетъ о состояніи херсон. сельско-хоз. училища за 1887 г.

— Отчетъ объ урожаѣ на поляхъ фермы херс. зем. сельско-хоз. учпл. за 1888 годъ.

— Отчетъ о благотворительныхъ учрежденіяхъ херсонс. губерн. земства за 1887 годъ.

— Отчетъ по страхованію за 1887 г.

— Отчетъ одесск. бактериологической станціи за вторую треть 1888 г.

— Отчетъ губ. управы о дѣйствіяхъ ея по случаю Высочайшаго прѣзда и о пребываніи Ихъ Императорскихъ Величествъ въ херсонской губерніи.

Приложеніе. Матеріалы для оцѣнки зем. херсонской губерніи (тираспольскій уѣздъ). Геологическое строеніе, почва и ея особенность. Климатическія особенности т. уѣзда. Административное раздѣленіе. Земскія дачи, ихъ межевой

составъ, положеніе на площади уѣзда и формы землевладѣнія въ дачахъ. Размѣщеніе населенія по территоріи уѣзда. Число населенныхъ пунктовъ, ихъ величина и среднее разстояніе между ними. Густота населенія.

10. Доклады и отчеты очередному губ. зем. собранію сессіи 1888 г.

— Приложенія. Матеріалы для оц. земель херсон. губерніи. Тираспольскій уѣздъ. Выѣшняя обстановка жизни населенія. Наружный видъ поселеній, число и характеръ построекъ. Стоимость жилыхъ и холодныхъ помѣщеній. Населеніе, его прирость, половой, сословный и національный составъ. Занятія населенія. Отхожіе промыслы.

Смоленскій Вѣстникъ 56—113. 119. О пребываніи въ Смоленскѣ мало-русской труппы артистовъ.

Донская Рѣчь 82—121. 108. Кое что о приходящихъ на югъ Россіи рабочихъ.

110. Некрологъ свящ. И. Г. Новосадскаго, законоучителя усть-медвѣдичкой гимназіи, воспитавника кievской дух. академіи.

Орловскій Вѣстникъ № 60—152. 118. Въ отдѣлѣ „Письма и извѣстія“: „Изъ села Хатютова, болховскаго уѣзда“. Хатютово нѣкогда было городомъ маленькаго княжества изъ системы сѣверскихъ.

135. „Старинныя переселенія орловскихъ крестьянъ“,—статья, имѣющая отношеніе къ исторіи юга.

138. Въ отдѣлѣ „Письма и извѣстія“: Изъ Рославля о находкѣ антипнвса, подписаннаго митрополитомъ кievскимъ и галицкимъ Ювомъ Борецкимъ въ 1600 году.

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости 42—45 № 42. *Образованіе латинскаго и русскаго духовенства и такъ называемыя реколлеції въ Польшь незадолго до ея раздѣла (1751—1764). Свящ. Льва Паевскаго.*

43. *Священники при св. Владиміръ (изъ Тул. Еп. Вѣд.).*

Кубанскія Вѣдомости 23—43. № 23—30. П. Короленко. Путевыя замѣтки о поѣздкѣ по закубанскому краю въ 1866 г.

32. Празднованіе въ Анапѣ 900-лѣтія крещенія Руси.

31. 33, 34, 36, 37, 39. Путевыя замѣтки. Учителя К. Живило.

33. Празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси въ Екатеринодарѣ.

41. Пребываніе Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Екатеринодарѣ.

42. Объ открытіи въ Екатеринодарѣ приготовительной школы кадетскихъ корпусовъ.

43. Празднованіе 25-лѣтія Маріинскаго училища.

— Обзоръ кубанской области зп 1887 годъ.

Червоная Русь 119—28. 120—123. *Уніатскіи церковныи синоды*

120. *Изъ Золочева.* Празднованіе 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси.

123—125. *Роздѣль Галичины.*

125, 125. *Нѣсколько словъ о русской книжцѣ для дополнительной науки.* О. В. Сверщска.

Рецензія на изданіе д—ра Э. Калужняцкаго: *Monumenta linguae palaeoslovenicae*.

126. Замѣтка о бібліотекѣ «Народнаго Дома».

127. Некрологъ извѣстнаго галицкаго политическаго и общественнаго дѣятеля и писателя, священника Стефана Качалы, скончавшагося въ октябрѣ сего года.

127, 128. *Отчетъ о дѣятельности «Академическаго Кружка».*

128. *Изъ недавней бывальщины.* З...е. Изъ жизни львовской духовной семинаріи въ 70-хъ гг.

Сибирскій Вѣстникъ 46—71. 51. *Профессора томскаго университета.* Краткая біографія съ перечисленіемъ научныхъ трудовъ В. В. Рейнгарда—воспитанника З харьковской гимназіи.

53, 56, 66. *Передовыя статьи* по переселенческому вопросу.

59 *Сельднія объ университетѣ.* Краткая біографія инсп. студ. томскаго у—та А. С. Еленева—воспитанника кiev. дух. академіи.

II. Книги, вышедшія съ конца 1887 г., касающіяся ю. Россіи.

Archivum ksiąg Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie, wydane przez Radziwińskiego i Gorczaka, томъ II, 1284—1506. Львовъ. 1888 г.

Breza—Wykopaliska w Kuźmińcyku (на Вольни). Краковъ 1888.

Веселовскій А. Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ (отт. изъ «Кievской Стар.») Кievъ, 8 д., 20 стр.

Вперед! Збірникъ поезій. Зібрав и видав Кирило Трильовскій. Выпуск I. Черновцы. 1888. 16° стр. 64.

Geschichte des allmählichen Verfalls der unierten ruthenischen Kirche im XVIII und XIX Jahrhundert unter polnischem und russischem Scepter, nach der Quellen bearbeitet Lic. und Prof. Ed. Likowski. Ins Deutsche übertragen von Ap. Tłoczynski, Domvicar. 2. Bd. Das XIX Jahrhundert. Posen. 1887. Ialowicz. 8° VII, 339 S. M. 5.

Dalman. Jüdisch—deutsche Volkslieder aus Galizien und Russland. Лейпцигъ 1888.

Die Heimath der Szlachcicen zwanglose Federzeichnungen eines Galizianers. Leipzig 1888.

Elk I. Die judischen Kolonien in Russland. Kulturhistorische Studie und Beitrag zur Geschichte der Iuden in Russland. Francfort ur le Mein 1887. I. Kaufmann. 8°, VIII et 219 p. p.

Записки Императ. русск. географич. общества по отдѣленію этнографіи. Т. XIII, вып. 2-ой, Гомельскія народныя пѣсни (бѣлорусскія и малорусскія). Записаны въ Дятловецкой волости. *З. Радченко.* Спб., 8 д., II+I+XLIII+265 стр.

Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, wydawany staraniem komisji antropologicznej akademji umiejętności w Krakowie—томъ XII. Краковъ 1888.

З. С. Михайло зъ Коростова, повистка для народа. Львовъ. 1888.

Плевичъ Юл. Ив. О книгахъ грунтовыхъ и о эвиденціи кадастральной. Изд. общ. имени М. Качковскаго. Юнь 1888. ч. 151, 16° стр. 82.

Иллюстрированный календарь общ. имени М. Качковскаго на годъ 1889. Подъ ред. Б. А. Дѣдяцкаго. Львовъ 1888. 16° стр. LXXX+294.

Каманинъ И. Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебургскому праву. (Отг. изъ „Кіевской Старины“). Кіевъ, 8 д., 91 стр.

Крещеніе Руси. I. Повѣсть лѣтописца преп. Нестора. II. Короткій очеркъ первобытной исторіи русскаго народа и его крещенія, списанный Вл. Ө. Щавиньскій. Изд. общ. имени М. Качковскаго. Юль 1888. ч. 152. 16° стр. IX+Ā—Ī+24+58—87.

Ossowski. Materjały do paleoetnologji kurhanów Ukrainskich. 1888. Краковъ.

По поводу совершающагося празднества 900-лѣтія крещенія Руси. Москва, 8 д., 16 стр.

Поученіе въ 900-лѣтнюю годовщину крещенія Руси 15 іюля 1888 года. Спб. 8 д., 10 стр.

Reinhold v. Alex. Geschichte der russ. Litteratur von ihren Anfängen bis auf die neueste Zeit. Leipzig. 1887. 8°. XV и 848 p. 17 fr. 50 c.

Сокальскій И. И. Русская народная музыка, великорусская и малорусская, въ ея строеніи мелодическомъ и ритмическомъ и отличіе ея отъ основъ современной гармонической музыки. Харьковъ, 8 д., 2 неп. +7+VII+368+8 ст.

Solecka.—Хіаѣзъ Никола, з оровиаданія dyaczka.—Краковъ 1888.

Справоздане выдѣлу «Рускои Бурсы Тернопольскои» за рокъ администратійный 1888 г. Тернополь, 1888. 8° стр. 12.

Справоздане директора Ц. К. гимназіѣ академичнои у Львовѣ за рокъ школьный 1888. Ч. I Наукова Константина Лучаковскаго: Nestoris chronicon sarr. 26—40 in Romanorum sermonem conversa. Ч. II урядова. Львовъ, 1888. 8° стр. 33+48.

Статутъ «Институту поль покровомъ св. Николая», заложенного черезъ «Руске Товариство Педагогичне» у Львовѣ. 4° стр. 4.

Статутъ товариства «Бурса имени св. о. Николая» въ Перемышля. Перемышля, 1888. 8° стр. 15.

Руска исторична бібліотека подъ ред. Ом. Барвѣньскаго Т. X. Исторични монографіи Микола Бостомарова. Т. III. Богданъ Хмельницькій Т. II. Главы VII—XIV. Перекладъ М. Уманця. Тернополь, 1888.

Franzos—Halb-Asien—Land und Leute des östlichen Europa, томъ V и VI. Штутгартъ, 1888.

Ševčenko Taras. Pjesničke pripovjesti, preveo i uvodom popratio August Harambasič. Zagreb. Naklada Matice Horvatske. 1887. Переведены пьесы: Заčарена, Topola, Katarina, Služavka, Nevoljnik, Neofiti, Petrica, Hajdamaci.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Декабрь, 1888 г.

	СТР.
I. Г. П. Галаганъ. (Некрологъ). Ө. Мищенко.	1—22
II. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія. Схоластическая наука на южно-русской почвѣ во второй половинѣ XVII вѣка. П. Житецнаго.	401—416
III. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады великаго княжества литовскаго. V. (Окончаніе) С. А. Бершадскаго	417—458
IV. Фатальная вдова. П. К.	459—477
V. Половинщикъ. (Бытов. разск.) Ганны Барвинокъ.	478—492
VI. Тарасъ изъ Ворохты. (Пер. съ польск.). VII—XVI. К. М. (Окончаніе)	493—542
VII. Осада и взятіе Очакова (1788). А. Русова.	543—598
VIII. Критика. 1) Ив. Малышевскій. Варяги въ начальной исторіи христіанства въ Кіевѣ. Кіевъ. 1887 г. 2) Ө. Успенскій. Русь и Византія въ X вѣкѣ. Рѣчь, произнесенная 11-го мая 1888 года въ торжественномъ собраніи Одесскаго Славянскаго благотворительнаго Общества въ память 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси. Одесса. 1888 года. П. Голубовскаго. В. Поплавскій и А. Лященко. Повторительный курсъ Русской Исторіи (отъ Владиміра св. до Юанна IV). П. Голубовскаго. Прилукщина. Историческое и статистическое описаніе территоріи прилукскаго уѣзда полтавской губерніи. Въ 2-хъ частяхъ, съ картой уѣзда и съ планомъ города. Составилъ В. А. Маденко. Ө. Н. Д. И. Эварницкій. Сбор-	

- никъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ. **И. Ж. С. А. Венгеровъ** Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. **Г.** Еще объ украинскихъ народныхъ разсказахъ на французскомъ языкѣ. **П. К—аго.** Бѣлорусскій сборникъ. Сказки. Собралъ **Е. Р. Романовъ.** **Хр. Ящуржинскаго** . . . 61—82
- IX.** Документы, извѣстія и замѣтки. Пятидесятилѣтіе немировской гимназіи. **П. І.** Къ исторіи открытія немировской гимназіи. **В. Науменна.** Курскіе и орловскіе кудеяры. **Н. Добротворскаго.** Обезземеленные „вольные матросы“ въ г. Никополю херсонской губерніи. **Л. П.** Архіерейскій подарокъ. **А. Е.** Изъ прошлой жизни. **Л***.** Изъ области народныхъ преданій, повѣрій и разсказовъ. **Я. Новицкаго.** „Вояцка писня“. **Мирона.** Замѣтка объ альбомѣ украинскихъ древностей **И. А. Зарѣцкаго.** **Д. И. Багалѣя.** Замѣтка о старыхъ и новыхъ „коначахъ“. **И. А. Линниченна** 150—152
- X.** Для справокъ 150—152
- XI.** Библиографическій листокъ 33—62
- XII.** Объявленія 1—30
- Приложенія: 1) Портретъ **Г. П. Галагана** и его facsimile.
2) Наказы малор. депутатамъ 1767 г.
3) Словарь книжной малорусской рѣчи. (Окончаніе).

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXIII. Октябрь, Ноябрь и Декабрь 1888 г.

	СТР.
I. Первые четыре года ссылки Шевченка. Н. И. Стороженна	1—21
II. Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. Глава IV—V. Ив. Теличенка	22—68
III. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, членъ Рады великаго княжества литовскаго. II—V. С. А. Бершадскаго . 69—120, 235—265	417—458
IV. Слава Богу, для начала и это хорошо! Мирона . . .	121—148
V. Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства. I. Панъ—новѣтовый маршалъ. Л.	149—161
VI. Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. Александры Ефименно	162—182
VII. Графиня Е. М. Румянцева. И. Житецкаго	183—192
VIII. Архивы въ Галиціи. И. А. Линниченка	193—214
IX. Станиславъ Орѣховскій. Н. Ѳ. Сумцова	215—234
X. Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. Ѳадея Рыльскаго	266—306
XI. Матеріалы для исторіи гайдамачины съ предисловіемъ В. Б. Антоновича	307—325
XII. Тарасъ изъ Ворохты. (Пер. съ польск.) Н. М. 326—363,	493—542
XIII. Люди старой Малороссіи. Ал. Лазаревскаго	364—373
XIV. Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго. В. Науменка	374—394
XV. Богданъ Хмельницкій и неблагодарная исторія. Ив. Луговаго	395—400
XVI. Г. П. Галаганъ. (Некрологъ). Ѳ. Мищенка	1—22

- XVII. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія.
П. И. Житецнаго 401—416
- XVIII. Фатальная вдова. **П. К.** 459—477
- XIX. Половинщикъ. (Бытов. разск.). **Ганны Барвинокъ** . . 478—492
- XX. Осада и взятіе Очакова (1788). **А. Русова** 543—598
- XXI. Критика. Новые статистико-географическія данныя объ одесскомъ уѣздѣ. **И. Каманина**. Историко-статистическое описаніе города Мглина черниговской губерніи, въ связи съ церковно-археологическимъ обзоромъ священныхъ достопамятностей этого края (?) со времени первоначальнаго его заселенія. Съ приложеніемъ историческаго очерка мѣстечка Почепа. Съ гербомъ и 2-мя чертежами г. Мглина XVII—XVIII столѣтій. Составилъ **И. Токмаковъ**. Кіевъ. 1888. 8°. 119 стр. **А. Л. И. Каргопольцевъ**. Путеводитель по Днѣпру и его порогамъ. Екатеринославъ. 1888. **И. Ж.** Уѣзды Кіевскій и Радомыслскій. Статистическія и историческія замѣтки о всѣхъ населенныхъ мѣстностяхъ въ этихъ уѣздахъ и съ подробными картами ихъ. Собралъ **Лаврентій Похилевичъ**. Кіевъ. 1887. **И. К.** Сѣверо-западный календарь на 1888 годъ. Изданіе газеты „Минскій Листокъ“. Минскъ 1888 г. **М. Запольснаго**. Русская военная сила. Очеркъ развитія выдающихся военныхъ событій отъ начала Руси до нашихъ дней. Составлено обществомъ офицеровъ Генеральнаго Штаба въ Москвѣ. I—II. 141. Выпускъ I. Домонгольскій періодъ. М. 1888 г. **П. Голубовскаго**. Wlad. Lozinski, przekupien Lwowski w XVII wieku (Kwart. Histor. Zeszyt III, 1888). **И. Л. Цѣтуховъ**. Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII в. Исслѣдованіе съ прибавленіемъ „поученій“ Серапіона Владимірскаго по древнѣйшимъ ихъ спискамъ. **П. Голубовскаго**. **Д. И. Эварницкій**. Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа. Съ 55-ю рисунками и 7-ю планами. Двѣ части. **И. Житецнаго**. Волянь. Историческія судьбы юго-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ

И. Н. Батюшковымъ. И. Наманина. Н. Черневъ. За-
мѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ. **Н. Б.** Ге-
ографическій словарь древней Жомойтской (Жмуд-
ской) земли XVI столѣтія, сост. **И. Я. Спрогисъ.**
И. Наманина. Памятная книжка волынской губерніи
на 1888 г. Изданіе волынскаго губернскаго стати-
стическаго комитета. Составлена подъ ред. **И. Ф.**
А. С—ча. 1) **Ив. Малышевскій.** Варяги въ началь-
ной исторіи христіанства въ Кіевѣ. Кіевъ. 1887 г.
2) **Ө. Успенскій.** Русь и Византія X в. Рѣчь, про-
изнесенная 11-го мая 1888 г. въ торжественномъ
собраніи Одесскаго Славянскаго благодѣлительнаго
Общества въ память 900-лѣтняго юбилея крещенія
Руси. Одесса. 1888 г. **П. Голубовскаго В. Поплавскій**
и А. Лященко. Повторительный курсъ Русской Исто-
ріи (отъ Владиміра св. до Іоанна IV). **І. Голубовскаго.**
Прилукщина. Историческое и статистическое описа-
ніе территоріи прилукскаго уѣзда потавской губер-
ніи. Въ 2-хъ частяхъ, съ картой узда и съ пла-
номъ города. Составилъ **В—ъ А—чь Маценко.**
Ө. Н. Д. Эварницкій Сборникъ матеріаловъ для
исторіи запорожскихъ козаковъ. . **Ж. С. А.**
Венгеровъ. Критико-біографическій словарь рус-
скихъ писателей и ученыхъ. **Г. Іде** объ укра-
инскихъ народныхъ разсказахъ на французскомъ
языкѣ. **П. Н—аго.** Бѣлорусскій сборникъ. Сказки.
Собралъ **Е. Р. Романовъ. Хр. Ящуржискаго.** . . .

1—82

XXII. Документы, извѣстія и замѣтки. Замѣтка о старыхъ
рукописныхъ пѣсенникахъ. **Н. Янчук** Придворный
бандуристъ въ бѣгахъ. **В. Г.** Ученіи переяслав-
скихъ славяно-латинскихъ школъ въ 1744 г. **В. Г.**
Турецкое посольство въ 1793 г. **П. Ицигна.** Обра-
зованіе ланд-милиціи въ полтавской губерніи. Мо-
гильники въ урочищѣ Остроныа блѣ г. Заславля,
волынской губерніи. **Н. Бляшевскаго** Свѣдѣнія о
засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора Лѣ-
тописца за первую половину 1888 г. село Ивановка.
С. Р. Правила погарскаго благороднаго собранія. Пле-

мянница Потемкина. **В. Г. Гадація** накануне Андрея Первозванного (30-го ноября). **Хр. Яцуржинскаго.** Инструкція войсковому канцеляристу Григорію Губчицу, отправленному въ Санктпетербургъ за дѣлами малороссійскими. **А. Твердохлѣбова.** Къ біографіи Г. Н. Теплова **И. Каманина.** Пятидесятилѣтіе немировской гимназіи. **П. Т.** Къ исторіи открытія немировской гимназіи. **В. Науменна.** Курскіе и орловскіе кудеяры. **Н. Добротворскаго.** Обезземеленные „вольные матросы“ въ г. Никополѣ херсонской губерніи. **Л. П.** Архіерейскій подарокъ. **А. Е.** Изъ прошедшей жизни **Л***.** Изъ области народныхъ преданій, повѣрій и разсказовъ. „Вояцка пѣсня“. **Мирона.** Замятка объ альбомѣ украинскихъ древностей **И. А. Зарѣцкаго.** **Д. И. Багалѣя.** Замятка о старыхъ и новыхъ „копачахъ“. **И. А. Линниченна.** 1—152

XXIII. Для справокъ 45—50, 96—100, 150—152

XXIV. Библиографическій листокъ 1—14, 15—32, 33—62

XXV. Объявленія 1—30

Приложенія: 1) Портретъ проф. А. А. Котляревскаго.
 2) Портретъ Г. П. Галагана съ его facsimile.
 3) Наказы малор. депутатамъ 1767 г.
 4) Словарь книжной малорусской рѣчи.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1889 г. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 Г. — г. 1889.

НА ИЗДАВАЕМЫЕ

при с.-петербургской духовной академіи

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

И

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(СЪ ТОЛКОВАНІЯМИ НА ВѢТХІЙ ЗАВѢТЬ).

Поставивъ своей задачей носильное служеніе св. церкви и наукъ — преимущественно — богословской, редакція „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“ будетъ и въ слѣдующемъ 1889 году преслѣдовать эту задачу съ неослабной энергіей и настойчивостью. По прежнему питая убѣжденіе, что наше время требуетъ напряженія всѣхъ силъ церкви и науки для выясненія и устраненія затрудненій, создаваемыхъ для высокой миссіи той и другой невѣжествомъ однихъ и легкомысленнымъ невѣріемъ другихъ, редакція считаетъ долгомъ совѣсти вносить свою долю участія въ общія усилія представителей церкви и науки для защиты, общаго дѣла общими силами.

Размѣръ и характеръ принимаемаго редакціей участія въ служеніи общему дѣлу выражены въ программахъ академическихъ изданій. Программа „Церковнаго Вѣстника“ рассчитана преимущественно на потребности служителей церкви. Съ этою цѣлью въ нее вводится все то, что, по мнѣнію редакціи, можетъ содѣйствовать правильному пониманію и всестороннему удовлетворенію этихъ потребностей. Сложностью и разнообразіемъ этихъ потребностей равно какъ и способа удовлетворенія ихъ, объясняется обширность и разнообразіе программы. Въ нее входятъ: 1) передовыя статьи, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ вопросовъ; 2) мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ; 3) статьи и сообщенія, посвященныя изученію и частнѣйшей разработкѣ церковныхъ вопросовъ; 4) обзорнѣе духовныхъ журналовъ; 5) обзорнѣе свѣтскихъ журналовъ со стороны статей, представляющихъ церковный интересъ; 6) библиографическія замѣтки, или

обозрѣніе и оцѣнка вновь выходящихъ богословскихъ сочиненій; 7) корреспонденціи изъ епархій и изъ-за границы о выдающихся явленіяхъ мѣстной жизни; 8) „въ области церковно-приходской практики“ — отдѣлъ, въ которомъ редація даетъ разрѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ пастырской практики; 9) постановленія и распоряженія правительства; 10) лѣтопись церковной и общественной жизни въ Россіи, представляющая обзорѣніе всѣхъ важнѣйшихъ событій и движеній въ нашемъ отечествѣ, 11) лѣтопись церковной и общественной жизни за границей, со-общающая свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ и движеніяхъ за предѣлами нашего отечества; 12) разныя извѣстія и замѣтки, содержація разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ отдѣлахъ. Сверхъ того, въ числѣ объявленій будутъ печататься тиражныя таблицы всѣхъ процентныхъ бумагъ, въ которыхъ помѣщены церковныя капиталы.

Редація надѣется, что этой программой исчерпываются вполне всѣ существенныя потребности пастырскаго служенія. Если же, вопреки ожиданію, въ ней окажется какой-либо пробѣлъ, то редація проситъ почтенныхъ служителей церкви указать оный, чтобы она могла принять мѣры къ его восполненію.

Программа „Христіанскаго Чтенія“ столь же обширна, но выполняется преимущественно въ интересѣ труженниковъ науки; при чемъ однакожь не упускаются изъ виду и потребности не только служителей церкви, но и простыхъ вѣрующихъ. Для удовлетворенія этихъ потребностей помѣщаются въ „Христіанскомъ Чтеніи“ оригинальныя и переводныя статьи преимущественно апологетическаго и назидательнаго содержанія, въ которыхъ съ серьезностью научной постановки дѣла соединяется общедоступность изложенія. Въ частности въ „Христіанскомъ Чтеніи“ будутъ по прежнему печататься толкованія на разныя книги Ветхаго Заветъа (въ 1889 г. будетъ продолжаться печатаніе толкованій на Псалтирь и книгу пророка Ісаіи), а также неизданные письменные памятники минувшей жизни отечественной церкви и матеріалы для біографіи ея замѣчательнѣйшихъ представителей въ дѣтеляхъ.

Въ цѣломъ программы обоихъ академическихъ изданій дополняютъ одна другую, содѣйствуя съ одной стороны служителямъ церкви въ дѣлѣ ихъ многосложнаго и многотруднаго пастырскаго служенія, съ другой труженникамъ науки въ ихъ изслѣдованіяхъ и разысканіяхъ въ безпредѣльной области знанія, и въ то же время популяризируя результаты общихъ работъ на общую пользу и пастырей и пасомыхъ.

„Церк. Вѣстн.“ и „Христ. Чт.“ съ „Толкованіями“ составятъ въ годъ около двухсотъ пятидесяти пяти (255) печатныхъ листовъ („Церк. Вѣстн.“ до 140 л. и „Христ. Чтен.“ до 115 л.),

Условія подписки.—Годовая цѣна въ Россіи: за оба журнала 7 р. (семь) съ пересылкою; отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“ 5 р. (пять), за „Христіанское Чтеніе“ съ „Толкованіями“ 5 р. (пять). Заграницей для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала 9 р. (девять), за каждый отдѣльно 7 р. (семь) съ перес. Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: „Въ Редацію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“, въ С.-Петербургѣ“. Подписывающіеся въ Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Невскій проспектъ, л. № 182,

кварт. № 12), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 к. за мѣсто, занимаемое 1 строкой пети-та за объявленіе болѣе 1 раза и 15 кон.—за 1 разъ) и [для разсылки при „Церк. Вѣстн.“ (по 3 р. за тысячу въ пользу редакціи, а для уплаты въ почтамтъ смотря по вѣсу объявленія, согласно почтовымъ правиламъ).

Примѣчанія:

1) Всѣ статьи и сообщенія для помѣщенія въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ должны быть доставляемы или высылаемы въ редакцію непременно съ адресомъ автора. Статьи, доставляемыя безъ означенія гонорара за нихъ, признаются бесплатными. За слова и поученія редакціи не платитъ никакого гонорара.

2) Статьи и сообщенія, признанныя редакціей неудобными къ напечатанію, сохраняются въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ редакціи для возвращенія по личному востребованію; возвращенія же ихъ по почтѣ редакція на себя не принимаетъ.

3) Авторы, желающіе, чтобы объ ихъ сочиненіяхъ своевременно помѣщенъ былъ отзывъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, благоволятъ присылать въ редакцію свои сочиненія немедленно по выходѣ въ свѣтъ.

№ 1. 2—2

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

въ 1889 году.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

Согласно съ утвержденною программой, ежемѣсячный журналъ „Юридическій Вѣстникъ“ помѣщаетъ на своихъ страницахъ изслѣдованія по вопросамъ, относящимся къ разнымъ частямъ права, критику и библиографію замѣчательнѣйшихъ юридическихъ сочиненій какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, разныя извѣстія, замѣтки и корреспонденціи и проч.—Кругъ предметовъ правовѣднѣя журналъ понимаетъ въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ этотъ послѣдній установленъ на юридическихъ факультетахъ нашихъ университетовъ.

Журналъ издается подъ редакціей *С. А. Муромцева* и *В. М. Пржевальскаго*, при ближайшемъ участіи въ редакціи *Н. А. Каблукова*.

Цѣна ВОСЕМЬ р. съ пересылкою и доставкою, безъ доставки СЕМЬ р.

Подписка принимается.

Въ Москвѣ: въ главной конторѣ журнала, Петровскія торговыя линіи, контора *Н. Н. Печковской*, и въ книжномъ магазинѣ: *И. П. Анисимова*, на Никольской улицѣ.

Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ *И. П. Анисимова*, рядомъ съ Императорскою Публичною Библиотекою.

Въ Одессѣ: у *В. В. Скидана*, Греческая улица, д. № 9, кв. № 8. Редакція журнала помѣщается въ Скатертномъ переулкѣ, въ домѣ Муромцевой.

За переѣну адреса гг. подписчики благоволят присылать деньгами или марками *сорокъ* коп.

Экземпляры журнала за 1880—1888 годы высылаются по 8 руб.; отдѣльными книжки по 1 руб. Лица, выписывающіе журналъ сразу за три года и болѣе, благоволят высылать по расчету шести руб. за годъ. № 2. 2—2.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА

(ИЗДАЮЩАЯСЯ СЪ 1875 ГОДА).

Единственная въ Россіи политико-литературная иллюстрированная газета, послѣ приостановки ея издавія, по распоряженію г. Министра Внутр. Д., на 8 мѣсяцевъ, выходитъ съ 1 октября 1888 г. въ объемѣ 2-хъ—3-хъ листовъ въ недѣлю.— Въ видѣ бесплатныхъ приложений къ „Газетѣ“ годовые подписчики получаютъ: 1) **парижскія моды** съ рисунками и лучшими парижскими выкройками; 2) **переводные романы и повѣсти** 6 книгъ въ годъ.

Преміи годовымъ подписчикамъ: *Крестный календарь на 1889 годъ* и 6-й выпускъ иллюстрированныхъ *драмъ Шекспира: „Сонъ въ лѣтнюю ночь“*, перев. С. Юрѣва.

Условія подписки на 1889 г.: безъ дост. на годъ 4 р., съ дост. и перес. 5 р., на полгода (съ 1 января и іюля) 3 руб., на $\frac{1}{4}$ года—1 руб. 60 к. 1 мѣсяць 60 к. Заграницу—на годъ 7 руб., на полгода 3 руб. 50 коп.

Разсрочка годовой платы допускается для казенныхъ учреждений, училищъ и волостей по четвертямъ года именно: при подпискѣ вносится 2 р., въ слѣдующія четверти по 1 р. Учителя же всѣхъ училищъ, при вносѣ единовременно за годъ, или при полугодовой разсрочкѣ, платятъ, вмѣсто 5 р., 4 р. 50 к. (по полугодьямъ— по 2 р. 25 к.).

Подписная цѣна на 3 м. 1888 г.—съ 1-го октября по январь 1889 г.—1 р. 60 к.

Подписка принимается: въ Москвѣ въ Главной конторѣ редакціи и въ лучшихъ магазинахъ.

За прежніе года, съ 1875 года, Газету можно получать по 3 р. за томъ (годъ), безъ пересылки, кромѣ 1880 г., не имѣющагося уже въ продажѣ.

Адресъ: Москва, Никитскій бульв., д. Гатцука.

№ 3. 2—2.

Редакторъ А. Гатцукъ.

1889 ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ 1889. ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ВЪ теченіе года выдаетъ подписчикамъ:

ПЯТЬДЕСЯТЬ ДВА НУМЕРА, выходящихъ еженедѣльно, по воскресеньямъ, состоящихъ изъ 2—3 листовъ, большаго формата, отпечатанныхъ на роскошной веленовой бумагѣ съ 7—10 рисунками большаго альбомнаго размѣра.

КРОМѢ ТОГО ГОД. ПОДП. ПОЛУЧАТЬ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПРИЛОЖЕНІЙ КЪ ЖУРНАЛУ:

I. *Двадцать* книгъ „Романовъ и повѣстей“ (съ иллюстраціями), выходящихъ ежемѣсячно, отъ 10 и 15 лист. (въ форматѣ изящныхъ заграничныхъ изда

ній), въ видѣ самостоятельнаго ежемѣсячнаго литературнаго журнала, и состав- ляющихъ собою въ концѣ года бібліотеку новѣйшихъ литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей, стоящую въ отдѣльной продажѣ вдвое больше подписной суммы журнала.

II. *Девятнадцать номеровъ новѣйшихъ „Парижскихъ модъ“*, выходящихъ ежемѣсячно, въ видѣ спеціальнаго моднаго журнала. Завѣдываніе этимъ стѣбломъ поручено опытному спеціалисту; описаніе модныхъ новостей составляетъ по лучшимъ французскимъ источникамъ и моделямъ, доставляемымъ первоклассными парижскими торговыми фирмами и модными ателье. Въ каждомъ номерѣ отведено мѣсто для статей по домашнему хозяйству, гигиенѣ, кухнѣ и пр.

III. *Двадцать образцовыхъ дамскихъ работъ*, въ составѣ которыхъ входятъ: а) выкройки въ натуральную величину различныхъ костюмовъ и бѣлья для дамъ и дѣтей, отличающіяся новизною, изяществомъ и практичностью. б) Рисунки для вышивокъ суташью, шерстями, шелкомъ и бисеромъ по канвѣ, сукну, бархату и пр. в) Рисунки для вышивокъ гладью, англійскимъ швомъ и пр. по полотну, батисту и т. п. г) Образцы различныхъ вязаній крючкомъ, на спицахъ и пр. д) Образцы и рисунки для русского шва (крестиками), отпечатанные въ нѣсколько красокъ. е) Образцы и рисунки различныхъ новоизобрѣтаемыхъ изящныхъ дамскихъ рукодѣлій. ж) Образцы для вышивокъ по филе. з) Буквы и монограммы для мѣтки бѣлья, начиная отъ самыхъ простыхъ до самыхъ изящныхъ и Образцы оригинальные рисунки для вышпичныхъ работъ въ разныхъ стиляхъ и пр.

IV. *Десять большихъ гравюръ-копій* съ картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, отпечатанныя въ два тона, на эстампной роскошной бумагѣ, будутъ по прежнему прилагаться при номерахъ журнала отдѣльными листами и составить въ концѣ года самостоятельный альбомъ.

V. *Стѣнной календарь* въ роскошномъ орнаментѣ древняго русскаго стиля, отпечатанный золотомъ и въ пять красокъ.

Новыя цѣнныя и художественныя приложенія **ЧЕТЫРЕ АКВА- РЕЛЬНЫЯ КАРТИНЫ** съ оригиналовъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ-акварелистовъ.

Въ премію: на выборъ одна изъ четырехъ картинъ или „Альбомъ“.

Главная премія—большая эффектная художественно-исполненная олеографія съ картины, написанной въ палданъ (pendant) уже выданной нами преміи за 1887 г.—„Восфоръ“, тѣмъ же знаменитымъ пейзажистомъ берлинской акад. худож.—проф. А. Ригеромъ.

1) „ПРЕДЪ КОНСТАНТИНОПОЛЕМЪ“

Картина изображаетъ роскошный восточный пейзажъ на берегу Чернаго моря. Въ перспективѣ видѣется Константинополь, со своими причудливыми мечетями, минаретами и другими постройками, а также отдаленными горами, рисующимися на голубомъ небѣ. Интересное историческое прошлое Константинополя и та роль, которую онъ играетъ нынѣ, полны важнаго міроваго значенія. Поэтому-

сюжетъ этой картины является какъ нельзя болѣе кстати, въ особенности для насъ русскихъ. Размѣръ картины, какъ „БОСФОРЪ“ (длина полтора арш., высота одинъ арш. и одинъ верш.).

2) „ІОАННЪ III РАЗРЫВАЕТЪ ХАНСКУЮ ГРАМОТУ“

Съ картины художника С. И. Верещагина (размѣръ картины: длина 19 вершковъ, высота 14 вершковъ).

Важный историческій моментъ, который изображаетъ картина, яркіе костюмы, вѣрныя данной эпохѣ, удачная группировка лицъ и художественное освѣщеніе дѣлаютъ эту картину очень интересною.

3) „БОСФОРЪ ПРИ ЛУННОМЪ СВѢТѢ“, проф. А. Рягера. 4) „ЗАКАТЪ СОЛНЦА ВЪ ЗИМНІЙ ДЕНЬ“, худ. А. Шильдера. ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ:

„Сорокъ картинъ изъ русской исторіи“

съ подробнымъ описаніемъ содержанія каждой картины.

Въ числѣ сорока картинъ этого альбома есть концы съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ исторической живописи, какъ напр.: гг. Рѣпина, Неврева, Шварца, Маковского, Венига, Клодта, Земцова, Лебедева, Литовченко, Топоркова, Наумова, Савинскаго, Верещагина, Сѣдова, Творожниковъ и друг. Эти картины Альбома отпечатаны на эстампной бумагѣ и вложены въ крѣпкую папочную изящную обертку. Это изданіе можетъ служить интереснымъ книжкомъ для гостившихъ и пособіемъ при изученіи русской старины.

Гг. годовые подписчики, желающіе получить вышеозначенныя художественныя „Картинны“ или „Альбомъ“ уплачиваютъ одинъ рубль за экземпляръ (съ пересылкою).

Всѣ предлагаемыя въ премію картины высылаются немедленно по подпискѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ перес.: 8 р.—Безъ доставки въ Спб.: 6 р. 60 к.—За границу 14 р. съ преміей 16 р. Въ Москвѣ (безъ дост.) 7 р. Книжный магазинъ Палкова, Тверская, Чернышевскій пер., д. Полякова.

Разсрочка допускается, но исключительно чрезъ главную контору

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій Проспектъ, у Аничкина моста, д. № 68—40.

№ 4. 2 - 3.

1889 г. ИЗДАНИЕ СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1812 ГОДА. 1889 г.

Ежедневная политическая, ученая и литературная газета (безъ предвар. цензуры)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА Съ еженедѣльными и ежемѣсячными иллюстрированными приложеніями.

Газета съ переходомъ къ новому издателю и при новомъ составѣ редакціи дополнена новыми отдѣлами и увеличена въ форматѣ до размѣра большихъ столичныхъ газетъ (безъ повышенія подписной платы)

и по своей обширной программѣ, всесторонней разработкѣ современныхъ вопросовъ, возникающихъ въ области политики, науки, внутренней и заграничной жизни, а также своевременному сообщенію всѣхъ выдающихся новостей дня, можетъ вполне замѣнить собою дорогую по подписной цѣнѣ газету и еженедѣльный журналъ.

Кромѣ ежедневныхъ №№ газеты годовой подписчикъ получаетъ:

1) По воскресеньямъ, отпечатанный на велееновой и глазированной бумагѣ нумеръ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала, въ который входятъ: эпизоды изъ исторіи Русскаго государства, историческіе и современные романы, повѣсти и рассказы (оригинальные и переводные). Болѣе 300 рисунковъ, а именно: Портреты историческихъ и современныхъ общественныхъ дѣятелей; историческія, бытовые и современные иллюстраціи, преимущественно изъ русской жизни, шахматныя и шахматныя задачи, карикатуры и проч.

(Пятьдесятъ два нумера въ годъ).

Въ 1889 г. отдѣльные листы „Романовъ“, въ виду частыхъ потерь на почтѣ, разсылаются по понедѣльникамъ не будутъ, а потому въ теченіе года годовымъ подписчикамъ будутъ выданы выпусками сброшюрованные и въ обертокѣ

2) Шестъ книгъ новыхъ большихъ романовъ. Каждая книжка будетъ заключать одно вполне законченное литературное произведеніе, изъ коихъ два будутъ историческія.

3) СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ, отпечатанный въ три краски (разсылается при первомъ номерѣ).

4) „МОДЫ и РУКОДѢЛЬЯ“ (дѣнадцать номеровъ), приспособленныя къ домашнему производству съ приложеніемъ образцовъ изящныхъ дамскихъ рукодѣлій: вышивокъ, вязаній, а также и вышивочныхъ работъ.

Годовые подписчики, выславшіе сполна подписную сумму, имѣютъ право получить одну изъ четырехъ картинъ или альбомъ „Сорокъ картинъ изъ русской исторіи“.

5) Олеографическая картина, отпечатанная въ 20 красокъ на эстампной бумагѣ съ лакировкой и рельефомъ

„ЮАННЪ III РАЗРЫВАЕТЪ ХАНСКУЮ ГРАМОТУ“

Съ картины художника С. И. Верещагина (размѣръ картины: длина 1 арш. 3 вершка, высота 14 вершк.).

Важный историческій моментъ изъ жизни Русскаго государства, который изображаетъ картина, роскошная обстановка палаты, яркіе костюмы, вѣрные данной эпохѣ, удачная группировка лицъ и художественное освѣщеніе, дѣлаютъ картину очень интересною. Оригиналъ картины составляетъ собственность издателя.

6) Прекрасное и полезное настольное украшеніе каждой гостиной, въ видѣ большаго изящнаго Альбома, содержащаго „сорокъ картинъ изъ русской исторіи“ съ подробнымъ описаніемъ содержанія каждой картины.

Въ числѣ сорока картинъ этого „Альбома“ есть копіи съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ исторической живописи, какъ наприм.: гг. Рѣпина, Неврева, Шварца, Маковского, Венига, Клодта, Земцова, Лебедева, Литовченко, Топоркова, Наумова, Савинскаго, Верещагина, Сѣдова, Творожникова и друг. Картины Альбома отпечатаны на эстампной бумагѣ и вложены въ крѣпкую папочную изящную обертку.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ежедневной газеты „Смыслъ Отечества“ съ еженедѣльными, ежемѣсячными иллюстрированными Приложеніями и шестью книгами „Романовъ“ безъ „Олеографической картины“ и Альбома“):

Съ пересылкою: На годъ 8 р. — На полгода 4 р. — За границу 14 руб.

Гг. Годовые подписчики, желающие получить вышеозначенныя художественныя приложенія—„Картину“ или „Альбомъ“, благоволятъ выслать одинъ рубль за каждый экземпляръ (съ пересылкою).

Вмѣсто вышепредлагаемыхъ приложеній гг. подписчики могутъ получать и прежнія картины: 1) „Крещеніе Кіевлянъ при кн. Владимірѣ“ В. Думитрашко. 2) „Смерть Ивана Сусанина“ (2-е изданіе) и 3) „Проводы новобранца на службу“ Рѣпина (оригиналь этой картины составляетъ собственность Е. И. В. Великаго Князя Владимира Александровича) съ уплатою по 80 коп. за экземпляръ, а неподписчики по 2 руб. за экземпляръ (съ пересылкою).

Разсрочка допускается, но исключительно чрезъ Главную Контору (Спб. Невскій просп., д. 68—40).

За редактора *М. Куплетскій*. Издатель *С. Добродневъ*.

№ 5. 2—3.

1889 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на ГАЗЕТУ 1889 г.

„КУРСКІЙ ЛИСТОКЪ“

(11-й годъ изданія).

Выходитъ по Вторникамъ, Четвергамъ и Субботамъ.

ПРОГРАММА: I. Статья по вопросамъ общественной жизни мѣстнаго и общаго значенія. II. Фельетоны. III. Хроника мѣстной жизни. IV. Вѣсти изъ уѣздовъ Курской губерніи и изъ сосѣднихъ губерній. V. Городское самоуправленіе. VI. Земство. VII. Обзоръ газетъ и журналовъ. VIII. Внутреннія извѣстія. IX. Судебная хроника. X. Правительственныя распоряженія и служебный отдѣлъ. XI. Иностранныя извѣстія. XII. Торговныя свѣдѣнія. XIII. Справочный отдѣлъ. XIV. Смѣсь. XV. Всѣ прочія газетныя свѣдѣнія.

Условія подписки:

Безъ доставки для городскихъ подписчиковъ: на 12 мѣс. 4 руб., 9 мѣс. 3 руб. 25 коп., 6 мѣс. 2 руб. 50 коп., 3 мѣс. 1 руб. 50 коп., 2 мѣс. 1 руб. 25 коп., 1 мѣс. 75 коп. Съ доставк. на домъ цѣна та же, что для иногороднихъ подписчиковъ: на 12 мѣс. 5 руб., 9 мѣс. 4 руб. 25 коп., 6 мѣс. 3 руб., 3 мѣс. 2 руб., 2 мѣс. 1 руб. 50 коп., 1 мѣс. 1 руб.

Объявленія принимаются съ платою за первый разъ 10 коп., а затѣмъ по 7 коп. отъ печатной строки. За объявленія на первой страницѣ и за „стороннія сообщенія“—двое.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ Курскѣ, Можаяевская ул., д. Фесенко, и въ книжныхъ магазинахъ г. Курска.

№ 6. 2—3.

Открыта подписка
НА ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА

„РОДНИКЪ“

изданія 1889 г. (VIII годъ).

Въ 1889 г. „РОДНИКЪ“ будетъ выходить ежемѣсячно, книжками увеличеннаго объема: не менѣе 7 печатныхъ листовъ каждая, со многими картинками. Характеръ журнала и направленіе останутся тѣже, что и въ минувшія семь лѣтъ.

„Родникъ“ рекомендованъ и одобренъ и учебными Комитетами Мин. Напр. Просв., Святѣйшаго Синода и Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

Вмѣстѣ съ „Родникомъ“ можно получать ежемѣсячный педагогическій листокъ

„ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ“

посвященный главнымъ образомъ разработкѣ вопросовъ дѣтскаго чтенія и критикѣ учебниковъ, учебныхъ пособій и книгъ для дѣтей и для народа.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1889 Г.:

„РОДНИКЪ“ съ листкомъ „Воспитаніе и Обученіе“ на годъ, съ доставкой и пересылкой	6 р.
„РОДНИКЪ“ безъ листка „Воспитаніе и Обученіе“ на годъ, съ доставкой и пересылкой	5 р.
За границу, на годъ	8 р.
Отдѣльно: листокъ „Воспитанія и Обученіе“ на годъ съ доставкой и пересылкою	2 р.

Адресъ редакція: С.-Петербургъ, уг. Знаменской и Баскова пер., д. № 14—24.

Редакторъ-издательница *Е. Сысоева.*

Редакторъ *Алексій Альмединъ.*

№ 7. 2—3.

Въ 1889 году при Кіевской Духовной Академіи будутъ издаваться по прежде утвержденной программѣ:

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ“, журналъ научнаго содержанія и характера.

Въ немъ будутъ помѣщаться научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательнымъ, по изложенію доступнымъ большинству читателей.

При журналѣ будутъ помѣщаться переводы твореній

блаженнаго Іеронима и блаж. Августина,

которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія, подъ общимъ названіемъ:

„Библіотена твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ“.

Указомъ Св. Синода отъ 2/12 февраля 1894 г. подписка какъ на журналъ „Труды Кіевской Дух. Академіи“, такъ и на „Библіотеку твореній св. отцовъ и учителей ц. западныхъ“ рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, кафедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ будутъ выходить ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 листовъ.

Цѣна за годъ съ пересылкою „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“—7 р.

Адресъ: въ Редакцію Трудовъ, при Кіевской Духовной Академіи, въ Кіевѣ,

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, 2) Игн. Л. Тузова—въ С.-Петербургѣ, 3) А. Н. Фарантова—въ Москвѣ, 4) Е. П. Раслопова, въ Одессѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное Чтеніе“ за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи: 1837—1871 гг. Цѣна 2 руб. 60 коп. за годъ съ пересылкою. В. Чтеніе за 1879—1883 гг. по 4 р. за экземпляръ съ пересылкою.

Епарх. Вѣдомости за 1880, 1881 и 1882 гг. (въ сброшюрованномъ видѣ) по 3 руб. 50 коп., а за 1883, 1884, 1885 и 1886 г. по 4 руб. за экземпляръ съ пересылкою.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ продаются по уменьшенной цѣнѣ: 1860—1866, 1868 гг. по 2 руб. 60 коп.; за 1869—1873 гг. по 4 руб.; за 1874—1878 гг. по 5 руб. съ пересылкою, за 1879—1882 гг. по 6 руб., за 1883—1888 гг. по 7 руб. съ пересылкою. Экземпляры „Трудовъ“ за 1884 г. всѣ распроданы.

Мѣсячныя книжки „Трудовъ“ 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 коп съ пересылкою 75 коп.

№ 8. 2—2.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ

въ 1889 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Въ Варшавѣ:		Съ пересылкою:	
На годъ	9 руб. 60 коп.	На годъ	12 руб. — коп.
„ полгода	4 „ 80 „	„ полгода	6 „ — „
„ три мѣсяца	2 „ 40 „	„ три мѣсяца	3 „ — „
„ мѣсяць	— „ 80 „	„ мѣсяць	1 „ — „

За границу (подъ бандеролью), на годъ—15 руб. (20 гульд. или 40 франковъ), полгода—7 руб. 50 коп. (10 гульд., 20 франк.), три мѣсяца—3 руб. 75 коп. (5 гульд., 10 франковъ), мѣсяць 1 руб. 25 коп.

Для уѣздныхъ и гминныхъ управленій, магистратовъ и гминныхъ судей по 10 руб., а для лицъ православнаго духовенства и начальныхъ учителей по 8 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Варшава, Медевая, № 20), а также въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова, въ С.-Петербургѣ, Литейный пр., № 48-й; въ Москвѣ, Моховая, д. Коха и въ Варшавѣ, Новый-Свѣтъ, № 65.

„Варшавскій Дневникъ“ выходитъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Въ случаѣ важныхъ событій въ политической жизни редакція старается выпускать номера и по праздничнымъ днямъ.

Задача „Варшавскаго Дневника“ быть выразителемъ интересовъ населенія этой окраины Русскаго Государства и слѣдить за вопросами, имѣющими общерусское значеніе. Газета ставитъ себѣ цѣлью наблюдать за развитіемъ политической, общественной и литературной жизни всего славянства и имѣть корреспондентовъ въ различныхъ славянскихъ земляхъ.

Варшава. Редакторъ-издатель П. А. Кулаковскій. № 9. 2—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на прежнихъ условіяхъ

НА ЛИТЕРАТУРНУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ТОРГОВУЮ

ГАЗЕТУ

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1889 ГОДУ

съ доставкой на годъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города:

на годъ семь рублей,

одинадцать мѣс. 6 р. 50 к., десять мѣс. 6 р., девять мѣс. 5 р. 50 к., восемь мѣс. 5 р., семь мѣс. 4 р. 50 к., шесть мѣс. 4 р., пять мѣс. 3 р. 50 к., четыре мѣс. 3 р., три мѣс. 2 р. 40 к., два мѣс. 1 р. 70 к. одинъ мѣсяць 90 коп., полмѣсяца 50 коп.

Разсрочка допускается—если уплачивается при подпискѣ треть платы на всѣ сроки, исключая четырехъ послѣднихъ: на 3 мѣс., 2 мѣс., 1 мѣс. и 1/2 мѣс.; на эти сроки разсрочка не принимается. Остальные двѣ трети должны быть внесены также по третямъ каждаго срока.

Подписка также принимается, и на тѣ-же сроки, и съ каждаго числа текущаго мѣсяца, но при этомъ въ подписной цѣнѣ срока приплачивается за первый мѣсяць 15 к. почтовыхъ. При переимѣннѣ адреса—25 к. Копійки могутъ высылаться почтовыми и гербовыми марками.

Газета будетъ издаваться семнадцатый годъ и выходить полными листами во всѣ четныя числа мѣсяца, не исключая праздниковъ и послѣпраздничныхъ дней, ежедневными при-
бавленіями.

Въ газетѣ печатаются обстоятельныя торговля свѣдѣнія орловскаго, елецкаго и другихъ ближайшихъ къ Орлу рынковъ и мѣстностей.

Контора редакціи и типографіи въ г. Орлѣ, на Зинovieвской ул., д. № 2.

Отдѣленіе конторы при библиотекѣ и книжномъ магазинѣ „Орловскаго Вѣстника“, на Болховской ул., д. 17. № 10. 2—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1889 ГОДЪ

на ежемѣсячное литературно-политическое изданіе

„РУССКАЯ МЫСЛЬ.“

X годъ изд. УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ на 1889 годъ. изд. годъ X

Съ доставкою и перес. во всѣ мѣста Россіи на годъ 12 р., 6 м. 6 р., 3 м. 3 руб.;
За границу на годъ 14 р., 6 м. 7 р., 3 м. 3 р. 50 к.

Отдѣльныя книги продаются по 1 руб. 25 коп. съ пересылкою.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, въ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 рубля.

Студенты, слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ и воспитанники старшаго класса среднихъ учебныхъ заведеній могутъ получать журналъ безъ доставки въ Москвѣ и Петербургѣ за 10 руб., при чемъ допускается разсрочка: при подпискѣ 3 рубля и затѣмъ, съ 1 апрѣля, ежемѣсячно по 1 рублю.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ cadaго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

Журналъ выходитъ подъ тою же редакціей, при томъ же составѣ сотрудниковъ и въ прежнемъ объемѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ конторѣ журнала: Москва, Леонтьевскій пер., 21.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на большую ежедневную полит., литературную и общественную газету,
 ВЫХОДЯЩУЮ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ,

„МИНУТА“

1889 — ГОДЪ ИЗДАНІЯ ДЕВЯТЫЙ. — 1889.

Газета „Минута“ съ переходомъ къ новому издателю и при новомъ составѣ редакціи совершенно реформирована, при чемъ съ 1-го января 1889 года будутъ введены новыя отдѣлы, а нѣкоторые значительно пополнены.

Кромѣ того въ 1889 году всѣ отдѣлы, посвященные городской жизни, будутъ значительно увеличены и въ общемъ газета „Минута“ дастъ своимъ читателямъ массу всевозможныхъ извѣстій и разнаго интереснаго литературнаго матеріала для чтенія.

Въ портфель редакціи для будущаго года имѣется нѣсколько оригинальныхъ романовъ изъ современной столичной жизни, захватывающей собою событія послѣднихъ дней.

Вообще газета „Минута“, по своему разнообразію и своевременному сообщенію всѣхъ выдающихся новостей, даетъ полную возможность, за доступную плату, знать, по возможности, все, что совершается какъ въ нашей внутренней жизни, такъ и за границею.

Подписная цѣна остается прежняя:

Безъ доставки: на годъ 6 руб. 50 коп. Съ перес. во всѣ гор. Россіи: на годъ 9 р.
 На 6 мѣсяцевъ 3 р. 75 коп. На 6 мѣсяцевъ 5 руб.
 Съ доставк. на домъ въ Спб.: на годъ 8 р. За границу: на годъ 17 рублей
 На 6 мѣсяцевъ 4 р. 75 к. На 6 мѣсяцевъ 9 руб.

Городскіе подписчики, живущіе за чертою города, согласно новому распоряженію почтамта, вносятъ подписную цѣну, какъ иногородніе.

Допускается разсрочка подписки для гг. служащихъ чрезъ ихъ казначеевъ, а другимъ по соглашенію съ Главною конторою—при равномѣрной уплатѣ годовой подписной цѣны за каждый мѣсяць впередъ.

Всѣ годовыя подписчики газеты „Минута“ имѣютъ право получить въ конторѣ газеты по пониженнымъ цѣнамъ слѣдующія художественныя большія олеографическія картины, отпечатанныя въ нѣсколько красокъ съ лакировкой и рельефомъ:

1) „Закатъ солнца въ зимній день“ съ картины А. Шиллера вмѣсто	3 р.	} по 1 р. съ пересылк. за экз.
2) „Смерть Ивана Сусанина“ (историч. жанръ) Н. Оболенскаго	„ 2 р.	
3) „Крещеніе Кіевлянъ при князѣ Владимірѣ“ В. Думитрашко.	„ 2 р.	
4) „Проводы новобранца на службу“ съ картины Рѣпина	„ 2 р.	

Кромѣ того подписчики газеты „Минута“ могутъ получать (стоящій 5 руб.) за одинъ руб. художественно-историческій альбомъ:

„Сорокъ картинъ изъ русской жизни“

съ подробнымъ описаніемъ содержанія каждой картины.

Въ числѣ сорока картинъ этого альбома есть копія съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ исторической живописи, какъ напр.: гг. Рѣпина, Неврева, Шварца, Маковского, Венига, Клодта, Земцова, Лебедева, Литовченко, Топоркова, Наумова, Савинскаго, Верещагина, Сѣдова, Творожникова и друг. Картины альбома отпечатаны на эстампной бумагѣ и вложены въ крѣпкую папочную изящную обертку.

Подобное изданіе, въ видѣ приложенія, возможно только при печатаніи его въ громадномъ количествѣ экземпляровъ и при обширныхъ техническихъ средствахъ коими располагаетъ редакція. Это изданіе можетъ служить какъ роскошнымъ и крайне интереснымъ кипецкомъ самой изысканной гостиниой, такъ и пособіемъ при изученіи русской старины.

Адресъ конторы: Спб., Невскій Проспектъ, у Аничкина моста, д. № 68—40.

№ 12. 1—3.

За редактора-издатель С. Добродѣевъ.

Самая распространенная на югѣ Россіи

большая политическая, литературная и коммерческая газета

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

будетъ выходить въ 1889 году ежедневно, не исключая понедѣльниковъ и послѣпраздничныхъ дней (350 №№ въ годъ), въ форматѣ самыхъ большихъ столичныхъ русскихъ и заграничныхъ изданій. Вслѣдствіе этого въ „Одесскомъ Листкѣ“ помѣщается гораздо больше матеріала, чѣмъ въ любой изъ провинціальныхъ газетъ.

Въ теченіе 15 лѣтней своей дѣятельности мы успѣли поставить „Одесскій Листокъ“ на одинъ уровень съ большими столичными изданіями не только по внѣшнему виду, но и по разнообразному содержанію. Особое вниманіе обращено нами на своевременность сообщеній о всѣхъ выдающихся событіяхъ и явленіяхъ какъ русской, такъ и заграничной общественной жизни. Группируя и освѣщая эти сообщенія, мы помѣщаемъ ихъ въ нижеслѣдующихъ отдѣлахъ:

1) Телеграфныя извѣстія спеціальныхъ корреспондентовъ и Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства, сообщающихъ какъ о внутреннихъ, такъ равно и объ иностранныхъ событіяхъ и явленіяхъ.

2) Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и иностранной политики, статьи по городскому и земскому хозяйству.

3) Фельетоны нашей газеты составляютъ самый интересный отдѣлъ ея, въ особенности оригинальные фельетоны. Въ этомъ отдѣлѣ принимаютъ участіе вы-

дающихся литературныя силы, какъ то: бывшій фельетонистъ газеты „Голосъ“ г. Гамма, Бароць Иксъ, Черноморець, Оса и др. Помимо фельетоновъ изъ общественной жизни, въ „Одесскомъ Листѣ“ помѣщаются оригинальные и переводные рассказы, повѣсти, новеллы, стихотворенія.

4) Новости изъ области науки и искусства, рецензіи театральныхъ представленій, отзывы о новыхъ книгахъ, картинахъ, выставкахъ, концертахъ.

5) Въ отдѣлѣ Дневника печатаются самыя разнообразныя свѣдѣнія, касающіяся наиболее животрепещущихъ вопросовъ какъ Одессы, такъ и другихъ мѣстностей края.

6) Рефераты думскихъ засѣданій и отчеты о земскихъ, уѣздныхъ и губернскихъ, а также дворянскихъ собраніяхъ и засѣданіяхъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ.

7) Распоряженія Правительства, Высочайшія повелѣнія, указы, награды и проч.

8) Корреспонденціи изъ всѣхъ населенныхъ пунктовъ южнаго края.

9) Отдѣлы „О чемъ говорить“ и „Маленькій листокъ“ посвящены исключительно злобѣ дня, и въ нихъ находятъ откликъ все, что въ данную минуту интересуетъ читающую публику.

10) Въ судебной хроникѣ помѣщаются отчеты о наиболее выдающихся процессахъ изъ практики мировыхъ учреждений и общихъ судебных мѣстъ какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ.

11) Въ коммерческомъ отдѣлѣ помѣщаются телеграммы и свѣдѣнія о курсахъ на монеты, фонды, акціи, облигаціи, о хлѣбныхъ, зерновыхъ, колоніальныхъ и друг. рынкахъ.

12) Тиражи 5% выигрышныхъ билетовъ 1-го и 2-го внутр. займовъ, закладныхъ листовъ Херсонскаго земскаго банка, Одесск. Городск. Кредитнаго Общества и Таврическаго Земельнаго Банка.

13) Въ судебномъ указателѣ печатаются списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ окружномъ и коммерческомъ судахъ, суд. палатѣ и мировыхъ сѣздахъ городскомъ и уѣздномъ.

14) Вниманію объявителей. Спросъ и предложеніе посредствомъ публикацій неоспоримо быстрѣ достигаютъ своей цѣли, если объявленія обнародованы въ наиболее распространенныхъ изданіяхъ. На югѣ Россіи такую распространенностью пользуется „Одесскій Листокъ“, но только въ Одессѣ но и въ другихъ городахъ нашего края. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить та масса разнообразныхъ объявленій, которыя ежедневно печатаются на страницахъ нашей газеты.

„Одесскій Листокъ“ — первая большая провинціальная газета, которая печатается посредствомъ стереотипа на ротационной машинѣ и на безконечной бумагѣ.

Подписная цѣна съ ежедневною высылкою по почтѣ 12 руб. въ годъ, 7 руб. за полгода, 3 р. 80 к. за три мѣсяца.

Контора редакціи въ Одессѣ, на углу Дерibasовской и Рашельевской ул., д. Меля (бывш. Стифеля).

Редакторъ-Издатель В. В. Навроцкій.

1889 г.— ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА —1889 г.

историческій ежемѣсячный журналъ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

съ гравированными портретами замѣчательныхъ русскихъ людей,

ДВАДЦАТЫЙ годъ изданія. Цѣна ДЕВЯТЬ р. съ пересыл.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ г. Цинзерлинга на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостиннаго двора. Въ Москвѣ подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: Мамонтова на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова;—А. Л. Васильева—Страстной бульваръ, д. вн. Горчакова;—Н. П. Карбасникова—Моховая, д. Коха. Въ Казани—въ отдѣленіи конторы при книжн. магаз. А. А. Дубровина (Воскресенская улица, Гостинный дворъ, № 1) Въ Саратовѣ—въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ К. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.).

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію „Русской Старины“, С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, домъ № 7.

Тѣ лица, которыя подпишутся на „Русскую Старину“ 1889 года по 25-е декабря текушаго года, получаютъ за одинъ рубль (вмѣсто 5 руб.) новую книгу: Альбомъ портретовъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, 3-й выпускъ, каковая книга и будетъ немедленно высылаться.

Кромѣ того можно получить за четыре почтовыхъ марки или 28 коп. превосходно напечатанный въ Парижѣ большой ($\frac{3}{4}$ аршина высоты) портретъ Императора Александра II, гравировалъ въ 1866 г. академикъ Сѣряковъ, удостоенный за этотъ, вполне художественный, трудъ званія гравера Его Величества. Портретъ высылается въ картошномъ свертѣхъ, вполне бережно.

Открыта подписка на „Русскую Старину“ изд. 1889 года, цѣна девять руб. съ пересылкою.

№ 14. 1.—1.

Изд.-ред. *Мих. Нв. Семевскій.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1889 ГОДЪ.

Девятый годъ изданія.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСК. и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Выходитъ ежедневно.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обзорѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ

„Южнаго Края“ и „Сѣвернаго телеграфнаго агентства“. V. Послѣднія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ Юга: корреспонденціи „Южнаго Края“. VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другигъ газетъ). IX. Вѣдѣнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библиографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты и Харьковскаго военно-окружнаго суда. XVIII. Стороннія сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногороднимъ.	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей. Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

Кромѣ того подписка и объявленія принимаются: въ Петербургѣ—въ конторахъ подписки и объявленій Ф. Петричь, Невскій просп. № 8 и Н. Матисена, Невскій, у Казанскаго моста № 28—12. Въ Москвѣ—въ конторахъ объявленій и подписки: А. Сени-Мартенъ, Неглинный проѣздъ, д. Молчанова; Н. Печковскою, Петровскія линіи; Н. А. Мейера, Покровка, д. Молчанова; въ централн. конт. объявленій бывш. Л. Метцль: Мясницкая, д. Спиридонова и въ справочномъ Бюро Н. Доничъ и К°, Софійка, противъ Лубянскаго пассажа; въ Полтавѣ—въ конторѣ Н. А. Дохмана. Изъ Франціи объявленія принимаются исключительно въ Парижѣ, у Navas, Lafite и С°, Place de la Bourse.

№ 15. 1—2.

Редакторъ издатель А. А. Гозефовичъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **ГОДЪ** „РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ,“ V.

первый русский иллюстрированный журналъ

въ 1889. — ДЛЯ РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОГО ЧТЕНІЯ, — въ 1889.

„Рус. Пал.“ одобрень для всѣхъ среднихъ и низшихъ учебн. заведеній.

ПРОГРАММА „РУССКАГО ПАЛОМНИКА“: I. Часть литературная. Путешествія по св. мѣстамъ Россіи и Востока, описанія св. мѣстъ, св. обителей, храмовъ, чудотворныхъ св. иконъ и др. святынъ; историческіе повѣсти и разсказы

разказы изъ библейскаго и евангельскаго быта, повѣсти и разказы изъ религіозной жизни русскаго народа, стихотворенія, легенды; житія святыхъ, біографіи дѣателей Церкви, какъ современныхъ, такъ и почившихъ, преимущественно архипастырей русскихъ и восточныхъ; описанія трудовъ и подвиговъ православныхъ миссіонеровъ; этнографо-историческія статьи, посвященныя инославнымъ христіанскимъ церквамъ, особенно Восточнымъ; статьи по предметамъ православнаго вѣроученія и правоученія, назидательныя размышленія и разказы, проповѣди знаменитыхъ проповѣдниковъ цѣлыя и въ отрывкахъ; популярныя статьи по всѣмъ церковнымъ наукамъ и по всѣмъ отраслямъ церковнаго искусства, современныя извѣстія изъ церковной жизни какъ въ Россіи, такъ и за границею и пр.

По всѣмъ этимъ отдѣламъ редакція уже имѣетъ въ своихъ рукахъ много интересныхъ и разнообразныхъ статей. Такъ, въ наступающемъ году будутъ помѣщены: „По Святой Землѣ“ прот. В. Я. Михайловскаго, „Путь къ Синаю“ — митроп. Саввы Косановича (пер. съ сербскаго), „Письма съ Аѳона“, Тихвинскій монастырь“, „Очерки Царьграда“, „Святыни Москвы“, рядъ статей д-ра А. В. Елисеѣва, разказы К. К. Случевскаго, Ѳ. Ѳ. Тютчева, стихотворенія О. Н. Чюминой, В. А. Иванова, корреспонденціи книгоноши П. К. Голубева и ми. др.

Литературныя произведенія большого объема будутъ редакціею выдѣлены въ особое литературное приложеніе и будутъ прилагаться при журналѣ особыми книжками.

Такихъ книжекъ въ 1889 г. будетъ шесть, не менѣе 10 листовъ каждая.

I Книжка, которая выйдетъ при первомъ же № журнала, будетъ заключать въ себѣ два интереснѣйшихъ произведенія: 1) „Въ древней Палестинѣ“ (разказъ) и 2) „Цецилія, или первыя времена христіанства“ (истор. повѣсть). Въ слѣдующихъ книжкахъ будутъ печататься: „Путеводитель по Св. Землѣ“ (съ иллюстраціями, портретами и картами) — д-ра А. В. Елисеѣва, рядъ истор. повѣстей, большіе біографическіе разказы и пр.

II. Часть художественная. Портреты Восточныхъ патріарховъ, архипастырей Россіи и Востока, знаменитыхъ проповѣдниковъ и вообще дѣателей Церкви; снимки со святыхъ иконъ; виды св. мѣстъ, обителей храмовъ и другихъ святынь; копія съ картинъ великихъ мастеровъ христіанской живописи; оригинальные рисунки изъ жизни святыхъ; иллюстраціи къ статьямъ, автографы, копія съ древнихъ предметовъ и рукописей, планы, карты и пр.

Между прочимъ, въ наступающемъ году редакція дастъ: 1) Двѣнадцать копій, въ уменьш. размѣрѣ, съ картинъ великихъ мастеровъ (Рафаэля, Рубенса, Рембранда, Верне, Пуссена и др.), изображающихъ сцены изъ Библии: 2) рядъ высокохудожественныхъ рисунковъ подъ общимъ названіемъ „Библейскія женщины“, 3) рядъ картинъ, изображающихъ святыни Москвы и пр.

Кромѣ всего перечисленнаго, редакція въ 1889 годъ разошлетъ подписчикамъ

Три художественныхъ преміи:

I. Большую, исполненную многими красками копію съ акварели, спеціально исполненной для „Русскаго Паломника“ извѣстнымъ академикомъ Шрейберомъ и изображающей

„АФОНЪ ПРИ ЗАКАТѢ СОЛНЦА“.

II и III. Двѣ большіе копіи гравюры съ картинъ знаменитыхъ художниковъ. Гравюры эти будутъ разосланы къ Пасхѣ и Рождеству.

Цѣна „Русскаго Паломника“ прежняя: на годъ, съ пер. и дог., со всѣми преміями и приложениями, шесть рублей. Допускается разсрочка.

Пробный № высылается за двѣ семикоп. марки.

Просимъ Гг. подписчиковъ, во избѣжаніе замедленія въ высылкѣ приложеній, подписываться заблаговременно.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Владиміръскій пр., д. № 13.

№ 16. 1—3.

Редакторъ-Издатель *А. И. Поповицкій*.

Г. VI.—Большой ежемѣсячный научно-литературный журналъ—Г. VI.

„КОЛОСЬЯ“

въ 1889 г. будетъ издаваться по той же программѣ, какъ и въ предыдущіе пять лѣтъ. Журналъ избѣгаетъ узкой тенденціозности и крайнихъ направленій; его цѣль дать читателю массу интереснаго литературнаго, научнаго, историко-публицистическаго и др. матеріала, подходящаго къ общей идеѣ воспитанія эстетическихъ вкусовъ и развитія принциповъ правды, добра и прогресса.

Въ каждой книжкѣ „Колосьевъ“ помѣщаются романы и повѣсти, стихотворенія, драмы и комедіи, популярныя научныя статьи, историческіе очерки или воспоминанія, путешествія, критика и внутреннее обозрѣніе. Нѣкоторые изъ романовъ, печатавшихся въ „Колосьяхъ“ за истекшіе годы, какъ наиримѣръ „Алзаковы“ А. Д. Апраксина, въ отдѣльныхъ изданіяхъ имѣли весьма большой успѣхъ. Новый романъ г. Апраксина „Праздныя люди“, заканчивающійся въ декабрьской книжкѣ, есть въ сущности первая часть цѣлой серіи задуманныхъ имъ романовъ, имѣющихъ представить полную картину постепеннаго нашего оскуднѣнія. Серія эта будетъ продолжаться и въ будущемъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ 1889 Г. ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ:

На годъ 8 руб.

На полгода 5 „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ журнала „Колосья“, Пушкинская, д. 11.

№ 17. 1—1.

Редакторъ-Издатель *И. А. Баталинъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ.

„ДОНСКАЯ РѢЧЬ“

газета донского края

3-й издан.

ВЫХОДИТЪ *три* раза въ недѣлю и *четыре*—въ исключительныхъ случаяхъ.

Программа: правительственныя распоряженія, статьи по вопросамъ мѣстной жизни, телеграммы, корреспонденціи, новости Донского края и сосѣднихъ губерній,

фельетонъ, очерки, рассказы, стихотворенія, смѣсь, юмористическій отдѣлъ, справоч. свѣдѣнія и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ пересылкою и доставкою. 5 р.

На $\frac{1}{2}$ года (съ 1 января и по 1 июля). 3 р.

На 1 мѣсяць (съ 1 числа). 1 р.

Съ подпиской адресоваться: въ г. Новочеркасскъ, въ Контору Редакціи „Донской Рѣчи“ (Платовскій просп., д. Юганова). № 18 1—3.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

„ЗЕМСКІЙ ВРАЧЪ“,

посвященная вопросамъ земской медицины, будетъ выходить въ г. Черниговѣ также и въ 1889 году.

ВЪ ПРОГРАММУ „ЗЕМСКАГО ВРАЧА“ ВХОДЯТЪ:

1. Статьи по общимъ вопросамъ земской медицины, по медицинской статистикѣ, медико-топографическіе очерки.

2. Казуистика. Оригинальныя и переводныя статьи по вопросамъ предупрежденія и леченія эпидемическихъ болѣзней.

3. Въ видѣ приложений—популярныя статьи по вопросамъ гигиены, профилактики и бактериологіи.

4. Рефераты. Хроника. Смѣсь. Корреспонденціи. Объявленія.

Земскимъ Управамъ и Земскимъ Врачамъ рассылаются подробныя объявленія и программа изданія.

Подписная цѣна: на годъ—9 р., на полгода—4 р. 50 к. съ доставкою и пересылкой. Для фельдшеровъ—на годъ 6 р., на полгода—3 р.

Подписка принимается: г. Черниговъ, д-ру Евгенію Владиміровичу Святловскому.

№ 19 1—3.

Редакторъ-Издатель Д-ръ *Е. Святловскій*

Съ 1-го января 1889 года будетъ издаваться

Журналь **СЧЕТОВОДЪ** *Ѳ. В. Езерскаго.*

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА.

Отдѣлъ I. Научный. Счетоводство. Финансы. Контроль. Коммерческія науки.

Отдѣлъ II. Обзоръ смѣтъ, отчетовъ земскихъ и городскихъ учреждений, товариществъ, компаній и обществъ на паяхъ, акціяхъ, взаимнаго кредита и т. п.

Отдѣлъ III. Судебный, (безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній). Судебно-счетоводная экспертиза.

Отдѣль IV. Библиографія. Новыя книги и рецензіи на изданія, со-
отвѣтствующія программѣ журнала.

Отдѣль V. Счетоводная жизнь. Сцены и рассказы изъ нея.

Отдѣль VI. Справочный. Рекламы. Объявленія.

Срокъ выхода въ свѣтъ по три книги въ мѣсяцъ, а въ маѣ, іюнѣ и іюль по
двѣ, всего 33 книги въ годъ.

Подписная цѣна съ доставною и пересылкою: на годъ **6 р.**,
полгода **3 руб.** Книгопродавцамъ уступки 10⁰/₀

Адресоваться въ редакцію журнала „Счетоводъ“ *Ф. В. Езерскаго*. С. Пе-
тербургъ, Невскій пр., № 66.

№ 20. 1—3.

Редакторъ-издатель *Ф. В. Езерскій*.

Открыта подписка на 1889 годъ

НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВ. и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ДЕНЬ“

Въ программу входятъ всѣ обычные отдѣлы ежедневныхъ изданій, а именно:
передовыя статьи: телеграммы, политич. хроника; изъ загранич. жизни; миѣнія пе-
чати; изъ литературы и жизни; фельетонъ — рассказы и очерки, стихотворенія,
журнальное обозрѣніе, научное обозрѣніе, очерки провинціальной жизни; письма
изъ провинціи; внутренняя хроника; хроника открытій и изобрѣтеній; театръ и му-
зыка; свѣдѣнія о новыхъ книгахъ; биржевой указатель; торговныя извѣстія; объявленія.

При недорогой цѣнѣ изданію придава серьезная постановка. Сотрудники:
*М. П. Альбовъ, А. А. Бахтіаровъ, В. В. Бирюковичъ, В. Л. Величко, К. Гово-
ровъ, П. В. Засодимскій, В. Крестовскій (псевдонимъ), А. В. Кругловъ, А. И. Ле-
манъ, Н. С. Лѣсковъ, Е. Д. Максимовъ, К. П. Медвѣдскій, В. П. Острогорскій,
А. Н. Плещеевъ, А. Г. Сахарова, П. Северинъ, В. В. Стасовъ, К. М. Фофановъ,
М. М. Филипповъ, М. К. Цебрикова* и др.

Сроки выхода. Газета „День“ съ 1889 годъ будетъ выпускаема ежедневно
въ такомъ порядкѣ: пять разъ въ недѣлю листами обычнаго формата ежедневныхъ
изданій по 5 столбцовъ на страницѣ и два раза (преимущественно послѣ праздни-
чныхъ дней) въ формѣ прибавленій къ №№.

Цѣна за годъ—4 руб. за 6 мѣс.—2 руб. за 3 мѣс.—1 руб. За границу на
годъ 6 руб. Отдѣлы. №№ по 5 коп. съ пер. Объявленія принимаются по 10 коп.
за строку петита.

Адресъ редакціи и конторы: С-Петербургъ, Преображенская 4.

Издатель *А. А. Греев*.

Редакторъ *И. В. Скворцовъ*.

№ 21. 1—1.

1889 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 г.

„ВОЛЫНЬ“

Газету политическую, литературную и общественной жизни.

Годъ одиннадцатый. Съ будущаго 1889 года „ВОЛЫНЬ“ будетъ выходить *ЕЖЕДНЕВНО*, за исключеніемъ праздниковъ и дней послѣ оныхъ, по прежней программѣ.

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2) Телеграммы. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края: текущія событія и статьи научнаго содержанія. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія. 8) библиографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія. 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ, по преимуществу въ предѣлахъ волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учреждений и 13) Фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомиръ, въ конторъ редакціи, б. Бердичевская ул. домъ Духовнаго училища.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

какъ для городскихъ, такъ и для иногород- На 1 г. На $\frac{1}{2}$ г. На 3 м. На 1 м.
ныхъ подписчиковъ, съ доставкою на домъ и пере-
сылкою во всѣ города Россійской имперіи. 5 р. 2 р. 60 к. 1 р. 50 к. 75 к.

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ.

Иногородные подписчики за перемѣну адреса приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 к.

№ 22. 1—3. Издатель *И. И. Коровицкій*. Редакторъ *И. К. Коровицкій*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 Г. НА

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

ГАЗЕТУ

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ.

(Годъ двадцатый).

„Новороссійскій Телеграфъ“, по примѣру большихъ столичныхъ газетъ, выходитъ ежедневно, не исключая понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ (350 №№ въ годъ).

Газета наша будетъ издаваться въ наступающемъ году въ томъ же направленіи и при томъ составѣ сотрудниковъ, какъ и въ предъидущіе годы.

Въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ газеты состоятъ: П. Ф. Василевскій (Буква), А. С. Степановъ (передовыя статьи, бывший сотрудникъ „Голоса“), М. В. Неручевъ, И. П. Потанико, извѣстный бессарабскій дѣятель М. К. Зозулицъ, П. А. Сергѣенко (Вѣднй Юрикъ), П. И. Компанъ, Наблюдатель (псевдонимъ). По беллетристическому отдѣлу, кромѣ И. П. Потанико, будутъ по прежнему помѣщать свои произведенія г-жа Назарьева, В. С. Лихачовъ и Зео.

Кромѣ того намъ обѣщали свое сотрудничество профессора А. И. Кирпичниковъ, И. Г. Табачниковъ и В. И. Шеридъ, а также и извѣстный сотрудникъ „Новаго Времени“ А. И. Молчановъ.

Въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Константинополѣ, Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ у насъ имѣются постоянные корреспонденты.

Такого состава редакціи не имѣть ни одна провинціальная газета въ Россіи.

Въ будущемъ году редакція будетъ по прежнему помѣщать рисунки, касающіеся современныхъ событій, и портреты выдающихся дѣятелей и пользоваться услугами своихъ столичныхъ корреспондентовъ, ежедневно доставляющихъ намъ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ (законодательнымъ, административнымъ, экономическимъ, финансовымъ и проч.). Сообщенія столичныхъ корреспондентовъ получаютъ нами и печатаются въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ“ одновременно съ телеграммами и во всякомъ случаѣ 2—3 днями раньше появленія ихъ въ другихъ одесскихъ газетахъ, гдѣ они помѣщаются уже въ видѣ перепечатокъ изъ столичныхъ изданій.

Кромѣ телеграммъ „Сѣв. Тел. Агентства“, мы даемъ постоянно, въ теченіи цѣлаго года (а не передъ годовой только подпиской), телеграммы отъ нашихъ столичныхъ корреспондентовъ, которые какъ по вопросамъ внутренней жизни, такъ и внѣшней политики государства, всегда присылаютъ свои сообщенія раньше „Сѣв. Тел. Агентства“ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ болѣе обстоятельной формѣ.

„Новороссійскій Телеграфъ“ имѣетъ въ своей программѣ „Юридическую хронику“ съ правомъ относиться критически къ рѣшеніямъ судовъ, а также пользуется правомъ помѣщать рефераты судебныхъ засѣданій военно-окружного суда. Эти права имѣютъ не всѣ мѣстные газеты.

Подписка принимается въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Агаркова, противъ Херсонской улицы, и въ отдѣленія газеты при типографіи: Поваля улица, домъ Омидова.

Кромѣ того, подписка принимается: въ Кишиневѣ, въ бібліотекахъ: А. Т. Грищенко (уголь Губернской и Госпитальной. ул), А. П. Дрошко (близъ женской гимназіи, соб. домъ), въ книжномъ магазинѣ г. Шаха. Въ Бендерахъ: въ бібліотекѣ г. Муслина. Въ Николаевѣ, въ книжномъ магазинѣ М. О. Шаха, и у г. Рыбакова. Садовая № 29.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки и пересыл.		Съ доставкой и пересыл.		Безъ доставки и пересыл.		Съ доставкой и пересыл.	
На	1 мѣсяцъ	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	На	7 мѣсяцъ	7 р. 50 к.	9 р. — к.
„	2	2 „ 50	2 „ 75	„	8	8 „ 50	10 „ —
„	3	3 „ 50	4 „ —	„	9	9 „ 50	11 „ —
„	4	4 „ 50	5 „ 50	„	10	10 „ 50	12 „ —
„	5	5 „ 50	6 „ 50	„	11	11 „ —	13 „ —
„	6	6 „ 50	7 „ 50	„	12	12 „ —	14 „ —

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяць по 60 коп., въ годъ 7 руб. 20 коп.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые (по 7 р. къ 1 января и къ 1-му юніа), или по четвертямъ года (по 3 р. 50 к. къ 1 января, 1-му марту, 1-му юніа и 1-му сентябрю), т. е. всегда за мѣсяць впередъ до наступленія срока разсрочки).

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учреждений, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка въ кредитъ, по письменному официальному бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1889 года.

Для свѣдѣнія подавателей объявленій. Для увеличенія распространенности объявленій, печатаемыхъ въ „Нов. Телеграфъ“, редація приобрѣла право ежедневно расклеивать 4-ю страницу съ объявленіями на слѣдующихъ главныхъ станціяхъ юго-западной желѣзной дороги: Одесса, Кіевъ, Кишиневъ, Елисаветградъ, Балта, Тирасполь, Бендеры, Волочискъ, Казатинъ, Бѣлостокъ, Граево, Жмеринка, Фастовъ, Бердичевъ, Винница, Бираула, Унгены, Раздѣльная и др., всего на 36 станціяхъ юго-западныхъ линій, имѣющихъ протяженіе до 2500 верстъ и обнимающихъ районы семи южныхъ и юго-западныхъ губ.

Списокъ получателей грузовъ, привозимыхъ въ Одессу по желѣзной дорогѣ, печатается исключительно въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ“. № 25. 1—3.

Открытие подписова на

„ЕЛИСАВЕТГРАДСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

на 1889 годъ.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

выходитъ ежедневно, за исключеніемъ послѣпраздничныхъ дней.

Газета выходитъ полными листами въ прежнему форматѣ, подписная же цѣна не увеличивается. Превративъ свою газету въ ежедневное изданіе и не увеличивъ подписной платы, редація, помимо сего, приняла мѣры, чтобы отъ этого времени, по возможности, читателю давался болѣе интересный и болѣе разнообразный матерьялъ для чтенія. Редакціей будетъ также сдѣлано все отъ нея зависящее, чтобы подписчики городовъ Александрія, Бобринца, Вознесенска и проч. получали газету своевременно.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

<i>Безъ доставки и пересылки:</i>		<i>Съ доставкой и пересылкой:</i>	
На годъ (12 мѣсяцевъ)	6 р. — к.	На годъ (12 мѣсяцевъ)	7 р. 20 к.
На 6-ть мѣсяцевъ	3 р. 50 к.	На 6-ть мѣсяцевъ	4 р. 20 к.
На 3 мѣсяца	2 р. — к.	На 3 мѣсяца	2 р. 40 к.
На 1 мѣсяць	— р. 70 к.	На 1 мѣсяць	— р. 85 к.

Контора газеты на углу Большой Перспективной и Петровской ул. д. Пригодсаго, открыта ежедневно съ 9-ти до 2-хъ час. по полудни и съ 4-хъ до 7-ми час. вечера, а въ праздники съ 10-ти до 2-хъ час. по полудни.

Редакція газеты открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, съ 5-ти до 7-ми час. по полудни. № 24. 1—3.

Открыта подписка на 1889 годъ на дѣтскій иллюстрированный журналъ (для младшаго возраста)

„ИГРУШЕЧКА“

выходить 1-го ч. каждаго м. книжками въ 3 печатныхъ листа
10 ГОДЪ ИЗДАНІЯ 10

Основанный талантливой писательницей Т. П. Пассежъ, онъ, со дня своего возникновенія поставилъ себѣ задачей пробуждать въ дѣтяхъ любовь къ людямъ, правдѣ и стремленіе къ добру, справедливости и труду.

Въ журналѣ помѣщаются: статьи научнаго содержанія, изъ жизни и природы, приуроченныя къ дѣтскому пониманію, статьи по исторіи, повѣсти и рассказы оригинальные и переводные, путешествія, стихотворенія, сказки, загадки, шарды и описаніе ремеслъ. На статьи о ремеслахъ будутъ обращено особенное вниманіе. Статьи иллюстрируются, соотвѣтственно тексту, рисунками. Съ 1888 г. въ „Игрушечкѣ“ введенъ (начиная съ азбуки) отдѣлъ французскаго языка. Такого отдѣла нѣтъ ни въ одномъ изъ дѣтскихъ журналовъ. Между тѣмъ въ хорошо руководимомъ чтеніи на французскомъ языкѣ ощущался довольно большой пробѣлъ. Рассказы, изложенные на французскомъ языкѣ, имѣютъ подстрочный русскій переводъ. Въ 1889 г. этотъ отдѣлъ будетъ продолжаться.

Кромѣ рисунковъ въ текстѣ, въ 1889 г., чтобы способствовать развитію въ дѣтяхъ чувства изящнаго, въ журналѣ „Игрушечка“ время отъ времени будутъ помѣщаться подъ названіемъ „Картинная Галлерейя Игрушечки“, снимки съ оригинальныхъ картинъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ: сценки, пейзажи, животные и другіе сюжеты, способные заинтересовать дѣтей.

Съ Января 1889 г. въ журналѣ „Игрушечка“ будетъ открытъ новый отдѣлъ „для малютокъ“. Статьи этого отдѣла будутъ печататься крупнымъ шрифтомъ, со многими картинками. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ изрѣдка помѣщаться пѣсенки съ поемами и разныя смѣшныя сценки въ рисункахъ.

Съ январской книжкой подписчики получаютъ даровую занимательную премію.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1888 ГОДЪ:

Журналъ „Игрушечка“ за 12 книгъ съ даровой преміей и съ доставкой и пересылкой на годъ	3 руб.
За границу на годъ	5 „
Съ отдѣломъ „для малютокъ“ на годъ	5 „
За границу на годъ	7 „

Отдѣльной подписки на отдѣлъ „для малютокъ“ не будетъ.
Адресъ Редакціи С.-Петербургъ, Сергіевская ул., д. № 14.

Открыта подписка на 1889 г.

НА ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ

„СЪВЕРНЫЙ ВЪСТНИКЪ“,

который будетъ выходить въ 1889 году подъ той-же редакцей по той-же программѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовая цѣна безъ пересылки и доставки	12 „ — „
Съ пересылкой въ предѣлахъ Имперіи	13 „ 50 „
Съ доставкой въ Петербургѣ	12 „ 50 „
За границу	15 „ — „

Разсрочка допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ—5 р. 50 к., къ 1-му апрѣля—4 р., къ 1-му іюля и 1 му октября по 2 рубля.

Учащимся, духовенству, сельскимъ учителямъ и учительницамъ журналъ по прежнему высылается на льготныхъ условіяхъ, т. е. со скидкой 2 р. съ годовой цѣны и съ разсрочкою: при подпискѣ—4 р. 50 к., къ 1-му апрѣля—3 р., къ 1-му іюля и къ 1-му октября по 2 рубля.

Цѣна 12 книгъ 1887 года	10 р. — к.
„ „ „ 1886 „	10 „ — „
„ „ „ 1885 „	5 „ — „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ Главной Конторѣ, Басковъ пер., 15. — Книгопродавцамъ уступка 50 коп. съ годовой цѣны экземпляра.

Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ главную контору журнала. Только въ такомъ случаѣ редакция отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

Главная Контора открыта ежедневно отъ 11-ти до 4-хъ час. исключая праздниковъ. Личныя объясненія по вторникамъ и четвергамъ отъ 2—4 часовъ.

Издательница *А. В. Сабашникова.*

№ 26. 1—2.

Редакторъ *А. М. Евреимова.*

БИБЛІОГРАФЪ

1889

ВЪСТНИКЪ

Годъ V.

ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА.

Журналъ библиографическій, критическій и историческій.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕМЪСЯЧНО.

Ученымъ Комитет. М-ства Народн. Провс. РЕКОМЕНДОВАНЫ для основныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.— Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ ОДОБРЕНЪ для приобрѣтенія въ фундаменталь-

ныя бібліотеки духовныхъ семинарій и училищъ. По распоряженію Военно-Ученнаго Комитета ПОМѢЩЕНЪ въ основной каталогъ для офицерскихъ бібліотекъ.

Отд. 1-й. Историческіе, историко-литературные и бібліографическіе матеріалы, статьи и замѣтки; разборы новыхъ книгъ; издательское и книжно-торговое дѣло въ его прошедшемъ и настоящемъ; хроника.

Отд. 2-й (справочный). Полная бібліографическая лѣтопись: 1) каталогъ новыхъ книгъ; 2) указатель статей въ періодич. изданіяхъ; 3) *Rossica*; 4) правительственныя распоряженія; 5) объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Н. О. Анненскій, А. И. Барбашевъ, Я. О. Березинъ-Ширяевъ, проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Е. А. Бѣловъ, П. В. Владиміровъ, Н. В. Губерти, И. В. Дмитровскій, В. Г. Дружининъ, М. А. Дьяконовъ, проф. Е. Е. Замысловскій, проф. В. С. Иконниковъ, проф. Н. И. Карѣевъ, Д. О. Кобеко, И. А. Козеко, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. П. Лихачевъ, Л. Н. Майковъ, В. И. Межовъ, проф. О. О. Миллеръ, А. Е. Молчановъ, С. О. Платоновъ, С. И. Пономаревъ, С. Л. Пташницкій, А. И. Савельевъ, А. А. Савичъ, С. М. Середонинъ, С. Л. Степановъ, Н. Д. Чечулинъ и А. А. Шляпкинъ, Е. Ф. Шмурло, Д. Д. Языковъ и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за годъ: съ дост. и перес. въ Россіи 5 р., за-границу 6 р. отдѣльно
номеръ 50 к., съ перес. 60 к.

Плата за объявленія: страница—8 р.; $\frac{3}{4}$ стран.—6 р. 50 к.; $\frac{1}{2}$ стран.—4 р. 50 к.; $\frac{1}{4}$ стран.—2 р. 50 к.; $\frac{1}{8}$ стран.—1 р. 50 к.

О новыхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

Подписка и объявленія принимаются въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“—А. Суворина (Спб., Невскій просп., д № 38) и въ редакціи. Кромѣ того подписка принимается во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.—Гр. иногородные подписчики и заказчики объявленій благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Обуховскій просп., д. 7, кв. 13.

Оставшіеся въ ограниченномъ числѣ полныя комплекты „Библіографа“ за 1885, 1886 и 1887 гг. продаются по 5 р. (съ дост. и перес.) за годовой экземпляръ. Также имѣются въ продажѣ изданная редакціею брошюры: 1) Сборникъ рецензій и отзывовъ о книгахъ по русской исторіи, №№ 1 и 2. Ц. по 60 коп. 2) Библіографич. указатель книгъ и статей о св. Кириллѣ и Меѳодіи. Ц. 40 к. 3) Александръ Николаевичъ Сѣровъ. I. Библіографич. указатель произведеній А. Н. Сѣрова. II. Библіографич. указатель литературы о А. Н. Сѣровѣ и его произведеніяхъ. Вып. I и II. Сост. А. Е. Молчановъ. Ц. по 1 руб. за вып.—Книгопродавцамъ обычная уступка.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1889 ГОДУ

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, до 20 листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки	8 р.	съ пересылкой въ другіе города.	. . . 9 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ	8 р. 50 к.	за-границей	12 р.
		отдѣльно книга журнала	2 р.

Подписчики, желающіе получить, сверхъ того, *рѣшнія кассационныхъ департаментовъ сената*, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 13 р. 50 к.

Рѣшенія касс. деп. сената выходятъ и рассылаются одинъ разъ въ мѣсяць.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассационныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны, сумма. Въ случаѣ невысылки въ условленный срокъ подписной платы, дальнѣйшая доставка журнала пріостанавливается. *Гл. дѣйствительные члены спб. юридическаго общества* пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и кандидатамъ на судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургъ, уголь Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1886 и 1887 г.г. по 9 р. за каждый годъ, съ пересылкой и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы, по 2 р. съ пересылкой.

№ 28. 1—2.

Редакторъ В. Володиміровъ.

Русскій Архивъ

1888 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ)

Годовая цѣна за двѣнадцать книжекъ „Русскаго Архива“ въ 1888 году съ доставкою—девять руб.

Для Германіи—одиннадцать рублей; для Франціи, Италіи, Англии и остальныхъ странъ двѣнадцать рублей.

Подписка причисляется въ Москвѣ, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ Петербургѣ, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 докторъ Л. О. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886 и 1887 получаютъ, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи, а нѣкоторыя изъ нихъ принадлежать къ книжнымъ рѣдкостямъ.

„Русскій Архивъ“ будетъ выходить въ 1889 году на прежнихъ основаніяхъ.

Цѣна 9 рублей съ пересылкой.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ *Петръ Бартенева*.

№ 29. 1—2.

Вышла въ свѣтъ II-ая книга
ЧТЕНІЙ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ
НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА

(gr. in-8°, XII+275+128 стр.), содержащая свѣдѣнія о составѣ и дѣятельности Ист. Общества за 1878—87 гг. и сборникъ матеріаловъ и статей, изданный въ память исполнившагося 900-лѣтія крещенія Руси. Ц. 2 р. 25 коп., за пересылку прилагается 25 к. Выписывающіе эту книгу, „Чтеній“ одновременно съ первою уплачивають за нихъ 4 р. съ пересылкою. Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца при университетѣ св. Владиміра или въ редакцію „Кіевской Старины“.

ВЪ НАЧАЛѢ ДЕКАБРЯ ТЕКУЩАГО ГОДА

выйдетъ въ свѣтъ

первая часть сочиненія **П. И. ЖИТЕЦКАГО:**

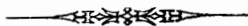
ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ

МАЛУРУССКАГО НАРѢЧІЯ

ВЪ XVII И XVIII В.,

съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка.

Цѣна 2 руб. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться въ редакцію „Кіевской Старины“.

зогубъ, и по повѣренности отъ брата Симеона Лизогуба и Бунчуковаго Товарища Ивана Булавкина, Бунчуковій Товарищъ Павелъ Дебогорѣя Мокриевичъ и по повѣренности отъ брата своего Бунчуковаго Товарища Александра Дебогорѣя Мокриевича, Бунчуковій Товарищъ Григорій Лизогубъ, Войсковій Товарищъ Иванъ Маркевичъ, Бунчуковій Товарищъ Александръ Безбородко и по повѣренности отъ Асаула полковаго Ивана Сахновскаго, Бунчуковій Товарищъ Иосифъ Рашевскій, Войсковій Товарищъ Яковъ Красовскій, Сотникъ Роискій Яковъ Крупянскій, Судья земскій Черниговскій Михайло Дунинъ-Борковскій, Войсковій Товарищъ Михайло Шуба, Бунчуковій Товарищъ Яковъ Лизогубъ, Обозній полковій Черниговскій Иванъ Сахновскій, Войсковій Товарищъ Стефанъ Сахновскій, Войсковій Товарищъ, полковій Асаулъ компанейскій Петръ Каневскій и по повѣренію брата своего писара земскаго повѣту Черниговскаго Степана Каневскаго, Войсковій канцеляристъ Степанъ Дебогорія-Мокриевичъ, Войсковій канцеляристъ Федоръ Дебогорія-Мокриевичъ, Значковій Товарищъ Иванъ Федосовъ, Сотникъ Менскій Павелъ Сахновскій, Значковій Товарищъ Иванъ Морозъ, Войсковій Товарищъ Иосифъ Сахновскій и по повѣренію Войскового Товарища Федора Михна, Войсковій Товарищъ Пантелимонъ Сахновскій, Значковій Товарищъ Григорій Базилевичъ. По повѣренію Значковаго Товарища Гаврила Гурскаго—родній его братъ полковій канцеляристъ Антонъ Гурскій, Войсковій Товарищъ Андрей Бакуринскій, Бунчуковій Товарищъ Петро Стаховичъ, Войсковій Товарищъ Николай Соколовскій, Войскового Товарища синъ Иванъ Райполскій, Войсковій Товарищъ Василь Булавкинъ, Войсковій Товарищъ Василей Ждановичъ, Войсковій Товарищъ Иванъ Сербиновичъ, Сотникъ Березинскій Якимъ Сахновскій, Возній сотнѣ Березинской Павелъ Сахновскій, Войсковій Товарищъ Иванъ Молявка, Сотникъ Любецкій Иванъ Посудевскій, Значковій Товарищъ Константинъ Саливановичъ, Возній подкоморскій повѣта Черниговскаго Димитрій Каранда, Судія земскій повѣта Менскаго Павелъ Ломѣковскій, Возній Волинскій Иванъ Колодѣвъ, абшитованій Асаулъ Артилеріи Полковой Яковъ Шихуцкій, Асаулъ Полковой Артилеріи Иванъ Шихуцкій, Канце-

ристь Войсковій Петръ Максимовичъ, Значковій Товаришъ Иванъ Миничъ, Значковій Товаришъ Иванъ Красовскій. По повѣренности Значкового Товариша Якова Довгала, сынъ его Лаврѣнъ Довгаль, Значковій Товаришъ Иванъ Даничъ, Бунчуковій Товаришъ Иванъ Полторацкій, Возній сотнѣ Сосницкой Омелянъ Станѣславскій, Коморникъ повѣту Менского Григорій Петровскій, Возній сотнѣ Сивявской Василей Драчевскій, Значковій Товаришъ Петръ Лисенецкій, Войсковій Канцеляристъ Михаило Козмѣнскій и по повѣренности отъ сотника Столинского Романа Бобира, Бунчуковій Товаришъ Михаило Павловскій, Земскій повѣту Менского писарь Корнилій Лѣневичъ, Войсковій Товаришъ Иванъ Товстолѣсъ, Сотникъ Иванъ Гломазда, Значковій Товаришъ Григорій Товстолѣсъ, Войсковій Товаришъ Иванъ Бакуринскій, повѣта Менского возній повѣтовій Данило Колчевскій, Войсковій Товаришъ Иванъ Даниловичъ, Войсковій Товаришъ Григорій Коленко, Войсковій Товаришъ Корнѣй Абрамовскій, Значковій Товаришъ Иванъ Кладкевичъ, Значковій Товаришъ Федоръ Бубликъ, Войсковій Товаришъ Василь Михно, Значковій Товаришъ Иванъ Ерковскій, Значкового Товариша Сидора Княжиковского сынъ Владимиръ Княжиковскій, Хоружій сотнѣ Роиской Стефанъ Шихудцкій, Войсковій канцеляристъ Яковъ Тризна, Войсковій Товаришъ Василь Крачевскій, Значковій Товаришъ Иванъ Загалскій, Значковій Товаришъ Максимъ Москалцовъ, Значковій Товаришъ Емелянъ Демидовскій, Значковій Товаришъ Алексѣй Харченко, Значковій Товаришъ Яковъ Бубликъ, Войсковій Товаришъ Петръ Юницкій, Войсковій Товаришъ Антонъ Силѣчъ, Значковій Товаришъ Михаило Сенюта, Значковій Товаришъ Федоръ Радичъ, Войсковій Товаришъ Григорій Войцеховичъ, Бунчуковій Товаришъ Николай Тризна, Значковій Товаришъ Василь Ждановичъ, Значковій Товаришъ Павелъ Тихоповичъ, Сотникъ Городницкій Григорій Дубовикъ, Значковій Товаришъ Федоръ Колодка, Возній повѣта Черниговского сотнѣ Любецкой Иванъ Савичъ, Возній сотнѣ Слабинской Василь Константиновичъ, Бунчуковій Товаришъ Стефанъ Бутовичъ и по повѣренности брата своего Ивана Бутовича, Войскового Товарища; сотнѣ Городнѣцкой возній Авксентій Панаца-

тенко, Судья полковій Тимофей Сенюта, Сотникъ Седневскій Федоръ Римша, Атаманъ сотеній Сосницкій Прокопъ Слышевскій, Писарь сотеній Сосницкій Еремій Якимовичъ, Хоружій сотенній Сосницкій Федоръ Ивасенко, Атаманъ сотенній Волинскій Иванъ Абрамовичъ, Абшитованный сотнѣ Березинской писарь Дамянъ Тарасевичъ, Атаманъ сотенній Выбелскій Тимофей Титовичъ, Атаманъ сотенній Городницкій Дмитрій Сукняѣцкій, Абшитованный войсковій Канцеляристъ Севастіянъ Бородуха, Возній повѣту Менского суда подкоморского Иванъ Добрицкій, Асауль сотеній Городницкій Иванъ Нехаевскій, Сотникъ Киселювскій Иванъ Шаршановичъ и по повѣренности отца своего Значкового Товариша Евфима Шаршановича, Полковій Черниговскій канцеляристъ Ивапъ Юркевичъ, Значкового полку Черняговского Товариша синь полковій Черниговскій канцеляристъ Стефанъ Фасовець, Полковій Черниговскій канцеляристъ Василь Чернискій, Бунчуковій Товаришъ Петръ Григоровичъ-Курсановичъ, Писарь полковій Черниговскій Андрей Якимовичъ, и по повѣренности Бунчукового Товариша Василя Дунина-Борковского, Хоружій полковій Черниговскій Василей Петрашевичъ, Сотникъ полковій Черниговскій Петръ Посудевскій, Сотникъ Белоускій Георгій Дзвонкевичъ, Судовій городскій Черниговскій писарь Семень Стаинскій, Атаманъ абшитованній городовій полковій Черниговскій Григорій Плохута, Атаманъ городовій Черниговскій Федоръ Плохута.

5) *Донесеніе Милорадовича о выборахъ козацкихъ.*

Сіятелиѣйшему Графу, Високопревосходителнѣйшему Г-ну Генераль Аннефу, Малороссійскому Генераль Губернатору, Малороссійской Коллегіи Президенту, Украинского и Малороссійского Корпусовъ главному Командиру, обоихъ Россійскихъ Императорскихъ ординовъ святыхъ апостола Андрея и Александра Невского, такожъ Голстинского св. Анны Кавалеру, Графу Петру Александровичу Румянцову.

Рапортъ.

По силѣ циркулярного ордера отъ вашего Высокографского Сіятельства, мною сего мая 6 дня полученного, которимъ мнѣ ве-

лѣно отъ козаковъ поверенному изъ сотенъ сочиняемые указы, въ которыхъ они пишутъ до нихъ вся ненадлежащее, инимъ же старшини оные komponуютъ, отставить, а только съ прошеніями, каковы отъ сотенъ дани повереннымъ, техъ депутатовъ отправить, — отъ полковой Черниговской Канцеляріи во всѣ полку Черниговского сотнѣ, ордерами предложено, за полученіемъ оныхъ, тотъ часъ, призвавъ въ сотенія Правленія повѣренныхъ отъ оныхъ сотенъ выбранныхъ козаковъ, которіе прежде сего при выборѣ козакого депутата въ Чернѣговѣ были и отъ техъ же сотенъ въ Полковую Канцелярію при репортахъ высланны, оное вашего Високографскаго Сіятельства повелѣніе объявить, и приказать вышенписанные указы отставить, а только съ прошеніями, каковы отъ оныхъ же сотенъ дани повереннымъ, того козакого депутата отправить, и по исполненіи о томъ немедленно въ полковую Канцелярію отрепортовать. О чемъ вашему високографскому Сіятельству въ покорности моей репортую

Полковникъ *Петръ Милорадовичъ*,

1767 году,
мая 8 дня
№ 1460.

6) *Вѣдомость, сочиненная въ полковой Черниговской Канцеляріи съ присланныхъ съ сотенъ полку Черниговского репортвъ, колкое число съ которой сотнѣ явились съ козаковъ поверенныхъ для вибору въ сѣмъ повелѣніи отъ всего полку повѣренного.*
1767 году, марта 31 дня.

Сотнѣ Седневской.

№	число		Избир. голос.
1	13	Герасимъ Збань	50
2	„	Данило Самоненко	31
3	„	Павель Шевель	30
4	„	Семень Грабовець	19
5	„	Иванъ Кеня	19

№	число		Избир. голос.
6	„	Демянь Гребянка	25
7	„	Мина Шуникъ	21

Сотнъ Киселювской.

8	„	Дорошъ Заецъ	—
9	„	Оникѣй Бабичъ	20
10	„	Савка Романецъ	—

Сотнъ Вивелской.

11	14	Климъ Памфиленко	18
12	„	Григорій Луцкій	21
13	„	Федоръ Борисенко	16
14	„	Семень Дяченкоъ	
15	„	Василь Гвоздикъ	19
16	„	Яковъ Лѣщинецъ	17

Сотнъ Бвлоуской.

17	15	Романъ Павленко	27
18	„	Бярило Палѣй	26
19	„	Иванъ Литвиненко	—
20	„	Иванъ Койданъ	22
21	„	Павель Богданенко	—

Сотнъ Славинской.

22	„	Федоръ Сурмила	18
23	„	Данило Шила	16
24	„	Григорій Дундаръ	19

Сотнъ Полковой.

25	„	Иванъ Белоножка	18
26	„	Яковъ Згурекій	36
27	„	Иванъ Булгакъ	16
28	„	Василь Ковтунъ	24
29	„	Яковъ Гузь	—

Сотнѣ Синявской.

№	число		Избир. голос.
30	„	Захарій Мищенко	28
31	„	Иванъ Яценко	20
32	„	Алексѣй Луневскій	76
33	„	Иванъ Николаевъ	26

Сотнѣ Менской.

34	„	Семень Олѣйникъ	17
35	„	Семень Смаль	11
36	„	Прокопъ Соломяникъ	18
37	„	Мойсей Сердюченко	17
38	„	Трофимъ Падалка	—
39	„	Гаврило Коворотній	—
40	„	Марко Кроха	—
41	„	Михайло Педь	15
42	„	Матвей Зеленскій	20
43	„	Иванъ Сидоренко	13

Сотнѣ Березинской.

44	16	Иванъ Кислій	21
45	„	Козма Стасюкъ	29
46	„	Михайло Котляревскій	23
47	„	Карпъ Литвиненко	20
48	„	Романъ Миничъ	—
49	„	Григорій Харченко	—
50	„	Семень Станѣславскій	—

Сотнѣ Столинской.

51	16	Максимъ Пилипенко	21
52	„	Остапъ Охрѣменко	15
53	„	Якимъ Савченко	14
54	„	Павель Антоненко	11

Сотнѣ Сосницкой.

№	число	Избир. голос.
55	„ Андрей Коленко	19
56	„ Иванъ Кузька	20
57	„ Федоръ Чинчикъ	21
58	„ Степанъ Глоба	47
59	„ Яковъ Скриль	25
60	„ Федорченко	15

Сотнѣ Волинской.

61	„ Иванъ Петровъ	20
62	„ Федоръ Поплавскій	25
63	„ Яковъ Редка	27
64	„ Михайло Грищенко	18

Сотнѣ Любецкой.

65	„ Сидоръ Богунъ	20
66	„ Савка Брехунъ	13
67	„ Павелъ Пилиповичъ	17
68	„ Федоръ Савицкій	15

Сотнѣ Ровской.

69	„ Якимъ Коваленко	19
70	„ Степанъ Терехно	—
71	„ Климъ Ярошенко	14
72	„ Василь Яценко	21
73	„ Омелянъ Коржъ	34
74	„ Козма Петрушинець	11
75	„ Василь Кужильнїй	10
76	„ Гаврило Илленко	16

Сотнѣ Городняцкой.

77	„ Иванъ Бояриновъ	25
78	„ Василь Гуторъ	15
79	„ Григорій Глущенко	11

№ число		Избир. голос.
80	„ Никифоръ Черевачъ	35
81	„ Опанасъ Кулажинскій	22
82	„ Василь Редченко.	17
83	„ Василь Борсукъ	18
84	„ Андрей Борсукъ	20

Сотнѣ Понурницкой.

85	26 Дмитро Кострубъ.	23
86	„ Данило Савицкій.	—
87	„ Стефанъ Осадшій.	—
88	„ Ничипоръ Гавриленко	18
89	„ Семень Карпенко.	—
90	✓ Демянь Кипоренко	—
	Полковникъ Черниговскій <i>Петръ Милорадовичъ.</i>	

V.

Выборы въ г. Козельцѣ.

По силѣ манифеста Ея Императорскаго Величества декабря 14 числа 1766 года, коимъ самодержавною Ея властью повелѣно намъ нижеподписавшимся избрать в комиссию о сочинении проекта новаго уложения депутата и прислать оного в столицу Ея Императорскаго величества въ сенатъ, мы, жители города Козельца, по присланному при томъ височайшемъ манифестѣ обряду, в знакъ нашего всеподданиѣйшаго послушания, напередъ выбрали для лучшаго между собою порядка, по чистой совѣсти, нами признанного к сей должности способнымъ, находя в немъ все к сему выбору предписаннаго качества, а именно: головою сего города судию Полкового Киевскаго Стефана Барановскаго, для оному избранному нашимъ головою полную довѣренность на два года, не только при нынѣшнемъ выборѣ депутата, но и при случаяхъ, если даны будутъ от верховнаго власти какія особия повелѣния, принадлежащая до на-

шого общаго разсужденія и положенія всѣхъ живущихъ въ нашемъ городѣ; въ чемъ подписуемся:

Подкоморій Остерского повѣту Андрей Миткевичъ, Судия земскій повѣту Козелецкого Матвѣй Шумъ, повѣту Остерского Земскій Судья Степанъ Лутай, повѣту Козелецкого Подсудокъ Стефанъ Пасенко, Обозный Полковий Киевскій Зѣновий Борецкій, Полковій Киевскій Писарь Семень (нельзя разобрать), Асаулъ Полковій Киевскій Феодоръ (сгнило), абшитованній Хоружий Полковий (сгнило), войсковій Товаришъ Андрѣй Діаковскій, войсковій Товаришъ Карпъ Богомулецъ, повѣту Козелецкого коморнѣкъ Григорій Лагода, Значковій Товаришъ Павелъ Шумъ, атаманъ городской Козелецкій Феодоръ Постволь, возній Повѣтовій Иванъ Ониславскій, Коморнѣкъ повѣту Остерского Петръ Пасенко, Значковій Товаришъ Борисъ Садовенко, Значковій Товаришъ Максимъ Скуевскій. Значковій Товаришъ Герасимъ Пошевня, Значковій Товаришъ Трохимъ Нудга, Сотенній Козелецкій возній Ігнатъ Крупянскій, Значковій Товаришъ Філишъ Гриніевичъ, Значковій Товаришъ Леонтий Радецкий, Значковій Товаришъ Григорій Полѣзинскій, Канцеляристъ Григорій Михайловскій, Атаманъ городской Данило Красовскій, Хоружий сотенній Иванъ Шахрай, Атаманъ курѣвній Иванъ Нестеровскій, Козаки: Лукянъ Антоненко, Кирило Даниловъ, Иванъ Дуда, Кононъ Шептуха, а вмѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе подписался своеручно козакъ Федоръ Брагинець. Бывшій войтъ Назаръ Глуздъ, бывшій войтъ Василь Никонъ, бывшіе бурмистри Артемъ Лазаренько, Максимъ Дзюба, Козма Лапотъ, а вмѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію і за себе бывшій бурмистръ Иванъ Крашанчукъ руку приложилъ; бывшій бурмистръ Яковъ Петриковецъ, а вмѣсто его неумѣющаго писать и за себе нинѣшній бурмистръ Устимъ Петріковецъ руку приложилъ. Бывшій бурмистръ Трохимъ Брагинець, райця Антонъ Ващенко, райцѣ: Мойсей Сакало, Хведоръ Брошко, а вмѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошенію и за себе Евфимъ Петренко руку приложилъ.

Мѣщане:

Левко Бровко, Михайло Дмитренко, Федоръ Калениченко, Кондрать Бондарь, Парфенъ Дмитренко, Андрѣй Мирочникъ, Федоръ Уточка, Федоръ Пухнатий, Николай Пухнатий, Иванъ Самусь, Иванъ Яловець, Иванъ Чайка, Карпъ Воробей, Данило Артеменко, Грицко Плутка, Самойло Горголь, Ілія Олѣйниченко, Степанъ Синѣличенко, Сава Лантенко, Василь Лемѣшченко, Петро Лестуха, Андрѣй Артеменко, а вмѣсто ихъ неграмотныхъ по ихъ прошению и за себе писарь магистрата Козелецкого Александръ Яроховский руку приложилъ. Мѣщанинъ Иванъ Шеневский, мещанинъ Иванъ Надохъ (?), мещанинъ Яковъ Пухнатий, мещанинъ Иванъ Юрченко, мѣщанинъ Максимъ Броварникъ, мѣщанинъ Омелко Миронча, мѣщанинъ Пантелемонъ Мануйловъ, Федоръ Усаха, Андрей Артеменко, Степанъ Нудженко.

(Изъ бумагъ И. В. Луицкаго).

VI.

Выборы въ Стародубскомъ полку.

1) Донесеніе Стародубскаго головы о городскихъ выборахъ.

Сіятеднѣйшему Графу, Высокопревосходителнѣйшему Гос—ну Генераль-Аншефу, Малороссійскому Генераль Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту, Украинского и Малороссійского Корпусовъ главному Командиру а обоихъ Россійскихъ Императорскихъ ординовъ и Св. Анны кавалеру, графу Петру Александровичу Румянцову.

Всенижайшій Репортъ.

Во исполненіе Всевисочайшаго Ея Императорскаго Величества имянного указа, декабря 14 д. 766 года состоявшагося за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ, и публикованнаго манифеста, съ приложеніемъ о выборе депутатовъ въ учрежденную въ Москвѣ Коммисію для сочиненія проекта новаго

уложенія, избранному отъ гражданства города Стародуба депутату, магистрата Стародубовского бурмистру Данилѣ Родинскому полномочіе учинено. И означенными изъ наличныхъ при выборѣ пять человекѣвъ, въ числѣ которыхъ два человекѣвка купцовъ было, поступающа по онымъ при манифестѣ приложеніямъ, наказъ и съ прошеніями сочиненъ, и по окончаніи гражданству тотъ наказъ и съ прошеніями прочитанъ и подсудственные магистрату Стародубовскому, такожъ нѣкоторыя изъ неподсудственныхъ оныя наказъ и прошенія подписали; а нѣкоторыя неподсудственныя тому Магистрату, яко то: зъ Бунчуковыхъ, Войсковыхъ и Значковыхъ Товарищей и другаго званія жительствующія въ городѣ Стародубѣ, кои имѣютъ знатныя торги пеньныя и промыслы винокурныя и другія, а иныя имѣющія дома, нетокмо тѣ, коя при выборѣ мене и депутата не были, но и бывшія при томъ на тѣхъ наказѣ и прошеніяхъ подписываться отказались. потому болше, что силу привилегій прописано съ прошеніемъ на то Высочайшаго Ея Императорскаго Величества утвержденія, о которыхъ при выборѣ бывшихъ и неподписавшихся учиненной изъ списка реестръ у сего приложенъ; и я ниже подписавшійся упомянутой наказъ съ прошеніями и подписанное полномочіе избранному депутату вручилъ. И что выборъ и все къ тому принадлежащее окончено. о томъ Ваше Высокографское Сіятельство всенижайше репортую.

Магистрата Стародубовского бурмистръ и избранный отъ всего гражданства города Стародуба головою Герасимъ Елисеєвъ.

1767 году,
Апрѣля 4 дня.

2) *Донесеніе Стародубскаго шляхетства по поводу сочиненнаго имъ наказа.*

Сіятельнѣйшему Графу... (и проч.) Петру Александровичу Ею Сіятельству Румянцову

Репортъ.

Вашему Высокографскому Сіятельству должность имею донестъ, что по окончаніи здесь бывшихъ къ избранію отъ шляхетства по-

вѣта Стародубовскаго предводителя и депутата выборов, сочинень уже выбранному депутату и наказъ о разныхъ общихъ шляхетства здешняго нуждахъ и недостаткахъ; но толко еще не всѣми бывшими при выборахъ подписанъ: ибо большая часть съ нихъ, какъ скоро тѣ выборы окончены, заразъ. не дожидаясь сочиненія и окончанія онога наказа, розѣхались. А за такую ихъ отлучкою всѣ о общихъ нуждахъ разсужденіи и совѣты дѣлались и по онымъ объявленный наказъ сочинень и подписанъ одними толко оставшимися здесь чинами. Для чего, чтобъ сему немаловажному въ силѣ высочайшаго Ея Императорскаго Величества имяннаго повелѣнія отправляющемуся дѣлу доставить совершенное съ полною исправностію окончаніе, въ чемъ нынѣшнѣе мое званіе особливую на меня должность возлагаетъ, посланы отъ меня повѣстки, созывая и всѣхъ тѣхъ прежде времени отъсель отлучившихся на 12 число сего мѣсяца въ Стародубъ къ усмотрѣнію и подпису онога наказа.

Между симъ происхожденіемъ нынѣшними днями случайно дошло здесь увидѣть тѣ пункта, кой въ наказахъ о общихъ нуждахъ отъ шляхетства Черниговскаго повѣта положены. Весьма жалко, что оныя дошли сюда не прежде, но послѣ уже сочиненія здѣшняго наказа; ибо въ тѣхъ пунктахъ написаны разные такіе важныя нужды, кои и здѣшнему шляхетству суть общіе, но о коихъ въ здешнемъ наказѣ ничего не упомянуто, прочіежь матеріи выведены съ достаточнѣйшими и вѣрнѣйшими нежели здесь выправками, такъ что оныя будучи и одинакіе, но между собою кой въ чемъ не сходствуютъ. Почему разные здѣсь теперь находящіеся чины согласны со мною противъ того, и здешній наказъ въ иномъ дополнить, а въ другомъ привести въ сходство почти за необходимо разсуждаютъ, къ чему надежно и прочіе могутъ согласиться. Но вмѣстѣ и то видятъ, что сего безъ доклада Вашему Сіятельству дѣлать не можно, тѣмъ наче, что и въ приложенныхъ при Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества декабря 14 дня 1766 года манифестѣ обрядахъ, чтобъ сочиненные указы за прошествіемъ назначенныхъ къ тому дней можно было дополнять или въ чемъ поправлять — сего не изображено. Однакожь какъ въ техъ обрядахъ, въ указѣ къ Губерна-

торамъ по 9-му пункту написано: ежелибы при выборахъ какіи ни есть въ обрядахъ нашлись сомнительства, то дается имъ дозволеніе рѣшить и опредѣлить по лучшему ихъ усмотрѣнію то, что къ по-радочному и доброму производству сего дѣла полезно; и что тѣмъ самимъ исполнится Высочайшая Ея Императорскаго Величества воля. Для того объ ономъ Вашему Сіятелству покорнѣйше представляю, докладая здѣсь и нижайшее Вашему Сіятелству имѣющагося нынѣ здѣсь шляхетства прошеніе, коимъ они ищутъ высокомилостивой Ва-шего Сіятельства резолюціи, по которой бы имъ согласясь, съ про-чими, оный свой наказъ въ иномъ дополнить, а въ иномъ привести въ сходство можно было.

Судія Земскій и Предводитель Шляхетства повѣту Староду-бовского *Петръ Искрицкій*.

1767 году,
Апріля 6 дня,
Стародубъ.

3) *Донесеніе предводителя о составленіи Стародубскимъ шля-хетствомъ наказа.*

Сіятелнѣйшему Графу, Высокопревосходительнѣйшему Г-ну Ге-нераль Аншефу, Малороссійскому Генераль Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту, Украинского и Малороссійского Корпу-совъ главному Командиру и разныхъ орденовъ Кавалеру, Графу Петру Александровичу Его Сіятелству Румянцову.

Покорнѣйшій репортъ.

Съ самаго вступленія моего въ сію отъ общества извѣренную на меня должность, все стараніе мое прилагалъ я о сочиненіи отъ здѣшняго повѣта такого наказа, кой, удаленъ будучи отъ всѣхъ закоренѣлыхъ предрассужденій, соотвѣтствовалъ бы прямой и суще-ственной каждому пользѣ. Но все мое о томъ попеченіе ни къ чему больше не послужило, какъ только къ самимъ обиднымъ порыца-ніямъ на меня отъ нѣкоторыхъ; и сколь ревностнѣе защищалъ я

мои мнѣнія, столь больше несогласіе и упорство дѣйствовали, такъ что я, оставаясь при немногомъ числѣ шляхетства однихъ со мною сентиментовъ, принужденнымъ себя напоследокъ увидѣлъ, во убѣженіе нареканія, уступить времени и на первомъ наказѣ съ усиленіемъ моимъ подписатся.

Всѣ сіи разногласія въ одинакомъ видѣ продолжались даже до полученія отъ Вашего Сіятельства на мой репортъ милостивой резолюціи. Но и послѣ оной не уповательно, чтобъ возможно было сыскать добрый порядокъ, еслибъ Его Сіятельство Князь Юрей Васильевичъ Г-нъ Полковникъ по прошенію моему не подкрѣпилъ меня при чтеніи изготовленнаго вновь наказа своимъ присудствіемъ. Сіе наконецъ средство немало споспѣшествовало къ тому, что нѣкоторые несогласные, буди не на всѣ, то хотя на нужнѣйшіи пункта склонились. И такимъ образомъ, исправивъ сколько можно было прежній наказъ, и очистивъ оный по меньшей мѣрѣ отъ такихъ прошеній, кои по нынѣшнѣму времени съ пользою общества не согласовали, ускоряю представить оный ко благоусмотрѣнію Вашего Сіятельства чрезъ Войскового Товарища Григорія Велѣнскаго, кой по выбору Шляхетства бывъ при сочиненіи наказа, и слѣдовательно вѣдая какъ мои, такъ и каждого мнѣнія, можетъ Вашему Сіятельству, когда благоугодно будетъ, о бывшемъ происшествіи во всемъ пространствѣ донести. Я какъ себя, такъ и его въ высоко милостивое Вашего Сіятельства покровительство и благопризрѣніе при семъ поручаю.

Судія Земскій и предводитель Шляхетства повѣту Стародубовскаго *Петръ Искрицкій.*

1767 году,
Апрѣля „ дня.

4) Донесеніе князя Хованскаго о томъ жс.

Сіятельный Графъ,

Милостивой Государь!

Нижайше прошу Вашего Сіятельства простить мнѣ, что выборъ изъ козаковъ въ депутаты не точно по предписанному повелѣнію Вашего Сіятельства зделанъ марта 27. Причиною тому, Милостивой Государь, что отъ некоторыхъ Сотенъ повѣренные были присланы съ полномочіемъ не такимъ, какъ означено въ манифесте; такожъ замѣтки, данныя повѣреннымъ о наказе отъ разныхъ сотенъ, были даны несходные и вовсе ненадлежащие, и такъ принужденъ былъ снова какъ наказъ, такъ и полномочіе переменить, чрезъ то четыре дни прошло за переписками въ Сотни. Каковъ же наказъ дѣланъ козачей, при семъ точную копию прилагаю; некоторые пункта хотя со мною несогласья написали и я всевозможное стараніе прилагалъ, но никакъ ихъ упорство преодолѣть разсужденіями не могъ. Чтожъ принадлежить до наказу шляхетского, и гражданскаго, также нижайше прошу Вашего Сіятельства Милостиваго Государя простить мою промедленность присилкою оныхъ; я толко темъ себя оправдать могу, что великое затрудненіе имель оныя получить; а притомъ и наказы толко что въ сихъ дняхъ кончены за разными несогласіями между шляхетства, также и межъ гражданъ, и длилось оное сочиненіе до 29 марта. Препоручая себя въ милость и протекцію Вашего Сіятельства, есмъ и пребуду съ глубочайшимъ моимъ почтеніемъ, Сіятельный Графъ, Милостивой Государь, покорный слуга Князь *Юрій Хованскій*.

1767 году,
Апріля 6 дня,
Стародубъ.

5) *Донесеніе предводителя шляхетства о судьбѣ наказа и прошеній шляхетства.*

Сіятелинѣйшому Графу... (и проч.) Петру Александровичу Румянцову.

Отъ Судьи Земского и предводителя шляхетства повѣту Стародубовского.

Покорный Репортъ.

Отправленные предъ симъ отъ Вашего Сіятельства при письмѣ, по прошенію моему и всего повѣту Стародубовского шляхетства, къ выбранному отъ повѣту Стародубовского депутату Г-ну Бунчуковому Товаришу Дунину-Борковскому наказы, такожъ къ Ея Императорскому Величеству челобитная, и полномочіе въ Москву, за небытіемъ его Г-на Борковского въ Москвѣ, обратно въ Глуховъ, а зъ Глухова ко мнѣ, для отсылки того къ нему Г-ну Борковскому, съ помѣтами на конвертѣ присланы. И понеже тѣ конверты совсѣмъ уже стерлись, такъ что все въ нихъ запечатанное видѣть было можно, для того все то мною свидѣтелствовано и явилось въ цѣлости. Къ томужь, что нѣкоторые тогда шляхетство присудствующіе при выборахъ за болѣзнію и отлучками на наказахъ были не подписались, а нынѣ оны на лице случились быть, для того по ихъ прошенію подписатся на наказахъ мною допущены, и кто именно нынѣ подписался, о семъ прилагаю Вашему Сіятельству имянной списокъ. Помянутые жъ: челобитная, полномочіе и наказы, такожъ и Вашего Сіятельства къ Г-ну Борковскому письмо, — въ новый запечатавши конвертъ, черезъ нарочного къ вѣрнѣйшему порученію оныхъ, гдѣ его Г-на Борковского сыскать можно, сего числа мною отправлены. О чемъ симъ въ моей покорности Вашему Сіятельству репортую.

Судія Земскій и предводитель шляхетства повѣта Стародубовского *Петръ Искрицкій.*

Отъ числа 23 іюня
1767 году,
Стародубъ.

Рыцарский—юношескый, храбрый.

Рыцарство—мужедоблестіе, побѣдная, побѣдительная, храбрость.

Рыцарь—воинъ.

Рыцарь выборный—исполинъ, защитникъ, мужедоблественникъ, побѣдникъ, противоборець.

Рычу якъ левъ—рыкаю, шатаюся.

Рыю—саяю, рѣю.

Рьдко—на малѣ.

Рьзачка—хороба, дусерія.

Рьзныкъ—закалатель.

Рьзъ—заколеніе.

Рьпый—волчець.

Рьпныкъ—вѣтый, соглаголникъ.

Рьчъ—вещь, прѣ, трудность, потреба.

Рьшу—разрѣшаю.

Рьдно—вретище, власяница, рубище.

Рьдца—строитель.

Рьдъ—правленіе, устроеніе.

Рьдъ веду—правляю.

Рьженье—строенье дому, смотреніе, домоправленіе.

Рьжу—правляю, исправляю, царствую, справую.

С.

Сагайдакъ—туль.

Садъ—рай.

Сажавка—кунель.

Сажая в темницу—связую, повергаю в темницу.

Сакраментъ—тайна.

Салата—лѣсная желтяница.

Саля—восходница, прикровникъ сѣнный, дворъ.

Самородный—самодѣланъ.

Саранча—прузи, пружіе, акриды.

Сваруся—каторуся, распрѣваю, крамолюся, тяжуся, боруся, ратую.

Сварилися—бѣждахуся.

Сваръ—котора, крамола, прѣ, распрѣ, любопрѣніе, прекословіе, прерѣканіе.

Свекруха—свекровъ, свекра.

Свербитъ—прокаженъ.

Свербитъ в очахъ—мжитъ.

Свербѣти—капоскатись.

Сверцокъ—сверць.

Свистюлка—свирѣль, цѣвница, соплъ, сопѣль.

Свишу—свирую.

Свобода—отрада.

Свободитель—спаситель.

Свободитися—спастись, отлучитися.

Свой—властный, свойственый, присвоеный, усвоеный, свойскій.

Свое мнѣманье—само мнѣніе, самохотѣніе.

Свояволе—пустошне, безчиннѣ.

Свояволикъ—студодѣй, самочинникъ.

Своявольность—презорство.

- Сволявольный*—непокоривый, студодѣй, напыщенный, своечинникъ.
- Своляволю*—безчиную, безчинствую, разсверѣиваю, шатаюсь, которуся.
- Своя воля*—безчиніе, безчинство, пустошь, разсверѣцїніе, непокорство, напыщеніе, напраснство, ослаба, досада, котора.
- Своя дума*—зри свое мнѣманье.
- Свѣдокъ*—свѣдитель, послухъ.
- Свѣдомость*—вѣдѣніе, свѣдѣніе.
- Свѣдомый*—искусный.
- Свѣдоитво*—свѣдительство.
- Свѣдичу*—свѣдительствую, послушествую.
- Свѣдчуся*—сіяю (sic).
- Свѣтлость*—свѣтъ, сіяніе, заря.
- Свѣтлый*—цѣль, цѣлый, правый.
- Свѣтъ*—міръ, вселенная.
- Свѣта панъ*—міродержца.
- Свѣта сотворенье*—міра твореніе.
- Свягоганье*—баснословіе, блядословіе.
- Свягогаливый*—обрѣтословець, баснословець, блядословъ.
- Святобливость*—свяжба.
- Святобливый*—преподобный, говѣнный.
- Святости*—святыня, тайны.
- Священнодѣйство*—таинство.
- Священныкъ*—жрецъ, священнодѣйственныкъ, тайнодѣйственныкъ, іерей.
- Священство*—чистительство, жречество.
- Священя*—празднованіе, празникъ.
- Себе*—ся.
- Селосвятное*—житейское, мирское.
- Секретаръ*—тайникъ.
- Секретнь*—духовнѣ.
- Секретъ*—тайна.
- Село*—весь.
- Селянинъ*—поселянинъ.
- Селяне*—народніи поселяне, ниварѣ, особници.
- Сентенція*—судба.
- Серя*—усерязь, усеряга.
- Сердечье*—присердечно, мужески, мужественнѣ, усердно.
- Сердечное поруиенье*—движеніе сердечное, страсть, пристрастіе.
- Сердитость*—ярость, рвеніе.
- Сердитый*—яростивый, жестокий.
- Середный*—средный, соумѣренный.
- Серень*—лѣдь, голоть, слана.
- Сержуся*—яруся, надимаюсь.
- Серни*—лани.
- Серня траченье*—униеніе, небреженіе.
- Серце трачу*—униваю.
- Сивизна*—сѣдина.
- Сикавка*—сморщъ.
- Сикофантъ*—клеветникъ.
- Сили*—моць, крѣпость, держава.
- Силляба*—слогъ.
- Силмость*—зѣлность.

- Сильный*—зѣлный, юношеский.
Сило—плѣница, сѣть, мрежа, тенеть, пугло.
Силоизмъ — противоположеніе, противорѣчіе, умышленіе, смышленіе, недоумѣніе.
Синий едвабъ—сянета,...
Сипливость—сипота.
Сипливый — медленноязычный, косногласный.
Скаженъе—растлѣніе, разореніе.
Сказанъе—разумъ.
Сказителность—тля, тлѣніе.
Сказца—раздлитель.
Сквалливый—наглый, напрасный.
Скиба—виоранная толща.
Скиваю—помаваю.
Скидачь—низложитель.
Скидаю—низлагаю.
Складка—согласіе, слогъ.
Складую—составляю.
Складъ—силляба.
Склеенъе — прилѣпленіе, прилогъ.
Склепы—гажа (sic).
Склепъ—камара.
Скляюж (sic)—прилагаю, прилѣпляю.
Склонный—благоувѣтливый.
Скляница—стляница.
Сковорода—сковрадъ.
Сковранокъ—щуръ.
Скора—кожа.
Скора овчая—милоть.
Скори отстрая (sic) — цапа, ящеръ.
Скорникъ—усмаръ.
Скорпанный—скорпенный.
Скорченый—сляктъ, слукъ, слячень, согбенъ.
Скорченъе—сокращеніе.
Скорчую—сопрятаю.
Скорупяный—скуделный.
Скривженъе—неправдованіе.
Скриня—ковчегъ, влагалище.
Скрипки—гусли.
Скрытый—лукавый, понурливый.
Скробатись—копошатись.
Скрозъ—чрезъ, сквозъ.
Скромне—опрятно.
Скромность—честность.
Скромный — благоугодителный, кроткый, кротокъ, миренъ, мирный, соумѣренный.
Скромныйшый—кротчайшый.
Скроны—скранія.
Скруха—сокрушеніе, умиленіе.
Скруху маю—умыляюсь, сокрушаюсь, сокрушаю, сотираю, сломляю, сосѣцаю.
Скучо—сцѣгло, стигло.
Скутечне—дѣтелнѣ.
Скутокъ—дѣло, изводство.
Слабый—кlossenъ, немощенъ.
Славетный—нарочитый, нарочить, изрядный, изящный.
Слина—плюновеніе.
Смичный—лѣпный, зри красный.
Слово—глаголь, рекло.
Словенъ дозорца — слононачалникъ.
Слонъ—елефантъ.
Слота—сланъ, слана.

Службничій—рабій.
Служенье—служеніе.
Слухаю—слушаю.
Слухаю пилю—внимаю, внушаю, внемлю.
Слухай пилю—внемли, внуши.
Слушине—въ лѣпоту, въ расноту, изящнѣе, послѣдователнѣ, лѣпо, подобно, лѣтъ есть, подоболѣпно, подобоискусно, достойно, подобающее.
Слушиный—приличный.
Слызкій—ползкій, ползокъ.
Слымаки—зелвы.
Слѣдъ—стопа.
Слѣдомъ за кимъ иду—послѣдую, послѣдствую.
Слѣговоронъ—нощный вранъ—на нирищахъ и здѣхъ любить обитати.
Слюбовное—благодарное.
Слюбую—обѣщаю, обѣтую, обѣтъ творю.
Слюбъ—обѣтъ, обѣщаніе.
Смакъ—сласть, сладость.
Смачная потрава—сласть, сладость.
Смарую—умащаю.
Смерканье—сумракъ.
Смертемый—мертвенный.
Смерть—скончаніе.
Смокъ—змій.
Смокъ, що воду тянетъ—водоважца.
Смола—пекло, сажа.
Смотренье—смотреніе, глядь.
Смотрю—зрю, блюду.
Смотрю до цели—намѣраю.

Смотри—зри, виждь.
Смродъ—попраніе, скверна, тина.
Смутный—дряхль, дряхлыѣ, дрясель, тяжекъ, тяжкосердый.
Смутный убіроръ—вретище.
Смутокъ—печаль, скорбь, рыданіе, сѣтованіе, тяжкосердіе, дряхлость, кручина.
Смучуся—дряхлую, дряседую, печалую, стужаюся, тяжкосердствую.
Смыслъ—умъ, разумъ, мудрованіе, чувство, умышленіе, смышленіе.
Смѣвалство—смѣхотворство, смѣхотворства гражданство.
Смѣле—дерзновеннѣ, не обинуся.
Смѣлость—дерзновеніе, дерзость, необиновеніе, великодушіе.
Смѣлый—дерзокъ, дерзкій, дерзый, дерзостень, продерзатель, великодушный, напрасливъ.
Смѣлый естемъ—смѣю, дерзаю, необинуюся.
Смѣтье—уметь, отребіи, пощраніе, изгрѣбы.
Смѣхъ—жартъ, глумъ, подражаніе, грохотъ.
Снаднъ—нетяжестнѣ, ненавистнѣ.
Снатъ—негли, васнь либо нѣщо, простѣ.
Снитъ ми ся—сонія вижу.

Снозы, що на вола кладуть — сонузница.

Сныданье—заутрникъ, нѣцерь (sic), ваятель (sic).

Сокира—сѣчиво.

Сокира до муру—оскордъ.

Сокъ—глѣнь.

Соловий—славый.

Солодкій—сладкій, слащъ.

Солома—стеблие.

Солоная земля—слатина земная.

Сонъ—соніе, виденіе.

Сопрятую—сокровищю, сокриваю.

Соромаясь—стижуся, обинуюся, срамляюся, червонѣюся.

Соромъ—срамъ, студъ.

Соромяжливость—стидѣніе, обиновеніе.

Соромяжливъ—посуленъ.

Сорочка—срачица, хитонъ.

Состави в костехъ—глезны.

Составъ в члонкахъ—составъ.

Сочевница—сочиво.

Спадокъ—наслѣдіе, жребій, достояніе.

Спадокъ—падежь.

Спаня.ле—щапственнѣ.

Спилността—прилежно, сприлелжаніемъ.

Спилността що чиню—ухищраю.

Спираюся—стязаюся, прюся.

Списую—плѣтую, соплѣтаю.

Спишаю—возряжаю.

Сповиноваченье—соимѣтельство, соемленіе, сообщеніе, сочтаніе.

Сповѣданье—чаяніе, упованіе, надежда.

Сповѣдаюсь—исповѣдаюсь.

Сповѣдь—исповѣданіе.

Сподѣваюся чого—ожидаю.

Спокойный—мирный, миренъ.

Сполечникъ—обещникъ.

Сполечность—соимѣтельство, соемленіе, сообщеніе, сопребиваніе, сочтаніе, общеніе, соближеніе.

Сползахваченье—совосхищеніе.

Сполкованье—тожь, що и сполечность.

Сполкуюсь—сочетаваюся, общаюся, сообщаюся, сопребиваю.

Сполкуюый—обещникъ.

Сполме—сполечне, единодушно, единомысленно, кушно, единоголасно.

Сполмичтво—участіе, причастіе.

Сполохуюсь—ужасаюся.

Спорный—суперникъ.

Споръ—пря, прекословіе, прѣніе, рвеніе, противленіе, реть, тяжба, распря, любопрѣніе.

Споряжаю—устрою, учиняю.

Споряженье судьбы—благостояніе.

Способный—десный, приличный.

Способъ—образъ, устроеніе.

Спотихаю—стрѣтаю, срѣтаю, срящу.

Спочатку—искони, изначала, вначалѣ.

Справа—упражненіе, умышленіе, смышленіе.

- Справедливе* — праведнѣ, въ правду, послѣдователнѣ, изащитѣ, въ лѣпоту, въ рясноту.
- Справедливостъ* — правда.
- Справедливый* — праведный, преподобный.
- Справный* — строителный.
- Справованный* — дѣйствиемый.
- Справованье* — устроеніе, искусство.
- Справую* — исправляю, прохожду, дѣствую, сотворяю, восхожду, строю.
- Справы* — дѣянія, дѣла, дѣтели.
- Справца* — дѣлатель, наставникъ, настоятель, вождь, строитель.
- Спросность* — суета.
- Спросный* — шкаредный, шкаредь, безмѣстный, злообразный.
- Спроста* — бошію, убо, , всяго.
- Спротивляюся* — возражаю.
- Спрягаю* — сочитаваю, сочетаваю.
- Спрягъ домовый* — мшелъ, сопрятаніе, рѣшина.
- Спѣванье* — пѣніе.
- Спѣванье высокое* — пѣснь степенная.
- Спѣзанье погребное* — рыданіе гробное.
- Спѣжарня* — житница, хранилище, хранило.
- Спѣшу* — спѣю.
- Спѣшуся* — спѣю.
- Срамный удѣ* — луна (sic).
- Срамота* — срамъ, студь, безчестіе, досажденіе, понось, укоризна, укорь, облевета-
- ніе, омѣшеніе, смущеніе.
- Срамоченье* — поношеніе, понось.
- Сребра пробуочій* — среброискусникъ.
- Сребролюбчій* — сребролюбець.
- Срогій* — дывий, безчеловѣчный, жестокъ, лютый, безстуденъ, неотрѣченъ, неумолимъ, несердоболь, немилосердъ, неблаугогробенъ, немилостивъ, звѣрообразный, грозный, лютъ, лютый.
- Срогость* — жестота, безчеловѣчіе, немилосердіе, сверѣніе, сверѣпство.
- Срожуся* — озлобляюся, огорчаюся, сверѣпѣю, срогого взроку, яровидный, звѣрообразный.
- Ставаюся* — бываю.
- Ставз* — сонмъ водный.
- Стадникъ* — оревъ.
- Стадо овчье* — паства.
- Стай* — стадій, стадіонъ, поприще.
- Стайня* — стояніе.
- Сталость* — доблесть, мужество, крѣпость, благостояніе.
- Сталося* — бысть.
- Сталый* — благоприсѣдательный, добль, доблественный, мужественный, крѣпкій, постоянный, десный.
- Сталый естемъ* — доблествую, мужествую, крѣплюся, великодушествую, храбрствую.
- Сталый на всякіе бѣды* — великодушенъ, храбрый.

- Сталою разуму* — великодушень.
- Становиско* — станъ, пристанище.
- Становлю* — уставляю.
- Становлю домъ* — потыкаю домъ или обозъ.
- Станъ* — санъ, достоинство, . . .
- Старане великое* — многопечаліе, попеченіе, промышленіе, угодіе, страсть, неполученіе.
- Старанье наибольшое* — опаство.
- Старанесь* — печаловане, попеченіе, подвигъ, страданіе, прилежаніе, печаль, мшелоимство.
- Стараясья* — пекуся, печалуюся, подвизаюся.
- Стараючийся* — тщаливый, тщательный.
- Старецъ* — старѣйшый, старѣйшина.
- Стародавний* — древный, ветхый.
- Старожитный* — тое жъ.
- Староста* — книгочій, епархъ, предстатель, предсѣдатель.
- Староство* — настоятелство.
- Старость* — сѣдица, матерство.
- Старший* — наставникъ, предводитель, предсѣдатель.
- Старший надъ ширмирми* — тризноположникъ.
- Старшинство* — народоводителство, настоятелство, предсѣдательство, достоинство.
- Старшинствую* — правлю.
- Старый* — ветхый, древный.
- Статечность* — зри сталость.
- Статечный* — зри стальной.
- Статечніе речи* — тщиво.
- Статутокъ християнскій* — уставъ, нравъ, веленіе, преданіе, зри — правостафированье, ухищреніе.
- Стафидуруся* — ухищряюся.
- Ствержаю* — утверждаю.
- Створенье* — тварь, созданіе, сотвореніе.
- Створитель* — содѣтель, творецъ, сооружитель, воздатель, сотворитель.
- Стебеле* — стебліе.
- Стежка* — стезя, путь.
- Стерею* — блюду, берегу, храню, присѣжу.
- Стереженье* — блюденіе, береженіе, храненіе, присѣдѣніе.
- Стережи* — снабди, спаси, избави.
- Стеречись* — снабдися.
- Стертый* — истнень.
- Стертье на порогахъ* — истненіе, истнѣніе.
- Стираю* — сокормляю, сокрушаю.
- Стираю на муку* — истнѣваю.
- Стирка* — сударь.
- Стирникъ* — управитель, кормчій.
- Стиръ* — гребло кормливое, кормъ.
- Стовченъ* — сотлаченный, сокрушенный.
- Стокну* — изнемогаю, немощствую.

- Стодола*—житница.
- Столиць*—полкружникъ, сѣдалище.
- Столица*—престолъ, ѿронъ.
- Столяръ*—древодѣля, . . .
- Сторожа*—кустодія, стражба, храненіе, хранилище.
- Сторона*—страна.
- Сторонюєь*—устраняюся, освѣняюся.
- Стосъ*—составъ.
- Страва*—пища, ядь, снѣдь.
- Стравленъ бываю*—умучаюся.
- Стравляю*—умучаю, иждиваю, изнуряю.
- Страдний* — бѣдний, страстный.
- Стражъ*—зри сторожа.
- Страфунку*—по случаю, приличнѣ.
- Страховище*—пугало, страхованіе.
- Страшило*—зри страховище.
- Страшный* — лютый, грозный, ужасный.
- Страшу*—мяту, пакощу, ужа саю.
- Страшуся*—ужасаюся, мятуся.
- Стричокъ*—вервь, вервія, уже.
- Строжъ*—стражь, кустодій.
- Стромоловъ*—стремглавъ.
- Стросканный*—дряхлаый.
- Строфованье*—обличеніе, хухнаніе.
- Строфую* — обличаю, показую (sic), порицаю, оглаголюю, зло-словляю.
- Строфуючий* — обличитель, обличникъ.
- Струльмвз*—прокаженъ.
- Струченый*—возраженъ, низверженъ.
- Стручокъ*—стручець.
- Стручую*—возражаю.
- Стръла*—ратище.
- Стрълянье*—верженіе.
- Стръчаю* — стрѣтаю, срѣтаю, срящу.
- Студенецъ*—ровъ, ровенникъ.
- Студентъ* — спудей, ученикъ, тщатель.
- Студень*—зима.
- Студня*—кладязь, кладенець.
- Стукъ*—мятежь, молва, мятеніе, топоть.
- Ступень*—степень.
- Стыдаюся*—стижуся, срамлюся, обинуюся.
- Стъна*—забрало.
- Стънныкъ меду*—сотъ.
- Стягаю*—сообязую.
- Судилище*—судище.
- Судина*—орудина.
- Судина для оливы*—чванецъ.
- Судовый домъ*—преторъ.
- Судъ*—судба.
- Сукно*—портище.
- Сукня*—верхняя риза, одежда.
- Сукцессія*—приемничество.
- Сумма якого писанія*—глава, главизна, оглавленіе, смышленіе.
- Сумненье*—совѣтъ, разумъ.
- Супортокъ*—праща.

Суптелне—нетелесне, духовнѣ.
Суптелность—ухищреніе, благоухищреніе.
Суптелный—восперѣнъ, тонкій, тонченый.
Сурма—сопль.
Сурмачъ—пищальникъ.
Суровость—безчеловѣчіе.
Суровый—зри сродій.
Сустъкованный—пороченъ, укоризненъ.
Сусъдъ—сосѣдъ, подругъ, судомникъ.
Суть—предстоить.
Сучокъ—сучецъ.
Суиъ (sic)—сухъ, голый, сухль.
Сфальшованое—прелюбодѣичное, растлѣнное, лестное.

Сфуканье—язва.
Схадзка—сотеченіе, собраніе.
Схилляю—приклоняю.
Сховую—храню.
Схороняеть ся—сопрятаеть ся.
Сыномъ учиненье—сыноположеніе, учиненіе, усыновленіе.
Сьдаю—возлѣгаю.
Сьдаю на лаву—воскляняюсь.
Ську—уязвляю.
Сьножатъ—травникъ.
Сьны—кровь, предверія.
Сьпачъ—рядникъ.
Сьрка—сѣра, жупель.
Сьтка—сѣть, мрежа, тенеть, сило.
Сьтникъ—ситовое.
Сьуди—сѣмо.

Т.

Таблица—скрижаль.
Табличка—влагалище.
Таемная—тайная, таинственная, таинственнѣйшая, недоувѣдомая.
Таемне—тайно, отай, духовнѣ.
Таемница—тайна.
Тайстра—чпагъ, шира, спирида.
Таковый—сицевый.
Такъ—тако, ей, сице.
Талантъ—шесть сотъ червонныхъ.
Тальръ—дискось.
Тамошный обиватель—туземецъ.

Тане—туне.
Танецъ—ликъ.
Танецъ справую—ликовствую.
Таность—смиренность.
Танцу поваженье—ликованіе, ликовствованіе.
Танциую—ликуюю.
Тарча—щитъ, павѣжъ, плѣжъ.
Татаринъ—скифъ, скифинъ, срадинъ.
Тань—селеніе, сѣнь, село, скинія.
Тваръ—лице, возрѣніе.
Твердость—жестота.
Твердый—жестокый, жестокъ, твердъ, неотреченный, постоянный.

- Твердого карку* — жестоковыйный.
- Твердью* — жестью.
- Тверезлюся* — трезвлюся.
- Тверезый* — трезвый, бодрый.
- Твержу* — извѣствую, провѣщаю.
- Теды* — убо.
- Телесныкъ* — ласкосердій.
- Телька* — о трехъ лѣтхъ юница.
- Темница* — уза, юза, узница, юзилице, стражба, твержа, селеніе, твердиня.
- Темность* — тьма, сумракъ.
- Темность грубая* — тьма осяжмая.
- Темный* — мрачный.
- Тепершыйный* — настоящий.
- Тепершине мешканье* — настоящее житіе.
- Теперь* — нынѣ, днесъ.
- Термошуся* — пружуся.
- Термьнь* — уставъ, предѣль.
- Терпетина* — теревиндъ.
- Терпимость* — терпеніе.
- Терпимость великая* — долго-терпеніе.
- Терпимый* — пожатательный.
- Терплю* — стражду, подежду, приежду.
- Теселство роблю* — древодѣлствую.
- Тесность* — туга, бѣда, безсластіе, несладость, туга съ тяжестію, негодование.
- Тесля* — древодѣля, зодчій.
- Тестаментъ* — завѣтъ.
- Тешу* — ваю, изваю, начертаю.
- Тиранство* — томленіе, мучительство, насиліе, насилуваніе.
- Тиранъ* — мучитель, томитель.
- Тиранъзую* — насилствую.
- Титулъ* — титла, надписаніе.
- Тихо* — безъ шуму, тое жъ безъ шума, безъ плюскости.
- Тихость* — тишина, отишіе, безмолвіе, кротость, несмуценіе.
- Тихый* — кротоеъ, тишайшый, благоугодительный.
- Тканье* — тченіе.
- Тлумачъ* — сказатель.
- Тлумокъ* — тайстра, бремя.
- Тлустость* — толща, тукъ.
- Тлустый* — мождаанъ.
- Тлуца* — обстояніе, народъ многоъ.
- Тоболя* — тоболець, зри — тайстра.
- Товариский* — обычный.
- Товариство* — дружба, дружество, состояніе.
- Товаришка* — жона, сожителница, другиня.
- Товаришъ* — клеветъ, другъ, подругъ, сожитель.
- Товаришъ в дорожь* — сопутникъ, сопутственникъ.
- То* — сіе, тожде.
- Тогда* — южъ, таче.
- Тогосвѣтный* — мудрецъ внѣшный.
- Тоестъ* — сіе, тожде, сиестъ, сиричъ.

- Тожъ*—таче.
Токмо—толма.
Толко—только, точию, кромѣ.
Толко разовъ—толикощи, . . .
Толкованіе—сказаніе.
Толокно—мѣлта (sic), прясло.
Толстость—толща.
Толстый—дебелый.
Топню—таю, истаеваю.
Тополя зеленая—тереванжъ.
Топоръ—сѣчиво.
Торба—зри тайстра.
Торіаю—терзаю, влеку.
Торювникъ—торжникъ.
Торгъ—торжище, тривнице, купилище.
То то—тоже, сіе.
Тошню—тужду, ную, тужу.
Травлю—иждиваю, изнуряю.
Травлю в жолудку—изсучаю.
Травлю з кимъ—прииждиваю.
Трамъ—бервно, бервено, слѣмя.
Трапенъе—бореніе, стуженіе.
Трапенъ естемъ—мятуса.
Траплю—бору, напаствую, ополчаюся, стужаю, труды дѣю, удручаю, озлобляю, возмущаю.
Трафляюсь—включаюсь, приключаюсь, случаяюся.
Трафунокъ—случай, притча.
Трачу—погубляю, изнуряю, иждиваю.
Травалый—добль, мужестьенъ, крѣпкій, твердый.
Траваю—пребываю, терплю, подемлю.
Тривога—возмущеніе, соклаще-
- ніе, крамола, молва, мятежъ, мятеніе, смятеніе.
Трвожу—возмущаю, соклацаю, смущаю, крамоляю.
Трвожуся—мятуса, крамолюся, смущаюся, сомнюся, низпадаю.
Треба—требѣ, подобаетъ, лѣпо есть.
Требенецъ—евнухъ, каженникъ.
Трезво—цѣломудрно.
Трезвость—цѣломудріе, цѣломудреніе.
Трезвый—цѣломудрный, цѣломудренный, бодрый.
Тремтанъе—зри трепетаніе, стенаніе, колѣбаніе, раслабленіе.
Тремчу—трепещу, стѣню, колѣблюся.
Трефнитво—кощунство, гражданство (sic).
Трефную—кощунствую.
Трефный— . . . , кощунникъ.
Трибуналъ—судище, судилище.
Триумфую—в побѣдѣ являюся.
Триумфъ—побѣдняя, побѣдительная, одолѣніе, патрижненіе (sic), . . .
Троска—туга, дряхлость, пощеченіе.
Троскмвый—дряхлый, пощечительный.
Тростина—трость.
Троха—велми стигло, стиглѣ.
Трошуся—молью, смущаюся, уживаю, стужаюся.
Троякий помостъ на ширску—

- треверстныя основы на триз-
нищи.
- Трояко*—трегубо, треверстно.
- Трудно*—невозможно, нѣсть воз-
можно, немощно.
- Трудность*—упражненіе, сту-
женіе, неудобство, недоумѣ-
ніе, таинство, недоумѣваніе,
недомышленіе, недомыслимо,
неможеніе, лукавство.
- Трудоватый*—прокаженъ, про-
каженный.
- Трудъ*—проказа.
- Труженъ*—подвигъ, страданіе.
- Трумна*—рака.
- Трутизна*—ядъ, ядъ смертонос-
ный, отравя, балство.
- Тручаю*—рѣю, порѣваю.
- Трясенье земля*—трусъ.
- Трясуся*—трепещу, колѣбаюсь,
стеню.
- Туа*—раченіе.
- Туй*—жилицный.
- Туженье кляцаю* (sic) — зри
тескню.
- Тулакъ*—лестецъ.
- Тулянье*—скитаніе.
- Туляюся*—скитаюся, облужа-
юся.
- Туму.итг*—плищъ.
- Тупканье*—топотъ.
- Тупкаю*—клеплю.
- Тупий*—немошный.
- Тупость*—немошь.
- Турбаторъ*—расколникъ, раз-
дорникъ, смущаяй, зри—ро-
стеркъ чинячій.
- Турма*—зри темница.
- Турнья*—хлопотъ, сваръ, молва.
- Турчинъ*—сарацинъ, скифъ.
- Тутешный*—здешный.
- Тутъ*—зде.
- Тученье*—насищеніе, питаніе.
- Тучу*—умащаю, насыщаю.
- Тущый*—тощъ.
- Тыждень*—седмица, неделя.
- Тыжъ*—убо, и убо.
- Тьло*—плоть.
- Тьломъ грубый*—многоплотный,
дебелый.
- Тьнный*—сѣнный, сѣновный.
- Тьнь*—сѣнь.
- Тьшу посполу*—сослаждаюся.
- Тьшуся*—красуюся.
- Тяблица*—скрижаль.
- Тяжаръ на серцу*—тяжкосердіе.
- Тяжкость*—тягота, тяжесть, ...,
рана.
- Тяжкый*—тяжекъ, неотречен-
ный, притужный.

У.

- Убіоры*—остегны.
- Убіоръ оздобный*—украшеніе.
- Убираюся*—понираю.
- Ублаанье*—умилостивленіе, очи-
щеніе.
- Ублагаю*—умилостивляю.
- Убогий*—бѣдень, нищый.
- Убогихъ халулки*—холуги.
- Убожество*—убожіе, окаяніе,
окаянство.

- Убожество*—нищета, худость.
Убранье—надраги.
Убѣаю—уговзаю.
Уважаю—внемлю, внушаю, вос-
 тязую, воспоминаю, разсмотр-
 яю, сматрѣю, умышляю, со-
 славляю.
Уважный—благоискусный, вни-
 матель, увнушитель, благо-
 словный.
Уволяю—упражняю.
Уволяюся—упражняюся.
Увѣдалъ—позналъ.
Увѣзаю—углебаю, унзаю.
Увясло—митра.
Увожую—совѣщеваю, согласую,
 припоручаю.
Убѣлица—мѣра у тесель, пра-
 вило.
Уюль—грань, уголь.
Уюръжую (sic)—удружаю.
Уураю (sic)—углебаю.
Ударьне—претиканіе.
Удатне—праведнѣ, по достоя-
 нію, въ лѣпоту, достойнѣ.
Удаю на що—устремляюся.
Удилю—бродза.
Удка—удица.
Ужалуюся—жалѣю, умиляюся,
 раскаеваюся.
Уже—абіе, скоро.
Ужежъ—убо ли.
Уживаю—гобзую, наслаждаюся,
 раскаеваюся, употребляю, при-
 емлю, дѣйствую.
Ужитечный—добродѣтельный.
Ужитый—благоувѣтливый,
 добродѣтельный.
- Узда*—бродза.
Уздоровляю—устрабляю, исцѣ-
 ляю.
Узнаье—разумѣніе, познаніе.
Указую—сказую, являю, розмов-
 ляю, назнаменовую.
Уколяю—занзаю, прободаю.
Укоренье—зри ганба.
Укормльне—пресищеніе, упи-
 тованіе.
Укормляю—упитоваю, преси-
 жаю.
Укоряю—потязую, поемлю, по-
 ручаю, повлачаю.
Укосий—косвенный.
Укосость—кривина.
Укривженье—обида, обидѣніе.
Укривжонный—обидимый.
Укривжонный естемъ—врежда-
 юся.
Улженье—отрада.
Уливаю—истукаю, изваяю.
Улица—стогна, халуга.
Улица широкая—площадь.
Уличка—межда.
Уломность—бѣда, немощь,
 вредъ.
Уломный—бѣдный, немощный,
 вредный, несовершенъ.
Ульченье—исцѣленіе, устраба.
Ульчую—исцѣляю, подаю исцѣ-
 леніе, устрабляю.
Умешаю—оскудѣваю.
Уменьшенье—умаленіе, оску-
 деніе, истощаніе, истоще-
 ніе.
Умерлый—мертвый, усопный,
 преставлшійся, опочивный.

- Умертьє*—успеніе, смерть, преставленіе.
- Умешканіе*—водвореніе.
- Умираю*—преставляюся, усыпаю, умираю.
- Умысле*—самохотѣніемъ, устроеніемъ.
- Умова*—закладъ, сложеніе, сроченіе.
- Умовляю*—совѣщаю, согласую, припоруваю.
- Умовляю кого*—увѣщаю.
- Умовляюся с кимъ*—совѣщаюся.
- Уморенъ*—умерщвленіе.
- Умоцняю*—возмагаю, утвержаю.
- Умыслию*—смышляю.
- Умьетность*—мудрость, умѣніе.
- Умьетный*—коварный.
- Униженость умислу*—смиреномудріе.
- Унья*—соединеніе.
- Упадокъ*—паденіе, падежъ, бѣда.
- Упевненъ*—извѣствованіе.
- Упевняю*—извѣствую, увѣряю, увѣщаю, достовѣрне творю.
- Упевняющее*—увѣщательное, вѣровательное.
- Упережающій*—проигумень, предварающій, первый.
- Уперезую*—варяю, упредвараю, предиду, предпостизаю.
- Уплетиле*—соплетеніе.
- Уподобанъ*—благоволеніе.
- Уподобуюся*—угажду.
- Упокоренъ умислу*—смиреномудріе.
- Упоминаю*—наказую.
- Упоминающій*—обличный, обличитель.
- Упомятствуюся*—уцѣломудряюся.
- Упорный*—жестокій, напрасливъ, самосродный, гордостенъ, сверепѣйся, непокорителный, напыщенный, дерзый, яростенъ, презоривый.
- Упорожняюся*—упражняюся.
- Упоръ*—необузданіе, непокореніе.
- Управляю*—исправляю, руководствую.
- Управуюмо*—руководѣмъ.
- Упрейме*—отъ сердца, присердно, вистнѣ (sic).
- Упреймость*—усердіе.
- Упрошую*—умоляю, упрошаю.
- Упустъ в ставу*—хлябъ.
- Упренный*—воспѣренъ.
- Уразумъ (sic)*—коварство, вѣжество, художество умное.
- Ураченъ*—убѣжденіе.
- Урачоный*—блаженный.
- Урачую*—убѣждаю, учествую.
- Уробленіе*—сооруженіе, воздѣланіе.
- Уробляю*—сооружаю, творю, со-творяю.
- Урода*—зри красота, краса.
- Уродивый*—зри красный.
- Уростаю*—возрастаю.
- Уруанъ*—зри ганба.
- Уруаюся*—поношаю, поругаюся.
- Урядникъ*—наставникъ, вождь, строитель, предсѣдатель.

- Урядництво*—настоятельство.
Урядный санъ—достоинство, устроительство, учительство.
Урядъ господарскій—строение, домостроение, домоуправление.
Уряду тою—службы сія.
Усилованье—начинание.
Усилую—належу, убѣждаю, по-нуждаю, подвизаю, нещадно даю.
Усиловуючи—бѣдящи.
Усиновленіе—усиновение, усиновление, синоположение.
Ускромленный—смиранный.
Ускромляю—умучаю, укрочаю, смиряю.
Услованье—служение, упокоение.
Усмиряю—сопрятаю.
Усмотрю—сразумѣваю, соразумѣваю, разсмоцряю.
Усмиряю—утоляю.
Усмьханье—ослабление.
Усмьхаюсь—ослабляюсь, умикаюсь.
Уснути—поспать.
Успокоенье—миръ, умирење, смирение, угодіе.
Уставилъ—поставилъ, назначеновалъ.
Уставше—всегда, присно, во вѣки.
Уставичный—благоприсѣдательный, присный, искранный.
Уставленный—нарекovaný, нареченный.
Уставленая работа—зарочно, цѣло (sic).
- Устаю*—исчезаю, оскудѣваю, таю.
Устергаюсь—сохраняюсь.
Устигаю—спѣю.
Уступаю—попущаю.
Утарка—ратъ, борба, подвигъ.
Утверженье—утверждение, держава.
Утертая дорога—протрутенъ путь, протрутенъ.
Утешенье—гонзение.
Утискаю—оскорбляю, стужаю, смиряю.
Утискованіе—стужение, укоризна, зри—ганба.
Утискую—скорблю, стужуюся.
Утисненье—обстояніе, попеченіе, печаль, скорбь, тѣснота.
Утопляю—потопляю, погужаю.
Утрапенье—озлобление, треволнение, бѣда, печаль, злоклучение, злополучіе.
Утрапленный—бѣдныи.
Утрапленъ бываю—озлобляюся, пизпадаю.
Утрапляю—озлобляю.
Утрапа—тщета, вредъ, изнурение, иструшеніе, преторъ.
Утрапникъ—ласкосердїи, изнуритель.
Утраченный—лишенный.
Утрачую—изнуряю, иструшаю, отщетаѣваюсь, тщету приемлю.
Утуенный—мождаанъ.
Утьканье—гонзение, бѣгство.
Утькаю—гонзаю, избѣгаю.
Утьха—роскошь, улаждение,

- порадованіе, утѣшеніе, красованіе.
- Утѣшаю*—утѣшаю.
- Уфатигованный* — истомленный.
- Уфатиговуюсь*—истомляюся.
- Уфанье*—упованіе, надежда.
- Уфаю*—уповаю, надѣюся, извѣствую, дерзаю.
- Уфность*—дерзновеніе, обинновеніе, упованіе, надежда.
- Уфогванье* — шадѣніе, отрада, попеченіе.
- Ухо*—ухо, край, обушіе.
- Ухороненье*—избытіе.
- Ухороняюсь*—избываю.
- Учасництво*—наслѣдіе, участіе, причастіе.
- Участникъ*—обещникъ.
- Учинокъ*—дѣло, дѣланіе, дѣтель, начинаніе.
- Учиняю*—сотворяю.
- Учитель*—учитель, наказатель.
- Учитися способный* — учительный.
- Учоный*—искусный, научонъ.
- Учта* — гощеніе, учрежденіе, вечеря, пированіе.
- Учту справуючий*—пировникъ.
- Учтивость*—говѣнье, почестъ.
- Учтивость кому чиню*—говѣю, почествую.
- Учтивый*—честный, говѣнный, благоговѣнный, благообразный, добродѣтельный, благонравный.
- Учу* — поучаю, учу, руководствую.
- Учуся*—навикаю.
- Ученый*—почтенный.
- Ученье*—почествованіе, упокоеніе, говѣніе.
- Ушакъ дверей*—наддверная, наддверія.
- Ушанованный*—блаженный.
- Ушко голное*—ухо.
- Ушкоженье*—обида, обидѣніе.
- Ушкожую*—обижу, неправдую.
- Ушлаю*—ухапляю, угризаю.
- Ущипливость*—ругательство.

Ф.

- Фалди*—рысны (sic), тресна.
- Фалдистый*—тресноватый.
- Фалиивый*—лукавый.
- Фалиованье*—лестное, прелюбодѣичное, растлѣнное.
- Фализь*—блудъ, лукавство.
- Фарба*—шаръ.
- Фартухъ* — епедить, обязало, надраги.
- Фаска*—делва.
- Фасты* (sic)—зело.
- Фацелитъ*—сударь,...
- Фиґа*—смоква.
- Фиґовое дерево*—смоковница.
- Фиґъ дикихъ дерево*—черничіе, сикморія.
- Философія*—любомудріе.
- Философскій*—любомудрій.
- Философъ* — любомудръ, любомудръ.

Филя—время.
Филя на водѣ—волна, волненіе.
Флетня—сопль, сопѣль, цѣвница.
Флиси—гребцѣ.
Фляша—фаска.
Фолварокъ—село.
Фолга—отрада, ослаба.
Фолгую—щажу.
Фолгуючи—щадя, свисходителнѣ, отраднѣ.
Форма—образъ, зводъ.
Форма найпершая—первообразіе.
Формованье—образование, изображеніе.
Формую—образую, ухищряю.
Фортель—ученіе.
Фортуна—блаженство, полученіе.
Фортуна чія—случай.
Форытаръ—звончикъ, управитель.
Франца—френчуя, проказа.
Фрасовали—востужиша, пакостиша.
Фрасованый—унилый, дряхлый.
Фрасовливый—печалень, опе-

чалень, прискорбентъ, посуплень.
Фрасунокъ—туга, дряхлость, безсластіе, негодованіе, бѣда, печаль, скорбь, сѣтованіе, желѣтба, желѣнь, посупление.
Фрасунки—многопечаліе.
Фрасую—мяту.
Фрасуюся—тужу, дряхлую. дряселую, молвлю, скорблю, опечалаяюсь, печалую, стужаюся, униваю.
Фратъ—пронирливецъ, пронирливъ.
Фримарчу (sic)—измѣняю, ..., запрещаю, обличаю, язвлю, порицаю, зарицаю.
Фуканье—зри ганба.
Фундаментъ—фамеліонъ, основаніе, вина, начало.
Фундаментъ закладаю—основаніе полагаю.
Фундуючій—основатель, здатель.
Фунтъ—мнасъ.
Фьгура—образъ.
Фьстула—воскъликовеніе.
Фьяра—сопль, сопѣль.

X.

Хапаю—емлю, похищаю.
Характеръ—обвѣшеніе, узоншеніе.
Хатки убоихъ—халуги, купци.
Хваленье—славословіе.
Хвалити—угодити.

Хвалю—славлю, составляю, благословляю, блажу, благочествую, величаю.
Хватаю—зри хапаю.
Хворостъ—рождіе, хврастіе, ...
Хвостъ—опашь, ошибъ, хоботь.

- Хвѣтлюся*—влаюся, зиблюся.
Хвѣтляге—влаанье, мааніе.
Хелпливость—любочестіе, мудрованіе, киченіе, шатаніе, величаніе.
Хелпливый—любочестенть.
Хелплюся—любопочитаюся, кичуся, величаюся.
Хендогый—добрый, юношеский, лѣпый, красный.
Хендого—сочинѣ, юношески.
Хиба—точію, кромѣ.
Хибляю—погрѣшаю.
Хитляность—лицемѣрство, лицемѣріе, оцламство, лицепріятіе.
Хитляный—велерѣчивъ, бусловный, любопитный, лицемѣръ, лукавый, блядивъ.
Хитрость—сообщеніе, извитіе, лукавство, коварство, ухищреніе, ученіе, кознь.
Хитрый—коварный, лукавый, ухищренный.
Хитрая зрада—кознь.
Хитпанье—восклиеновепіе.
Хипаю—плакаю, плачуся, съ воздыханіемъ восклицаю.
Хлопецъ—дѣтищъ.
Хлюпъ—поселянинъ, селянинъ, селникъ.
Хлюба—зри хелпливость.
Хлюблюся—зри хелплюся.
Хмара—сумракъ темень, при-
 мракъ темень, облакъ.
Хмаритъся—дряселуетъ.
- Хованье*—сокровище, кровь.
Ховаю—храню.
Ховзкый—ползокъ, ползкый.
Хоженье—хожденіе, шестріе.
Хожу—хожду, шествую.
Хороба—недугъ, язва, болѣзнь, страданіе, недугованіе, вредъ, немощь.
Хороба домая—многовременно страданіе.
Хороба неумлчонная—вредъ неудобъ лѣкуемъ.
Хорованіе—зри хороба.
Хороше—лѣпо, хупаво.
Хороший—зри красный.
Хорошость—зри красота.
Хорувовъ—знаменіе.
Хоружый—знаменоносный, знаменоносець.
Хорую—недугую, немоществую, болѣзную,....
Хорый—недужный, немощный.
Хоть—хотѣй, хочажъ, аще же или и убо, убо, поне.
Хоть—изволеніе, хотеніе, жажель (sic).
Хочу—хочу, волю, желаю.
Храпъ на кого—васнь.
Хребетъ—задняя, плечи, междорамія.
Хромый—клосенъ, клосый, вредный, маломощный, клоснецъ.
Хроненься—говѣніе.
Хророватый—трудный, сухъ, притруденъ.

Хтивость—желаніе, вожделѣніе, похоть.

Хтивость маю—вожделѣваю, желаю, похотствую.

Хустка—сударь, убрусецъ, гла-
вотяжъ.

Хутливый—тщаливый.

Ц.

Цапа—ящеръ.

Царигородъ—цариградъ, Константинополь, Византія.

Цвѣтникъ—рай.

Цвѣченіе—обученіе, устроеніе, навикновеніе, благоискуство, вѣжество, наказаніе, глумленіе, поощреніе, ученіе, вѣжа.

Цвѣчу—наказую, вразумляю, обучаю.

Цвѣчуся—навицаю, поучаюся, глумлюся.

Цеберъ—водонось, ровъ.

Цегелникъ—плинѣникъ.

Цегла—плиноа, кирпичъ.

Цедула—свитокъ.

Цемникъ—мытаръ, митоимецъ.

Цель—памѣреніе, благоизволеніе, благоволеніе, предложеніе, предсявзятъе.

Церковный—соборный, еклесіархъ.

Церковь—святыня, святылице.

Цесарство—владычество, иге-
монія, самодержство, могут-
ство, держава.

Цесарь—кесарь.

Цетнаръ—талантъ.

Цегъ—содружество.

Ци—еда, едали, убо, тѣмже.

Цибуля—червленый лукъ.

Цибуля ческая—лукъ.

Цимбали—бряцало, кимваль
доброгласецъ.

Цинамонъ—кинамонъ, корица,
каситиръ.

Ципарисъ—випарисъ.

Цистерна—источникъ, кладязь,
кладенець, сусѣкъ.

Цитра—гуслъ, бряцало.

Цитриста—гудецъ.

Цишка—сосецъ.

Цишки—сосци, перси.

Цнота—добродѣтель, благодсть,
святба, сила.

Цнотливый—добродѣтельный.

Цорка—дщерь, дщи.

Цудность—зри красота.

Цудный—зри красный.

Църмъ—сапоги.

Църмаръ—швецъ, сапогошвецъ.

Цълованье—лобзаніе.

Цълую—лобзаю, лобжу.

Цъмый—цѣль, всесовершенъ.

Цъха—знаменіе.

Цъхую—знаменую.

Цякавость—оплатнство.

Цякавый—велерѣчивъ, любо-
пытный, бѣзсловъ.

Ч.

Чарованіе—обава, обавленіе.

Чаровникъ—балий, волхвъ, волшебникъ, чародѣй, обаватель, обаянникъ.

Чаровница—балия.

Чары—волшба, волшебба.

Чары на шии ношеніе—узлоношеніе, узношеніе.

Чарамі труючій—чароотравникъ.

Часть—время.

Часть—грань, часть.

Часть певный або намъреный—крестъ, нарокъ.

Чата—наскокъ.

Чаша—келикъ, кратаръ, стекляница, чаша.

Чашникъ—черпчій, черпающій.

Чертка—коробка, спудъ.

Чекаю—чаю, ожидаю, терплю, подежду, предвараю, варяю, предпостизаю.

Челюсти—скранія, ланити.

Чему—воскую, почто.

Чепецъ—вънецъ.

Червецъ—червоность, чермность.

Червоная нитка—конура.

Червоность—обращеніе, чермность.

Червоный—чермный.

Червоный з сорому—срамляюсь, рдѣюсь.

Червъ—тля.

Черна—чреда.

Черевикъ—синдалій, плесница, сапогъ, обуца.

Черво—чрево, утроба.

Череда—чреда.

Черезъ—замимо, презъ, чрезъ.

Черезъ него—нимъ.

Черезъ тебе—тобою.

Черезъ мене—мною.

Черезъ нихъ—ними.

Черезъ весь животъ—чрезъ все житіе, по всему житію.

Черезъ волю божію—волею божіею.

Черенный зубъ—членовный.

Черепача—желвь.

Чернецтво—иночество.

Чернецъ—мнихъ, инокъ, монахъ, калугеръ, еллинецъ (sic).

Черница—монахиня, мнишица, инокиня.

Чернуха—кокулица.

Черпаю—черплю, черпаю.

Черствый—бодрый, юношескій.

Чеснокъ льсный—лукъ.

Честный—говѣнный.

Честую гостю—страннопріимаю, угощаю, страннововожу.

Честъ—пиръ, учрежденіе.

Чести праменьє—любочестіе.

Чиниъ—дань.

Чиню—творю, сотворяю, соделаю.

Чирствый—зри черствый.

Чирство—юношески.

Чисто—право, цѣломудрно.

Чистость—чистота, честность, цѣломудріе, ясность, свѣтъ.

Чистый—благоговѣнный, цѣло-

мудрый, цѣломудрный, цѣлый.
Члонокъ—удъ, составъ, степень.
Члонокъ остидливый—срамный
 удъ, дѣтородный удъ.
Чложки—члены.
Чоботарь—швецъ, сапожникъ.
Чоботъ—сапалый, сапогъ,
 плесница, обуца.
Човенъ—корабець.
Чого—чесого.
Чоло—чело.
Чоловѣкъ—чловѣкъ.
Чорнокнижникъ—волшебникъ,
 волхвъ, чародѣй.
Чортъ—дѣвольт, сатана, кудес-
 никъ, кудесъ, прелестникъ.
Чрезъ—презь, мимо.
Чудный—чудовный, нечасмый,
 неначаемый, чудесный.

Чужоземець—иноплеменникъ,
 иноязычникъ, иноземець, стра-
 ненъ, иноколѣнникъ.
Чужоземка—иноколѣнница.
Чужоложу—любодѣйствую, пре-
 любодѣйствую, прелюбыдѣю.
Чужолозство—блудъ, любодѣя-
 ніе, прелюбодѣяніе, прелюбо-
 дѣйство.
Чужый—туждъ, туждый.
Чуйность—трезвеніе, бодрость,
 ..., радѣніе.
Чуйный—бодрый.
Чуприна—власы.
Чутье—бденіе, бодрость.
Чую—бодрствую, трезвлюся.
Чуючий—бодрый, тцаливъ.
Ченъе (sic)—говѣніе.
Ччу (sic)—говѣю, блажу.

III.

Шабалтасъ—чпагъ.
Шаламая—цѣвница.
Шалене—неистово.
Шаленство—неистовство, бѣ-
 снованіе, неразуміе, изумле-
 ніе.
Шаленый—неистовъ, несмыс-
 лень, тяжкосердый, нечестивъ.
Шаленъе—неистовство.
Шалтю—неистовляюся, бѣсну-
 юся.
Шаля—мѣри, превѣса.
Шаную—говѣю.
Шарлатъ—багоръ, баграница.
Шарпаніе—хищеніе, рѣтба, рѣ-
 ніе, рѣяеніе.

Шарпанна—хищеніе.
Шарпачъ—хищникъ.
Шарпакъ—похищакъ, рѣю, тер-
 заю.
Шата—одежда, риза.
Шата домая—утвореніе.
Шатанъ—сатана, дѣвольт.
Шатеръ—сѣнь, скняія, станъ.
Шафарство—строеніе.
Шафарь—домостроитель, строи-
 тель, скупникъ.
Шафранъ—крокъсѣ.
Шахи—шахматы.
Швецъ—усмошвецъ.
Шедивость—сѣдина.
Шелюгъ—пѣнязь.

Шелранье — ропоть, роптаніе, хухнаніе; шатаніе, сренство.
Шемру — ропцу, хухнаю.
Шемручій — ропотливъ.
Шепетливый — косногласный, козноязычный, медленозычный.
Шестинеделя — роженица.
Шибала — презоръ.
Шибеничники — палачныи.
Шидаръ — ругатель, кощунникъ.
Шидерство — руганіе, огавіе, огавство, кощунство.
Шиджу — ругаюся.
Шинкаръ — винарекъ.
Ширмерство — борба, страданіе, подвигъ, подвизаніе.
Ширмю — подвизаюся, восподвизаюся.
Ширмъръ — подвижникъ, страдалецъ, тризникъ.
Широкость — пучина, широта.
Широкость мѣсяца — растояніе.
Широце — пространно, отрадно.
Шишакъ — шлемъ.
Шия — тиль, выя.
Шкана — робленая, подяремникъ.
Шкараднѣй — шкарадъ, студный, срамный, сквернавый.
Шкарадная мова — срамословіе, блядъ.
Шкода — тцета, вредъ, лукавство.
Шкоду подеимую — общетѣваюся.
Шкоду чиню — отщещая (sic).
Шкодливый — тяжекъ, лукавень,

вредный, пакостный, тяжкосердный.
Шкодную — тцету приемлю, подемлю.
Шкожу — вреждаю, пакощу, обижду, повреждаю, неправдую.
Шкоца — вредитель, пакостникъ, подстрѣкатель, губитель.
Шкодъ — вреди.
Шлюбъ — обѣтъ, обѣщаніе.
Шляхетность — честность, чещность.
Шляхетный — доблѣй, древний, ветхый.
Шмата — рубъ.
Шматца — рубище.
Шнуръ теселскѣй — правило.
Шона — сѣнь, скинїя, станъ.
Шпетность — безобразіе.
Шпетный — злообразный, шкаредъ, шкаредный.
Шпетная мова — срамословіе, блядъ.
Шпечу — посмраждаю.
Шпикльръ — житница, хранилице, хранилница.
Шпиранье — пареніе.
Шпираю — пару.
Шпирають о мнѣ — истязуюсь.
Шпиталь — болница.
Шпѣгованье — согляданіе.
Шпѣгую — соглядаю.
Шпѣгуютъ мя — истязуюсь.
Шпѣгъ — исходникъ, соглядатай, прелэгатай, сходникъ, позоритель.
Што — что.

Штортиста—пресудникъ.
Штортъ—пресудница.
Штука—извитіе, хитрость, коварство, ученіе.
Штука лотровская—скверनावый, скверный.
Штучный—коварный.
Шуба—утвореніе, милоть.
Шубравецъ—рубищеносецъ.

Шуканіе—возисканіе.
Шукаю—ищу, возищу, возискаю.
Шуля—шуя, шуйца.
Шумленье—шатаніе.
Шумлю—шатаюсь.
Шумъ—звукъ, цукъ.
Шутство—смѣхотворство.
Шутъ—рубыщникъ, смѣхотворца.

Щ.

Щаденье—щаженіе, попеченіе.
Щасливый—блаженный, благополучный, десный, благоденственъ.
Щасливство—блаженство.
Щаститъ ми ся—благоденствую, благополучаю, гобзую, изобилую.
Щастье—блаженство, благоденствіе, благополучіе, полученіе, случай.
Щастя кому причиняю—блажу.
Щебетливость—блѣдословіе.
Щебля в трапезъ—щегнуша.
Щеканье—лаяніе.
Щекаръ—лаятель.
Щекаю—лаю.
Щенаю—исцѣпѣваю.
Щире—истиннѣ, вѣрнѣ, незлобивѣ, прискрно.

Щирость—незлобіе, независть, цѣлость, независтное.
Щирый—незлобивый, независтный, неумитный, простой, нелестный, прискрный, невѣжда, цѣлый, цѣль, правый.
Щодробливость—благостиня, милосердіе, щедрота.
Щодробливость противу юстей—страннолюбіе, щедрота.
Щодробливый—страннолюбивъ, страннопріятенъ, благій, милостивъ, щедрый, щедръ.
Щока—крань.
Що на то—прочее, опотомъ.
Щось—нѣчто.
Щуплый—тенкій.
Щълина—скважина.
Щъпиль—отирати свѣчки, оцѣщало.

Ю.

Южъ—болше, таче, доселѣ.
Южъ к тому—паче до селѣ.
Южъ не—не к тому.

Юргельтъ—урокъ.
Юрность—разверѣпѣніе, нечистота.
Юхтовый—кожаный, усмѣнъ.

Я.

Ябедникъ—клеветникъ.

Ябедництво—важдеііе, пореченіе, клевета.

Ябедницу—клеветцу, важду на кого, порѣкаю, оскаржаю.

Яблоко грановитое—полное зернятъ, шипокъ.

Явие—явѣ, явленно, явственнѣ.

Яворовый—репиненъ.

Яворъ—репина.

Яода винная недозрѣлая—пародокъ.

Яоди—скрани, скранія.

Ядерный—младый.

Ядьеііе—ядъ, яденіе.

Ядъ—отрава, ядъ, идъ.

Яжда—яжденіе.

Язичокъ—зѣлье троскотъ.

Язичокъ у ваги—правило.

Языкъ—народъ.

Язя—балія.

Якая—елика, яковая.

Якійсь—нѣкто, нѣкій, етеръ.

Яко бы—аки бы, аки.

Яковость—качество, количество.

Яковый—каковый.

Якосъ—яковосъ, яско (sic), яково.

Якъ—яско (sic), како, коль, елма.

Якъ болше—болми.

Якъ много—елико.

Яма—ровъ, жупище, ровъ, су-сѣкъ, язвина, разсѣлина.

Ямка—пещера, нирище.

Ярина—зеліе.

Ярмарокъ—торжище.

Ярмо—иго.

Ясиръ—полонъ, плѣнъ.

Яскиня—вертепъ, закровъ, нирище, язвина.

Ясность—свѣтлость, сіяніе, свѣтъ.

Ясность вимовы—обротность языка, благоязичіе, благорѣчіе.

Яства—ядъ, яденіе.

Ястребъ—крагуй.

Ятровка—повинная, ятровъ.

Въ редакціи КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ продаются:

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи.
В. Б. Антоновича. Т. I. Кіевъ, 1885. Ц. 2 р.

П. И. Житецкій. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в., съ приложеніемъ словаря книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. Часть 1. Кіевъ 1889. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

О. И. Левицкаго. Соціианство въ Польшѣ и Югозап. Руси въ XVI—XVII вѣкахъ, съ пересылк. ц. 60 к.

— Анна-Алоиза, княжна Острожская, съ перес. 45 к.

— Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI в. и уніа, съ перес. 80 к.

— Ганна Монтовтъ, историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ, съ перес. 55 к.

Н. Бѣляшевскій, Монетные клады кіевской губ. К. 1889. Ц. 1 р. 25 коп., съ пересылк. 1 р. 50 коп.

В. П. Науменко. Обзоръ фонетич. особенностей малорусской рѣчи. К. 1889. Ц. 60 коп.

Мотыжинскій Архивъ. Акты переяславскаго полка XVII—XVIII в. Изд. Савицкихъ. Кіевъ. 1890. 8° 223 + XVIII стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

М. Грушевскій. Южнорусскіе господарскіе замки въ пол. XVI в. Кіевъ. 1890. Ц. 25 к.

Я. Шульгинъ. Очеркъ коливщины. К. 1890. 8° 209 стр. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

Въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца могутъ быть приобрѣтаемы:

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 1 1873—1877. Цѣна 2 руб. 2 кн. 2 руб. 25 к. За пересылку прилагается 25 к. Кн. 3, цѣна 1 руб. съ пересылкою 1 руб. 20 коп. Книга 4, цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Труды III-го Археологическаго Сѣзда. 2 тома in 4° и атласъ. Кн. 1878. Цѣна 10 руб. (вмѣсто 25 руб.), съ пересылкою 11 руб.

Съ требованіями обращаться въ Историческое Общество Нестора Лѣтописца въ Университетъ Св. Владиміра или въ ред. „Кіев. Стар.“.
